ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

1915.

(съ приложеніемъ семи таблицъ и съ четырьмя рисунками въ текстѣ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1916.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.
Секретарь *Б. Фармаковскій.*

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Статьи и Замѣтки.

Отзывы о премированныхъ сочиненіяхъ.

СТРАН.

Критика и Библіографія........ 203—231, 413—422

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

а) На русскомъ языкѣ:

б) На восточныхъ языкахъ:

в) На европейскихъ языкахъ:

ТАБЛИЦЫ.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 273: въ 17 стр. св. вмѣсто *ер-сую* слѣдуетъ *јер-сую*.

Къ стр. 308: въ 10 стр. сн. ссылку на рисунокъ слѣдуетъ выбросить.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Засѣданіе 29 января 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, І. А. Кипшидзе, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. С. Раевскій, Я. И. Смирновъ, Н. П. Сычевъ, Й. Г. Троицкій, К. В. Хилинскій.

Гости: С. А. Гамаловъ-Чураевъ, А. П. Лебедянская, П. И. Филатовъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 18 декабря 1914 г.

II.

Доложено о поступленіи отъ авторовъ въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) Н. И. Веселовскій. Военно-историческій очеркъ города Анапы. Пг. 1914.

2) Е. П. Ковалевскій. Русскіе научные интересы въ Палестинѣ. Пг. 1915.

3) Надписи Мармашена (Пам. арм. эпиграф. I). Собралъ І. Орбели. Пг. 1914.

III.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ Н. С. Джанашіи: «Религіозныя вѣрованія абхазовъ».

Докладъ основанъ на матеріалахъ, собранныхъ Н. С. Джанашіею лѣтъ 16—17 тому назадъ и провѣренныхъ или восполненныхъ имъ же лѣтомъ 1914 г. въ коммиссіи изъ абхазовъ въ сел. Адзюбжѣ. Матеріалы ограничиваются почти исключительно райономъ средней Абхазіи, именно той ея части, которая называется «Абжува». Послѣ введенія объ абхазскомъ названіи бога, носящемъ форму мн. числа, и общей характеристики абхазскаго пантеона, докладъ представилъ собою перечень языческихъ абхазскихъ боговъ, ихъ культа (особенно жертвоприношеній и моленій) и связанныхъ съ нимъ обычаевъ и вѣрованій. Въ такомъ видѣ были даны свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ боговъ, именно богѣ обновленія природы, размноженія и особенно скотоводства («Айт̆аръ»), богѣ козъ и овецъ («Ажабранъ»), богѣ коровъ («Ӡквабранъ»), о святынѣ или богѣ дворянъ Допуа («Допу-ныха») съ подробнымъ описаніемъ моленія богу Айт̆ару («Хважвыкырȁ») и вмѣстѣ съ тѣмъ седьмицѣ божествъ. Языческіе обряды, группирующіеся около Свѣтлаго Воскресенія (у абхазовъ «Амшаӥъ») были описаны особо. Много времени было удѣлено культу Илорской святыни. Послѣдняя же часть была посвящена мелкимъ абхазскимъ божествамъ, какъ то злымъ духамъ «авыст̆аа» (ȁɣ̆əsϑaȁ), богинѣ пчелъ («Анана-гунда»), богу горъ («ашха инцвахвъ»), богу лѣса («абна инцвахвъ»), богу радуги («ацвак̆ва) и богамъ болѣзней.

Н. Я. Марръ предпослалъ докладу Н. С. Джанашіи нѣсколько соображеній и фактическихъ указаній о сродствѣ абхазскихъ языческихъ вѣрованій съ таковыми ихъ сосѣдей, вообще о томъ, что съ одной стороны намѣчаются пути для выясненія религіозныхъ вѣрованій яѳетическихъ народовъ, и докладъ Н. С. Джанашіи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія по тщательности собиранія матеріала, и что, съ другой стороны, со значеніемъ яѳетическихъ народовъ, объединяемыхъ не только языкомъ, но и религіозными вѣрованіями, прежде же всего съ доказанными въ яѳетидологической области научными положеніями слѣдовало бы считаться всѣмъ тѣмъ, кто берется разрѣшать культурно-историческіе вопросы о Малой Азіи, Арменіи и Грузіи и населеніи этихъ странъ въ древнѣйшія эпохи исторіи человѣчества [1].

---

[1] Докладъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Востокѣ», томъ IV, стр. 72—140.

IV.

Въ обсужденіи прослушаннаго доклада приняли участіе Н. И. Веселовскій, кн. И. А. Джаваховъ и И. Г. Троицкій.

V.

I. А. Орбели прочиталъ сообщеніе: «Рельефы па армянскихъ крестныхъ камняхъ XII—XIII вв.»[1].

VI.

Въ обсужденіи прочитаннаго сообщенія приняли участіе Н. Я. Марръ, кн. И. А. Джаваховъ, Я. И. Смирновъ и Н. П. Сычевъ.

Засѣданіе 26 февраля 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники В. В. Бартольдъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, I. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія I. А. Орбели, А. С. Раевскій, В. Д. Смирновъ, И. Г. Троицкій.

Гости: С. А. Гамаловъ-Чураевъ, докт. Кефели, В. Ф. Минорскій, П. А. Фалевъ, С. М. Шапшалъ, кап. Черкесъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 29 января 1915 г.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) В. В. Бартольдъ. Задачи русскаго востоковѣдѣнія въ Туркестанѣ (Отт. изъ Отчета Импер. Академіи Наукъ за 1914 г.).

2) В. В. Бартольдъ, Турція, исламъ и христіанство (Отт. изъ Ежемѣсячнаго Журнала за 1914 г.).

3) Протоколы засѣданій Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи за 1914 г., № III.

---

[1] Напечатано въ Зап. Вост. Отд., т. XXII, стр. 327—335.

III.

С. М. Шапшалъ прочелъ сообщеніе: «Сказка на языкѣ крымскихъ евреевъ (крымчаковъ), записанная въ г. Карасубазарѣ лѣтомъ 1911 г.».

Докладчикъ, сообщивъ предварительно краткія этнографическія свѣдѣнія о крымскихъ евреяхъ, проживающихъ въ Карасубазарѣ, Ѳеодосіи, Керчи, Симферополѣ и Евпаторіи, затѣмъ перешелъ къ записанной имъ изъ устъ извѣстной сказительницы еврейки Сӯманай сказкѣ «*Падшаныи кызыныи масалы*».

Докладчикъ указалъ на то, что въ еврейскихъ сказкахъ вообще не встрѣчается героевъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, какъ у другихъ народовъ. Герой еврейскій не поражаетъ врага мечомъ, не проявляетъ обычной въ сказкахъ другихъ народовъ отваги и храбрости, а побѣждаетъ противника проявленіемъ чуда или же силою словъ, мудростью, вступая съ нимъ, такъ сказать, въ диспутъ. Герой еврейской сказки — раввинъ, ученый мудрецъ или святой человѣкъ; его оружіе не мечъ, не копье, а библія. Его врагъ — человѣкъ другой вѣры.

Таковъ приблизительно сюжетъ и настоящей сказки о «царской дочери».

Запись докладчика — первый опытъ записи сказки непосредственно изъ устъ крымскихъ евреевъ. Въ смыслѣ лингвистическомъ приведенная сказка въ подлинникѣ представляетъ большой интересъ. Записанный академической транскрипціей текстъ сказки показываетъ, что турецкій языкъ евреевъ-крымчаковъ, въ связи съ необычными звуковыми явленіями, своеобразными грамматическими формами и лексическимъ составомъ (встрѣчаются слова древне-еврейскія), долженъ разсматриваться какъ отдѣльный говоръ и притомъ рѣзко отличающійся отъ такового не только остальныхъ жителей того-же Карасубазара, но и татарскаго и караимскаго населенія прочихъ мѣстностей Крыма.

Съ цѣлью провѣрки этого наблюденія докладчикъ прочелъ той-же еврейкѣ-сказительницѣ небольшую сказку Däwä изъ VII ч. «Образцовъ народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ» (стр. 151—152), собранныхъ акад. В. В. Радловымъ, и затѣмъ записалъ тотъ-же текстъ по выговору упомянутой еврейки. Произведя затѣмъ дополнительное изслѣдованіе на полученныхъ такимъ образомъ параллельныхъ текстахъ говоровъ мѣстныхъ карасубазарскихъ татаръ и евреевъ, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что крымчаки не говорятъ на «чистѣйшемъ городскомъ діалектѣ Карасубазара» (какъ указывается въ предисл. къ VII ч. «Образцовъ», стр. XVI); означенное недоразумѣніе докладчикъ объясняетъ тѣмъ, что въ

VII т. «Образцовъ» не вошли тексты, непосредственно записанные отъ евреевъ-крымчаковъ.

IV.

Въ обсужденіи прослушаннаго доклада приняли участіе И. Г. Троицкій, Н. Я. Марръ, В. В. Бартольдъ, В. Д. Смирновъ, В. Ф. Минорскій, И. Ю. Марконъ и П. А. Фалевъ.

V.

П. А. Фалевъ прочиталъ докладъ: «Записи произведеній народной словесности у ногайцевъ Ставропольской губ. въ связи съ ранѣе опубликованнымъ матеріаломъ».

Докладчикъ далъ свѣдѣнія о наиболѣе распространенныхъ среди ногайцевъ произведеніяхъ народнаго творчества. Послѣднему нанесенъ жестокій ударъ проникновеніемъ къ ногайцамъ извѣстнаго сборника ногайско-кумыкскихъ текстовъ Мухаммеда Османова. Этотъ сборникъ пользуется среди нихъ популярностью. Напечатанныя тамъ сказанія и пѣсни выучиваются наизусть, и закрѣпленный такимъ образомъ текстъ народнаго произведенія не развивается дальше. Все-же иногда можно слышать преданія и пѣсни, отличныя отъ помѣщенныхъ у М. Османова. Наиболѣе старымъ произведеніемъ ногайскаго эпоса является преданіе объ Идиге. Докладчикъ записалъ варіантъ разсказа объ отцѣ Идиге и его дѣтствѣ, схожій съ разсказомъ, помѣщеннымъ въ VII т. «Образцовъ народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ» В. В. Радлова (стр. 99 и дал.). Но записанный докладчикомъ варіантъ представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ новый примѣръ народнаго объясненія имени Идиге. Монгольское имя Идику, передѣланное потомъ въ Идиге (или Итиге, смотря по нарѣчію) было непонятно для тюрковъ. На этой почвѣ возникли разныя толкованія этого имени. По объясненію сказанія, записаннаго В. В. Радловымъ въ Крыму, Идиге названъ такъ потому, что младенцемъ былъ оставленъ отцомъ на дорогѣ въ ӓдік'ѣ — колодѣ (см. VII т. «Образцовъ» В. В. Радлова, стр. 104 и переводъ). По сибирскимъ преданіямъ, покинутаго Идиге нашелъ какой-то старикъ и принесъ домой въ голенищѣ сапога (ітік — IV т. «Образцовъ», стр. 28). По разсказу, записанному докладчикомъ, младенца Идиге (или Итиге), покинутаго матерью, дали кормить собакѣ (по-ногайски «собакѣ» будетъ: итьке), отъ чего и пошло его имя. Такой способъ объясненія непонятныхъ именъ съ окончаніемъ -ке, -ҕа распространенъ у ногайцевъ. Въ Ставропольской губ. есть селеніе Джалга или, по произношенію нѣкоторыхъ туземцевъ, Джолга. Послѣдніе и объясняютъ названіе, какъ дат.

пад. отъ ҷол (Джолга=ҷолҕа—на дорогу). Кромѣ преданій объ Эдигеѣ среди ногайцевъ ходятъ подробныя сказанія о мирзѣ Мамаѣ, о Чора-батырѣ, объ Адиль-Султанѣ, состоящія, какъ и преданіе объ Эдигеѣ, изъ перемежающихся стиховъ и прозы. Помѣщенное у М. Османова преданіе объ Эрю Амедѣ докладчику не встрѣчалось среди современныхъ ногайцевъ. Въ противоположность названнымъ преданіямъ, соединеннымъ въ цѣлыя сказанія, преданія объ Эръ-Досъ-Мамбетѣ и Мўсäўкä-батырѣ существуютъ отдѣльно. Среди ногайскихъ богатырей есть носящій имя Копланды. Преданія о немъ не имѣютъ характерныхъ для ногайскаго эпоса пѣсенъ, а излагаются цѣликомъ прозой и подходятъ больше къ типу богатырскихъ сказокъ. Ногайская сказка объ Ак-Кöбöк'ѣ-Кара-Кöбöк'ѣ не имѣетъ ничего общаго съ преданіями объ Ак-Кöбöк'ѣ у сибирскихъ татаръ въ I и IV т. «Образцовъ» В. В. Радлова. По представленіямъ ногайцевъ, Ак-Кöбöк-Кара-Кöбöк — чудовищная собака наполовину бѣлая, наполовину черная. Народъ въ ужасѣ бѣжитъ при ея появленіи. Ее убиваетъ одинъ молодецъ, наученный своимъ 60-лѣтнимъ отцомъ. Въ благодарность за это Ханъ той страны отмѣняетъ свой приказъ убивать стариковъ, достигшихъ 60 лѣтъ. Если разсказамъ о Копланды и Ак-Кöбöк'ѣ чужды пріемы эпоса, то, такъ называемыя, «казацкія пѣсни» (казак ҷырлары) вполнѣ походятъ по своей формѣ къ пѣснямъ объ Идиге и др. богатыряхъ. Но ихъ нельзя отнести къ эпосу, такъ какъ въ нихъ поется вообще о «казакахъ», и онѣ не имѣютъ личнаго героя. Казакомъ у ногайцевъ называется человѣкъ, уходящій со своей родины на заработки. Далѣе докладчикъ коснулся еще вопроса о названіяхъ ногайскихъ родовыхъ дѣленій, ауловъ и о личныхъ именахъ. Обращаетъ на себя вниманіе названіе Коркутъ въ примѣненіи къ одному аулу. Аулъ названъ такъ по-имени давно жившаго въ немъ старика Коркута. Попутно докладчикъ указалъ на киргизскую легенду о шаманѣ Хархутѣ, упоминаніе о которой есть въ соч. Ч. Г. Валиханова (стр. 29). Слова Ч. Г. Валиханова о легендѣ, повидимому, не договорены, но, судя по контексту, можно думать, что въ киргизской легендѣ мы имѣемъ разсказъ, схожій съ преданіемъ о Дели-Домрулѣ. Въ заключеніи докладчикъ указалъ на нѣкоторыя особенности языка ставропольскихъ ногайцевъ. Весьма часто встрѣчается замѣна *л* черезъ *l*, особенно въ положеніи между двумя гласными: баilамак, таilак, оilамак, јапаlак и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на мѣстѣ коренного *l* — фонетическій нуль: ўкöн-ўlкöн. Послѣднее явленіе встрѣчается и въ крымскихъ говорахъ. Замѣчается тенденція къ обращенію *б* между гласными въ *w*: каwар-кабар (вѣсть), таwуп отъ тапмак (находить). Слово «зат» въ значеніи ші (вещь, нѣчто) указываетъ на азербейджанское вліяніе.

VI.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе В. В. Бартольдъ, А. Е. Любимовъ, В. Ф. Минорскій, Н. Я. Марръ и В. Д. Смирновъ.

Засѣданіе 12 марта 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, К. Г. Залеманъ, А. И. Ивановъ, І. А. Кипшидзе, В. Л. Котвичъ, И. Ю. Крачковскій, А. Е. Любимовъ, А. К. Марковъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. Д. Рудневъ, Я. И. Смирновъ, Ѳ. И. Щербатской.

Гости: Б. Б. Барадійнъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, П. А. Фалевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 26 февраля 1915 г.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества отъ авторовъ слѣдующихъ изданій:

1) Р. Фасмеръ, Куфическія монеты Переяславскаго клада. Пг. 1914.

2) А. Д. Рудневъ, Царевна-безручка (Бурятская сказка). Отд. отт. изъ Жив. Стар., ч. XXI, 1914.

III.

На основаніи § 33 Устава произведены выборы Представителя отъ Отдѣленія въ Совѣтѣ Общества, въ виду истеченія срока полномочія В. В. Бартольда.

Подано 14 записокъ. Избранъ 12 голосами Н. Я. Марръ.

IV.

В. В. Бартольдъ прочиталъ докладъ: «Улугъ-бекъ и Ходжа Ахраръ».

По замѣчанію докладчика, личность и царствованіе строителя знаменитой обсерваторіи близъ Самарканда, остатки которой были открыты

въ 1908 г., до сихъ поръ не были предметомъ монографіи историка-оріенталиста. Изъ европейскихъ ученыхъ объ Улугъ-бекѣ писали преимущественно астрономы, для которыхъ авторъ астрономическихъ таблицъ, естественно, заслонялъ собою правителя и историческаго дѣятеля; даже астрономы-оріенталисты видѣли въ Улугъ-бекѣ только ученаго на престолѣ и, вопреки дѣйствительности, совершенно отрицали въ немъ политическое честолюбіе. Докладчикъ ознакомилъ слушателей съ главными выводами монографіи объ Улугъ-бекѣ, приготовляемой имъ къ печати въ изданіяхъ Академіи Наукъ. По мнѣнію докладчика, XV в. былъ для Средней Азіи временемъ борьбы двухъ міросозерцаній; представителемъ одного былъ внукъ Тимура Улугъ-бекъ, сорокъ лѣтъ правившій въ бывшей столицѣ Тимура, Самаркандѣ; представителемъ другого — его младшій современникъ, дервишъ изъ ордена накшбендіевъ, ходжа Ахраръ, черезъ два года послѣ смерти Улугъ-бека воспользовавшійся своимъ религіознымъ авторитетомъ для захвата политической власти и, тоже въ теченіе сорока лѣтъ, правившій страной черезъ подставныхъ лицъ изъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ потомковъ Тимура. Улугъ-бекъ, подобно своему дѣду, въ противоположность своему отцу Шахруху, стороннику шарі'ата и дервишей, правившему въ Гератѣ, соединялъ вѣрность монгольскимъ традиціямъ въ военномъ дѣлѣ съ усвоеніемъ главныхъ чертъ персидской культуры, особенно персидскаго строительнаго искусства и точныхъ наукъ, достигшихъ въ Персіи высокаго процвѣтанія въ эпоху монгольскаго владычества. Враждебный Улугъ-беку дервишизмъ имѣлъ въ исторіи Средней Азіи иное значеніе, чѣмъ въ исторіи нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ странъ. Въ Персіи и Малой Азіи дервишизмъ (или суфизмъ) считался символомъ двоевѣрія и вольнодумства, тогда какъ представители книжнаго богословія стояли за правовѣріе и шарі'атъ; въ Средней Азіи дервиши, отстаивая интересы народныхъ массъ, въ то же время вели борьбу за шарі'атъ съ правительствомъ и богатыми классами и обличали въ нарушеніи предписаній вѣры не только государей и вельможъ, но и представителей книжнаго богословія, во главѣ которыхъ стояли самаркандскіе шейх-ал-исламы, потомки автора «Хидаи». Побѣда дервишей была побѣдой варварства надъ городской культурой; ходжу Ахрара называли въ Самаркандѣ «деревенскимъ» шейхомъ, его сторонники были врагами всякаго книжнаго образованія, въ томъ числѣ и богословской науки, средоточіемъ которой было въ Самаркандѣ медресе Улугъ-бека. Ходжѣ Ахрару не удалось, однако, уничтожить всѣ слѣды дѣятельности Улугъ-бека. Если насаждавшіяся Улугъ-бекомъ точныя науки не нашли для себя въ Средней Азіи благопріятной почвы, то построенныя имъ въ Бухарѣ и Самаркандѣ медресе сохранились до сихъ поръ и являются древнѣйшими изъ

существующихъ въ Туркестанѣ учебныхъ заведеній, тогда какъ обители (ханаки) дервишей въ слѣдующія столѣтія постепенно теряли свое значеніе и теперь большей частью являются простыми мечетями. Заслуги мусульманскаго богословія въ дѣлѣ борьбы съ варварскимъ и нетерпимымъ средне-азіатскимъ дервишизмомъ, по мнѣнію докладчика, еще не оцѣнены по достоинству.

V.

По поводу прочитаннаго доклада нѣкоторыя соображенія были высказаны Н. И. Веселовскимъ и Н. Я. Марромъ.

VI.

А. И. Ивановъ прочиталъ докладъ: «Тангутское письмо».

VII.

По поводу прочитаннаго сообщенія В. М. Алексѣевъ задалъ докладчику нѣсколько вопросовъ, вызвавшихъ дополненія къ докладу.

Засѣданіе 16 апрѣля 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, Р. Р. Бекеръ, кн. И. А. Джаваховъ, А. И. Ивановъ, І. А. Кипшидзе, П. К. Коковцовъ, И. Ю. Крачковскій, Х. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, А. А. Миллеръ, Н. Л. Окуневъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, М. А. Поліевктовъ, А. С. Раевскій, М. И. Ростовцевъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, Б. А. Тураевъ, Ѳ. И. Успенскій, Б. В. Фармаковскій, К. В. Хилинскій, С. М. Шапшалъ.

Гости: кн. З. Д. Аваловъ, Н. Г. Бунятовъ, С. А. Гамаловъ-Чураевъ, В. Ф. Минорскій, Р. Н. Поліевктова, П. А. Фалевъ.

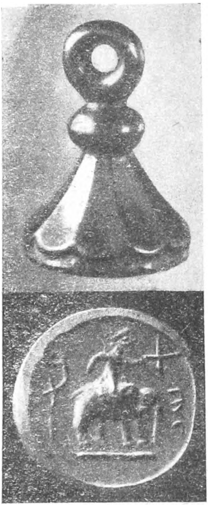
I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 12 марта 1915 г.

II.

Доложено о выходѣ въ свѣтъ 3—4 вып. XXII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

III.

Увелич. 2:1.

А. Д. Рудневъ предложилъ для осмотра найденную близъ Ташкента золотую печатку съ изображеніемъ слона и всадника и съ пехлевійской надписью, и сургучный оттискъ найденной на Военно-Осетинской дорогѣ печати съ арабской надписью.

[По сообщенію Н. Н. Шнитникова, любезно предоставившаго печатку для снятія оттиска и помѣщенной тутъ фотографіи, печатка была найдена его племянникомъ, А. Шнитниковымъ, лѣтъ 5 тому назадъ, въ мѣстности Капланъ-бекъ, верстахъ въ 17 отъ Ташкента, въ отброшенной при расчисткѣ арыка землѣ.

Печатка (шир. 16 мм., выш. 24,5 мм.) сдѣлана изъ золота высокой пробы (около 90). Надпись, повидимому искаженная, не читается. *Ред.*].

IV.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества отъ авторовъ слѣдующихъ трудовъ:

В. В. Бартольда: Къ вопросу о франко-мусульманскихъ отношеніяхъ, (ХВ. III).

И. Ю. Крачковскаго: 1) «Благодатный огонь» по разсказу ал-Бируни и другихъ мусульманскихъ писателей X—XIII вв. (ХВ. III);

2) О. Анастасъ, кармелитъ (некрологъ, ХВ. III).

3) Рецензія на книгу: А. Э. Шмидтъ. 'Абд-ал-Ваххâб-аш-Шаʿрâнӣй и его Книга разсыпанныхъ жемчужинъ (Ж. М. Н. Пр., 1915).

И. Ю. Маркона: Ueber das Maḥsor nach Ritus Kaffa. St. Pet. 1909.

V.

Н. Я. Марръ прочиталъ докладъ: «Лѣтняя поѣздка къ Кавказскимъ горцамъ (лезгинамъ, чеченамъ и сванамъ) и XIII-ая археологическая кампанія въ Ани»[1].

VI.

Въ связи съ прослушаннымъ докладомъ нѣсколько вопросовъ докладчику предложили М. И. Ростовцевъ и Ѳ. И. Успенскій.

VII.

И. Ю. Марковъ прочиталъ докладъ: «Давидъ Лехно и его хроника исторіи Крыма *Дебаръ Сефатаімъ*».

Хроника крымскаго ханства Давида Лехно, приготовленная докладчикомъ къ печати въ критическомъ изданіи по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ, представляетъ значительный интересъ въ ряду источниковъ по исторіи крымскаго ханства.

Давидъ Лехно излагаетъ исторію крымскаго ханства и отношеній послѣдняго къ Россіи и Турціи за время съ 1681 по 1731 годъ, когда онъ самъ жилъ — на основаніи данныхъ добытыхъ путемъ бесѣдъ съ выдающимися туземными дѣятелями того времени.

Авторъ хроники Давидъ Лехно — послѣдній выдающійся представитель еврейской письменности въ Крыму, стоялъ на высотѣ уровня образованности своего времени, и, вопреки утвержденію А. Фирковича, былъ хорошо знакомъ съ туземной жизнью и культурой, умѣло разбирался въ добытыхъ имъ данныхъ и относился къ нимъ съ должной вдумчивостью.

Въ хроникѣ содержится богатый матеріалъ для исторіи быта и культуры крымскаго ханства, Турціи и, отчасти, Персіи.

Введеніе Лехно къ хроникѣ, содержащее краткую исторію крымскаго ханства съ древнѣйшихъ временъ (верховенство Золотой Орды) до третьяго воцаренія Капланъ-Гирея I, представляетъ интересъ для выясненія взглядовъ, царившихъ въ началѣ XVIII вѣка въ туземныхъ кругахъ на древнѣйшую исторію ханства, взглядовъ, въ которыхъ, по мнѣнію докладчика, отразилась борьба между крымскими знатными родами.

Докладчикъ, указавъ на значеніе хроники Лехно для исторіи крымскаго ханства и русско-крымскихъ отношеній, полагаетъ, что болѣе детальная оцѣнка входитъ въ задачу туркологовъ и изслѣдователей исторіи

---

[1] Первая часть доклада напечатана въ Изв. Имп. Ак. Наукъ, 1916, стр. 1379—1408, подъ заглавіемъ: «Къ исторіи передвиженія яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ Кавказа».

Крыма, для удобства которыхъ онъ и снабжаетъ свое критическое изданіе хроники Лехно переводомъ на русскій языкъ[1].

VIII.

Въ обсужденіи прочитаннаго доклада приняли участіе С. М. Шапшалъ, В. Д. Смирновъ, Я. И. Смирновъ, В. В. Бартольдъ, А. Е. Любимовъ и Н. И. Веселовскій.

IX.

В. Ф. Минорскій сдѣлалъ сообщеніе: «Древности Келяшина»[2].

X.

Нѣсколько замѣчаній по поводу сообщенія В. Ф. Минорскаго были сдѣланы П. К. Коковцовымъ и І. А. Орбели.

Засѣданіе 24 сентября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, В. Н. Бенешевичъ, Б. Я. Владимирцовъ, В. А. Жуковскій, І. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскій, Х. М. Лопаревъ, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, А. С. Раевскій, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, Б. А. Тураевъ, Б. В. Фармаковскій, С. М. Шапшалъ, А. Э. Шмидтъ.

Гость: С. А. Гамаловъ-Чураевъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 16 апрѣля 1915 г.

---

[1] Хроника Д. Лехно будетъ напечатана въ Трудахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

[2] Печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

II.

В. В. Бартольдъ, какъ представитель Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи доставилъ для библіотеки Общества Протоколъ засѣданія Комитета за 1915 г. №№ 1, 2, 3, и отъ себя лично статью: «Къ исторіи персидскаго эпоса» и рецензіи на книги: 1) Азіатская Россія. СПб., 1914 г.; 2) С. В. Жуковскій. Сношенія Россіи съ Бухарой и съ Хивой. Птг. 1915 г.; 3) A. Herrmann: Alte Geographie d. unteren Oxusgebiets. Berlin, 1914 (Отт. изъ Зап. Вост. Отд. т. XXII).

III.

Я. И. Смирновъ сообщилъ о нахожденіи въ имѣніи графини Чернышевой-Безобразовой «Ярополецъ», Волоколамск. у. Московск. губ. значительнаго числа (около 50—60) мраморныхъ турецкихъ надгробій съ датами XII в. гиджры, привезенныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми генуэзскими кн. В. М. Долгорукимъ-Крымскимъ изъ Кафы въ 1771 г. и представилъ фотографію пяти изъ нихъ[1], снятую лѣтомъ текущаго года при поѣздкѣ въ «Ярополецъ» М. И. Ростовцева и Я. И. Смирнова.

IV.

I. А. Кипшидзе прочиталъ докладъ: «Религіозныя вѣрованія мингрельцевъ».

По мнѣнію докладчика, въ религіозномъ міровоззрѣніи мингрельцевъ сохранилось много переживаній языческой эпохи. Доминирующимъ является астральный культъ съ богомъ Мѣсяцемъ во главѣ. На астральный культъ указываютъ вѣра мингрельцевъ въ пророческую книгу подъ названіемъ

---

[1] [Надписи прочитаны по этой фотографіи В. В. Бартольдомъ. Содержаніе надписей приводится въ порядкѣ расположенія камней на снимкѣ (слѣва направо).

I. «Махмудъ челеби, сынъ Мустафа-челеби, по прозвищу Агазадэ». Въ трехъ верхнихъ строкахъ изреченіе изъ Корана (55,27).

II. «Молитва за упокой души умершаго знаменосца сейида Ибрагимъ-Аги».

III. «Она отправилась на тотъ свѣтъ, будучи несчастной; завялъ тотъ нѣжный отпрыскъ, не распустившись, подобно свѣжей розѣ. Молитва за упокой души благородной Фатимы-кадынъ. 1179 г.».

IV. «Моя молитва — милость (отъ Бога). Я приходилъ, меня ... (*неясное слово*); на томъ свѣтѣ я совершаю молитву. Молитва за упокой души умершаго сейида Сайяди, сына сейида Мухаммедъ-эфенди. 1121 г.».

V. «Тотъ свѣтъ очей несчастный Шахидъ-Али, сынъ Мазлумъ-Мухаммеда. О Боже ... (*неясное слово*), это — одинъ изъ твоихъ несчастныхъ рабовъ; такъ какъ я передамъ (Тебѣ) эту птицу-душу, помѣсти ее въ цвѣтникѣ рая; это — одинъ изъ твоихъ соловьевъ. 1128 г.».]

«Эрги», что буквально значитъ *планета, гороскопъ*, и фамилія писавшаго будто бы эту книгу діакона «Мирцхулава», что одного корня съ мингрельскимъ словомъ «мурицхи» или «муруцхи» *звѣзда*.

Что среди свѣтилъ небесныхъ луна пользовалась особеннымъ почетомъ у мингрельцевъ, на это есть превосходное указаніе католическаго миссіонера Ар. Ламберти въ его описаніи Мингреліи-Колхиды. По словамъ Ламберти, мингрельцы больше боялись луны, чѣмъ чего или кого бы то ни было, даже больше Самого Бога. Въ честь луны праздновался понедѣльникъ, называемый по-мингрельски «ту̊ташха» *день луны*, при чемъ предписывался абсолютный покой, вродѣ еврейской субботы. И по сей день понедѣльникъ пользуется у мингрельцевъ особеннымъ почетомъ. На почитаніе луны указываютъ и распространенныя въ Мингреліи ночныя бдѣнія, въ особенности въ ночь на Успеніе и на Ильинъ день, о чемъ свидѣтельствуетъ и Ламберти. По представленію мингрельцевъ, какъ и другихъ родственныхъ съ ними народовъ, луна — мужчина, а солнце — женщина, луна — мужъ, солнце — жена.

Съ астральнымъ культомъ связанъ и культъ кузни у мингрельцевъ въ виду того, что небо съ его свѣтилами по ихъ представленію (вообще по представленію яфетидовъ) сдѣлано изъ желѣза, оно — кованное. Въ Мингреліи былъ распространенъ и культъ деревьевъ. Въ нынѣшнемъ культѣ св. Георгія скрывается языческій культъ луны и деревьевъ.

Рядомъ съ Мѣсяцемъ, главнымъ божествомъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ мингрельцевъ фигурируетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ боговъ и богинь, покровителей разныхъ сторонъ человѣческой жизни. Эти божества слѣдующія: 1) «Нерчи патони» *господинъ Нерчи*, т. е. богъ земли, основанія, фундамента (праздникъ за 25 дней до Великаго поста); 2) «Мирси» или «Нирси», покровитель людей, въ особенности во время путешествій. Кромѣ того «Мирсъ» совмѣстно съ другимъ божествомъ «Борсомъ» являются повелителемъ огня и свѣта (праздникъ «Мирсоба» совершается за 24 дня до Вел. поста, а «Борсоба» — за 17 дней до Вел. поста); 3) За 10 дней до Вел. поста бываетъ праздникъ «Капуноба» въ честь божества «Капуніи»; 4) Въ день заговѣнія Вел. поста чествуется божество «Жини Анта̊ри», т. е. *верхній Анта̊ръ*, покровитель скота; 5) Въ 24-ый день Вел. поста бываетъ праздникъ «Гадзигеба» въ честь божества «Гадзигія», покровителя довольства и обилія въ хозяйствѣ; 6) Въ день Вознесенія Христова совершаютъ жертвоприношеніе божеству «Джгерагуна», покровителю пчеловодства; 7) «Галенишиши Орта̊», т. е. *повелитель звѣрей* и 8) «Жиниши Орта̊», т. е. *повелитель верхняго* (неба); 9) Божества «Месепі», «Месепебі» повелѣваютъ всѣмъ царствомъ животныхъ, птицъ и пресмыкающихся;

они же — божества охоты; 10) «Ткаши маiа», т. е. *лѣсная царица* и 11) «Найурнаха», божество тѣлеснаго здоровiя.

V.

По поводу прослушаннаго доклада нѣсколько вопросовъ докладчику задали А. А. Миллеръ и Н. Я. Марръ.

VI.

И. Ю. Крачковскiй сдѣлалъ сообщенiе: «Загадочное извѣстiе объ арабскихъ рукописяхъ въ русскихъ монастыряхъ»[1].

VII.

Въ обсужденiи прослушаннаго сообщенiя приняли участiе Я. И. Смирновъ, В. Н. Бенешевичъ, В. В. Бартольдъ, А. Э. Шмидтъ, А. Е. Любимовъ, И. Г. Троицкiй и Н. И. Веселовскiй.

Засѣданiе 29 октября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленiемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. М. Алексѣевъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимирцовъ, кн. И. А. Джаваховъ, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, I. А. Кипшидзе, И. Ю. Крачковскiй, А. Е. Любимовъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Миллеръ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленiя I. А. Орбели, А. М. Позднѣевъ, кн. П. А. Путятинъ, А. Д. Рудневъ, А. Н. Самойловичъ, Я. И. Смирновъ, С. М. Шапшалъ, Ѳ. И. Щербатскiй.

Гости: Б. Б. Барадiйнъ, С. Г. Елисѣевъ, С. Е. Маловъ, В. Ф. Минорскiй, О. В. Плетнеръ, П. А. Фалевъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданiя 24 сентября 1915 г.

---

[1] Докладъ напечатанъ въ Зап. Вост. Отд., т. XXIII, стр. 123—131.

II.

Доложено о поступленіи въ библіотеку Общества слѣдующихъ изданій:

1) отъ Н. И. Веселовскаго: «Современное состояніе вопроса о «каменныхъ бабахъ» или «балбалахъ» (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др., т. XXXII);

2) отъ В. В. Бартольда: «О погребеніи Тимура» (Зап. Вост. Отд., т. XXIII); «Историкъ Мусеви, какъ авторъ تاریخ خیرات»;

3) отъ него же, какъ отъ представителя Общества въ Русскомъ Комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи, Протоколы Комитета за 1915 г., № 4;

4) отъ А. Д. Руднева первые нумера монгольской газеты «Столичная газета».

III.

С. Г. Елисѣевъ прочиталъ докладъ: «Араи Хакусеки (Политическій дѣятель начала XVIII в.)».

IV.

По поводу доклада нѣсколько замѣчаній сдѣлали Н. И. Веселовскій, А. Е. Любимовъ и А. И. Ивановъ.

V.

Б. Я. Владимирцовъ прочиталъ докладъ: «Культъ знамени Чингисъ-хана въ С.-З. Монголіи» [1].

VI.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе А. М. Позднѣевъ, А. Д. Рудневъ, А. И. Ивановъ, Н. И. Веселовскій.

Засѣданіе 26 ноября 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимирцовъ, кн. И. А. Джаваховъ, В. А. Жуковскій, А. И. Ивановъ, К. А. Иностранцевъ, I. А. Кипшидзе, Х. М. Лопаревъ, А. А. Калантарянъ, Н. Я.

[1] Докладъ будетъ напечатанъ въ Зап. Вост. Отд.

Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, Я. И. Смирновъ, И. Г. Троицкій, С. М. Шапшалъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: С. Е. Маловъ, В. Ф. Минорскій, г. Ревиліотти, А. А. Ромаскевичъ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 29 октября 1915 г.

II.

Доложено о выходѣ въ свѣтъ 1—2 вып. XXIII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

III.

Н. Я. Марръ сообщилъ о кончинѣ преосв. епископа Карапета (въ міру Теръ-Мыкыртичьяна) и характеризовалъ дѣятельность покойнаго ученаго, отмѣтивъ его научныя заслуги, какъ армениста, посвятившаго большую часть своихъ трудовъ изученію исторіи церкви и сектъ [1].

По предложенію Управляющаго Отдѣленіемъ память почившаго еп. Карапета почтена вставаніемъ.

IV.

Н. Н. Мартиновичъ прочиталъ докладъ: «Изъ критскихъ впечатлѣній турецкаго путешественника XVII в. и русскаго XX в.».

По мнѣнію докладчика, мало кто интересуется исторіей Крита за время османскаго владычества; впрочемъ турки-османы почти не оставили тутъ слѣдовъ, если не считать религіознаго вліянія. Собирая свѣдѣнія османскихъ писателей о Критѣ за турецкій періодъ его исторіи, докладчикъ тщетно пытался во время своего пребыванія на Критѣ найти хотя какую-нибудь турецкую рукопись: частныхъ библіотекъ совсѣмъ нѣтъ, общественныя же, при мечетяхъ, самыя жалкія. Въ настоящемъ докладѣ авторомъ собраны данныя историковъ Хаджи-Хальфы, Наимы, отчасти Мюнеджимъ-баши и Хезаръ-Фенна и особенно путешественника XVII вѣка Эвлія-челеби, причемъ авторъ ограничился моментомъ взятія турками Канеи и ея округа, сравнивая свѣдѣнія турецкихъ историковъ съ тѣмъ, что осталось до настоящаго времени.

При обзорѣ своихъ источниковъ докладчикъ указалъ, что въ библіотекѣ Петроградскаго Университета имѣются двѣ очень цѣнныхъ рукописи Хезаръ-

[1] Некрологъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Востокѣ», т. IV, стр. 226—228.

Фенна, писанная еще при жизни этого автора. «Сіахет-намэ» (или Тарихи-сеййахъ) Эвлія-челеби могло быть использовано докладчикомъ лишь отчасти, такъ какъ пришлось ограничиться печатнымъ константинопольскимъ изданіемъ; значительная же часть замѣтокъ Эвлія-челеби о Критѣ содержится въ той части его сочиненія, которая пока остается въ рукописи. Ихъ извѣстно три: одна въ Константинополѣ (Скутари), въ библіотекѣ Пертевъ-паши при мечети Селиміе, съ которой сдѣлано печатное изданіе; другая, найденная проф. Смирновымъ, въ Королевскомъ Азіатскомъ Обществѣ въ Лондонѣ и третья въ Королевской библіотекѣ въ Вѣнѣ (на послѣднюю обратилъ вниманіе докладчика В. Ф. Минорскій по статьѣ Мордтманна въ Энциклопедіи Ислама). Свѣдѣнія Эвлія-челеби особенно интересны, такъ какъ самъ авторъ былъ очевидцемъ и участникомъ взятія Канеи. Докладчикъ указалъ на многія неправильныя толкованія текста «Сіахет-намэ» Гаммеромъ въ его англійскомъ переводѣ двухъ первыхъ (изъ десяти) отдѣловъ сочиненія.

Осада Канеи началась съ западной стороны, съ островка Теодору; ничтожные остатки этой нѣкогда грозной крѣпости сохранились и по сіе время. Затѣмъ военныя операціи были перенесены въ заливъ Назарета; любопытно измѣненіе берега въ этомъ мѣстѣ, происшедшее за истекшія почти 300 лѣтъ: тамъ, гдѣ былъ заливъ, удобный для большой эскадры, теперь есть лишь нѣсколько подводныхъ скалъ, а линія берега выровнялась. Описаніе крѣпости Канеи почти вполнѣ подходитъ къ нынѣшнему ея состоянію, настолько хорошо она сохранилась. То же надо сказать и про многія зданія въ городѣ, какъ, напр., мечети, бывшія церквами до взятія Канеи турками, или построенныя турками общественныя бани. Не измѣнилась и общая картина окрестностей — то же изобиліе рощъ и садовъ, что и прежде; существуютъ даже спеціальныя породы фруктовыхъ деревьевъ (особый родъ апельсиновъ), упоминаемыя у Эвлія-челеби.

Излагая ходъ осады Канеи, докладчикъ подчеркнулъ, что пораженію венеціанцевъ и взятію крѣпости турками способствовало предательство грековъ, какъ на то ясно указываютъ источники. На счетъ точной даты паденія Канеи у турецкихъ историковъ отмѣчается разногласіе, въ предѣлахъ одного года. Въ заключеніе докладчикъ остановился на различныхъ мѣропріятіяхъ турокъ въ самомъ городѣ и на ходѣ постепеннаго покоренія остальной, западной, части острова.

V.

По поводу прослушаннаго доклада нѣсколько замѣчаній сдѣланы были Я. И. Смирновымъ и В. Ф. Минорскимъ.

VI.

А. И. Ивановъ сдѣлалъ краткое дополненіе къ своему докладу о Тангутскомъ письмѣ (зас. 12 марта 1915 г.).

VII.

Н. И. Веселовскій предложилъ для осмотра принадлежащую Н. И. Булычеву бронзовую статуйку китайскаго бога богатства, попирающаго лѣвой пятою жабу и держащаго надъ головой прутъ съ двойными монетами.

VIII.

А. И. Ивановъ сообщилъ свѣдѣнія о культѣ этого бога въ Китаѣ.

Засѣданіе 17 декабря 1915 года.

Подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Отдѣленіемъ Н. И. Веселовскаго присутствовали дѣйствительные члены и члены-сотрудники: Н. Г. Адонцъ, В. В. Бартольдъ, Б. Я. Владимірцовъ, В. А. Жуковскій, И. Ю. Крачковскій, А. А. Калантарянъ, И. Ю. Марконъ, Н. Я. Марръ, Н. Н. Мартиновичъ, А. А. Мироновъ, секретарь Отдѣленія І. А. Орбели, Я. И. Смирновъ, С. М. Шапшалъ, А. Э. Шмидтъ.

Гости: В. В. Воиновъ, С. Е. Маловъ, А. А. Ромаскевичъ, П. А. Фалевъ, А. Г. Шанидзе.

I.

Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія 26 ноября 1915 года.

II.

В. В. Бартольдъ представилъ для Библіотеки Общества рецензію на «Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи» за 1912—1915 гг. (Зап. Вост. Отд., т. XXIII).

III.

И. Ю. Крачковскій прочиталъ докладъ: «Упоминаніе Ѳеодора Абу-Курры (Авукары) у мусульманскихъ писателей IX—X вѣка».

Докладчикъ указалъ, что за послѣдніе годы благодаря изданію арабскихъ произведеній Абӯ-Ḳурры (Авукары), харранскаго 'епископа, жившаго ок. 740—820 года, выясняется болѣе опредѣленно значеніе его литературной дѣятельности. Въ дополненіе къ работѣ Graf'a (Die arabischen Schriften des Theodor Abû Qurra, Bischofs von Ḥarrân ca. 740—820. Paderborn 1910=Forschungen zur christlichen Literatur- und Dogmengeschichte, V Band, 3—4 Heft) интересно отмѣтить, что имя Абӯ-Ḳурры было извѣстно и мусульманскимъ писателямъ. Первое по времени упоминаніе его встрѣчается у ал-Джāхиӡа (ум. 869) въ «Книгѣ животныхъ» (каирское изданіе 1323 года, т. I, 38,14-16 и 39,22), второе — послѣ нѣкоторыхъ текстуальныхъ поправокъ — можно видѣть въ одномъ мѣстѣ *Фихриста*, сост. ок. 987 г. (изд. Flügel'я 24,8-9). Этотъ фактъ знакомства арабовъ-мусульманъ съ писателемъ-христіаниномъ представляетъ оригинальную параллель къ незначительному вліянію Абӯ-Ḳурры на позднѣйшую христіанскую письменность арабовъ (Graf, стр. 85—87). Для полной оцѣнки его значенія въ развитіи литературы христіанскаго Востока необходимо, по мнѣнію докладчика, изслѣдованіе переводовъ его произведеній на грузинскій и славянскій языкъ [1].

IV.

По поводу прослушаннаго доклада Н. Я. Марръ указалъ на крупное значеніе сообщенія для интересующихся христіанскимъ Востокомъ, гдѣ, очевидно, были свои общепризнанные авторитеты съ громкими именами, проникавшими и въ мусульманскій міръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, напомнивъ первое въ Восточномъ Отдѣленіи возбужденіе вопроса объ Абӯ-Ḳуррѣ («Абукурѣ») бар. В. Р. Розеномъ въ связи съ вопросомъ «Мудрости Балавара», грузинской версіи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, Н. Я. Марръ отвѣтилъ, что въ обоихъ вопросахъ изслѣдованіе доводитъ до восточно-христіанской подпочвы, въ данномъ случаѣ арабской и грузинской. Въ отношеніи же грузинской, а также армянской церковной жизни, помимо писаній Абӯ-Ḳурры, древне-грузинскіе переводы котораго до сихъ поръ ждутъ изслѣдователя, большой интересъ представляетъ и его дѣятельность: онъ выступалъ лично поборникомъ халкедонитства въ Арменіи. Выясненіе его какъ литературной, такъ общественной роли въ восточно-христіанскомъ мірѣ, гдѣ послѣднія открытія о. К. С. Кекелидзе такъ ярко выясняютъ связь грузинской литературы съ христіанской арабской, тѣмъ болѣе заслу-

---

[1] Докладъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Востокѣ», т. IV, стр. 301—309.

живаетъ вниманія, что эта работа должна помочь реальному освѣщенію той среды, въ которой выросъ такой колоссъ православія, какъ Іоаннъ Дамаскинъ.

V.

А. Э. Шмидтъ сдѣлалъ сообщеніе: «Новыя данныя по вопросу о мнимомъ упоминаніи имени Мухаммеда въ Пятикнижіи Моисея»[1].

VI.

По поводу сообщенія А. Э. Шмидта нѣсколько замѣчаній сдѣлали И. Ю. Крачковскій, Н. Я. Марръ и И. Ю. Марконъ.

И. Ю. Крачковскій отмѣтилъ интересный фактъ пользованія еврейскимъ текстомъ Библіи въ сочиненіи полемиста противъ христіанства Зійāде-ибн-Йаҳйи (хотя и ренегата-христіанина). Этотъ фактъ представляетъ крайне рѣдкое явленіе, такъ какъ обыкновенно мусульмане въ своей полемикѣ ограничивались арабскими переводами или извлеченіями; нерѣдко обнаруживается даже плохое знакомство съ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ канономъ. Крайне характерно, что сбивчивые термины Ḳорāна (çуҳуф Ибрāхӣмъ, çуҳуф Мӯсā, забӯръ), подъ которыми Муҳаммедъ едва ли разумѣлъ опредѣленныя произведенія, повели къ созданію цѣлаго ряда апокрифическихъ сборниковъ подъ такими названіями. Даже столь извѣстная книга, какъ забӯръ (псалтирь), вызвала очень распространенную среди мусульманъ поддѣлку, гдѣ съ обычнымъ текстомъ совпадаетъ только первый псаломъ, всѣ же прочія части не имѣютъ ничего общаго съ извѣстнымъ въ христіанской церкви произведеніемъ (см. Auswahl pseudo-Davidischer Psalmen. Arabisch und deutsch herausgegeben von Ove Chr. Krarup. Köbenhavn 1909 и L. Cheikho, Quelques légendes islamiques apocryphes въ Mélanges de la Faculté Orientale Beyrouth, т. IV, 33—56).

И. Ю. Марконъ указалъ, что толкованіе арабскимъ авторомъ словъ איש יהודי въ ст. 23 гл. VIII кн. пророка Захаріи не въ смыслѣ «Іудеянина», а въ смыслѣ «мужа прославленнаго», основывается, очевидно, на кн. Бытія, гл. XLIX, ст. 8, гдѣ патріархъ Іаковъ, благословляя Іуду, говоритъ: «Ты, Іуда (Іегуда), тебя восхвалятъ (прославятъ) братья твои». Здѣсь слово יודוך jôdûka «восхвалятъ (прославятъ)» и слово יהודה Jehûdah имѣютъ одинъ общій корень ידה — «восхвалять (прославлять)».

[1] Печатается въ Зап. Вост. Отд., т. XXIV.

VII.

И. Ю. Марконъ сдѣлалъ сообщеніе о значкѣ, носившемся персидскими евреями [1].

VIII.

Н. Я. Марръ прочиталъ извлеченіе изъ вновь открытой и издаваемой (въ серіи Bibliotheca Armeno-Georgica) прот. К. С. Кекелидзе грузинской версіи «Житія Тимоѳея» и далъ характеристику этого памятника, не сохранившагося ни въ арабскомъ оригиналѣ, ни въ иныхъ переводахъ.

IX.

Въ обмѣнѣ мнѣніями по поводу сообщенія Н. Я. Марра приняли участіе И. Ю. Крачковскій, Н. Г. Адонцъ, В. А. Жуковскій и Я. И. Смирновъ.

X.

Н. И. Веселовскій прочиталъ докладъ: «Царь Дюдень и царевичъ Дюдень» [2].

---

[1] Напечатано въ Зап. Вост. Отд., т. XXIII, стр. 363—364.

[2] Докладъ напечатанъ въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, XXI, кн. 1.

О погребеніи Тимура.

При изданіи альбома «Самаркандскія мечети»[1]) Императорской Археологической Коммиссіей на первую очередь было поставлено изданіе мавзолея «Гуръ-Эмиръ», съ гробницами самого Тимура, двухъ его сыновей, трехъ внуковъ и двухъ представителей мусульманскаго духовенства[2]). Мавзолею посвященъ первый выпускъ альбома, до настоящаго времени единственный. Въ предисловіи издателемъ Н. И. Веселовскимъ были высказаны нѣкоторыя соображенія о постройкѣ зданія и его первоначальномъ назначеніи; тѣмъ же вопросамъ Н. И. Веселовскій еще во время печатанія выпуска посвятилъ два доклада въ засѣданіяхъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археологическаго Общества[3]). Взгляды Н. И. Веселовскаго вызвали возраженія въ «Справочной книжкѣ Самаркандской области», со стороны одного изъ лучшихъ мѣстныхъ знатоковъ исторіи Средней Азіи, В. Л. Вяткина[4]). Дальнѣйшаго обсужденія тѣхъ же вопросовъ въ печати, насколько мнѣ извѣстно, не было; не было также попытки собрать и сопоставить между собой *всѣ* извѣстія письменныхъ источниковъ о погребеніи Тимура и о постройкѣ зданія, гдѣ теперь помѣщается его гробница.

1.

Вполнѣ установленъ фактъ, что при жизни Тимура мѣстомъ погребенія его родственниковъ и главныхъ сподвижниковъ былъ не Самаркандъ,

---

1) Ср. ЗВО XVII, 0181 сл.

2) Имена у В. Л. Вяткина въ Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 301. Въ предисловіи къ альбому имена лицъ, похороненныхъ въ Гуръ-эмирѣ, не перечисляются; путешественники сообщали объ этомъ, со словъ муллъ, крайне сбивчивыя и разнорѣчивыя свѣдѣнія. Ср. E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand (оттискъ изъ Revue Archéologique, 1897), p. 28.

3) ЗВО XVI, стр. XI—XIII и XX.

4) Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 291 сл. Ср. ЗВО XVIII, 0189 сл.

а родной городъ [1]) Тимура—Кешъ или Шахрисябзъ. Здѣсь въ 1360 г. [2]), по словамъ Шереф-ад-дина Іезди, былъ похороненъ отецъ Тимура Тарагай «въ куполообразномъ зданіи (قبّه), передъ (پيش) своимъ отцомъ, братомъ и другими родственниками» [3]). Едва ли этотъ мавзолей могъ отличаться выдающимися размѣрами или богатствомъ; какъ признаютъ и историки тимуровской эпохи, ни отецъ, ни дѣдъ Тимура не принимали сколько-нибудь замѣтнаго участія даже въ жизни своего родного города [4]). Неизвѣстно даже, былъ ли дѣдъ Тимура мусульманиномъ. Во всякомъ случаѣ принятіе ислама тѣмъ родомъ, изъ котораго вышелъ Тимуръ, могло произойти только незадолго до рожденія самого Тимура. Тимуръ родился въ 1336 г.; ханъ Тармаширинъ, при которомъ исламъ окончательно сдѣлался религіей монгольскихъ хановъ въ Мавераннахрѣ и ихъ подданныхъ, правилъ съ 1326 до 1334 г. Во времена язычества хановъ, вѣроятно также и вельможъ, хоронили въ трудно доступныхъ мѣстахъ, и мѣсто погребенія оставалось тайной если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для народныхъ массъ; мы знаемъ, однако, примѣры, что монгольскіе ханы послѣ принятія ислама уничтожали тайну, окружавшую могилы ихъ языческихъ предшественниковъ, и строили надъ этими могилами мавзолеи мусульманскаго типа [5]). Такіе случаи бывали и въ Средней Азіи. Ханъ Кебекъ (1318—1326) по всѣмъ извѣстіямъ оставался до конца жизни язычникомъ; между тѣмъ надъ его могилой въ Карши былъ построенъ куполообразный мавзолей [6]).

Впослѣдствіи, уже послѣ своего воцаренія, Тимуръ перенесъ прахъ своихъ предковъ въ другое мѣсто, у соборной мечети города, гдѣ былъ похороненъ шейхъ Шемс-ад-динъ Кулаль или Куларъ Фахури [7]). Мюридомъ

---

1) Тимуръ родился не въ самомъ городѣ, но въ одномъ изъ селеній его округа; названіе селенія (خواجه ايلغار) приводится только у Ибн-Арабшаха (каирское изд. 1285 г., стр. 6).

2) Въ извѣстныхъ мнѣ рукописяхъ (рук. Аз. муз. 568—ظفرنامه вмѣстѣ съ مقدّمه—и с 568—только مقدّمه, рук. Бр. муз. 6538 и 18.406 по списку, любезно предоставленному мнѣ проф. Россомъ) дата 762 г. хиджры (1360—1361), только въ ташкентской рукописи № 14 надъ словомъ اثنى написано, въ видѣ поправки, احدى; дата по циклу (годъ мыши) соотвѣтствуетъ 1360 г.

3) مقدّمهٔ ظفرنامه, рукоп. Аз. муз. с 568, л. 115б.

4) ظفرنامه, кальк. изд., II, 730.

5) Ср. разсказъ о персидскомъ ильханѣ Аргунѣ, умершемъ въ 1291 г.; d'Ohsson, Hist. des Mongols, IV, 58.

6) مقدّمهٔ ظفرنامه, рук. Аз. муз. с 568, л. 112а: وقبّهٔ بر بالاى قبر او بر افراختند.

7) كلار въ концѣ مقدّمه (во всѣхъ спискахъ) и въ кальк. изд. II, 594, كلال въ кальк. изд. I, 795 и II, 209 и въ رشحات عين الحيات, рукоп. Петрогр. унив. № 293, л. 26б, гдѣ указано значеніе слова на бухарскомъ нарѣчіи — کلالرا (горшечникъ); произношеніе «кулаль»

этого шейха былъ еще Тарагай; Тимуръ также считалъ шейха своимъ первымъ духовнымъ руководителемъ. Извѣстія письменныхъ источниковъ о шейхѣ Кулалѣ скудны и не вполнѣ ясны; дошедшіе до насъ памятники среднеазіатской агіологической литературы почти всѣ бухарскаго происхожденія и сообщаютъ мало свѣдѣній о шейхахъ долины Кашка-дарьи, несомнѣнно, имѣвшихъ большое вліяніе на распространеніе ислама среди потомковъ монгольскихъ завоевателей. Здѣсь былъ дворецъ Кебекъ-хана, по которому городъ «Карши» получилъ свое нынѣшнее названіе[1]); здѣсь Ибн-Батута въ 1333 г. видѣлъ мусульманскаго хана Тармаширина и его дворъ[2]); здѣсь же въ 40-хъ годахъ XIV в. былъ дворецъ послѣдняго изъ полновластныхъ джагатайскихъ хановъ Мавераннахра, Казана[3]). Изъ словъ Ибн-Батуты мы знаемъ, что зятемъ Тармаширина былъ шейхъ Хасанъ, несомнѣнно способствовавшій обращенію хана въ мусульманство; но даже въ такихъ памятникахъ агіологической литературы, какъ رشحات عين الحيات Али ибн-Хусейна Кашифи и въ نفحات الانس Джами, нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни объ этомъ шейхѣ, ни о властномъ имамѣ Хусам-ад-динѣ ал-Яги, отъ котораго Тармаширинъ покорно выслушивалъ суровыя наставленія. Дѣятельность шейха Шемс-ад-дина Кулаля связывается въ رشحات عين الحيات не съ Шахрисябзомъ, а съ Карши; изъ этого города онъ совершилъ пѣшкомъ паломничество въ Мекку, сблизился въ Иракѣ съ современными ему шейхами, усвоилъ ихъ обычаи и распространилъ ихъ въ Мавераннахрѣ. Въ началѣ его дѣятельности между нимъ и Беха-ад-диномъ Накшбендомъ была вражда, потомъ прекратившаяся[4]). Учителемъ какъ Шемс-ад-дина Кулаля, такъ и Беха-ад-дина Накшбенда былъ сейидъ Эмиръ-Кулаль; мѣстомъ рожденія и погребенія послѣдняго была бухарская деревня Сухари (سوخارى)[5]). Вопреки этому разсказу, Джами въ نفحات الانس знаетъ только одного сейида Эмиръ-Кулаля и заставляетъ Беха-ад-дина Накшбенда отправляться къ нему въ Несефъ, т. е. въ Карши[6]). По тому же источнику Беха-ад-динъ и впослѣдствіи всегда оказывалъ особенное вниманіе ученикамъ, приходившимъ къ нему въ Бухару изъ мѣстности Нахшеба (т. е. Карши)[7]). Беха-ад-динъ расходился со своимъ учителемъ въ вопросѣ о зикрѣ: подобно Юсуфу Ха-

---

указано въ словарѣ Вуллерса. Прозваніе الفاخورى приводитъ только Ибн-Арабшахъ (стр. 7 наверху), у котораго нѣтъ слова كلال. Горшечникъ по-арабски فخّار; возможно, что прозваніе الفاخورى образовано отъ этого слова.

1) Дворецъ былъ въ 2 фарсахахъ отъ города (ظفرنامه, I, 111).

2) Voyages d'Ibn-Batouta, ed. Defrémery et Sanguinetti, III, 28 сл.

3) ظفرنامه, I, 259, 443 и 775 (дворецъ Зенджиръ-Сарай).

4) رشحات, рук. унив. 293, л. 32a.

5) Ibid., л. 26б.

6) نفحات, вост. изд., стр. 248.

7) Ibid., стр. 246.

мадани и его школѣ[1]), Беха-ад-динъ признавалъ только тайный зикръ и отвергалъ какъ громкій зикръ, какъ и музыкальныя радѣнія (سماع)[2]).

При такихъ условіяхъ можетъ быть поставленъ вопросъ, не являются ли, вопреки Али ибн-Хусейну Кашифи, сейидъ Эмиръ-Кулаль и Шемс-ад-динъ Кулаль — однимъ и тѣмъ же лицомъ, умершимъ 8 джумада I 772 г. (28 ноября 1370)[3]); для разрѣшенія этого вопроса было бы необходимо сопоставленіе *всѣхъ* агіологическихъ источниковъ, изъ которыхъ мнѣ въ настоящее время доступны только нѣкоторые[4]). Слова Кашифи о вліяніи на шейха Шемс-ад-дина иракскихъ шейховъ подтверждаются словами Шереф-ад-дина, что шейхъ принадлежалъ къ школѣ Шихаб-ад-дина Сухраверди[5]). Съ запада же имъ, вѣроятно, были принесены обычаи, не одобрявшіеся въ Бухарѣ. Такимъ же образомъ хорезмійскій шейхъ Неджм-ад-динъ Кубрâ во время путешествія на западъ сдѣлался послѣдователемъ мѣстныхъ шейховъ и перенесъ къ себѣ на родину ихъ ученіе, въ томъ числѣ и музыкальныя радѣнія, которыя прежде ненавидѣлъ[6]).

Рядомъ съ мазаромъ шейха Шемс-ад-дина Тимуръ въ 775 (1373—4) г. воздвигъ новую куполообразную постройку и перенесъ туда тѣло Тарагая (о перенесеніи праха его отца и брата не говорится)[7]). Тамъ же въ 1376 г. былъ похороненъ старшій сынъ Тимура Джехангиръ, причемъ для этого было построено новое «высокое зданіе»[8]); въ 1389 г. въ Кешѣ была похоронена мачиха Тимура Кадакъ-хатунъ[9]); въ 1394 г. туда же было перенесено изъ Шираза тѣло убитаго при осадѣ одной курдской крѣпости второго сына Тимура, Омаръ-Шейха. По этому случаю Шереф-

1) Ср. текстъ «Кандійе» въ моемъ трудѣ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», I, 51.

2) Слова Джами въ نفحات (стр. 248): از ایشان پرسیدند که در طریقهٔ شما ذکر جهر وخلوت وسماع می‌باشد فرمودند نمی‌باشد

3) Дату приводитъ В. Л. Вяткинъ (Справ. кн. Самарк. обл., VI, 253), безъ ссылки на источникъ.

4) О путешествіяхъ Беха-ад-дина къ сейиду Кулалю въ Несефъ (Карши) говорится также въ біографіи Беха-ад-дина (авторъ — ходжа Салахъ ибн-Мубâрекъ, ср. статьи А. А. Семенова въ сборникѣ, посвященномъ А. Н. Веселовскому, стр. 204, пр. 1 и ЗВО XXII, 322, пр. 3), изданной въ 1901 г. въ Казани въ арабскомъ переводѣ (مقامات الخواجه بهاء الدين, стр. 21 и 24).

5) مقدّمهٔ ظفرنامه, рук. с 568, л. 115б. О двухъ шейхахъ этого имени ср. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., I, 437 и 440.

6) نفحات, стр. 272 сл.; о سماع въ обители Неджм-ад-дина стр. 276. Теперь дервиши ордена Кубреви (основаннаго Неджм-ад-диномъ), подобно накшбендіямъ, придерживаются тайнаго зикра; ср. Е. Т. Смирновъ, Дервишизмъ въ Туркестанѣ, Ташк. 1898 (оттискъ изъ Турк. Вѣд.), стр. 20.

7) مقدّمهٔ ظفرنامه, l. c.

8) ظفرنامه, I, 270.

9) Ibid., I, 490.

ад-динъ даетъ нѣсколько болѣе подробное описаніе кладбища[1]). Въ сторону киблы, т. е. къ юго-западу отъ мазара шейха находился мавзолей Тарагая, справа и слѣва отъ него — гробницы Джехангира и другихъ царевичей; тамъ же заранѣе опредѣлили для себя мѣсто погребенія многіе изъ сподвижниковъ Тимура, въ томъ числѣ одинъ изъ главныхъ военачальниковъ, Акбуга. Каждый заботился о томъ, чтобы его тѣло, гдѣ бы онъ ни умеръ, было привезено сюда; заранѣе строились усыпальницы; мѣсто, отведенное каждому на кладбищѣ, обозначалось тѣмъ же военнымъ терминомъ (مورچل), какъ мѣсто отряда или отдѣльнаго воина во время битвы[2]).

Испанскій посолъ Клавихо, проѣзжавшій тамъ въ концѣ августа 1404 г., видѣлъ въ Кешѣ (Шахрисябзѣ) большую «мечеть» (mezquita), построенную Тимуромъ и еще не оконченную; въ ней была особая «большая часовня» (capilla), гдѣ былъ похороненъ отецъ Тимура, и другая часовня, «очень большая», которую Тимуръ строилъ для себя, желая быть тамъ похороненнымъ. Тимуръ проѣзжалъ тамъ (при возвращеніи въ Самаркандъ изъ похода на западъ) за мѣсяцъ до Клавихо[3]) и велѣлъ передѣлать дверь (puerta), показавшуюся ему слишкомъ низкой; надъ этимъ еще работали при Клавихо. Въ той же «мечети» былъ похороненъ старшій сынъ Тимура Джехангиръ; и мечеть, и часовни были «очень богаты и великолѣпно отдѣланы золотомъ, лазурью и изразцами»; вокругъ мечети былъ «большой дворъ съ деревьями и водоемами». Каждый день, по приказанію Тимура, посылали туда «двадцать вареныхъ барановъ въ память душъ его отца и сына»[4]). Въ этой же «мечети» угощали испанскихъ пословъ въ день ихъ пріѣзда.

Въ настоящее время отъ всего этого, по словамъ кн. Масальскаго[5]), осталось «нѣсколько полуразрушенныхъ мавзолеевъ, украшенныхъ кое-гдѣ разноцвѣтными изразцами и надписями». Подробныхъ свѣдѣній о современномъ видѣ мавзолеевъ мнѣ въ литературѣ не приходилось встрѣчать; сравнительно подробнѣе всего описываетъ эти постройки А. Л. Кунъ, видѣвшій ихъ въ 1870 г. Изъ его описанія[6]) видно, что небольшой мав-

---

1) ظفرنامه, I, 670 сл.

2) Ср. примѣры употребленія слова въ ظفرنامه, I, 506-7 (تومان تومان بمورچل خود روان شده), 587 (اجازت طلبیده بمورچل خود بجونغار رفت). Въ словаряхъ Будагова (II, 262) и В. В. Радлова (IV, 2195-6) значеніе слова опредѣлено не вполнѣ точно.

3) По ظفرنامه, I, 592—596 Тимуръ въ среду 1-го мухаррема 807 г. (9 іюля 1404) выѣхалъ изъ Нишапура и еще въ томъ же мухаррема (до 9 августа) прибылъ въ Самаркандъ; въ Шахрисябзѣ онъ посѣтилъ мазаръ шейха Шемс-ад-дина и могилы своихъ родныхъ.

4) Сборн. отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. XXVIII, № 1, стр. 233 сл.

5) Туркестанскій край, стр. 681.

6) Очерки Шахрисябзскаго бекства (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VI, стр. 226 сл.).

золей надъ могилой Шемс-ад-дина до сихъ поръ сохранилъ имя похороненнаго въ немъ шейха и называется «Маркад-и-шейхъ Шемс-ад-динъ»; находящійся рядомъ съ нимъ мавзолей Тарагая называется теперь «куполомъ сейидовъ» (Гумбез-и-сейиданъ); въ немъ четыре надгробія, изъ нихъ три надгробія сейидовъ, съ надписями (А. Л. Кунъ ихъ не приводитъ)[1]); четвертое надгробіе надписи не имѣетъ, но въ народѣ сохранилось преданіе, что здѣсь похороненъ отецъ Тимура. Зданіе отдѣлено дворомъ отъ другой постройки, примыкающей ко двору съ западной стороны и носящей названіе «Кокъ-гумбезъ» (синій куполъ); въ западной стѣнѣ находится михрабъ; на восточной сохранилась надпись, гдѣ будто бы сказано, что зданіе построено Шахрухомъ въ 839 г. (1435) — извѣстіе, нуждающееся въ провѣркѣ; судя по дошедшимъ до насъ историческимъ даннымъ, Шахрухъ никогда не владѣлъ Шахрисябзомъ и не воздвигалъ тамъ построекъ[2]). Къ западу отъ зданія Кокъ-гумбезъ, черезъ улицу, находится еще зданіе Хазретъ-Имамъ, построенное, по словамъ однихъ, Тимуромъ, по словамъ другихъ — легендарнымъ Кызылъ-Арсланъ-ханомъ.

Ни письменные источники, ни преданія, ни вещественные остатки не даютъ намъ отвѣта на вопросъ, были ли похоронены Джехангиръ, Омаръ-Шейхъ и впослѣдствіи Миранщахъ (о немъ см. далѣе) въ одномъ зданіи или для каждаго былъ выстроенъ особый мавзолей; но вообще описаніе кладбища ясно показываетъ, что здѣсь, какъ на кладбищѣ Шахъ-зиндэ въ Самаркандѣ, преобладала система отдѣльныхъ небольшихъ мавзолеевъ, а не система устройства обширныхъ родовыхъ усыпальницъ. Въ такомъ же мавзолеѣ, окруженный своими родственниками и боевыми товарищами, долженъ былъ покоиться Тимуръ; но судьба опредѣлила иначе.

Сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ гробницъ всѣхъ членовъ правящаго рода затруднялось строительной дѣятельностью отдѣльныхъ женъ, потомковъ и родственниковъ Тимура; по мусульманскому обычаю постройки, воздвигавшіяся съ благочестивой цѣлью, служили въ то же время мѣстомъ погребенія для ихъ строителей, хотя послѣдніе обыкновенно хоронились не въ самыхъ зданіяхъ, но рядомъ съ ними, въ особыхъ пристройкахъ или мавзолеяхъ. Помимо Шахрисябза, мѣстомъ усиленной строительной дѣятельности самого Тимура, его родныхъ и сподвижниковъ была столица имперіи, Самаркандъ[3]). Къ сожалѣнію, письменныя извѣстія объ этихъ постройкахъ

1) Приводятся только имена сейидовъ и даты смерти двоихъ изъ нихъ: 859 (1454—5) и 950 (1543-4).

2) Зданіе внутри пустое; по преданію, оно было нѣкогда соборной мечетью, но для этого площадь зданія (квадратъ, длина каждой стороны 12 шаговъ) слишкомъ незначительна.

3) Ср. слова Хафизи-Абру въ المظفّريّة, стр. 14 сл. (текстъ), 16 сл. (переводъ).

довольно скудны; вещественные остатки также еще не были предметомъ научнаго изученія; сверхъ того, какъ мы увидимъ, остаются невыясненными многіе вопросы, касающіеся мусульманскаго религіознаго культа и мусульманской архитектуры въ Средней Азіи; недостаточно объяснено даже значеніе архитектурныхъ терминовъ, постоянно встрѣчающихся въ письменныхъ источникахъ.

Изъ зданій, имѣвшихъ значеніе для религіознаго культа, въ мусульманскомъ мірѣ издавна, кромѣ мѣстъ молитвы — мечетей, строились *ханкахи*[1]) или, по современному среднеазіатскому прозношенію, *ханаки* — обители суфіевъ или дервишей и *медресе* — закрытыя учебныя заведенія для изучавшихъ богословскія науки. Исторія обоихъ учрежденій тѣсно связана, конечно, съ исторіей мусульманскаго отшельничества съ одной стороны и мусульманской богословской науки — съ другой. Между монастыремъ и высшей духовной школой въ мусульманскомъ мірѣ, по характеру религіи, не могло быть такой тѣсной и продолжительной связи, какъ въ христіанскомъ; но и въ мусульманскомъ мірѣ принципіальное различіе между ними не всегда сознавалось такъ отчетливо, какъ впослѣдствіи. Въ разсказѣ Макдиси (конецъ X в. по Р. Хр.) о распространеніи въ Хорасанѣ пуританской секты керрамійцевъ обители сектантовъ въ одной версіи труда названы ханаками, въ другой — медресе[2]). Подобное смѣшеніе терминовъ мы встрѣчаемъ и послѣ. По разсказу Джувейни, въ Бухарѣ въ XIII в. на средства монгольской царицы Сурхуктани-бики[3]) (христіанки, матери великихъ хановъ Мункэ и Хубилая) было построено медресе, гдѣ мударрисомъ и мутевалліемъ сдѣлался извѣстный шейхъ Сейф-ад-динъ Бахарзи[4]); компиляторъ XV в. Фасихъ вмѣсто постройки медресе говоритъ

---

1) Собств. персидское خانكاه; по словарю XVIII в. بهار عجم (приведено у Вуллерса s. v.) изъ خانه+كاه: اينمقدار زمين كه در آن خانه توان ساخت. Чаще пишется خانقاه, по-арабски также خانقة, мн. ч. خوانق. Опредѣленіе словаря برهان قاطع по Вуллерсу: خانهٔ باشد كه درويشان ومشايخ در آن عبادت كنند وسر برند. Опредѣленіе Сам'ани (ed. Margoliouth, 186b): خانقاه وهى بقعة يسكنها اهل الخير والصوفيّة. Въ стихахъ произношеніе *хāнегāхъ*, напр. Міръ Ислама I, 105.

2) Bibl. Geogr. Arab. III, 323 (прим. *o* и *p*).

3) E. Blochet (Introd. à l'hist. des Mongols, p. 165) едва-ли удачно предполагаетъ произношеніе Siyourkhokhataïtaï; сиріецъ Баръ-Эбрей (ср. текстъ въ хрестом. Bernstein-Kirsch, стр. 112), знавшій имя этой христіанской царицы едва-ли только изъ мусульманскихъ источниковъ и только въ арабской транскрипціи, пишетъ Sarkutani (ܣܪܩܘܬܢܝ). У Березина (Труды В. Отд. V, стр. 59 и друг., см. указ.) Сурхуктай (ср. попытку этимологическаго объясненія этого имени на стр. 261, къ стр. 100) и (ibid., XIII, стр. 108) Сурхуктени.

4) Объ этомъ кратко говорится въ первой части تاريخ جهانكشاى (изд. Мухаммеда Казвини въ Gibb Mem. Series, p. 83) и подробнѣе въ неизданной второй части; ср. тотъ же текстъ у Рашид-ад-дина въ изд. Blochet, стр. 273 сл., гдѣ مدبّر вм. مدرّس.

о постройкѣ ханаки для того же шейха[1]). Даже въ біографіи главнаго представителя среднеазіатскаго дервишизма XV в., ходжи Ахрара, говорится не о «ханакѣ», а о «медресе» этого шейха[2]). Съ другой стороны, въ источникахъ встрѣчаются мѣста, гдѣ вполнѣ отчетливо проводится разница между цѣлями ханаки и медресе. Такъ по разсказу Джами знаменитый имамъ Мухаммедъ Газали, умершій въ 505=1111 г., построилъ въ Тусѣ «ханаку для суфіевъ и медресе для стремящихся къ познанію»[3]). Въ XV в. Улугбекъ построилъ въ Самаркандѣ медресе для улемовъ и напротивъ него ханаку для шейховъ[4]).

Для исторіи обоихъ учрежденій важно установить слѣдующій фактъ: несмотря на арійское происхожденіе слова «ханака» (ханкахъ) и семитическое происхожденіе слова «медресе», распространеніе ханаки шло въ мусульманской Азіи съ запада на востокъ, распространеніе медресе — съ востока на западъ. Свѣдѣнія мусульманскихъ источниковъ о древнѣйшихъ ханакахъ ясно указываютъ на возникновеніе ханаки подъ вліяніемъ западнаго—христіанскаго и манихейскаго отшельничества. Джами приводитъ характерный, хотя исторически, конечно, недостовѣрный разсказъ о томъ, какъ была построена первая ханака. *Христіанскій* князь (اميرى ترسائى) города Рамлы въ Палестинѣ однажды встрѣтилъ двухъ людей, которые сидѣли, обнявшись, и вмѣстѣ ѣли, потомъ разошлись. Тронутый этой картиной, князь велѣлъ позвать одного изъ нихъ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: «Кто это былъ?» — Не знаю. — «Чѣмъ онъ былъ тебѣ?» — Ничѣмъ. — «Откуда онъ былъ?» — Не знаю. — «Что же это за дружба между вами?» — Такое у насъ правило. — «Есть ли у васъ мѣсто, гдѣ вы бы могли собираться?» — Нѣтъ. — «Я устрою для васъ такое мѣсто». Сказавъ это, князь велѣлъ выстроить въ Рамлѣ ханаку[5]). Несмотря, однако, на этотъ разсказъ, намъ въ источникахъ не приходилось встрѣчать случаевъ употребленія слова «ханака» въ смыслѣ «христіанскій монастырь»,

---

1) تاريخ فصيحى подъ 649 г. (рук. Аз. Муз. 581а, л. 315б): خانقاه شيخ سيف الدين باخرزى در بخارا او فرمود كه ساختند.

2) Вост. Замѣтки, стр. 327. Ср. رشحات о медресе ходжи Ахрара въ Самаркандѣ (рук. унив. 293, л. 191а) и Ташкентѣ (ibid, л. 199б, вост. пагин.).

3) نفحات, вост. изд., стр. 238: از براى صوفيه بناى خانقاهى كرد واز براى طلبهٔ علم بناى مدرسه.

4) مطلع السعدين, рук. унив. 157, л. 217б: اعلام علما ونحارير فضلا بتدريس وافادت در مدرسه تعيين نمود وهمچنين در خانقاه مشايخ ومباشران صاحب‌وقوف باز داشت. Самому Тимуру приписывается постройка ханаки въ селеніи Димишкъ близъ Самарканда; здѣсь въ 1392 г. останавливались жены Тимура (ظفرنامه, I, 580); но никакихъ свѣдѣній о характерѣ и назначеніи зданія источникъ не сообщаетъ.

5) نفحات, вост. изд., стр. 22.

тогда какъ персидскій географъ X в. по Р. Хр. вполнѣ опредѣленно говоритъ о «манихейской ханакѣ» въ Самаркандѣ [1]).

Медресе, какъ учебное заведеніе, даже въ столицѣ мусульманскаго міра, Багдадѣ, появляется только во второй половинѣ XI в., благодаря сельджукскому визиру Низам-ал-Мульку, хотя слова того же корня употреблялись въ Аравіи для обозначенія понятія «научное познаніе», можетъ быть, еще до Мухаммеда [2]). По разсказу меккскаго историка XVI в., которымъ были введены въ заблужденіе даже современные европейскіе ученые [3]), мѣра Низам-ал-Мулька казалась опаснымъ новшествомъ не только въ Багдадѣ, но и въ Мавераннахрѣ; на самомъ дѣлѣ въ Мавераннахрѣ медресе въ это время давно уже не было новостью. Первое по времени событіе, въ разсказѣ о которомъ упоминается о медресе, насколько мнѣ извѣстно, — большой пожаръ 325=937 г. въ Бухарѣ, во время котораго среди другихъ зданій сгорѣло «медресе Фарджека» [4]). Первое извѣстное медресе, устроенное правительственною властью, — медресе газневидскаго султана Махмуда въ Газнѣ, построенное одновременно съ соборною мечетью, рядомъ съ нею [5]). Число медресе, повидимому, было особенно значительно въ областяхъ, зависѣвшихъ отъ Балха; въ одномъ Хутталѣ ихъ, по разсказу Бейхаки (XI в.), было болѣе двадцати, располагавшихъ вакуфами [6]). Какъ извѣстно, исламъ въ этихъ областяхъ засталъ господство буддизма. На основаніи всего этого, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что образцомъ для мусульманскаго медресе послужила буддійская вихâра. Примѣровъ употребленія слова «медресе» въ смыслѣ вихâра (по-персидски بخار или بهار) или слова بخار или بهار въ смыслѣ «медресе» мы не знаемъ, но вихâра и потомъ казалась мусульманамъ, въ отличіе отъ христіанскаго монастыря, не столько обителью отшельниковъ, сколько «мѣстомъ собранія науки» (مجمع العلم) [7]).

---

1) ЗВО X, 123.

2) Ср. слова Ибн-Са'да о наджранскомъ епископѣ, прибывшемъ къ Мухаммеду: ابو الحرث اسقفهم وحبرهم وامامهم وصاحب مدراسهم (J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, IV, p. ٧٦; переводъ p. 19.: Abu-l-Harith, ihr Bischof, Rabbiner (sic), Imam, Schulvorsteher).

3) Snouck-Hurgronje, Mekka, II, 228 f. Текстъ въ изданіи Вюстенфельда, Die Chroniken der Stadt Mekka, III, 174.

4) Nerchakhy, ed. Schefer, p. 93 внизу.

5) Утби-Манини, II, 299 сл. Изъ разсказа видно, что всѣ помѣщенія медресе (кромѣ, вѣроятно, аудиторіи) были отведены подъ библіотеку и наполнены рукописями. Преподаватели, получавшіе содержаніе, не жили въ медресе, но только приходили туда читать лекціи. Въ томъ же трудѣ (II, 331) упоминается медресе, построенное братомъ Махмуда, Насромъ, въ Нишапурѣ.

6) Baihaki, ed. Morley, p. 248.

7) Особенно характерны слова Джувейни (изд. Мухаммеда Казвини, стр. 76): اشتقاق بخارا از بخارست كه بلغت مغان مجمع علم باشد واين لفظ بلغت بت پرستان ايغور وختاى نزديكست كه معابد ايشان كه موضع بتان است بخار كويند.

Естественно, что ханаки и медресе строились преимущественно въ такихъ мѣстахъ, которыя еще раньше были предметомъ культа, какъ и Низам-ал-Мулькъ построилъ свое медресе въ Багдадѣ рядомъ съ могилой Абу-Ханифы[1]). Въ Самаркандѣ мѣстомъ культа издавна была могила двоюроднаго брата пророка, Кусама ибн-Аббаса, теперь извѣстнаго подъ прозванiемъ «шах-и-зиндэ» (живой царь); здѣсь было медресе еще въ XII в.[2]), какъ впослѣдствiи снова въ XIX в.[3]). Въ XIV в., во время путешествiя Ибн-Батуты, медресе въ этомъ мѣстѣ, повидимому, не было, но рядомъ съ высокимъ куполомъ надъ гробницей Кусама находилась гостиница (*зâвiя*), т. е. вѣроятно ханака; постройка считалась до-монгольскаго происхожденiя[4]). Недалеко отъ мавзолея Кусама были похоронены при жизни Тимура его сестры Кутлугъ-Турканъ-Ага (умершая въ 1383 г.) и Ширинъ-бекъ-Ага[5]), послѣ его смерти одна изъ его вдовъ, Туманъ-Ага. Послѣдняя еще при жизни Тимура построила здѣсь ханаку. Тимуръ въ 1399 г. послѣ возвращенiя изъ индiйскаго похода сначала поклонился гробницѣ Кусама, потомъ прибылъ въ ханаку Туманъ-Аги[6]); въ той же ханакѣ онъ принялъ своего внука Мухаммедъ-Султана и привезенные имъ подарки[7]); во время постройки соборной мечети Тимуръ, чтобы лучше слѣдить за постройкой, проводилъ бо̀льшую часть времени вблизи мечети, въ медресе своей старшей жены Сарай-Мулькъ-ханымъ, противъ котораго строилась мечеть, или въ ханакѣ Туманъ-Аги[8]). Та же ханака упоминается въ разсказѣ объ осадѣ города въ 1454 г.; одинъ изъ предводителей войска, осаждавшаго Самаркандъ, занялъ ханаку Туманъ-Аги (очевидно, она находилась внѣ городскихъ стѣнъ) и оттуда производилъ осадныя работы[9]).

Изъ всего этого ясно видно, что подъ ханакой Туманъ-Аги нельзя понимать *только* тотъ небольшой мавзолей, который теперь возвышается

---

1) Recueil de textes relatifs à l'hist. des Seldjoucides, ed. Houtsma, II, 32,16.

2) Сам'ани, изд. Margoliouth, 483b; было приведено мною въ Турк. въ эпоху монг. наш., I, 65. Абу-Тахиръ-ходжа, ссылаясь на «Исторiю Нишапура», называетъ это медресе постройкой султана Санджара (Самарiя, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 22 внизу и 50,9).

3) Самарiя, стр. 25,18. Объ уничтоженiи зданiя при русскомъ владычествѣ предисл., стр. VII.

4) Ibn-Batoutah, III, 52 сл.

5) О смерти первой ظفرنامه, I, 355, гдѣ говорится о построенныхъ ею مدارس وخوانق, безъ указанiя мѣста. О смерти второй въ ظفرنامه не говорится; дата ея мавзолея—787 (1385-6).

6) ظفرنامه, II, 193; ср. также слова первоисточника въ Текстахъ по исторiи Средней Азiи, I, 203.

7) ظفرنامه, II, 196.

8) Ibid. 197 наверху; о мѣстоположенiи медресе противъ мечети II, 597: ودر مدرسهٔ سرای ملك خانم كه در مقابل جامع واقع است نزول فرمود.

9) مطلع السعدين, рук. унив. 157, л. 299б.

надъ могилой царицы[1]). Мавзолей, по всей вѣроятности, занимаетъ только небольшую часть площади бывшей ханаки. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе для рѣшенія вопроса, что понимали подъ ханакой въ эпоху Тимура. Какъ Н. И. Веселовскій, такъ и В. Л. Вяткинъ полагаютъ, что слово «ханака» въ это время уже утратило свое первоначальное значеніе; по мнѣнію Н. И. Веселовскаго[2]), оно употреблялось въ смыслѣ «усыпальница свѣтскаго лица» и противополагалось слову «мазаръ»; по мнѣнію В. Л. Вяткина[3]), подъ ханакой понимали «помѣщеніе первоначально въ значеніи монастыря, а въ описываемое время въ значеніи помѣщенія для молитвы». Ни то, ни другое мнѣніе не подтверждается свидѣтельствомъ источниковъ. По моему мнѣнію, приведенныя выше слова о постройкахъ Улугбека доказываютъ, что слово «ханака» употреблялось въ XV в. именно въ своемъ первоначальномъ значеніи: обитель для суфіевъ (дервишей)[4]). Ханака могла служить мѣстомъ погребенія свѣтскаго лица, строителя ханаки, но могла быть также «мазаромъ», такъ какъ въ ней хоронились и духовныя лица, бывшіе настоятели обители. Такъ, по словамъ В. Л. Вяткина, «мазаръ» ходжи Абди-Даруна близъ Самарканда является также «ханакой»[5]); ханакой назывался также уничтоженный при русскомъ владычествѣ мазаръ святого Нур-ад-дина Басира (Кутб-и-Чахардахумъ) въ самаркандской цитадели[6]). Прахъ святого въ этомъ случаѣ находился въ особой «пристройкѣ» при главномъ зданіи[7]), очевидно, имѣвшемъ первоначально иное назначеніе. Въ мартѣ 1915 г. Л. А. Зиминымъ было осмотрѣно зданіе Имамъ-Бахръ, близъ развалинъ Дабусіи въ Бухарскомъ ханствѣ; въ письмѣ изслѣдователя ко мнѣ зданіе названо «мечетью», въ надписяхъ на доставленныхъ мнѣ фотографическихъ снимкахъ — ханакой; слово «имамъ» показываетъ, что оно связано съ памятью о духовномъ, а не о свѣтскомъ лицѣ. Въ трудѣ Джами, между прочимъ, говорится о «ханакѣ» одного шейха въ Ширазѣ; въ этой ханакѣ шейхъ прожилъ 30 лѣтъ и въ ней же былъ похороненъ въ 473 г.

1) По мнѣнію В. Л. Вяткина (Справ. кн. Самарк. обл., VI, 250), «подъ ханакой здѣсь, вѣроятно, разумѣется большая мечеть при усыпальницѣ Туманъ аки, отдѣленная отъ входа въ длинный корридоръ предъ мазаромъ Куссама небольшимъ корридорчикомъ».

2) Самарк. мечети, предисл., стр. V.

3) Справ. кн. Самарк. обл., VIII, 294.

4) Подобно христіанскому монастырю, ханака эпохи тимуридовъ была также страннопріимнымъ домомъ. Въ сборникѣ документовъ XV в., сохранившемся въ рукописи Брит. муз. № 7731, есть, между прочимъ, ферманъ о постройкѣ медресе и ханаки (л. 62а); здѣсь встрѣчается выраженіе خانقاه مسافرپناه (л. 62б).

5) Матеріалы къ исторической географіи Самарк. вилаета, стр. 81.

6) Ibid., стр. 17.

7) Самарія, изд. Н. И. Веселовскаго, предисл., стр. VII.

(1080—1)[1]). Очевидно, и въ этомъ случаѣ «ханака» была тожественна съ «мазаромъ»[2]).

Мазаръ Нур-ад-дина Басира, умершаго, по словамъ его біографа[3]), въ зу-л-ка'да 646 г. (февраль—мартъ 1249), считался постройкой Тимура, хотя объ этой постройкѣ, какъ, впрочемъ, и о многихъ другихъ, историки не упоминаютъ. Подобно шахрисябзскому шейху, Нур-ад-динъ Басиръ принадлежалъ къ школѣ Сухраверди[4]) и къ представителямъ «громкаго» зикра[5]). Въ Самаркандѣ къ почитателямъ Нур-ад-дина Басира принадлежали шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ[6]), потомокъ автора «Хидаи», и шейхъ Бурхан-ад-динъ Сагарджи; послѣдній умеръ въ Китаѣ, но поручилъ своему сыну Абу-Са'иду отвести его тѣло въ Самаркандъ и похоронить его «ниже ногъ» (پایان پای) Нур-ад-дина; сынъ исполнилъ волю отца; тѣло было привезено въ Самаркандъ и похоронено въ мѣстѣ Рухабадъ, причемъ оказалось, что это мѣсто, дѣйствительно, находилось непосредственно ниже мазара Нур-ад-дина[7]). Біографъ послѣдняго прибавляетъ, что Абу-Са'идъ, вступившій въ родство съ «родомъ автора Хидаи», т. е. съ семьей самаркандскаго шейх-ал-ислама, сдѣлалъ почитателемъ Нур-ад-дина самого Тимура[8]). Въ исторіи Тимура «шейхъзадэ Сагарджи», т. е. Абу-Са'идъ, упоминается въ разсказѣ о событіяхъ 1383 г., когда онъ вмѣстѣ съ шейх-ал-исламомъ Абд-ал-Меликомъ старался утѣшить Тимура, слишкомъ предававшагося горю послѣ смерти своей сестры Кутлугъ-Туркапъ[9]). По разсказу Абу-Тахиръ-ходжи мазаръ Нур-ад-дина

1) نفحات, стр. 177.

2) Вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ слово «ханака» въ настоящее время въ Туркестанѣ, еще не вполнѣ выясненъ. По словамъ В. Л. Вяткина (Справ. кн. Самарк. обл. VI 246) «теперь большинство ханакъ обращены въ обыкновенныя мечети»; то же самое сказано въ Сборн. матер. по мусульманству, подъ ред. В. И. Ярового-Равскаго (С.-Пб. 1899), стр. 25; по другому мѣсту той же книги (стр. 43) ханакой называется мечеть въ медресе. Абу-Тахиръ-ходжа упоминаетъ о широкой и высокой «ханакѣ» съ минбаромъ впереди (или со стороны фасада, در پیشگاه) «медресе», построеннаго министромъ Надиръ-Мухаммедомъ къ сѣверу отъ «мазара» ходжи Ахрара (Самарія, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 20 сл.; переводъ В. Л. Вяткина, Справ. кн., VI, 174).

3) Объ этой біографіи (приложенной къ «Кандійе») см. ЗВО XVIII, 0187.

4) Учитель Нур-ад-дина шейхъ Зейн-ад-динъ Куи-Арифāни былъ сыномъ (فرزند) Шихаб-ад-дина Сухраверди, потомка халифа Абу-Бекра (قندیّه, рук. унив. 859, стр. 178); по Джами (نفحات, стр. 269) потомкомъ Абу-Бекра былъ другой Сухраверди, Зія-ад-динъ, также Brockelmann I, 436. Зейн-ад-динъ, однако, въ то же время былъ ученикомъ Юсуфа (въ текстѣ по ошибкѣ Абу-Юсуфъ) Хамадани (قندیّه, стр. 172).

5) Самарія, стр. 29,14.

6) قندیّه, стр. 206.

7) قندیّه, стр. 208—212.

8) Ibid., о родствѣ стр. 211, о Тимурѣ стр. 212.

9) ظفرنامه, I, 356. Въ رشحات (унив. рук., л. 127а—б) упоминаются шейхъ Бурхан-ад-динъ Абризи, мюридъ Бабъ-Мачина, прибывшаго изъ Мачина (т. е. южнаго Китая) въ Шашъ (область Ташкента) и его внукъ со стороны матери Абу-Са'идъ Абризи, современникъ

спачала находился внѣ цитадели, на берегу арыка Наваданъ, и былъ перенесенъ въ цитадель при Тимурѣ, по совѣту шейха Абу-Саʻида[1]). О Рухабадѣ, т. е. мазарѣ Бурхан-ад-дина Сагарджи, говорится, что онъ находится близъ южной стѣны цитадели; зданіе также считалось постройкой Тимура[2]). Мазаръ Рухабадъ существуетъ и теперь; изученіе его производилось въ 1908 и 1909 гг. подъ руководствомъ Н. И. Веселовскаго, на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи[3]).

Культомъ Насир-ад-дина Басира и Бурхан-ад-дина Сагарджи, вѣроятно, объясняется, почему именно это мѣсто было избрано внукомъ Тимура, Мухаммедъ-Султаномъ, для постройки медресе и ханаки. Источники ничего не говорятъ о причинахъ выбора мѣста; Ибн-Арабшахъ только упоминаетъ о томъ, что медресе находилось «близъ извѣстнаго мѣста Рухабадъ»[4]). Не опредѣляется также время постройки медресе. Изъ словъ Шереф-ад-дина, что зданіе было въ первый разъ осмотрѣно Тимуромъ послѣ его возвращенія въ Самаркандъ въ 1404 г.[5]), можно заключить, что постройка была закончена уже послѣ выступленія Тимура въ такъ называемый «семилѣтній» походъ, т. е. послѣ сентября 1399 г.[6]). Уже весной 1401 г. зданіемъ пользовались для цѣлей преподаванія, но не для чтенія лекцій по наукамъ, а для обученія Корану «мамлюковъ» (т. е. воиновъ) Мухаммедъ-Султана и сыновей эмировъ, т. е. бековъ; эта обязанность была возложена на ученаго чтеца Корана Джемаль-ад-дина Ахмеда Хорезми, «имама Мухаммедъ-Султана при его жизни и имама его медресе послѣ его смерти» (впослѣдствіи онъ былъ хатибомъ въ Брусѣ, гдѣ умеръ въ 831 = 1427—8 г.); Ибн-Арабшахъ зналъ его лично и передаетъ разсказы съ его словъ[7]). О Мухаммедъ-Султанѣ Ибн-Арабшахъ говоритъ еще, что онъ вообще былъ покровителемъ ученыхъ[8]), о медресе — что оно было «крѣпкимъ» зданіемъ (الحصينة)[9]).

Выступая въ походъ въ 1399 г., Тимуръ оставилъ Мухаммедъ-Султана правителемъ Самарканда; въ концѣ марта 1401 г. онъ изъ Дамаска вызвалъ его къ себѣ, рѣшивъ передать ему престолъ Хулагу-хана, т. е. управленіе сѣверо-западными областями Персіи[10]). Свиданіе дѣда съ

ходжи Ахрара. Собственныя имена этихъ лицъ и упоминаніе о Китаѣ заставляютъ предполагать нѣкоторую связь между ними и шейхами Сагарджи.

1) Самарія, стр. 29 сл.

2) Ibid., стр. 32.

3) О представленіи чертежей см. «Извѣстія» Комитета, серія II, № 1, стр. 8.

4) Ибн-Арабшахъ, каирское изд., стр. 181.

5) ظفرنامه, II, 595: تا غايت كه ساخته بودند عزّ ملاحظهٔ آن حضرت نيافته بود

6) Дата выступленія по ظفرنامه, II, 209—среда 8 мухаррема 802 г. (10 сент. 1399).

7) Ибн-Арабшахъ, стр. 239 сл.

8) Ibid., стр. 142.

9) Ibid., стр. 144.

10) ظفرنامه, II, 345.

внукомъ произошло только зимой, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, въ Карабагѣ[1]). Мухаммедъ-Султанъ принялъ дѣятельное участіе въ военныхъ событіяхъ 1402 г. и доходилъ до западнаго берега Малой Азіи[2]), но на обратномъ пути заболѣлъ и умеръ въ понедѣльникъ 18 ша'бана 805 г. (12 марта 1403) въ трехъ переходахъ къ востоку отъ Карахисара, 29 лѣтъ отъ роду[3]). Тимуръ и все его войско горячо оплакивали молодого царевича, считавшагося наслѣдникомъ престола; плачъ и трауръ продолжались даже послѣ отправленія тѣла на востокъ; при выступленіи изъ Акшехра обрядъ оплакиванія совершался утромъ и вечеромъ; все войско носило одежду чернаго или синяго цвѣта; нельзя было даже ѣздить на бѣлыхъ коняхъ; только черезъ нѣсколько дней Тимуръ, по ходатайству военачальниковъ, велѣлъ снять трауръ.

По приказанію Тимура, гробъ (تابوت) съ тѣломъ Мухаммедъ-Султана былъ поставленъ на носилки (محفّه); отряду въ 200 всадниковъ было поручено отвезти его въ городъ Оникъ[4]) (въ округѣ Эрзерума). Тамъ часть отряда должна была переложить тѣло въ новый гробъ и отвезти его для временнаго погребенія въ окрестности Султаніи, къ мазару пророка Кайдара (قیدار پیغمبر)[5]); другая часть должна была остаться съ носилками и заколоченнымъ пустымъ гробомъ въ Оникѣ[6]).

Этотъ пустой гробъ имѣлъ значеніе для поминокъ, которыя Тимуръ устроилъ своему внуку послѣ своего прибытія въ Оникъ. Туда же пріѣхали изъ Султаніи царицы и царевичи; во время печальнаго обряда былъ принесенъ пустой гробъ, и надъ нимъ съ рыданіемъ склонилась мать Мухаммедъ-Султана, Суюнъ-бекъ или Суюнъ-Ага, внучка хана Узбека, болѣе извѣстная подъ своимъ титуломъ «ханзада» (ханская дочь)[7]). Все нужное для траура было пріобрѣтено царицами по дорогѣ въ Тебризѣ; снова всѣ облеклись въ траурныя одежды, черныя и синія. Послѣ угощенія, раздачи милостыни и выполненія религіозныхъ обрядовъ сейидами и улемами, прибывшими изъ Султаніи, Тебриза, Казвина и другихъ городовъ, принесли барабанъ (کورکه) умершаго царевича; царицы, беки и воины подняли плачъ,

---

1) Ibid. 381 сл.

2) Ср. ibid. 480 о взятіи имъ Фоджи (къ сѣверу отъ Смирны).

3) Ibid. 492.

4) О мѣстоположеніи города Якутъ, I, 408.

5) Объ этомъ мазарѣ мнѣ не приходилось встрѣчать другихъ извѣстій.

6) ظفرنامه, II, 498.

7) Дочь Акъ-Суфи, брата хорезмійскихъ владѣтелей Хусейна и Юсуфа (ibid., I, 242); выдана за Джехангира въ 1374 г. (I, 252); впослѣдствіи была женой другого сына Тимура, Мираншаха (I, 569; II, 205 сл. и друг.). Сыномъ ея отъ Мираншаха былъ Халиль (Клавихо, стр. 281).

послѣ чего барабанъ былъ разрѣзанъ на куски. Послѣ окончанія обрядовъ траурная одежда снова была снята[1]).

Въ мартѣ 1404 г., въ годовщину смерти царевича, снова были устроены поминки; Тимуръ находился въ то время въ Карабагѣ, недалеко отъ берега Аракса. Поминки на этотъ разъ состояли только въ угощеніи и выполненіи религіозныхъ обрядовъ. Мать царевича получила позволеніе отправиться въ Султанію, взять оттуда тѣло сына и отвезти его въ Самаркандъ[2]). По всей вѣроятности, это было тогда же исполнено. Самъ Тимуръ прибылъ въ Султанію въ четвергъ 20 шавваля (1 мая), принялъ тамъ деньги и другія приношенія, доставленныя сборщиками податей изъ Гиляна, и уже черезъ два дня отправился дальше въ Казвинъ[3]). Очевидно, гробъ съ тѣломъ въ то время уже былъ увезенъ изъ Султаніи, иначе Тимуръ навѣрное посѣтилъ бы могилу внука. Ибн-Арабшахъ разсказываетъ, что по приказанію Тимура всѣ жители Самарканда, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, должны были встрѣтить тѣло съ плачемъ, въ траурной одеждѣ[4]).

О погребеніи Мухаммедъ-Султана Ибн-Арабшахъ только говоритъ, что онъ былъ похороненъ въ построенномъ имъ медресе. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ Шерефъ-ад-динъ и Клавихо. Тимуръ, по разсказу Шерефъ-ад-дина, вернулся въ Самаркандъ въ мухаррем̃ѣ 807 г. (іюль — августъ 1404)[5]), остановился въ «саду чипара» въ окрестностяхъ города[6]) и тотчасъ совершилъ поѣздку въ самый городъ къ медресе Мухаммедъ-Султана, гдѣ, очевидно, находилось тѣло царевича (на это указываетъ и употребленіе термина زيارت); гдѣ и въ какой обстановкѣ оно лежало, неизвѣстно; къ постройкѣ особаго мавзолея Тимуръ приступилъ только нѣкоторое время спустя, когда окончательно переѣхалъ въ городъ и остановился въ «домѣ» (خانه) покойнаго царевича, вѣроятно, находившемся недалеко отъ медресе. Тогда же было приказано построить рядомъ съ медресе куполообразный надгробный мавзолей; «согласно приказанію передъ фасадомъ площади (در پیشگاه ساحه) ханаки[7]), смежно съ южной суфой, возвели куполъ, подобный небу, сложили нижнюю часть стѣнъ (ايزاره) изъ мрамора,

---

1) ظفرنامه, II, 507—511.

2) Ibid., II, 565 сл. По этому разсказу, поминки состоялись послѣ наступленія мѣсяца рамадана, т. е. послѣ 13 марта.

3) Ibid., II, 574.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 143 сл.

5) О слѣдованіи Тимура черезъ Шахрисябзъ въ Самаркандъ ср. выше стр. 5, прим. 3.

6) Садъ находился къ югу отъ города, недалеко отъ городской стѣны (بابر نامه, изд. Beveridge, л. 46a).

7) По переводу В. Л. Вяткина (Справ. кн., VIII, 294) «передъ открытой стороной ханаки».

украшеннаго золотомъ и лазурью, приготовили склепъ (سردابه) для погребенія, разрушили нѣсколько домовъ вокругъ зданія и устроили подобный раю садикъ»[1]). Послѣ этого Шереф-ад-динъ переходитъ къ разсказу о другихъ постройкахъ и пирахъ Тимура и до разсказа о смерти и погребенія самого Тимура больше не возвращается къ мавзолею Мухаммедъ-Султана.

Изъ разсказа Клавихо, прибывшаго въ Самаркандъ 8-го сентября того же года, мы знаемъ, что Тимуръ посѣщалъ медресе и гробницу внука и позже. Въ четвергъ 30-го октября въ память царевича былъ устроенъ «праздникъ въ родѣ поминокъ» (fiesta como vegilla); среди приглашенныхъ на этотъ праздникъ были и испанскіе послы; имъ показали «часовню» (capilla) и «гробницу» (enterramiento), устроенныя для внука Тимура. Нѣсколько выше говорится, что Тимуръ для погребенія внука велѣлъ построить «домъ и мечеть» (casas é mezquita) и что въ этомъ домѣ остановился самъ Тимуръ, когда прибылъ въ городъ изъ «орды»; дальше говорится о «мечети и гробницѣ» (mezquita é enterramiento), построенныхъ, по приказанію Тимура, городскимъ управленіемъ Самарканда. Изъ всего этого не вполнѣ ясно, понимаетъ ли авторъ подъ домомъ, мечетью, часовней и гробницей четыре различныхъ зданія. Описывается только одно зданіе, которое авторъ называетъ часовней и которое, повидимому, было уже вполнѣ закончено. Зданіе было четыреугольное, очень высокое, расписанное внутри и снаружи золотомъ и лазурью и отдѣланное изразцами и стекломъ. Клавихо слышалъ, что Тимуръ нашелъ «часовню», выстроенную городомъ, слишкомъ низкой и потому велѣлъ ее разрушить и вновь выстроить въ десять дней, что и было исполнено; Клавихо удивлялся, какъ такая работа могла быть выполнена въ такой короткій срокъ[2]).

По мнѣнію Н. И. Веселовскаго[3]), разсказы Шереф-ад-дина и Клавихо относятся не къ зданію Гуръ-эмиръ, но къ первоначальной усыпальницѣ Тимура, развалины которой находятся въ небольшомъ разстояніи отъ этого зданія. В. Л. Вяткинъ[4]), напротивъ, убѣжденъ, что имѣется въ виду именно Гуръ-эмиръ, причемъ, конечно, отпадаютъ и признаются ошибкой слова Клавихо о десятидневномъ срокѣ постройки. По мнѣнію В. Л. Вяткина, постройка мавзолея вообще не была закончена при жизни Тимура, вслѣдствіе чего Мухаммедъ-Султанъ и самъ Тимуръ «первоначально похоронены были въ ханакѣ при медресе названнаго царевича»[5]);

1) ظفرنامه, II, 595—597.
2) Жизнь Тамерлана, стр. 314 сл.
3) Самарк. мечети, стр. V сл.
4) Справ. кн., VIII, 296 сл.
5) Ibid. 297.

эта «ханака и временная усыпальница Мухаммедъ-Султана» и есть то зданіе, которое «расположено всего въ 30—40 шагахъ отъ зданія Гуръ-эміръ и въ настоящее время находится въ полуразрушенномъ видѣ»[1]).

При этомъ, однако, оставляются безъ вниманія слова Шереф-ад-дина, что постройка воздвигалась «смежно съ южной суфой ханаки». Какъ бы ни толковать слово «суфа» (къ этому вопросу мы сейчасъ вернемся), ясно, что новое зданіе должно было находиться къ югу отъ ханаки; слѣдовательно, ханаку, если принять мнѣніе В. Л. Вяткина, надо было бы искать къ сѣверу отъ Гуръ-эмира. Свѣдѣнія въ печати о мѣстоположеніи старой усыпальницы по отношенію къ Гуръ-эміру не вполнѣ ясны. Самъ В. Л. Вяткинъ въ другомъ мѣстѣ помѣщаетъ старую усыпальницу «саженяхъ въ 50-ти отъ Гуръ-эмира *къ югу*»[2]), Н. И. Веселовскій — къ востоку (безъ указаніи разстоянія)[3]). Въ маѣ 1915 г. В. Л. Вяткинъ любезно сообщилъ мнѣ частнымъ письмомъ, что старая усыпальница носитъ названіе Акъ-сарай, что кратчайшее разстояніе между ней и Гуръ-эмиромъ, по инструментальному измѣренію, 27 сажень, въ направленіи ю.-в.-в. При такихъ условіяхъ приходится признать болѣе вѣроятнымъ, что въ 1404 г. строился Акъ-сарай и что Гуръ-эміръ тогда былъ «ханакой» при медресе Мухаммедъ-Султана[4]).

Въ пользу этого, повидимому, говорятъ также слова о постройкѣ мавзолея передъ фасадомъ ханаки. Характеръ зданія Гуръ-эміръ впослѣдствіи настолько измѣнился, что вопросъ о первоначальномъ мѣстоположеніи фасада и главныхъ дверей вызываетъ споры. Вамбери[5]) утверждалъ, что входъ въ зданіе обращенъ на востокъ, а фронтонъ, «согласно требованіямъ закона» (?), на югъ «въ сторону киблы» (т. е. на юго-западъ). Въ настоящее время употребляется только боковой западный входъ, надъ которымъ находится извѣстная надпись съ именемъ персидскаго архитектора Мухаммеда ибн-Махмуда исфаханскаго (извѣстно, что ни имени Тимура, ни имени Мухаммедъ-Султана на зданіи нѣтъ — рѣдкій въ исторіи

---

1) Ibid. 299.

2) Справ. кн., IV, отд IV, стр. 33, прим. 4.

3) Самарк. мечети, стр. VIII.

4) Неизвѣстно, на чемъ основаны крайне сбивчивыя показанія Абу-Тахиръ-ходжи (Самарія, стр. 32; Справ. кн., VI, 184), по которымъ Тимуръ построилъ «гумбезъ» къ западу отъ медресе Мухаммедъ-Султана (въ текстѣ по ошибкѣ «Пиръ-Мухаммедъ-Султанъ») и въ то же время къ сѣверу отъ гумбеза построилъ (другое?) «высокое медресе».

5) Vambéry, Reise in Mittelasien, S. 168: «Der Eingang in die Kapelle ist gegen Osten, die Front der Vorschrift gemäss gegen Süden (Kible)». Русскій переводъ (съ англійскаго; оригиналъ вышелъ одновременно на двухъ языкахъ): «Въ часовню входятъ съ запада, а фронтонъ ея, согласно съ законами, выходитъ на югъ» (Путешествіе по Средней Азіи, С.-Пб., 1865, стр. 106).

архитектуры этой эпохи примѣръ, когда постройка сохранила имя архитектора и не сохранила имени царственнаго строителя). По мнѣнію В. Л. Вяткина, «расположеніе двухъ бывшихъ при Гуръ-эмирѣ минаретовъ указываетъ на то, что фасадъ зданія, а слѣдовательно и главныя двери были обращены на сѣверъ». В. Л. Вяткинъ пользуется этимъ фактомъ, какъ лишнимъ доводомъ противъ мнѣнія, что постройка первоначально служила мѣстомъ молитвы, такъ какъ отступленіе отъ обычая устраивать главный входъ въ мечеть съ восточной стороны допускалось только въ силу необходимости. Противъ этого довода говоритъ, однако, замѣчаніе самого В. Л. Вяткина, что первоначально по сторонамъ зданія могло быть не два минарета, какъ въ эпоху русскаго завоеванія, а четыре [1]). Если зданіе было ханакой и если входъ въ него былъ съ восточной стороны, то слова о постройкѣ мавзолея «передъ фасадомъ» ханаки съ нѣкоторымъ отклоненіемъ къ югу («смежно съ южной суфой») вполнѣ соотвѣтствовали бы мѣстоположенію Акъ-сарая.

Слово «суфа» какъ Н. И. Веселовскій [2]), такъ и В. Л. Вяткинъ [3]) переводятъ словомъ «эстрада», безъ всякихъ поясненій; между тѣмъ въ литературѣ послѣдующей эпохи этотъ архитектурный терминъ употребляется въ различныхъ значеніяхъ. Такъ называлось возвышеніе внутри зданія, между прочимъ въ Гуръ-эмирѣ эстрада съ надгробіемъ одного изъ двухъ похороненныхъ въ этомъ зданіи шейховъ, сейида Омара [4]). Иногда слово «суфа» употребляется какъ синонимъ слова «дахма» (гробница); такъ извѣстная «дахма» шейбанидовъ въ Самаркандѣ [5]) называется также суфой [6]). Не о такой «суфѣ», очевидно, говорится въ разсказѣ о постройкѣ мавзолея рядомъ съ «южной суфой» ханаки. Чтобы понять значеніе этого термина въ данномъ случаѣ, необходимо обратиться къ разсказу того же Шереф-ад-дина о постройкѣ мазара Хазретъ-Султана въ городѣ Туркестанѣ [7]). Зданіе состояло изъ арки (طاق) съ двумя минаретами и двухъ куполообразныхъ построекъ (гумбезовъ) съ квадратнымъ основаніемъ, одного большого (сторона—30 гязовъ), другого меньшаго (сторона—12 гязовъ); при этомъ упоминаются «чехâръ-суфа» для могилы святого «въ сторону киблы отъ большого гумбеза, смежно съ нимъ», и двѣ другихъ «чехâръ-

1) Справ. кн., VIII, 300.
2) Самарк. мечети, стр. VII.
3) Справ. кн., VIII, 294.
4) Самарія, стр. 33. Справ. кн., VI, 184.
5) Ср. описаніе ея въ статьѣ Н. И. Веселовскаго «Подробности смерти узбецкаго хана Мухаммеда Шейбани» (изъ III т. 8-го Археол. Съѣзда въ Москвѣ), стр. 7 сл.
6) Самарія, стр. 18,2. Справ. кн. VI, 171 и 242.
7) ظفرنامه, II, 9 сл.

суфы» по обѣ стороны гумбеза, каждая въ $16\frac{1}{2}$ гязовъ въ длину и $13\frac{1}{2}$ въ ширину, для устройства собраній (جهت جماعتخانه). Слово «чеха̂ръ» въ данномъ случаѣ, очевидно, есть не числительное «четыре», но часть сложнаго термина; «чеха̂ръ-суфа» значитъ не «четыре суфы»[1]), а «большая четыреугольная суфа». Къ сожалѣнію, въ настоящее время еще не опубликованы планы и чертежи зданія Хазретъ-Султанъ, изготовленные въ 1905 г. на средства Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи[2]); по этимъ планамъ, вѣроятно, можно было бы точно установить, какимъ частямъ зданія соотвѣтствуютъ упоминаемыя Шереф-ад-диномъ чехаръ-суфы. Суфы, какъ помѣщенія для дервишей, были и при другихъ ханакахъ; такъ Джами[3]) разсказываетъ о пребываніи въ Дизфулѣ, въ ханакѣ шейха Исмаила Касри, хорезмійскаго шейха Неджм-ад-дина Кубра̂, котораго помѣстили «въ суфѣ міянъ-сарая[4]), напротивъ суфы дервишей».

Приведенныя выше данныя ясно показываютъ, что въ 1404 г. строился только гумбезъ, или, по выраженію анонимнаго автора تاريخ الخيرات, «куполъ медресе и ханаки»[5]), гдѣ былъ погребенъ царевичъ; самыя зданія медресе и ханаки давно были готовы. Акъ-сарай, какъ видно даже изъ описанія В. Л. Вяткина, вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію. Зданіе «внутри весьма богато украшено изразцами и расписано краской и позолотой. Работа замѣчательно тонкая и художественная. Рисунокъ въ другихъ древнихъ самаркандскихъ постройкахъ не повторяется»[6]). Послѣ этого едва ли можно утверждать, по примѣру В. Л. Вяткина, что зданіе было ханакой и только случайно, вслѣдствіе незаконченности мавзолея, сдѣлалось мѣстомъ погребенія Мухаммедъ-Султана и самого Тимура. Ни въ сочиненіи Клавихо, ни въ другихъ источникахъ мы не находимъ указаній, что постройка мавзолея въ 1404 г. была только начата, но не закончена. В. Л. Вяткинъ ссылается на разсказъ Клавихо о пріемѣ пословъ Тимуромъ въ пятницу 1-го ноября «въ томъ домѣ съ мечетью, который онъ приказалъ построить и въ которомъ тогда шли работы»; но изъ контекста видно, что въ данномъ случаѣ говорится о медресе Сарай-мулькъ-

---

1) Ср. особенно выраженіе دو چهار صفهٔ دیکر.

2) Изв. Р. Комитета, № 6 (1906 г.), стр. 23 сл. Ср. также планъ въ Проток. Турк. кружка люб. арх., XII, къ стр. 19.

3) نفحات, стр. 272.

4) Слово میان سرای встрѣчается и у Абу-Тахиръ-ходжи (Самарія, стр. 23 сл.), при описаніи зданій Шахъ-зиндэ. В. Л. Вяткинъ переводитъ его то буквально («срединный сарай», Справ. кн., VI, 176 сл.), то словомъ «корридоръ» (ibid. 178).

5) Рук. Брит. муз. Or. 4898, л. 297б: در قبّهٔ مدرسه وخانقاه كه بنا فرمودهٔ وى بود.

6) Справ. кн., VIII, 299.

ханымъ («Биби-ханымъ») и расположенной напротивъ него знаменитой соборной мечети.

Самый вѣскій доводъ въ пользу мнѣнія В. Л. Вяткина — указаніе на надписи внутри Гуръ-эмира, гдѣ говорится только о смерти и загробной жизни. Остается, однако, вопросъ, были ли надписи сдѣланы при первоначальной постройкѣ зданія, или во время перестройки, когда въ него былъ перенесенъ прахъ Тимура, Мухаммедъ-Султана и сейида Береке. Сверхъ того такія надписи были возможны и въ ханакѣ, такъ какъ на послѣднюю всегда смотрѣли, какъ на мѣсто будущаго погребенія ея строителя. Въ одномъ изъ этихъ хадисовъ говорится о блаженствѣ человѣка «кто приготовитъ себѣ могилу раньше, чѣмъ сойдетъ въ нее»[1]); эти слова могутъ относиться къ ханакѣ Мухаммедъ-Султана, но не къ мавзолею 1404 г., который предназначался только для умершаго царевича, а не для самого Тимура.

2.

Клавихо и его спутники покинули Самаркандъ въ пятницу 21-го ноября[2]); въ четвергъ 27-го[3]) въ противоположномъ направленіи выступилъ изъ Самарканда Тимуръ и началъ свое послѣднее военное предпріятіе — походъ на Китай. Извѣстно, что онъ дошелъ только до Отрара, гдѣ умеръ, по словамъ Шерефъ-ад-дина[4]) и Ибн-Арабшаха[5]), въ среду 18-го февраля 1405 г., по надгробной надписи и по словамъ анонима, писавшаго для Искендеръ-Султана, тремя днями раньше[6]). Событія слѣдующаго мѣсяца, до захвата Самарканда внукомъ Тимура Халиль-Султаномъ, разсказаны довольно подробно у Шерефъ-ад-дина, источникомъ котораго было, повидимому, анонимное сочиненіе, сохранившееся только въ лондонской рукописи Or. 159 и обнимающее только событія первыхъ лѣтъ послѣ смерти Тимура[7]); нѣкоторые факты находятъ себѣ въ этомъ трудѣ

1) Справ. кн., IV, отд. IV, стр. 3.

2) Жизнь Тамерлана, стр. 344. Замѣчательно, что Клавихо ничего не зналъ о предстоявшемъ выступленіи Тимура, не узналъ также потомъ, что походъ состоялся, и полагалъ, что Тимуръ умеръ въ Самаркандѣ (ibid. 361).

3) Дата въ ظفرنامه, II, 637 (23 джумада I).

4) ظفرنامه, II, 661.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 172.

6) 14-го ша'бана 807, см. статью Л. А. Зимина въ Проток. Турк. кружка люб. арх., XIX (ср. поправку въ концѣ тома), 49 сл. Въ качествѣ дня недѣли и здѣсь названа среда, что не соотвѣтствуетъ 14-му ша'бана. Число «14» въ надгробной надписи и въ рукописи Or. 1566 произошло, вѣроятно, отъ смѣшенія мусульманской даты съ датой по персидскому календарю (по Шерефъ-ад-дину 14 исфандармуда 326 г. эры Джелали).

7) О немъ Rieu, Pers. Man., p. 180.

болѣе правильное освѣщеніе и объясненіе, чѣмъ въ ظفرنامه[1]). Такъ изъ рукописи Or. 159 видно, что не имѣлось въ виду послѣ смерти Тимура продолжать походъ до самаго Китая, какъ можно было бы думать на основаніи словъ Шерефъ-ад-дина; предполагалось осуществить только ближайшую цѣль предпріятія — нанести ударъ средне-азіатскимъ монголамъ[2]). Даже для этой цѣли было необходимо на нѣкоторое время скрыть отъ всѣхъ смерть Тимура; когда это не удалось и начались смуты, пришлось не только отказаться отъ всякихъ дѣйствій противъ монголовъ, но даже уступить имъ завоеванныя Тимуромъ земли[3]).

Гробъ съ тѣломъ Тимура былъ отправленъ въ Самаркандъ темною ночью[4]). По разсказу анонимнаго автора, трупъ надушили благовоніями, розовой водой, мускусомъ и камфорой[5]); гробъ поставили на носилки, украшенныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ (بلالی ودرر); отвезеніе тѣла было поручено Ходжѣ-Юсуфу; по всей вѣроятности, онъ на пути долженъ былъ дѣлать видъ, что везетъ одну изъ женъ или наложницъ Тимура, отправленную обратно въ Самаркандъ. Царицамъ и царевичамъ было предложено, «согласно требованію шарі'ата и разсудка» (شرعا وعقلا), не надѣвать траурныхъ одеждъ[6]). Черезъ день послѣ отправленія носилокъ были отправлены въ Самаркандъ царицы; при этомъ произошло то совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ, которое въ разсказѣ Шерефъ-ад-дина связывается непосредственно съ отправленіемъ тѣла Тимура.

---

1) Чтобы показать тѣсную связь между обоими источниками, достаточно привести начало разсказа о совѣщаніи по вопросу о престолонаслѣдіи:

Or. 159, л. 21б:	ظفرنامه, II, 675:
هرچند وصيّت حضرت خاقانى در بارهٔ امیرزاده پیر محمد بهادر صادر شده فامّا چون اکنون او در قندهارست ویمکن که ضرورتی در نواحئ آن مملکت که سرحدّ هندست روی نموده باشد واو تاختی بدان اطراف کرده ودیرتر بسمرقند رسد	هرچند صاحب قران سعید مغفور وصيّت کرده که ولی عهد امیرزاده پیر محمد باشد وما بندکان بر همان عهدیم لیکن شاهزادهٔ مشار الیه در قندهار است وشاید که لشکر بجانب هند برده باشد وازو تا بما مسافتی بعید است

2) Or. 159, л. 20б: ترکتازی بر سر مغول برند ودمار از روزکار آن قوم فضول بر آورند وچون دل ازان کار بپردازند وآن مهمّ دینی‌را چارهٔ سازند مراجعت نمایند. Ср. текстъ ظفرنامه, II, 673.

3) О событіяхъ на сѣверо-восточной границѣ имперіи подробнѣе всего говоритъ Ибн-Арабшахъ, стр. 183 сл. и 190.

4) Рукописью Or. 159 не подтверждается маловѣроятный разсказъ Шерефъ-ад-дина (II, 668 сл.) о траурной церемоніи въ четвергъ 19-го утромъ въ лѣсу на лѣвомъ берегу Сыръ-дарьи.

5) Въ рук. Or. 159, л. 20б стихъ:

بخوشبوی وکلاب ومشك وكافور   معطّر کرده در تابوتی از نور

6) Or. 159, л. 21а.

Ходжа-Юсуфъ прибылъ въ Самаркандъ гораздо раньше царицъ, по словамъ Шереф-ад-дина уже въ понедѣльникъ 23-го февраля[1]), что по разстоянію между Отраромъ и Самаркандомъ едва ли возможно. Тѣло въ ту же ночь, очевидно, тайно, было опущено въ склепъ, причемъ были выполнены только религіозные обряды. Мѣсто погребенія названо у Шереф-ад-дина «куполомъ гробницы» (قبّهٔ مرقد), у Абд-ар-Реззака Самарканди, вообще въ своемъ разсказѣ объ этихъ событіяхъ почти буквально повторяющаго слова Шереф-ад-дина, — особымъ мавзолеемъ (کنبد خاصّ)[2]).

Ко времени прибытія царицъ фактъ смерти Тимура былъ уже всѣмъ извѣстенъ; послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ жены Тимура были впущены въ городъ; царевичамъ и военачальникамъ было отказано въ этомъ до рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Царицы и немногіе бывшіе съ ними царевичи[3]) остановились въ ханакѣ Мухаммедъ-Султана, гдѣ былъ погребенъ Тимуръ[4]). Вмѣстѣ съ царевнами и другими знатными женщинами онѣ выполнили обычные у кочевниковъ траурные обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица; рвали себѣ волосы, бросались на землю и посыпали головы прахомъ, накрывали шею войлокомъ. При этомъ присутствовали въ траурныхъ одеждахъ бывшіе въ городѣ царевичи и вельможи, даже представители ислама, какъ шейх-ал-исламы Абд-ал-Эввель и Исам-ад-динъ; всѣ базарные лавки были закрыты. Печальные обряды были совершены еще разъ, съ большею торжественностью, послѣ вступленія на престолъ Халиль-Султана, занявшаго городъ ровно черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Тимура, въ понедѣльникъ 18 марта[5]). Два дня спустя онъ отправился въ ханаку Мухаммедъ-Султана, гдѣ была гробница Тимура[6]). На этотъ разъ въ обрядахъ принимали участіе, въ черныхъ траурныхъ одеждахъ, не только царицы, царевичи, вельможи и должностныя лица, но все населеніе города. Для успокоенія души Тимура читали Коранъ, раздавали милостыню; нѣсколько дней кряду для угощенія толпы рѣзали лошадей, быковъ и барановъ. Послѣ этого былъ выполненъ тотъ же обрядъ, какъ во время поминокъ по Мухаммедъ-Султанѣ въ Оникѣ: съ плачемъ принесли собственный барабанъ Тимура; барабанъ своими звуками принялъ участіе

1) Дата (22 ша'бана) въ ظفرنامه, II, 675.

2) Рук. унив. 157, л. 156б.

3) Имена нѣкоторыхъ въ ظفرنامه, II, 704.

4) Слова текста (ظفرنامه, II, 705): وخانقاه اميرزاده محمد سلطان را كه مرقد مقرون بناز ونعيم مخلد صاحبقران موبد آنجا بود محلّ نزول ساختند.

5) Дата (16 рамазана) въ ظفرنامه, II, 712.

6) Текстъ (ibid. 713): بخانقاه اميرزاده محمد سلطان رفت كه تربت محفوف برحمت پادشاه سعيد مغفور آنجا بود.

въ траурной церемоніи, потомъ кожу его разрѣзали, чтобы онъ никому больше не служилъ[1]).

Въ противоположность Шерефъ-ад-дину, Ибн-Арабшахъ ничего не сообщаетъ ни о предварительномъ погребеніи, ни о первомъ совершеніи траурныхъ обрядовъ; по его представленію, только Халиль-Султанъ привезъ тѣло Тимура въ Самаркандъ[2]). Тамъ оно было положено въ гробъ изъ чернаго дерева; гробъ несли люди на головѣ въ торжественной процессіи, въ которой принимали участіе, съ непокрытой головой и въ траурной одеждѣ, князья (الملوك), эмиры, вельможи и воины. Тимура похоронили въ медресе Мухаммедъ-Султана, около строителя медресе, въ склепѣ; находились ли гробницы Тимура и его внука подъ одной крышей, изъ текста не видно[3]). Изъ обрядовъ говорится только о чтеніи Корана, раздачѣ милостыни и угощеніи; за то Ибн-Арабшахъ, одинъ изъ всѣхъ историковъ, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о внутреннемъ убранствѣ мавзолея. На могилу (قبر) Тимура были положены его одежды (اقمشة), по стѣнамъ были развѣшаны предметы его вооруженія (اسلحة) и утвари (امتعة); все это было украшено драгоцѣнными камнями и позолотой; цѣна ничтожнѣйшаго изъ этихъ предметовъ равнялась подати цѣлаго округа. Съ потолка, подобно звѣздамъ на небѣ, висѣли золотыя и серебряныя люстры; одна изъ золотыхъ люстръ вѣсила 4000 мискалей (золотниковъ). Полъ былъ покрытъ шелковыми и бархатными коврами (فروش الحرير والديباج); тѣло черезъ нѣкоторое время было переложено въ стальной (من فولاذ) гробъ, приготовленный искуснымъ мастеромъ изъ Шираза. Къ гробницѣ (حفرة) были приставлены, съ опредѣленнымъ жалованіемъ, чтецы Корана и служителя, къ медресе — привратники и сторожа (القومة). Могила (قبر) пользовалась такимъ уваженіемъ, что передъ ней совершались молитвы и приносились обѣты; изъ уваженія къ ней князья (الملوك), проѣзжавшіе мимо, наклоняли голову, иногда даже сходили съ коней[4]).

Трудно сказать, относился ли этотъ знакъ уваженія всегда къ гробницѣ Тимура. Еще прежде такое же уваженіе оказывали расположенной приблизительно въ той же мѣстности, въ цитадели, гробницѣ Насир-ад-дина Басира; по словамъ біографа шейха, самаркандскій шейх-ал-исламъ Абд-ал-Меликъ и другіе ученые и благочестивые люди всегда проходили

---

1) ظفرنامه, II, 714.

2) Ибн-Арабшахъ, стр. 178 сл.: وجهله فى محفّة بعد العجلة وصبره والوى راجعا الى سمرقند.

3) Слова حفرة لحدّه (ibid. 181) даже говорятъ скорѣе противъ этого.

4) Ибн-Арабшахъ, стр. 181.

передъ мазаромъ пѣшкомъ и даже снимали обувь[1]). Иное чувство къ могилѣ Тимура испытывали, конечно, находившіеся въ Самаркандѣ плѣнники; Шильдбергеръ разсказываетъ, что въ «храмѣ», гдѣ былъ похороненъ Тимуръ, по ночамъ раздавались стоны, прекратившіеся только тогда, когда уведенныхъ Тимуромъ плѣнныхъ отпустили на родину[2]).

Не согласное съ правилами ислама убранство мавзолея было удалено только послѣ занятія Самарканда Шахрухомъ, что произошло въ маѣ 1409 г.[3]). По разсказу Ибн-Арабшаха, Шахрухъ посѣтилъ могилу своего отца, вновь совершилъ траурные обряды, утвердилъ[4]) приставленныхъ къ мавзолею (تربة) чтецовъ Корана, сторожей и служителей, но велѣлъ убрать и передать въ казну находившіеся при гробницѣ (حفرة) предметы одежды, утвари и вооруженія[5]).

Съ событіями 1409 г. и слѣдующихъ лѣтъ связана, по всей вѣроятности, еще другая перемѣна, о которой говоритъ Шереф-ад-динъ, не опредѣляя точно времени. Тимуръ, всегда питавшій искреннюю любовь къ потомкамъ пророка, будто бы выражалъ желаніе, чтобы его похоронили у подножія гробницы сейида Берекс; поэтому «черезъ нѣкоторое время» (بعد از چند گاه)[6]) гробъ съ тѣломъ сейида перенесли изъ Андхоя въ Самаркандъ и похоронили въ «куполообразной постройкѣ, воздвигнутой Тимуромъ, смежной съ суфой упомянутой ханаки»; Тимура положили, согласно его желанію, у ногъ сейида; въ ту же куполообразную постройку перенесли прахъ Мухаммедъ-Султана и похоронили рядомъ съ Тимуромъ[7]).

Къ сожалѣнію, кромѣ Шереф-ад-дина (и писавшихъ съ его словъ) ни одинъ авторъ ни упоминаетъ ни о перенесеніи праха сейида изъ Андхоя въ Самаркандъ, ни о перенесеніи праха Тимура и его внука изъ одного зданія въ другое. Трудно допустить, чтобы то и другое могло произойти до 1409 г. Во-первыхъ, слова Ибн-Арабшаха ясно показываютъ, что обстановка мавзолея между 1405 и 1409 гг. оставалась безъ измѣненія; во-вторыхъ, Самаркандъ въ это время принадлежалъ Халилю, Андхой

---

1) Рукоп. унив. 859, стр. 205 сл.

2) Путешествіе И. Шильдбергера (Зап. Имп. Новоросс. унив., годъ I, т. I, 1867), стр. 27.

3) Дата у Абд-ар-Реззака Самарканди (рук. унив. 157, л. 180б)—27 зу-ль-хиджа 811= 13 мая 1409 г.

4) Такъ, повидимому, надо понимать выраженія جدّد ترتيب الخ и استأنف معالم الخ.

5) Ибн-Арабшахъ, стр. 214.

6) Трудно понять, почему E. Blochet переводитъ (по тексту Хондемира) «quelques jours après» (Les inscriptions de Samarkand, Paris 1897, p. 33).

7) ظفرنامه, II, 719.

Шахруху; отношенія между этими владѣтелями были настолько враждебны, что перенесеніе тѣла сейида изъ Андхоя въ Самаркандъ въ эти годы едва ли вообще было возможно. Трудъ Абд-ар-Реззака, всецѣло основанный на трудѣ Хафизи-Абру [1]), даетъ не вполнѣ правильное представленіе о событіяхъ; какъ при жизни Тимура, въ первоначальной редакціи ظفرنامه, была обойдена молчаніемъ ссора между Тимуромъ и Мираншахомъ [2]), такъ придворный историкъ Шахруха, очевидно по желанію своего государя, въ своемъ разсказѣ о борьбѣ Шахруха съ Халилемъ и другими родственниками многое смягчаетъ, о многомъ умалчиваетъ совсѣмъ. Договоръ 1405 г. истолкованъ въ смыслѣ подчиненія Халиля верховной власти Шахруха; упоминается о томъ, что Халиль обязался выдать Шахруху деньги, принадлежавшія сыновьямъ Шахруха Улугбеку и Ибрагиму и находившіяся въ Самаркандѣ, и что Шахрухъ отправилъ за этими деньгами своихъ посланцевъ [3]), но умалчивается о результатѣ посольства, о которомъ разсказываетъ одинъ изъ его участниковъ, историкъ Фасихъ: деньги не только не были выданы, но послы были вынуждены спасаться бѣгствомъ; имъ пришлось скакать день и ночь, чтобы успѣть переправиться черезъ Аму-дарью и вернуться къ своему государю [4]). Въ февралѣ 1406 г. [5]), во время битвы между Халилемъ и Пиръ-Мухаммедомъ, Улугбекъ и его опекунъ Шахъ-Меликъ, несмотря на существовавшее между Шахрухомъ и Халилемъ соглашеніе, находились въ войскѣ Пиръ-Мухаммеда, причемъ изъ рукописи Or. 159 видно, что между Шахрухомъ и Пиръ-Мухаммедомъ дѣйствительно существовалъ союзъ. Въ той же рукописи приводятся написанныя нѣсколько раньше письма Шахруха къ Мираншаху, гдѣ Шахрухъ требовалъ, чтобы Халиль уступилъ Самаркандъ Пиръ-Мухаммеду и удалился въ удѣлъ, назначенный ему при Тимурѣ, именно

---

1) Хафизи-Абру, какъ было установлено мною въ 1914 г., писалъ исторію царствованія Шахруха уже въ первые годы этого царствованія, и эта редакція его труда сохранилась въ рукописи Ind. Office (Ethé, Ind. Off., p. 76). Ср. Изв. Акад. Наукъ 1914, стр. 881.

2) По ظفرنامه Шерефъ-ад-дина (II, 199 сл.) походъ 1399 г. на западъ былъ вызванъ главнымъ образомъ дѣйствіями Мираншаха; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ ظفرنامه Низам-ад-дина Шами (рук. Брит. муз. Add. 23980, л. 155б) о Мираншахѣ ничего не говорится; походъ будто бы былъ вызванъ извѣстіемъ о несчастіяхъ (فتور) въ Иранѣ, особенно въ Азербайджанѣ, и о враждебныхъ дѣйствіяхъ грузинъ и армянъ.

3) Хафизи-Абру, рукоп. Bodl. Elliot 422, л. 12б; مطلع السعدين, рук. унив. 157, л. 164а.

4) تاريخ فصيحى, рук. Аз. муз. 581а, л. 394б.

5) Дата по Ибн-Арабшаху (стр. 197) воскресеніе 1 рамазана 808 г. (21 февр.), по Абд-ар-Реззаку (рук. унив. 157, л. 170б) понед. 2-го рамазана (также Хафизи-Абру въ рук. Ind. Off., л. 51б). По рук. Or. 159, л. 117а 4-го рамазана.

«въ область Байлакана, Барда', Грузію, Арменію и Тифлисъ до предѣловъ Трапезунта»[1]).

Какъ строгій блюститель шарі'ата, Шахрухъ не могъ не очистить мавзолея Тимура отъ языческаго убранства; но очень вѣроятно, что въ Самаркандѣ его распоряженіе вызвало нѣкоторое неудовольствіе, особенно среди военнаго сословія. Перенесеніе тѣла сейида изъ Андхоя, можетъ быть, имѣло цѣлью успокоить недовольныхъ; было извѣстно, что сейидъ пользовался при Тимурѣ большимъ уваженіемъ. Можно, однако, сомнѣваться въ томъ, дѣствительно ли Тимуръ желалъ быть похороненнымъ рядомъ съ сейидомъ или это желаніе было только приписано ему Шахрухомъ. Сейидъ умеръ зимой 1403—4 г. въ Карабагѣ, и тогда же было приказано отправить его тѣло въ Андхой[2]), гдѣ находился его удѣлъ и гдѣ жили его родственники. Если бы это погребеніе считалось только временнымъ, то для сейида, вѣроятно, строился бы мавзолей въ Шахрисябзѣ; но объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Извѣстія о личности сейида Береке и о степени его вліянія на Тимура довольно скудны. Противорѣчивы извѣстія о его происхожденіи; по словамъ Ибн-Арабшаха, онъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ происходилъ изъ Египта, по другимъ — изъ Медины, по другимъ — изъ Мекки; Тимуръ, по его просьбѣ, подарилъ ему Андхой, причислявшійся къ вакфамъ священныхъ городовъ (Мекки и Медины), и эта мѣстность еще при Ибн-Арабшахѣ считалась собственностью потомковъ Береке[3]). По словамъ Шереф-ад-дина, сейидъ впервые выступилъ въ 1370 г., незадолго до побѣды Тимура надъ Хусейномъ. Береке принадлежалъ къ меккскимъ шерифамъ и прибылъ въ Хорасанъ по дѣламъ вакфовъ священныхъ городовъ; Хусейнъ не только ничего не далъ ему, но даже не оказалъ ему должнаго уваженія[4]); тогда онъ обратился къ Тимуру и принесъ ему барабанъ и знамя; Тимуръ исполнилъ всѣ его желанія и передалъ въ его распоряженіе всѣ суммы вакфовъ[5]); о томъ, что эти вакфы находились въ Андхоѣ, Шереф-ад-динъ не упоминаетъ. Въ противоположность разсказу Шереф-ад-дина, по которому Береке только при Тимурѣ прибылъ въ Хорасанъ изъ Мекки, авторъ «Кандіи» причисляетъ «сейида эмира Береке» къ «андхойскимъ сейидамъ», будто бы

---

1) Рук. Or. 159, л. 73б: وبسوبهٔ بیلقان وبردع وکرجستان وارمینیّه وتفلیس تا بحدود طرابزون که بهترین معمورهٔ ربع مسکون است قناعت کرده روانهٔ آن مملکت شود... (слѣдуютъ стихи) وسوبهٔ ممالك ماوراء النهررا بامیرزاده پیر محمد بهادر سپارد

2) ظفرنامه, II, 564.

3) Ибн-Арабшахъ, стр. 15.

4) Объ этомъ подробнѣе مطلع السعدین, рук. унив. 157, л. 60б.

5) ظفرنامه, I, 194.

происходившимъ отъ брака ходжи Юсуфа андхойскаго[1]) и дочери имама Хасана, сына Алія[2]).

Шереф-ад-динъ увѣряетъ, что сейидъ всюду сопровождалъ Тимура; впослѣдствіи они были похоронены въ одномъ мавзолеѣ, причемъ лицо Тимура было обращено въ сторону сейида[3]). Въ разсказахъ объ отдѣльныхъ событіяхъ царствованія Тимура имя сейида, однако, встрѣчается рѣдко. Въ 1383 г. онъ вмѣстѣ съ другими представителями духовенства увѣщевалъ Тимура, когда тотъ слишкомъ предавался горю послѣ смерти сестры и не хотѣлъ заниматься государственными дѣлами[4]); въ 1391 г. онъ произнесъ молитву предъ битвой съ Тохтамышемъ[5]); въ 1392 г. онъ неудачно выступалъ посредникомъ между Тимуромъ и мазандеранскими сейидами[6]). Въ концѣ 1403 г., незадолго до своей смерти, онъ прибылъ къ Тимуру въ Карабагъ; Тимуръ вышелъ изъ своего шатра, чтобы его встрѣтить; оплакивая Мухаммедъ-Султана, сейидъ снялъ съ головы чалму и началъ рыдать; Тимуръ обнялъ его, и оба вмѣстѣ долго плакали[7]). Битву съ Тохтамышемъ Ибн-Арабшахъ переноситъ на берегъ Сыръ-дарьи (въ дѣйствительности она произошла къ западу отъ Урала), и приписываетъ сейиду въ этой битвѣ болѣе яркую роль. Войско Тимура было уже близко къ пораженію, когда явился сейидъ, ободрилъ Тимура, сошелъ съ коня, набралъ горсть мелкихъ камней, снова сѣлъ на коня и бросилъ камни въ лицо врагамъ съ громкимъ крикомъ: «Ягы качты» (по-турецки: «врагъ бѣжалъ»). Тимуръ и всѣ его воины повторили тотъ же крикъ, бросились на враговъ, и войско Тохтамыша было разбито[8]). Ибн-Арабшахъ приводитъ изреченіе Тимура, будто бы объяснявшаго всѣ свои успѣхи молитвой шейха Шемс-ад-дина Кулаля, заботой шейха Зейн-ад-дина Хавафи[9]) и благословеніемъ[10]), исходившимъ отъ сейида Береке[11]).

1) Повидимому, здѣсь въ I в. хиджры перенесено лицо, жившее пятью вѣками позже. Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 352, пр. 2 и ЗВО XX, 047, пр. 2.

2) Рук. унив. 859, стр. 113 сл.: در تصحیح النصّ سلطان سیّد احد کبیر آورده اند که امام حسن‌را چهار فرزند بوده یك دختر وسه پسر مانده دختررا خواجه یوسف اندخوی (sic) خواسته بوده اند وسیّدان اندخو (sic) ازان دختر اند به بلدهٔ محفوظهٔ سمرقند مشهور الوقت سیّد امیر برکة علیهم الرحمة والرضوان

3) ظفرنامه, I, 195.

4) ظفرنامه, I, 356.

5) Ibid. 538.

6) Ibid. 569. О посредничествѣ сейида Береке упоминаетъ и Захир-ад-динъ Мар'аши (текстъ въ изд. Дорна, стр. 420).

7) ظفرنامه, II, 559 сл.

8) Ибн-Арабшахъ, стр. 15.

9) Тимуръ встрѣтился съ нимъ въ 1381 г.; стр. ظفرنامه I, 311 сл.; Ибн-Арабшахъ, стр. 20 сл.; Хафизи-Абру, рук. публ. библ. Dorn 290, л. 280б.

10) Игра словъ съ именемъ برکة.

11) Ибн-Арабшахъ, стр. 9.

Изъ словъ Шерефъ-ад-дина можно вывести заключеніе, что строившійся въ 1404 г. мавзолей, «смежный съ суфой ханаки», до прибытія въ Самаркандъ тѣла сейида Береке стоялъ пустымъ; прежде всего тамъ похоронили сейида, потомъ у ногъ его положили Тимура, наконецъ, перенесли въ то же зданіе тѣло Мухаммедъ-Султана[1]). Трудно согласить это со словами того же автора, что въ 1404 г. строилось «куполообразное зданіе для погребенія» (گنبذى جهت مرقد) Мухаммедъ-Султана[2]) и что тѣло Тимура еще въ февралѣ 1405 г. было положено «въ куполообразное зданіе для погребенія» (بقبّهٔ مرقد)[3]); трудно допустить, что рѣчь идетъ о двухъ различныхъ зданіяхъ. Гораздо правдоподобнѣе, что тѣло Тимура при Халилѣ покоилось въ мавзолеѣ, построенномъ для Мухаммедъ-Султана, и что только перенесеніемъ въ Самаркандъ тѣла сейида были созданы новыя условія, не имѣвшіяся въ виду при постройкѣ 1404 года. Какъ ни велико было уваженіе Тимура къ сейидамъ и шейхамъ, извѣстія о мавзолеяхъ въ Шахрисябзѣ и сохранившіеся до сихъ поръ мавзолеи тимуровской эпохи въ Самаркандѣ показываютъ, что считалось совершенно достаточнымъ строить мавзолеи для членовъ царствующаго рода рядомъ съ могилами святыхъ; этимъ похороненному въ мавзолеѣ было обезпечено покровительство святого и въ то же время давался просторъ для той полуязыческой пышности, которой былъ окруженъ гробъ Тимура до 1409 г. и которая едва ли была бы возможна непосредственно надъ гробомъ мусульманскаго святого. По мѣрѣ укрѣпленія въ Средней Азіи идеи шаріʿата старались установить болѣе тѣсную связь между сейидами и представителями свѣтской власти; въ XIX в., какъ извѣстно, бухарскіе эмиры и хивинскіе ханы даже насильно брали себѣ женъ изъ потомковъ пророка, чтобы ихъ потомки могли присоединить къ своимъ титуламъ титулъ «сейидъ». Въ XV в. до этого еще не доходило; но уже въ XV и XVI вв. государи находили нужнымъ переносить въ мавзолеи своихъ предковъ тѣла сейидовъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется фактъ, что и въ Шахрисябзѣ прахъ отца Тимура, какъ мы видѣли, лежитъ въ одномъ мавзолеѣ съ прахомъ нѣсколькихъ сейидовъ.

Къ числу такихъ ревностныхъ сторонниковъ шаріʿата принадлежалъ и Шахрухъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ авторъ, кромѣ Ибн-Арабшаха, не упоминаетъ о перемѣнахъ, произведенныхъ имъ въ мавзолеѣ Тимура; смутнымъ отголоскомъ этихъ перемѣнъ является, можетъ быть, фантастическій

---

1) ظفرنامه, II, 719.
2) Ibid. 596 внизу.
3) Ibid. 675 наверху.

разсказъ Абу-Тахиръ-ходжи, будто Шахрухъ перенесъ тѣло своего отца въ другое мѣсто «изъ страха передъ врагами»[1]). Во всякомъ случаѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что соединеніе въ одномъ мавзолеѣ гробницы сейида и гробницы Тимура было вызвано благочестіемъ Шахруха, а не желаніемъ самого Тимура, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же мавзолей нѣкоторое время спустя былъ перенесенъ прахъ еще другого сейида. Въ западной части мавзолея, на особомъ возвышеніи (суфѣ), находится гробница сейида Омара, четвертаго сына сейида Кулаля. О жизни сейида или «эмира» Омара извѣстно только, что онъ большей частью занималъ должность мухтасиба (не сказано, въ какомъ городѣ) и строго слѣдилъ за точнымъ соблюденіемъ предписаній о дозволенномъ и запрещенномъ; умеръ въ 803 г. (1400—1)[2]). Источники ничего не сообщаютъ ни объ отношеніяхъ между нимъ и Тимуромъ, ни о причинахъ перенесенія его праха въ Гуръ-эмиръ. В. Л. Вяткинъ предполагаетъ, что этотъ сейидъ «до постройки еще мавзолея былъ похороненъ въ данной мѣстности, а потому, когда произвели постройку, то не пожелали нарушать покоя этого сейида»[3]). Но въ годъ смерти сейида Омара медресе Мухаммедъ-Султана, какъ мы видѣли, по всей вѣроятности уже существовало; погребеніе сейида въ предѣлахъ этого медресе тоже требовало бы объясненія, котораго источники намъ не даютъ; объ отношеніяхъ между нимъ и Мухаммедъ-Султаномъ извѣстно столь же мало, какъ объ отношеніяхъ между нимъ и Тимуромъ. Трудно объяснимъ, но въ то же время крайне любопытенъ самый фактъ погребенія Тимура, пиры котораго были сплошнымъ нарушеніемъ правилъ шарі'ата, въ одномъ мавзолеѣ со строгимъ мухтасибомъ.

Изъ словъ Ибн-Арабшаха о лицахъ, приставленныхъ къ мавзолею Тимура и къ «медресе», въ составъ котораго мавзолей входилъ, ясно видно, что медресе послѣ смерти Тимура болѣе не служило для цѣлей преподаванія, какъ при жизни Мухаммедъ-Султана. Зданіе, въ которомъ находилась гробница Тимура, продолжали, однако, называть «медресе» еще при Бабурѣ[4]). Въ томъ же медресе стали хоронить и другихъ представителей династіи; мавзолей постепенно становился усыпальницей тимуридовъ, хотя, по недостатку мѣста или по другимъ причинамъ, утратилъ это значеніе задолго до завоеванія Самарканда узбеками. Было бы интересно выяснить,

1) Самарія, стр. 33; Справ. кн., VI, 184.
2) رشحات, рук. унив. 293, л. 29б сл.
3) Справ. кн., VIII, 301.
4) بابرنامه, ed. Beveridge, л. 46а. Къ критикѣ текста E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, стр. 23 сл.

когда и почему Гуръ-эмиръ, какъ усыпальница тимуридовъ, замѣнилъ собой Шахрисябзъ; но и на этотъ вопросъ источники не даютъ намъ яснаго отвѣта. Послѣ смерти Тимура слѣдующій случай погребенія члена династіи въ «медресе Мухаммедъ-Султана», о которомъ говорятъ письменные источники, произошелъ въ 1419 г.; въ этомъ году (822 г. х.) умерла молодая жена Улугбека, Эке-бегумъ (اكا بيكم), дочь Мухаммедъ-Султана, и была похоронена «рядомъ со своимъ отцомъ въ его медресе»[1]). Именно эта гробница въ Гуръ-эмирѣ, насколько извѣстно, не сохранилась. Изъ лицъ, умершихъ еще раньше, до 1409 г., въ Гуръ-эмирѣ похоронены внукъ и наслѣдникъ Тимура Пиръ-Мухаммедъ и сынъ Тимура Мираншахъ. Изъ нихъ Пиръ-Мухаммедъ былъ убитъ въ сѣверной части нынѣшняго Афганистана 14 рамазана 809 г. (22 февраля 1407)[2]); о его погребеніи нѣтъ никакихъ извѣстій. Мираншахъ погибъ въ Азербайджанѣ, во время войны съ Кара-Юсуфомъ туркменскимъ, въ апрѣлѣ 1408 г., и былъ похороненъ тамъ же, въ мѣстѣ Сурхабъ; «черезъ нѣкоторое время» (بعد از مدتى) нѣкій Шемсъ Гури въ одеждѣ дервишей перенесъ его кости въ Мавераннахръ, гдѣ онѣ были похоронены въ Шахрисябзѣ[3]); о перенесеніи ихъ впослѣдствіи изъ Шахрисябза въ Самаркандъ ничего не сообщается; во всякомъ случаѣ изъ этого видно, что Шахрисябзъ и при существованіи Гуръ-эмира втеченіе нѣкотораго времени оставался мѣстомъ погребенія представителей династіи. Достовѣрно извѣстно только время перенесенія въ Гуръ-эмиръ тѣла Шахруха. Шахрухъ умеръ въ западной Персіи въ воскресеніе 25-го зу-ль-хиджа 850 г. (12 марта 1447)[4]); перенесеніе тѣла въ столицу Шахруха, Гератъ, было нѣсколько задержано смутами; въ Гератѣ Шахрухъ былъ похороненъ въ медресе, выстроенномъ его женою Гаухеръ-Шадъ, въ одномъ и томъ же мавзолеѣ со своимъ сыномъ Байсункаромъ[5]), умершимъ въ декабрѣ 1433 г.[6]). Въ 1448 г. Гератомъ на короткое время завладѣлъ Улугбекъ; покидая городъ, онъ взялъ съ собой тѣло Шахруха. Изъ Бухары, гдѣ онъ проводилъ зиму 1448—9 г., Улугбекъ отправилъ тѣло своего отца въ Самаркандъ, гдѣ оно было похоронено въ мавзолеѣ «великаго эмира», т. е. Тимура[7]).

Этимъ разсказомъ *косвенно* подтверждается мѣстное преданіе[8]), до

---

1) تاريخ فصيحى, рук. Аз. муз. 581а, л. 411б: بجوار پدر خود در مدرسهٔ او.
2) مطلع السعدين, рук. унив. 157, л. 173а.
3) Ibid., л. 178а; дата битвы л. 177б—24 зу-л-ка'да 810 г.
4) Дата въ مطلع السعدين, рук. унив. 157, л. 271б.
5) Ibid., л. 274а.
6) Дата ibid , л. 243а (субб. 7-го джумада I. 837).
7) Ibid., л. 283б.
8) Самарк. мечети, стр. VIII.

сихъ поръ не находящее себѣ *прямого* подтвержденія въ письменныхъ источникахъ, что Гуръ-эмиръ былъ предметомъ особенныхъ заботъ Улугбека, вообще украшавшаго Самаркандъ, по примѣру своего дѣда, величественными зданіями. Повидимому, созданіе изъ Гуръ-эмира усыпальницы въ такой же степени было личнымъ дѣломъ Улугбека, какъ удаленіе языческаго убранства перваго мавзолея и погребеніе рядомъ съ Тимуромъ сейидовъ — личнымъ дѣломъ Шахруха. При Улугбекѣ, правившемъ въ Самаркандѣ еще при жизни Шахруха, съ 1409 г., очевидно, были устроены существующія въ настоящее время вторичныя надгробія; изъ надписи на знаменитомъ нефритѣ, въ новѣйшее время, къ сожалѣнію, изувѣченной, извѣстно, что этотъ нефритъ былъ привезенъ въ Самаркандъ Улугбекомъ послѣ его знаменитаго похода черезъ Среднюю Азію до Юлдуза, совершеннаго въ 828=1425 г. Самый подробный разсказъ объ этомъ походѣ сохранился въ трудѣ Мирхонда; въ этомъ разсказѣ упоминается и о перевозкѣ камней, причемъ вполнѣ подтверждается мнѣніе Н. И. Веселовскаго, что мы имѣемъ здѣсь не монолитъ, впослѣдствіи разбитый на двое, какъ утверждаетъ преданіе, но два отдѣльныхъ куска, плотно пригнанные другъ къ другу[1]). По словамъ историка, еще Тимуръ велѣлъ перенести въ Самаркандъ эти куски, которыхъ тогда было три[2]), но ему удалось увезти только одинъ; два другихъ были увезены Улугбекомъ. Историки не упоминаютъ о фактѣ, извѣстномъ намъ изъ надписи — что привезенные камни были положены на гробницу Тимура.

Создатель Гуръ-эмира, какъ царской усыпальницы, былъ также послѣднимъ изъ тимуридовъ, похороненныхъ въ этомъ мавзолеѣ. Улугбекъ былъ убитъ въ концѣ октября 1449 г., по Даулетшаху 8 рамазана 853 г. (25 октября)[3]), по надгробной надписи 10-го[4]); о его погребеніи источники ничего не сообщаютъ. Изъ надписи, гдѣ упоминается, съ явнымъ осужденіемъ, о возстаніи сына, видно, что надгробіе не могло быть поставлено при Абд-ал-Лятифѣ, правившемъ до мая 1450 г.; едва ли также оно было поставлено при Абу-Саʿидѣ (съ 1451 г.), мстившемъ за смерть Абд-ал-Лятифа; остается кратковременное царствованіе Абдуллы (1450—1451),

---

1) ЗВО XVI, стр. XII.

2) سه قطعه سنك يشم, напр. рук. унив. 291, л. 217а; у Хафизи-Абру и въ مطلع السعدين говорится только объ одномъ камнѣ, который мною ошибочно былъ принятъ за кокташъ въ المظفّريّة, сборн. статей учен. бар. Розена, стр. 27. Полный текстъ разсказа Мирхонда о походѣ Улугбека я надѣюсь издать въ приложеніи къ изслѣдованію объ Улугбекѣ, подготовляемому мною къ печати.

3) تذكرة الشعرا, стр. 366.

4) E. Blochet, Les inscriptions de Samarkand, p. 15 сл. и pl. III.

возведеннаго на престолъ послѣ убіенія Абд-ал-Лятифа мстителями за Улугбека. Очень вѣроятно, что при немъ совершилось перенесеніе тѣла Улугбека въ Гуръ-эмиръ. Послѣ этого, насколько извѣстно, больше не было случаевъ погребенія въ Гуръ-эмирѣ, хотя династія тимуридовъ правила Самаркандомъ еще полвѣка.

В. Бартольдъ.

Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи.

I.

Характеръ творчества населенія Персіи, говорящаго на нарѣчіяхъ и говорахъ собственно персидскаго языка, отличается рѣзко не только отъ общаго строя персидской литературы, но и отъ народнаго же творчества другихъ арійскихъ народовъ. Эти отличія, разумѣется, могутъ варьировать въ степени своей яркости и обусловлены, очевидно, очень длинною цѣпью разныхъ историческихъ, географическихъ и т. п. особенностей, опредѣлявшихъ жизнь народа. Многія особенности въ содержаніи, формѣ и языкѣ могутъ показаться странными, если подходить къ вопросу со взглядами, давно уже выработанными по отношенію къ фольклору другихъ народовъ и примѣнимыми даже къ такимъ близкимъ персамъ народностямъ, какъ балучи, курды и другія родственныя племена.

Казалось бы, наилучшимъ средствомъ для выраженія своихъ поэтическихъ и эстетическихъ настроеній является родное нарѣчіе. Здѣсь же наблюдается какъ разъ обратное явленіе: все творчество производится по возможности на наиболѣе чистомъ литературномъ языкѣ, нарѣчія же, насколько мнѣ удалось наблюдать, считаются совершенно неподходящимъ матеріаломъ для такой цѣли, потому что они «не имѣютъ той краснорѣчивости», «не имѣютъ сладости». Поэтому почти невозможно встрѣтить какія-либо проявленія фольклора на діалектахъ. Это тѣмъ болѣе странно, что многія нарѣчія очень далеки отъ литературнаго языка, не только въ области словаря, но и морфологіи. Даже колыбельныя пѣсни поются, хотя и на сильно діалектизированномъ, но все же литературномъ языкѣ. О двуязычности говорить здѣсь трудно, потому что въ Персіи существуетъ еще немало мѣстностей, гдѣ на литературномъ языкѣ говорятъ очень плохо, а то и совсѣмъ его не понимаютъ. Однако мѣстные жители также точно не знаютъ

ни одного образца на своемъ нарѣчіи или говорѣ, а создаютъ свои пѣсни на литературномъ языкѣ, конечно, сильно его діалектизируя. Языкъ стихотвореній обыкновенно бываетъ несравненно чище и ближе къ литературному, чѣмъ языкъ прозы и обиходныхъ разговоровъ съ тѣми, кто не говоритъ на данномъ нарѣчіи. Даже и въ области творчества, напр. въ сказкахъ, несмотря на свои литературныя стремленія, онъ иногда становится почти чистымъ діалектомъ.

Еще болѣе замѣчательно, что и инородцы (какъ напр. въ восточной Персіи) — арабы, балучи, цыгане, еще не окончательно утерявшіе здѣсь свой языкъ, совершенно забыли родной фольклоръ и пользуются исключительно персидской народной поэзіей, — а быть можетъ и сами принимаютъ участіе въ ея развитіи. И здѣсь персидскій языкъ въ его діалектизированной формѣ употребляется даже для колыбельныхъ пѣсенъ. Совершенно естественно, что у инородцевъ въ такомъ искусственномъ фольклорѣ процессъ обмѣна, т. е. забываніе стараго и появленіе новаго, совершается не такъ быстро, какъ у персидскаго населенія. Поэтому очень часто можно у инородцевъ найти болѣе старыя, зачастую изобилующія архаизмами и рѣдкими словами, версіи распространенныхъ пѣсенъ.

Насколько активенъ персидскій языкъ въ вытѣсненіи родного у разныхъ народностей, даже не-арійскихъ расъ, доказываютъ примѣры персидскихъ евреевъ, «берберӣ» — т. е. һезарейцевъ монгольскаго (тангутскаго?) происхожденія, многочисленныхъ арабскихъ племенъ восточной Персіи (теперь большею частью — сейиды), даже цыганъ, которые нигдѣ такъ не забыли свой родной языкъ, какъ здѣсь.

Надо принять во вниманіе, что, вообще, чисто персидское населеніе современной Персіи далеко не многочисленно и рѣдко гдѣ живетъ большими массами вдали отъ инородцевъ. Если перечислить всѣ области, занятыя такимъ населеніемъ, становится яснымъ его разбросанность и неплотность. За малыми исключеніями оно занимаетъ самыя бѣдныя области Персіи, лежащія на краяхъ центральныхъ пустынь. Надо принять во вниманіе также и крайнюю неоднородность этого населенія въ лингвистическомъ отношеніи, то безконечное разнообразіе нарѣчій и говоровъ, когда каждыя нѣсколько деревень имѣютъ свой особый, непонятный для сосѣдей, діалектъ, который сходится съ литературнымъ — и то лишь отчасти — только въ Фарсѣ и восточной Персіи, пограничной съ Афганистаномъ. Большой процентъ этихъ мѣстностей, благодаря географическимъ условіямъ, имѣетъ особый языкъ — переходы къ курдскому или лурскому, а въ южной Персіи, какъ напр. въ Башкердѣ — къ балӯчӣ, что также не способствуетъ увеличенію мощности вліянія языка въ его цѣломъ.

Трудно ожидать, чтобы все это множество различныхъ мелкихъ нарѣчій и говоровъ поодиночкѣ или въ совокупности могло бы влiять такъ сильно на инородцевъ, если бы персидскій языкъ не былъ языкомъ религіи, образованности, а главнымъ образомъ — торговли. Конечно, фактъ совершенной утери родного языка цѣлыми племенами и народностями всетаки кажется страннымъ. Но тотъ же процессъ совершается и съ самими персидскими нарѣчіями: отсутствіе творчества на нихъ, мнѣ кажется, есть результатъ аналогичнаго вліянія персидскаго литературнаго языка.

Изъ факторовъ, облегчающихъ разрушеніе обособленности діалектовъ и ихъ постепенное забываніе, можно назвать, напр., ежегодныя паломничества въ Мешхедъ (связанныя съ ликвидаціей урожая), совершаемыя даже изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ большею частью цѣлой деревней; частыя переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую и т. п. Но едва-ли не самымъ важнымъ являются разныя религіозныя чтенія (рӯзехāнī), декламаціи, духовныя книги, а въ извѣстной мѣрѣ и сама грамотность.

Но персидскій языкъ, имѣющій такое сильное вліяніе на другіе языки, самъ имѣетъ очень сильнаго врага въ турецкомъ языкѣ. Вездѣ, гдѣ они оба соприкасаются, населеніе становится двуязычнымъ, а потомъ и совсѣмъ переходитъ на турецкій языкъ. Всѣ стадіи такихъ переходовъ можно наблюдать, напр., по дорогѣ изъ Исфагана въ Хамаданъ и въ области послѣдняго. Несмотря на совершенно арійскій, чисто персидскій обликъ, жители зачастую совершенно не говорятъ по персидски. Мнѣ, однако, никогда не приходилось слышать о такомъ вытѣсненіи персидскаго языка курдскимъ или арабскимъ.

II.

Возвращаясь къ вопросу объ общемъ характерѣ народной поэзіи, надо отмѣтить его полную противоположность характеру поэзіи искусственной. Однако наличіе множества поэтовъ, выходцевъ изъ народа, втягивающихся видимо легко въ общій тонъ книжной поэзіи, указываетъ, что эта пропасть не незаполнима.

Искусственная поэзія, съ ея надорваннымъ, унылымъ тономъ, характернымъ изломомъ мистическаго символизма и аппаратомъ зачастую безвкусныхъ искусственностей является полной противоположностью жизнерадостной, яркой, здоровой, простой до вульгарности, народной поэзіи, напоминающей иногда по духу творчество доисламскихъ арабовъ. Правда, и здѣсь порой прорываются ноты страданія и тоски, но всѣ онѣ — въ предѣлахъ земли и земного. Интересно, что пристрастіе къ конкретнымъ образамъ,

а также любовь къ природѣ ведутъ, совсѣмъ неожиданно, къ той же формѣ творчества, которая въ ходу у совершенно чуждаго персамъ народа — у японцевъ, именно — импрессіонизму, конечно, варьирующему въ интенсивности, однако характерному. Иногда цѣлая пѣсня (четверостишіе) состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ картинъ. Но чаще всего такая картина бываетъ темою запѣва (который, какъ мнѣ сообщали, встрѣчается и въ творчествѣ средне-азіатскихъ турокъ). Напр.

1] Аллō ќаwгі кі ќарќар мікунīді — сер ез кӯһ бе камар wар мікунīді.
укōб ӯмад бе qасді куштенẹ теw — һамӯн дīдум кі парпар мікунīді [мікунеді?].

О куропатка, ты, которая квохчешь!
Ты голову поднимаешь изъ холмовъ, (собираясь летѣть) къ главному хребту.
Прилетѣлъ орелъ съ цѣлью убить тебя:
То-то я вижу, что ты улетаешь.
[или, б. м., что онъ (орелъ) тебя ощипываетъ?]

2] Һаwō гарм-е кі сер сōје нејōје. — седōі ќалќалӯ пōјẹ міјōје
седōі ќалќалӯ пōје нечандӯн — седōі ќафші занōне міјōје.

Ж́арко, тѣни все нѣтъ.
Слышенъ звукъ стука (чьихъ-то) шаговъ;
И не столько звукъ шаговъ —
Звукъ женскихъ туфель.

Однако, какъ было уже сказано, эти импрессіонистическія картины ограничиваются большей частью только запѣвомъ, который иногда не имѣетъ никакой связи съ содержаніемъ слѣдующихъ стиховъ, хотя главное его назначеніе, видимо, давать какъ-бы фонъ, субстратъ переживаній, служащихъ главной темой четверостишія. Напр.:

3] Аллō мōһ буланд-е сітōре думбōл — ра'ісẹ qōфіле кеј кунед бōр
ілōһī qōфіле јак шоw куне лаңг — кі рōјі дар пīш дōрум діл wер думбōл.

Вотъ луна поднялась высоко, за ней звѣзды.
Когда-то начальникъ каравана будетъ (велитъ) вьючить?
Боже мой! Пусть караванъ остался бъ на одну ночь, —
Вѣдь у меня впереди дорога, а сердце — назади.

Это пристрастіе къ конкретности образовъ, отсутствіе искусственности, доходящее порой до вульгарности, можетъ служить лучшимъ, если не единственнымъ, критеріемъ подлинности образцовъ, хотя, несом-

нѣнно, ошибки и здѣсь вполнѣ возможны. Само самой понятно, что многія темы возможны только въ деревнѣ, хотя съ другой стороны — обычное для города явленіе бываетъ крайне рѣдкимъ въ деревнѣ, напр. эротика per nefas, столь нормальная для искусственной поэзіи, здѣсь даже въ завѣдомо порнографическихъ стихотвореніяхъ является очень рѣдкимъ мотивомъ.

Преобладаніе лирики надъ другими видами творчества оттѣняется полнымъ почти отсутствіемъ не только эпическихъ, но даже и историческихъ или злободневныхъ темъ, число которыхъ ничтожно. Жизнь въ глуши, въ разбросанныхъ на громадномъ разстояніи другъ отъ друга персидскихъ деревняхъ, гдѣ зачастую маленькій округъ составляетъ какъ-бы отдѣльный замкнутый міръ, конечно, не можетъ способствовать развитію общественныхъ интересовъ. Что касается эпическихъ мотивовъ — я не находилъ ихъ нигдѣ, несмотря на тщательные поиски. И очень возможно, что теперь они давно уже всѣ забыты, главнымъ образомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ ислама. Но тотъ же исламъ далъ почти готовую эпическую тему — исторію шіитскихъ имамовъ. Этому циклу однако не хватаетъ главнаго момента всякаго эпоса: побѣдоноснаго героизма и необыкновенныхъ приключеній. Поэтому литературная разработка такого элегическаго и священнаго эпическаго цикла, начавшаяся давно въ литературѣ, находитъ такъ мало подражаній въ народѣ, и даже въ наиболѣе спеціальной средѣ — у дервишей. Съ другой стороны надо отмѣтить вообще убогость фантастическаго міра персидскаго крестьянина, ограничивающагося сплошь да рядомъ мусульманскимъ джинномъ, а также очень невысокую интенсивность религіозной жизни (дервишей, напр., можно считать исключительно городскимъ явленіемъ).

Все это показываетъ только, насколько конкретные, ясные, жизненные образы наполняютъ міросозерцаніе народа, неиспорченнаго городской жизнью мусульманства.

Фантастическій элементъ имѣетъ единственную область примѣненія — въ сказкахъ, которыя, насколько я могу судить, почти всѣ искусственнаго происхожденія. Рѣдкія чисто народныя сказки обыкновенно очень примитивны и часто воспроизводятъ варіанты бродячихъ мотивовъ. Это — всегда проза, лишь изрѣдка передѣлываемая въ стихи, какъ напр. очень популярная сказка о Һајдар-бек'ѣ, версифицированная какимъ-то شخصی از اهل دهات (изд. Bombay, Dutt-Prasad Press, ۱۳۲۰).

Сатира, пародія, насмѣшка, а то и просто юмористика являются очень часто содержаніемъ четверостишій.

Обрядовыхъ пѣсенъ и стиховъ — очень мало. Въ восточной Персіи ихъ нѣтъ, повидимому, совсѣмъ. Въ западной (около Шираза) я нашелъ

ихъ немного, но насколько они дѣйствительно обрядовыя, т. е. пріурочены только къ извѣстному акту, я не берусь судить.

III.

Въ вопросѣ о стихосложеніи народное творчество также расходится съ литературнымъ. Прежде всего оно почти вполнѣ игнорируетъ правила принятой въ литературѣ просодіи. Лишь изрѣдка можно прослѣдить извѣстный размѣръ, а большей частью замѣчается только тенденція къ опредѣленному количеству слоговъ въ стихахъ — 11 (въ четверостишіяхъ въ третьемъ стихѣ часто бываетъ 13). Встрѣчается также размѣръ въ 7 слоговъ и чередованіе 7 и 8. Конечно, очень часто стихи бываютъ болѣе длинными или короткими, чѣмъ изъ 11 слоговъ, что въ пѣніи легко сглаживается рисункомъ мелодіи. Какъ специфическую особенность народнаго творчества можно отмѣтить особенное тяготѣніе къ формѣ четверостишія (какъ и у турецкихъ народовъ Средней Азіи). Эта форма по преимуществу наполняется лирическимъ содержаніемъ, хотя встрѣчаются и другія темы.

Четверостишія въ разныхъ мѣстностяхъ носятъ разныя названія, напр. чо̄рбејтī (вост. и центр. Персія), сорбӯнī (т. е. шутурба̄нī) (тамъ-же) пѣсни погонщиковъ верблюдовъ. Серсаӯт, сарсаw, серсо̄т, т. е. «пѣсня» въ буквальномъ смыслѣ слова («то, что поется высокимъ голосомъ»). Часто всѣ виды стихотвореній называются просто бејт, шіʿр и т. п.

Что касается болѣе длинныхъ, чѣмъ четверостишія, стихотвореній, то они оказываются преимущественно книжнаго или городского происхожденія (въ послѣднемъ случаѣ — порнографическаго содержанія). Очень рѣдко это сатиритическіе или эпическіе отрывки. Въ такомъ случаѣ они или принадлежатъ къ methnewī, или состоятъ изъ тѣхъ же четверостишій, соединенныхъ иногда совершенно искусственно. Такія четверостишія очень часто теряютъ связь съ цѣлымъ, и зачастую можно въ разныхъ деревняхъ услышать разныя части того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ передается какъ цѣлое.

Пѣсни, состоящія изъ куплетовъ и припѣвовъ, представляютъ большей частью опять таки комбинацію изъ четверостишій и очень часто это просто любыя четверостишія, послѣ которыхъ неизмѣнно повторяется тотъ же припѣвъ.

Риѳма является, очевидно, весьма второстепеннымъ вопросомъ въ пѣсняхъ, потому что довольно часто попадаются четверостишія, гдѣ риѳмуется только одна пара стиховъ, иногда и этого нѣтъ. Большей частью, однако, риѳма бываетъ *aaba*, есть и *aabb*, но бываетъ и *aaaa*. Конечно, риѳма только фонетическая, гдѣ основой служитъ форма того смѣшанаго

говора, который существуетъ въ данной мѣстности, напр. недо̄ре — чі ко̄ре, т. е. не да̄ред — чі ка̄р ест, и т. п.

Изъ особенностей внутренняго строенія четверостишій можно указать на характерное явленіе — запѣвъ, о которомъ говорилось выше. Будучи часто слишкомъ обособленъ отъ содержанія пѣсни, онъ является самой слабой частью ея. Поэтому нерѣдко можно встрѣтить одно и тоже четверостишіе, но съ разными варіантами запѣва; иногда цѣлая группа четверостишій начинается тѣмъ же запѣвомъ, напр. (въ восточной Персіи).

4] біјо̄бӯ дар біјо̄бӯ балкẹ гендум

Поле (пустыня), въ полѣ листки (трава) пшеницы.

Кромѣ того существуетъ вообще очень большое количество трафаретовъ, которые, конечно, совершенно естественны при такой трудной формѣ. Очень часто четверостишіе сводится къ трехстишію, а то и къ двустишію, такъ какъ запѣвъ къ содержанію не относится, а иногда второй и третій стихъ разнятся только однимъ словомъ.

Иногда вмѣсто чисто лирической формы встрѣчается діалогъ, напр.:

5] Іло̄ духтер теро̄ ма̄јум чі мі̄гі̄
чіро̄ бо̄ qоӯме хејш чі̄зі̄ не мі̄гі̄
берафтум (бе) хејшіро̄ мӯ хӯ мӯгуфтум
меро̄ wо̄ ту неда̄н ту чі мі̄гі̄

Эй дѣвица, я говорю съ тобой, что же ты скажешь?
Почему ты не поговоришь со своими родными?
— Я ходила къ своимъ, сама говорила.
Меня не отдадутъ за тебя — ты-то что скажешь?

6] Біо̄ сј по̄зенінẹ рі̄зе-дендӯн
меро̄ ез іщqẹ тӯ бурден бе зіндӯн
чіро̄ ђам мухӯрі̄ еј јо̄рẹ по̄дӯн
дӯ то̄ гӯшwо̄ре до̄рум мо̄лі ді̄wӯн

Приди нѣжная красавица съ мелкими зубами!
Меня изъ-за любви къ тебѣ увели въ тюрьму.
— Зачѣмъ печалишься, о несвѣдующій другъ?
У меня есть двѣ серьги — (ну, пусть онѣ) перейдутъ (къ) судьѣ (суду).

Варіанты — безчисленны, начиная отъ наиболѣе распространенныхъ, которые иногда такъ отшлифовываются, что могутъ соперничать съ книжными, и кончая самыми грубыми, не выходящими за предѣлы родной деревни. Мнѣ никогда не приходилось слышать двухъ идентичныхъ версій одного и того же варіанта.

IV.

При разборѣ образцовъ народнаго творчества невольно возникаетъ вопросъ объ ихъ авторахъ или, по крайней мѣрѣ, о той средѣ, которая является главнымъ творцомъ.

Авторъ этихъ образцовъ бываетъ извѣстенъ лишь очень рѣдко, только тогда, когда онъ является какимъ нибудь выдающимся явленіемъ среди деревенскаго населенія. Въ остальныхъ случаяхъ — это творчество совершенно анонимно, даже нѣтъ географическихъ категорій. Кромѣ импровизаціи отдѣльныхъ индивидовъ, а также переноса изъ другихъ областей (какъ напр. погонщиками верблюдовъ, на что указываетъ самое названіе сорбӯнī), въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи, какъ напр. въ восточной еще, сохранился обычай посидѣлокъ молодежи обоего пола, гдѣ видную роль играютъ декламація или пѣніе и импровизація четверостишій[1]). Это происхожденіе многихъ образцовъ объясняетъ такой странный фактъ, какъ незначительность порнографическаго элемента.

Часто импровизація является развлеченіемъ большой женской компаніи, собравшейся въ праздникъ, и очень часто, несмотря на отсутствіе родовыхъ окончаній въ персидскомъ языкѣ, попадаются стихотворенія, гдѣ рѣчь явно идетъ отъ лица женщины.

Происхожденіе обрядовыхъ, почти исключительно свадебныхъ пѣсенъ, въ виду ихъ крайней рѣдкости, прослѣдить трудно, да и врядъ-ли онѣ въ настоящемъ видѣ особенно стары. Интересно, что въ восточной Персіи, гдѣ, вообще, сохранилось еще много архаизмовъ, какъ напр. публичные танцы, зачастую военнаго происхожденія (особенно у полу-афганскаго населенія границы), открытыя музыкальныя сборища и т. п., эти пѣсни совершенно неизвѣстны.

V.

На пути изъ Индіи въ Россію, черезъ Персію, я избралъ маршрутъ Буширъ-Ширазъ-Іездъ-Табасъ-Себзеваръ-Кучанъ-Асхабадъ.

На этомъ пути смѣняются нѣсколько говоровъ: сначала говоръ прибрежной полосы съ примѣсью такъ называемаго тангистанскаго нарѣчія. Однако по всей дорогѣ языкъ исключительно фāрсī, нарѣчій же не попадается. За Ширазомъ, въ деревнѣ Сивандъ, имѣется особое нарѣчіе, которое не разъ уже служило объектомъ изслѣдованій оріенталистовъ[2]). Далѣе,

1) Этотъ обычай извѣстенъ и въ Туркестанѣ.

2) Cl. Huart. Le dialecte persan de Siwênd: JA⁹ I,241—65, В. А. Жуковскій во 2-мъ (еще ни вышедшемъ на свѣтъ) выпускѣ Матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій. См. еще Grundriss d. iran. Philol. I,2 p. 381, 383.

послѣ большого промежутка пустынной дороги, въ области Абаргуһъ начинается говоръ Іездскій, съ его характернымъ переносомъ ударенія на первый слогъ. Діалектическихъ различій, какъ мнѣ пришлось наблюдать, на этой дорогѣ онъ не имѣетъ. За Іездомъ, въ пустынѣ, немногочисленныя деревушки, быть можетъ очень старыя (какъ напр. Харо̄нак), не сохранили особаго нарѣчія и говорятъ на «городскомъ», нехарактерномъ языкѣ.

Область Табаса, въ той части, гдѣ пролегаетъ дорога, тоже ничего новаго не даетъ. Тамъ — говоръ южнаго Хорасана (хотя южнѣе Табаса существуетъ особое нарѣчіе, имѣющее отношеніе къ діалекту На̄'іна, напр., въ деревняхъ Іспа̄к, Курі̄т, и т. д.). Эта дорога, быть можетъ очень древняя, пролегаетъ по сплошной пустынѣ. Однако немного сѣвернѣе, по такъ называемой Исфаганской дорогѣ, нарѣчій встрѣчается много, напр. нарѣчія Біо̄бӯнак'а, Но̄'ін'а, полу-еврейскій жаргонъ Кӯһно̄ и т. д. Послѣ Табаса, въ области Туршиза (или Туршиша, по мѣстному произношенію) имѣется особый говоръ, отличающійся отъ литературнаго лишь въ произношеніи, а далѣе въ области Себзевара эти особенности усиливаются, напр. употребляется а̄, частые переходы д въ j, что, положимъ, наблюдается и въ западной Персіи, напр. около Керманшаха, напр. да̄jе = да̄де и т. п. Далѣе начинается царство курдскаго и турецкаго языковъ.

Мои записи произведены въ слѣдующихъ мѣстностяхъ:

1) Камо̄ренц — небольшая деревня, около 50 домовъ, на Ширазо-Буширской дорогѣ; одинъ переходъ до Казеруна.

2) Палеwгіне — очень небольшая деревня, вѣрнѣе — стоянка кочевниковъ, два фарсаха отъ Казеруна, въ сторону Шираза. Запись — отъ мѣстнаго жителя, который часто живетъ и въ Казерунѣ.

3) Сі̄wанд — на Ширазо-Исфаганской дорогѣ, три перехода отъ Шираза. Запись — большей частью отъ женщинъ.

4) Пушті-Ба̄да̄м (Ба̄да̄н?) — небольшая деревня около 30—40 домовъ на дорогѣ Іездъ-Хорасанъ. Находится въ самомъ центрѣ пустыни, у наитруднѣйшаго перехода (идя по направленію къ Мешхеду).

5) Сеjфа̄ба̄д — большая деревня, больше 100 домовъ, въ области Туршиза, въ 8 фарсахахъ отъ города.

Такимъ образомъ, каждый районъ болѣе или менѣе представленъ. Что-же касается области Табаса, то я произвелъ здѣсь много записей, которыхъ, къ сожалѣнію, сейчасъ не имѣю подъ рукой. Онѣ, я надѣюсь, будутъ обработаны вмѣстѣ съ матеріалами по folk-lore'у восточной Персіи.

Всѣ записи произведены мною исключительно на мѣстахъ и отъ мѣстныхъ жителей. Уроженцы разныхъ отдаленныхъ деревень, встрѣчающіеся въ городахъ, благодаря ихъ недобросовѣстности и крайней лживости

нуждаются въ постоянномъ контролѣ. А если они живутъ долго вдали отъ родной деревни, ихъ произношеніе быстро портится, какъ напр. у дервишей, чарводаровъ и т. п. Лучше всего производить записи отъ женщинъ и подростковъ, что въ деревнѣ вполнѣ возможно.

О транскрипціи.

Почти вездѣ въ Персіи существуетъ въ произношеніи три вида звуковъ к и г. Самый гортанный — q (=ق) рѣзокъ только на сѣверо-западѣ Персіи. Въ другихъ областяхъ отъ него мало отличается звукъ к (=ق и ك) и, наконецъ, существуетъ совсѣмъ мягкій звукъ ќ, встрѣчающійся передъ а, е, і. Передъ у, ӯ, и ō (=ā) — этотъ звукъ, кажется, *никогда* не встрѣчается.

Почти то же относится и къ звуку г: ҕ (=غ) также рѣзокъ только на сѣверо-западѣ, гдѣ онъ часто смѣшивается съ q. Въ другихъ мѣстностяхъ этого не встрѣчается. Г и ѓ — подчиняются тѣмъ же правиламъ, что к и ќ.

w (و) есть скорѣе очень краткое у, чѣмъ русское в.

ā встрѣчается очень рѣдко, а звукъ, соотвѣтствующій ا звучитъ ō.

ă большей частью чередуется съ е, которое часто варьируетъ въ тембрѣ, близко подходя иногда къ а.

Во многихъ мѣстностяхъ существуетъ особый, почти неуловимый и не передаваемый для иностранца звукъ,среднiй между і и е. Онъ очень рѣдко бываетъ именно абсолютно среднимъ, принимая оттѣнки болѣе близкіе къ і или е, почему и изображается мной соотвѣтственно этимъ двумъ предѣламъ. Этотъ звукъ чаще всего встрѣчается въ изафетѣ, рѣже въ односложныхъ словахъ, напр. въ دل и گل — и я буду писать его, какъ е.

Образцы.

I. Четверостишія и ихъ фрагменты.

7] Бе qурбӯне ду чашмі масте мастет
ту qaljӯн чōк мекун місӯзе дастет
хӯдем чōк мікунем дijем[1]) дастет.

Палеwгīне 1914.

Клянусь обоими твоими безконечно пьянящими глазами —
Не заправляй кальянъ — твои руки обжигаются;
Я самъ (его) заправлю и дамъ тебѣ въ руки.

1) дijем = دهم. Такой переходъ является общимъ правиломъ въ восточной Персіи, въ западной же наоборотъ j = h, см. №№ 8, 9, 11.

8] Саhар амшеw масту мадhӯш ресōнīдем wалі дастам бе гīсӯш
чекīде бӯhе̣ атре̣ зулфе̣ jōре̣ фō'із ду дастем тō qіōмат мідеhат бӯш.

Палеwгīне 1914.

Пьянъ и безуменъ сегодня на разсвѣтѣ
Обѣ руки я протянулъ къ ея косѣ—
Капнулъ запахъ благоуханія локона прекраснаго друга—
Обѣ руки мои до дня воскресенія мертвыхъ будутъ имѣть его запахъ.

9] Саhар пурсīдем ез гīсӯhе̣ де̣лбар турō хӯшбӯтер-е jō мішке̣ амбар
бегуф фō'із кі мō міранцем ез ту мерō бō мішкё несōзі берōбар.

Палеwгīне 1914.

Утромъ я спросилъ у косы красавицы:
Ты-ли благоуханна, или амбровый мускусъ [1])?
Сказала прекрасная: я обижена тобой,
Меня не ставь на одну доску съ мускусомъ.

10] Сеwōре̣ аспе̣ хӯшрефтōре̣ мен шоw реwōнеjі (sic!) цōнібе̣ де̣лдōре̣ ман шоw.
чі султōне̣ hаwас дōем зі шоwќат цеhӯн зīре̣ пегīн пендōрем амшоw.

Палеwгīне 1914.

Садись на мою быструю лошадь,
Отправляйся къ моей возлюбленной.
Подобно султану, у котораго мысли всегда лишь о власти—
Я думаю, что міръ сегодня ночью [умѣщается] подъ камнемъ [моего перстня].

11] Шеw ōмад інтізōре̣ рӯзё дōрем
кі рӯз ōмад бе шоw умīдwōре̣м
не шоw хō бу не рӯз ōсōhіші де̣л.

Палеwгīне 1914.

Ночь пришла — я жду дня,
День пришелъ — и надѣюсь на ночь:
Ни сна ночью, ни днемъ покоя для сердца.

---

1) Быть можетъ лучше — мускусъ и амбра.

12] Qаде̣ jōрем місōле̣ балке̣ бід-е[1]) ду пістӯнеш місōле̣ дур[2]) сефід-е
Ду чашмӯнеш харōџе̣ мулкі Реj[3]) ду гісӯjеш кемендi шiргiр-е.

Палеwгiне 1914.

Станъ моей возлюбленной подобенъ листку ивы;
Ея обѣ груди — подобны бѣлой жемчужинѣ;
Ея оба глаза — [стоятъ] дохода [собств. податей] области Рея;
Ея обѣ косы — тенета, ловящія льва.

13] Лебет нōзем кі бе ōфтеw хӯред џӯш рухат нōзем кі ōлем кердем мадһӯш
біō пур кун ду џōмі ез ла'лі леwōнет бегiр даст кі фō'із кунед нӯш (?).

Палеwгiне 1914.

Я буду ласкать твои губы, которыя кипятъ (блестятъ) на солнцѣ (?!),
Я буду ласкать твои щеки, такъ что міръ сведу съ ума.
Приди, наполни два кубка (виномъ) рубина устъ твоихъ —
Отними (отъ лица?) руку, чтобы красавецъ пилъ.

14] Біō міō Фатһулō шiре̣ џеңгi qатōр доwре̣ qадет мартi ференгi
ду аңгушт кōгазi ōмад бе пiш чi зулмё шуд берōjе̣ qурӯне̣ хiш.

Палеwгiне 1914.

Приди, приди Фатхулла, готовый къ битвѣ левъ!
У тебя вокругъ пояса обойма патроновъ и европейская винтовка Мартина.
(Но) пришло два пальца бумаги (=письмо о его смерти)—
И какое горе охватило его близкихъ.

15] Ду тō гōwе̣ сiōh дер кōр дōрем земiне̣ пō буланд бiсjōр дōрем
земiне̣ пō буланд сеhрōjі Мардашт[4]) бе тоwфiqе̣ iлōhi сōjе wар дашт.

Сiwанд 1914.

У меня для работы два черныхъ быка,
У меня есть много земли съ наклономъ (т. е. удобной для орошенія),

---

1) Сравненіе намекаетъ не только на стройность, но, гораздо чаще, на миніатюрность, маленькій ростъ, что считается однимъ изъ главныхъ качествъ красавицы. Такія сравненія очень часты, встрѣчаются и другія, напр.: Біō, еj Фōтiмеjі гуттẹ ɓулӯре — приди Фатима, маленькая, какъ пуля.

2) = дурр — сравненіе очень рѣдкое и изысканное, обыкновенно груди сравниваются съ нōрен̣џ і зарде — желтыми померанцами, гранатами, дынями, айвой и т. п.

3) Странный архаизмъ, б. м. указывающій на отдаленное книжное происхожденіе (за искл. перваго стиха) этого четверостишія.

4) Равнина около Шираза по Исфаганской дорогѣ, славится своимъ плодородіемъ.

Земля съ наклономъ въ степи Мардашта, —
(И) по милости (предопредѣленію) Божіей — тѣнь (облаковъ) надъ степью.

16] Мегер хабар недо̄рі го̄wгеле̥ ман, харман то̄ле до̄рем џӯнгеле̥ ман.

Сīwанд 1914.

Развѣ вы не знаете, быки мои,
Что у меня еще есть (цѣлое) гумно неочищенной пшеницы, милые (души) мои?

17] Ділe̥ ман у ділe̥ ман! не бӯ Пуштi-Бо̄дӯм манзілі ман
егер јак шоw дер īн манзіл бехо̄бум дігер армӯн немӯне дар ділe̥ ман.

Пушт-і-Ба̄да̄м 1914.

О мое сердце, мое сердце!
Да не будетъ мѣстомъ остановки [ночевки] моей Пушти Бадамъ!
Вѣдь если хоть одну ночь я просплю на этомъ ночлегѣ—
Опять (больше?) не останется покоя въ моемъ сердцѣ.

18] Кеwīрe̥ [1]) шӯр-е бо̄ло̄јі Чо̄рдеḣ бе-рӯјі сīнеjі ділwар дуто̄ беḣ
сīздаḣсо̄легī аḣдет ро̄ бастум чо̄рдаḣсо̄легī лаб бо̄ лабум деḣ.

Пушт-і-Ба̄да̄м 1914.

За деревней Чардеḣ — соляная пустыня.
На груди у возлюбленной — двѣ айвы.
Я женился на тебѣ, когда тебѣ было тринадцать лѣтъ—
Въ четырнадцать лѣтъ — отдай свои губы моимъ.

19] Кеwīрe̥ шӯр-е бо̄ло̄јі Кедīзе [2]). бебӯсум ḣар ду лабо̄јі Хадīџе
ез ӯ тарсум бемīрум дер ђарīбі кафан дер буђчеі рахтe̥ Хадīџе.

Пушт-і-Ба̄да̄м 1914.

За (деревней) Кедīзе — соляная пустыня.
Я поцѣлую обѣ губы Хадиджи.
Только того боюсь, что я умру на чужбинѣ,
А саванъ будетъ въ платяномъ сундукѣ Хадиджи.

20] Рабо̄тe̥ Пуштe̥-Бо̄до̄м но̄р [3]) до̄ре серe̥ дīwо̄реш хо̄р до̄ре
хо̄стум но̄реш ро̄ бечīнум беро̄јі хо̄тірі бīмо̄р [4]) до̄ре.

Пушт-і-Ба̄да̄м 1914.

---

1) Слово кеwīр употребляется, кажется, только въ центральной Персіи; въ западной вмѣсто него въ ходу названіе ка́фе, т. е. собственно — пѣна, а въ восточной Персіи — шӯре, что обозначаетъ селитру и соляной налетъ на берегахъ рѣкъ и канавъ. Кевīр представляетъ чрезвычайное разнообразіе формъ и обыкновенно лишенъ растительности.

2) Названіе небольшей деревни около Табаса.

3) Въ рабатѣ Пушті-Ба̄да̄м растительность жалкая, но появляются первыя пальмы.

4) Гранаты вообще считаются очень нездоровыми фруктами, особенно кислые сорта.

Въ рабатѣ Пушти Бадамъ есть гранатовые кусты,
Его стѣны — выложены наверху колючкой,
Я хотѣлъ нарвать этихъ гранатъ,
Но онѣ имѣются (чтобы сдѣлать человѣка) больнымъ.

21] Шутур дӣдум кі лаӈгар-дōр мірафт мірафт шіķар таһбōр у гул сарбōр мірафт
серę афсōр бе дастę тіфлę нōдӯн кі мінōлід у рӯ бе јōр мірафт.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

Я видѣлъ верблюда, который шелъ медленно,
Шелъ нагруженный снизу сахарнымъ пескомъ, а сверху — цвѣтами.
Конецъ повода былъ въ рукахъ молодца неразумнаго,
Который стоналъ и шелъ въ сторону возлюбленной [1]).

22] Хӯдум нōлӯн у лӯкум нōлад ад-діл [2]) бенōлем (sic!) һар дутō манзіл бе манзіл.
лӯкум нōлад ез бōрę сеӈгін хӯдум нōлӯн кі дӯр афтōдем ез węлл.

Пушт-і-Бāдāм 1914.

Я самъ рыдаю и верблюдъ мой сильно реветъ,
Поплачемъ оба, переходъ за переходомъ.
Верблюдъ реветъ, потому что тяжелы его вьюки;
я самъ — потому что далеко ушелъ отъ возлюбленной.

23] Алō духтер кі мӯһōі ту бӯр-е бе һамӯм мірewі рōһі ту дӯр-е
бе һамӯм мірewі зӯдē біјōјі кі кōрę ōшуqī хејлі зелӯр-е.

Сејфōбōд 1914.

О дѣвица съ рыжими волосами [3])!
Ты идешь въ баню и твоя дорога далека.
Ты идешь въ баню, возвращайся же скорѣе—
Вѣдь дѣло влюбленности очень трудно.

---

1) Это стихотвореніе въ безчисленныхъ варіантахъ одно изъ самыхъ популярныхъ въ деревнѣ всѣхъ областей Персіи. Въ восточной Персіи первая часть такова:

Шутур дӣдум кі сандал бōр дōре
шіķар таһбōр у гул сербōр дōре *etc.*

2) ад-діл = ез діл? — бе діл? — эта форма употребляется, кажется, только въ восточной Персіи, гдѣ она очень часто встрѣчается, преимущественно въ сочетаніи со словомъ діл.

3) Быть можетъ отъ хенны? Рыжеволосые встрѣчаются въ Персіи не часто, преимущественно около Курдистана, гдѣ свѣтлые волосы у дѣтей не рѣдки (взрослые красятъ ихъ хенной). Въ восточной Персіи зато очень часты альбиносы, съ красной кожей и совершенно бѣлыми, не темнѣющими съ возрастомъ, волосами.

24] Імрӯзӗ дігерем зі ферōqe̥ ту шӯм шуд | нō діде īн џемōлет умрем темӯм шуд
ӯмад немōзі шӯм у нiјōмад негōре̥ ман | ез діде хӯн бебōре кі хōбет нōрōм шуд.

Сеј̈ѳōбōд 1914.

Сегодня снова въ разлукѣ съ тобой насталъ вечеръ,
Я не увидѣлъ твоей красоты — и моя жизнь окончилась.
Настало время вечерней молитвы, а все не приходитъ моя ненаглядная—
Пусть изъ (моихъ) глазъ потечетъ кровь, если твой сонъ былъ неспокоенъ.
(отъ угрызеній совѣсти?).

25] Qаддет бō шамсі[1]) зар мімōне ділwар | лабет бō нејшіка́р мімōне ділwар
гурухт керді[2]) нејōје хōнеје̥ јōр | кі дōђет wер џіга́р мімōне ділwар.

Сејѳōбōд 1914.

Твой станъ похожъ на золотое солнце, красавица,
Твои губы — на сахарный тростникъ, красавица.
Ты убѣжала, не приходишь въ домъ друга,
Но (нанесенная) тобой рана останется въ сердцѣ, красавица!

26] Qалам сер кунум ез істухӯн | муракаб гīрум ез рекһōјі џӯн
һамӯн муллōі кі ī кōђаз бехӯне | ез ӯ дарді ділум һајрӯн бемōне[3]).

Сејѳōбōд 1914.

Я очиню перо изъ (моихъ) костей.
Возьму чернилъ изъ главныхъ артерій.
Тотъ[4]) кто прочтетъ это письмо,
Смутится отъ такихъ страданій моего сердца.
(останется въ смущеніи отъ такого страданія моего сердца).

27] Лабет qајмōq у дендӯнет пенīр-е | ду сінеjі анōрет кабзегīр-е (?)
дуōјі бенде дер ōлам һамін-е | кі дарді ōшуqī кōѳар небіне.

Сејѳōбōд 1914.

Твои губы — сливки, зубы — сыръ.
Твои обѣ, похожія на гранаты, груди . . . . .(?)

---

1) Очень рѣдкое слово въ народной поэзіи. Въ западной Персіи солнце называется ōѳтōб, хуршід, а въ восточной — рӯз.

2) Обыкновенная форма perfecti, напр. дар-неwіс керді, wар хōст к., гуруѳт к. (взялъ) etc.

3) Ср. В. Жуковскій, Образцы перс. нар. творчества, стр. 222.

4) Собственно — тотъ грамотный человѣкъ.

Молитва моя въ (этомъ) мірѣ такова:
Пусть (даже) невѣрующій не испытываетъ мукъ влюбленности.

28] Мусалмӯнӯн ƣарӣбі Себзеwōрум бе діл таҥг у бе діл муштōке jōрум
егер ділбар бедōне дар куцōjум кі шабгӣр куне ōjед кунōрум.

Сеjфōбōд 1914.

Мусульмане! Я странникъ изъ Себзевара,
У меня тяжело на сердцѣ, я рвусь всѣмъ сердцемъ къ возлюбленной (къ другу).
Если бы она узнала, гдѣ я—
Она бы пришла ко мнѣ, дѣлая ночные переходы (=торопясь).

29] Мусалмӯнӯн ділум дōре qубōрі дер ӣн Туршӣш не мігӣре qарōрі
берӯм jōре бегӣрум Себзеwōрӣ кі Туршӣшӣ не дōре iʻтібōрі.

Сеjфōбōд 1914.

Мусульмане, мое сердце покрылось прахомъ,
Оно не находитъ успокоенія въ этомъ Туршизѣ.
Пойду, возьму въ друзья себѣ Себзеварку
Потому что Туршизки ненадежны.

30] Немōзі шӯм неjōмад гул анōрум бе jортеjі[1]) куһне мімōнед рӯзегōрум
егер сад гул біōjед бе кунōрум ез ӯ сад гул неjōjед бӯjі jōрум.

Сеjфōбōд 1914.

Вечеромъ не пришелъ мой цвѣтокъ граната;
Моя судьба похожа на старую юрту (sic).
Если сто цвѣтовъ будетъ передо мной—
Изъ тѣхъ ста цвѣтовъ не будетъ запаха друга.

31] Се рӯзе дер һаwō гӯке тілōjум се панц рӯз-е кі ез ділбер цедōjум
се панц рӯзе дігер ӯрō небӣнум худō дōнед кі бе маргум різōjум.

Сеjфōбōд 1914.

Три дня, какъ я (точно) золотой шарикъ, подвѣшенный въ воздухѣ.
Три-пять дней, какъ я въ разлукѣ съ красавицей.
Если я ее не увижу еще три-пять дней—
Богъ знаетъ, что я согласенъ умереть.

32] Сіōһчашмі кі чашмōі зōƣ дōре сабат дар даст меjлі бōƣ дōре
сабат бегзōр у меjлі бōƣе мō ку сарем бешкен wе дарде мō деwō кун[2]).

Сеjфōбōд 1914.

---

1) Употребленіе этого слова можно объяснить близостью тюркскаго населенія.
2) Ср. В. Жуковскій, Матеріалы для изуч. перс. нарѣчій, I, стр. 31.

Черноглазая, съ глазами цвѣта вóрона,
Съ корзинкой въ рукѣ, хочетъ идти въ садъ.
— Оставь корзину, зайди въ мой (нашъ) садъ—
Разбей мою голову, но излечи мое страданіе.

33] Худо̄ міхо̄ст кі ман дӯр ез ту бо̄шум   зі ҕам бо̄ріктер ез мӯјі ту бо̄шум
худо̄ до̄де бе ту һусн у ц̦емо̄лі   кі ман дер һазраті рӯјет (sic) бо̄шум.

Сејфо̄бо̄д 1914.

Богъ хотѣлъ, чтобы я былъ далекъ отъ тебя,
Чтобъ отъ скорби сталъ тоньше твоего волоса.
Богъ далъ тебѣ красоту и прелесть,
Чтобы я предстоялъ предъ твоимъ лицомъ (?).

34] Шебі кі тӯ нејо̄јі ман чі со̄зум   ело̄ц̦і кун ділум шебо̄јі діро̄зум
діро̄зіјі шаw ез бі̄мо̄р пурсен   кі ман бі̄мо̄рум шабо̄і діро̄зум.

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Въ ночь, когда ты не придешь, что мнѣ дѣлать?
Уврачуй мое сердце въ мои длинныя ночи!
О долгости ночи спрашиваютъ у больного,
А я вѣдь больной въ мои долгія ночи.

35] Неші̄нум бо̄ дере̣ ајwӯне̣ неј-пӯш   бере̣ рӯјі сефі̄д кеј кунум бӯс
агер хо̄һі̄ кі ҕајрум јо̄ре гі̄рі   іло̄һі һіц̦лејет герде сіо̄һпӯш.

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Я сижу у двери входа, крытаго тростникомъ,
(И думаю), когда-то поцѣлую щеку бѣлаго лица?
Если же ты захочешь взять вмѣсто меня другого друга,
Боже! да будетъ твоя брачная комната покрыта чернымъ (т. е. трауромъ?).

36] Чунӯнкі мі̄реwі wер сі̄не бо̄ло̄   іло̄һі̄ бешкене ӯ qаде̣ бо̄ло̄
темо̄ме̣ һеӈго̄мо̄т дастем ресі̄де   кі но̄маһрам бо̄ ӯн ц̦ӯн-е һо̄ло̄

Сејфо̄бо̄д. 1914.

Какъ идешь ты вверхъ по откосу горы,
Богъ да разобьетъ тотъ (твой) высокій станъ!
Вѣдь всегда мнѣ выпадало на долю узнать,
Что кто нибудь посторонній сейчасъ съ той красавицей.

37] Буланд бōлō зе бōлō ōмадум jōр — берōје̣ хōле̣ лабōт[1]) ōмадум jōр
шінīдум хōле̣ леб рō міфурўші — харīдōр бесеwдōт ōмадум jōр.

Сеjфōбōд 1914.

Съ высокихъ-высокихъ горъ я пришелъ, о возлюбленная!
Я пришелъ ради родинки твоихъ щекъ (губъ), о возлюбленная!
Я слышалъ, что ты продаешь родинку на щекѣ —
Я и пришелъ покупателемъ на твой товаръ, о возлюбленная!

38] Кі чігўне сіōh рō тахтё керді — кемербōрīк мерō дīwўне керді
кемербōрīке̣ пур ђамзеје — ашōрат wер міўне̣ хўне керді.

Сеjфōбōд 1914.

Почему ты разостлала черное?
Почему ты, съ тонкой таліей, меня свела съ ума?
Ты, съ тонкой таліей, полная кокетства,
Указала во внутрь дома.

39] Неjі qалjўн буланд кун ōмадум jōр — бероw хўдрō кашаңг кун ōмадум jōр
шінīдум кі де̣лет рō ђам гіріфте — бероw ђам рō бедар кун ōмадум jōр.

Сеjфōбōд. 1914.

Подними трубку кальяна, я пришелъ, другъ!
Пойди, прихорошись, я пришелъ, другъ!
Я слышалъ, что сердце твое охватила печаль —
Пойди, выбрось тоску, я пришелъ, другъ!

40] Неjі qалjўн бедастет нуqре сōзум — чі ōтеш бō сареш фīрўзе сōзум
ту тамбōкў біjōр ез мішке̣ амбар — берōје̣ jōре̣ чōрдеhсōле сōзум.

Сеjфōбōд. 1914.

Я украшу трубку кальяна, которая у тебя въ рукахъ, серебромъ
Я вставлю въ ея верхушку (конецъ) бирюзу, какъ огонь (?)
Ты принеси табаку изъ амброваго мускуса (или — мускуса и амбры?)—
Я вѣдь дѣлаю (это) ради четырнадцатилѣтней возлюбленной.

41] Шабі манзілі ман кўjі ту бōше — тенōбе̣ хаjмеjум[2]) мўі ту бōше
сеwō кі hōцiјўн ез hац біjōје — зіjōратгōhе̣ ман рўjі ту бōше.

Сеjфōбōд 1914.

---

1) леб — значитъ обыкновенно не только «губа», но и щека, слово рух въ Восточной Персіи употребляется крайне рѣдко.

2) Хаjме — слишкомъ литературно, обыкновенно — чōдір.

Ночью мѣстомъ моего ночлега на будетъ твоя улица,
Веревкой палатки моей да будутъ твои волосы.
Завтра, когда хаджи придутъ изъ хаджа,
Мѣстомъ поклоненія моимъ да будетъ твое лице

42] Ділум міхōст кі бō ту јōр бōшум   чі дӯне дер міӯне̦ нōр бōшум
чі дӯне дер міӯне̦ нōре̦ шірін   берōјі шарбаті бімōр бōшум.

Сејфōбōд 1914.

Мое сердце хотѣло, чтобы я былъ съ тобой другомъ,
Былъ, какъ зерно въ серединѣ гранатоваго яблока.
Какъ зерно внутри сладкаго гранатоваго яблока —
Я былъ бы для напитка, даваемаго больнымъ.

43] Егер де̦лбар мерō хōһад [1]) ҕамум нīст   кі дерді ōшуqī дарді ќамі нīст
егерділбар мерō хōһад бе пірī   дīге дер џōһілī мунnаті нīст.

Сејфōбōд 1914.

Если красавица любитъ меня, у меня нѣтъ печали —
А вѣдь страданія влюбленности страданія не малыя.
Если же красавица меня любитъ и въ старости —
Тогда въ молодости нѣтъ никакой важности.

44] Худōwендō бе јēлōqум ресōні   бе шīр у мōст у qајмōqум ресōні
егер шīр у мōст у qајмōq небōше   бе ӯ духтерһōі Іспōк [істōк?] ресōні

Сејфōбōд 1914.

Боже, приведи меня на яйлакъ!
Къ молоку, простоквашѣ и сливкамъ.
Если же не будетъ молока, простокваши и сливокъ —
Тогда приведи меня къ дѣвицамъ Испака [2]).

45] Худōwендō дӯтō нӯр ōферīде   јекі шеw у јекі рӯз ефтīде
бе qурбӯне̦ керіміјі худōш   зі чӯбі хушк еңгӯр ефтīде.

Сејфōбōд 1914.

Боже! сотворены два свѣта [=свѣтила]:
Одно пришлось на ночь, другое на день.

---

1) Въ восточной Персіи очень часто употребляется вмѣсто этого глагола для выраженія «любить» — другой, міџгīден, который очень живо напоминаетъ хиндійскій мāңгнā.

2) Названіе деревни на Хорасанской дорогѣ. Істōк обозначае̦тъ — молодой побѣгъ: къ дѣвицамъ, подобнымъ молодымъ побѣгамъ? — Въ моей записи неразборчиво.

Клянусь милостью Бога, [создавшаго] ихъ,
Изъ сухого дерева явился виноградъ.

46] Неwīсум бō дере дīwōре хӯне бемōнед ез мені міскīн нішōне
егер пурсен кі міскін бе куџō рафт бегӯ бегріхт ез дасте замōне

Сејфōбōд 1914.

Я пишу на двери въ стѣнѣ дома —
Отъ меня, бѣднаго, пусть останется знакъ.
Если спросятъ, куда ушелъ (этотъ) бѣднякъ?
Скажи: убѣжалъ отъ рукъ судьбы.

47] Земōнеjі кі мерō qазō (wефō?) муфлісум ке тілō бӯдум wерōwар бе місум ке
бе діл дōштум[1]) qабōіноw бепӯшум qawōі куһне хōрі меџлісум ке[2])

Сејфōбōд 1914.

Въ то время, когда судьба (вѣрность?) сдѣлала меня бѣднякомъ —
(Я былъ золотомъ, она сравнила меня съ мѣдью)—
Я мечталъ надѣть новую одежду,
Но старая сдѣлала меня презрѣннымъ въ собраніи.

48] Алі дīдум Алі дер хōw дīдум Алі дер месчіті міһрōw дīдум
Алі дīдум кі бō Дулдул сеwōр-е чі Qамбар бō рікōбеш мідеwīдум.

Сејфōбōд 1914.

Я видѣлъ Али, видѣлъ Али во снѣ,
Я видѣлъ Али въ мечети, въ молитвенной нишѣ.
Я видѣлъ Али, верхомъ сидящаго на Дульдулѣ —
Какъ Камбаръ, я бѣжалъ у его стремени[3]).

49] Qурбōне міле гердепет Мāмед сердōр qурбōне музір бестенет Мāмед сердōр.
һōлō кі доwрӯн доwрӯн-е Мāмад сердōр замін шōһī Хурōсӯн-е Мāмед сердōр.

Сејфōбōд 1914.

1) Въ восточной Персіи очень часто произносится дīштум.

2) Ср. В. Жуковскій. Образцы стр. 241.

3) Это, какъ мнѣ кажется, очень рѣдкій образецъ произведенія народнаго творчества, гдѣ разработывается религіозная тема. Быть можетъ мнѣ не сообщали подобныхъ данному образцовъ, какъ иновѣрцу? — По формѣ оно совершенно народное, однако возможно, что имѣетъ темой мотивъ какого-нибудь книжнаго четверостишія изъ поэмъ и дивановъ религіознаго содержанія.

Клянусь столбомъ позвоночниковъ твоей шеи, Мамедъ сердоръ [1])!
Клянусь твоей стрѣльбой изъ маузера, Мамедъ сердоръ!
Теперь, когда судьба мѣняется, Мамедъ сердоръ!
Ты заложникъ царя Хорасанскаго, Мамедъ сердоръ!

50] Дӯст кердем шушкурӯші ділум хӯш о̄wід   шо̄хі̄дам то̄ Іхтішо̄м [2]) бо̄ ђо̄рі [3]) о̄бі̄
сер кеші̄дум сере̣ ќал по̄jе̣ ќал дійо̄р-с   jо̄рё цӯне̣ мо̄ бегӯ гулгӯн беjо̄ре.

(Изъ пѣсенъ племени Бӯі-Рахмад). Сі̄wанд 1914.

Я полюбилъ шести-піастровыя (шести-крановыя?) монеты, онѣ радовали мое сердце.
Я грабилъ (?), пока Ихтишамъ не пріѣхалъ въ коляскѣ.
Я высунулся на (башню) крѣпости (?), подъ ней видно (все) внизу.
Другъ, душа моя, скажи, чтобы привели (?) (лошадь по имени?) Гульгунъ.

51] Тӯле̣ гірде со̄хётем чілѓаз һасо̄реш   Іхтішо̄м ѓард не кеші̄д тӯп Jо̄дего̄реш
jек qато̄р доwре̣ qадум jекі бе пуштум   до̄ђіjум (до̄һіjум?) бандум бедо̄д геһо̄wмо̄ куштум.

(Изъ пѣсенъ племени Бӯі-Рахмад). Сі̄wанд 1914.

Я построилъ круглое укрѣпленіе, каменная стѣна котораго была въ сорокъ гязовъ.
Ихтишомъ, его (мирза) Йодгоръ не поставилъ пушекъ вокругъ.
У меня одна обойма вокругъ пояса, а другая за спиной —
Мой дядя связалъ меня — и я убилъ своего брата (?).

II. Образцы другихъ размѣровъ.

52]
Ћіро̄ һіро̄зо̄де̣ мен   нерефте ез jо̄де̣ мен
тухме̣ перізо̄де̣ мен   гулі Сеjно̄бо̄де̣ мен
бӯсо̄і кі дішаw до̄ді   мушті Шемсо̄бо̄ді мен.

Сеjфо̄бо̄д 1914.

---

1) Очень можетъ быть, что это уцѣлѣвшій отрывокъ какого-нибудь повѣствовательнаго цикла, быть можетъ длинной поэмы, состоящей изъ четверостишій. О личности Ма̄медъ сердара я не могъ собрать никакихъ данныхъ, но вѣроятнѣе всего, что это одинъ изъ популярныхъ разбойниковъ, грабившихъ на Себзеваро-Ниша̄пурской дорогѣ (ихъ и теперь тамъ много).

2) Имя одного изъ бывшихъ губернаторовъ Фарса.

3) Ђо̄рі, گاری, вѣроятно индійскаго происхожденія, обозначаетъ въ Персіи главнымъ образомъ фургонъ, фуру, а затѣмъ и вообще всякую повозку.

Мой кардамонъ, дочь кардамона!
Мое зернышко, рожденное пери!
Тѣ поцѣлуи, что ты вчера дала,
Не выходятъ (ушли) изъ памяти у меня.
Роза Һусейнабадская моя,
Пригоршня Шéмсабадская моя!

53] Даwō кі фетōдем бе хōкẹ Дірīз
седōі шастīр у седōі фелīс
моцелумба сӯі Гӯрі Хōн деwīд
јекі купте у дӯтō захм (sic) дīд
серẹ шӯм нōлīдам тō саһар
кі цӯндōр рẹсīд тō бе Бōђẹ назар
серẹ шӯм кердем феђӯн
кі цōндōр (у туфаңгчі) ресīд бе хӯдẹ Кōзерӯн
Нōсер-Діwӯн ту мекун феђӯн
зӯдё сеwōр бешоw сī кӯһістӯн

Палеwгīне 1914.

Когда я попалъ во время битвы въ Диризъ[1]),
(Былъ слышенъ) звукъ пулемета и крикъ полицейскихъ.
Майоръ Умба(?) побѣжалъ къ мѣстности Гури Ханъ
И увидѣлъ, что одни убиты, а другіе ранены.
Съ вечера я рыдалъ до утра,
Что жандармы дошли до сада Назаръ.
А къ вечеру я завопилъ,
Такъ какъ жандармы (и стрѣлки) дошли до самаго Казеруна.
Насиръ-диванъ (псевдонимъ автора?), не вопи,
Скорѣй садись на лошадь, чтобы (убѣжать) въ горы[2]).

---

1) Деревня въ двухъ фарсахахъ отъ Казерума.

2) Въ этомъ стихотвореніи разсказывается о событіяхъ, происходившихъ въ Казерунѣ въ маѣ—іюнѣ 1914 г. Въ г. Казерунѣ была большая шайка изъ мѣстныхъ жителей, бравшая налогъ (باج) съ каравановъ. Когда персидское правительство послало туда жандармовъ для обузданія шайки, они ничего не могли подѣлать по своей неорганизованности, отсутствію дисциплины и непопулярности у мѣстныхъ жителей. Ночное нападеніе на домъ главы шайки «калантера», произведенное командовавшимъ отрядомъ шведскимъ офицеромъ, окончилось крайне неудачно для жандармовъ: самъ офицеръ былъ убитъ, трупъ его брошенъ въ latrinae, а отрядъ, понеся громадный уронъ, съ трудомъ удержался въ одной изъ пальмовыхъ рощъ за городомъ. Прибывшія къ жандармамъ подкрѣпленія (съ пулеметомъ) послѣ упорнаго боя заставили шайку отступить, — она скрылась въ горы. Преслѣдовать ее шведскіе офицеры не рѣшились, а предпочли отдать городъ на разграбленіе. Черезъ нѣсколько дней Казерунъ превратился въ полуразрушенную деревню. Во время грабежа было много убито мирныхъ жителей обоего пола. (Такой

III. Образцы свадебныхъ пѣсенъ.

Къ тому, что говорилось объ этомъ видѣ творчества выше и что сказано въ книгѣ В. А. Жуковскаго «Образцы персидскаго народнаго творчества» можно прибавить, что свадьба очень часто служитъ объектомъ разныхъ насмѣшекъ и, какъ это ни странно, въ такой бѣдной странѣ, какъ Персія, — именно надъ бѣдностью невѣсты или жениха. Напр.

54] Рӯі бӯне худ рō џō кун еј ділwар   арусӯне[1]) тамашō кун еј ділwар
арусӯне кі ђаwђōе недōре   дуһӯл бешкасте wу сōзё недōре.

(Область Бирджанда 1912).

Приготовь себѣ, красавица, мѣсто на крышѣ.
Взгляни на свадьбу, красавица,
На свадьбу безъ оживленія:
Сломанъ большой барабанъ и музыки нѣтъ.

Иногда — это скорѣе причитаніе, чѣмъ пѣсня, напр.

55] Біō біō кечӯр-мечӯр
біō біō сардаст белӯр.

Приди, приди миленькая-миленькая!
Приди, приди съ руками, нѣжными какъ хрусталь!

Бракъ является очень рѣдко объектомъ лирическихъ стихотвореній, да и вообще, какъ почти вездѣ въ крестьянствѣ, на него смотрятъ лишь какъ на способъ пріобрѣтенія рабочей силы, гораздо рѣже — предмета удовольствія.

Взглядъ крестьянина на этотъ вопросъ хорошо фиксированъ въ слѣд. четверостишіи:

56] Худōwендō дё-тō хурмō бе ман дej   занẹ пір у занẹ ра‘нō бе ман дej
занẹ ра‘нō берōјі дестёгерден   занẹ пір берōјẹ кōрё керден.

Боже! дай мнѣ два финика!
Дай мнѣ жену старую и жену красивую:
Красивую жену — для объятій,
А старую — для работы.

грабежъ былъ произведенъ въ Бамѣ и Ларистанѣ, послѣ чего награбленное добро открыто продавалось на базарахъ Кермана и Шираза). Менѣе всего пострадала шайка: былъ заключенъ миръ и «калантеръ» вернулся опять въ качествѣ градоначальника со всѣми своими «туфангчи» — стрѣлками.

1) Винит. или косвенный падежъ на -е, -у часто встрѣчается въ восточной Персіи.

Образцы.

57] Арӯс арӯсеш мікуненд
суб̄ре̦ хурӯсеш мікуненд.

Камб̄рен̦ц. 1914.

Невѣсту замужъ выдаютъ,
Ее сажаютъ на пѣтуха.

Интересны аналогіи изъ восточной Персіи:

57[a]] Мо̄ арӯс міберім
гуле̦ хурӯс міберім
ез wасткі (از بس که) сундӯq
wар пушті хурӯс міберім.
сен̦гін-е

Мы невѣсту ведемъ,
(Красную) мальву несемъ.
Такъ какъ сундукъ (съ ея приданымъ) тяжелъ,
Мы веземъ его на пѣтухѣ[1]).

58] Кічеі тан̦г-е hej гулі
арӯс буланд-е hej гулі.

Камб̄рен̦ц 1914.

Улица узка, о цвѣтокъ!
Невѣста поднялась (= ѣстала), о цвѣтокъ!

59] Духтерем духтере̦ іл-е
ц̦іhо̄зеш[2]) мо̄ле̦ (б̄о̄ре̦?) філ-е
духтерем духтере̦ ференц̦гі
ӯн ц̦іhо̄зеш (?) пурё qанді

Камб̄рен̦ц 1914.

Моя дочь — дѣвица изъ (кочевого) племени.
Ея сѣдло — надѣвается на слона.
Моя дочь — какъ европейская дѣвица:
То сѣдло ея (?) полно сахара[3]).

---

1) Это, конечно, насмѣшка, но предыдущее двустишіе лучше разсматривать въ положительномъ смыслѣ: — невѣста такъ миніатюрна, что ее сажаютъ на пѣтуха. А быть можетъ это пережитокъ какого-нибудь древняго обряда, связаннаго съ пѣтухомъ, который принадлежа къ солнечному культу, былъ нерѣдко связанъ и съ обрядами брака.

2) ц̦іhа̄з — значитъ собственно вьючное сѣдло для верблюда.

3) Т. е. она богата, какъ европеянка?

60] Кел кешӣдем кел кешӣдем кел бе сӯје дел кешӣдем
мо̄ кі бурдем хо̄нем арӯс шумо̄ чӯн бер гел кешӣдем.

Сӣwанд 1914.

Мы улюлюкали, улюлюкали, Улюлюкали — для сердца.
Мы, уводившіе госпожу-невѣсту, Точно по грязи тащили васъ (?).

61] Хо̄не мо̄ арӯс тӯ дер ӯмад чіте гулхурдеје бурӣзем [1])
шӣре дӯмо̄д дер ӯмад хо̄не мо̄ арӯс беро̄береш.

Палеwгӣне 1914.

Ханъ мой, твоя невѣста пришла,
Отмѣрь (посыпь) мнѣ цвѣтного ситца.
Вошелъ женихъ-левъ —
Ханъ мой, невѣста одинакова съ нимъ.

62] О̄мадім до̄лӯн то̄ до̄лӯн то̄ даме дерwо̄зетӯн
дар wо̄ кун дарwо̄зетӯн мо̄ мӣберӣм шо̄hзо̄детӯн [2]).

Сӣwанд 1914.

Мы пришли до входа, до входа, до самыхъ вашихъ воротъ,
Отвори(те) двери, ворота ваши, мы увеземъ вашу царевну (= вашего царевича).

63] О̄мадӣм у мӣберӣм гул сефӣд памбе ро̄
рухсат ез бо̄бо̄ бегӣрід шаб чӣро̄ђ hуџле ро̄ [3]).

Сӣwанд 1914.

Мы пришли и уводимъ бѣлый цвѣтокъ хлопка,
Возьмите разрѣшеніе у отца (зажечь) ночью свѣтильникъ для брачнаго покоя.

64] Шо̄h бе тахт шо̄hі бе тахт шо̄h беро̄рем рӯі тахт
зангелӯнем [4]) кел кешӣд шо̄h беро̄рем керде рахт [5]).

Сӣwанд 1914.

Царь на тронѣ, царь на тронѣ! Царь братъ мой — на тронѣ!
Женщины мои, улюлюкайте — Царь братъ мой одѣлся!

---

1) Рӣхтен, когда говорится о тканяхъ, обыкновенно означаетъ—мѣрить, отмѣривать.
2) Ср. В. Жуковскій, Образцы, стр. 140.
3) Ср. тамъ-же, стр. 141.
4) Примѣръ двойнаго pluralis — діалектическій суффиксъ гел + ӯн.
5) Ср. тамъ-же, стр. 130.

65] Јек һамӯме сіт бесōзем чӯн һамōме̦ Кōзерӯн
даме̦ дартōш нуqре гірем сі берōре̦ хурдемӯн[1]).

Сіwанд 1914.

Я построю для тебя баню,
Какъ казерунская.
Самыя двери ея я покрою серебромъ
Для моего маленькаго брата.

Варіантъ:

66] Јек һамōме̦ сіт бесōзем чӯн місōле̦ Кōзерӯн.
ōбеш ез Бандар біјōрем хіштеш ез Мōзендерӯн.

Я построю для тебя баню,
Подобную казерунской,
Воду для нея я привезу изъ Бендеръ-Бушира,
А кирпичи — изъ Мазандерана.

67] Мō бе расмі рōһе̦ Бандер зард палеwĕ пухтејум
сӯі керōмі шī-дōмōд налqе̦ бōдӯм рухтејум[2]).

Сіwанд 1914.

Мы, по обычаю, который принятъ на дорогѣ въ Бендеръ-Буширъ,
Сварили желтый пловъ.
Ради (sic?) щедрости жениха-льва
Мы сыпали миндальныя конфекты.

68] Īле бōлō іле пōін гелемӯн бӯр зеде хōш
шōле̦ qадде̦ шіре̦ дӯмōд сад тумōн рефте беһōш

Сіwанд 1914.

Одно племя вверху, другое внизу. Мое стадо сбилось въ кучу и спитъ (сонъ сбилъ его въ кучу).
Шаль пояса жениха-льва стоитъ сто тумановъ.

69] Еј һенōбанд еј һенōбанд ī һенōрō хӯб бебанд
сере̦ Алі дӯст мідōрī сере̦ дӯмōд хӯб бебанд[3]).

Сіwанд 1914.

О банщикъ, накладывающій хену (bis), — наложи эту хену хорошенько!
Если ты чтишь (любишь) голову Али, хорошенько наложи хену на голову жениха.

---

1) Ср. тамъ-же, стр. 127.
2) Ср. тамъ-же, стр. 129.
3) Ср. тамъ-же, стр. 129.

70] Нене арӯс џӯнẹ рӯдет ī qадар гарго̄w мекун
шīрẹ дӯмо̄д hīч недо̄ре зīрẹ qарзеш ту мекун.

Сīwапд 1914.

Матушка невѣста, дорогая, не рыдай столько:
Женихъ-левъ ничего не имѣетъ, не вводи ты его въ долги[1]).

В. А. Ивановъ.

Библіографическая справка къ статьѣ:

„Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи“.

1232-3. Шамси Кайсъ въ своей персидской метрикѣ и поэтикѣ первый — сколько мнѣ извѣстно — приводитъ образцы народныхъ четверостишій (فهلويّات, особый родъ которыхъ называется اورامن стр. 143, pl. اورامنان стр. 80) и напрасно старается скандировать ихъ по правиламъ арабско-персидскаго «¦арӯза». Другіе метрики, кажется, вовсе не говорятъ о народныхъ стихахъ. См. E. J. W. Gibb Memorial Series, Vol. V: Al-muʿjam fî maʿáyíri ashʿári ʾl-ʿajam. A treatise on the prosody and poetic art of the Persians by Shamsu ʾd-din Muḥammad ibn Qays ar-Rází edited with introduction and indices by Mírzá Muḥammad ibn ʿAbdu lʾ-Wahháb of Qazwín. Leyden. London 1909, 8°, p. 80—82. 142—147.

1842. Alexander Chodzko. Specimens of the popular poetry of Persia. as found in the adventures and improvisations of Kurroglu, the bandit-minstrel of Northern Persia; and in the songs of the people inhabiting the shores of the Caspian sea. London, Oriental Translation Fund 1842. 8° maj., стр. 416 слл. 453 слл. 525 слл. (Гилянцы называютъ свои пѣсни Pálevi, стр. 454).

1852. A. Chodzko. Grammaire persane. Paris 1852. 8°, стр. 18-19. 87. 114. 143. 148.

---

1) Быть можетъ, это намекъ на обычай, согласно которому невѣста, подходя къ дому жениха, останавливается (до трехъ разъ). Въ первый разъ женихъ высылаетъ уговаривать ее, обѣщая ей повезти ее на богомолье въ Мешхедъ, второй разъ — Кербелу, третій — Мекку. Обыкновенно больше трехъ остановокъ не бываетъ. Иногда женихъ высылаетъ подарокъ, на что и намекается вѣроятно здѣсь.

1853. E. Berésine [Илья Николаевичъ Березинъ] Recherches sur les dialectes musulmans. II. Recherches sur les dialectes persans. Casan 1853. 8°: Seconde partie. Textes guileks, mazanderans, guebris, kurde-oriental et kurde-occidental (отчасти заимствованы у Ходзько).

1862. Heinrich Brugsch. Reise der k. preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861. Lpz. 1862. 63. 8°, I, стр. 389. II, стр. 67.

1886. В. А. Жуковскій. Персидскій эндерунъ: Вѣстникъ Европы. 1886, октябрь.

1888. В. А. Жуковскій. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. I. Спб., Акад. 1888. lex. 8°.

1889. Carl Salemann und Valentin Shukovski. Persische Grammatik. [Porta linguarum orientalium. XII]. Berl. 1889. 8° min., стр. 101-102 (устанавливается тожество народныхъ четверостишій съ авестской строфою Speñtamainyu, т. е. 4 строки по 4+7 слоговъ). Тоже: Краткая персидская грамматика. Спб. 1890. 8°, стр. 83.

1889. В. А. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи: ЖМНПр. 1889, янв.

1899. Kégi Sándor. A persza nepdal: Értekezések a nyelv- és szeptudományok köréből XVII,3 стр. 111—155. Budapest, Akad. (часть образцовъ заимствована у Жуковскаго).

1902. В. А. Жуковскій. Образцы персидскаго народнаго творчества. [Изданія фак. вост. яз. № 10]. Спб. 1902. 8° maj.

1906. D. C. Phillott. Some lullabies and topical songs collected in Persia: Journ. and Proc. of the As. Soc. of Bengal. N. S. II,3, стр. 32—53.

1914. Edw. G. Browne. The press and poetry of modern Persia partly based on the manuscript work of Mírzá Muḥammad ʿAlí Khán «Tarbiyat» of Tabríz. Cambr. 1914. 8°.

1914. Edw. G. Browne. The political poetry of modern Persia. Cambr. 1914. 8°.

К. З.

Собраніе восточныхъ рукописей въ Софіи[1].

(Предварительное сообщеніе)

Врядъ ли кому изъ оріенталистовъ, занимающихся языками ближняго востока, извѣстно, что не такъ далеко отъ культурныхъ центровъ Запада и почти по сосѣдству съ самымъ Востокомъ, въ маленькомъ, красивомъ городѣ Софіи находится богатая коллекція восточныхъ рукописей. Зданіе Публичной Библіотеки (Народната Библиотека) — на ул. Раковска, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ извѣстнаго бульвара Царя Освободителя, — гдѣ хранятся эти рукописи, ничѣмъ не привлекаетъ вниманія; случайный посѣтитель ея можетъ пройти десять разъ по узкому и темному коридору, не примѣтивъ бѣлой карточки библіотекаря «Восточнаго Отдѣла». Самая коллекція не пользуется особой популярностью даже въ Софіи, а въ небольшомъ кругу знающихъ о ней имѣется очень туманное представленіе о характерѣ ея содержанія. Всѣ они почему то считаютъ ее собраніемъ «церковныхъ турецкихъ книгъ».

Болгары называютъ эту коллекцію «Турската Архивá» (Турецкій архивъ) или «Библіотеката на Пазвант-оглу» (Библіотека Пазвант[2]-оглу). Къ сожалѣнію, свѣдѣнія не только о ея происхожденіи и состояніи до перехода въ болгарское владѣніе, но и о дальнѣйшей исторіи очень скудны.

Единственное, насколько мнѣ извѣстно, косвенное упоминаніе о ней находится въ рапортѣ австрійскаго вице-консула von Walcher въ Видинѣ отъ 22 сентября 1860 г.; онъ говоритъ, что «Sie (die Bibliothek) sich in

1) Появленіемъ въ печати этой замѣтки я обязанъ моему учителю И. Ю. Крачковскому, который убѣдилъ меня познакомить востоковѣдовъ съ интереснымъ фактомъ существованія большого собранія восточныхъ рукописей, кромѣ Россіи, и въ другомъ славянскомъ государствѣ. За его всегда любезное содѣйствіе и неизмѣнную готовность помочь считаю долгомъ выразить глубокую благодарность.

2) Болѣе точной передачей имени было бы «Пāсбāнъ» (=پاسبان—vigil nocturnus, custos), но мы сохраняемъ ту форму, которая утвердилась въ болгарской научной литературѣ.

der von Paswanoglu erbauten Moschee in sehr guten Stande befindet und nahe an 2500 Bände, gröstentheils Manuskripte in Arabischer und Persischer Sprache enthält»[1]). Можетъ быть von Walcher въ своемъ рапортѣ, къ которому приложенъ и каталогъ этой библіотеки (по всей вѣроятности инвентарнаго характера), давалъ болѣе подробныя свѣдѣнія о ней, но за неимѣніемъ подъ рукой этого рапорта приходится отказываться отъ какихъ бы то ни было предположеній.

Османъ Пазвант-оглу (ум. 1807 г.), съ именемъ котораго связана эта библіотека, слишкомъ извѣстная въ исторіи личность, чтобы давать о ней свѣдѣнія въ краткой замѣткѣ, но и слишкомъ крупная, чтобы ее можно было охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ. Я замѣчу только, что не смотря на обиліе документовъ о немъ[2]), онъ все еще представляетъ довольно загадочную фигуру. Разсматривать того, кто мечталъ о возрожденіи Ислама и величіи Султановъ прежнихъ дней, передъ кѣмъ дрожала Блистательная Порта и кто заставлялъ европейскія державы задумываться надъ «равновѣсіемъ», какъ одного изъ многихъ бунтовщиковъ (хотя и крупнаго калибра), разстраивавшихъ внутреннее единство Турецкой Имперіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, было бы слишкомъ односторонне. И, можетъ быть, детальное изслѣдованіе его библіотеки прольетъ нѣкоторый свѣтъ на его личность, такую могучую и мрачную на трагическомъ фонѣ крови и пожарищъ; можетъ быть, это изслѣдованіе дастъ и то, чего не дали намъ самые подробные рапорты дипломатическихъ или военныхъ агентовъ, такъ зорко слѣдившихъ за Пазвант-оглу. Такое изслѣдованіе выяснило бы, наконецъ, принадлежала ли эта библіотека въ самомъ дѣлѣ знаменитому пашѣ Видина, и не связала ли тутъ легенда культурныя заслуги его отца Омера съ именемъ широко извѣстнаго сына Османа? Вопросъ этотъ возникаетъ невольно, когда при просмотрѣ этихъ рукописей почти на всѣхъ — преимущественно на тѣхъ, что лучше сохранились, встрѣчаешь черную круглую печать съ надписью

1) Flügel, Die Arabischen, Persischen und Türkischen Hdss. der Kaiserlich-königlichen Bibliothek zu Wien т. I, Wien 1865, стр. 56—57, № 45.

2) Изъ общихъ трудовъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о немъ собраны у Zinkeisen, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa—VII, Gotha 1863, стр. 230—240 и Iorga, Geschichte des Osmanischen Reiches—V, Gotha 1913, стр. 106, 119—124, 139, 142—145. За послѣдніе годы изданъ рядъ матеріаловъ, еще не изслѣдованныхъ полностью: таковы, напримѣръ, рапорты дипломатическихъ и военныхъ агентовъ, извлеченные изъ тайныхъ архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Австріи (1797—1806 г.), Германіи (1792—1807) и Франціи (1792—1806) Л. И. Поповымъ (Приносъ за изучване миналото на българското очечество въ Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XXIV, София 1908, дѣлъ I) и оффиціальные турецкіе документы (Турски държавни документи за Османъ Пазвант-оглу Видински, събралъ и прѣвелъ Д. Ихчиевъ (тамъ же). Интересныя данныя можно иногда извлечь и изъ литературныхъ памятниковъ Болгаріи той эпохи (см., напр. А. Теодоровъ Баланъ, Софрони Врачански, София 1906, особенно въ Житіе и Страданіе грѣшнаго Софронія, стр. 23—24, 26—28, 34—37).

وقف هذا الكتاب عمر اغا باسبان زاده. Принимая во вниманіе, что ко времени соединенія сѣверной Болгаріи съ южной Болгарскому Правительству пришлось «подарить» Турціи большую часть этой коллекціи, уступая доводу, что Османъ Пазвант-оглу «грабилъ» когда то «религіозныя» книги [1]), можно задуматься надъ способомъ составленія самой коллекціи. Всѣ аналогичные вопросы приходится оставить открытыми за отсутствіемъ какихъ бы то ни было болѣе или менѣе достовѣрныхъ данныхъ и изслѣдованій въ этомъ направленіи.

Коллекція Пазвант-оглу досталась болгарамъ послѣ Освободительной Войны (1877 г.), когда къ молодому княжеству отошелъ и гор. Видинъ со всѣмъ, что находилось въ немъ. Первое время, конечно, нельзя было и думать о какомъ бы то ни было вниманіи со стороны недавнихъ рабовъ къ книжнымъ сокровищамъ прежнихъ властелиновъ, въ добавокъ еще и совсѣмъ имъ непонятнымъ. Только спустя нѣкоторое время, по соглашенію съ начальникомъ Видинскаго округа, рукописи были перевезены въ Софію, гдѣ онѣ долго вели ту же кочевую жизнь, что и Публичная Библіотека, пока наконецъ не обрѣли покоя въ нынѣшнемъ помѣщеніи. Здѣсь уже были присоединены къ нимъ рукописи и книги, найденныя въ самой Софіи, Самоковѣ и купленныя правленіемъ библіотеки. Въ столицѣ Болгаріи имъ, повидимому, пришлось долго оставаться въ покоѣ, граничащемъ съ забвеніемъ. О нихъ вспомнили только, когда покойный Ихчиевъ началъ издавать матеріалы по болгарской исторіи на основаніи документовъ, найденныхъ имъ въ этой библіотекѣ. Ихчиевъ былъ хорошо знакомъ съ турецкимъ языкомъ, такъ какъ получилъ свое образованіе въ Константинополѣ и долго служилъ тамъ драгоманомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но, къ сожалѣнію, онъ не обладалъ научной подготовкой и къ его изысканіямъ нужно относиться очень осторожно; его же долголѣтняя и кропотливая работа по составленію карточнаго каталога всѣхъ рукописей едва ли можетъ быть признана удовлетворительной изъ-за несоблюденія элементарныхъ правилъ. Болѣе счастливые дни для коллекціи могли настать, когда завѣдывать Восточнымъ Отдѣломъ Публичной Библіотеки въ Софіи сталъ съ 1910 года только что кончившій въ Берлинѣ Семинарію Восточныхъ Языковъ докторъ И. Димитровъ, первый болгарскій оріенталистъ со спеціальной подготовкой [2]). Въ настоящій моментъ я лишенъ возможности дать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ молодомъ ученомъ, на котораго возлагали такъ много на-

---

1) Такъ передавалъ мнѣ самый старѣйшій служащій въ Публичной библіотекѣ Н. Алексиевъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось разыскать списка, по которому происходила выдача книгъ туркамъ, но едва ли можно предполагать, что тамъ были обозначены названія книгъ.

2) Ср. о немъ отзывъ польскаго востоковѣда J. Grzegorzewsk'аго въ книгѣ Grób Warneńczyka, Kraków 1911, стр. 54 прим. 1.

деждъ и смерть котораго во время войны 1912/13 г. такъ рано заставила отъ нихъ отказаться. Замѣчу только, что онъ сильно поколебалъ вѣру въ основательности изысканій Ихчиева и можетъ быть заставилъ нѣкоторыхъ понять, что не всегда смѣлость служитъ замѣной научной школы. Я имѣю въ виду его критическій разборъ статьи Ихчиева о битвѣ при Варнѣ въ 1444 году[1]). Его потеря тѣмъ болѣе чувствительна для Болгаріи, исторія и жизнь которой такъ тѣсно связаны съ Востокомъ, но гдѣ близость Востока не дѣйствовала до сихъ поръ живительно на востоковѣдѣніе[2]).

Возвращаясь къ самой коллекціи, остается сказать еще нѣсколько словъ. Въ теперешнемъ своемъ видѣ она заключаетъ около 4000 томовъ на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, рукописи не отдѣлены отъ печатныхъ книгъ (которыя составляютъ значительное меньшинство), а помѣщены вмѣстѣ; трудно также выяснить принадлежитъ ли данная рукопись библіотекѣ Пазвант-оглу или Самоковской и пр. Почти всѣ рукописи хорошо сохранились, въ восточныхъ переплетахъ, нѣкоторыя изъ нихъ въ футлярахъ, часто съ красивыми виньетками и фронтисписами. Содержанія онѣ самаго разнообразнаго: историческаго, юридическаго, богословскаго, медицинскаго и пр. и конечно не исключительно «церковнаго». Къ нимъ нужно отнести еще 310 «тефтеровъ»—سجلات—самаго разнообразнаго характера[3]). Вся коллекція находится въ нижнемъ этажѣ Публичной Библіотеки, за второй комнатой налѣво отъ входа. Комната темная въ одно окно, высокая; въ ней и лежатъ эти рукописи съ полу до потолка въ открытыхъ шкапахъ, безъ всякой защиты отъ пыли и судьбы.

Впервые оффиціальныя свѣдѣнія объ этой коллекціи были даны въ рапортахъ нынѣшняго завѣдывающаго отдѣломъ, которые можно найти въ отчетахъ (Годишници) Публичной Библіотеки за время 1912 и 1913 г.,

---

1) «Периодическо Списание» за 1910 годъ, стр. 447—466. Отношеніе свое къ работамъ Ихчиева И. Димитровъ высказывалъ неоднократно. См., напр., еще MSOS т. XV^2, 1912, стр. 55 (Die Arbeiten des Herrn I. sind nicht ernst zu nehmen). Такое же впечатлѣніе вынесъ и другой востоковѣдъ которому пришлось близко столкнуться съ работами Ихчиева (См. J. Grzegorzewski, op. cit. 49).

2) Докторская диссертація И. Димитрова (Asch-Schaibāni und sein Corpus juris въ MSOS т. IX^2, стр. 60—206) вызвала сочувственные отзывы европейскихъ исламовѣдовъ и внесла новое освѣщеніе нѣкоторыхъ фактовъ даже въ такую, сравнительно хорошо разработанную область, какъ ранняя исторія мусульманскаго законовѣдѣнія (Ср. А. Шмидтъ. 'Абд-ал-Ваххâб-аш-Ша'рâвiй и его Книга разсыпанныхъ жемчужинъ, С.-Пб. 1914, стр. 1, прим. 2). Въ интересныхъ годовыхъ обзорахъ онъ знакомилъ западную Европу съ научной литературой Болгаріи (См. MSOS, т. XIV^2, стр. 86—100 и т. XV^2, стр. 30—67).

3) Ихъ историческое значеніе оцѣнено въ капитальной работѣ Я. Гжегожевскаго: *Z sidżyllatów Rumelijskich epoki wyprawy Wiedeńskiej akta tureckie (tekst turecki á polski).* Zebrał i opracował Jan Grzegorzewski, Lwów 1912. (О происхожденіи коллекціи «тефтеровъ» въ Софійской библіотеки см. стр. 7—8).

вышедшихъ въ 1914 и 1915 г. Къ сожалѣнію, эти рапорты очень мало говорятъ о дѣйствительномъ состояніи восточныхъ рукописей въ цѣломъ.

Ниже я печатаю въ алфавитномъ порядкѣ сочиненій списокъ четырехъ десятковъ рукописей, которыя мнѣ удалось просмотрѣть. Всѣ рукописи — арабскія (за единственнымъ исключеніемъ № 9 на персидскомъ языкѣ), преимущественно историческаго и богословско-юридическаго характера. Библіографическія указанія я ограничилъ только ссылками на извѣстную Geschichte der arabischen Literatur C. Brockelmann'a (I—II, Weimar und Berlin, 1898—1902), которая при желаніи поможетъ легко найти болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о каждомъ данномъ авторѣ или сочиненіи. Другія пособія мною упоминаются только тогда, когда свѣдѣній о данномъ сочиненіи у Brockelmann'a мнѣ не удалось найти.

Особенно рѣдкихъ экземпляровъ въ печатаемомъ спискѣ, повидимому, не встрѣчается; извѣстной характеристикой для всей коллекціи можетъ служить, однако, то обстоятельство, что и среди перечисленныхъ мы видимъ рукописи сочиненій, не представленныхъ въ другихъ книгохранилищахъ (напр. №№ 7, 13, 22), или списки, исполненные при жизни автора, какъ исторія ас-Суйӯт̣ӣ (№ 10). Нѣкоторый интересъ курьеза представляетъ то, что въ этомъ же индексѣ мы находимъ и біографію аш-Ша'ра̄нӣ (№ 11), на которую только годъ тому назадъ обратилъ вниманіе И. Ю. Крачковскій, давъ описаніе рукописи — «уника» въ библіотекѣ Петроградскаго Университета. Характерно, что второй экземпляръ этого сочиненія нашелся не въ Египтѣ, возможность чего предполагалъ авторъ статьи (ЗВО — т. XXII, 286), а такъ недалеко отъ Россіи вблизи крупныхъ центровъ культуры. Такая случайность позволяетъ предполагать, что и другіе отдѣлы собранія могутъ подарить пріятными неожиданностями. Обратить вниманіе спеціалистовъ на эту коллекцію и ставитъ своей цѣлью настоящая замѣтка, не преслѣдующая другихъ задачъ. (Размѣръ рукописи указывается въ сантиметрахъ съ полями и безъ полей; за размѣромъ я привожу библіотечную шифру).

1.

كتاب الأحكام السلطانيّة لأبى الحسن علىّ بن أبى عبد الله محمد بن حبيب الماوردىّ البصرىّ الشافعىّ

156 л. 23 стр. 27×19; ($19\frac{1}{2} \times 15$) IV $^{4}/_{14}$.

Рукопись писана въ 604 г. عمر بن ابى محمد نصر بن عبد الله المؤدّب.

(Brockelmann — I, 386, № 4; изд. Enger).

2.

أخبار الدول وآثار الأول لأبى العبّاس احمد بن يوسف الدمشقىّ

380 л. 27 стр. 28 × 18; (21 × 9½) II $^{2}/_{4}$.

Рукопись закончена въ 1070 г.

(Brockelmann — II, 301 № 4).

Въ томъ же томѣ переплетены:

а) Отрывокъ изъ какого то астрономическаго, повидимому, сочиненія безъ указанія автора и заглавія. Упоминаются 7 планетъ: Луна, Солнце, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Меркурій; часто цитуется ал-Ḳазвӣнӣ, а въ концѣ приложена астрономическая карта въ красной и золотой краскѣ съ землей, 7 планетами и сферами воды, воздуха и огня.

б) Отрывокъ изъ неизвѣстнаго сочиненія, начинающійся послѣ *басмала*:

فانّ فى هذا الكتاب ذكر البلدان والبحار والخلجان والأقاليم السبعة

Конецъ: فهذا الخبر يشهد بصدق كثير ممّا ترون ان صحّ والله اعلم 10 листовъ.

в) Книга ал-Маḳдисӣ: كتاب قلائد العقيان فى فضائل آل عثمان

(См. еще № 35).

3.

Тоже самое сочиненіе.

370 л. 27 стр. 20½ × 14; (16½ × 7½) II $^{1}/_{11}$.

4.

Idem.

370 + XIII + 1; 27 стр. 21½ × 14; (16½ × 7½) I $^{8}/_{16}$.

На л. 1^{a} надпись: من ملكات الفقير الى الله قيمت مصطفى ابن الحاج حسين الصماقوى

и ниже: اودعت هنا بان اشهد ان لا اله الا الله وان محمدا عبده ورسوله واستغفر الله من كل ذنب واتوب اليه

5.

Idem.

372 л. + XIV, 27 стр. 20½ × 13½; (16½ × 7½) II $^{1}/_{12}$

Таже надпись: من ملكات الفقير الى الله تعالى قيمت مصطفى الصماقوى عفى عنه

Рукопись, повидимому, много изучалась; на поляхъ масса коментаріевъ и приписокъ той же рукой, которой принадлежитъ надпись; комментаріи на араб. и турецк. языкѣ изъ شرح محمدية и др.

Всѣ три послѣднія рукописи хорошо сохранились и принадлежали по всей вѣроятности одному и тому же лицу.

6.

الاختيار لتعليل المختار لمجد الدين أبى الفضل عبد الله بن محمود بن مودود بن محمود ابن البلدجىّ

216 л. 23 стр. 23 × 17; (19 × 12) X ⁴/₄.

Начало: الحمد لله الذى شرع لنا دينًا قويمًا وهدانا اليه صراطا مستقيمًا وبعد كنت جمعت فى عنفوان شبابى مختصرًا فى الفقه لبعض المبتدئين من أصحابى وسمّيته بالمختار للفتاوى...

По оглавленію комментарій этотъ долженъ былъ обнимать 37 кн., а на самомъ дѣлѣ въ рукописи всего 34, не хватаетъ كتاب الشرب كتاب المزارعة وكتاب المساقات

(Brockelmann I, 382, № 47. Къ указаннымъ у него рукописямъ надо прибавить еще рукопись библіотеки Петроградскаго Университета Ms 0.537).

7.

البسط الواقى فى شرح مختصر الإيلاقى لأبى الثناء مظفّر بن أمير الحاج بن مؤيّد

326 л. 30 стр. 31 × 11½; (26 × 7) X ²/₁.

Начало послѣ *басмала*: يقول الفقير ابو الثنا.... الحمد لله الذى جعل بين الفواعل السماويّة والقوابل الارضيّة ارتباطا .... الخ

Въ концѣ рукописи длинная приписка, гласящая, что рукопись скопирована съ автографа автора въ Адріанополѣ нѣкіимъ Мухаммедомъ ал-Джӣлāнӣ въ 910 (или 710) году.

Бумага блѣднаго цвѣта, верхнія части листовъ рукописи испорчены сыростью, почеркъ грубый, некрасивый, безъ діакритическихъ знаковъ, мѣстами съ неправильно поставленными.

(У Brockelmann'а нѣтъ свѣдѣній объ этомъ комментаріи, см. I, 485; Ahlwardt'у извѣстно только его заглавіе, см. Verzeichniss—V, стр. 548⁶. Нѣкоторыя подробности имѣются у Ḫāджжи-Ḫалӣфы — IV, стр. 434—435 № 9082).

8.

كتاب بغية المستفيد فى أخبار مدينة زبيد لوجيه الدين عبد الرحمن بن علىّ بن محمّد الدَيْبع

119 л. 21 стр. 29½ × 21; (21 × 14) X ¹/₂₀.

Начало: الحمد لله ربّ العالمين الّذى علّمنا ما لم نكن به عالمين. . .

Конецъ: ما حثّت الركبان يعملات وما حدث ليّلا بها الحداة.

Рукопись 969 г.

(Brockelmann II, 400—401, № 1).

9.

بهجة التواريخ لشكر الله بن الامام الاعز الاكرم شهاب الدين بن احمد

219 л. 19 стр. $23\frac{1}{2} \times 16\frac{1}{2}$; $(18\frac{1}{2} \times 10)$ X $\frac{4}{5}$.

(Ср. Rieu, Catalogue of the persian Mss in the British Museum, III, 1883, стр. 884—885, Or. 1627).

10.

تاريخ الخلفآء لجلال الدين عبد الرحمن بن ابى بكر السيوطىّ

155 л. 31 стр. $26\frac{1}{2} \times 18\frac{1}{2}$; $(20\frac{1}{2} \times 13)$ $II\frac{2}{16}$.

Рукопись исполнена еще при жизни автора въ 907 г. нѣкіимъ محمّد بن محمّد الحجازىّ.

(Brockelmann — II, 157, № 278).

11.

تذكرة أولى الألباب فى مناقب الشعرانىّ سيّدى عبد الوهّاب لمحمّد محيى الدين ابى الانس الشافعىّ الشعرانىّ

163 л. 21 стр. $20\frac{1}{2} \times 15$; $(15 \times 8\frac{1}{2})$ III $\frac{7}{28}$.

Начало: الحمد لله الّذى خصّ أولياءه بكرامته فهم بحاله مومنون أحمده وأشكره. . .

Конецъ: وليكن ذلك اخر كتاب تذكرة اولى الالباب فى مناقب الشعرانى سيّدى عبد الوهاب وهو المناقب الكبرى الحمد لله رب العالمين

(См. И. Ю. Крачковскій въ ЗВО, т. XXII, стр. 283—290, гдѣ дано подробное описаніе единственной извѣстной рукописи этого сочиненія въ библіотекѣ Петроградскаго Университета Ms. O. 703).

12.

كتاب التذكرة بأحوال الموتى وأمور الآخرة لمحمد بن احمد بن ابى بكر بن فرح القرطبى

417 л. 19 стр. 21×15; $(17 \times 7\frac{1}{2})$ X $\frac{5}{25}$.

Начало послѣ *басмала*: وبعد وإنّى رأيت ان أكتب كتابًا وجيزًا يكون تذكرة لنفسى وعملا صالحًا بعد موتى فى ذكر الموت واحوال الموت. . .

Конецъ послѣ двустишія: قد وقع الفراغ من تحرير هذا الكتاب المستطاب * بعون الله الملك العزيز الوهّاب * وقت أذان العصر فى اليوم الثانى عشر من شهر ربيع الأوّل بلا الأرتياب * من شهور سنة ثمان وثمانين وتسعمائة يا اصحاب * وقد وقع الابتداء بكتابته فى اليوم الرابع عشر من محرّم هذه السنة يا اولى الالباب * وانا الفقير حسن بن ادريس من تلاميذ محمد بن التاجر * عفا عنهم الرب الذى عطاؤه وافر * وهو الكريم الغفور المنان * العزيز المعطى الحسن المنان * وهو حسبى ونعم الوكيل * نعم المولى ونعم الجليل * وصلى الله على جميع الأنبياء والمرسلين * والحمد لله ربّ العالمين *

(Brockelmann — I, 415, № 23).

13.

كتاب تفسير الصّراط المستقيم فى تبيان القران الكريم للشيخ احمد بن الشيخ محمّد حضر نور الدين العمرى الشافعى الكازرونى

417 л. 25 стр. 23 × 17; (16 × 10½) X 4/6.

Начало: نصر من الله وفتح قريب وبشّر المومنين يا محمّد بان لهم الجنّة يا الله يا محمد. . . الخ المسمّى بالصراط المستقيم فى تبيان القران الكريم وسمّاه بعض الابرار بطوالع الانوار. . . .

Конецъ: . . . الى قلوبنا او للناس على انّه من الناس لحقّ الله تعالى تمّ وكمل والحمد لله وحده وصلى الله على من لا نبى بعده واتم التسليم كتبه العبد الفقير سليمان العفارى

Рукопись 1190 г.

Комментарій обнимаетъ всѣ 114 суръ.

Хорошо сохранившаяся рукопись, въ переплетѣ и футлярѣ, почеркъ прямой, но не красивый.

(Brockelmann этого комментарія не упоминаетъ; Ahlwardt, Verzeichniss—I, стр. 379, № 79 приводитъ только его названіе въ видѣ تفسير الأَخَوَيْن (или طوالع الأنوار) и смерть автора относитъ ок. 870/1466 г. Подробности есть у Х̣āджжи-Х̣алӣфы — IV, стр. 102, № 7747).

14.

حدائق الحقائق لتاج الدين محمّد بن ابى بكر بن عبد القادر الرازى الصدر

101 л. 15 стр. 20½ × 15½; (14 × 10) VI 5/20.

Начало послѣ *басмала*: الحمد لله رب العالمين والصلاة والسلام على خير خلقه محمد. . .

Конецъ: ولطفه وجوده وكرمه انه على ما يشا قدير والحمد لله رب العالمين وصلى الله على سيدنا محمد وعلى اله وصحبه وسلم تسليما كثيرا

Рукопись писана въ II джумāдѣ 1076 г.

(Brockelmann — I, 383, только вскользь упоминаетъ автора, не говоря объ этомъ сочиненіи, хотя рукопись сочиненія есть въ Вѣнѣ. См. каталогъ Flügel'я — III, 394—395, № 1925. Есть она и въ библіотекѣ Петроградскаго Университета Ms. O. 429ᵃ. Ср. еще X.-X. III, 20, № 4429).

15.

كتاب خلاصة الوفا بأخبار دار المصطفى لعلىّ بن عبد الله احمد علىّ بن عيسى القاهرى المدنى السمهودى نور الدين

228 л. 27 стр. $22\frac{1}{2} \times 14$; $(17\frac{1}{2} \times 8\frac{1}{2})$ I $^{8}/_{18}$.

Начало послѣ *басмала*: الحمد لله الّذى شرف طابه وشوّق القلوب لسماع اخبارها المستطابه الخ

(Brockelmann — III, 174,з).

16.

الخميس فى أحوال نفس نفيس لحسين بن محمّد بن الحسن الدياربكرى

558 л. 29 стр. $27\frac{1}{2} \times 18$; (21×10) II $^{6}/_{2}$.

Начальныя слова: .... الحمد لله الذى خلق نور نبيّه قبل كل اوائل

Конецъ: وقيل سابع عشر من شهر شوال سنة ست وعشرين وتسعمائة وكان مولده فى اوّل القرن العاشر والله اعلم بهذا

Рукопись сохранилась превосходно. Кончена въ 1093 г.

(Brockelmann — II, 381, № 2).

17.

رونق التفاسير لمحمد بن نجيب القراحصارى

99 л. 25 стр. 24×15; $(15\frac{1}{2} \times 8)$ IX $^{6}/_{1}$.

Начало: ... الحمد لله نحمده ونستعينه ونستغفره ونعوذ

Конецъ: والله أعلم بصواب واليه المرجع والماب

Рукопись написана въ гор. Плевнѣ.

(У Хāджжи-Халӣфы III, 513 приводится только заглавіе сочиненія. Кромѣ берлинской рукописи — Ahlwardt I, 410—411, № 1028, которую упоминаетъ Brockelmann — II, 229, № 5, существуетъ еще каирская — см. *Фихристъ*... т. VII, ч. 1 стр. 214, № 166).

18.

كتاب سراج الملوك لأبى بكر محمد بن الوليد بن محمد الطرطوشى

243 л. 17 стр. $23\frac{1}{2} \times 17\frac{1}{2}$; ($18\frac{1}{2} \times 10\frac{1}{2}$) I $^{5}/_{28}$.

Начало послѣ *басмала*: الحمد لله الذى لم يزل ولا يزال وهو الكريم المتعال خالق الاعيان . . . الخ

Въ концѣ рукописи дата: وافق الفراغ من نسخ هذا الكتاب المبارك بحمد الله وعونه وحسن توفيقه فى يوم السبت مستهل ذى القعدة سنة خمس وثمانين وسبعماية هجريّة احسن الله خاتمتها امين

(Brockelmann — I, 459, № 7).

19.

السنن لمحمد بن يزيد بن عبد الله القزوينى ابى عبد الله ابن ماجة

403 л. 25 стр. $24 \times 15\frac{1}{2}$; ($16\frac{1}{2} \times 8$) X $^{4}/_{3}$.

Начало безъ *басмала*: قرئ على الشيخ مجد الدين عبد الحافظ بن بدران وانا اسمع انبانا الشيخ العلامة موفّق الدين ابو محمد عبد الله بن احمد بن محمد بن قدامه المقدسى قال قرئ على الشيخ . . . الخ

Конецъ: باب صفة الجنة ثنا . . قال رسول الله صلعم ما منكم من احد الا له منزلان منزل فى الجنة ومنزل فى النار فاذا مات فدخل النار ورث اهل الجنة منزله فذلك قوله تعالى آولائك هم الوارثون قد وقع الفراغ من هذه النسخة . . . . . على يد العبد الفقير الجانى حافظ حسن بن حمد القاضى من الديار المصرية . . .

Рукопись писана въ 1163 г.

(Brockelmann — I, 163,d).

20.

الشفا بتعريف حقوق المصطفى لأبى الفضل عياض بن موسى بن عياض اليحصبى

299 л. 17 стр. $22 \times 17\frac{1}{2}$; ($16\frac{1}{2} \times 10$) II $^{4}/_{40}$.

Рукопись закончена 28 ذو الحجة 1134 г. нѣкіимъ فيض الله بن يحيى بن عباس

(Brockelmann — I, 369, № 5. Къ списку рукописей можно добавить экземпляръ библіотеки Петроградскаго Университета Ms. O. 241).

21.

العبر وديوان المبتداء والخبر فى ايام العرب والعجم والبربر لعبد الرحمن بن محمد ابن خلدون الاشبيلى الحضرمى

295 л. 23 стр. $21 \times 16\frac{1}{2}$; (14×7) VII $^{1}/_{2}$.

Рукопись заключаетъ въ себѣ третью часть этого сочиненія, а именно:
الكتاب الثالث فى احوال البربر بديار المغرب

Начало: بسم الله الرحمن الرحيم ربّ يسّر فاعن يا كريم الخبر عن زناته من قبائل البربر ما كان فى اجيالهم بالمغرب من العز والظهور وما تعاقب فيهم من الدول القديمة والحادثة

(Brockelmann — II, 245 въ началѣ).

22.

فتاوى الصيرفية للإمام مجد الدين اسعد بن يوسف بن على البخارى الصيرفى

203 л. 15 стр. 15 × 11; (10 × 6) II $^{7}/_{42}$.

Начало: الحمد لله الواحد القهّار الملك الجبّار العزيز الغفار . .

Въ концѣ приписка: بلغت مقابلةً وتصحيحًا بحسب الطاقة على نسختين فله الحمد على ذلك

Рукопись закончена въ 1108 г. нѣкіимъ إبراهيم ابن المرحوم محمّد علىّ المدرّس الحنفى

Текстъ оканчивается на 185 л.; на 186—значится: فرغ من فتاوى الصيرفى وبعدها الاسئله والاجوبة من فتاوى النسفى

Второе сочиненіе переписано тѣмъ же лицомъ и въ томъ же году; оканчивается также: بلغت مقابلة بحسب الطاقة.

(Ни о томъ, ни о другомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній у Brockelmann'a. Упоминаніе см. Ḫ.-Ḫ IV, 361—362, № 8783 и 369, № 8835).

23.

الفتوحات المكيّة فى معرفة أسرار المالكيّة والملكيّة للشيخ محيى الدين محمد بن ابى على المعروف بابن عربى

232 л.+XXVII, 21 стр. $31\frac{1}{2} \times 22$; $(20 \times 11\frac{1}{2})$ IX $^{1}/_{15}$.

Начало послѣ *басмала*: الحمد لله الذى اوجد الأشياء عن عدم وعدمه . . .

Тексту предшествуетъ изложеніе содержанія всѣхъ 560 главъ, л. 1—18 введеніе, затѣмъ главы 1, 2, 3, 4 и 5, съ 83 л.—232 л. главы 230—286 включительно (послѣдняя не полна). Очень красиво написанная рукопись съ тонко исполненными виньетками на 1 л. и на л. 83.

(Brockelmann — I, 442 № 11).

24.

Idem.

180 л. 19 стр. 21 × 16; $(15 \times 10\frac{1}{2})$ II $^{5}/_{33}$.

Заключаетъ въ себѣ главы 73, 53 и часть 67.

25.

فوائح المسكية فى فواتح المكيّة لعبد الرحمن بن محمّد بن على بن أحمد البسطامى الحنفى

161 л. 23 стр. 20 × $15\frac{1}{2}$; (15 × 10) IV $^{6}/_{34}$.

(Brockelmann — II, 231, № 5).

26.

كتاب قلائد العقيان فى فضائل آل عثمان لمرعى بن يوسف الحنبلى المقدسىّ

См. № 2 и 35.

27.

كتاب الكامل لأبى العباس محمّد بن يزيد المعروف بالمبرّد النحوى

287 л. 27 стр. 25 × $15\frac{1}{2}$; (17 × $8\frac{1}{2}$) II $^{2}/_{23}$.

(Brockelmann — I, 109 въ нач. Изд. Wright).

28.

كشف الظنون عن اسامى الكتب والفنون لمصطفى بن عبد الله كاتب چلبى حاجى خليفة

465 л. 33 стр. 32 × $20\frac{1}{2}$; ($24\frac{1}{2}$ × $11\frac{1}{2}$) I $^{2}/_{10}$.

Рукопись закончена въ 1218 г. и заключаетъ обзоръ свыше 14500 сочиненій.

(Brockelmann — II, 428,1. Изд. Fülgel).

29.

كنوز الحقآئق فى حديث خير الخلآئق لعبد الرءوف المناوى

170 л. 31 стр. 26 × $18\frac{1}{2}$; (20 × $12\frac{1}{2}$) X $^{3}/_{17}$.

Рукопись — неполна; содержитъ только ḫадӣс̱ы съ конца буквы ʿайнъ до середины ла̄мъ.

(Brockelmann — II, 306,1).

30.

مجمع الانهر فى شرح ملتقى الابحر لعبد الرحمن بن محمد بن سليمان شيخزاده

100 л. 37 стр. 24 × 17; (17 × $8\frac{1}{2}$) X $^{4}/_{9}$.

Начало послѣ *басмала*: * الحمد لله الذى هدينا الى الايمان بهداية الازلية ووفقنا بمداومة الصلوة . . .

По оглавленію обнимаетъ пять главъ: * كتاب الطهارة * كتاب الصلوة * كتاب الزكوة * كتاب الصوم * كتاب الحج

(Brockelmann — II, 432, № 7,1e).

31.

محاضرة الاوائل ومسامرة الاواخر لعلىّ دده بن مصطفى البوسنوى

265 л. 17 стр. $20\frac{1}{2} \times 14$; $(15 \times 7\frac{1}{2})$ II $^{5}/_{54}$.

(Brockelmann — II, 427, № 6,1. Рукопись имѣется въ библіотекѣ Петроградскаго Университета Ms. O. 619).

32.

كتاب محجّة القرب الى محبة العرب لعبد الرحيم بن الحسين العراقى

90 л. 17 стр. 20×15; $(15 \times 9\frac{1}{2})$ II $^{5}/_{55}$.

Начало послѣ *басмала*: وبعد فقد اوجب الله على الخلق حُبّ العرب ونصحهم وحرّم عليهم بغضهم الخ

Конецъ: وهذا اخر ما تيسّر جمعه فى هذا المعنى والله المرجوّ ان يقابله بالقبول والحسنى انه خير مامول واكرم مسئول

Книга эта закончена по словамъ автора 25 Реджеба 791 г. въ Мединѣ.

(Brockelmann — II, 66,6).

33.

كتاب المواعظ والاعتبار بذكر الخطط والآثار لتقىّ الدين العبّاس أحمد بن على بن القادر المقريزى

283 л. 35 стр. $25 \times 17\frac{1}{2}$; $(21\frac{1}{2} \times 11)$ XI $^{3}/_{9}$.

Начало послѣ *басмала*: الحمد لله الذى عرّف وفهّم . . .

На 2 л. снизу ذكر الروس الثمانية, рукопись очень красиво и четко написана мелкимъ ровнымъ почеркомъ, очень хорошо сохранилась.

Конецъ: تجز الجزء الأوّل من كتاب الخطط من تجزية اثنين على يد العبد الفقير المعترف بالعجز والتقصير الراجى عفو ربه القدير احمد بن اسمعيل بن قاسم بن على بن محمد من ذرية سيدى عفيف الدين جامع الفتح الدنوشوى غفر الله ذنوبه وستر فى الدارين عيوبه وغفر لوالديه ولسائر المسلمين اجمعين امين فى يوم الثلاثا المبارك ثامن عشر ذى الحجة سنة سبع وسبعين وتسعمائة احسن الله ختامه يتلوه الجزء الثانى ان شا الله تعالى ذكر الحارات القاهرة وظواهرها وصلى الله على سيدنا محمد وعلى اله وصحبه وسلم تسليما كثيرا امين .

(Brockelmann — II, 39,1).

34.

Idem.

320 л. 35 стр. $25 \times 17\frac{1}{2}$; $(21 \times 11\frac{1}{2})$ XI $^{3}/_{6}$.

Вторая часть того же сочиненія заключающая: ذكر الحارات القاهرة وظواهرها

Конецъ рукописи: وكان الفراغ من كتابة هذا الكتاب يوم الاربعا المبارك خامس عشر شهر جادى الاول سنة سبع وسبعين وتسعماية احسن الله عاقبتها على يد اضعف العباد واحوجهم الى كرم مولاه اسمعيل بن محمد بن ابى الفتح الدنوسرى الشافعى غفر الله له ولوالديه ولسائر المسلمين امين وصلى الله على سيدنا محمد وآله وصحبه وسلم

Обѣ рукописи съ красивыми виньетками въ хорошихъ восточныхъ переплетахъ.

35.

نزهة الناظرين فى تأريخ من ولى مصر من الخلفاء والسلاطين لمرعى بن يوسف بن ابى بكر بن احمد الحنبلى المقدسى الكرمى

344 л. 15 стр. $20\frac{1}{2} \times 16$; $(15\frac{1}{2} \times 10)$ I $^{8}/_{24}$.

Начало: . . . قال العبد الفقير . . . الحمد لله الباقى وكل من عليها فان الدايم

Конецъ: هكذا تكون العلما العاملين غير المداهنين جعلنا الله سبحانه وتعالى منهم امين

Рукопись кончена въ 1047 году.

(Brockelmann — II, 369,18. Кромѣ перечисленныхъ у него, имѣется еще рукопись въ библіотекѣ Петроградскаго Университета Ms. O. 590).

Въ этомъ же томѣ переплетено сочиненіе того же автора كتاب قلائد العقيان فى فضائل آل عثمان

(Brockelmann — ibid. № 19. См. еще выше № 2).

36.

وفيات الأعيان فى أنباء أبناء الزمان لاحمد بن محمد بن ابراهيم بن ابى بكر ابن خلكان

431 л. 37 стр. $29\frac{1}{2} \times 19\frac{1}{2}$; (22×11) I $^{8}/_{24}$.

Содержитъ 833 біографіи, хорошо сохранилась, кончена въ началѣ 1065 г. пѣкіимъ حسن بن موسى العطيفى الحنفى.

(Brockelmann — I, 327. Двѣ рукописи имѣются въ библіотекѣ Петроградскаго Университета Ms. O. 603 и 702).

37.

اليمينى فى تأريخ يمين الدولة محمود بن سبكتكين لأبى النصر محمد بن عبد الجبّار العتبى الشاعر

214 л. 19 стр. 27 × 19; ($18\frac{1}{2}$ × 10) X $^{3}/_{4}$.
Начало: بسم الله الرحمن الرحيم الحمد لله الظاهر بآياته الباطن بذاته القريب برحمته. . . .
Конецъ: من نقص عمره على زيادة الاثام ومساءة الانام وحيازة الملام ويرحم الله عبدا قال آمينا

Рукопись 650 г. Въ библіотекѣ имѣется еще второй экземпляръ X $^{2}/_{16}$.
(Brockelmann — I, 314 № 1).

38.

397 л.+III; 35 стр. $30\frac{1}{2} \times 18\frac{1}{2}$; (24 × 9) X $^{1}/_{10}$.

Очень хорошо сохранившаяся рукопись, въ восточномъ переплетѣ, красиво и четко написанная—безъ заглавія и имени автора, юридическаго содержанія.

Начало: بسم الله الرحمن الرحيم كتاب الطهارة
ويتوضأ بماء السماء والمراد بماء السماء ماء المطر والندّ والثلج والبرد اذا كان متقاطرًا وعن ابى يوسف يجوز وان لم يكن متقاطرًا والصحيح قولهما الخ

ملحظ

الماء الذى يتوضا به ثلاثة الماء الجارى والماء الراكد الخ كتاب الصلوة
وفى المجرّد قوم اجتمعوا فى بيت او كرم او مغارة صلوا جماعة الخ

Заключаетъ въ себѣ главы: كتاب البيوع * الصرف * الكفالة * الحوالة * القضاء * الشهادة * الوكالة * الدعوى * الاقرار * الحدود * السرقة * السير * الابق * المفقود * اللقيط * اللقطة * الشركة * الوقف الصلوة * الزكوة * الصوم * الحج * النكاح * الرضاء * الطلاق * المكاتب * الولاء * الايمان * الماذون * الغصب والضمان * الشفعة * القسمة * الشركة * الهبة * الاجارة * الاكراه * الحج * الصلح والابراء * المضاربة * الوديعة * العارية * الفرايض * الوصايا * الرهن

Конецъ: قال شمس الايمة السرخسى ولان للوارث نوع ولاية وبالسبب الخاص وهو القرابة كما لا يثبت الولاية للكافر على المسلم لا تثبت للمسلم على الكافر

(Упоминаемый въ послѣдней цитатѣ Шемс-ал-аимма представляетъ, конечно, Мухаммеда-ибн-Ахмеда ас-Сераxсiї, ум. въ 483 или 495 г. См. Brockelmann — I, 373, № 5 и Ahlwardt IV, 346. Такимъ образомъ, сочиненіе или принадлежитъ ему или написано позже него).

А. Шишмановъ.

Въ поискахъ развалинъ Бишбалыка[1]).

Въ началѣ осени 1908 года, по совѣту и указаніямъ В. Л. Котвича, изъ Урумчи была совершена маленькая экскурсія въ окрестности г. Джимисара[2]) съ цѣлью розыска древнихъ городищъ и монастырей и, въ частности, — развалинъ сѣверной уйгурской столицы, г. Бишбалыка.

На основаніи свѣдѣній объ этомъ городѣ, почерпнутыхъ изъ китайскихъ и другихъ источниковъ, онъ долженъ былъ находиться у сѣверной подошвы восточнаго Тянь-шаня въ районѣ между городами Джимисаромъ и Ци-тай. Въ подробномъ письмѣ г. Котвича, кромѣ главныхъ цѣлей поѣздки, былъ намѣченъ и маршрутъ ея. Рекомендовалось изъ Урумчи отправиться южной дорогой въ г. Турфанъ, оттуда свернуть на сѣверъ, перевалить черезъ Тянь-шань и выйти къ Джимисару, — однимъ словомъ, сдѣлать попытку повторить путь, пройденный въ концѣ X вѣка китайскимъ посломъ Ванъ-янь-дэ.

Въ числѣ инструкцій мы, участники намѣченной экскурсіи, располагали также маленькимъ указаніемъ, полученнымъ отъ г. Грумъ-Гржимайло. Послѣдній сообщалъ, что на намѣченномъ пути долженъ встрѣтиться при перевалѣ небольшой ледникъ, вслѣдствіе чего надо торопиться пройти горы до конца августа. Первоначально это обстоятельство показалось намъ

---

1) Предварительныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ были напечатаны въ «Извѣстіяхъ Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» (№ 9, апрѣль 1909). Опубликованіе подробнаго отчета задержалось вслѣдствіе кончины Б. В. Долбежева, послѣдовавшей въ Урумчи лѣтомъ 1910 г.; нынѣ онъ печатается здѣсь по рукописи, присланной Долбежевымъ въ 1909 В. Л. Котвичу, съ нѣкоторыми сокращеніями. Статья проредактирована В. Л. Котвичемъ.

2) Такъ звучитъ названіе этого города въ рѣчи урумчійскихъ китайцевъ, таранчей и русскихъ сартовъ; въ бумагахъ китайцы пишутъ 濟木薩 «Дзи-му-са»; это транскрипція слова Джимисаръ; оффиціальное китайское названіе города и его уѣзда 孚遠 «Фу-юань»; раньше онъ назывался 保惠 «Бао-хуй».

серьезнымъ препятствіемъ для поѣздки, такъ какъ мы не могли выбраться изъ Урумчи ранѣе послѣднихъ чиселъ названнаго мѣсяца; впрочемъ, скоро выяснилось, что на дѣлѣ наше опозданіе не будетъ играть никакой роли, и съ этой стороны вопросъ разрѣшался благополучно, — но за то краткость срока, которымъ мы располагали для совершенія экскурсіи, сразу заставила насъ отказаться отъ намѣренія итти черезъ Турфанъ. Поэтому рѣшено было по сѣверной дорогѣ достигнуть Джимисара, оттуда дойти до Гучэна, тщательно обслѣдовать мѣстность, а затѣмъ, если останется время, пройти путь Ванъ-янь-дэ, но уже въ обратномъ направленіи — съ сѣвера на югъ — и выйти на Турфанъ.

Въ экскурсіи принялъ участіе, кромѣ меня, мѣстный коммерсантъ Василій Петровичъ Портныхъ[1]). Насъ сопровождалъ конвойный казакъ Николай Ларіоновъ и, въ качествѣ проводника, русско-подданный киргизъ Байсалъ.

Въ экскурсію мы запаслись фотографическимъ аппаратомъ, планшетомъ для съемки городищъ, компасами, большимъ биноклемъ, взяли китайской бумаги на случай, если придется дѣлать эстампажи, захватили веревку для промѣровъ, кирку, лопату, массу письменныхъ принадлежностей и даже ацетиленовый фонарь отъ велосипеда; наконецъ, у насъ были двѣ винтовки Бердана и дробовикъ, не разъ доставлявшій намъ дичь. Такъ какъ предполагалось встрѣтить по пути монголовъ и побывать въ ихъ кочевьяхъ, то взяли нѣсколько дешевенькихъ подарковъ. Они почти не пригодились, потому что монголовъ мы не нашли. Весь нашъ багажъ мы сложили въ нѣсколько переметныхъ сумъ и составили нетяжелый вьюкъ всего на одну лошадь.

Незадолго до отъѣзда мы тщательно перечитали мѣста изъ «Описанія путешествія въ Западный Китай» Грумъ-Гржимайло, гдѣ говорится о Бишбалыкѣ, и въ дорогу взяли двѣ карты: копію 40-верстки, обнимавшую намѣченный для обслѣдованія участокъ, и листъ I карты братьевъ Грумъ-Гржимайло. 40-верстка оказалась почти непригодной. На ней перепутаны и искажены многія названія, помѣчены несуществующія, а главное — она довольно бѣдна. Неизмѣримо цѣннѣе карта Грумъ-Гржимайло. Красиво исполненная въ бóльшемъ масштабѣ, весьма подробная, съ названіями, почти всюду правильно транскрибированными, — она явится лучшимъ основаніемъ для послѣдующей карты, на которую возможно будетъ съ бóльшей точностью нанести горные массивы Тянь-шаня и, въ частности,

---

1) В. П. Портныхъ организовалъ во многихъ городахъ Синь-цзяна скупку бараньихъ кишекъ; онѣ отправляются большими партіями въ Берлинъ и идутъ на подѣлку струнъ.

хребта Богдо-ула, подробно изслѣдованные въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ нѣмецкимъ профессоромъ Мерцбахеромъ.

Упомянутая карта использована нами при попыткѣ зарисовать нашъ маршрутъ: на копіи, снятой съ соотвѣтствующаго отрѣзка карты, сдѣланы тѣ незначительныя измѣненія въ транскрипціи, правильность которыхъ представлялась безспорной, и нанесены, вмѣстѣ съ дорогами изъ Джимисара и Гу-чэна въ Турфанъ и Даванчинъ[1]), географическія названія, относящіяся къ пройденному нами участку горъ.

I.

Отъ Урумчи до Джимисара.

Въ пятницу 29-го августа мы выбрались изъ Урумчи.

Путь до Джимисара рѣшено было пройти возможно скорѣе, а потому и не удалось собрать достаточно матерьяловъ для подробнаго его описанія, которое могло бы представить существенный интересъ при наличности уже имѣющихся описаній того же района. Поэтому предпочтительнѣе ограничиться здѣсь лишь бѣглымъ обзоромъ общаго характера.

Мѣстность отъ Урумчи до Гу-чэна захватываетъ значительный участокъ той длинной ленты предгорной культурной равнины, которая на сотни верстъ простирается вдоль сѣверной подошвы Тянь-шаня, извиваясь сообразно его направленію. На всемъ своемъ протяженіи она покрыта толстымъ лессовымъ[2]) слоемъ, дающимъ при хорошемъ орошеніи большіе урожаи. По ней разсѣяны большіе и малые оазисы карагачей и тальника, а въ нихъ пріютились города и селенія съ пашнями, плантаціями, базарами, кумирнями, «инъ-панями», кладбищами и прочими элементами несложной жизни этого края.

Упираясь своимъ южнымъ берегомъ въ предгорныя пространства, культурная полоса съ сѣвера ограничена часто прерывающейся цѣпью болотъ, то наступающихъ на нее вплотную, то уходящихъ вглубь равнины. Нерѣдко лёссъ врѣзается въ прорывъ между болотами и, перекинувшись за предѣлы отмежеванной ими территоріи, отростками вытягивается вдоль сѣверныхъ береговъ затопленныхъ участковъ, образуя какъ бы вторую линію оазисовъ.

Болота далеко не представляютъ безнадежно потерянныхъ для культуры пространствъ. У китайцевъ ничто не пропадаетъ даромъ. Шагъ за

---

1) Правильно — «Да-бань-чэнъ» 達坂城.

2) Подъ лессомъ здѣсь разумѣются илистыя и глинисто-песчаныя образованія.

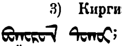
шагомъ они отмежевываютъ у болотъ все новые и новые участки, выжигаютъ камышъ, осушаютъ мѣстность канавами, которыя при поливѣ служатъ одновременно и арыками, и на приспособленныхъ такимъ образомъ къ обработкѣ низкихъ, обильныхъ влагою площадяхъ устраиваютъ рисовыя поля. На всемъ пространствѣ отъ Ши-хо до Урумчи и отъ Урумчи до Гучэна эта культурная работа представляетъ общее явленіе. Ди-хуа'ская область живетъ собственнымъ рисомъ, при чемъ производящіе его сѣверные уѣзды дѣлятся своею жатвою съ Турфаномъ, не имѣющимъ рисовыхъ полей вслѣдствіе сухости климата и недостатка почвенной влаги[1]).

Любопытный уголокъ представляетъ болотистая поросшая камышемъ полоса, проходящая въ 15—20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ селенія Гу-му-ди. Мѣстность называется «Сань-гэ-цюань-цзы». Въ ней расположены около 15 китайскихъ и дунганскихъ заимокъ, окруженныхъ великолѣпными рисовыми полями, при чемъ поля эти устроены не нынѣшними владѣльцами, а сохранились съ древнѣйшихъ временъ и только реставрированы современными пахарями. Возникновеніе пашенъ въ Сань-гэ-цюань-цзы относятъ къ эпохѣ династіи Танъ. Въ дебряхъ камыша, гдѣ въ настоящее время водятся кабаны и тигры, и сейчасъ можно найти слѣды древней культуры — еще не возстановленныя полузаросшія пашни и остатки осушительныхъ каналовъ[2]).

За цѣпью болотъ идутъ огромныя отдѣльныя площади сыпучихъ песковъ съ безмолвными желтѣющими барханами и неизмѣннымъ саксауломъ. Пески во многихъ мѣстахъ проходимы. Черезъ нихъ прошли къ сѣверу пять большихъ дорогъ. Двѣ направляются изъ г. Манаса въ Кобук-соуръ и Булун-тохой[3]); обѣ доступны въ теченіе цѣлаго года. Третья ведетъ изъ г. Фоу-кана къ озеру Улюнгуръ; ею можно проѣхать также и въ Кобук-соуръ, свернувъ къ западу, не доѣзжая Улюнгура. Еще не такъ давно по этой дорогѣ пріѣзжали изъ окрестностей озера Улюнгура въ г.г. Фоу-канъ и Урумчи за мукой и просомъ (будӧй) алтайскіе урянхайцы, составляющіе такъ называемые «урiјаӊхаi-долō-(н)-хошӯ»[4]), т. е. 7 урянхай-

1) Въ Турфанѣ вода для орошенія полей цѣнится на вѣсъ золота, и люди, занимающіеся тяжелою и опасною работою копанія оросительныхъ колодцевъ-кярызей, составляютъ чуть ли не священную касту.

2) Пишущему эти строки пришлось дважды побывать въ Сань-гэ-цюань-цзы.

3) Киргизы называютъ Бурунъ-тугай; монгольское названіе — «Бӯрул-тохой» ; оба названія относятся не къ городу, означенному на 40-верстной картѣ, котораго на дѣлѣ не существуетъ, а къ цѣлой мѣстности въ низовьяхъ р. Урунгу. Тамъ, гдѣ на картѣ помѣченъ городъ, есть около десятка китайскихъ фанзъ.

4) По образу жизни, религіи, обычаямъ и костюму это племя ничѣмъ не отличается отъ западныхъ монголовъ, но въ языкѣ ихъ многія слова имѣютъ турецкіе корни. Въ

скихъ хошуновъ. Теперь они скочевали въ верховья р. Урунгу и движеніе по дорогѣ почти прекратилось[1]). Дорога безводна и проходима только зимой, когда есть снѣгъ. Четвертая дорога идетъ изъ г. Гу-чэна въ сѣверо-западномъ направленіи. Ею можно проѣхать и въ бассейнъ рѣки Урунгу и въ Кобук-соуръ. Пятая связываетъ г.г. Гу-чэнъ и Кобдо. Эти двѣ дороги оборудованы какъ слѣдуетъ, съ придорожными колодцами и пикетами. Послѣдняя дорога является торговымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казеннымъ трактомъ.

Попутно слѣдуетъ упомянуть еще объ одной, въ настоящее время заброшенной, дорогѣ, проходящей вдоль южнаго края песковъ. Она начинается отъ станціи Сань-тай и, выйдя къ сѣверу за цѣпь болотъ, направляется вдоль ихъ сѣверныхъ береговъ. Основное направленіе дороги — Сань-тай — Дурбульджинъ, но она имѣетъ двѣ вѣтки, отходящія къ городамъ Манасу и Шихо. Этой именно дорогой пользовался во время ликвидаціи дунганскаго возстанія русскій торговецъ Каменскій, доставлявшій муку изъ г.г. Лепсинска и Копала въ Гу-чэнъ для расположенныхъ въ немъ китайскихъ войскъ. До возстанія мѣстность, по которой проходитъ дорога, представляла рядъ небольшихъ воздѣланныхъ оазисовъ, замкнутыхъ между песками и болотами. Дунгане превратили ее въ пустыню, усѣянную развалинами. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе развалины цѣлаго города Ма-цяо-цзы (въ мѣстномъ произношеніи — «Ма-чэ-дзы»), состоявшаго изъ двухъ крѣпостей. Онъ расположенъ на упомянутой дорогѣ[2]). Въ настоящее время окрестности города совершенно безводны. Покинутыя пашни заростаютъ саксауломъ и превращаются въ дикую степь. Деревья въ большой крѣпости, искусственно разведенныя въ былое время, разрослись въ цѣлый лѣсъ, но на нихъ уже замѣтна близость истощенія подпочвенной влаги, такъ какъ многія начинаютъ сохнуть. Современныя китайскія пашни приближаются къ этому району, надвигаясь отъ селенія Ху-ту-би; послѣдній культурный пунктъ — урочище Цзи-цзи-лянъ-цзы — находится отъ Ма-цяо-цзы всего въ 15 верстахъ. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и окрестности Ма-цяо-цзы снова оживутъ и превратятся въ культурный участокъ.

настоящее время они кочуютъ въ верховьяхъ рѣки Урунгу—рр. Цаганъ-голъ, Чингиль и Булугунъ — въ сосѣдствѣ съ элетами (одинъ хошунъ), дзахачинцами и торгутами. Ихъ прежнія кочевья — окрестности озера Улюнгуръ — заняли киргизы-кирейцы укурдайства Кара-Оспана. По Улюнгуру сосредоточены собственно зимнія кочевья.

1) Въ концѣ минувшей зимы одинъ киргизъ прогналъ по этой дорогѣ свой скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, при чемъ все разстояніе отъ Урумчи до Кобук-соура прошелъ въ 14 сутокъ. Обратно онъ доѣхалъ до Урумчи на одной лошади въ четверо сутокъ, пройдя пустыню въ $2^1/_2$ дня.

2) Пишущему эти строки удалось посѣтить развалины и видѣть заброшенную дорогу. [Врачъ В. А. Строковскій далъ описаніе Ма-цяо-цзы и дороги Манасъ-Кобук-соуръ въ LXXXVI в. «Сборника матеріаловъ по Азіи». *Вл. Л. Котвичъ*].

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ дорогъ, по пескамъ проложена масса тропинокъ; онѣ прекрасно изучены барантачами киргизами и калмыками, проникающими сюда изъ Кобук-соура, Алтая и Кобдо. Въ обитаемой предгорной полосѣ по линіи отъ Урумчи до Гу-чэна мы не нашли ни киргизскихъ, ни калмыцкихъ кочевій. Намъ встрѣтилось на всемъ пути лишь около десятка одинокихъ юртъ. Все это — пришлый элементъ, бродяги и, по отзывамъ жителей, агенты барантачей, доставляющіе шайкамъ свѣдѣнія о количествѣ скота у мѣстныхъ поселянъ. Китайскія власти слѣдятъ за пришельцами и постоянно выдворяютъ ихъ въ родныя кочевья. Но это все равно, что черпать воду ситомъ: сегодня ихъ выдворятъ, а черезъ мѣсяцъ они появятся вновь. Нѣсколько калмыковъ и киргизовъ живутъ по китайскимъ и дунганскимъ заимкамъ въ качествѣ домашнихъ работниковъ и пастуховъ. Кромѣ этихъ кочевниковъ, другихъ здѣсь нѣтъ и, за исключеніемъ стойбища горсти монголовъ-магометанъ, найденныхъ г. Грумъ-Гржимайло[1]), никакихъ кочевій ни временныхъ, ни постоянныхъ въ указанномъ районѣ не имѣется. Все мѣстное населеніе составляютъ китайцы, дунгане и таранчи; послѣдніе живутъ по преимуществу въ городахъ, занимаясь торговлей и ремеслами.

Возвращаемся къ прерванному описанію предгорной полосы.

Не на всемъ своемъ огромномъ протяженіи, конечно, она сохраняетъ отмѣченный общій характеръ. Отъ Ши-хо до Гу-чэна и Ци-тай не мало встрѣтится отступленій отъ него и не мало разнообразія, зависящихъ прежде всего отъ силы орошенія.

Въ то время какъ западная часть равнины, богаче орошенная, отмѣчена почти сплошною полосой растительности, образованною протягивающимися другъ къ другу и во многихъ мѣстахъ сливающимися смежными оазисами, — восточная ея часть выглядитъ гораздо бѣднѣе. Здѣсь наблюдается одно весьма любопытное явленіе. Огромный, мощный хребетъ восточнаго Тянь-шаня, главныя вершины котораго, по вычисленіямъ проф. Мерцбахера, достигаютъ болѣе 20.000 футовъ высоты (гора Богдо-ӯла), покрытый снѣжными полями и многочисленными ледниками по нѣсколько верстъ въ окружности[2]),—не даетъ предгорной полосѣ ни одной болѣе или менѣе значительной рѣки и даже рѣчки. Весь сѣверный склонъ хребта изборожденъ глубокими ущельями, восходящими до залежей вѣчнаго снѣга; въ головѣ многихъ изъ нихъ сосредоточены обширные ледники, изъ-подъ которыхъ безостановочной струей выбѣгаютъ горные потоки; стремительно

1) Описаніе путешествія въ Западный Китай, I, стр. 257.

2) [Авторъ сообщаетъ эти свѣдѣнія на основаніи личныхъ бесѣдъ съ Мерцбахеромъ. Ср. статью послѣдняго въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.», 1909, в. I—III. *В. Л. Котвичъ*].

низвергаются они по своимъ сжатымъ скалами, изломаннымъ во всѣхъ направленіяхъ русламъ, образуя шумные, пѣнистые водопады и очищаясь въ камняхъ и пескѣ до прозрачности слезы. То и дѣло массу ихъ водъ увеличиваютъ сбѣгающіе въ нихъ по боковымъ ущельямъ второстепенные ручьи и ручейки; потокъ растетъ на глазахъ и тамъ, внизу ущелья, превращается въ шумную, бурливую, полноводную рѣчку студеной воды, по ямамъ и заводямъ которой уже снуютъ стаи горныхъ османовъ[1]). Казалось бы, что три-четыре такихъ рѣчки, выйдя изъ горъ и слившись въ общемъ руслѣ, способны образовать значительное водное скопленіе, вполнѣ достаточное для того, чтобы оросить окрестности на большомъ пространствѣ. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Какъ только шумная рѣчка выйдетъ изъ ущелья и успокоившись ровной лентой заструится по отлогому спуску къ равнинной полосѣ, — она начинаетъ таять на глазахъ. Почва, какъ губка, жадно впитываетъ въ себя ея прохладныя струи и земледѣлецъ спѣшитъ по арыкамъ отвести на свои пашни остатки драгоцѣнной влаги. Еще два, много — три десятка верстъ — и отъ рѣчки не остается почти ничего. Ниже, около полосы болотъ, иногда она снова появится изъ-подъ земли на свѣтъ Божій въ видѣ ключей и тотчасъ скроется въ камыши, замутившись въ ржавыхъ топяхъ. Впрочемъ, нерѣдко ключи выступаютъ гораздо раньше, и тогда окрестный районъ покрывается воздѣланными участками, — но въ общемъ влаги здѣсь мало, и орошеніе культурной полосы, примыкающей къ «Богдоула» и далѣе на востокъ, — гораздо слабѣе, чѣмъ на участкѣ Ши-хо — Урумчи.

Пока вездѣ еще хватаетъ воды. Весь этотъ край, 35—40 лѣтъ тому назадъ разоренный и разграбленный, залитый кровью, еще не оправился послѣ ужасной катастрофы и не успѣлъ заселиться такъ густо, какъ былъ заселенъ до дунганскаго возстанія. Современныя пашни не дошли еще до своихъ прежнихъ размѣровъ и возстановленіе ихъ пока не закончилось. Однако опасеніе за недостатокъ воды въ ближайшемъ будущемъ уже существуетъ. 10—20 лѣтъ — и развитіе пашенъ дойдетъ до кульминаціоннаго предѣла. Нельзя будетъ распахивать новыя пространства исключительно изъ-за недостатка воды; отъ нея зависитъ будущее края и, кто знаетъ, быть можетъ, турфанскіе «кярызи»[2]) въ томъ или иномъ видѣ найдутъ себѣ примѣненіе и по сѣверную сторону Тянь-шаня, и тогда предѣлы дальнѣйшаго развитія пашенъ совпадутъ съ границами доступныхъ для обработки лёссовыхъ площадей.

---

1) Мѣстное турецкое названіе рыбы — родъ форели.

2) Колодцы съ сообщающимся дномъ; по нимъ приводится изъ горъ на равнину подпочвенная вода. Кярызи представляютъ линію колодцевъ; головной, лежащій у горы, — самый глубокій, иногда до 50 аршинъ; колодцы соединяются общимъ подземнымъ ходомъ — трубой. Рытье кярызей считается святымъ трудомъ.

По описанной равнинной полосѣ проходитъ большой проѣзжій и торговый трактъ, соединяющій сѣверный Синь-цзянъ съ провинціями внутренняго Китая. Онъ составляетъ восточную часть «Бэй-лу» 北路, т. е. «Сѣверной дороги»; отъ него и за всею Южной Джунгаріей утвердилось то же названіе «Бэй-лу», нерѣдко употребляемое китайцами въ оффиціальной перепискѣ. Пыльной лентой вьется безконечная дорога, время отъ времени, какъ вѣхами, отмѣчаемая развалившимися сторожевыми будками изъ глины съ остатками неизмѣнныхъ пяти тумбочекъ-ассистентовъ, и одинокіе оазисы карагачей съ постоялыми дворами, городками и селеніями словно нанизаны на нее черезъ извѣстные промежутки. Кое-гдѣ полосы рѣдкой растительности тонкими ниточками протянулись отъ этихъ оазисовъ къ горамъ, намѣчая русла рѣчекъ, выходящихъ изъ отдаленныхъ падей. Съ юга—полоса предгорныхъ возвышеній, то вытянувшихся впередъ къ дорогѣ обширными, невысокими плоскогорьями, то прижавшихся къ самымъ горамъ, почти сливаясь съ ихъ подошвой. Выше въ глубокихъ ущельяхъ видны черныя пятна хвойнаго лѣса, который покрываетъ всѣ склоны хребтовъ и отроговъ, обращенные къ сѣверу [1]). Лѣсъ распространился только на средней высотѣ и длинной полосой прошелъ по всему хребту, сверху и снизу ограниченный открытыми травянистыми пространствами. Такова картина къ югу отъ дороги, а на сѣверъ — безпредѣльно раскинувшаяся однообразная равнина, гдѣ на горизонтѣ изрѣдка вырисовываются барханы придвинувшихся песковъ. Вотъ и все. Вниманіе быстро утомляется выдержаннымъ длительнымъ однообразіемъ. Разсѣянный взглядъ праздно блуждаетъ по сторонамъ и чуть ли не въ сотый разъ невольно останавливается на ребристыхъ рѣзкихъ очертаніяхъ горы «Богдо-ўла»; она видна рѣшительно отовсюду вмѣстѣ съ бѣлыми шапками ея вершинъ.

Однообразно тянется полоса дороги отъ станціи до станціи, ныряя по оазисамъ. Сзади еще не успѣли слиться въ общую массу очертанія деревьевъ предыдущей рощи, а впереди уже перечеркнула горизонтъ линія новой зелени. Часъ, другой — и она превратилась въ оазисъ; въ немъ городокъ или селеніе, а за нимъ — десятки такихъ же оазисовъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга. Однообразіе дорожнаго пейзажа нарушаютъ длинные караваны верблюдовъ и ословъ. Изъ Урумчи они идутъ съ мануфактурой и вообще предметами обрабатывающей промышленности, — обратно доставляютъ шерсть, кожи, чай. Изрѣдка попадется проѣзжій китайскій чиновникъ въ двухколесной дунганской телѣгѣ.

Вдоль дороги телеграфная линія. Она содержится крайне небрежно.

1) Южный склонъ восточнаго Тянь-шаня безлѣсенъ.

То и дѣло покосившіеся, висящіе на проволокѣ столбы; вмѣсто изоляторовъ какіе-то огрызки, а то и прямо голые кронштейны; мѣстами столбы совсѣмъ упали и провода лежатъ на землѣ. Благодаря этому сообщеніе постоянно прерывается, и въ общей сложности треть года линія обыкновенно бездѣйствуетъ. А между тѣмъ нѣтъ недостатка въ лѣсѣ, годномъ на столбы, и на ремонтъ линіи провинціальное казначейство ежегодно отпускаетъ извѣстную сумму. Конечно, эти деньги почти цѣликомъ кладутъ себѣ въ карманъ чиновники; для отвода же глазъ и для очистки совѣсти за гроши нанимаются надсмотрщики, которымъ поручаютъ непомѣрно большіе участки. Эти надсмотрщики зачастую совершаютъ обходъ линіи пѣшкомъ, а при такихъ условіяхъ, конечно, не скоро можно обнаружить поврежденіе и принять мѣры къ исправленію его.

Вотъ вкратцѣ все то, что на основаніи собранныхъ матерьяловъ и личныхъ впечатлѣній можно было сказать здѣсь по поводу пройденнаго нами по «Бэй-лу» пути до Джимисара, куда мы прибыли подъ вечеръ 1 сентября.

Заключаю эти строки краткимъ перечисленіемъ станцій и мѣстечекъ между Урумчи и Гу-чэномъ съ указаніемъ разстояній.

Растояніе.		Названіе пунктовъ (по мѣстному произношенію).	Китайское начертаніе.
Ли.	Версты.		
—	—	г. Урумчи или Ди-хуа-фу	烏魯木齊, 迪化府
22½	9	сел. Ци-да-вань	七道灣
40	16	сел. Гу-му-ди	古牧地
90	36	дянъ Гань-цюань-пу	乾泉堡
130	52	г. Фу-канъ	阜康
145	58	сел. Цзю-лунъ-гяй	酒龍街
170	68	дянь Да-цюань	大泉
190	76	дянь Сяо-цюань	小泉
215	86	сел. Цзы-ни-цюань	紫泥泉
232½	93	сел. Хэй-ху-гу	黑湖溝
265	106	Сы-ши-ли-дянь	四十里店
298	119	развалины Ло-тай	老台
305	121	сел. Сань-тай	三台
315	125½	сел. Ву-гунъ-гяй-гяй-цзы	五工街街子
362	144½	г. Джимисаръ	濟木薩, 孚遠

Въ сторону отъ тракта.

Растояніе.		Названіе пунктовъ (по мѣстному произношенію).	Китайское начертаніе.
Ли.	Версты.		
—	—	г. Джимисаръ	濟 木 薩
15	6	с. Ху-пу-дзы	後 堡 子
20	8	разв. По-чэнъ-цзы	破 城 子
112½	45	г. Гу-чэнъ.	古 城

II.

«По-чэнъ-цзы».

Еще до прибытія въ Джимисаръ, по дорогѣ, отъ встрѣчныхъ китайцевъ и таранчей мы узнали, что въ 20 ли къ сѣверу отъ этого города, за селеніемъ Ху-пу-дзы, есть большія развалины, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именемъ «По-чэнъ-цзы» (разрушенный городъ). Поэтому въ Джимисарѣ мы прямо обратились къ сянь-гуаню[1]) съ просьбой дать намъ до По-чэнъ-цзы проводника и 2 сентября послѣ полудня отправились туда, полные одновременно и сомнѣній, и надеждъ. Болѣе всего насъ смущало то обстоятельство, что здѣсь дважды прошла по разнымъ направленіямъ экспедиція братьевъ Грумъ-Гржимайло, которые хотя и нанесли на свою карту какія-то развалины близъ селенія Ху-пу-дзы, но описанія ихъ даже не касались. Но осмотрѣть ихъ тѣмъ не менѣе было необходимо: слишкомъ ужъ много о нихъ говорятъ; а самое главное — намъ съ достовѣрностью было извѣстно, что въ горахъ къ востоку отъ Богдо-ӯла въ районѣ между Урумчи и Ци-тай имѣются всего два доступныхъ перевала, которыми только и могъ пройти изъ Турфанской долины въ древній Бишбалыкъ китайскій посолъ Ванъ-янь-дэ, давшій наиболѣе подробныя свѣдѣнія о сѣверной столицѣ уйгуровъ, — и что дорога черезъ одинъ изъ этихъ переваловъ выходитъ прямо въ Джимисаръ. Значитъ, Бишбалыкъ могъ оказаться здѣсь. Въ такихъ размышленіяхъ слѣдовали мы за нашимъ проводникомъ, развлекавшимъ насъ разсказами, относящимися къ развалинамъ По-чэнъ-цзы.

Мѣстность между Джимисаромъ и По-чэнъ-цзы представляетъ равнину, слегка покатую къ сѣверу. Основное направленіе дороги почти прямо

---

1) Уѣздный начальникъ.

на С. съ незначительнымъ склоненіемъ къ С.С.З. Она проходитъ сначала открытыми степными пространствами; затѣмъ, въ двухъ — трехъ верстахъ отъ Джимисара, вдоль нея начинаютъ попадаться отдѣльныя группы карагачей, а съ 4-й—5-й версты идутъ уже сплошныя заросли, протянувшіяся къ сѣверу до самыхъ болотъ и песковъ. Въ зарсляхъ разбросаны многочисленныя заимки съ пашнями и огородами. Сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу. Близъ Ху-пу-цзы много табачныхъ полей. Мѣстность обильно орошена; всюду арыки, ключи, ручейки. Мы переѣхали двѣ рѣчки. Первая начинается неподалеку отъ дороги изъ степныхъ ключей въ мѣстности Цзи-цзи-во-цзы. Она пересѣкаетъ дорогу въ двухъ верстахъ отъ Джимисара, подойдя къ ней съ юго-востока, и затѣмъ долгое время тянется параллельно почти рядомъ съ дорогой. На 4-й верстѣ послѣдняя крутымъ загибомъ отодвигается къ востоку и тотчасъ переходитъ черезъ другую рѣчку, составляющую одинъ изъ рукавовъ Да-лунъ-коу [1]). Обѣ рѣчки идутъ въ глубокихъ лессовыхъ берегахъ. Ниже онѣ впадаютъ въ источникъ, вышедшій изъ ключей, и всѣ вмѣстѣ образуютъ рѣчку Си-хэ; она теряется въ камышахъ къ С.-З. отъ По-чэнъ-цзы.

На 6-й верстѣ — селеніе Ху-пу-цзы (правильнѣе — Хоу-бао-цзы), окруженное старой, почти вездѣ сохранившейся крѣпостной стѣной. До дунганскаго возстанія это былъ небольшой городокъ съ густымъ населеніемъ, двумя кумирнями и гарнизономъ. Онъ не былъ разрушенъ подобно другимъ городамъ и пострадалъ слегка. Уцѣлѣла и часть жителей. Въ немъ много пустыхъ, полуразрушившихся домовъ, сохранившихся отъ временъ возстанія. Обѣ старыя кумирни заброшены; въ сѣверномъ концѣ селенія отстроена новая кумирня въ честь Шэнъ-сянь-лао-ѣ, прекрасно оборудованная, съ красивымъ боковымъ придѣломъ (Нянъ-нянъ-мяо).

Населеніе Ху-пу-цзы составляютъ исключительно китайцы. Они занимаются хлѣбопашествомъ. Въ селеніи есть маленькій чугунно-литейный заводъ, обслуживающій мѣстныя нужды. Льютъ главнымъ образомъ сошники. Нѣсколько разъ приходилось слышать, что заводъ этотъ пользуется старымъ желѣзомъ, вырываемымъ изъ земли въ развалинахъ древняго города; но сами литейщики этого не подтвердили, а заявили, что просто переливаютъ наново негодные, изношенные сошники.

Въ Ху-пу-цзы имѣется «сянъ-іо» (старшина) и маленькій полицейскій чиновникъ, ни за что не согласившійся съ нами познакомиться.

Съ восточной стороны селенія протекаетъ топкая, болотистая рѣчка,— жалкіе остатки Да-лунъ-коу, частью разобраннаго выше по арыкамъ,

---

1) Въ мѣстномъ произношеніи «Да-лунъ-ку».

частью впитавшагося въ почву по дорогѣ изъ горъ. Противъ самаго селенія значительныя заросли камыша и топь съ нѣсколькими открытыми заводями. Вѣроятно, объ этихъ заводяхъ и упоминается въ трудѣ Грумъ-Гржимайло, гдѣ онѣ названы прудомъ [1]).

Еще около 2 верстъ по зарослямъ карагача прямо на сѣверъ отъ Ху-пу-цзы—и передъ нами развернулась большая открытая площадь, усѣянная безформенными глиняными руинами. «По-чэнъ-цзы!» объявилъ проводникъ-китаецъ.

Видъ развалинъ превзошелъ всѣ наши ожиданія. Мы были поражены размѣрами городища и сразу какъ-то потерялись среди нихъ, не будучи въ состояніи оріентироваться и схватить общій планъ расположенія города. Всюду огромныя глыбы глины; стѣны во всѣхъ направленіяхъ; глубокіе овраги, то тамъ, то здѣсь пересѣкающіе городище; въ двухъ-трехъ мѣстахъ цѣлые глиняные холмы причудливой формы, а въ отдаленіи — мощный глиняный валъ-стѣна съ многочисленными черными зіяющими отверстіями пещеръ [2]). Мы съ любопытствомъ бродили по развалинамъ, приводя въ недоумѣніе китайца-проводника своими возгласами удивленія. Каждая руина вызывала массу разнообразныхъ предположеній и догадокъ, все требовало объясненія, и только одно было для насъ уже теперь совершенно ясно и вполнѣ безспорно: мы стояли на развалинахъ древняго Бишбалыка.

Развалины говорили сами за себя. Въ пройденномъ нами районѣ по сѣверную сторону Тянь-шаня имъ не было соперника, и ни гу-чэнскія, ни ци-тайскія [3]) древности, о которыхъ мы уже достаточно знали изъ разсказовъ очевидцевъ, — равнымъ образомъ не могли представлять ничего подобнаго.

Краснорѣчивое указаніе «Си-юй-шуай-дао-дзи» [4]) на то, что древній Бишбалыкъ находился въ 20 ли къ сѣверу отъ Джимисара, вполнѣ подтвердилось.

Довольные своею находкой, мы къ вечеру возвратились въ Джимисаръ, чтобы запастись тамъ провизіей и всѣмъ необходимымъ, а затѣмъ переселиться на нѣсколько дней въ По-чэнъ-цзы и заняться подробнымъ изслѣдованіемъ развалинъ.

---

1) Op. cit. I, стр. 178. Никакихъ плотинъ или ихъ остатковъ намъ, къ сожалѣнію, отыскать не удалось.

2) Подъ пещерами въ отчетѣ разумѣются выемки, сдѣланныя въ искуственно возведенныхъ стѣнахъ.

3) Около Ци-тай, кромѣ руинъ, сохранившихся отъ временъ дунганскаго погрома, нѣтъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ древностей.

4) Грумъ-Гржимайло, op. cit. III, стр. 279; E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, p. 11.

Слѣдующій день принесъ намъ много интереснаго. Проѣзжая черезъ Ху-пу-цзы мы еще разъ заѣхали въ новую кумирню съ намѣреніемъ осмотрѣть ее подробнѣе. Обойдя всѣ божества, мы уже собирались продолжать свой путь, какъ вдругъ у входа подъ висячимъ желѣзнымъ колоколомъ замѣтили валявшіеся въ пыли, покрытые паутиной четыре каменные предмета, очевидно, не относившіеся къ утвари кумирни. Находки оказались буддійскими древностями: огромная голова будды, вѣсомъ около трехъ пудовъ, голова бодисатвы — поменьше, статуэтка будды въ сидячемъ положеніи съ отбитой головой и большой шаръ, — всѣ высѣченные изъ мелкаго песчаника. Лучше всѣхъ была голова будды — довольно искусной работы и довольно хорошо сохранившаяся. Впослѣдствіи ихъ удалось пріобрѣсти, хотя съ большими затрудненіями, такъ что если бы не содѣйствіе джимисарскаго уѣзднаго начальника, то, вѣроятно, изваянія и до сихъ поръ лежали бы подъ колоколомъ кумирни [1].

Установить съ точностью, гдѣ найдены были эти древности, — намъ, къ сожалѣнію, не удалось. Почти всѣ жители селенія говорили, что изваянія были выкопаны изъ земли въ развалинахъ По-чэнъ-цзы около 15 лѣтъ тому назадъ какимъ-то пахаремъ-китайцемъ. Нашелся, однако, одинъ человѣкъ, который рѣшительно отрицалъ это и доказывалъ, что находки сдѣланы въ самомъ Ху-пу-цзы при постройкѣ кумирни, когда рыли углубленія для закладки фундамента. Если это справедливо, то надо предположить, что на мѣстѣ современнаго Ху-пу-цзы нѣкогда находился какой-нибудь монастырь или кумирня, что вполнѣ допустимо, такъ какъ въ реляціи посла Ванъ-янь-дэ упоминается о трехъ буддійскихъ монастыряхъ — Гао-тай-сы, Инъ-юнь-сы и Тай-нинъ-сы, — расположенныхъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Бишбалыка [2].

Въ По-чэнъ-цзы мы остановились у одного старика-китайца. Вмѣстѣ со своей семьей онъ уже двадцать лѣтъ живетъ среди развалинъ; выстроилъ фанзу, имѣетъ хорошо обставленное хозяйство и обрабатываетъ пашни, устроенныя въ юго-западномъ углу городища. Мы прожили здѣсь 4 дня, съ утра до вечера бродя по развалинамъ и ихъ окрестностямъ и производя всѣ работы, какія доступны были для насъ при имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи ничтожныхъ средствахъ.

Древнее городище имѣетъ форму неправильнаго многоугольника, растянутаго по меридіану. Оно занимаетъ площадь пространствомъ около одной

---

1) Въ настоящее время они находятся въ Петроградѣ.

2) Реляція Ванъ-янь-дэ цитируется по переводу St. Julien (Journal Asiat., 1847, IX — St. Julien, Mélanges de Géographie Asiatique) и по русскому переложенію его В. В. Григорьева (Землевѣдѣніе К. Риттера. Восточный или Китайскій Туркестанъ, вып. II, отд. I).

квадратной версты и обнесено глинобитными стѣнами съ многочисленными башнями и полубашнями [1]) различной величины (Рис. 1 и 2). Толщина стѣнъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ наиболѣе сохранились, достигаетъ 10,5 метр.; насколько можно судить по формѣ развалинъ—стѣны были выведены въ квадратъ. Въ стѣнахъ съ внутренней стороны, а въ башняхъ съ внутренней и съ наружной сохранились кое-гдѣ остатки сводчатыхъ пещеръ-комнатъ. Ихъ входы облицованы сырцовымъ кирпичемъ. Этимъ же кирпичемъ во многихъ мѣстахъ облицована верхняя часть стѣнъ. Кирпичъ встрѣчается и въ другихъ развалинахъ внутри города и притомъ въ значительномъ количествѣ, но главной массой строительнаго матерьяла всюду является битая глина [2]).

Верхній слой развалинъ вывѣтрившійся, рыхлый, но глубже масса глины еще очень прочна. Съ каждымъ годомъ руины уменьшаются: окрестные пахари разрушаютъ ихъ цѣлыми участками; они разбиваютъ плотныя глыбы, подвергаютъ ихъ дѣйствію дождя и солнца, а затѣмъ вывозятъ разрыхленную массу и удобряютъ ею пашни. Удобреніе это считается наилучшимъ.

Хотя крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ уже срыты пахарями до основанія, однако направленіе ихъ еще вполнѣ ясно опредѣляютъ уцѣлѣвшія развалины, и снятіе плана городища является возможнымъ. Съемка показала, что общая длина стѣнъ немного менѣе 4 верстъ. Какъ упоминалось выше, крѣпостныя стѣны были снабжены башнями и капонирами. Вообще говоря, сооруженія эти сохранились плохо и не вездѣ легко замѣтить ихъ остатки, но такъ какъ несомнѣнно существовала симметрія въ ихъ расположеніи, то можно приблизительно указать ихъ общее число. По нашимъ разсчетамъ, башенъ и капонировъ было не менѣе 40. Башня въ восточной стѣнѣ города близъ развалинъ воротъ—на приложенномъ планѣ пунктъ «S», рис. 3—и угловая сѣверо-западная башня являются самыми значительными. Ихъ развалины представляютъ цѣлыя громады глины и поражаютъ своими размѣрами, особенно развалины первой: башня возвышается надъ уровнемъ прилегающаго къ ней пространства внѣ стѣнъ болѣе чѣмъ на 20 метр.; но теперь она уже полуразрушена, а въ свое время ея дѣйствительная высота несомнѣнно была гораздо больше. Башня «S» самая крупная изъ развалинъ По-чэнъ-цзы.

Городъ имѣлъ трое воротъ — въ южной, восточной и западной стѣнахъ. Южныя ворота обозначены огромнымъ глинобитнымъ выступомъ, имѣвшимъ, вѣроятно, 4-угольную форму; къ сожалѣнію, онъ настолько разрушенъ, что нельзя даже опредѣлить, какой былъ въѣздъ — боковой

---

1) Капонирами.

2) Длина кирпича достигаетъ 16 дюймовъ, ширина — $7^1/_2$ д. и толщина — 4 д.

или фронтальный. На мѣстѣ восточныхъ и западныхъ воротъ остались лишь характерные проломы съ выходящими въ нихъ городскими улицами. Сѣверная стѣна города — глухая. Она заслонялась особымъ передовымъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ противъ ея середины и примыкавшимъ къ ней вплотную. Никакого хода для внутренняго сообщенія съ городомъ это укрѣпленіе, повидимому, не имѣло; въ немъ были свои внѣшнія боковыя воротца.

Внутри городища сохранились остатки цитадели. Она обнесена, какъ и самый городъ, толстой глинобитной стѣной съ башнями и съ восточной стороны примыкаетъ къ общимъ городскимъ укрѣпленіямъ. Площадь цитадели занимаетъ почти половину всего городища.

Изъ отдѣльныхъ развалинъ обращаютъ на себя вниманіе большія развалины въ юго-западномъ углу города, совершенно окруженныя пашнями. Благодаря близости послѣднихъ, эти развалины страдаютъ больше другихъ, ежегодно теряя изрядную часть своей массы, идущей на удобреніе, но тѣмъ не менѣе онѣ еще очень значительны, и при первомъ взглядѣ на нихъ становится очевиднымъ, что когда-то здѣсь возвышалось огромное строеніе. Быть можетъ, это и была та самая кумирня, гдѣ находилось знаменитое изваяніе Будды, по поясъ ушедшее въ землю [1]).

Самой интересной частью По-чэнъ-цзы являются развалины сѣверной стѣны. Она сохранилась почти цѣликомъ и только небольшой ея участокъ разобранъ пахарями. Стѣна представляетъ мощный глинобитный корпусъ въ формѣ продолговатаго параллелепипеда. Общій видъ руины даетъ основаніе думать, что все сооруженіе было увѣнчано рядомъ куполообразныхъ верхушекъ. Стѣна имѣетъ въ длину около 470 метровъ. На всемъ ея протяженіи съ южной стороны въ ней устроены продолговатыя сводчатыя выемки-пещеры, мѣстами отдѣльныя, изолированныя другъ отъ друга, мѣстами сообщающіяся между собою боковыми ходами и соединенныя по 2 и по 3 въ цѣлыя помѣщенія. Всѣхъ пещеръ мы насчитали больше 60; каждая была тщательно осмотрѣна. Всюду въ нихъ картина полнаго разрушенія и разоренія: груды мусора, проломы, падающіе своды, копоть, грязь... Время и человѣкъ рука-объ-руку совершали здѣсь свою разрушительную работу (Рис. 4).

Что представляло изъ себя это сооруженіе? Можно думать, что въ древности здѣсь помѣщался буддійскій монастырь. На это указываютъ сохранившіеся во многихъ пещерахъ остатки возвышеній для статуй и уцѣлѣвшія кое-гдѣ въ заднихъ стѣнахъ ниши, въ которыхъ находились,

---

1) Указаніе «Си-цзи-чжи». Мэнъ-гу-ю-му-цзи, перев. П. С. Попова, стр. 483.

вѣроятно, живописныя изображенія буддъ. Черезъ извѣстные промежутки встрѣчаются пещеры, приспособленныя для жилья; тщательно пробитые въ нихъ дымоходы сохранились и до настоящаго времени: это были кельи монаховъ.

Тщетно старались мы обнаружить гдѣ-нибудь остатки древней стѣнной живописи, — ея нѣтъ и слѣда. Да и не удивительно, такъ какъ штукатурка почти вездѣ отбита, а если мѣстами и сохранилась, то замазана глиной, подъ которой лишь кое-гдѣ замѣтенъ слой извести. Только въ двухъ пещерахъ мы нашли какое-то малеваніе позднѣйшей китайской работы. Въ первой оказалась раскрашенная рамка стѣнной ниши; съ боку ея уцѣлѣла китайская надпись: 治 國 安 邦 福 神; вся задняя стѣна пещеры покрыта остатками различныхъ рисунковъ, совершенно испорченныхъ временемъ. Во второй пещерѣ сохранилась прямоугольная картина, исполненная красками, вся въ потекахъ и копоти. На ней ничего нельзя разобрать. Въ боковой надписи можно прочесть только два послѣднихъ іероглифа: «德 聖». Внизу, съ обѣихъ сторонъ картины, намалеваны синей краской два льва съ банками цвѣтовъ на спинахъ. Вотъ и все.

Присутствіе китайской живописи и іероглифовъ указываетъ на то, что китайцы жили здѣсь въ позднѣйшее время и, несомнѣнно, поддерживали пещеры, видимо игравшія роль постоянныхъ жилыхъ помѣщеній вплоть до дунганскаго возстанія, и что вообще на развалинахъ По-чэнъ-цзы около этого времени ютилось значительное число жителей. Они раздѣлили общую участь всего китайскаго населенія Бэй-лу, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ нѣсколько разбитыхъ построекъ позднѣйшей архитектуры въ самомъ городищѣ и довольно большое старое кладбище близъ восточной крѣпостной стѣны. Отдѣльные гробы разсѣяны по всей площади между руинами и то тамъ, то здѣсь торчатъ изъ-подъ насыпей, набросанныхъ на скорую руку.

Въ настоящее время сѣверныя пещеры служатъ пріютомъ для бездомныхъ бродягъ. Зимой они собираются сюда цѣлыми партіями, запасаютъ на топливо камышъ изъ ближайшей рѣчки, пристраиваютъ къ старымъ дымоходамъ очаги и даже лежанки - каны и живутъ вплоть до весны, занимаясь попрошайничествомъ и мелкими кражами въ ближайшихъ окрестностяхъ. Почти всѣ окрестные пахари тоже пользуются старыми пещерами, превративъ ихъ при помощи различныхъ пристроекъ въ жилыя помѣщенія; но они держатся въ юго-западной части городища, поближе къ пашнямъ, и въ сѣверной стѣнѣ не селятся, предоставивъ се цѣликомъ въ распоряженіе бродягъ.

Дальнѣйшее подробное описаніе отдѣльныхъ руинъ не представило

бы интереса, а потому остается только сказать еще нѣсколько словъ относительно общаго вида городища. Обширная, волнообразная площадь внутри стѣнъ усѣяна безчисленными ямами различной формы и величины. Края этихъ ямъ приподняты въ видѣ продолговатыхъ насыпей. Это развалины мелкихъ строеній. Дномъ ямы обозначены провалы крышъ, похоронившихъ подъ собою внутреннія части помѣщеній, остатки же стѣнъ образовали края углубленій. Ходить и особенно ѣздить верхомъ по городищу надо съ большой осторожностью, такъ какъ во многихъ мѣстахъ ямы совершенно скрыты подъ разросшимися колючками и сорными травами и ничего не стоитъ попасть въ любую изъ этихъ естественныхъ ловушекъ.

Около ямъ и въ ямахъ мы постоянно находили валяющіеся на поверхности черепки глиняной посуды самой разнообразной формы и выдѣлки. Они разбросаны по всему городищу и поражаютъ своимъ количествомъ. Часть черепковъ обязана своимъ происхожденіемъ, конечно, дунганскому погрому и въ нихъ легко узнать обломки современной посуды, но въ значительномъ числѣ попадаются и такіе черепки, которые ни къ какому типу посуды позднѣйшей выдѣлки не подходятъ: эти являются древностью и, возможно, были вырыты кѣмъ-нибудь изъ земли. Вообще слѣды раскопокъ замѣтны по всему городищу. Современные жители отрицаютъ свое участіе въ этихъ работахъ и равнымъ образомъ категорически заявляютъ, что никакая археологическая или другая экспедиція изъ европейцевъ до сихъ поръ По-чэнъ-цзы не посѣщала[1]). Вѣроятно, раскопки производились мѣстнымъ населеніемъ, жившимъ здѣсь до дунганскаго возстанія. Мелькомъ пришлось услышать, что когда-то какой-то китаецъ, временно проживавшій въ По-чэнъ-цзы, выкопалъ въ развалинахъ 5 древнихъ золотыхъ монетъ. Найти среди черепковъ хотя одинъ цѣлый предметъ намъ не удалось. Пришлось ограничиться обломками. Особенно интересны черепки изъ сѣрой глины, у которыхъ вогнутая, т. е. внутренняя сторона представляетъ рифленную сѣтчатую поверхность съ очень мелкими клѣтками. Очевидно, при выдѣлкѣ посуды форма, на которую налѣпляли глину, обтягивалась какой-нибудь грубой тканью или же прямо была сдѣлана изъ проволочной сѣтки. Китайскіе гончары теперь такой посуды не выдѣлываютъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что подобные черепки мы нашли еще въ двухъ древнихъ городищахъ близъ города Гу-чэна. Кромѣ черепковъ по-

1) Упоминаютъ только объ одномъ «русскомъ» (здѣсь всѣхъ европейцевъ называютъ русскими), который осенью 1907 года заѣхалъ въ По-чэнъ-цзы на нѣсколько часовъ и, побродивъ по развалинамъ, отправился въ Джимисаръ. Вѣроятно, это былъ кто-нибудь изъ экспедиціи Pelliot, который тоже разыскивалъ Бишбалыкъ.

суды, среди развалинъ часто попадаются обломки кирпича самой разнообразной выдѣлки, начиная съ грубаго, плохо обожженнаго и кончая изразцовымъ, — послѣдній, вѣроятно, новѣйшей работы. Кое-гдѣ разбросаны между руинами шлаковидныя массы въ видѣ небольшихъ кусковъ.

Все городище перерѣзано во многихъ направленіяхъ какъ бы глубокими каналами различной ширины. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ каналы перекрещиваются. Самый глубокій изъ нихъ съ трехъ сторонъ окружаетъ цитадель. Часть каналовъ упирается своими концами въ проломы на мѣстѣ городскихъ воротъ. Это—остатки улицъ древняго города (Рис. 5). Ихъ значительная глубина, благодаря которой онѣ напоминаютъ каналы, объясняется тѣмъ, что возвышавшіеся когда-то по ихъ сторонамъ ряды древнихъ зданій, изъ коихъ нѣкоторыя, по свидѣтельству Ванъ-янь-дэ, были многоэтажными, постепенно разрушаясь, завалили своей массой городище и какъ бы приподняли его общую поверхность. Тамъ, гдѣ зданія упали въ улицы, образовались поперечныя перемычки, сохранившіяся до сихъ поръ въ видѣ насыпей неправильной формы. Ширина главныхъ улицъ достигаетъ 35 аршинъ. Наибольшая ихъ глубина свыше 3 саженъ. Почти всѣ улицы идутъ прямыми линіями; главный узелъ ихъ находится противъ западныхъ воротъ цитадели.

Въ сѣверо-восточной части городища мы нашли 9 чашеобразныхъ углубленій, рѣзко отличающихся своими размѣрами отъ упомянутыхъ выше многочисленныхъ ямъ на мѣстѣ развалинъ мелкихъ строеній. Въ трехъ самыхъ большихъ углубленіяхъ есть вода. Дно ихъ заросло камышемъ и потому они производятъ впечатлѣніе маленькихъ прудковъ. Въ одномъ изъ этихъ водоемовъ (на планѣ пунктъ B, рис. 6) происходитъ постоянное отложеніе соли въ очень значительномъ количествѣ. Знающіе люди никогда не пройдутъ мимо водоема безъ того, чтобы не захватить по пути кусокъ-другой соли. Просто глазамъ не вѣришь, когда изъ этой маленькой лужи начинаютъ вытаскивать прекрасно отложившіеся пласты по 20—30 фунтовъ вѣсомъ. Водоемъ, очевидно, очень глубокъ, такъ какъ всѣ, кто при насъ бралъ изъ него соль, съ величайшей осторожностью дѣлали одинъ-другой шагъ въ воду и дальше не шли, стараясь какъ-нибудь рукой дотянуться до своей добычи, или же прибѣгали къ помощи палки. Вообще мѣстные жители боятся этихъ водоемовъ; о нихъ ходятъ невѣроятные разсказы. Говорятъ, что будто бы ночью уровень воды въ нихъ понижается и въ бокахъ углубленій обнаруживаются подземные ходы. Существуетъ преданіе о какомъ-то китайцѣ-пахарѣ, который захотѣлъ изслѣдовать эти ходы въ надеждѣ добраться по нимъ до подземныхъ сокровищъ; съ этой цѣлью онъ пришелъ однажды ночью къ

самому большому водоему въ сопровожденіи трехъ своихъ сыновей и, какъ только вода опустилась, открывъ таинственные ходы, всѣ четверо проникли въ нихъ. Никто изъ смѣльчаковъ назадъ не вернулся, и съ тѣхъ поръ за водоемами утвердилась худая слава.

Скажу нѣсколько словъ о древнемъ городѣ, какъ о крѣпости. Съ южной и западной стороны онъ былъ обнесенъ рвомъ, дно котораго въ настоящее время заполнено пашнями. Ширина рва болѣе 10,5 метровъ. Между западными воротами и угловой сѣверо-западной башней городская стѣна образовывала кремальерный выступъ. Огромные размѣры башни и этотъ выступъ объясняются, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь былъ наиболѣе доступный для непріятеля участокъ крѣпости. Быть можетъ, по условіямъ мѣстности, непріятель могъ ближе всего подойти къ городу въ этомъ районѣ, вслѣдствіе чего и потребовалось особенно усилить соотвѣтствующія защитныя сооруженія. Объ укрѣпленіи, воздвигнутомъ на сѣверной сторонѣ города передъ стѣной, уже упоминалось. Укрѣпленіе это играло роль бастіона. Почти всѣ промежуточные крѣпостные капониры и башни сосредоточивались на южной и западной линіи стѣнъ и были расположены очень часто. Вообще говоря, съ этихъ двухъ сторонъ и съ сѣвера городъ защищался искусственными сооруженіями. Доступъ къ нему съ востока и сѣверо-востока былъ прегражденъ рѣчкой, лѣвый берегъ которой вплотную подходитъ къ городскимъ стѣнамъ. Это та же самая рѣчка, что протекаетъ около Ху-пу-цзы, т. е. остатки Да-лунъ-коу; мѣстные жители называютъ ее здѣсь Дунъ-хэ. Русло Дунъ-хэ очень широкое, съ крутыми лессовыми берегами, охватываетъ прилегающую часть города большимъ загибомъ. Самая рѣчка, топкая, глубокая, узкой лентой струится по своему помѣстительному ложу, образуя частыя заводи, заросшія камышемъ. Ниже города начинаются сплошныя заросли камыша, и рѣчка постепенно переходитъ въ обширное болото.

Съ восточной стороны развалинъ близъ башни «S» мы нашли остатки продолговатой искусственной насыпи, вдающейся въ русло рѣчки. Въ этомъ мѣстѣ русло суживается, и съ противоположнаго берега въ него входитъ небольшой мысокъ. Какое назначеніе имѣла насыпь? Повидимому, здѣсь была устроена плотина; выше насыпи рѣчка образуетъ огромное расширеніе болѣе 425 метровъ въ поперечникѣ и около версты въ длину; при помощи плотины можно было заполнять водой это пространство и, вѣроятно, здѣсь-то и находилось то самое озеро, о которомъ упоминаетъ посолъ Ванъ-янь-дэ.

Близъ восточныхъ городскихъ воротъ замѣтны слѣды какихъ-то земляныхъ сооруженій, — тутъ, должно быть, была устроена пристань. Плотина,

пристань и ворота защищались башней «S», доминирующей надъ всею мѣстностью.

Кромѣ развалинъ самаго города, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ руинъ, разбросанныхъ въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Одна изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія (рис. 7). Она расположена прямо противъ западныхъ воротъ въ 640 метрахъ отъ городской стѣны. Развалина представляетъ огромный глиняный холмъ около 18 метр. высотою и около 260 метр. въ окружности по линіи основанія. Возстановить первоначальную фигуру сооруженія вполнѣ возможно. Это было прямоугольное глинобитное зданіе въ нѣсколько этажей, горизонтальный разрѣзъ котораго имѣлъ видъ буквы «П», такъ что двѣ несомкнутыя параллельныя стороны строенія заключали между своими внутренними ребрами пустой промежутокъ въ формѣ прямоугольнаго параллелепипеда. Этимъ промежуткомъ руина обращена къ югу. Этажи, вѣроятно, были расположены террасами, выступы которыхъ опоясывали все зданіе и служили какъ бы наружными корридорами-карнизами. Въ эти корридоры выходили пробитыя въ корпусѣ строенія пещеры. Заднія стѣны пещеръ, выложенныя сырцовымъ кирпичемъ, еще сохранились кое-гдѣ на внѣшней сторонѣ руины и по ихъ остаткамъ можно предполагать, что этажей было не менѣе трехъ.

По мѣрѣ того какъ зданіе разваливалось, части его внѣшняго фасада съ выступами террасъ и передними стѣнами пещеръ, отдѣляясь отъ главнаго остова и обрушиваясь внизъ, свободно разсыпались у подножія руины; ихъ масса быстро разрыхлилась подъ вліяніемъ атмосферныхъ осадковъ и давно уже пошла на удобреніе ближайшихъ пашенъ. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ внутреннимъ фасадомъ зданія. Разрушеніе началось, конечно, съ верхняго этажа, наиболѣе подверженнаго дѣйствію солнца, дождя и вѣтра. Падающія глыбы сосредоточивались въ колодцеобразномъ промежуткѣ, заключенномъ между тремя сторонами фасада, и прежде чѣмъ линія обвала дошла до нижнихъ частей зданія, — своей массой заполнили этотъ промежутокъ, закупорили часть нетронутыхъ еще пещеръ въ глубинѣ фасада и надолго пріостановили процессъ дальнѣйшаго разрушенія. Похороненныя такимъ образомъ пещеры должны быть въ цѣлости и до настоящаго времени, конечно, если только въ нихъ не происходило самостоятельныхъ частичныхъ обваловъ,—а судя по тому, какъ прочно вообще были устроены пещеры, сохранившіяся въ самомъ городищѣ, можно надѣяться, что этихъ обваловъ не было. По своей архитектурѣ зданіе подходитъ къ типу древней постройки Тайзанъ въ «Астана» въ окрестностяхъ Турфана[1]). Здѣсь, вѣ-

---

1) См. отчеты экспедицій Д. А. Клеменца, А. Грюнведеля и С. О. Ольденбурга.

роятно, помѣщался древній буддійскій монастырь, повидимому, одинъ изъ числа тѣхъ трехъ, о которыхъ упоминаетъ посолъ Ванъ-янь-дэ.

Съ западной стороны руины, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, въ широкомъ ложѣ бѣжитъ топкая, камышистая рѣчка Си-хэ; въ этомъ мѣстѣ она течетъ прямо на сѣверъ, направляясь къ сліянію съ р. Дунъ-хэ, но по мѣрѣ приближенія къ послѣдней слегка отклоняется къ западу, какъ бы стремясь принять параллельное ей направленіе. Мѣстность ниже По-чэнъ-цзы, замкнутая этими двумя рѣчками, занята пашнями; она распадается на два урочища, называемыя по фамиліямъ владѣльцевъ пашенъ «Сы-чанъ-ху» и «Ву-чанъ-ху». Сплошное, поросшее камышемъ болото, образовавшееся при сліяніи упомянутыхъ рѣчекъ, и лежащее за нимъ пространство песковъ мѣстные жители называютъ «Бэй-са-ма», — нѣчто болѣе или менѣе созвучное съ «Бе-сы-ма», однимъ изъ древнихъ китайскихъ названій, пріуроченныхъ къ Бишбалыку [1]).

Противъ южной стѣны города въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ находится развалина, о которой трудно сдѣлать даже какое-нибудь предположеніе: сохранились три длинныхъ, не особенно толстыхъ глинобитныхъ стѣны какого-то квадратнаго строенія; кое-гдѣ облицовка изъ сырцоваго кирпича; четвертая стѣна совершенно разобрана пахарями.

Наконецъ, противъ той же южной городской стѣны, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, немного западнѣе предыдущей развалины мы нашли еще одну. Тоже что-то неопредѣленное: было, очевидно, небольшое зданіе; часть его разрушилась совершенно, часть сохранилась и напоминаетъ не то высокую гробницу, не то какую-то будку; можетъ быть, былъ субурганъ. Къ сожалѣнію, мы натолкнулись па эту руину въ самый послѣдній день, когда уже совсѣмъ собрались къ отъѣзду. По многимъ причинамъ намъ необходимо было торопиться заканчивать экскурсію, а потому, скрѣпя сердце, мы отказались отъ мысли заняться найденной развалиной и покопать ее.

1) Экспедиціи братьевъ Грумъ-Гржимайло пришлось дважды пройти мимо развалинъ почти вплотную: въ первый разъ они отъ Ху-пу-цзы обошли городище съ запада, выйдя въ пески близъ «Бэй-са-ма», а во второй — отъ Ху-пу-цзы же миновали его, уклонившись къ югу; городище осталось въ вершинѣ угла, образованнаго этими двумя направленіями. [Эта случайная неудача не помѣшала затѣмъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, уже по возвращеніи изъ путешествія, отказаться отъ существовавшаго ранѣе взгляда на мѣстоположеніе Бишбалыка и впервые выяснить таковое, на основаніи литературныхъ данныхъ, почти съ полною точностью («Путешествіе въ Западный Китай», т. I, стр. 221—226; т. II, 42—43 и т. III, 274—287). Кстати, необходимо отмѣтить, что помѣщенные на стр. 284—286 т. III 3 снимка внутренности древняго буддійскаго храма относятся, по любезному указанію С. Ѳ. Ольденбурга, не къ пещерѣ Цянь-фо-дунъ въ окрестностяхъ Джимисара, о которой говоритъ Б. В. Долбежевъ ниже, а къ ущельямъ Туюкъ-мазаръ (первый снимокъ съ росписи въ монастырѣ праваго берега, второй съ росписи потолка пещеры лѣваго берега) и Сенгимъ (третій снимокъ съ санскритскою надписью, точное мѣстонахожденіе которой указать трудно) въ окрестностяхъ Турфана; снимки сдѣланы Д. А. Клеменцемъ. *В. Л. Котвичъ*].

Чтобы получить какой-нибудь опредѣленный результатъ при нашихъ средствахъ, намъ надо было бы потратить на это нѣсколько дней, чего мы никакъ не могли себѣ позволить; а начать работу на авось, чтобы, не добившись ничего, тотчасъ же бросить ее, возбудивъ только вниманіе окрестныхъ пахарей, и затѣмъ уйти, предоставивъ имъ расхитить то, что могло оказаться въ руинѣ, — было бы болѣе, чѣмъ неразумно. Руина стоитъ въ зарosляхъ карагача, почти въ чащѣ.

Заканчивая на этомъ вторую часть описанія нашей экскурсіи, считаю небезынтереснымъ упомянуть, что когда мы возвратились въ Урумчи и разсказывали о развалинахъ По-чэнъ-цзы, то намъ удалось получить маленькое свѣдѣніе объ этомъ городищѣ отъ нѣкоторыхъ русскихъ торговцевъ-старожиловъ. По ихъ словамъ, посѣщенныя нами развалины называются мусульманами «Сырлы-там», т. е. «Крашенныя стѣны»; названіе это пріурочено собственно не къ самому городу, а къ отдѣльной руинѣ, находящейся за рѣчкой Дунъ-хэ къ сѣверу отъ По-чэнъ-цзы; тамъ, въ занесенныхъ пескомъ пещерахъ, сохранилась, будто бы стѣнная буддійская живопись[1]). То же самое подтвердилъ одинъ бійскій торговецъ Кряжевъ, нѣсколько разъ проѣзжавшій черезъ По-чэнъ-цзы, мимо котораго къ сѣверу черезъ пески идетъ кратчайшая дорога-тропинка, выходящая изъ Джимисара на трактъ Гу-чэнъ-Кобдо. Самой руины Кряжевъ, однако, не видѣлъ.

III.

Отъ По-чэнъ-цзы до Гу-чэна и обратно въ Джимисаръ. Пещера «Цянь-фо-дунъ».

7-го сентября мы покинули развалины и направились въ Гу-чэнъ. Пройдя съ версту зарослями карагача и переправившись черезъ Дунъ-хэ, мы вышли на старый Гу-чэнскій трактъ, ведущій отъ Ху-пу-цзы. Прекрасное описаніе этого пути, пройденнаго г. Грумъ-Гржимайло, находимъ въ I томѣ его труда (стр. 178—179), а потому намъ можно ограничить здѣсь свой разсказъ нѣсколькими словами.

Открытый степной участокъ, широкой полосой протянувшійся отъ послѣднихъ заимокъ на правомъ берегу Дунъ-хэ почти до самаго Гу-чэна, представляетъ великолѣпный лугъ, густо поросшій разными травами въ перемежку съ мелкимъ камышемъ и отдѣльными купами чія. Многіе участки луга пригодны для покоса и съ нихъ можно собрать тысячи пудовъ

---

1) За рѣчкой Дунъ-хэ, къ сѣверу отъ городища, заросли карагача оканчиваются; онѣ виднѣются здѣсь лишь въ видѣ узкой полосы деревьевъ; за ними невдалекѣ начинаются пески.

самаго питательнаго сѣна, а въ смыслѣ пастбища трудно подыскать что-нибудь лучшее. За всю дорогу ни раньше, ни послѣ мы ни разу не встрѣчали ничего подобнаго, и то обстоятельство, что лугъ этотъ оказался именно здѣсь, въ окрестностяхъ По-чэнъ-цзы, заставляло невольно вспоминать про ту «vallée unie, qui s'étend à environ 100 lis», гдѣ, по словамъ Ванъ-янь-дэ, паслись табуны, принадлежавшіе властителямъ Бишбалыка, — и пріурочивать къ этой долинѣ описываемый лугъ. Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ только самое слово «долина», потому что, строго говоря, такой терминъ въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнимъ; но съ другой стороны можно, во-первыхъ, предполагать неточность, допущенную при переводѣ соотвѣтствующей цитаты изъ описанія Ванъ-янь-дэ, а, во-вторыхъ, вполнѣ допустимо, что самъ онъ выразился неудачно, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что вообще пастбищныхъ долинъ во всемъ окрестномъ районѣ не имѣется. Впрочемъ, тотъ или иной выводъ относительно упомянутой долины для окончательнаго выясненія вопроса о мѣстоположеніи древняго Бишбалыка имѣетъ слишкомъ мало значенія, такъ какъ признакъ этотъ самъ по себѣ весьма неопредѣленный. Равнымъ образомъ при выполненіи нашей задачи не представляло необходимости останавливаться и на такихъ указаніяхъ, какъ, напримѣръ, сообщеніе Ванъ-янь-дэ о коршунахъ, ястребахъ и прочихъ хищникахъ, «витавшихъ надъ равниной Бэйтинской», каковое явленіе наблюдалось девять съ лишнимъ вѣковъ тому назадъ[1]). Поэтому въ указанномъ направленіи насъ гораздо больше интересовала провѣрка свѣдѣній Ванъ-янь-дэ о знаменитой «дымящейся» горѣ, лежавшей къ сѣверу отъ Бишбалыка, и всю дорогу до Гу-чэна мы тщательно осматривали сѣверный горизонтъ въ сильный бинокль, ища какой-либо возвышенности. Однако обнаружить присутствіе горы[2]), и даже холма или чего-нибудь подобнаго намъ рѣшительно не удалось. За то немало интереснаго ждало насъ въ Гу-чэнѣ.

---

1) По всей пройденной нами предгорной равнинѣ мы встрѣчали различныя породы хищныхъ птицъ. Тамъ, гдѣ много мышей и пташекъ, онѣ держатся въ большемъ количествѣ. Особенно много ихъ между Джимисаромъ и Сань-тай'емъ.

2) Объ этой горѣ читаемъ въ I т. труда Грумъ-Гржимайло (стр. 228): «Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о той плоской возвышенности, которая съ сѣвера ограничиваетъ Гашунскую впадину. Урочище Чичандза къ сѣверу отъ Ци-тай'я является единственнымъ мѣстомъ въ Южной Джунгаріи, гдѣ, на ряду съ каменнымъ углемъ, и по настоящее время добываются амміачные квасцы».

Если это дѣйствительно та возвышенность, которую описывалъ Ванъ-янь-дэ, то можетъ возникнуть нѣкоторое сомнѣніе при выясненіи вопроса о мѣстоположеніи ея относительно Бишбалыка — По-чэнъ-цзы, такъ какъ Ванъ-янь-дэ указалъ, что «дымящаяся» гора лежитъ къ сѣверу отъ города, а между чѣмъ Чичандза находится отъ По-чэнъ-цзы прямо на С.-В. Это еще не противорѣчіе, потому что въ реляціи Ванъ-янь-дэ мы имѣемъ дѣло далеко не съ точными обозначеніями по компасу, а съ простыми опредѣленіями на

Тотчасъ же по прибытіи туда мы, не теряя времени, приступили къ разспросамъ относительно старыхъ развалинъ и немедленно узнали, что въ ближайшихъ окрестностяхъ имѣются два очень древнихъ городища[1]). На слѣдующій день мы ихъ осмотрѣли. Первое примыкаетъ къ самому Гу-чэну; оно имѣетъ форму неправильнаго многоугольника; древнія стѣны почти совсѣмъ разобраны на удобреніе пашенъ и во многихъ мѣстахъ обозначены лишь чуть замѣтной насыпью. Верхній слой самой площади городища тоже вывезенъ на пашни, и нигдѣ нѣтъ тѣхъ характерныхъ ямъ, которыя мы видѣли въ По-чэнъ-цзы; но за то черепки различной глиняной посуды, какъ и тамъ, попадаются здѣсь въ изобиліи. Въ серединѣ сѣверной стѣны высится огромная руина прямоугольной формы. Дожди образовали въ ней глубокую извивающуюся промоину, по которой можно взобраться на самый верхъ руины. Она довольно высока — около 14 метровъ. Сдѣлать какое-нибудь предположеніе относительно этой руины представляется совершенно невозможнымъ (рис. 8). Съ восточной стороны городища протекаетъ рѣчка. Опредѣленнаго названія она не имѣетъ[2]); вдоль сѣверной и южной стѣны замѣтны остатки рва; юго-западный уголъ городища отрѣзанъ современной крѣпостной стѣной и заполненъ постройками.

Площадь городища занимаетъ не болѣе 0,2 кв. версты.

Въ почвѣ этого древняго городка не такъ давно постоянно находили металлическія статуэтки буддійскихъ божествъ и серебряныя монеты; въ настоящее время находки почти прекратились, такъ какъ вся масса старой рыхлой земли уже вывезена на пашни и развалинъ никто больше не тро-

---

глазъ. Возможно предполагать и то, что тутъ просто ошибка или описка, что «дымящаяся» гора находилась не къ сѣверу отъ Бишбалыка, а къ югу, гдѣ имѣется цѣлый горный хребетъ, и что въ данномъ случаѣ рѣчь шла о каменноугольныхъ пожарахъ, которые и до сихъ поръ часто происходятъ въ предгорной полосѣ вдоль Бэй-лу. Только недавно, напримѣръ, прекратились такіе пожары (отъ самовозгоранія) въ окрестностяхъ Урумчи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ.

1) Объ этихъ городищахъ мы слышали еще въ Урумчи.

2) Китайцы всякую самостоятельно текущую рѣчку (въ отличіе отъ арыка) называютъ «хэ-ба»; это—имя нарицательное; между тѣмъ таранчи и наши сарты принимаютъ его за собственное и, исковеркавъ на свой ладъ, постоянно пользуются имъ въ разговорѣ, при чемъ вводятъ въ заблужденіе другихъ. Именно это случилось съ рѣчками, протекающими около Урумчи и Гу-чэна: изъ «хэ-ба» для урумчійской рѣчки сдѣлали названія «Хубала», «Хубани», «Хубали» и т. д., при чемъ каждый по своему объясняетъ эти слова и даже переводитъ ихъ. Относительно названія гу-чэнской рѣчки былъ введенъ въ заблужденіе Грумъ-Гржимайло, на картѣ котораго она названа «Ха-бао»; въ скобкахъ стоитъ другое названіе— «мо-хэ», т. е. «рѣчка съ мельницей»; это опять не собственное имя, точно такъ же можно назвать и всякую другую рѣчку, на которой стоитъ мельница; названія «мо-хэ» 磨河 и «шуй-мо-хэ» 水磨河 присвоены и «урумчійской Хубала»; ее же называютъ наконецъ и «си-хэ» 西河, т. е. «западная рѣчка». А въ общемъ ни урумчійская, ни гу-чэнская рѣчка опредѣленныхъ названій не имѣютъ.

гаетъ; изрѣдка только копаются здѣсь «кладоискатели». Мы пріобрѣли двѣ маленькихъ серебряныхъ монеты, но статуэтокъ, къ сожалѣнію, достать не удалось [1]).

Второе городище лежитъ въ 3—4 верстахъ выше Гу-чэна справа отъ дороги на Ци-тай. Оно имѣетъ форму почти правильнаго квадрата. Площадь его еще меньше, чѣмъ площадь перваго городища. Стѣны сохранились нѣсколько лучше, такъ какъ отсюда до пашенъ довольно далеко и никто изъ пахарей руинъ не трогаетъ. Въ серединѣ каждой стѣны ясно обозначены остатки воротъ; кое-гдѣ сохранились развалины крѣпостныхъ башенъ. Внутри городища невысокими длинными насыпями обозначены какія-то отдѣльныя руины,—должно быть остатки большихъ внутреннихъ стѣнъ. Слѣдовъ развалинъ мелкихъ строеній незамѣтно. Съ восточной стороны въ нѣсколькихъ саженяхъ протекаетъ упомянутая выше рѣчка. По мнѣнію мѣстныхъ жителей, въ глубокой древности на мѣстѣ этого городища находился укрѣпленный китайскій лагерь, а развалины близъ самаго Гу-чэна они считаютъ остатками уйгурскаго города.

Въ Гу-чэнѣ намъ категорически заявили, что, въ окрестностяхъ Ци-тай, кромѣ развалинъ отъ временъ возстанія дунганъ, никакихъ другихъ не имѣется, а если и встрѣчаются болѣе древнія руины, то незначительныя, въ видѣ остатковъ отдѣльныхъ зданій; цѣлыхъ же городищъ, хотя бы и небольшихъ, тамъ вовсе нѣтъ.

Относительно горныхъ проходовъ попутно удалось узнать, что кромѣ перевала Буйлукъ и Джимисарскаго перевала, есть небольшая горная тропинка, лежащая на меридіанѣ Ци-тай. Ею пользуются пастухи, перегоняя скотъ съ одного склона хребта на другой. Тропинка доступна только въ теченіе 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ; въ остальное время года проходъ заваленъ снѣгомъ. Тропинка выходитъ на рѣчку Булуюкъ. Никакихъ другихъ путей въ Турфанъ черезъ горы не существуетъ.

Продвинуться изъ Гу-чэна съ цѣлью розыска развалинъ еще далѣе на В.—къ Ци-тай—мы рѣшительно не могли по недостатку времени, да впрочемъ это совсѣмъ и не представлялось необходимымъ въ виду упомянутыхъ выше свѣдѣній. Поэтому рѣшено было немедленно повернуть назадъ къ Джимисару и оттуда черезъ горы пройти на Турфанъ.

Дальнѣйшая развѣдка къ востоку отъ По-чэнъ-цзы, т. е. въ ту сторону, съ которой подошелъ къ Бишбалыку монахъ Чанъ-чунь, такимъ образомъ прерывалась, а потому здѣсь остановлюсь на маршрутѣ этого

1) [Монеты присланы Б. В. Долбежевымъ въ Петроградъ; онѣ оказались того же типа, что и находимыя въ другихъ пунктахъ Бэй-лу; экземпляры ихъ имѣются въ Имп. Эрмитажѣ. *В. Л. Котвичъ*].

путешественника и сдѣлаю оцѣнку полученныхъ нами данныхъ, такъ или иначе имѣющихъ къ вопросу отношеніе.

Вообще говоря, всѣ свѣдѣнія Чанъ-чуня страдаютъ неопредѣленностью и расплывчатостью. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что Чанъ-чунь представлялъ типъ путешественника, очень увлекавшагося картинами окружающей природы и обладавшаго способностью по всякому поводу приходить въ восторженное настроеніе и пересыпать свой разсказъ лирическими изліяніями. Въ результатѣ изъ его реляціи можно почерпнуть очень немного положительныхъ данныхъ. Извѣстно только то, что пройдя съ сѣвера черезъ пески и достигнувъ перваго уйгурскаго селенія, лежавшаго въ культурной предгорной полосѣ, Чанъ-чунь повернулъ на западъ, миновалъ два городка и прибылъ въ Бишбалыкъ, при чемъ нѣкоторое время ему пришлось итти вдоль рѣчки. Въ какой срокъ совершилъ онъ свой послѣдній переходъ, — не указано, а между тѣмъ это имѣло бы огромное значеніе; справка о рѣчкѣ тоже не особенно ясна.

Въ I томѣ своего труда (стр. 205—229) Грумъ-Гржимайло былъ склоненъ, повидимому, пріурочивать древній Бишбалыкъ къ современному Ци-тай или къ какому-нибудь пункту въ «ближайшихъ окрестностяхъ» этого города и, возстановляя маршрутъ Чанъ-чуня, отожествлялъ упомянутую послѣднимъ рѣчку съ Ци-тай'ской рѣчкой Гань-гоу 乾溝 и даже съ Му-лей-хэ[1]), лежащей еще далѣе къ востоку, — а два пройденные Чанъ-чунемъ городка намѣчаетъ, какъ кажется, въ низовьяхъ одной изъ этихъ рѣчекъ, гдѣ, по его словамъ, и нынѣ еще виднѣются слѣды поселеній. Впослѣдствіи Грумъ-Гржимайло, основываясь на китайскихъ данныхъ, самъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на мѣстоположеніе Бишбалыка, и нынѣ его объясненія маршрута Чанъ-чуня должны считаться отпавшими.

Опираться на этотъ маршрутъ вообще надо съ большой осторожностью, и въ частности вопросъ о пройденной имъ рѣчкѣ безъ всякаго ущерба для дѣла можно навсегда оставить открытымъ, такъ какъ въ виду неясности свѣдѣній Чанъ-чуня съ одинаковымъ правомъ позволительно утверждать, что этой рѣчкой была и Му-лэй-хэ, и Гань-гоу, и даже безымянная Гучэнская рѣчка, а потому и самая справка о ней вообще является несущественной; но что касается двухъ городковъ, пройденныхъ Чанъ-чунемъ передъ самымъ Бишбалыкомъ, то это указаніе представляетъ уже значительную цѣнность, и есть полная возможность использовать его, пріурочивъ къ упомянутымъ городкамъ найденныя нами близъ г. Гу-чэна, т. е. на предполагаемомъ пути Чанъ-чуня два небольшихъ древнихъ городища. При

[1]) 木壘河 (въ мѣстномъ чтеніи «Му-люй-хэ»).

такой оцѣнкѣ маршрута Чанъ-чуня никакихъ натяжекъ не требуется, и свѣдѣнія названнаго путешественника не только не препятствуютъ отожествлять древній Бишбалыкъ и развалины По-чэнъ-цзы, но, наоборотъ, служатъ прямымъ основаніемъ для этого.

Изъ Гу-чэпа мы прошли въ Джимисаръ старой дорогой черезъ Ху-пу-цзы, но въ По-чэнъ-цзы уже не заѣзжали, стараясь всячески выигрывать время, такъ какъ прежде, чѣмъ отправиться черезъ горы въ Турфанъ, намъ предстояло еще осмотрѣть кумирню «Цянь-фо-дунъ», куда мы и поѣхали въ полдень 10 сентября.

Кумирня находится въ 5—6 верстахъ къ Ю.-З. отъ Джимисара. Ее видно изъ города. Она расположена на лѣвомъ склонѣ небольшого безлѣснаго лога, выходящаго изъ предгорій. Позднѣйшія постройки китайской архитектуры, со всѣхъ сторонъ окружающія главный храмъ, придаютъ всему зданію видъ самаго обыкновеннаго современнаго даоскаго храма. Названіе «Цянь-фо-дунъ» 千 佛 洞, т. е. «Пещера тысячи буддъ», относится къ центральному строенію, вплотную примыкающему къ горѣ, въ которой сдѣлана глубокая выемка. Кумирня, дѣйствительно, напоминаетъ пещеру, но пещера эта искусственная: ея стѣны, своды и крыша — всѣ выстроены изъ кирпича и глины.

Внутренность кумирни представляетъ два входящихъ одинъ въ другой сводчатыхъ коридора въ формѣ буквы «П», причемъ малый коридоръ охватываетъ прямоугольный массивный корпусъ, приходящійся въ серединѣ помѣщенія; концы коридоровъ обращены къ переднему фасу кумирни; въ коридорахъ царитъ густой полумракъ.

Прямо передъ входомъ находятся три большихъ глиняныхъ буддійскихъ статуи въ ростъ человѣка, съ окрашенными въ золотой цвѣтъ лицами. Онѣ помѣщены въ разукрашенныхъ нишахъ, изъ которыхъ средняя устроена въ передней стѣнѣ центральнаго корпуса, а боковыя—въ простѣнкахъ между коридорами. Всѣ три статуи изображены съ нищенской чашкой въ рукахъ.

Въ боковыхъ и въ задней стѣнахъ центральнаго корпуса тоже устроены ниши; въ нихъ возсѣдаютъ три статуи поменьше.

Съ обѣихъ сторонъ въ двухъ соотвѣтственно расположенныхъ стѣнахъ большого коридора высѣчены 18 малыхъ нишъ, около аршина вышиною, по 9 въ каждой стѣнѣ; въ нихъ разставлены статуи съ искаженными лицами[1]); нѣкоторыя стоятъ на жабахъ и черепахахъ; передъ каждой выступъ съ курильницей.

---

1) По словамъ С. Ѳ. Ольденбурга, посѣтившаго Цянь-фо-дунъ въ 1914 г., это 18 архатовъ хорошей, интересной работы, статуэтки 40—50 сант. высотою. Въ Цянь-фо-дунъ ведетъ хорошая дорога, разстояніе 3—4 версты отъ Джимисара.

Вдоль короткой задней стѣны большого корридора распростерто огромное изваяніе Будды въ нирванѣ около 11 аршинъ длины; онъ изображенъ лежащимъ на боку, съ открытыми глазами; правая рука положена подъ голову, лѣвая вытянута вдоль туловища; противъ его ногъ и головы въ противоположной стѣнѣ устроены еще двѣ или три ниши тоже со статуями. Сфотографировать изваяніе или хотя бы только одну голову его невозможно вслѣдствіе тѣсноты корридора и почти полнаго отсутствія освѣщенія [1]).

Кромѣ этихъ главныхъ статуй, сотни маленькихъ фигурокъ, вылѣпленныхъ изъ глины, покрываютъ всѣ стѣны корридоровъ; онѣ насажены на вбитые въ штукатурку деревянные гвозди.

Въ настоящее время никакой древней живописи въ кумирнѣ нѣтъ. Она была, но ее уничтожили сами китайцы, когда ремонтировали кумирню послѣ дунганскаго погрома. Дунгане разбили всѣ статуи, среди которыхъ были экземпляры древней работы. Уцѣлѣлъ только лежачій Будда, хотя и его сильно попортили. Съ 8-го года Гуанъ-сюй (1882 г.) кумирню начали постепенно реставрировать; вылѣпили новыя статуи, подновили лежачаго Будду, закрыли штукатуркой древнюю живопись на стѣнахъ и сводахъ, и теперь въ кумирнѣ не осталось почти ничего, что могло бы представлять изъ себя древность.

Всѣ боковыя кумирни — даоскія. Въ монастырѣ живутъ человѣкъ 15 монаховъ; среди нихъ есть старики. По ихъ разсказамъ, первымъ изъ европейцевъ посѣтилъ кумирню покойный консулъ Балкашинъ, пріѣзжавшій изъ Чугучака. Монахи отзываются о немъ съ почтеніемъ и вспоминаютъ о его щедромъ подаркѣ.

IV.

Изъ Джимисара черезъ Тянь-шань въ Турфанъ и Даванчинъ.

11 сентября мы окончательно покинули Джимисаръ и направились въ горы. Намъ предстояло выполнить послѣднюю задачу нашей экскурсіи — удостовѣрить наличность горнаго прохода между Джимисаромъ и Турфаномъ, то есть пройти по нему и затѣмъ сопоставить полученныя нами данныя объ этомъ проходѣ съ тѣми свѣдѣніями, которыя далъ о своемъ пути черезъ тотъ же участокъ горъ китайскій посолъ Ванъ-янь-дэ, въ X вѣкѣ прошедшій изъ Турфана въ древній Бишбалыкъ.

---

1) С. Ѳ. Ольденбургу говорили, что статую Будды нашелъ случайно какой-то китаецъ, копавшій землю, послѣ чего расчистили храмъ. Статуя производитъ впечатлѣніе старинной; голова ея покрыта бронзовымъ лакомъ; глаза вставные; имѣется фотографія хотя и неудачная, сдѣланная д-ромъ Кохановскимъ. По словамъ монаха, противъ головы Будды имѣется замурованная дверь въ другую внутреннюю пещеру. При посѣщеніи храма С. Ѳ. Ольденбургомъ тамъ шло китайское театральное представленіе.

Мы выступили довольно поздно, такъ какъ насъ задержалъ проводникъ-китаецъ, назначенный уѣзднымъ начальникомъ для сопровожденія насъ до станціи Ши-іо-цзы. Задержка произошла изъ-за того, что проводникъ не успѣлъ приготовить себѣ въ дорогу запасъ опіума и съ утра былъ занятъ растираніемъ опійной золы, добытой изъ трубки своего начальника [1]). Въ общемъ проводникъ этотъ былъ для насъ не только безполезенъ, но явился даже помѣхой. Къ 9 часамъ закончилъ онъ свои долгіе сборы и мы получили возможность тронуться въ путь.

Всю мѣстность, по которой проходитъ дорога отъ Джимисара до высшей точки перевала, можно раздѣлить на три характерные участка: постепенно повышающееся открытое равнинное пространство до начала предгорій, зона предгорныхъ возвышеній и, наконецъ, длинное ущелье горной рѣчки Далунъ-коу.

До первой станціи «Цюань-цзы-гяй», лежащей въ предгорьяхъ, есть двѣ дороги: колесная и верховая. Первая выходитъ съ трактовой дороги въ Гу-чэнъ въ 3—4 верстахъ за Джимисаромъ. Она идетъ къ предгорьямъ, взявъ направленіе прямо на югъ, и втягивается въ нихъ по отлогому, неглубокому, почти безлѣсному руслу маленькаго источника Дунъ-цюань [2]), смежнаго съ Да-лунъ-коу 大龍口. Здѣсь, у входа въ предгорья, съ ней соединяется подошедшая съ С.-В. колесная же дорога въ Цюань-цзы-гяй изъ Гу-чэна. Послѣ соединенія общая дорога, перерѣзавъ приблизительно около половины пояса предгорій, покидаетъ русло Дунъ-цюань и, взявъ направленіе на Ю.-З., выходитъ къ Цюань-цзы-гяй. Если ѣхать этимъ путемъ, то до Цюань-цзы-гяй отъ Джимисара считаютъ 70 ли, а отъ Гу-чэна около 100.

Мы шли верховой дорогой — кратчайшей. Прямо изъ Джимисара взяли курсъ почти на Ю. съ малымъ склоненіемъ къ Ю.-В., направляясь въ устье пади Да-лунъ-коу. Равнинный участокъ до предгорій покрытъ рядомъ малозамѣтныхъ, но характерныхъ сферическихъ поднятій почвы, лежащихъ противъ выхода изъ каждой пади; это результатъ долговременныхъ періодическихъ наносовъ изъ горъ во время разливовъ. Да-лунъ-коу разбился на нѣсколько рукавовъ и вѣеромъ распустилъ ихъ по равнинѣ. Главное русло отмѣчено полосой рѣдкой зелени. Мѣстность камениста, растительность тощая, заимокъ и пашенъ мало. Ближе къ предгорьямъ зелени больше; у входа въ падь начинаются заросли, переходящія въ чащу. Отъ Джимисара до устья пади около 7 верстъ.

---

1) Состоятельные китайцы курятъ чистый опіумъ; бѣдняки смѣшиваютъ опійную массу съ золой, остающейся въ трубкахъ послѣ куренія.

2) Названіе это распространено только между мѣстными пахарями.

Предгорья падаютъ въ равнину крутыми спусками. Мѣстами видны почти отвѣсные голые глинистые скаты, какъ морщинами, изрытые глубокими промоинами. Контуры отдѣльныхъ возвышеній рѣзки; здѣсь, передъ равниной, предгорья словно приподнялись, образовали фронтъ крутыхъ пиковъ, причудливо изломали линію ихъ профиля и замаскировали пространства, лежащія у подошвы главнаго хребта. Трудно подумать, что въ нѣсколькихъ верстахъ выше мѣстность перейдетъ въ мягкое волнистое плоскогорье.

Устье пади Да-лунъ-коу тѣсное; рѣчка сильно шумитъ. Дорога нѣсколько разъ переходитъ съ одного ея берега на другой; кругомъ пышная растительность; чаще всего попадаются карагачъ, круглый тополь, облѣпиха, шиповникъ.

Передъ входомъ въ падь замѣтили какіе-то курганы; они вытянуты въ линію и составляютъ двѣ группы; всѣ курганы осыпаны крупной галькой; кругомъ замѣтны слѣды маленькихъ насыпей. Отъ проводника не получили никакихъ объясненій [1]).

Выше, въ полуверстѣ, китайская заимка. За нею падь образуетъ большое расширеніе — котловину эллиптической формы. Да-лунъ-коу отошелъ къ западному краю котловины; съ нимъ отошла и растительность; восточная половина эллипсиса представляетъ открытую каменистую площадь; въ серединѣ ея, слѣва отъ дороги, чашеобразный курганъ, осыпанный галькой. Боковыя возвышенія, ограничивающія котловину, все время сохраняютъ рѣзкія очертанія. Продольный разрѣзъ площади расширенія около 5 верстъ. Дорога пересѣкаетъ ее по серединѣ; время отъ времени она мѣняетъ направленіе; основной курсъ почти на югъ съ малымъ склоненіемъ къ Ю.-В.

Впереди маленькая тѣснина, а за ней вторая, болѣе обширная котловина, сплошь покрытая растительностью, среди которой виднѣются заимки. Западный берегъ пади постепенно утрачиваетъ горный характеръ и переходитъ въ линію холмовъ; восточный отмѣченъ обрывами и скалами. Дорога склоняется къ Ю.-З. и, перейдя на лѣвый берегъ Да-лунъ-коу, минуетъ большую богатую кумирню. Отсюда до Джимисара около 13 верстъ.

Отъ кумирни идемъ прямо на югъ. Котловина оканчивается и впереди новая тѣснина. За нею и восточный берегъ пади быстро смягчаетъ свои рѣзкіе контуры и переходитъ въ волнистое плоскогорье. Дорога склоняется къ Ю.-В., переправляется на правый берегъ Да-лунъ-коу, оставляетъ падь и взбирается на пологіе холмы; затѣмъ она снова идетъ на югъ и сохраняетъ это направленіе на протяженіи около 5 верстъ; послѣднюю версту передъ Цюань-цзы-гяй идемъ почти на Ю.-В.

---

1) Курганы эти отчасти напоминаютъ древніе курганы въ Са-ѣ-пу къ Ю.-В. отъ Урумчи.

По пройденному нами пути отъ Джимисара до Цюань-цзы-гяй считаютъ 50—55 ли (около 22 верстъ). Этой дорогой ѣздятъ лишь верхомъ, хотя ѣзда на колесахъ вполнѣ возможна; мѣшаютъ только камни и частыя переправы черезъ Да-лунъ-коу. Всѣ переправы совершаются вбродъ, мостовъ нѣтъ; въ обычное время вода доходитъ до колѣнъ лошади. Ни крутыхъ подъемовъ, ни овраговъ на пути не встрѣчается: повышеніе мѣстности идетъ постепенно, равномѣрно, почти незамѣтно. На путешествіе отъ Джимисара до Цюань-цзы-гяй мы потратили $4^1/_2$ часа; все время двигались среднимъ шагомъ.

Цюань-цзы-гяй 泉 子 街 (въ мѣстномъ произношеніи «чуан-дзы-геі») — большое селеніе въ двѣ улицы, вполнѣ оправдывающее свое названіе, которое въ переводѣ значитъ: «Базаръ на ключахъ». Это торговое село, состоящее почти изъ однѣхъ лавокъ. Въ немъ нѣсколько кумиренъ и большой театральный павильонъ, гдѣ въ полнолуніе (15 числа) каждаго мѣсяца обязательно происходятъ въ теченіе нѣсколькихъ дней общественные спектакли[1]). Всѣ кумирни — даоскія, позднѣйшаго времени.

Полоса предгорій въ окрестностяхъ Цюань-цзы-гяй представляетъ огромный культурный земледѣльческій районъ, усѣянный заимками и хуторами; черезъ небольшіе промежутки среди нихъ попадаются и цѣлыя деревушки съ базарами и даоскими кумирнями. Кумиренъ вообще здѣсь очень много. Большинство ихъ отстроено недавно на мѣстѣ старыхъ капищъ, тоже даоскихъ, разрушенныхъ дунганами. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ оборудованы только зданія, а внутри вмѣсто статуй разставлены красные щиты съ ихъ именами; этимъ щитамъ усердно поклоняются.

Какихъ-либо древнихъ монастырей или храмовъ здѣсь, видимо, нѣтъ и услышать что-нибудь о ихъ существованіи намъ рѣшительно не удалось. Самые энергичные наши разспросы и розыски не принесли въ этомъ смыслѣ никакихъ результатовъ.

Населеніе мѣстности состоитъ главнымъ образомъ изъ китайцевъ; на лѣвомъ берегу Да-лунъ-коу есть дунганская деревня съ мечетью; въ Цюань-цзы-гяй много лавокъ принадлежитъ кашгарлыкамъ.

Осмотръ окрестныхъ кумиренъ занялъ у насъ весь вечеръ и начало слѣдующаго дня, такъ что въ дальнѣйшій путь на перевалъ мы выступили только около 10 часовъ утра.

Отъ Цюань-цзы-гяй до начала главнаго подъема, т. е. до входа въ ущелье Да-лунъ-коу, уже недалеко — всего 5—6 верстъ. Мѣстность повышается постепенно; кругомъ тянутся пашни, которыя подходятъ къ самой

---

1) 唱 戲 «чанъ-си».

подошвѣ передовыхъ возвышенностей. До входа въ ущелье—ѣзда на колесахъ, но только до входа; дальше возможно лишь вьючное сообщеніе. Идемъ прямо на Ю.-З. Полоса предгорій оканчивается. Сзади, куда только глазъ хватаетъ, безпредѣльно раскинувшаяся равнина, перерѣзанная линіей оазисовъ; видны Джимисаръ и часть тракта. Впереди рельефно выступаютъ могучія очертанія отдѣльныхъ хребтовъ и вершинъ. Ближе всѣхъ на лѣвомъ берегу Да-лунъ-коу высится огромная, увѣнчанная скалистымъ пикомъ гора «Іо-мо-сань» 藥茅山. Всѣ сѣверные склоны ея отроговъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ. На вершинѣ бѣлѣетъ недавно выпавшій первый снѣгъ.

Приближаемся къ руслу рѣчки. Ея высокіе берега падаютъ почти отвѣсно. Слѣва все ближе и ближе наступаютъ крутые отроги; они вплотную подходятъ къ берегу, прижимаютъ къ нему дорогу-тропинку и заставляютъ ее цѣпляться по узкому карнизу. Направо обрывъ болѣе 100 метровъ глубиной. Внизу глухо шумитъ Да-лунъ-коу, съ трудомъ извиваясь въ каменистомъ ложѣ.

Тропинка перебѣгаетъ нѣсколько боковыхъ ложковъ и круто спускается къ рѣчкѣ. Въ этомъ мѣстѣ ущелье сразу суживается и дѣлаетъ зигзагъ. Гигантская отвѣсная скала преградила путь Да-лунъ-коу и отбросила его въ сторону; онъ прорвался въ бокъ, прорылъ себѣ неширокій проходъ, намылъ и набросалъ въ свое русло тысячи камней и обломковъ скалъ и пѣнясь прыгаетъ по нимъ, наполняя глухую тѣснину своимъ грознымъ гуломъ и шумомъ. Кругомъ лѣсъ. По дну ущелья распространились лиственныя породы, главнымъ образомъ круглый тополь; склоны горъ покрыты стройными елями и пихтами; у подножія ихъ кое-гдѣ густо разрослись мхи. Русло потока мѣстами забито и запружено стволами упавшихъ и вырванныхъ съ корнями деревьевъ; ихъ натащилъ Да-лунъ-коу во время своихъ разливовъ. До постоялаго двора Сы-дао-цяо заросли идутъ почти не прерываясь, и только время отъ времени лѣвый (обращенный къ востоку) склонъ ущелья освобождается отъ лѣса, открывая пространные обнаженные крутые скаты, въ вершинѣ которыхъ громоздятся группы неприступныхъ отвѣсныхъ скалъ.

По высокому бревенчатому мостику переправляемся на лѣвый берегъ потока. Отсюда до Цюань-цзы-гяй — 8 верстъ [1]).

Конструкція мостика, которая носитъ, кажется, названіе кавказской,— очень интересна: въ одинъ изъ береговъ, болѣе низкій, закапываются нѣ-

1) Мы прошли это разстояніе въ $2^1/_2$ час., но по дорогѣ нѣсколько разъ останавливались осматривать встрѣчныя кумирни; а на дѣлѣ по всему участку отъ Цюань-цзы-гяй почти съ 1-го мостика можно двигаться со скоростью 5 верстъ въ часъ и верхомъ и пѣшкомъ.

сколько положенныхъ другъ на друга рядовъ толстыхъ бревенъ (съ прокладкою между рядами) такъ, чтобы концы бревенъ выдавались изъ берега надъ русломъ, образуя съ горизонтальной его плоскостью нѣкоторый острый уголъ; при этомъ каждый верхній рядъ бревенъ своимъ обращеннымъ къ рѣчкѣ концомъ продвигается приблизительно на пол-аршина впередъ. Когда нависшій конецъ сооруженія пріійдется почти надъ серединой рѣчки, то съ него на противоположный берегъ перебрасывается площадка. Бревна связываются болтами или оковываются желѣзными полосами. Мостикъ снабжаютъ невысокими перилами. Если ширина рѣчки или оврага значительна, то ряды бревенъ закапываются одновременно съ обоихъ береговъ и затѣмъ связываются горизонтальной площадкой, сколоченной изъ такихъ же бревенъ.

До вершины перевала тропинка 6 разъ переправляется черезъ Далунъ-коу, причемъ въ 5 мѣстахъ устроены мостики, подобные описанному; шестой, самый верхній, имѣетъ болѣе простую, обыкновенную конструкцію.

Настоящій подъемъ надо считать собственно отъ первой переправы. Все протяженіе его до высшей точки перевала можно разбить на три участка.

1) Отъ перваго мостика до постоялаго двора Сы-дао-цяо мѣстность повышается постепенно, позволяя развивать скорость до $3\frac{1}{2}$ верстъ въ часъ; подъемъ берется почти безъ усилія и только отдѣльныя короткія, но сильныя крутизны нарушаютъ общій характеръ дороги въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тропинка перебѣгаетъ съ одного берега потока на другой или перерѣзаетъ упершіеся въ самое русло отроги. Такихъ мѣстъ (на 1 участкѣ) мы насчитали около 5; изъ нихъ три падаютъ на переправы черезъ Далунъ-коу, считая и первую[1]).

Самое ущелье довольно узко, отъ 30 до 50 метровъ. Во многихъ мѣстахъ оно заключено между отвѣсными скалами и завалено камнями и обломками. Тропинка все время представляетъ извилистую линію; основное направленіе ея — прямо на Ю.-З.; отъ 2-го мостика она временно уклоняется къ Ю.Ю. З., но за 3-мъ, наоборотъ, сворачиваетъ на Ю.З. З.; передъ Сы-дао-цяо она идетъ почти на югъ.

Постоялый дворъ Сы-дао-цяо («Четыре дорожныхъ моста»)[2]) лежитъ между 3-мъ и 4-мъ мостиками и находится отъ первой переправы въ разстояніи не болѣе 6 верстъ.

1) Непосредственно за первымъ мостикомъ самая значительная крутизна длиной до 85 метровъ.

2) Здѣсь можно достать только кипятокъ и плохой клеверъ.

2) За Сы-дао-цяо подъемъ становится круче и двигаться можно со скоростью не болѣе 3 верстъ въ часъ. Особенно чувствительной дѣлается крутизна выше 4-го мостика, гдѣ въ Да-лунъ-коу входитъ съ запада глубокій боковой логъ съ шумнымъ, пѣнящимся потокомъ [1]); отсюда Да-лунъ-коу склоняется къ югу, обходя огромную крутую гору; ущелье сильно суживается; потокъ реветъ, низвергаясь каскадами, и словно кипитъ въ своемъ гранитномъ ложѣ, — но воды въ немъ уже замѣтно меньше. Тропинка камениста.

Характеръ дороги остается неизмѣннымъ на протяженіи около одной версты, при чемъ еще разъ происходитъ переправа черезъ Да-лунъ-коу по пятому мостику, за которымъ ущелье постепенно принимаетъ основное направленіе на Ю.-З. Одновременно тропинка начинаетъ прижиматься къ лѣвому склону, удаляясь отъ рѣчки, и вдругъ круто взбирается на косогоръ, минуетъ группу скалъ по узкому, напоминающему воротца, прорыву и выходитъ на открытый, безлѣсный скатъ. Правый склонъ ущелья еще покрытъ деревьями, но они уже порѣдѣли и недалеко вверху лѣсъ совершенно оканчивается.

Подъемъ немного смягчается. Мѣстами попадаются площадки и даже спуски. До перевала, видимо, недалеко. Всюду уже обозначились высшія точки отдѣльныхъ гребней и вершинъ; кругомъ стало какъ-то просторнѣе и свѣтлѣе. Внизу гудитъ и шумитъ Да-лунъ-коу, роясь въ глубинѣ ущелья; съ дороги его не видно и только кое гдѣ между мшистыми валунами бѣлѣютъ пѣнистые водопады.

Передъ послѣднимъ — шестымъ — мостикомъ ущелье склоняется къ Ю.З.З. Подъемъ снова дѣлается круче и труднѣе. Въ одномъ мѣстѣ есть маленькій косой уступъ, образованный совершенно голой скалой [2]); послѣдняя страшно скользка, и ни одна изъ нашихъ 5 хорошо подкованныхъ лошадей не могла пройти по ней благополучно: всѣ падали и въ концѣ концовъ брали уступъ на прыжокъ.

У самаго мостика высится огромная глыба — скала, издали напоминающая массивную колонну. Отъ Сы-дао-цяо до этой скалы около 6 верстъ.

Верхній мостикъ перекинутъ черезъ прорытый Да-лунъ-коу крутой и очень глубокій оврагъ съ каменистымъ дномъ; передъ оврагомъ нѣтъ площадки и сверху тропинка почти отвѣсно сбѣгаетъ прямо къ самому мостику.

---

1) Боковыхъ ущелій встрѣчается много, но всѣ они однообразны: очень узки, очень круты и почти всегда съ болѣе или менѣе значительнымъ ручьемъ или рѣчкой.

2) Площадь скалы не болѣе одной кв. сажени.

Это очень опасное мѣсто, а между тѣмъ мостикъ построенъ непрочно и снабженъ слишкомъ низкими перилами. Зимой здѣсь часто погибаютъ ослы. При спускѣ къ мостику животное, нагруженное тяжелымъ, а, главное, громоздкимъ для его роста вьюкомъ, напримѣръ съ шерстью или хлопкомъ, начинаетъ скользить по обмерзлой крутой тропинкѣ; при этомъ, не будучи въ состояніи сдержать напоръ тяжести, разбѣгается и со всѣхъ ногъ влетаетъ на обледенѣлый мостикъ; но такъ какъ передъ мостикомъ тропинка дѣлаетъ небольшой загибъ, то часто, повинуясь инерціи, оселъ не успѣваетъ въ нужную минуту сдѣлать необходимый поворотъ, чтобы попасть на середину мостика, и натыкается на перила, при чемъ, конечно, теряетъ равновѣсіе; неустойчивый вьюкъ мгновенно перетягиваетъ его за перила и несчастный оселъ падаетъ въ оврагъ.

Мостикъ рѣдко чинятъ, потому что поднимать строительный матерьялъ на эту высоту затруднительно; починку зачастую производятъ сами проѣзжающіе, а мѣстная администрація, какъ намъ объяснили, не принимаетъ и почти никогда не принимала какихъ-либо мѣръ не только къ разработкѣ перевала, но даже къ поддержанію мало-мальски добропорядочнаго состоянія дороги.

3) Отъ 6-го мостика Да-лунъ-коу уходитъ почти на западъ, онъ бѣжитъ въ глубокомъ скалистомъ оврагѣ, образуя частые водопады. Въ вершинѣ его виднѣется огромная бѣлая шапка снѣговой горы. Тропинка разстается съ потокомъ и по широкому боковому распадку уклоняется къ югу. Передъ самымъ переваломъ она идетъ прямо на югъ.

Эта часть дороги самая трудная. Крутизна уклона очень значительна,— болѣе 45°; мѣстами подъемъ берется двойными и даже тройными зигзагами. Отъ послѣдняго мостика до высшей точки перевала не болѣе 2 верстъ. Мы сдѣлали это разстояніе въ 1 ч. 10 м.

Сосѣднія вершины и гребни со всѣхъ сторонъ обступаютъ глубокую сѣдловину, по которой перекинулась черезъ хребетъ тропинка, и совершенно заслоняютъ горизонтъ. Ледниковъ нигдѣ не видно. Кругомъ тонкая снѣжная пелена съ частыми проталинами. На нихъ вездѣ замѣтны остатки выбитой, выщипанной и прихваченной первыми морозами зелени. Лежащія на одной высотѣ съ переваломъ въ склонахъ окружающихъ хребтовъ нѣсколько чашеобразныхъ распадковъ, изъ которыхъ выливаются лога и ущелья, совершенно занесены снѣгомъ; но снѣгъ этотъ свѣжій, недавно выпавшій; до линіи вѣчныхъ снѣговъ еще далеко.

Никакихъ наблюденій для опредѣленій высоты перевала мы, за отсутствіемъ инструментовъ, не производили, но учитывая потраченное на подъемъ время, крутизну покатости, качества дороги и всѣ другія побочныя

обстоятельства, мы пришли къ заключенію, что высота перевала едва ли достигаетъ 10.000 футовъ.

На перевалѣ мы спугнули стаю горныхъ индѣекъ [1]); онѣ улетѣли къ верхнимъ скаламъ.

Перевалъ проходимъ во всякое время года и черезъ него безостановочно происходитъ вьючное и верховое движеніе между Турфанскимъ оазисомъ и соотвѣтствующимъ противолежащимъ райономъ Бэй-лу отъ Сань-тай до Гу-чэна включительно [2]).

Уже смеркалось, когда мы начали спускаться. Проводникъ-китаецъ вдругъ заявилъ, что дальше онъ не пойдетъ, потому что у него болитъ голова, и, свернувъ съ дороги къ ближайшимъ скаламъ, сталъ устраиваться на ночлегъ. Просто-на-просто ему пришла пора курить опіумъ, а, кромѣ того, онъ боялся итти въ темнотѣ. Мы рѣшили бросить его и двинулись дальше, такъ какъ В. П. Портныхъ прекрасно зналъ дорогу.

Скалистые отроги, ограничивавшіе широкій разлогъ, по которому тропинка идетъ отъ перевала, быстро сблизились почти вплотную, образовавъ глубокое, крутое и чрезвычайно узкое ущелье; по дну его, клубясь и пѣнясь, каскадами срывался небольшой потокъ. Это не ущелье, — это какая-то тѣснина-щель, прорубленная въ гранитномъ тѣлѣ горъ могучею рукой природы. Высокія боковыя скалы отвѣсными стѣнами идутъ почти не прерываясь; ширина промежутка между ними зачастую не превышаетъ 10 метровъ; тропинка цѣпляется надъ обрывомъ по узкому, косому карнизу, во многихъ мѣстахъ размытому и обвалившемуся до половины; то и дѣло она перебѣгаетъ черезъ потокъ, заваленный огромными камнями и обломками скалъ; нигдѣ ни одного мостика — всѣ переправы вбродъ; и такой спускъ вплоть до ст. Ши-іо-цзы, т. е. на протяженіи около шести верстъ.

По ущелью мы подвигались уже при полной темнотѣ. Продѣвъ согнутую руку въ повода, шли другъ за другомъ, не глядя подъ ноги и только стараясь не терять изъ виду чуть бѣлѣвшую впереди полоску тропинки. Лошадь въ поводу — съ ея инстинктомъ и чутьемъ — въ такихъ случаяхъ самый надежный спутникъ: если оступишься или споткнешься, то удер-

1) Тюркское названіе — «уларъ» اولار; по-китайски 雪 鷄 сюэ-цзи, т. е. «снѣжная курица».

2) Въ общемъ перевалъ нельзя назвать труднымъ, особенно если принять во вниманіе, что мы имѣемъ дѣло съ Тянь-шанемъ. Одинъ изъ членовъ нашей маленькой экспедиціи почти весь путь отъ перваго мостика прошелъ пѣшкомъ и сѣлъ на лошадь только передъ самымъ переваломъ на послѣдней полуверстѣ, чтобы выиграть время и выбраться на верхъ за-свѣтло.

жишься на поводѣ; если собьешься съ тропинки и слишкомъ приблизишься къ обрыву, — животное станетъ и упрется и этимъ предупредитъ паденіе, возможное каждую минуту.

Несмотря на всѣ препятствія, мы двигались довольно быстро: подгоняла крутизна спуска. Время отъ времени взглядывали на компасъ и часы, освѣщая циферблатъ папиросой. Общее направленіе ущелья — на Ю.-В. Передъ ст. Ши-іо-цзы оно дѣлаетъ небольшой полукруглый изгибъ. У самой станціи съ нимъ сливается боковая щель и ниже соединенія скалы сильно раздвигаются. Отъ перевала до Ши-іо-цзы мы шли 2 часа 10 минутъ.

Въ Ши-іо-цзы 石窰子, кромѣ небольшого постоялаго двора, есть нѣчто въ родѣ таможеннаго и полицейскаго поста, гдѣ живутъ два стражника. На обязанности ихъ лежитъ охранять дорогу, провѣрять провозимые товары по предъявленнымъ накладнымъ, а также выдавать эти накладныя караванамъ, еще не успѣвшимъ запастись ими, идя изъ такихъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ учрежденій, завѣдывающихъ выдачею провозныхъ свидѣтельствъ. Никакихъ сборовъ (кромѣ, конечно, взятокъ) здѣсь не взимается. Подобные таможенные посты, называемые «ка-дзы» 卡子, разбросаны по всѣмъ торговымъ дорогамъ и подчинены не таможеннымъ властямъ, а уѣзднымъ начальникамъ. Въ Китаѣ, кромѣ пограничнаго и провинціальнаго таможеннаго обложенія, существуютъ еще мѣстные, такъ сказать, земскіе таможенные сборы; они идутъ на устройство дорогъ, мостовъ и прочія мѣстныя нужды, а чаще всего — въ карманы уѣздныхъ начальниковъ.

Отъ содержателя постоялаго двора и стражниковъ получили свѣдѣнія о всѣхъ иностранцахъ, проходившихъ черезъ перевалъ. Оказалось, что въ послѣднее время здѣсь проходили многіе и, въ томъ числѣ, кто-то изъ экспедиціи г. Pelliot, но, повторяю, — въ послѣднее время; честь же, такъ сказать, «открытія» этого перевала принадлежитъ В. П. Портныхъ, который первый прошелъ черезъ него (въ 1903 году), а затѣмъ сталъ имъ пользоваться самъ и указалъ на него другимъ [1]).

Отъ Ши-іо-цзы дорога нѣкоторое время сохраняетъ направленіе на Ю.-В. Вчерашній бурливый потокъ теряется въ камняхъ и пескѣ верстахъ въ двухъ ниже станціи. Спускъ становится значительно отложе. Мѣстность совершенно безлѣсна. Вообще на южномъ склонѣ хребта нѣтъ почти никакой растительности. Пройдя около 4 верстъ вступили въ широкое поперечное ущелье и направились по нему прямо на югъ. До станціи Сань-

1) О существованіи этого перевала впервые сообщилъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло съ указаніемъ, что это перевалъ снѣжный (op. cit., I, стр. 226).

сань-коу дорога не мѣняетъ этого направленія. Ущелье безводно и очень каменисто. Мелкіе угловатые обломки породъ лежатъ сплошнымъ слоемъ; если бы не камни, то по ущелью возможно было бы ѣхать рысью, такъ какъ уклонъ совершенно незамѣтенъ. Впереди въ концѣ ущелья виднѣются купы тополей и тальника; за ними лежитъ небольшой разработанный подъ пашню участокъ. Отъ Ши-іо-цзы до Сань-сань-коу 14 верстъ.

Станція (постоялый дворъ) Сань-сань-коу 三山口 расположена въ устьѣ упомянутаго каменистаго ущелья при сліяніи его съ широкимъ ущельемъ рѣчки «Джуван-терекъ» (جوان تيراك въ мѣстномъ произношеніи — «Юган-терекъ»). Это полноводная большая горная рѣчка, разбившаяся въ своемъ широкомъ руслѣ на нѣсколько рукавовъ. Около Сань-сань-коу въ нее вливаются десятки ручейковъ, вышедшихъ неподалеку изъ ключей.

Кстати, нѣсколько словъ о названіи пройденнаго нами перевала. Называютъ его различно: въ Джимисарѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Турфанскаго; въ Турфанѣ его именуютъ Гу-чэнскимъ; нѣсколько разъ пришлось слышать названіе Ши-іо-цзы-дабанъ, т. е. перевалъ Ши-іо-цзы, и наконецъ, зачастую, перевалъ называютъ Джуван-терекъ-дабанъ, т. е. перевалъ рѣчки Джуван-терекъ. Послѣднія два названія, пожалуй, самыя популярныя.

Итакъ, горный проходъ между Джимисаромъ и Турфаномъ существуетъ. Остается только выяснить вопросъ, возможно ли пріурочивать къ нему перевалъ, описаніе котораго находимъ въ реляціи посла Ванъ-янь-дэ.

Сравнивая это описаніе съ нашими свѣдѣніями о перевалѣ, съ перваго взгляда надо сказать, что они весьма мало совпадаютъ.

Ванъ-янь-дэ, прошедшій черезъ горы въ лѣтнее время, указалъ, что «по всему перевалу (лежали) густые пласты снѣга» и что «проходить ими могутъ путешественники, лишь закутавшись въ шерстяную одежду». Присутствіе массы снѣга и низкая температура, заставляющая путниковъ прибѣгать къ теплому платью, отмѣчены какъ явленіе болѣе или менѣе постоянное, а потому невольно выступаетъ предположеніе, что на самомъ перевалѣ или совсѣмъ по-близости находился ледникъ. Нѣчто подобное сообщалъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, какъ указано выше, и Г. Е. Грумъ-Гржимайло. На ряду съ этимъ Ванъ-янь-дэ даетъ и еще одну второстепенную справку: «На самой вершинѣ перевала . . . . . на камнѣ надпись: «Сяо-сюэ-шань» 小雪山 (Малая снѣговая гора).

Никакихъ ледниковъ, никакого камня съ надписями мы на перевалѣ не нашли. Отсутствіе послѣдняго, конечно, еще ничего не доказываетъ, такъ какъ камень могъ упасть и разбиться или же просто кто-нибудь унп-

чтожилъ надпись. Что же касается ледника, то, если онъ раньше дѣйствительно былъ, возможно предположить, что за тѣ девять столѣтій, которыя отдѣляютъ насъ отъ временъ Ванъ-янь-дэ, ледникъ этотъ могъ растаять; или, можетъ быть, растаяла небольшая часть его, занимавшая пространство у перевала, а главная масса льда и до настоящаго времени залегаетъ гдѣ-нибудь по близости, напримѣръ, въ верховьяхъ Да-лунъ-коу.

Если допустить это предположеніе, то остальныя свѣдѣнія относительно перевала начинаютъ совпадать. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Ванъ-янь-дэ прибылъ въ Бишбалыкъ черезъ день послѣ того, какъ поднялся на хребетъ; иначе говоря, съ перевала до Бишбалыка онъ шелъ около двухъ дней. Этотъ переходъ вполнѣ соотвѣтствуетъ разстоянію отъ перевала до По-чэнъ-цзы. Въ настоящее время вьючные караваны, идя изъ Турфана въ Джимисаръ, ночуютъ на южномъ склонѣ послѣдній разъ обыкновенно въ Ши-іо-цзы; отсюда они выходятъ съ разсвѣтомъ и къ вечеру достигаютъ селенія Цюань-цзы-гяй, а на другой день около полудня приходятъ уже въ Джимисаръ. Но нерѣдко послѣдній ночлегъ на южномъ склонѣ бываетъ ниже Ши-іо-цзы на ст. Сань-сань-коу, откуда въ Джимисаръ можно попасть только на второй день къ вечеру, при чемъ, идя отъ Сань-сань-коу, первый переходъ дѣлаютъ до Сы-дао-цяо. Если Ванъ-янь-дэ до подъема на хребетъ ночевалъ послѣдній разъ въ Сань-сань-коу, или, вѣрнѣе, тамъ, гдѣ теперь находится эта станція, то, выступивъ отсюда съ разсвѣтомъ и переваливъ хребетъ, онъ обязательно долженъ былъ заночевать гдѣ-нибудь въ верху ущелья и во всякомъ случаѣ не ниже Сы-дао-цяо. На другой день онъ могъ дойти до Цюань-цзы-гяй и даже выйти изъ предгорій, но добраться до Бишбалыка — По-чэнъ-дзы раньше вечера не успѣлъ бы, а потому сдѣлалъ еще одинъ ночлегъ, чтобы пріѣхать въ столицу днемъ, т. е. въ такое время, когда для всѣхъ удобнѣе было выполнить церемоніалъ почетной встрѣчи посла.

Такой маршрутъ вполнѣ допустимъ, но только при этихъ условіяхъ Ванъ-янь-дэ долженъ былъ итти очень быстро, чего вообще трудно было бы отъ него ожидать, во-первыхъ, какъ отъ *китайскаго* сановника, а во-вторыхъ, какъ отъ посла. А потому гораздо вѣроятнѣе, что Ванъ-янь-дэ двигался не торопясь, въ 5 сутокъ прошелъ изъ Турфанскаго оазиса до Ши-іо-цзы, каковое разстояніе обыкновенно дѣлаютъ въ 3—4 сутокъ[1]), а отсюда, также не спѣша, въ $2^1/_2$ перехода достигъ Бишбалыка, лежав-

1) Отъ Турфана до ст. Ши-іо-цзы три перехода: Шаптала, Сань-сань-коу и Ши-іо-цзы; Ванъ-янь-дэ шелъ не изъ гор. Турфана, вѣроятно, а изъ Идыгот-шара (Цянь-типъ), откуда до Турфана еще полъ-перехода.

шаго на 8 верстъ далѣе современнаго Джимисара, до котораго отъ Ши-іо-цзы же погонщики ословъ (ишакчи) обыкновенно дѣлаютъ только полтора перехода. Такое распредѣленіе пути Ванъ-янь-дэ тоже вполнѣ возможно.

Есть и еще одно маленькое указаніе въ пользу того, что Ванъ-янь-дэ шелъ изъ Турфана въ древній Бишбалыкъ именно нашимъ переваломъ: въ его реляціи говорится, что путешествуя черезъ горы онъ прошелъ «Долиной Дракона», а это названіе совпадаетъ съ названіемъ ущелья, по которому идетъ современная дорога черезъ хребетъ, и горнаго потока, именуемыхъ «Да-лунъ-коу» 大龍口, что въ переводѣ значитъ «Проходъ Большого Дракона».

Чтобы исчерпать всѣ возможныя комбинаціи пути Ванъ-янь-дэ, слѣдуетъ упомянуть еще, что на сѣверномъ склонѣ хребта, между 2-мъ и 3-мъ мостиками, по боковому ущелью съ порядочной рѣчкой ушла вверхъ въ Ю.-В. направленіи небольшая тропинка, по которой, какъ намъ объяснили, можно пройти до самой вершины хребта. Когда мы, переваливъ черезъ горы, шли отъ ст. Ши-іо-цзы, то въ 3—4 верстахъ ниже ея вступили въ широкое, пологое, видимо, очень длинное ущелье, уходившее вверхъ почти на С. По нашимъ разсчетамъ, вершины этого ущелья и вышеупомянутаго ущелья съ тропинкой должны совпадать. Быть можетъ, во времена Ванъ-янь-дэ дорога черезъ перевалъ шла именно здѣсь и вполнѣ допустимо, что въ этомъ мѣстѣ, въ вершинѣ хребта, есть ледникъ, изъ-за котораго въ позднѣйшее время дорога была оставлена и найденъ новый путь въ обходъ по боковой щели черезъ Ши-іо-цзы. Къ сожалѣнію, отъ мѣстныхъ жителей ничего не удалось узнать на счетъ этого предполагаемаго прохода.

Впрочемъ, все это только гипотезы, въ большей или меньшей степени допустимыя, и всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя явились бы недостаточнымъ основаніемъ для правильнаго возстановленія пути Ванъ-янь-дэ, если бы къ нимъ не присоединилось еще одно, очень важное обстоятельство, а именно — отсутствіе между Турфанскимъ оазисомъ и Бэй-лу въ районѣ отъ Урумчи до Ци-тай другого перевала черезъ горный хребетъ, кромѣ описаннаго[1]). Вѣдь, не черезъ Буилукъ же шелъ Ванъ-янь-дэ. Отъ этого перевала до По-чэнъ-дзы пять основательныхъ переходовъ и чтобы сдѣлать ихъ хотя бы въ два съ лишнимъ дня, Ванъ-янь-дэ долженъ былъ бы скакать въ Бишба-

1) Восточнѣе вершины Богдо-ўла въ горахъ есть небольшая тропинка, которой можно пройти черезъ хребетъ отъ ст. Са-ѣ-пу (у южнаго склона) въ Цзи-ни-цюань-цзы (на Бэй-лу); это воровская тропинка, проложенная киргизами-барантачами; теперь почти всѣхъ киргизовъ выдворили изъ Ди-хуаской области и тропинка потеряла свое «значеніе».

лыкъ сломя голову. Слишкомъ мало основаній для такого предположенія, а потому до тѣхъ поръ, пока между Джимисаромъ и Ци-тай не будетъ открытъ новый доступный горный проходъ въ Турфанъ, — позволительно утверждать, что Ванъ-янь-дэ шелъ въ древній Бишбалыкъ именно тѣмъ переваломъ, которымъ прошли мы, т. е. черезъ Сань-сань-коу—Ши-іо-цзы и по ущелью Да-лунъ-коу; если бы это было не такъ, то надо было бы дать иное объясненіе всему тому, что было нами найдено, а самое главное — отыскать новыя развалины, болѣе грандіозныя, чѣмъ По-чэнъ-цзы. Такихъ развалинъ въ соотвѣтствующемъ районѣ Бэй-лу нѣтъ. По-чэнъ-цзы — это древній Бишбалыкъ!

Въ Сань-сань-коу намъ сообщили, что, кромѣ дороги на Турфанъ, отсюда есть прямая тропинка въ Да-бань-чэнъ. Заинтересовавшись этой тропинкой, а также имѣя въ виду выиграть время и поскорѣе возвратиться въ Урумчи, — мы рѣшили раздѣлиться. Въ Турфанъ поѣхалъ одинъ В. П. Портныхъ и описаніе участка дороги отъ Сань-сань-коу до этого города сдѣлано на основаніи его замѣтокъ; остальные же участники экскурсіи свернули прямо на Да-бань-чэнъ.

Отъ Сань-сань-коу нѣсколько верстъ мы ѣхали всѣ вмѣстѣ, подвигаясь на Ю.-З. внизъ по ущелью Джуван-терека. Перекинувшись на лѣвый берегъ рѣчки, тропинка почти все время идетъ по дну ущелья и только въ одномъ мѣстѣ зачѣмъ-то взбирается на очень высокій, обрывистый карнизъ, хотя безпрерывное движеніе по самому руслу вполнѣ возможно.

На пятой верстѣ ущелье значительно суживается, дѣлаетъ крутой загибъ и вмѣстѣ съ турфанской тропинкой уходитъ почти на Ю. Противъ вершины угла, образованнаго поворотомъ ущелья, правый склонъ послѣдняго, который отъ самаго Сань-сань-коу шелъ, все время понижаясь, образуетъ глубокую сѣдловину; по ней, бросивъ русло Джуван-терека и взявъ курсъ на С. З. З., уходитъ тропинка въ Да-бань-чэнъ. За сѣдловиной перпендикулярно направленію тропинки, постепенно склоняющейся къ Ю. З. З., прошелъ неглубокій сухой логъ; онъ спускается къ Джуван-тереку и входитъ въ него, разорвавъ невысокую скалистую цѣпь, составляющую правую грань ущелья; это — послѣдній логъ, принадлежащій къ системѣ Турфанской долины. Его западный берегъ является какъ бы линіей водораздѣла: за нимъ всѣ рѣчки, ручьи, скаты и спуски направляются уже въ Да-бань-чэнскую котловину. Ниже соединенія лога съ Джуван-терекомъ разорванная цѣпь правой грани ущелья круто поднимается высокимъ массивнымъ гребнемъ и превращается въ самостоятельный хребетъ, уходящій на Ю. З. З. Онъ служитъ смычкой между двумя параллельно идущими ко-

печными цѣпями Восточнаго Тянь-шаня[1]) и раздѣляетъ Турфанскій и Дабань-чэнскій оазисы. Наши киргизы дали этому промежуточному хребту названіе Кара-тау (Черныя горы).

Съ упомянутой линіи водораздѣла тропинка беретъ направленіе на Ю. З. З., идя параллельно Кара-тау. Дальнѣйшій путь представляетъ длинный отлогій спускъ въ котловину. Впереди все время видны бѣлѣющія заросли Да-бань-чэнскаго камыша и чія. Справа за широкой открытой покатостью, исчерченной каменистыми руслами ручьевъ и рѣчекъ, рельефно вырисовываются неизмѣнные три пика г. Богдо-ўла.

На 28-й верстѣ съ С.-В. подошла мутная рѣчка. По ней въ заросляхъ карагача расположены нѣсколько китайскихъ заимокъ. Кругомъ много пашенъ. Сѣютъ пшеницу. Мѣстность называется Дунъ-гоу. Названіе рѣчки точно выяснить не удалось; во всякомъ случаѣ или она сама, или другая рѣчка, рукавомъ которой она является, носитъ названіе Гоу-нэй-цзы. Рѣчка эта доходитъ до Да-бань-чэнскихъ пашенъ, но по дорогѣ сливается съ другими рѣчками и всѣ вмѣстѣ являются въ Да-бань-чэнъ уже безъ опредѣленнаго названія.

Отъ Дунъ-гоу въ Да-бань-чэнъ проложена большая колесная дорога. Въ сущности сообщеніе съ Да-бань-чэномъ на колесахъ возможно отъ пунктовъ, лежащихъ гораздо выше, — отъ Сань-сань-коу и даже почти отъ Ши-іо-цзы, и если въ настоящее время здѣсь колесной дороги не существуетъ, то это только потому, что некому и не зачѣмъ по ней ѣздить.

Отъ Дунъ-гоу до Да-бань-чэна около 20 верстъ. Дорога выходитъ на Турфанскій трактъ въ трехъ верстахъ выше города.

Дальнѣйшій путь въ Урумчи по всѣмъ извѣстной и много разъ уже пройденной трактовой дорогѣ представляетъ мало интереса, а потому перейдемъ къ описанію участка Сань-сань-коу — Турфанъ. Эту часть пути, какъ упоминалось выше, сдѣлалъ В. П. Портныхъ, которому и предоставляю слово.

«Разставшись съ Б В. Д. на поворотѣ ущелья, верстахъ въ пяти ниже Сань-сань-коу, я поѣхалъ внизъ по Джуван-тереку, направляясь на Ю.-Ю. З. Тропинка почти все время идетъ по самому дну ущелья. На 20-й верстѣ, считая отъ Сань-сань-коу, она крутыми зигзагами взбирается на лѣвый береговой склонъ ущелья и выходитъ на каменистую площадку. Пройдя еще нѣкоторое разстояніе параллельно рѣчкѣ, тропинка покидаетъ

1) Сѣверная цѣпь — Богдо-ўла и снѣжный хребетъ, уходящій отъ нея къ востоку названіе южной цѣпи окончательно выяснить не удалось: ее называютъ и «Лэнъ-сань» (Холодныя горы) и «Субашигоу»; этотъ хребетъ тоже снѣжный.

Джуван-терекъ и, переваливъ черезъ лѣвый склонъ ущелья, спускается въ продолговатую, окруженную невысокими голыми хребтами котловину; этой котловиной она идетъ на протяженіи около 20 верстъ, направляясь почти на Ю. съ небольшимъ склоненіемъ къ Ю.-В. Не доѣзжая станціи Шаптала, хребты, окружающіе котловину, сближаются, образуя ущелье съ сухимъ русломъ; вода въ немъ бываетъ лишь во время сильныхъ дождей; дорога идетъ по самому руслу; ближе къ станціи вдоль него попадаются кустарникъ и немного черной березы.

«Станція, или, вѣрнѣе, постоялый дворъ, Шаптала, стоитъ на правомъ берегу рѣчки того же названія, образовавшейся неподалеку изъ ключей. Около постоялаго двора разведенъ небольшой садикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Къ С.-В. отъ Шапталы въ горахъ есть небольшія каменноугольныя копи. Добыча угля очень незначительна.

«Между Сань-сань-коу и Шапталой около 37 верстъ.

«Отъ Шапталы дорога, сохраняя первоначальное направленіе на Ю.Ю. В., около 15 верстъ идетъ правымъ берегомъ рѣчки, а затѣмъ переправляется на лѣвый и выходитъ къ маленькому постоялому двору Кичекъ. Рѣчка Шаптала все время бѣжитъ въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ, поросшихъ тополемъ и тальникомъ. За Кичскомъ она течетъ уже по разработанному руслу. Въ трехъ верстахъ ниже Кичека дорога сворачиваетъ на Ю.-В. и не мѣняетъ своего направленія вплоть до Турфана. Верстъ за десять отъ города начинаются линіи оросительныхъ колодцевъ-кярызей. Дорога часто вплотную подходитъ къ колодцамъ, и такъ какъ послѣдніе ничѣмъ сверху не закрыты, то при ѣздѣ по этимъ мѣстамъ въ ночное время нужно соблюдать большую осторожность. Отъ Шапталы до Турфана около 36 верстъ; колесное движеніе возможно отъ того мѣста, гдѣ дорога покидаетъ ущелье Джуван-терека».

V.

Развалины Чанбалыка.

Въ Бэй-лу процвѣтало нѣкогда знаменитое «пятиградіе»; центромъ его являлся описанный выше Бишбалыкъ («Пять городовъ»), Дзинь-мань, Бэй-тинъ, Бѣ-сы-ма, Ву-чэнъ—подъ этими именами онъ извѣстенъ въ разное время своего существованія. Въ «Цзю-танъ-шу» говорится: «. . . . здѣсь было пять городовъ, почему и туземное названіе (этой мѣстности) было «территорія пяти городовъ»[1]).

---

1) Chavannes, op. cit., p. 11.

Итакъ, къ сѣверу отъ Тянь-шаня послѣ Бишбалыка остается найти еще по крайней мѣрѣ 4 болѣе или менѣе значительныхъ уйгурскихъ города. Я упоминалъ уже о двухъ городищахъ близъ Гу-чэна; остановлюсь еще па третьемъ.

Армянскій царь Хетумъ (Гайтонъ) и китайскій монахъ Чанъ-чунь въ разное время посѣтили уйгурскій городъ «Джан (или Чан) балыкъ»; согласно даннымъ изъ маршрутовъ этихъ путешественниковъ, онъ долженъ былъ находиться приблизительно на мѣстѣ современнаго города Чанъ-цзи (въ просторѣчьѣ — Сань-чжи, лежитъ къ сѣверо-западу отъ Урумчи верстахъ въ 30—35)[1]). Регель первый указалъ, что къ сѣверо-востоку отъ Чанъ-цзи сохранились древнія развалины, похожія, по его словамъ, на развалины въ Турфанской долинѣ[2]). По поводу сообщенія Регеля Грумъ-Гржимайло пишетъ слѣдующее: «...Я не могу найти подтвержденія этому извѣстію у другихъ путешественниковъ; сами же мы видѣли въ указанномъ Регелемъ направленіи однѣ лишь развалины хуторовъ»[3]).

Нынѣ однако сообщеніе Регеля слѣдуетъ считать подтвержденнымъ. Въ полуверстѣ отъ Чанъ-цзи, дѣйствительно, есть древнее городище, лежащее къ С. В. В. отъ городского базара, т. е. приблизительно въ томъ самомъ направленіи, которое было указано Регелемъ. Городище имѣетъ въ окружности по линіи стѣнъ немного менѣе трехъ верстъ и занимаетъ площадь около $1/2$ квадратной версты. Стѣны его сохранились хуже, чѣмъ въ развалинахъ Бишбалыка, потому что, во-первыхъ, постройка ихъ менѣе капитальна и, во-вторыхъ, онѣ больше пострадали отъ окрестныхъ пахарей. Въ наиболѣе сохранившихся участкахъ можно найти остатки стѣнныхъ башенъ, а кое-гдѣ и полуразвалившіяся пещеры-комнаты. Башни очень значительны и своими размѣрами нѣсколько напоминаютъ башню «S» въ развалинахъ Бишбалыка. Слѣдовъ крѣпостного рва и остатковъ мелкихъ внутреннихъ строеній уже незамѣтно, такъ какъ вся площадь внутри городища и пространства, прилегающія къ стѣнамъ, сплошь заняты пашнями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились болѣе или менѣе значительныя отдѣльныя руины; сдѣлать относительно ихъ какое-нибудь предположеніе почти невозможно, такъ какъ руины совершенно утратили всякую форму. Остатки городскихъ воротъ хорошо замѣтны въ южной и западной стѣнахъ; сѣверная стѣна была глухая.

---

1) Bretschneider, Mediaeval Researches, II, p. 32; Грумъ-Гржимайло, op. cit., III, стр. 296.

2) Извѣстія Императорскаго Русск. Географ. Общества 1881, IV, стр. 209.

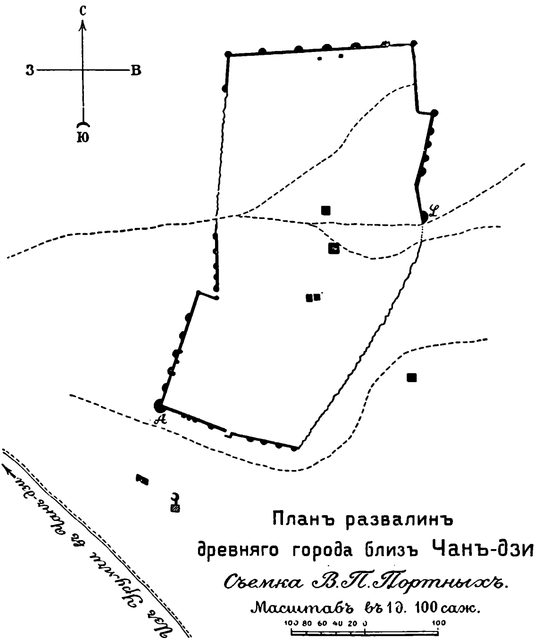
3) Грумъ-Гржимайло, т. III, стр. 296, прим. 5.

Мѣстные жители называютъ этотъ городъ «По-чэнъ-цзы» (разрушенный городъ, т. е. такъ же, какъ и развалины Бишбалыка), относятъ его къ типу Турфанскихъ городовъ и сравниваютъ съ развалинами близъ Кара-ходжа. Получить какія-нибудь свѣдѣнія относительно находокъ, сдѣланныхъ когда-либо въ почвѣ городища, не удалось; разсказываютъ только, что будто бы пять лѣтъ тому назадъ кто-то вырылъ въ развалинахъ большой ножъ около $1/2$ пуда вѣсомъ.

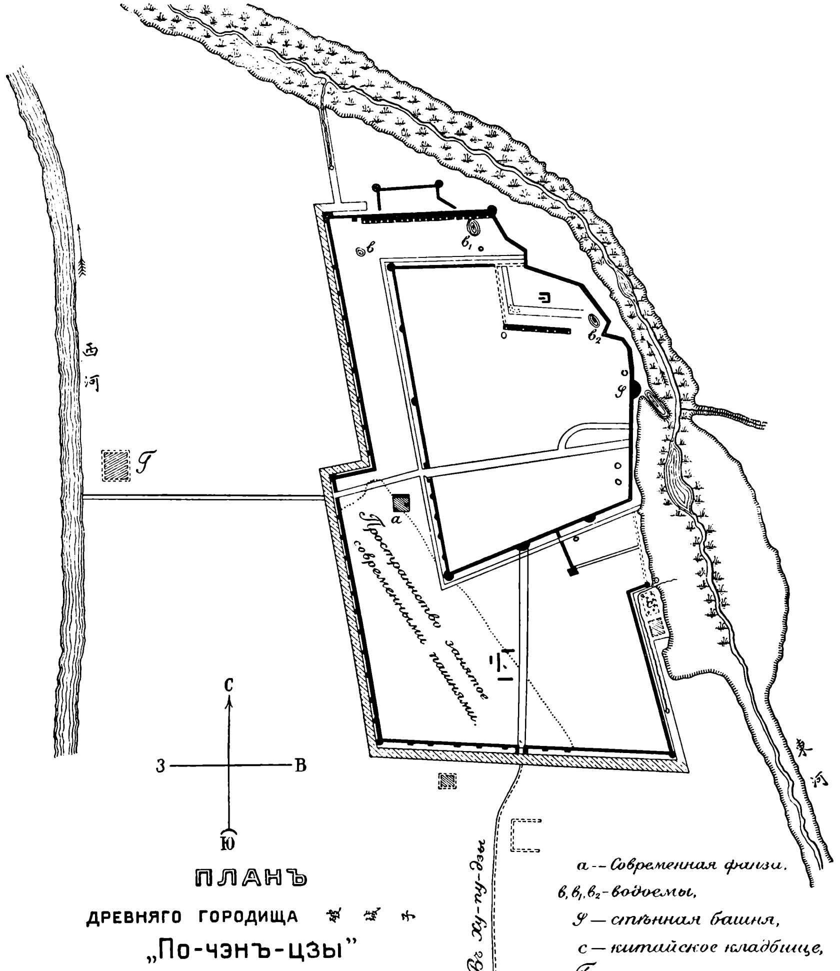
Прилагаемый планъ городища снятъ В. П. Портныхъ; по его же указаніямъ составлено описаніе этого памятника.

Б. В. Долбежевъ.

Урумчи, 20 февраля 1909 г.

Планъ развалинъ
древняго города близъ Чанъ-дзи.
Съемка В. П. Портныхъ.
Масштабъ въ 1д. 100 саж.
100 80 60 40 20 0 100

ПЛАНЪ

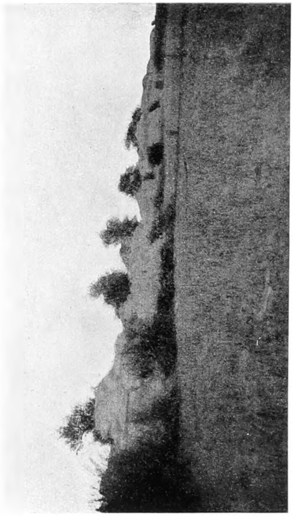
ДРЕВНЯГО ГОРОДИЩА 破城子

„По-чэнъ-цзы"

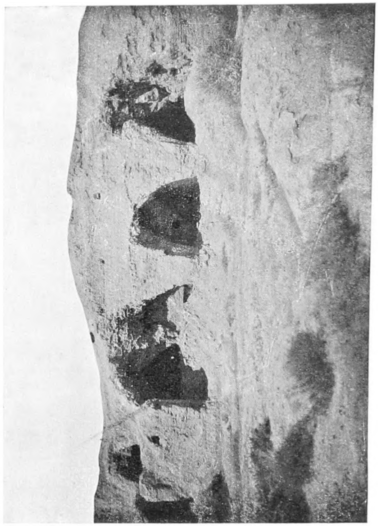
въ окрестностяхъ г. Джимисара

Масштабъ: 100 саж. въ дюймѣ.

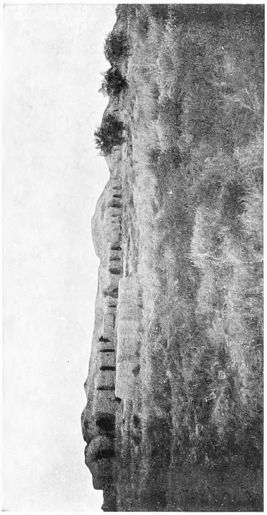
100 80 60 40 20 0 100

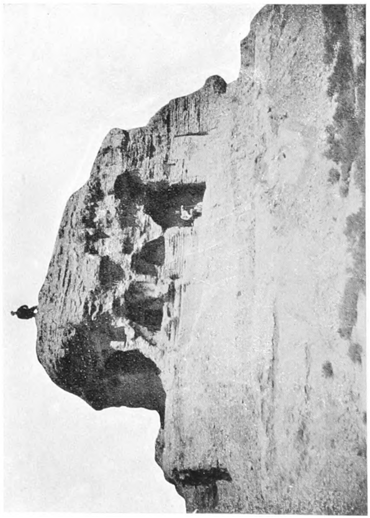
2. Южная стѣна

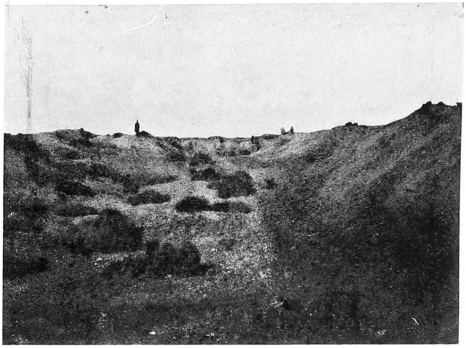
1. Помѣщенія въ толщѣ сѣверной стѣны.

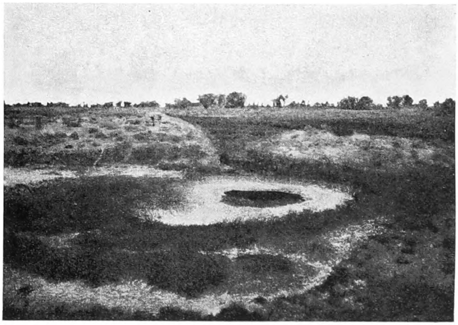
1. Сѣверная стѣна.

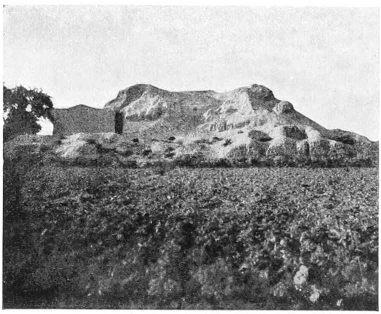
Башня у восточной стѣны.

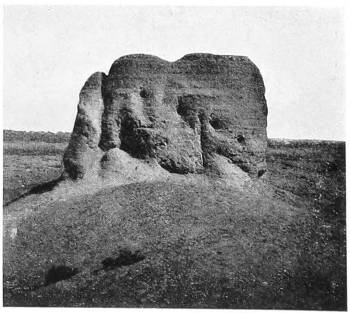
5. Слѣды улицы.

6. Водоемъ.

7. Башня внѣ города.

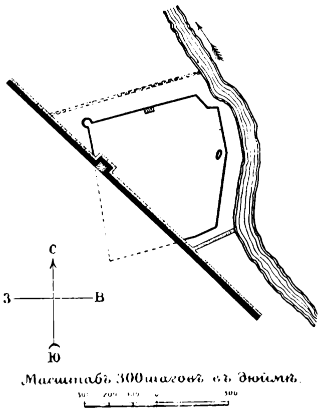

8. Башня въ Гу-чэнѣ.

ПЛАНЫ
РАЗВАЛИНЪ ДВУХЪ ДРЕВНИХЪ ГОРОДИЩЪ БЛИЗЪ Г. ГУ-ЧЭНА.

№ 1.

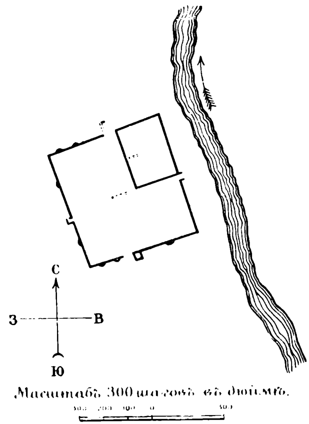
Рядомъ съ городомъ.

Масштабъ 300 шаговъ въ дюймѣ.

№ 2.

Въ 4-хъ верстахъ за городомъ.

Масштабъ 300 шаговъ въ дюймѣ.

Арабскія рукописи въ русскихъ монастыряхъ.

(Библіографическая загадка).

Среди обширной литературы по арабской поэзіи есть одна небольшая книжка J. Altmann'а, которая никогда не привлекала вниманія спеціалистовъ и даже крайне рѣдко встрѣчается въ библіографическихъ обзорахъ или антикварныхъ каталогахъ[1]). Спеціалисты правы; едва ли эта книжка заслуживаетъ особаго выдѣленія изъ массы однородныхъ произведеній, появившихся въ эпоху романтизма, въ періодъ увлеченія эстетическимъ методомъ въ изученіи арабской поэзіи. Предназначалась она для широкаго круга читателей; составитель сборника, хорошо знакомый съ произведеніями этого рода, которыя онъ перечисляетъ[2]), имѣлъ цѣлью дополнить *Ҳамāсу* Абӯ-Теммāма въ переводѣ «геніальнаго» Rückert'а, равно какъ и *Китāб-ал-агāнӣ*, до сихъ поръ извѣстную только въ арабскомъ оригиналѣ (стр. V). Упоминаетъ онъ «со вкусомъ составленные» сборники ас̱-Са'āлибӣ, которые нашли своихъ толкователей въ лицѣ Hammer'а, Flügel'я и Dieterici. Предлагаемый имъ сборникъ даетъ пѣсни въ стилѣ 'Омара-ибн-абу-Рабӣ'а, Имруулқайса, Зухейра и др. (стр. VI); по времени онѣ относятся «къ днямъ Муҳаммеда» (стр. XVIII). Въ самомъ заглавіи «Арфа пустыни», въ рисункѣ фронтисписа чувствуется отголосокъ романтическаго настроенія; на распредѣленіи матеріала и названіи главъ сказалось съ очевидностью вліяніе упоминаемой обработки *Ҳамāсы*. Сборникъ разбитъ на 10 книгъ: первая содержитъ «Пѣсни любви» (111 стихо-

---

1) Die Wüstenharfe. Eine Sammlung arabischer Volkslieder. Nach in Ruszland befindlichen, zum Theil slawisirten, zum Theil latinisirten Codices zum ersten Male ins Deutsche übertragen von Dr. Julius Altmann, mehrerer gelehrten Societäten in Preuszen und Ruszland wirklichem und correspondirendem Mitgliede. Leipzig: Verlag von Falcke und Röszler. 1856. 16⁰ стр. XX+184.

2) На стр. XVII—XVIII имъ названъ рядъ сыгравшихъ въ свое время роль работъ Hammer'а, Rückert'а, Schack'а, Dieterici, Bohlen'а и др.

твореній, страница 1—40), вторая — «Шутки» (84 ст., стр. 41—70), третья «Изреченія хорошаго тона» (Sprüche der feinen Sitte = арабск. *ал-адаб*, 36 ст., стр. 71—88), четвертая «Пѣсни гостепріимства и прославленія» (13 ст., стр. 89—94), пятая «Пѣсни героическія и боевыя» (21 ст., стр. 95—108), шестая «Элегіи по умершимъ» (23 ст., стр. 109—120), седьмая — «Пѣсни насмѣшки и порицанія» (44 ст., стр. 121—138), восьмая «Порицаніе женщинъ» (28+49 ст., стр. 139—166), девятая «Описанія» (3 ст., стр. 167—172) и десятая — «Путешествіе и отдыхъ» (9 ст., стр. 173—178). Согласно съ современной автору модой всѣ произведенія переведены, конечно, стихами, три раза съ сохраненіемъ даже размѣра оригинала[1]). Характерно отмѣтить, что въ предисловіи (стр. VI—VIII) приводится письмо одного изъ друзей автора (kunstsinniger Freund des Alterthums und Beleber des Poesie in der Neuzeit, der edle Moritz Bournot) съ отзывомъ о сборникѣ, по своей формѣ представляющимъ подражаніе рюккертовской обработкѣ *макāмъ* ал-Ҳарӣрӣ. Переводъ изданъ почти безъ всякихъ примѣчаній, и только въ концѣ книжки имѣются Erklärungen (стр. 178—183), дающія объясненія нѣкоторыхъ арабскихъ словъ, оставленныхъ въ стихотвореніяхъ безъ перевода, преимущественно же собственныхъ именъ. Арабскія слова и имена въ книгѣ передаются сравнительно точно, хотя отсутствіе транскрипціи не всегда даетъ возможность установить арабскій первоисточникъ въ менѣе извѣстныхъ случаяхъ. Эти имена, равно какъ и самый переводъ не доставляютъ вѣскихъ данныхъ для рѣшенія вопроса, зналъ ли переводчикъ непосредственно арабскій языкъ; однако, выражаемое имъ желаніе посвятить арабской антологіи Ас̱-С̱а'āлибӣ спеціальную работу (стр. XIV), равно какъ приводимое разъ извлеченіе изъ арабскихъ схолій (стр. 106—108) склоняютъ къ утвердительному отвѣту. Вообще же по своему содержанію книга не представляетъ интереса для арабистовъ; только въ указаніи источниковъ есть одинъ пунктъ первостепенной важности, который слѣдовало бы отмѣтить для свѣдѣнія не однихъ русскихъ арабистовъ, но и вообще знатоковъ русской письменности. Какого либо упоминанія о книжкѣ мнѣ не встрѣчалось ни въ одной русской работѣ; этимъ и объясняется мое, быть можетъ, преувеличенное вниманіе къ работѣ мало извѣстнаго, одного изъ тысячъ нѣмецкихъ докторовъ философіи.

Дѣло въ томъ, что уже въ подзаголовкѣ книги имѣется одна фраза, которая заинтриговываетъ съ перваго взгляда. Сборникъ, по словамъ Altmann'a, составленъ изъ переводовъ «по находящимся въ Россіи, частью

---

1) Стр. 43, № 1 — мутакāрибъ, стр. 91, № 3 — мадӣдъ, стр. 111, № 1 — мутакāрибъ.

славянскимъ, частью латинскимъ рукописямъ». Такъ какъ русскимъ арабистамъ, насколько я знаю, до сихъ поръ неизвѣстно въ Россіи никакихъ переводовъ непосредственно съ арабскаго ни на русскомъ, ни на латинскомъ языкѣ, то уже такое указаніе представляется достаточно загадочнымъ. Но изумленіе наше еще болѣе увеличивается, когда изъ обширнаго предисловія составителя (стр. IX—XV) мы узнаемъ не только мѣсто нахожденія этихъ рукописей, но иногда и достаточно обстоятельное ихъ описаніе. Не меньшей неожиданностью является и то, что на ряду съ русскими, славянскими и латинскими переводами арабскихъ стихотвореній обнаруживается былое существованіе цѣлаго ряда арабскихъ рукописей. Малая извѣстность книжки оправдаетъ меня, если въ дальнѣйшемъ я изложу достаточно подробно это единственное въ своемъ родѣ извѣстіе [1]).

Составитель начинаетъ свое предисловіе съ указанія (стр. V), что антологія предпринята по иниціативѣ издательства и основана на недоступныхъ раньше источникахъ «въ монастыряхъ полупустынныхъ степей» (in Klöstern halbwüster Steppen). Бросивъ вскользь это замѣчаніе, онъ характеризуетъ самую идею своего изданія, о которой уже говорилось выше, и приводитъ упомянутое письмо Bournot, не интересное для насъ, но характерное для науки той эпохи. Детальному обзору источниковъ у Altmann'а посвящено по счастію почти шесть страницъ (IX—XV). Коснувшись малой изслѣдованности матеріаловъ, находящихся въ Россіи, и упомянувъ съ похвалой о работахъ Frähn'а, Sjögren'а и Dorn'а, онъ называетъ цѣлый рядъ собраній, на которыхъ не останавливается ближе, какъ «на достаточно извѣстныхъ лингвистамъ и историкамъ литературы» (стр. IX). Списокъ получается достаточно внушительный: въ немъ фигурируютъ — библіотеки русскихъ университетовъ, особенно Москвы, Казани и Кіева, Императорская Публичная Библіотека, Академія Наукъ съ Азіатскимъ Музеемъ, Главный Педагогическій Институтъ въ С.-Петербургѣ, Правительствующій Синодъ, Лазаревскій Институтъ, лицеи Ришелье въ Одессѣ, Демидовскій въ Ярославлѣ, Безбородко въ Нѣжинѣ, греческая Александровская школа тамъ же, Агабабовская армянская школа въ Астрахани, библіотеки различныхъ духовныхъ академій и семинарій и отдѣльныхъ свѣтскихъ гимназій и филологическихъ школъ. Нужно сознаться, что хотя авторъ и считаетъ всѣ эти мѣста извѣстными русскимъ изслѣдователямъ, но наличность восточныхъ рукописей въ нѣкоторыхъ изъ нихъ остается не выясненной для

1) Арабскія имена я возстанавливаю въ своей обычной транскрипціи тогда, когда форма ихъ *для меня* кажется ясной; въ противномъ случаѣ я привожу въ скобкахъ передачу ихъ у Altmann'а. Такъ же я поступаю и съ большинствомъ русскихъ названій, хотя ихъ нѣмецкая передача едва ли можетъ вызвать сомнѣнія.

спеціалистовъ и до нашихъ дней. Центръ всего интереса лежитъ, однако, въ слѣдующемъ далѣе описаніи рукописей нѣкоторыхъ монастырей.

Наиболѣе важнымъ по грандіозности (Massenhaftigkeit) и содержанію авторъ считаетъ (стр. X—XI) одно собраніе въ Троицко-Сергіевской лаврѣ у Москвы (Troizkoi Monastyr bei Moscau). Оно содержитъ больше 20 томовъ подъ общимъ названіемъ «Гномологическія книги» (Gnomologitscheskija Knigi) и было собрано съ большими издержками учеными Митрополитами Москвы и Архимандритами названнаго монастыря. Въ составъ собранія входятъ рукописи «турецкія, татарскія, бухарскія(?), персидскія, монгольскія, лезгинскія(?), грузинскія, армянскія, абессинскія, индійскія, китайскія, японскія, малайскія и много арабскихъ». Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ текстъ дается параллельно съ славянскимъ или русскимъ переводомъ, въ другихъ имѣется только переводъ безъ текста. Съ арабскими стихотвореніями сохранилось три тома XII—XIV. Двѣнадцатый называется «Вода изъ источника освѣженія» (Wasser aus dem Quell der Erquickung) и даетъ арабскій текстъ съ славянскимъ (altslawischer) переводомъ. Авторомъ сборника называется Ḳайс-ибн-Са'д-ибн-Са̄лим-ибн-ал-Х̣усейнъ, жившій по словамъ Altmann'а въ 113—192 г. хиджры (=731—807 по Р. Хр.). Изъ этого тома въ сборникѣ взяты два стихотворенія (№ 18 и 19) первой книги. Тринадцатый томъ названъ «Убѣжище мудрецовъ» (Die Herberge der Weisen) и представляетъ русскій переводъ арабскаго сборника Зійа̄да-ибн-Мух̱аммеда-ибн-Кус̱еййира-ибн-ал-Ма̄лика ал-Марра̄ра. Авторъ, по утвержденію Altmann'а, жилъ между 214—265 г. хиджры (=829—878 г. по Р. Хр.) и самъ былъ поэтомъ; изъ его антологіи взяты въ третьей книгѣ сборника № 6, 8, 10, 25, 35, 36 [1]). Наконецъ, четырнадцатый томъ подъ названіемъ «Аравійскія выдумки» (Arawiiskija Wydumki) представляетъ сборникъ, составленный, по мнѣнію Altmann'а, русскимъ изъ различныхъ арабскихъ источниковъ безъ опредѣленнаго хронологическаго и логическаго порядка и безъ указанія автора. Число заимствованныхъ изъ него стихотвореній очень велико [2]). Попутно можно отмѣтить, что именно это собраніе доставило автору матеріалъ для двухъ другихъ работъ, на которыя онъ ссылается въ примѣчаніи. Въ забытомъ теперь, но по счастію имѣющемся въ Петроградѣ журналѣ Magazin für die Literatur des Auslandes за 1855 годъ имѣются двѣ его статьи: пер-

---

1) Авторомъ послѣдняго стихотворенія называется Х̣уджр-ибн-'Амр-ибн-ал-Х̣арӣшъ изъ Салӯля.

2) Книга I, № 1—17, 20—34, 50—80, 89—111, кн. II, 9—49, кн. III, 1—5, 7, 9, 11—24, 26—34, кн. VII, 1—13, кн. VIIIa, 1—8, кн. VIIIb 1—17.

вая[1]) представляетъ собою извлеченіе изъ рукописнаго сборника лавры подъ названіемъ «Золотыя пословицы, выбранныя Фитомъ Араремъ Абиссинцемъ», вторая[2]) основана на XI томѣ тѣхъ же «Гномологическихъ книгъ», носящемъ заглавіе «Мудрость восточная».

Вслѣдъ за св. Троицкимъ монастыремъ авторъ называетъ (стр. XII) Иверскій на Валдаѣ (Iwerskoi monastyr auf höchster Terasse des Waldaigebirgs), гдѣ, по его словамъ, имѣется много арабскихъ рукописей, изъ которыхъ ему удалось использовать одинъ тонкій фоліантъ подъ шифрой А II[3]). Въ рукописи заключенъ только латинскій переводъ произведеній подъ заголовкомъ Congeries Poematum Arabicorum; изъ нея взяты стихотворенія № 5 и 6 пятой книги, самыя древнія по предположенію автора. Онъ выражаетъ сожалѣніе, что несмотря на шестикратный переходъ (Überschreitung) черезъ Валдайскую возвышенность ему не удалось побывать болѣе двухъ разъ въ монастырѣ, расположенномъ далеко отъ станціи, и основательнѣе изучить сборникъ. Авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы эта задача была исполнена русскими учеными, для которыхъ источникъ доступнѣе.

Особенно цѣнно собраніе произведеній старой и новой поэзіи въ одной рукописи Юрьевскаго монастыря у Ильменя (стр. XII—XIV: das Kloster des heiligen Jurij am Gestade des rauschenden Ilmensees). Рукопись подъ № VII (rubrum) съ заголовкомъ въ нѣмецкой передачѣ «Арабскія стихотворенія стараго и новаго времени, собранныя ученымъ ал-Аḣвасомъ ибн-ʻАбдаллāхомъ-ибн-Самау'алем-ибн-Джāбиромъ изъ Ясриба, переведенныя на русскій свѣдущимъ въ арабскомъ языкѣ архимандритомъ Серафимомъ». Рукопись очень хорошо написана, содержитъ арабскій текстъ со схоліями и буквальнымъ славянскимъ переводомъ. Въ примѣчаніи авторъ поясняетъ, что архимандритъ Серафимъ (Sserafim) былъ родомъ изъ Кіева и въ міру звался Илларіонъ Васильевичъ Родофиникинъ (Ilarion Wassiljewitsch Rodofinikin). По словамъ монаховъ, рукопись была куплена графиней Орловой въ Кіевѣ и, вѣроятно, старше 3 вѣковъ; самый переводъ не старше столѣтія, судя по языку. Сборникъ содержитъ преимущественно пѣсни героическія, боевыя, военныя, прославленія гостепріимства; взяты изъ него цѣликомъ книги IV и V (за исключеніемъ № 5 и 6), обыкновенно съ указаніемъ автора при стихотвореніяхъ[4]).

1) Fit Arari des Habessiniers goldene Sprüche (стр. 17—18, 22—23, 26—27).

2) Die Weisheit des Orients (стр. 433—435 и 441—447).

3) По предположенію Altmann'а сокращеніе словъ Arawiiskaja Kniga.

4) Привожу имена называемыхъ поэтовъ, большинство которыхъ неизвѣстно по другимъ источникамъ: IV кн. № 1—2 Хассāн-ибн-ал-Мурра, 3 Саʻд-ибн-Рабīʻа-ибн-Корāдъ, 4—5

Собранныя здѣсь произведенія Altmann считаетъ тоже наиболѣе старыми и цѣнными.

Въ Печерскомъ монастырѣ (Petscherskoi Monastyr) на Волгѣ авторъ видѣлъ три рукописи (стр. XIV—XV). Одна изъ нихъ представляетъ арабскія извлеченія изъ антологіи ас-Са'ālибӣ; двѣ другія подъ русскими шифрами М и Н даютъ славянскіе переводы двухъ сборниковъ; авторомъ перваго названъ Мāлик-ибн-Са'ӣд-ибн-Худжр-ибн-Зійāда. Изъ обѣихъ у Altmann'а взято сравнительно немного стихотвореній: М дала не отмѣченные раньше номера первой книги и первые восемь второй, Н остающіеся номера второй съ № 50 до конца.

Николаевскій монастырь у Твери (Das Kloster des heiligen Nikolaj bei Twer) обладаетъ только одной арабской рукописью (стр. XV), дающей текстъ съ латинскимъ переводомъ подъ заглавіемъ «Epitaphia, Neniae et Inscriptiones Sepulcrales, quae in libris et locis Arabum inveniuntur». Авторомъ ея называется ал-Харашӣ изъ Йемена, переводчикомъ грекъ Анастасій Руфъ (Anastasios Rufos). У Altmann'а изъ нея извлечена вся VI книга, посвященная элегіямъ, съ указаніемъ большинства именъ поэтовъ[1]).

Въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ у Суздаля (Kloster Sspasz Jewfimijew bei Ssusdal) Altmann указываетъ (стр. XV—XVI) одну рукопись подъ № LXIII, которая заключаетъ древне-славянскій переводъ сборника, переписаннаго нѣкіимъ Абӯ-Тарӣфой[2]). Изъ нея взяты три описанія, составляющія IX книгу.

Около Суздаля имѣется еще второй монастырь, Васильевскій (Wassiljewskoi), гдѣ авторъ видѣлъ (стр. XVI) двѣ рукописи подъ русскими буквами О и С. Въ первой дается арабскій текстъ антологіи Икриши (? Ikrischa, м. б. 'Ikrima?) — ибн-Беррāма изъ Джа'да со славянскимъ переводомъ; изъ нея заимствованы въ VII книгѣ № 14—44, а въ VIII-ой оставшіеся еще не отмѣченными. Изъ второй Altmann не могъ сдѣлать извлеченій и не даетъ о ней никакихъ подробностей.

Послѣдній монастырь[3]), про который онъ упоминаетъ—Дмитріевскій

Ма'бад-ибн-Ахнасъ, 7 'Абд-ибн-Ухбāнъ (? Uhbān); 9 Худжр-ибн-Мухризъ изъ Морры, 13 Лейла дочь Джу'фа (? Dscho'f)-ибн-Мугалласа изъ Тенӯха; V кн. 1—4 ал-Анбāрӣ, 7 Шимл (? Siml)-ибн-Ійāсъ, 10 'Омар-ибн-Хāтимъ (Hāthem), 13 Ахрам-ибн-Мусāвиръ, 15 Джāс (Dschās)-ибн-А'радж-ибн-'Амр-ибн-Мирдāсъ изъ Ливā, 19 Хидāш-ибн-Хулейдъ изъ Килāба, 20 ал-Асадӣ, 21 'Амр-ибн-аз-Зубейръ.

1) № 1 Нусайб-ибн-'Акӣль изъ Бехрā, 2 ал-Асадӣ, 3 шейхъ 'Алӣ-ибн-Мӯсā, 7 Са'б-ибн-Насръ, 8 поэтесса Джанӯбъ изъ Хайбара, 9 поэтесса изъ племени Мāликъ, 16 Сардж-ибн-'Адӣ-ибн-Кумейтъ, 23 Худжр-ибн-Зувейхиръ (? Suweihir) изъ Даббы.

2) У Altmann'а Абӯ-Тарӣфа названъ Anfertiger, такъ что его можно считать и составителемъ антологіи.

3) Altmann выражается не точно: во Владимірѣ существуетъ только Дмитріевскій *соборъ*, а не монастырь.

во Владимирѣ (стр. XVI: Kloster des heiligen Dmitrij zu Wladimir). Въ немъ находится рукопись подъ названіемъ «Слава вѣка» (Der Ruhm des Jahrhunderts), дающая русскій (neurussischer) переводъ антологіи Ибн-Руķāда, исполненный протоіереемъ Ѳедоромъ Никитичемъ Латухинымъ (Protohierej Fedor Nikitisch Latuchin). На основаніи ея составлена вся X глава сборника съ указаніемъ именъ трехъ поэтовъ [1]).

На этомъ кончается наиболѣе интересная для насъ часть предисловія: далѣе авторъ говоритъ (стр. XVII—XVIII) еще нѣсколько словъ о значеніи его сборника для характеристики арабской жизни и перечисляетъ упомянутыя уже выше работы нѣмецкихъ ученыхъ и поэтовъ по ознакомленію публики съ востокомъ.

Нужно сознаться, что первое впечатлѣніе отъ предисловія Altmann'а является ошеломляющимъ: до того необычно намъ видѣть архимандритовъ и протоіереевъ прошлаго вѣка въ роли переводчиковъ съ арабскаго, до того мало мы знаемъ о восточныхъ рукописяхъ въ русскихъ монастыряхъ до нашихъ дней. Изумленіе арабиста увеличивается еще болѣе, когда среди именъ поэтовъ, несмотря на чисто арабскую ихъ форму, онъ почти не встрѣчаетъ извѣстныхъ по другимъ источникамъ, когда онъ слышитъ про антологіи второго и третьяго вѣка хиджры, до сихъ поръ неизвѣстныя никому въ наукѣ. Сознаюсь, что и моя первая мысль, когда я познакомился съ этимъ предисловіемъ еще въ 1906 году, была о какой либо мистификаціи со стороны dr. Altmann'а. По зрѣломъ размышленіи, однако, эту мысль пришлось оставить: описанія слишкомъ подробны и детальны для того, чтобы ихъ можно было выдумать; русскія слова и имена передаются слишкомъ точно въ противоположность многимъ иностраннымъ работамъ о Россіи; арабскія имена и самыя стихотворенія слишкомъ проникнуты колоритомъ подлинности. Эти имена обнаруживаютъ настолько хорошее знакомство съ арабской ономастикой, что мистификація могла бы быть дѣломъ только первокласснаго арабиста. Среди послѣднихъ, однако, имя Altmann'а совершенно неизвѣстно. Короче говоря, могущее возникнуть предположеніе о мистификаціи должно быть, по моему мнѣнію, исключено [2]).

Послѣ такого вывода у меня, естественно, возникло желаніе разыскать слѣды богатыхъ матеріаловъ, которыми составитель могъ пользо-

1) № 1 Йазӣд-ибн-Ḳатӣфа, 3 Ба'ӣс̱ (Bā'ith)-ибн-Сулмā изъ Ах̮йаля, 5 Бишр-ибн-Ḳабӣс̣а изъ Джейрӯна.

2) Въ одной изъ упомянутыхъ статей есть тоже одинъ достаточно вѣскій доводъ въ пользу подлинности источниковъ Altmann'а. Имя упоминаемаго имъ абессинца «Фитъ Арари» представляетъ не что иное, какъ употребительный до нашихъ дней амхарскій титулъ ፊት ፡ አውራሪ *фӣт-аурāрӣ*=генералъ авангарда. (См., напр., Ant. D'Abbadie, Dictionnaire de la langue amhariñña, Paris 1881, стр. 652 и 1001).

ваться еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, съ самаго начала мои поиски оказались настолько неудачны, что я отказался отъ нихъ и предпочитаю теперь обратиться къ «научной» гласности, надѣясь, что такимъ путемъ удастся узнать скорѣе что-либо отъ ученыхъ другихъ спеціальностей, которые могутъ оказаться болѣе освѣдомленными въ такомъ вопросѣ.

Неудача прежде всего постигла мою попытку выяснить личность самого составителя Altmann'а, біографія котораго могла бы дать ключъ къ этой загадкѣ. Никакихъ свѣдѣній о немъ, кромѣ тѣхъ, которыя можно извлечь изъ книги мнѣ не удалось разыскать. Профессіональнымъ арабистомъ онъ не былъ, такъ какъ въ исторіи востоковѣдѣнія имя его неизвѣстно, однако арабскій языкъ, повидимому, зналъ, какъ уже было отмѣчено выше. Съ русскимъ языкомъ онъ былъ знакомъ, вѣроятно, еще основательнѣе, если вѣрить его словамъ о переводахъ даже съ славянскаго языка; нѣкоторое подтвержденіе этому можно видѣть въ очень точной передачѣ отдѣльныхъ русскихъ словъ и именъ. Путешествовалъ по Россіи онъ, вѣроятно, въ началѣ 50-хъ годовъ, такъ какъ говоритъ о коллекціяхъ рукописей въ Казанскомъ университетѣ и Ришельевскомъ лицеѣ, перенесенныхъ въ Петроградъ въ 1855 году послѣ открытія Факультета Восточныхъ языковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Altmann бывалъ не одинъ разъ, такъ какъ упоминаетъ «шестикратный» переходъ черезъ Валдайскія горы. О мѣстѣ его постояннаго жительства и рожденія судить трудно; проще всего было бы считать имъ Прибалтійскій край, но предисловіе помѣчено Берлиномъ въ апрѣлѣ 1856 года. Что касается до его литературной дѣятельности, то кромѣ двухъ упомянутыхъ статей по обложкѣ книги мы узнаемъ, что въ томъ же издательствѣ была обѣщана работа Runen finnischer Poesie, gesammelt und übersetzt von Dr. Julius Altmann. Трудно сказать, наконецъ, ему или его однофамильцу принадлежитъ одна берлинская диссертація по географіи, относящаяся къ 1838 году[1]).

Справки относительно упоминаемыхъ имъ рукописей были столь же неудачны и я ограничился одной попыткой. Естественно, что прежде всего мое вниманіе направилось на «Гномологическія книги», болѣе чѣмъ двадцати-томная серія которыхъ, казалось, не могла исчезнуть безслѣдно. Допуская возможность неточности въ названіи Altmann'а «Троицкій мона-

1) De Sudetis cum per se ipsis tum ratione continuorum maxime Europeorum montium tractus consideratis. Dissertatio inauguralis geographica quam.... publice defendet.... Julius Altmann postampiensis. Berolini 1838. 8⁰ стр. 68. Изъ Curriculum vitae явствуетъ, что авторъ родился въ Потсдамѣ въ 1814 году, но нѣтъ никакихъ намековъ на занятія, близкія къ отмѣченнымъ трудамъ.

стырь», я наводилъ справки во всѣхъ учрежденіяхъ, могущихъ имѣть какое-либо къ нему касательство. Все оказалось тщетнымъ: никакихъ слѣдовъ и свѣдѣній о такихъ рукописяхъ не обнаружилось ни въ Лаврской библіотекѣ, ни въ ризницѣ Лавры, ни въ библіотекѣ Духовной Академіи, ни въ Епархіальной Московской библіотекѣ, ни въ библіотекѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ни въ Московскомъ университетѣ. Лица, стоящія во главѣ этихъ учрежденій могли мнѣ дать такъ же мало указаній, какъ печатные каталоги и описанія, которые были мнѣ доступны. Послѣ такой неудачи, относительно другихъ монастырей я ограничился только просмотромъ извѣстныхъ мнѣ описаній съ тѣмъ же результатомъ. Лишь въ Николо-Малицкомъ монастырѣ въ 5 верстахъ отъ Твери была сдѣлана для меня развѣдка при содѣйствіи о. Игумена. И она оказалось тщетной: въ монастырѣ имѣются два каталога, изъ которыхъ послѣдній—новый (кажется 1910 года), но ни въ одномъ изъ нихъ такой рукописи не значится.

Такимъ образомъ, и черезъ десять лѣтъ періодически повторявшихся выжиданій и поисковъ, извѣстіе Altmann'a по прежнему представляетъ для меня загадочную картинку. Отказываясь ее разгадать, я позволилъ себѣ обратить вниманіе всѣхъ, ближе знакомыхъ съ русскими монастырями, на это сообщеніе въ надеждѣ, что они не откажутся подѣлиться своими соображеніями. Было бы крайне обидно для русской науки, если бы единственнымъ слѣдомъ существованія арабскихъ (и переведенныхъ съ арабскаго) рукописей въ русскихъ монастыряхъ навсегда осталась книжка нѣмецкаго писателя. Будемъ же надѣяться, что этого не произойдетъ.

И. Крачковскій.

П. Сентябрь, 1915.

Переселеніе Парсовъ въ Индію
и
мусульманскій міръ въ половинѣ VIII вѣка.

I.

О переселеніи Парсовъ въ Индію мы имѣемъ извѣстія въ Киссе-и-Санджāнъ (قصّهٔ سنجان), «Повѣствованіи о Санджāнѣ», историческомъ памятникѣ парсійской литературы[1]). Сочиненіе это, впрочемъ, не можетъ считаться историческимъ памятникомъ парсійской письменности въ точномъ смыслѣ этого слова: по формѣ оно вполнѣ примыкаетъ къ обычному типу парсійскаго поэтическаго творчества (оно написано стихами), содержаніемъ-же своимъ обязано, несомнѣнно, почти исключительно устному преданію парсійской общины. Содержащіяся въ немъ историческія данныя были въ недавнее время подробно разобраны ученымъ парсомъ Д. Д. Моди[2]). Нужно отмѣтить, что Киссе-и-Санджāнъ написано весьма поздно—на рубежѣ XVI—XVII в. нашего лѣтосчисленія (древнѣйшая рукопись его, извѣстная Д. Д. Моди, относится къ концу XVII в.) и авторъ его, Бахманъ-бенъ-Кейкобāдъ-бенъ-Хормаздіāръ, неоднократно указываетъ, что основываетъ свои повѣствованія на древнихъ преданіяхъ (напр. نگه کردم طریق راستانرا, ز گفتار بزرگان خود شنیدم, مرا کاین قصّه بنمودست دستور, ز گفتارش حکایت باز گویم, ز گفت موبدان и т. д.). Согласно этимъ преданіямъ древнѣйшая исторія переселеній представляется въ слѣдующемъ видѣ.

---

1) См. мои Сасанидскіе Этюды, 1909, 6.

2) Jivanji Jamsedji Modi, A few events in the early history of the Parsis and their dates, Bombay, 1903, для интересующаго насъ вопроса спец. 1—9. Г. Моди, о. с. 9, п. 2, доказываетъ ошибочность датировки, принятой, между прочимъ, и въ Grundriss der iranischen Philologie (цитуется далѣе GIPh), II, 698. Датировка эта имѣетъ, вѣроятно, отношеніе къ сказанію о доставленіи въ Индію изъ Персіи копіи Фарвардīнъ-Яшта (GIPh, II, 16, anm. 3).

Когда послѣдній представитель Сасанидской династіи шахъ Іездегердъ лишился власти (چو از شه یزدگر شاهی برفته), всѣ преданные вѣрѣ Зороастра (هر آنکو داشت دل بر زند و پازند), міряне и духовные (بهدینان و دستوران), покинули свои жилища. Сто лѣтъ прожили они въ Кӯхистāнѣ (بکوهستان همی ماندند صد سال), а затѣмъ вслѣдствіе страха передъ иновѣрцами перешли въ Хурмузъ (بسوی شهر هرمز شد روانه), въ области котораго (در آن کشور), провели пятнадцать лѣтъ; по истеченіи этого срока (چو سال آمد ده وپنج), они, вслѣдствіе притѣсненій со стороны иновѣрцевъ, сѣли вмѣстѣ съ женами и дѣтьми на корабли и, переправившись моремъ, высадились въ Діу (دیب). И здѣсь, однако, они не оставались долго — руководясь астрологическими предсказаніями, они черезъ девятнадцать лѣтъ (در آن بودند بهدین نوزده سال) высадились на материкъ Индіи, на Гуджератскій полуостровъ (گجرات), и поселились въ Санджāнѣ (سنجان). Черезъ нѣсколько времени они соорудили здѣсь храмъ огня. Дальнѣйшее изложеніе въ Киссе-и-Санджāнъ повѣствуетъ о судьбахъ парсійской общины въ Индіи.

Приведенныя извѣстія даютъ матеріалы двоякаго рода—хронологическіе и географическіе. Д. Моди останавливается исключительно на матеріалахъ перваго рода, и, пользуясь ими, опредѣляетъ время переселенія. Онъ отмѣчаетъ четыре даты: 1) переселеніе въ Кухистанъ и пребываніе тамъ сто лѣтъ, 2) переходъ оттуда въ Ормузъ и пребываніе тамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, 3) переселеніе въ Индію, въ Діу, и пребываніе тамъ девятнадцать лѣтъ, 4) переходъ на материкъ, на Гуджератскій полуостровъ, и поселеніе въ Санджанѣ. Считая прекращеніемъ власти Іездегерда его смерть, Д. Моди и начинаетъ свой разсчетъ съ этой даты, при чемъ самое событіе онъ относитъ къ 651 г. по Р. Х. — съ этого времени Парсы и поселяются въ Кухистанѣ. Чтобы получить дату выхода изъ этой области въ Ормузъ надо прибавить сто лѣтъ—651+100 = 751 г. по Р. Х. Съ этого времени они пятнадцать лѣтъ живутъ въ Ормузѣ — 751+15 = 766 г. по Р. Х. Этимъ годомъ датируется ихъ переселеніе въ Индію. Въ Діу они пребываютъ девятнадцать лѣтъ — 766+19 = 785 г. по Р. Х., годъ ихъ поселенія въ Санджанѣ. Эти даты получаются Д. Моди при разсчетѣ времени свыше полутораста лѣтъ по парсійскому солнечному календарю.

Указанныя хронологическія вычисленія вызываютъ на рядъ соображеній. Прежде всего отмѣтимъ, что исходный пунктъ вычисленія принятъ Д. Моди вполнѣ правильно. Прекращеніемъ власти Іездегерда несомнѣнно долженъ считаться годъ его смерти, такъ какъ фактически власть, хотя-бы номинальная, послѣдняго Сасанида не считалась низвергнутой до самой его кончины, несмотря на рядъ пораженій, нанесенныхъ его войскамъ арабами.

Это признается и арабскими писателями, которые сообщають, что лишь съ его смертью прекратилось существованіе персидскаго государства и съ этого времени персы вели свое лѣтосчисленіе; такъ, напр., Дӣнаверӣ, при разсказѣ объ убійствѣ Іездегерда, говоритъ: «Это случилось въ 6 г. халифата Османа, т. е. въ 30 г. Хиджры; тогда-то и было прекращеніе самостоятельнаго существованія персидскаго государства и до сего дня персы ведутъ отъ этого событія свое лѣтосчисленіе»[1]). Согласно извѣстію Табарӣ Іездегердъ былъ погребенъ въ Истахрѣ въ началѣ 31 г. Х.[2]). Событіе это надо относить къ 651 г. по Р. Х. и отъ этой даты вести хронологическій разсчетъ[3]).

Хронологія въ Киссе-и-Санджāнъ тѣсно связана съ сообщаемыми имъ географическими матеріалами. Сто лѣтъ пребываютъ Парсы въ Кухистанѣ. Этотъ географическій терминъ имѣетъ весьма неопредѣленный характеръ и означаетъ вообще «гористую мѣстность»; такъ и понимали это слово Д. Моди и пишущій эти строки ранѣе. Кромѣ того, этимъ именемъ обозначается значительное число различныхъ горныхъ мѣстностей Ирана. Однако, по нѣкоторымъ соображеніямъ, мы можемъ искать эту мѣстность въ опредѣленной территоріи. Въ исторической географіи Персіи наибольшей извѣстностью пользуется это названіе какъ обозначеніе для южной части Хорасана, примыкающей къ сѣверо-восточнымъ округамъ Кермана. Область эта отличалась и отличается малодоступностью и пустынностью, но въ ней было значительное количество горныхъ замковъ, представлявшихъ хорошее убѣжище; въ ближайшей сѣверной части Кермана находилось пересѣченіе дорогъ — отъ Персидскаго залива, т. е. изъ Ормуза, и изъ Индіи[4]). Необходимо также принять во вниманіе и историко-этнографическія данныя. Въ ближайшемъ направленіи къ юго-западу отъ Хорасанскаго Кухистана, въ Керманѣ, на пути въ Ормузъ, находились горы Бāризъ, населенныя воинственными горцами того-же названія, которые въ теченіе всего господства Омайядской династіи оставались *огнепоклонниками*, приняли исламъ лишь

---

1) Kitāb-al-aḫbār-aṭ-ṭiwāl, ed. W. Girgas, 149.

2) Annales, I, 2872 (погребенъ, не убитъ, какъ у J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 113, anm.). Нѣкоторые арабскіе писатели даютъ дату 31 г., такъ напр. и Са'āлибӣ, Histoire des rois des Perses, éd. H. Zotenberg, 748.

3) GIPh, II, 547. Canon Masudicus (см. E. Sachau, Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm, SBWA, phil.-hist. Cl., LXXIII, 484—5, anm., от. отт., 14—15) указываетъ, что смерть Іездегерда была эрой лѣтосчисленія у огнепоклонниковъ Трансоксіаны. Смерть Іездегерда считаетъ началомъ эры и персидскій Табарӣ (см. Chronique de Tabari, tr. sur la version persane par H. Zotenberg, II, 457). Объ этой, такъ наз. «парсійской эрѣ» (تاريخ المجوس), отличающейся отъ эры Іездегерда (تاريخ يزدجرد), см. GIPh, II, 121—2.

4) В. В. Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, 1903, 93–94 и 97).

при Аббасидахъ, но окончательно были покорены лишь Саффаридами[1]. Далѣе къ морю жили горцы Куфсъ или Кучъ, придерживавшіеся въ X в. *шіитства* и также, вообще говоря, враждебные исламу. Въ арабской географической литературѣ X в. мы находимъ указаніе, что они относились къ мусульманамъ хуже, чѣмъ Греки и Турки[2]), почему и самое шіитство ихъ можно ставить въ связь съ огнепоклонничествомъ ихъ сосѣдей. Къ западу отъ этого племени находились кочевники Балӯсы или Балӯчи, также придерживавшіеся въ религіозномъ отношеніи шіитства[3]) и область Ормуза[4]). Такимъ образомъ, на всемъ пространствѣ отъ Хорасанскаго Кухистана черезъ Керманъ до Персидскаго залива, мы встрѣчаемъ въ интересующее насъ время этническіе элементы, либо исповѣдующіе огнепоклонничество, либо примыкающіе къ нему въ своихъ вѣрованіяхъ, а въ политическомъ отношеніи враждебные халифату. Согласно тѣмъ-же арабскимъ географамъ Хорасанскій Кухистанъ составлялъ часть провинціи Пахлавъ[5]), т. е. Парѳіи, одного изъ древнѣйшихъ центровъ государственной традиціи Ирана.

Ормузъ, въ который по Киссе-и-Санджāнъ, переселились Парсы изъ Кухистана, былъ въ X в. гаванью Кермана и базарнымъ мѣстомъ, складочнымъ пунктомъ доставлявшихся въ него товаровъ[6]). Особенно интересно для насъ слѣдующее сообщеніе: «въ немъ (въ Ормузѣ) немного домовъ; дома-же купцовъ (находятся) въ его волости и разбросаны по деревнямъ приблизительно на два фарсаха (разстоянія)». Въ указаніи на то, что купцы Ормуза жили въ волости его, въ окрестныхъ деревняхъ, мы находимъ сходство съ сообщеніемъ Киссе-и-Санджāнъ, по которому Парсы переселились въ «область Ормуза»[7]). Торговля на Персидскомъ заливѣ въ средніе вѣка тѣсно связана съ парсійско-индійскими отношеніями: въ IX в. Ибн-ал-Факūхъ[8]), упоминая о вывозѣ бамбука съ Никобарскихъ острововъ и Малакскаго полуострова, говоритъ, что мѣстности эти находятся на Востокѣ, при чемъ для означенія этой страны свѣта употребляетъ не арабское слово, а

1) Ср. В. Бартольдъ, о. с. 97, Guy Le Strange, The lands of the eastern caliphate, 1905, 316, мои Сасанидскіе Этюды, 5.

2) Bibl. Geogr. Arab. (цитуется далѣе BGA), III, 489.

3) BGA, I, 167, II, 223.

4) BGA, I, 164, II, 220.

5) ZDMG, XLIX, 631.

6) BGA, I, 166, II, 222. Ср. В. Бартольдъ, о. с. 98.

7) كشور т. е. то-же, что نواحى هرموز у Макдисū, BGA, III, 471.

8) BGA, V, 16.

персидское[1]), что указываетъ на парсійскій источникъ — сообщенія парсійскихъ купцовъ; парсійскимъ или индійскимъ купцомъ, судя по имени, былъ сирафскій богачъ XII в. Рāмуштъ или Рāмаштъ[2]) и т. д.

Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ Киссе-и-Санджāнъ въ его дальнѣйшемъ изложеніи: насъ интересуетъ лишь вопросъ о переселеніи Парсовъ въ Индію и мы поэтому можемъ остановиться на томъ моментѣ, когда совершается ихъ отплытіе, завершающееся, какъ мы знаемъ, благополучнымъ прибытіемъ и поселеніемъ въ Діу. За время ихъ жизни въ Персіи послѣ мусульманскаго завоеванія мы можемъ опредѣлить по Киссе-и-Санджāнъ два мѣстопребыванія: въ Кухистанѣ и въ Ормузѣ; въ первомъ они жили сто лѣтъ — отъ 651 г. до 751 г., во второмъ пятнадцать лѣтъ — отъ 751 г. до 766 г., когда они окончательно покинули родину. Выше мы привели соображенія, по которымъ представляется возможнымъ и вполнѣ вѣроятнымъ отожествлять Кухистанъ въ Киссе-и-Санджāнъ съ Кухистаномъ Хорасанскимъ; къ этому склоняетъ какъ географическое положеніе мѣстности (глухой, но хорошо защищенной), какъ политическая традиція ея (Парѳія), такъ и этническая и религіозная обстановка (въ значительной степени иранское или находившееся подъ иранскимъ культурнымъ вліяніемъ населеніе, придерживавшееся долгое время шіитства или огнепоклонничества). Особенно нужно отмѣтить сосѣдство горцевъ Бāризъ (ир. Пāрчāнъ), которые отъ завоеванія Персіи арабами до восшествія на престолъ Аббасидовъ оставались огнепоклонниками. Одновременно съ гибелью послѣдняго Сасанида арабы завоевали Керманъ (а также Табаристанъ)[3]). Указываемая арабскими географами принадлежность горцевъ сѣвернаго Кермана къ огнепоклонничеству продолжается столько-же времени, сколько по Киссе-и-Санджāнъ пребываютъ Парсы въ Кухистанѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ переселеніе этихъ послѣднихъ въ Ормузъ совпадаетъ по времени съ глубочайшимъ потрясеніемъ всего мусульманскаго міра въ половинѣ VIII в. — съ паденіемъ династіи Омайядовъ и съ переходомъ власти въ руки Аббасидовъ. Хотя послѣдній Омайядскій халифъ Марвāнъ былъ убитъ въ Египтѣ въ 750 г., тѣмъ не менѣе всѣ лица, принадлежавшія къ династіи и прочіе сторонники ея были уничтожены лишь

---

1) Не المشرق, а خراسان, см. мою статью Arabisch-persische Miszellen zur Bedeutung der Himmelsgegenden, WZKM, XXV, 91—98 (для означенія «Сѣвера» мы имѣемъ слово Āдарбāдакāнъ также и у Ибн-Хурдāдбеха, BGA, VI, текстъ 118, пер. 90).

2) Ср. В. Бартольдъ, о. с. 108; кромѣ указаній на это лицо, данныхъ De Goeje при изданіи Ибн-Хаукала, BGA, II, 198, ап. i, см. еще Ибн-ал-Асӣръ, Chronicon, ed. C. Tornberg, XI, 43.

3) Wellhausen, о. с. 101 и 113.

къ осени 751 г.[1]). Особенно важно слѣдующее обстоятельство: *отъ прекращенія національной персидской династіи Сасанидовъ до вступленія на престолъ и окончательнаго утвержденія власти халифовъ Аббасидской династіи проходитъ сто лѣтъ солнечнаго календаря.*

Въ заключеніе приведенныхъ соображеній позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на Киссе-и-Санджāнъ, какъ историческомъ источникѣ. Выше мы уже указывали, что сочиненіе это весьма поздняго происхожденія и основано почти исключительно на устномъ преданіи. Однако, какъ видно изъ вышеизложеннаго, его разсказъ находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ другихъ источникахъ; кромѣ того, имѣетъ значеніе характеръ устнаго преданія и той среды, въ которой это преданіе сохранялось. Какъ извѣстно, индійскіе Парсы имѣютъ довольно опредѣленно выраженный типъ религіозной и торговой общины изъ сравнительно небольшого количества представителей, но съ ясно выраженными и тщательно сохраняемыми племенными и культурными особенностями—обстоятельство, благопріятствующее неприкосновенному сохраненію исторической традиціи. Когда Киссе-и-Санджāнъ разсказываетъ, чте послѣ смерти Іездегерда преданные вѣрѣ Зороастра покинули свои жилища, мы должны имѣть въ виду привязанныхъ къ парсійской религіи и Сасанидской династіи персовъ, бѣжавшихъ въ глухія и наименѣе доступныя мѣстности Ирана, чтобы сохранить свою религіозную и культурную самостоятельность во время разгрома государства. Авторъ Киссе-и-Санджāнъ особенно отмѣчаетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать вслѣдствіе общихъ культурныхъ условій и характера преданія, свой главный источникъ («со словъ мобедовъ»). Въ сосѣдствѣ съ оставшимися вѣрными прежней религіи горцами, Парсы остаются въ Кухистанѣ до новаго потрясенія, вызваннаго паденіемъ Омайядовъ и ожидавшагося ими. Мотивомъ ихъ переселенія въ Ормузъ авторъ Киссе-и-Санджāнъ выставляетъ страхъ передъ мусульманами. Весьма вѣроятно, что съ этимъ связывались и нѣкоторыя ожиданія, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе, что и побуждало ихъ сосредоточиться въ Ормузѣ, морской гавани и болѣе близкомъ пунктѣ къ главному мѣсту историческихъ событій—къ Ираку. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что Кухистанскіе Парсы въ теченіе ста лѣтъ пребыванія на путяхъ индійской торговли, имѣли значительные интересы, которымъ угрожали новыя потрясенія государства. Этотъ весьма вѣроятный скрытый поводъ обращаетъ насъ ко второй отличительной чертѣ современной парсійской общины и объясняетъ отчасти выборъ ихъ сборнаго пункта—Ормузъ,

---

4) J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 1902, 342-347.

лежащій на берегу пролива, соединяющаго Индійскій океанъ съ Персидскимъ заливомъ. Въ тѣхъ-же или сходныхъ условіяхъ жизни мы видимъ ормузскихъ купцовъ въ X в.— это весьма вѣроятно частью ихъ соплеменники и единовѣрцы, принявшіе исламъ. Несомнѣнно и ранѣе половины VIII в. персы имѣли культурныя сношенія вообще, торговыя въ частности, съ прибрежными странами Индіи, но Киссе-и-Санджāнъ рисуетъ намъ исторію торговой колоніи, впервые покинувшей навсегда родину и обосновавшейся въ новой странѣ, въ которой она возжигаетъ огонь и сооружаетъ храмъ для него—символъ религіозной и національной обособленности. Таковы тѣ культурно-историческія и географическія соображенія, которыя вызываютъ насъ усматривать въ сообщаемыхъ авторомъ Киссе-и-Санджāнъ преданіяхъ о переселеніи Парсовъ зерно исторической истины. Хронологическія данныя этого сочиненія ведутъ насъ дальше, но прежде чѣмъ вернуться къ нимъ, мы еще нѣсколько остановимся на вопросѣ о возникновеніи парсійской общины на сѣверо-западномъ побережьи Индіи.

Еще до переселенія на Гуджератскій полуостровъ той части Парсовъ, о которой разсказываетъ Киссе-и-Санджāнъ, въ Индіи несомнѣнно было значительное количество персидскихъ выходцевъ. Въ до-мусульманскую эпоху персидскіе маги основали въ Индіи храмъ солнцу [1]). Незадолго до появленія ислама Іеменъ былъ, какъ извѣстно, завоеванъ Сасанидами. Въ юго-восточной Аравіи значительное количество населенія состояло изъ исповѣдовавшихъ религію Зороастра [2]); изъ этой области, тѣсно связанной географически съ побережьемъ Индіи, могла выходить съ давнихъ поръ эмиграція морскимъ путемъ. Мусульманскія литературы не сохранили, сколько знаемъ, указаній на одновременное значительное переселеніе Парсовъ въ Индію, а «въ случаѣ массоваго выселенія исходъ Парсовъ оставилъ-бы слѣдъ въ арабской литературѣ» [3]). При условіяхъ арабскаго завоеванія переселенія и выселенія должны были начаться съ самаго-же начала. Весьма интересное въ этомъ отношеніи сообщеніе мы имѣемъ у Балāзурӣ [4]). Разсказывая о завоеваніи Кермана въ половинѣ VII в., онъ говоритъ: «бѣжало много обитателей Кермана; одни отплыли на корабляхъ въ море, другіе направились въ Мекранъ, третьи въ Седжестанъ». Отплывшіе на корабляхъ

1) См. ЗВО, XVIII, 186.

2) Балāзурӣ въ Liber expugnationis regionum, ed. M. J. De Goeje, 77— «налогъ въ пользу бѣдныхъ съ мусульманъ и поголовная подать съ огнепоклонниковъ». Ср. еще напр. Ибн-Русте, BGA, VII, 205—206.

3) См. Сасанидскіе Этюды, 6.

4) О. с. 392.

могли отправиться только въ Индію, такъ какъ Аравія несомнѣнно не представляла въ это время надежнаго убѣжища. Мекранъ былъ уже полуиндійской областью и достигшему береговъ Инда не представлялось труда проникнуть на западное побережье. Наконецъ, Седжестанъ былъ пограничной областью на Востокѣ; съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ находился Хорасанскій Кухистанъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ указаніе на переселеніе Парсовъ въ Индію до той даты, которую даетъ Киссе-и-Санджāнъ. Однако, приведенное извѣстіе не можетъ быть разсматриваемо какъ указаніе на массовое выселеніе; многіе обитатели Кермана покинули родину, но они разошлись въ разныя стороны и, кромѣ того, мы знаемъ, что мѣстность эта не была совершенно оставлена огнепоклонническимъ населеніемъ. Дальнѣйшее выселеніе и путь къ Ормузу былъ подготовленъ этимъ населеніемъ, расположеннымъ на территоріи отъ Кухистана до Персидскаго залива. Парсійская колонія въ Гуджератѣ могла конечно поддерживаться позднѣйшими выселенцами. Въ сельджукидскую эпоху, въ XI—XII в., предмѣстье города Джируфта въ Керманѣ было, по словамъ Мухаммеда-ибн-Ибрāхӣма[1]), мѣстопребываніемъ индійскихъ и малоазіатскихъ торговыхъ гостей, сухопутныхъ и морскихъ путешественниковъ, странствующихъ купцовъ и товаровъ изъ Китая, Индостана, Абиссиніи, Занзибара, Малой Азіи и различныхъ мусульманскихъ странъ. Это оживленное торговое общеніе могло вызывать частичныя выселенія по главнѣйшимъ торговымъ путямъ: Гуджератъ лежалъ на одномъ изъ такихъ путей.

II.

Возвращаемся къ хронологическимъ даннымъ. Выше мы уже отмѣтили, что выселеніе парсійской общины въ Ормузъ совпадаетъ по разсказу Киссе-и-Санджāнъ съ переходомъ халифата къ Аббасидамъ и что между смертью Іездегерда и возникновеніемъ Аббасидскаго халифата проходитъ сто лѣтъ солнечнаго календаря. Послѣднее обстоятельство весьма важно для выясненія двухъ вопросовъ по исторіи халифата, возбуждавшихъ вниманіе предшествующихъ изслѣдователей, но до сихъ поръ не рѣшенныхъ: 1) прозванія послѣдняго Омайяда Марвāна «осломъ» (الحمار) и 2) наименованія начала каждаго столѣтія «годомъ осла» (سنة الحمار), наименованія, съ кото-

---

1) Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, éd. par M. Th. Houtsma, I, 49 и 83. См. GIPh, II, 12—13 и 80—81.

рымъ тѣсно связано упомянутое нами важнѣйшее событіе въ исторіи ислама въ первые вѣка его существованія, именно замѣна Омайядскаго халифата Аббасидскимъ. Эти вопросы затронуты въ послѣднее время Велльхаузеномъ[1]), Мжикомъ[2]), Барбье-де-Менаромъ[3]), В. В. Бартольдомъ[4]). Остановимся сначала на первомъ вопросѣ.

Странное прозвище, данное послѣднему Омайяду Марвāну II, съ достоинствомъ и честью старавшемуся спасти потерянное дѣло династіи[5]), вызвало различныя толкованія арабскихъ писателей и писавшихъ объ этой эпохѣ европейскихъ ученыхъ. За исключеніемъ приведеннаго Велльхаузеномъ мнѣнія сирійскихъ хроникъ, согласно которому Марвāнъ былъ прозванъ такъ потому, что любилъ піоны[6]) (называвшіяся «ослиными розами»), приводятся два толкованія. Одно изъ нихъ заключается въ томъ, что слово «оселъ» должно было означать энергію и упорство, съ которыми Марвāнъ сопротивлялся своимъ врагамъ (такое толкованіе указано, между прочимъ, въ Исторіи Ислама А. Мюллера и принято Барбье-де-Менаромъ[7]). Другое толкованіе состоитъ въ томъ, что онъ былъ прозванъ такъ по году «осла», такъ какъ при немъ приблизился срокъ столѣтія династіи Омайядовъ, а у арабовъ такимъ выраженіемъ означалось начало каждаго столѣтія. Уже Мжикъ обратилъ вниманіе на то, что «оселъ» въ мусульманскихъ литературахъ не можетъ считаться ласкательнымъ словомъ (несмотря на существованіе поговорки «терпѣливѣе осла»); слово это употребляется иногда въ арабскомъ языкѣ въ бранномъ значеніи[8]). Въ подтвержденіе этому мы можемъ привести изъ

---

1) J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 231 и 315—6.

2) WZKM, XX, 310 сл.

3) A. C. Barbier de Meynard, Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe, 1907, 74—75.

4) ЗВО, XVII, 0140 сл.

5) Напр. въ IX в. (у Ибн-ал-Факūха, о. с. 315, яко-бы со словъ Абӯ-Мухаммеда-ибн-Муслима-ибн-Кутайбы), этотъ халифъ имѣлъ слѣдующую одобрительную характеристику: хорасанцы побѣдили Омайяда «самаго старшаго по возрасту, самаго мудраго, самаго стойкаго, самаго знаменитаго въ организаціи войска, самаго умнаго въ управленіи государствомъ». О его сохранившейся до нашего времени гробницѣ и почитаніи ея см. A. Kamal, Boucir et Marwan II, Bulletin de l'Institut Egyptien, IV série, № 5, 1905, 85—93.

6) Въ арабскомъ ورد الحمار, ورد الحمير. Ср. у Бӣрӯнӣ, E. Sachau, Chronologie der orientalischen Völker, 297, Chonology of ancient nations, 293. Въ арабскомъ фольклорѣ имѣются не дающія объясненія этого вопроса суевѣрія, связывающія ослиный крикъ съ устраненіемъ эпидеміи (см. напр. SBWA, phil.-hist. Cl., VI, 439 и WZKM, XVII, 301—302).

7) Изъ такого толкованія объяснялось прозваніе сасанидскаго шаха Бахрāма-Гӯра— см. ZDMG, XXXIV, 735.

8) См. уже въ Коранѣ, 62, 5 (ср. 31, 18), а также H. L. Fleischer, Kleinere Schriften, II, 1, 109—111, F. Hommel, Die Namen der Säugetiere bei den südsemitischen Völkern, 1879, 117 сл. (на стр. 118 примѣръ изъ Хамāсы у бедуиновъ), M. Grünbaum, Gesammelte Aufsätze zur Sprach- und Sagenkunde, 1901, 284 и 377—379. Искусственное объясненіе поговорки

арабской литературы указаніе, что это слово употреблялось какъ бранное именно по отношенію къ Марвāну. Древнѣйшее, изъ пока указанныхъ, толкованіе этого слова въ смыслѣ энергіи и упорства принадлежитъ Са‘āлибӣ, писателю X—XI в.; цитата, на которую ссылаемся мы, взята изъ писателя IX в. Дӣнаверӣ. Разсказывая (стр. 360) о выступленіи сторонниковъ извѣстнаго аббасидскаго эмиссара Абӯ-Муслима въ Хорасанѣ, т. е. о началѣ аббасидскаго движенія (129 г. X. = 747 г. по Р. X.), Дӣнаверӣ говоритъ: «выступили они верхомъ на лошадяхъ и ослахъ, а также пѣшими; кричали они на ословъ и понукали ихъ: ну, ну, ну, Марвāнъ! называя ихъ такъ въ поношеніе Марвāну-ибн-Мухаммеду»[1]). Итакъ, мы можемъ видѣть, что кличка эта была дана въ бранномъ смыслѣ[2]). Тѣмъ не менѣе, нельзя отдѣлять этотъ смыслъ отъ второго толкованія, отъ связи его съ «годомъ осла». Существованіе подобнаго рода названія и связанныхъ съ нимъ вѣрованій подтверждается не только Са‘āлибӣ и послѣдующими писателями, но также и болѣе ранними арабскими извѣстіями, а равно косвенно и китайскимъ источникомъ, на который обратилъ вниманіе В. В. Бартольдъ, именно дошедшимъ въ китайской энциклопедіи начала XI в. письмомъ самаркандскаго владѣтеля Гӯрека. На этой сторонѣ вопроса мы должны остановиться нѣсколько дольше.

Обращаетъ вниманіе нѣкоторое различіе въ толкованіи времени истеченія столѣтія. Уже выяснено, что отнесеніе прозвища Марвāна къ столѣтію Омайядской династіи не соотвѣтствуетъ точнымъ историческимъ даннымъ — въ годъ смерти Марвāна прошелъ со времени основанія династіи 91 годъ (самое большее 97 лѣтъ, если считать съ года смерти Османа)[3]). Съ другой стороны, письмо Гӯрека, написанное въ 100 г. Хиджры (718—719 г. по Р. X.), указываетъ именно на этотъ годъ, какъ на время прекращенія арабскаго господства. Такимъ образомъ, мы видимъ смѣшеніе, основанное на вычисленіи мусульманскаго календаря — въ одномъ случаѣ, столѣтіе прилагается къ господству Омайядовъ, что фактически не точно,

---

اكفر من حمار, «болѣе невѣрующій, чѣмъ оселъ», мы имѣемъ еще у Ибн-Кутейбы, Handbuch der Geschichte, herausgeg. von F. Wüstenfeld, 304. Ср. прозваніе «ослами» всѣхъ непосвященныхъ въ тайны ученія въ исмаилитизмѣ — R. Dozy, Essai sur l'histoire de l'islamisme 1879, 262.

1) У E. G. Browne, A literary history of Persia, I, 1902, 244, фраза эта переведена неправильно — because Marwán was surnamed the Ass.

2) ترغيما لمروان بن محمّد. Изъ близкаго къ этому времени см. напр. у Табарӣ, II, 1455 (104 г. X.) и 1572 (116 г. X.).

3) Такъ у вышеупомянутаго Са‘āлибӣ, Laṭāif-al-ma‘ārif, ed. P. De Jong, 30—قارب ملك بنى اميّة مائة سنة, а также и раньше его, напр. у Хамзы Исфаханскаго, Annalium libri decem, ed. I. M. E. Gottwaldt, I, 217, غبروا (بنو اميّة) قريبا من مائة سنة.

въ другомъ — къ столѣтію ислама, что ошибочно, ибо въ 100 г. Хиджры Омайядская династія благополучно управляла халифатомъ, а Марвāнъ II былъ убитъ лишь черезъ 32 года и къ столѣтію Хиджры еще не управлялъ халифатомъ [1]). Въ первомъ случаѣ мы не имѣемъ полныхъ ста лѣтъ, во второмъ—прозвище Марвāна остается необъясненнымъ, а оно ставится арабскими авторами въ связь съ истеченіемъ столѣтія. Однако, ожиданія, передаваемыя въ письмѣ Гӯрека и связанныя съ сотымъ годомъ Хиджры, подтверждаются арабскими извѣстіями. Согласно этимъ послѣднимъ къ этому году относилось начало аббасидской пропаганды.

По Дӣнаверӣ (стр. 334—335 [2]), въ 101 г. X. (719—720 по Р. X.) въ сирійское мѣстечко Хумайму, мѣстопребываніе аббасида Мухаммеда-ибн-ʿАлӣ-ибн-ʿАбдуллаха, явились представители шіитовъ съ просьбой принять ихъ присягу, ибо наступили «такое время и такой моментъ его, который мы находимъ въ преданіяхъ, передаваемыхъ вашими учеными» [3]), на что имамъ отвѣтствовалъ имъ: «это моментъ нашихъ ожиданій и надеждъ, ибо прошло сто лѣтъ лѣтосчисленія, а всегда по истеченіи ста лѣтъ общины Богъ обнаруживаетъ истину праведныхъ и уничтожаетъ зло дурныхъ» [4]); ссылаясь далѣе на 261 стихъ II суры Корана, имамъ послалъ ихъ вести скрытую пропаганду. Въ данномъ случаѣ Мухаммедъ-ибн-ʿАлӣ повторилъ то, что по Яʿкӯбӣ [5]) сказалъ ему за четыре года передъ тѣмъ (97 г. X., 715—716 г. по Р. X.) ʿАбдуллахъ-ибн-Мухаммедъ, внукъ халифа ʿАлӣ, передавая свои права. Именно, когда онъ завѣщалъ ему начать пропаганду въ «годъ осла» и Мухаммедъ-ибн-ʿАлӣ спрашивалъ его — что такое «годъ осла», онъ отвѣчалъ — «по истеченіи ста лѣтъ обязательно свершается пророчество» [6]) и затѣмъ, сославшись на 261 стихъ II суры, завѣщалъ ему по-

---

1) По поводу столѣтія Хиджры отмѣчу существованіе преданій, по которымъ въ концѣ каждаго столѣтія Хиджры долженъ явиться возстановитель ислама; таковымъ по истеченіи перваго вѣка былъ Омайядскій халифъ Омаръ-ибн-ʿАбд-ал-ʿАзӣзъ, по истеченіи второго — имамъ аш-Шāфиʿӣ — см. D. B. Macdonald, Development of muslim theology, jurisprudence and constitutional theory, 1903, 104. Но и здѣсь въ отношеніи перваго столѣтія имѣютъ значеніе персы: предшественнику Омара, халифу Сулеймāну (96—99 г. X., 715—717 г. по Р. X.) приписывается изреченіе, по которому персы правили безъ арабовъ тысячу лѣтъ, тогда какъ арабы не могли обойтись въ этомъ отношеніи безъ персовъ и ста лѣтъ — см. ZDMG, XLVI, 763, anm. 1 и GIPh, II, 555.

2) Ср. Browne, o. c. 236, а также Wellhausen, o. c. 315 по Табарӣ.

3) هذا الوقت ذلك و اوانه الّذى وجدناه مأثورا عن علمائكم.

4) هذا اوان ما نؤمّل و نرجو من ذلك لانقضاء مائة سنة من التاريخ فانه لم تنقض مائة سنة على أمّة قطّ الّا اظهر الله حقّ المحقّين و ابطل باطل المبطلين.

5) Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī Historiae, ed. M. Th. Houtsma, II, 357; ср. В. Бартольдъ, o. c. 0145.

6) لم يمض مائة من نبوّة قطّ الّا انقضت امورها.

слать по истеченіи столѣтія эмиссаровъ для пропаганды. Историческая достовѣрность разсказа, разумѣется, весьма сомнительна, но для насъ интересно, что въ немъ, такъ-же какъ и въ извѣстіи Дӣнаверӣ, ясно выражаются какія-то особыя ожиданія, связанныя съ наступленіемъ столѣтія эры. Загадочно выраженное у Я'кӯбӣ, предвѣщаніе это формулируется опредѣленнѣе у Дӣнаверӣ. Стихъ Корана объ Эздрѣ и его ослѣ[1]) привлеченъ несомнѣнно для доказательства достовѣрности предвѣщанія.

Основаніемъ какъ самаго пророчества, такъ и цитаты Корана, служили несомнѣнно тѣ преданія, на которыя ссылаются представители шіитовъ и которыя исходили изъ среды потомковъ 'Аббāса, славившихся своей ученостью и авторитетомъ въ религіозныхъ вопросахъ; что это подтверждается другими данными, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Преданія эти въ письменной формѣ могутъ быть возведены, какъ то уже догадывался Велльхаузенъ, къ такъ называемымъ «книгамъ предвѣщаній» (кутубъ-алмалāхимъ), пророческимъ сочиненіямъ полемико-политическаго содержанія. Дѣйствительно, при самомъ началѣ аббасидской пропаганды въ Хорасанѣ, вмѣстѣ съ эмиссарами и вѣщими знаменіями въ сновидѣніяхъ (все это время окутано въ исторической традиціи, какъ извѣстно, идеями таинственности и мессіанизма), появляется стремленіе изучать эти пророческія книги[2]). Къ подобнымъ-же книгамъ относилось и пророческое сочиненіе о судьбахъ аббасидскаго рода, «Китāбъ-ад-даула»[3]). Итакъ, мы видимъ, что съ сотымъ годомъ Хиджры дѣйствительно связывались какія-то эсхатологическія ожиданія, исходящія изъ аббасидской традиціи—таковы указанія арабскихъ источниковъ; отраженіемъ традиціи является и письмо Гӯрека. По этимъ даннымъ мы можемъ опредѣлить, что въ указанное время на всемъ пространствѣ мусульманской Азіи, отъ Сиріи до восточнаго Ирана, началась уже дѣятельная, но скрытая аббасидская пропаганда. Остается, однако, не яснымъ: 1) откуда происходитъ названіе начала столѣтія «годомъ осла» и что общаго между этимъ животнымъ съ одной стороны и хронологическимъ опредѣленіемъ и эсхатологическими чаяніями съ другой; 2) въ какомъ отношеніи къ

1) Объ отнесеніи этого стиха къ Эздрѣ и его ослу у мусульманскихъ писателей см. еще A. Geiger, Was hat Muhammed aus dem Judenthume aufgenommen², 1902, 192. См. также Th. P. Hughes, A dictionary of Islam, 1895, 114 и ср. 431—2.

2) Я'кӯбӣ, II, 392. Ср. G. Van Vloten, Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le khalifat des Omayades, Verh. der konink1. Akad. van Wetensch. te Amsterdam, Afd. Letterkunde, I, № 3, 57.

3) Wellhausen, o. c. 347, anm. 1. Въ эту же книгу входили конечно и сказанія о появленіи Хāшимита, примѣръ которыхъ см. напр. у псевдо-Балхӣ, Le livre de la création et de l'histoire, publ. et tr. par Cl. Huart, II (Publ. de l'école des langues orientales vivantes, IV série, 17), текстъ 174—6, пер. 156—7.

этой датѣ находится настойчиво съ ней связываемое прозвище Марва̄на. Для того, чтобы дать отвѣтъ на эти вопросы, необходимо разсмотрѣть ту историческую среду, въ которой складывались вышеупомянутыя эсхатологическія ожиданія.

Согласно съ аббасидской пропагандой дѣйствовали, какъ извѣстно, и алиды, а за ними потянулись самыя разнообразныя шіитскія секты, къ которымъ примыкали въ Иранѣ многочисленные этническіе и религіозные элементы чисто-персидскаго происхожденія — зороастрійцы, ма̄здакиты, различные дуалистическіе толки. Послѣдніе были особенно привязаны къ Абӯ-Муслиму, дѣятельная пропаганда котораго въ Хорасанѣ дала по существу власть Аббасидамъ. Несомнѣнно, что всѣ эти элементы дѣйствовали тайкомъ подъ руководствомъ аббасидскихъ эмиссаровъ, знакомыхъ съ ихъ стремленіями и мечтаніями. Отмѣчаемъ, что въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ эсхатологическихъ предвѣщаніяхъ въ исламѣ, мы должны также имѣть въ виду и древне-персидскія вѣрованія, которыя, создавъ грандіозное ученіе о космологическихъ и историческихъ періодахъ смѣняющихся тысячелѣтій, должны были оказывать сильнѣйшее вліяніе на идеи мессіанизма и сходныя съ ними представленія. Съ I в. Хиджры появляются апокриѳическія пророческія книги относительно грядущихъ судебъ ислама и мусульманскаго государства[1]), имѣющія также отношеніе къ далекому прошлому Персіи. Позже число подобныхъ книгъ еще увеличивается[2]). Для насъ въ настоящемъ случаѣ основное значеніе имѣетъ самая идея и ея представленіе. Согласно мусульманскому преданію[3]), восходящему къ подобнаго рода книгамъ, воскрешаемый оселъ Эздры связывается при объясненіи 261 стиха II суры съ плѣненіемъ іудеевъ вавилонскимъ повелителемъ Навуходоносоромъ и освобожденіемъ ихъ персидскимъ шахомъ[4]), при чемъ исчезновеніе пророка продолжается *сто лѣтъ*[5]). Преданіе въ такой формѣ знаменуетъ

1) См. Van-Vloten, o. c. 56 и M. Steinschneider, Apocalypsen mit polemischer Tendenz, ZDMG, XXVIII, 627—660. Ср. F. Macler, L'apocalypse arabe de Daniel, Revue de l'histoire des religions, XLIX, 265—306. Болѣе раннее изслѣдованіе A. v. Gutschmid, Kleine Schriften, II, 204—268—Zur Apocalypse des Esra.

2) Интересно опять таки отмѣтить соотношеніе съ сасанидской традиціей — псевдо-Балхӣ (текстъ 165, пер. 150) разсказываетъ, что въ сокровищницѣ полководца Іездегерда Хурмуза̄на арабы нашли арабскую книгу, съ предсказаніями относительно всего, что свершится до страшнаго суда.

3) См. напр. Дамӣрӣ, كتاب حياة الحيوان, I, Каиръ, 1313 г. Х., 210—21 и пер. A. S. G. Jayakar, I, 1906, 546—553.

4) Называемымъ نوشك т. е. Anōšak-ravān, Анӯширва̄нъ, что связываетъ разсказъ съ сасанидской традиціей, — ср. мои Сасанидскіе Этюды, 104.

5) Преданіе возводится черезъ Ибн-Исха̄ка къ Вахбу-ибн-Мунаббиху, одному изъ главныхъ источниковъ древне-арабскихъ историковъ для до-мусульманской эпохи, предста-

собою вмѣстѣ съ тѣмъ и апоѳеозъ персидскаго государства. Съ другой стороны, мы думаемъ, что имя Эздры и освобожденіе изъ вавилонскаго плѣненія имѣютъ самое близкое отношеніе также и къ шіитскимъ ученіямъ. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, Велльхаузеномъ была выставлена теорія, по которой прежнее мнѣніе о тѣсной связи возникновенія шіитства и иранскихъ вѣрованій считается ошибочнымъ; шіитство въ основѣ признается возникшимъ въ арабской средѣ, лишь съ возстаніемъ Мухтāра въ концѣ VII в. воспринявшимъ въ себя ясно выраженные персидскіе элементы. Основное значеніе для рѣшенія вопроса представляетъ конечно ученіе ʿАбдуллаха-ибн-Сабā, перваго, въ началѣ тридцатыхъ годовъ Хиджры, провозгласившаго основной догматъ шіитства. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень ограниченное количество свѣдѣній объ ʿАбдуллахѣ-ибн-Сабā [1]). Преданія о немъ Велльхаузенъ считаетъ тенденціознымъ объясненіемъ возникновенія внутренняго разлада въ исламѣ — человѣкъ еврейскаго происхожденія (ʿАбдуллаху-ибн-Сабā приписывалось еврейское происхожденіе) основалъ яко-бы древнѣйшую секту, а способъ распространенія ученія при помощи эмиссаровъ, практиковавшійся Аббасидами, тотъ-же авторъ признаетъ не существовавшимъ въ древнѣйшую эпоху ислама, при господствѣ арабскаго племенного государства [2]). Фактическое подтвержденіе этому Велльхаузенъ усматриваетъ въ томъ, что первые упоминаемые Сабāиты были арабы и даже Мухтāръ былъ окруженъ арабской, преимущественно іеменской средой [3]), — ʿАбдуллахъ-ибн-Сабā былъ по преданію происхожденіемъ изъ Іемена (по другому преданію — изъ Хиры) [4]). Мнѣніе Велльхаузена принято и поддерживается И. Гольдціэромъ [5]). Отмѣтимъ, однако, *что появленіе этого лица съ его вѣроученіемъ* [6]) *относится ко времени, непосредственно слѣдующему за убіеніемъ Іездегерда* — къ началу тридцатыхъ годовъ Хиджры. Іеменъ, изъ котораго яко-бы происходилъ ʿАбдуллахъ-ибн-Сабā, находился въ непосредственномъ общеніи съ сасанидской Персіей и

вителю еврейско-персидскаго синкретизма, — см. о немъ JA, X série, IV, 331—351, для нашего вопроса 348—9.

1) См. теперь Enzyklopaedie des Islām, I, 31 и I. Friedländer, ʿAbdallāh b. Sabā, der Begründer der Šīʿa, und sein jüdischer Ursprung, Zeitschr. f. Assyriol. XXIII, 1909, 296—328 и XXIV, 1910, 1—47.

2) J. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 124—5.

3) J. Wellhausen, Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam, Abh. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Cl., 1901, 90 сл. Его-же, Das arabische Reich und sein Sturz, 42—43.

4) См. Friedländer, o. c. XXIII, 314 и XXIV, 22—23.

5) См. напр. I. Goldziher, Vorlesungen über den Islam, 1910, 241.

6) Являвшимся по Табарӣ не исламомъ, а новой религіей, какъ то указалъ Wellhausen; ср. ниже слова Ахмеда-ибн-Абӯ-Тāхира о хорасанскомъ исламѣ.

религіей Зороастра, — примѣръ этому мы привели выше. Мѣсто, занимаемое въ этомъ вѣроученіи ʿАлӣ, какъ извѣстно, ясно выражаетъ идеи мессіанизма. Въ связи съ этими идеями находится отожествленіе ʿАлӣ съ «земнымъ звѣремъ», извѣстнымъ въ мусульманской эсхатологіи и подробно описываемымъ: «звѣрь этотъ косматый, въ перьяхъ, пестрый, съ четырьмя ногами, съ головой быка, съ ушами слона, съ рогами оленя, съ шеей страуса, съ грудью льва, съ ногами верблюда, съ Моисеевымъ жезломъ и Соломоновой печатью»[1]). Въ выраженіи «ѣдущій на ослѣ» усматривалось указаніе на мессіаническое значеніе Мухаммеда[2]).

Обращаясь въ интересующемъ насъ вопросѣ къ иранской миѳологіи, мы встрѣчаемся съ весьма цѣнными указаніями. Мы находимъ въ этой миѳологіи баснословное животное, именуемое «осломъ». Въ Авестѣ (семиглавая Ясна) оно встрѣчается лишь одинъ разъ: «оселъ, стоящій посреди моря Воурукаша»[3]). Въ Мӣнōхиредѣ (LXII, 26—7)[4]) онъ именуется «трехногимъ», пребывающимъ въ морѣ Варкашъ и очищающимъ падающую на него дождевую воду. Подробное-же описаніе этого созданія мы находимъ въ Бундахишѣ (XIX, 1—13)[5]). Онъ также именуется «трехногимъ», стоящимъ среди безбрежнаго моря; у него шесть глазъ, девять ртовъ, два уха, одинъ рогъ; два его глаза расположены тамъ, гдѣ и слѣдуетъ быть глазамъ, два другихъ глаза на макушкѣ головы, два третьихъ на горбу; острымъ взглядомъ этихъ глазъ онъ побѣждаетъ и разрушаетъ; у него три рта на головѣ, три — на горбу, три — на бокахъ; каждый ротъ величиной съ домъ; самъ онъ величиной съ гору Альвандъ (пазендскія рукописи читаютъ Хунавандъ); громадныхъ размѣровъ и ноги его; двумя ушами онъ можетъ обхватить Мāзандерāнъ; своимъ рогомъ онъ побѣждаетъ и уничтожаетъ вредныя дѣянія дурныхъ существъ; когда онъ погрузитъ свою шею по уши въ море, вся вода придетъ въ волненіе, а гора Ганāвадъ сотрясется въ основаніи; его пребываніе очищаетъ воду; съ его помощью собираетъ воду звѣзда Тӣштаръ (ав. Тиштрья, перс. названіе Сиріуса, которая, какъ врагъ демона сухости, *тучей* собираетъ воду и крупными каплями посылаетъ ее на землю — см. Бундахишъ, VII, 11)[6]).

Этотъ весьма сложный миѳологическій образъ представляетъ до сего

1) دابّة الأرض. Псевдо-Балхӣ, о. с. II, текстъ 198—203, пер. 173—6. Ср. Hughes, о. с. 64 и I. Goldziher, Muhammedanische Studien, II, 1890, 113.

2) Бӣрӯнӣ, о. с. текстъ 12, пер. 22.

3) W. Geiger, Ostiranische Kultur im Altertum, 1882, 361 и GIPh, II, 645.

4) E. West, Pahlavi texts, III, 111.

5) West, Pahlavi texts, I, 67—9.

6) West, Pahlavi texts, I, 28.

времени затрудненія для изслѣдователей. Наиболѣе вѣроятнымъ является объясненіе Дармстетера[1]), видящаго въ немъ метеорологическій миѳъ — олицетвореніе тучъ и бури. Объясненіе это находитъ подтвержденіе въ арабскихъ источникахъ.

Въ виду того, что иранская миѳологія относитъ пребываніе этого миѳическаго существа къ морю Воурукаша, которое обыкновенно отожествляется съ Каспійскимъ моремъ, мы должны обратить вниманіе на извѣстія арабскихъ писателей объ этомъ морѣ, называемомъ ими, какъ извѣстно, Хазарскимъ, Джурджанскимъ, Табаристанскимъ. Дѣйствительно, мы находимъ у Ибн-ал-Факӣха[2]) слѣдующій разсказъ, который цитуется имъ яко-бы изъ персидскихъ источниковъ[3]).

Когда сасанидскій шахъ Анӯширвāнъ овладѣлъ Каспійскими воротами (Дербендъ) и провелъ заграждавшую ихъ стѣну и молъ въ море[4]), онъ восхвалилъ Бога, предрекшаго ему проведеніе стѣны и покореніе врага, и помолившись о возвращеніи на родину, легъ отдыхать. Тогда поднялся изъ моря водяной смерчъ, закрывшій весь горизонтъ, а съ нимъ *туча*, скрывшая свѣтъ, и направился къ стѣнѣ. Бывшіе съ шахомъ вознамѣрились метаньемъ стрѣлъ отстранить несчастье, но пробужденный Анӯширвāнъ успокоилъ ихъ, сказавъ, что по Божьему велѣнію онъ долженъ былъ отсутствовать изъ своей страны въ теченіе двѣнадцати лѣтъ съ тѣмъ, чтобы провести эту стѣну и завладѣть однимъ изъ обитателей моря. Тогда подошелъ смерчъ, поднялся надъ моломъ и объявилъ шаху, что онъ, обитатель этого моря, видѣлъ какъ семь разъ сооружалась эта стѣна и какъ она семь разъ разрушалась, но всѣ обитатели этого моря знаютъ, что властитель, подобный Анӯширвāну, проведетъ эту стѣну навсегда. Затѣмъ смерчъ скрылся въ морѣ.

Несмотря на мусульманскую окраску преданія, мы можемъ легко усмотрѣть, что оно сообщаетъ черты, весьма близкія къ разсказу о миѳическомъ ослѣ въ Бундахишѣ и подтверждаетъ сближеніе Дармстетера.

---

1) J. Darmesteter, Ormazd et Ahriman, 1877, 148.

2) O. c. 289. То-же преданіе записалъ нѣсколько позже Байхакӣ, Kitāb-al-maḥāsin va-l-masāvī, hrsg. von F. Schwally, 133—6 (ср. мои Сасанидскіе Этюды, 37). Въ GIPh, II, 645, при упоминаніи объ этомъ существѣ замѣчается, что возможно правильное освѣщеніе его у Казвӣнӣ, но при этомъ не указывается про какое именно сочиненіе Казвӣнӣ идетъ рѣчь. По всей вѣроятности имѣется въ виду то мѣсто ʿАджāибъ-ал-махлӯкāтъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Текстъ Ибн-ал-Факӣха исправнѣе и добавляетъ къ слову السكّ слово الفند, что еще болѣе сближаетъ преданіе, разсказываемое далѣе, съ данными Бундахиша.

3) من اخبار الفرس.

4) الفند = перс. بند, плотина, застава, см. Glossarium при изданіи текста, XL. Историческія извѣстія объ этомъ см. напр. GIPh, II, 535.

Кромѣ моря Воурукаша, Бундахишъ упоминаетъ и нѣкоторыя другія мѣстности, позволяющія отожествить мѣстопребываніе этого существа съ Каспійскимъ моремъ. Альвандъ не должно отожествлять съ современной горой Эльвендъ, близъ Хамадана (какъ то думалъ Уэстъ), а съ персидскимъ словомъ *бендъ* «плотина», «застава», упомянутымъ у Ибн-ал-Факӣха; это толкованіе подтверждается чтеніемъ пазендскихъ рукописей Бундахиша—Хунавандъ, «Гунскія ворота, Гунская застава», каковымъ именемъ издавна обозначалась мѣстность, называвшаяся арабами Бāбъ-ал-абвāбъ, персами — Дербендъ. Далѣе упоминается Мазандеранъ. Гора Гунāвидъ означаетъ Хорасанскія горы (см. Бундахишъ, XII, 34)[1]; съ ними связывается почитаніе находившагося въ Хорасанѣ священнаго огня Бурзӣнъ-Михръ, покровителя земледѣльческаго класса[2]) и по формѣ это слово есть арабское множественное отъ перс. *гумбедъ*, «куполъ», «куполообразная постройка»— мѣстность и селеніе съ такимъ именемъ извѣстны изъ арабской географической литературы[3]). Приведенныя соображенія даютъ полное основаніе локализировать преданіе—водяной смерчъ, вызывающій бурю и ненастье на Каспійскомъ морѣ, сопровождается по Бундахишу метеорологическими явленіями, отражающимися на окрестныхъ горныхъ хребтахъ. Онъ появляется по Ибн-ал-Факӣху вмѣстѣ съ сопровождающей въ Бундахишѣ звѣзду Сиріусъ тучей. По арабской версіи преданія, онъ отожествляется съ однимъ изъ обитателей моря. Уничтожая по парсійскому преданію вредныя дѣянія дурныхъ существъ, онъ подчиненъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаменитому шаху Сасанидской династіи, покровительствовавшей зороастризму. Отмѣтимъ, наконецъ, что съ этимъ явленіемъ и его олицетвореніемъ связываются въ переданномъ преданіи предвѣщанія и эсхатологическія ожиданія.

Изъ контекста Казвӣнӣ[4]), при разсказѣ его о животныхъ Каспійскаго моря, надо заключить, что онъ отожествляетъ это явленіе и его олицетвореніе съ морскимъ дракономъ, гидрой, который, какъ объясняетъ Казвӣнӣ, по мнѣнію однихъ — морской ураганъ, несущій тучи и тьму и рождающійся

---

1) West, 41.

2) Ср. мои разысканія въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1911, Мартъ, 298.

3) C. Barbier de Meynard, Dictionnaire géographique de la Perse, Paris, 1861, 165—6. Такое объясненіе представляется мнѣ болѣе правильнымъ, чѣмъ толкованіе Darmesteter'a, o. c. 138. Характерно, что Бундахишъ называетъ въ этомъ мѣстѣ такимъ именемъ Хорасанскія горы—по Шахнамэ, въ битвѣ Кей-Хосроя съ Туранцами, Иранцы располагаются на горѣ Рейбедъ (ريبد), т. е. Рӣвандъ (ريوند), гдѣ былъ священный огонь, а Туранцы на горѣ Гумбедъ (گنبد); такимъ образомъ, это — иранская мѣстность, занятая враждебными силами. О словѣ گنبد см. Th. Nöldeke, Persische Studien, II, 41.

4) Zakarija Ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, herausgeg. von F. Wüstenfeld, I, 129.

на днѣ моря, а по мнѣнію другихъ — животное, живущее на морскомъ днѣ и имѣющее видъ большого чернаго змія. Особенно-же интересна для насъ слѣдующая фраза его — *«подобныя вещи разсказываютъ со словъ Ибн-ʿАббāса»*; вслѣдъ за этими словами слѣдуетъ преданіе объ Анӯширвāнѣ и смерчѣ, безъ ссылки на персидскія преданія. Эта фраза имѣетъ особое значеніе для интересующаго насъ вопроса. Двоюродный братъ Мухаммеда, ʿАбдуллахъ-ибн-ʿАббāсъ былъ дѣдомъ начавшаго, по вышеприведенному преданію, въ 100 г. Хиджры аббасидскую пропаганду Мухаммеда-ибн-ʿАлӣ, отца первыхъ аббасидскихъ халифовъ Саффāха и Мансӯра. Какъ извѣстно, этотъ Ибн-ʿАббāсъ пользовался славой одного изъ лучшихъ знатоковъ мусульманскихъ преданій, извѣстнаго, однако, цѣлымъ рядомъ въ высшей степени сомнительныхъ и странныхъ толкованій Корана[1]). При внѣшнемъ примиреніи съ Омайядами, онъ несомнѣнно не забывалъ интересы своего рода, что должно было отразиться и въ его дѣятельности какъ мусульманскаго богослова. По крайней мѣрѣ таковымъ онъ представлялся его потомкамъ, которые шли сходнымъ путемъ. Аббасидское преданіе склонно приписывать вышеупомянутому Мухаммеду-ибн-ʿАлӣ даръ предвѣщанія[2]). Казвӣнӣ, при разсказѣ о водяномъ смерчѣ Каспійскаго моря, отожествляемомъ нами съ миѳическимъ осломъ иранскаго преданія, указываетъ источникъ, изъ котораго онъ, весьма вѣроятно, почерпнулъ свое повѣствованіе — слова Ибн-ʿАббāса, къ которому возводится, между прочимъ, и преданіе объ Эздрѣ и его ослѣ[3]), а этотъ источникъ приводитъ къ преданіямъ аббасидскихъ ученыхъ[4]), на которыя сослались шіитскіе представители[5]) Мухаммеду-ибн-ʿАлӣ по Дӣнаверӣ, и къ «году осла» въ завѣщаніи алида ʿАбдуллаха-ибн-Мухаммеда тому-же Мухаммеду-ибн-ʿАлӣ по Яʿкӯбӣ. Сказаніе о водяномъ смерчѣ и пророческомъ значеніи «года осла» должно было играть значительную роль въ книгахъ о судьбахъ Аббасидовъ, въ Китāбъ-ад-даула, имѣющей большое значеніе въ половинѣ VIII в. по Р. Х.

Составленіе Бундахиша относится къ эпохѣ, послѣдующей мусульманскому завоеванію; нѣкоторыя частности позволяютъ возвести его къ концу

---

1) См. напр. А. Мюллеръ, Исторія Ислама, 1895, II, 125 и Enziklopaedie des Islām, I, 20–21.

2) Яʿкӯбӣ, о. с. II, 412.

3) См. напр. Дамӣрӣ, о. с. текстъ 212, пер. 552.

4) Связь интересовъ Ибн-ʿАббāса и Вахба-ибн-Мунаббиха обнаруживается изъ приписываемаго первому отзыва о Вахбѣ, какъ о «мудрѣйшемъ изъ людей» — см. Ибн-ал-Факӣхъ, о. с. 34.

5) Характерно, что преданіе представляетъ Ибн-ʿАббāса заступникомъ за ʿАбдуллаха-ибн-Сабā передъ ʿАлӣ — см. Freidländer, о. с. XXIII, 312.

IX и къ X в. Такимъ образомъ, интересующія насъ событія въ половинѣ VIII в. предшествуютъ его составленію и мы склонны усматривать въ той-же главѣ Бундахиша, описывающей миѳическое животное, косвенное указаніе на эти событія. Обращаемъ вниманіе на фразу: «когда онъ погрузитъ свою шею по уши въ море, вся вода въ этомъ безбрежномъ морѣ придетъ въ волненіе и Хорасанскій хребетъ сотрясется въ основаніи». Упоминаніе Хорасана, очага аббасидской пропаганды, въ связи съ упомянутымъ выше отношеніемъ миѳа къ «году осла», вызываетъ мысль объ отраженіи въ Бундахишѣ событій исторіи ислама въ половинѣ VIII в. Эти соображенія не нарушаютъ, однако, древности самаго миѳологическаго образа: какъ уже сказано, онъ извѣстенъ Авестѣ. Новѣйшія парсійскія преданія, описывая рожденіе Александра Великаго отъ Аримана, явившагося въ видѣ *вихря*, даютъ указаніе на живучесть переноснаго значенія этого представленія въ сказаніи о переворотѣ, отдавшемъ ахеменидскую Персію Грекамъ [1]). Быть можетъ, косвенное указаніе на связанныя съ миѳическимъ существомъ воззрѣнія мы можемъ усматривать въ толкованіи Балāзурū [2]) прозвища Іеменскаго пророка Асвада-ал-ʿАнсū, выступившаго еще при жизни Мухаммеда, — «владыкой осла», при чемъ можно видѣть тутъ сознательную игру словъ — по другому преданію онъ назывался «владыкой покрывала», такъ какъ ходилъ постоянно закутаннымъ въ покрывало; ḥimār, «оселъ», и ḫimār, «покрывало», различаются въ арабскомъ языкѣ лишь болѣе мягкимъ или болѣе твердымъ произношеніемъ начальнаго h [3]).

Не останавливаясь въ интересующемъ насъ вопросѣ на возникновеніи самаго миѳологическаго представленія и ограничиваясь опредѣленными историческими рамками, мы можемъ на основаніи предшествующихъ соображеній придти къ слѣдующимъ выводамъ. Названіе «годъ осла» возникло въ связи съ иранскими миѳологическими представленіями, рисовавшими въ видѣ миѳическаго осла, обитавшаго въ морскихъ пучинахъ, бурю и ураганъ; въ переносномъ смыслѣ это представленіе означало волненіе, совокупность бурныхъ и рѣшающихъ событій, коренныя перемѣны религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ условій, вообще переворотъ. Отсюда — «ослинымъ годомъ» назывался годъ переворота. Это обозначеніе вмѣстѣ съ миѳологическимъ преданіемъ связываетъ иранскія вѣрованія съ тайными ученіями родовыхъ сказаній Аббасидовъ. Подобнаго рода понятіе естественно

---

1) См. J. Darmesteter, Essais orientaux, 1883, 246.

2) O. c. 105.

3) Объ Асвадѣ см. J. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums², 1897, 135 и Skizzen und Vorarbeiten, VI, 31.

примѣнялось къ опредѣленнымъ хронологическимъ датамъ — таковыми по самому характеру эсхатологическихъ чаяній несомнѣнно являлись столѣтнія годовщины великихъ событій.

Черный цвѣтъ, отличительный цвѣтъ аббасидскаго движенія, а впослѣдстіи и династіи[1]), былъ впервые принятъ, въ Мервѣ. Арабскіе писатели, сообщающіе объ этомъ, отмѣчаютъ *Мервъ, какъ городъ, въ которомъ и былъ убитъ послѣдній сасанидскій шахъ Іездегердъ, и возникло аббасидское движеніе*[2]). Сопоставленіе, не лишенное значенія для интересующаго насъ вопроса: преданіе аббасидскаго времени, упоминая Мервъ, говоритъ, что *въ этомъ городѣ молился Эздра*[3]). Шіитское преданіе даетъ такъ называемому «скрытому существованію» т. е. *исчезновенію и вторичному появленію Эздры срокъ въ сто лѣтъ*[4]).

III.

Дополненіемъ къ приведеннымъ соображеніямъ можетъ служить одинъ, до сего времени, сколько знаемъ, не объясненный археологическій памятникъ. Интересующая насъ историческая эпоха, раннее время исторіи ислама, весьма не богата художественными памятниками, иллюстрирующими былую жизнь, тѣ-же памятники, которые дошли до насъ, датируются даже не опредѣленнымъ столѣтіемъ, а рядомъ вѣковъ, и, по большей части, не даютъ намъ возможности связать ихъ съ опредѣленными историческими явленіями или точно выраженнымъ ихъ содержаніемъ. Тѣмъ интереснѣе всякій памятникъ, который открываетъ намъ эту возможность. Обращаемъ вниманіе на серебряную чашу, дошедшую до насъ среди значительнаго числа подобныхъ ей памятниковъ изъ крайнихъ сѣверо-восточныхъ предѣловъ Европейской Россіи, именно изъ починка Верхне-Березовскаго Пермскаго уѣзда

1) Объ этомъ цвѣтѣ см. Van-Vloten, 63—65.

2) BGA, I, 262 и II, 316. Для самаго факта ср. Табарӣ, II, 1575.

3) Ибн-ал-Факӣхъ, о. с. 316, Макдисӣ, о. с., 298 (со ссылкой на Ибн-'Аббâса).

4) I. Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie, II, LXVI, anm. 1. Подготовлявшееся аббасидское движеніе сказывается въ титулахъ, дававшихся повелителями Китая въ концѣ первой половины VIII в. среднеазіатскимъ владѣльцамъ — «любящій переворотъ» или «принимающій переворотъ» (таковы титулы владѣльцевъ Ферғâны и Шâша, см. E. Chavannes, Documents sur les Toukiue Occidentaux, 1903, 295, ср. вообще 290—298), а также въ единственныхъ засвидѣтельствованныхъ исторіей сношеніяхъ табаристанскихъ испехбедовъ съ китайскимъ дворомъ, происходившихъ именно въ это время: въ 744 г. испехбедъ получилъ титулъ «уважающаго переворотъ», а въ 746 — «придерживающагося хорошей вѣры» (т. е. вѣры Зороастра).

той-же губерніи, сохраняющуюся въ коллекціи Теплоуховыхъ и изданную въ Атласѣ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія [1]). Не вдаваясь въ подробное стилистическое и техническое изслѣдованіе этого памятника, разсмотримъ исключительно его содержаніе.

Въ серединѣ чаши, въ кругѣ, мы видимъ изображеніе странной фигуры: она обращена въ правую сторону и одѣта въ куртку или короткій кафтанъ; на ногахъ штаны и сапоги; на шеѣ круглый воротникъ; куртка перепоясана. При человѣческой фигурѣ, голова этого существа имѣетъ сходство съ головой осла; она изображена въ профиль, такъ что видно одно ухо, но надъ головой поднимается рогъ; подъ подбородкомъ означена небольшая бородка въ родѣ козлиной. Надъ затылкомъ развѣваются двѣ ленты. Въ правой рукѣ фигура держитъ, повидимому, опрокинутый внизъ сосудъ съ высокой, острой крышкой; въ лѣвой — копье съ двумя развѣвающимися около его острія лентами.

Несомнѣнна связь этой фигуры съ парсизмомъ — развѣвающіяся за головой ленты являются необходимой принадлежностью въ изображеніяхъ сасанидскаго искусства. Такія-же ленты прикрѣплены къ копью. Другія частности указываютъ также на парсійскій культъ съ одной стороны, и на связь съ иранскимъ преданіемъ въ Бундахишѣ о миѳическомъ ослѣ съ другой. Надъ головой фигуры поднимается рогъ; оружіе, копье, является той палкой, которой вооружались огнепоклонники для избіенія вредныхъ животныхъ, особенно змѣй; наконецъ сосудъ вызываетъ мысль о переносномъ пиреѣ «*атешгахъ*», также принадлежности парсійскаго культа.

Въ стилистическомъ отношеніи изображенная на чашѣ фигура болѣе всего походитъ на фигуру парса на серебряномъ блюдѣ, происходящемъ изъ тѣхъ-же мѣстъ и хранящемся въ Кабинетѣ Древностей Парижской Національной Библіотеки [2]). Парсъ этотъ находится въ церемоніальной свитѣ богини, которую Бабл онъ [3]) считалъ покровительницей водъ Анахитой, и также держитъ въ одной рукѣ пирей, а въ другой оружіе для истребленія вредныхъ созданій, оружіе въ видѣ жезла. Съ другой стороны, въ фантастическомъ рогатомъ животномъ, на которомъ ѣдетъ Анахита, мы можемъ видѣть миѳическаго водяного осла, описываемаго въ Бундахишѣ, безразлично сравнивать-ли его по формѣ съ дикимъ осломъ, какъ г. Баблонъ, или съ камелопардомъ, жирафомъ, какъ до него предполагалъ г. Одобеско.

---

1) Восточное Серебро, 1909, № 45, табл. XVIII—XIX.

2) См. Восточное Серебро, табл. XVII, 40.

3) E. Babelon, Coupe d'argent-sassanide de la déesse Anaïtis, Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale, III série, 1887, pl. XLIII, 167—173.

По стилю г. Баблонъ относитъ это блюдо къ эпохѣ крайняго вырожденія сасанидскаго искусства. Кафтанъ миѳическаго существа на чашкѣ болѣе всего напоминаетъ кафтаны на двухъ витязяхъ блюда, изданнаго въ томъ-же Атласѣ[1]). Во всякомъ случаѣ, безотносительно къ стилю, мы не можемъ искать въ фигурѣ на серебряной чашѣ, такъ-же какъ и на вышеупомянутомъ блюдѣ, изображенія реальнаго животнаго,—достаточно вспомнить приведенное ранѣе описаніе его[2]).

Добавимъ, что этотъ смѣшанный и потому нереальный характеръ миѳическаго животнаго доказывается и названіемъ его въ Бундахишѣ —*херъбӯзъ, херъбӯджъ*[3]), что указываетъ на присутствіе рога, какъ аттрибута этого существа. Намъ важно для выясненія происхожденія идеи, что арабскіе тексты даютъ совершенно опредѣленное слово —*химāръ* (ḥimār), имѣющее значеніе только «оселъ»; это вполнѣ согласуется съ древнѣйшимъ наименованіемъ этого существа въ Авестѣ—*хара* (ḫara), изъ чего мы можемъ заключить о ближайшихъ отношеніяхъ арабскаго представленія, выражаемаго этимъ словомъ въ отношеніи эсхатологическихъ ожиданій, къ иранскому.

Въ эпоху паденія Омайядской династіи Мазандераномъ управляли самостоятельно мѣстные правители, придерживавшіеся вѣры Зороастра. Древнѣйшій мѣстный историкъ Мухаммедъ-бенъ-Хасанъ-бенъ-Исфендіāръ, писавшій въ началѣ XIII в., даетъ приведенное нами выше объясненіе для прозвища Марвāна[4]): «годомъ осла» назывался арабами конецъ столѣтія (со ссылкой на осла Эздры) и послѣдній Омайядскій халифъ получилъ свое прозвище отъ того, что при немъ исполнилось столѣтіе династіи. Но при этомъ онъ приводитъ имя властителя (испехбеда), правившаго въ то время въ Мазандеранѣ и бывшаго правителемъ двѣнадцать лѣтъ; при немъ-то, прибавляетъ историкъ, и началась пропаганда Абӯ-Муслима въ Мервѣ. Властитель этотъ назывался Дāд-бурз-михръ[5]). Съ именемъ этого испехбеда

---

1) Табл. XXIII, 50 (кафтаны другого типа на табл. XX, 46 и XXXVIII, 67).

2) На ободкѣ чаши находится надпись средне-персидскими письменами, разборъ которой въ толкованіи Westa'a помѣщенъ въ Jour. of Amer. Or. Soc. XXVIII, 345—9.

3) Это слово образовано, какъ то указалъ Th. Nöldeke (см. P. Horn, Grundriss der neupersischen Etymologie, 1893, 49, ср. H. Hübschmann, Persische Studien, 1895, 29) по типу гр. ὀνότραγος.

4) E. G. Browne, An abbridged translation of the history of Ṭabaristán, compiled by Muḥammed b. al-Ḥasan b. Isfandiyár, 1905, 110.

5) دادبرزمهر, см. GIPh, II, 548 и I. Marquart, Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Abh. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, phil.-hist. Klasse, N. F., III, № 2, 131.

до насъ дошло серебряное блюдо, найденное въ Вятской губерніи[1]). Хотя по сюжету оно не можетъ быть сопоставляемо съ интересующимъ насъ изображеніемъ, но, въ данномъ случаѣ, интересна дата: она совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, изъ котораго идутъ сказанія о «годѣ осла». Разсматривая въ общемъ обзорѣ издаваемые памятники, Я. И. Смирновъ отнесъ ту группу, въ которую онъ включалъ интересующую насъ чашу, приблизительно къ III—VII в. по Р. Х.[2]). Мы можемъ думать, что сюжетъ изображенія этой чаши либо пользовался значительнымъ распространеніемъ еще до половины VIII в., либо явился особенно важнымъ въ это именно время. При обоихъ предположеніяхъ, мы можемъ усматривать въ этомъ памятникѣ древности иллюстрацію къ вышеприведеннымъ литературнымъ даннымъ. Съ общей точки зрѣнія добавимъ, что эти данныя весьма важны и для хронологическаго, хотя-бы приблизительнаго, опредѣленія тѣхъ памятниковъ мусульманскаго искусства, будь то металлическія издѣлія, ткани и др., на которыхъ мы встрѣчаемъ изображенія (или попытки таковыхъ) послѣдняго сасанидскаго шаха Іездегерда, а равно и для уясненія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ возводимыхъ къ мусульманской эпохѣ памятниковъ, на которыхъ находятся изображенія легендарныхъ хосроевъ[3]).

Въ заключеніе этихъ археологическихъ соображеній обратимъ еще вниманіе на двѣ частности интересующаго насъ изображенія. Какъ мы уже указали, въ одной рукѣ фигура держитъ, повидимому, переносный пирей. Намъ думается, что не напрасно она изображена держащей этотъ предметъ внизъ крышкой. Пирей заключалъ въ себѣ священнѣйшій элементъ парсизма— огонь, и миѳическое существо, опрокидывая его на землю, тѣмъ самымъ приводило, можетъ быть, въ исполненіе свою сверхъестественную силу—побѣждать и разрушать вредныя дѣянія дурныхъ существъ. Такимъ образомъ, и эта идея приводится въ исполненіе на изображеніи и связывается съ существеннѣйшимъ элементомъ парсизма — огнемъ. Въ другой рукѣ фигура держитъ копье, аналогичное аттрибуту парса на блюдѣ съ Анахитой — палкѣ, предназначенной для избіенія злыхъ существъ. Становясь на точку зрѣнія тогдашнихъ зороастрійцевъ, это оружіе въ примѣненіи къ иновѣрцамъ не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ «уничтожителемъ невѣрныхъ». Разсказывая о

1) Атласъ, табл. XXI, 48 и текстъ 6.

2) Восточное Серебро, текстъ, 7.

3) См. Я. И. Смирновъ, Серебряное сирійское блюдо, найденное въ Пермской губерніи, 1899, 41—2. Сюда же могутъ быть возводимы и нѣкоторыя изъ изображеній (если это таковыя изображенія) пророка Даніила на памятникахъ художественной промышленности, относимыхъ къ сасанидскому и мусульманскому средневѣковью.

выступленіи сторонниковъ Абӯ-Муслима въ Хорасанѣ, Дӣнаверӣ пишетъ[1]): «поспѣшно собрались къ Абӯ-Муслиму люди изъ Херāта, Бӯшанджа, Мерверрӯда, Талекāна, Мерва, Нисы, Абӣверда, Тӯса, Нисāбӯра, Серахса, Балха, Сагāніяна, Тохāристāна, Хутталāна, Кеша, Несефа; сошлись они одѣвшись въ черное и окрасивъ также въ черное половины ихъ дубинъ, называемыхъ ими *побивающими невѣрныхъ*»[2]). Терминъ этотъ для обозначенія палокъ, побивающихъ невѣрныхъ, извѣстенъ и ранѣе—при возстаніи въ Куфѣ, въ началѣ послѣдней четверти VII в., Мухтāра, опиравшагося какъ извѣстно на шіитскіе элементы, оружіе съ такимъ названіемъ употреблялось его приверженцами; при немъ была группа возставшихъ, которые не имѣли другого оружія, кромѣ палокъ и которые назывались «Сурхāбійя, ибо ихъ предводителемъ былъ Сурхāбъ табаристанецъ, и прозвали ихъ дубинниками, потому что они возстали съ Мухтāромъ, не имѣя другого оружія, кромѣ палокъ»[3]). Эту-то, «побивающую невѣрныхъ» ритуальную палку, съ прибавленнымъ къ ней наконечникомъ, мы можемъ видѣть въ оружіи миѳическаго существа вышеупомянутаго блюда.

IV.

Выше мы видѣли, что иранское миѳологическое представленіе имѣло отношеніе къ мусульманской, аббасидской и алидской средѣ въ связи съ эсхатологическими ожиданіями, вызываемыми мыслями объ истеченіи столѣтія. Тѣмъ вѣроятнѣе должна была существовать подобная связь между миѳомъ и ожиданіями въ собственно иранскомъ мірѣ. Быть можетъ, что отголосокъ этого факта сохранился въ одномъ преданіи, записанномъ у Табарӣ и отмѣченномъ В. В. Бартольдомъ[4]). Въ немъ сообщается, что послѣ пораженія, нанесеннаго войскамъ Іездегерда въ сраженіи при Джалӯлā, шахъ видѣлъ сонъ, въ которомъ онъ бесѣдовалъ съ Богомъ въ присутствіи Мухаммеда. Богъ сказалъ Мухаммеду, что даетъ арабамъ владычество на сто

---

1) О. с. 359–360.

2) Ср. Van Vloten, о. с. 67. كافركوبات см. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 314 и 333, Browne, Literary history of Persia, I, 244, Glossarium ad Tabari, s. v., خشب и كفر. И здѣсь, конечно, могли также имѣть мѣсто другія вліянія, напр. Моисеевъ жезлъ (см. выше о «земномъ звѣрѣ»), — ср. о жезлѣ Enziklopaedie des Islām, I, 491—2.

3) См. Хорезмӣ, Mafātiḥ-al-'olūm, ed. G. Van-Vloten, 29. Ср. Ибн-Русте, о. с. 218 и Ибн-Кутейба, о. с. 300. Аббасидъ Мухаммедъ-ибн-'Алӣ послалъ каждому изъ своихъ эмиссаровъ по жезлу, когда они стали склоняться къ ученію Хуррамитовъ (Табарӣ, II, 1588 и 1640, годы 118 и 120 Хиджры).

4) ЗВО, XVII, 0146—7.

лѣтъ; затѣмъ, по просьбѣ Мухаммеда, Богъ увеличилъ срокъ въ сто десять лѣтъ; на повторную просьбу Мухаммеда, Богъ снова увеличилъ число лѣтъ и далъ арабскому владычеству сто двадцать лѣтъ; Мухаммедъ снова просилъ увеличить срокъ и Богъ выразилъ согласіе, но шахъ не могъ узнать числа лѣтъ, такъ какъ былъ разбуженъ. На этомъ и прерывается вѣщее знаменіе.

Для насъ въ этомъ разсказѣ интересна хронологія, опредѣленіе датъ. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что, такъ какъ преданіе это можетъ считаться имѣющимъ отношеніе къ персидскимъ кругамъ[1]), мы при хронологическомъ разсчетѣ должны имѣть въ виду и солнечный календарь. Битва при Джалӯлā произошла въ 16 г. Хиджры, въ самомъ концѣ 637 или въ самомъ началѣ 638 г. по Р. Х.[2]). Сто двадцать лѣтъ, на которыхъ прерывается сонъ Іездегерда, приходится на конецъ 757 г. или на начало 758 г. по Р. Х. Мы можемъ ставить эту дату въ связь съ преданіемъ о переселеніи Парсовъ въ Киссе-и-Санджāнъ. Ожидаемое третье десятилѣтіе, приходящееся на срокъ отъ 757 или 758 г. до 767 или 768 г., не упомянуто; въ 766 г. по Киссе-и-Санджāнъ Парсы отбыли изъ Ормуза въ Индію. При переводѣ на мусульманское лунное лѣтосчисленіе, по истеченіи ста двадцати лѣтъ отъ битвы при Джалӯлā, въ 136 г. Х., 753—4 г. по Р. Х. былъ убитъ Аббасидами Абӯ-Муслимъ.

Отсчитывая сто лѣтъ отъ смерти Іездегерда по мусульманскому лѣтосчисленію, т. е. прибавляя сто лѣтъ къ 31 г. Хиджры, мы получаемъ 131 г. или 748—749 г. по Р. Х.—лѣтомъ 129 г. Х. или 747 г. по Р. Х. Абӯ-Муслимъ поднялъ въ Хорасанѣ черное знамя Аббасидовъ и въ 748 г. весь Хорасанъ, центръ собственно иранскаго движенія, находился уже въ рукахъ сторонниковъ этого рода[3]). Мы видимъ, что *передъ самымъ наступленіемъ столѣтія со времени прекращенія національной персидской династіи Сасанидовъ по лунному мусульманскому календарю, начинается открытая борьба потомковъ ʿАббāса съ Омайядскимъ халифатомъ и въ годовщину его Хорасанъ оказывается во власти ихъ сторонниковъ.*

Халифъ Марвāнъ получилъ свое прозваніе отъ приверженцовъ Аббасидовъ потому, что съ нимъ наступалъ переворотъ къ новой эрѣ. Аббасиды именовали свое управленіе *ад-даула*, въ первоначальномъ значеніи

1) Ср. Бахманъ-Яштъ, West, Pahlavi texts, I, 191 сл.
2) См. напр. Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten, VI, 74, какъ раньше А. Мюллеръ, Исторія Ислама, I, 1895, 271.
3) Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 325—6 и 335—6.

«новая эра»[1]). Это прозвище и связанныя съ нимъ представленія были по существу скрытымъ лозунгомъ, подготовлявшимъ эту новую эру. Воспринятый задолго до начала дѣйствій, поддерживаемый священными для всего мусульманскаго міра традиціями, связываемый съ величайшимъ событіемъ ислама, въ глубочайшей тайнѣ передаваемый устами лицъ, считавшихся авторитетами мусульманской общины—этотъ лозунгъ оказался направленнымъ, какъ «побивающій невѣрныхъ» дротикъ, черезъ головы Алидовъ, возбужденныхъ распрями арабскихъ племенныхъ вождей и разнородной толпы кліентовъ, къ послѣдователямъ вѣры Зороастра, и даже къ различнымъ отвѣтвленіямъ иранскаго маздеизма и дуализма. Трудно опредѣлить съ несомнѣнностью степень и силу преднамѣренности, но хронологическое сопоставленіе, комбинирующее данныя солнечнаго и луннаго календарей, даетъ лучъ свѣта. Малѣйшій намекъ на исходный пунктъ лѣтосчисленія устраняется въ позднѣйшихъ толкованіяхъ арабскихъ авторовъ аббасидской эпохи, все сводится къ арабской фразеологіи, съ объективной видимостью отыскивается объясненіе въ пословицахъ и поговоркахъ, точно опредѣляемое хронологическое противорѣчіе не останавливаетъ вниманія. А между тѣмъ, ключъ къ объясненію не ускользаетъ—преданіе продолжаетъ жить и сказываться въ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Въ XIII в., въ 614 г. Хиджры, Хорезмшахъ ʿАлā-ад-дӣнъ Мухаммедъ (596—619 г. Х., 1200—1220 по Р. Х.) перенесъ права имамата на потомковъ ʿАлӣ, что было встрѣчено съ сочувствіемъ шіитскими кругами[2]). Почти черезъ сто лѣтъ, въ 709 г. Хиджры, монгольскій ильханъ Персіи Улчжэйту (703—716 г. Х., 1304—1316 по Р. Х.) открыто принялъ шіитство[3]). Ханъ этотъ носитъ прозвище Хербенде, «слуга осла», значеніе котораго при выясненномъ значеніи вопроса представляется опредѣляемымъ[4]).

Итакъ, рядомъ съ исходившимъ отъ Аббасидовъ призывомъ мщенія за Хусейна, направленнымъ въ мусульманскую среду, слышится смутно другой

1) Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 347. Слово это было настолько связано съ халифатомъ Аббасидовъ, что получило даже суевѣрное значеніе, такъ напр. Бӣрӯнӣ (о. с., текстъ 132, пер. 129) сообщаетъ, что какъ только Аббасиды стали раздавать почетныя прозвища, составленныя съ этимъ словомъ, власть ихъ погибла (таковы дѣйствительно, какъ извѣстно, прозвища Буидовъ).

2) См. А. Мюллеръ, Исторія Ислама, III, 1896, 207, въ послѣднее время — M. Van Berchem, Arabische Inschriften, Archäologische Reise im Euphrat-und Tigris-Gebiet von F. Sarre und E. Herzfeld, 41, anm. 1.

3) См. А. Мюллеръ, о. с. 277, въ послѣднее время — M. Van Berchem, Une inscription du sultan mongol Uldjaitu, Mélanges H. Derenbourg (extrait), 8, n. 1.

4) Въ связи съ этимъ стоитъ и выраженіе въ современной Персіи سر خر (ар. رآس الحمار), не объясненное у E. G. Browne, A year amongst the Persians, 1893, 274—5.

призывъ, направленный къ Ирану. Этотъ призывъ находитъ откликъ, но «побивающее невѣрныхъ» оружіе съ такой-же быстротой направляется обратно. Съ первыхъ-же шаговъ Аббасидскаго халифата мы встрѣчаемся съ продолжительнымъ и рѣшительнымъ движеніемъ иранскихъ элементовъ — явленіе, почти совершенно не извѣстное въ исторіи Омайядовъ. Въ этомъ результатъ вышеуказаннаго лозунга. Нужно вспомнить какъ это явленіе связывается съ имѣющими общеисторическій интересъ моментами жизни аббасидскаго халифата. Вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ оно все время объединяется съ событіями и волненіями, вызываемыми столкновеніями съ Алидами, бывшими главнымъ камнемъ преткновенія на первыхъ порахъ внутренней жизни аббасидскаго государства.

Одновременно съ Абӯ-Муслимомъ, прозывавшимся, какъ извѣстно, «сāхибъ-ад-даула», «пособникъ новой эры», появился въ Хорасанѣ Бехъ-Āферӣдъ, ученіе котораго тѣсно примыкало къ религіи Зороастра и дуалистическимъ толкамъ[1]). Это движеніе было подавлено самимъ-же Абӯ-Муслимомъ, но убіеніе его Аббасидами вызвало на Востокѣ Ирана сильнѣйшее движеніе. Въ Тронсоксіанѣ нѣкій Исхāкъ поучалъ, что Абӯ-Муслимъ посланецъ Зороастра и что Зороастръ живъ и придетъ. Но особенно важно движеніе, вызванное тогда-же въ Хорасанѣ Сумбāдомъ, мечтавшимъ о возстановленіи древней персидской религіи и уничтоженіи ислама. Онъ былъ огнепоклонникъ изъ окрестностей Нишапура и завоевавъ Нишапуръ, Кумъ и Рей прозвалъ себя «испехбедъ Фӣрӯзъ»[2]). Уже Дармстетеръ[3]) указалъ интересное сообщеніе въ Сіясетъ-нāмэ[4]), согласно которому Сумбāдъ въ бесѣдахъ съ Гебрами заявлялъ, что *арабское господство окончилось, какъ онъ читалъ въ одной сасанидской книгѣ.* Въ данномъ случаѣ, во враждебной исламу, огнепоклоннической средѣ уже не говорится о преданіяхъ ученыхъ аббасидскаго рода или объ авторитетѣ Ибн-ʿАббāса, а открыто и явно указывается на сасанидскую традицію. Интересно прозвище, которое присвоилъ себѣ Сумбāдъ — Фӣрӯзомъ именовался сынъ Іездегерда, а титулъ «испехбедъ» — исконный иранскій титулъ. Возстаніе Сумбāда относится къ 137 г. Х. (754—5 г. по Р. Х.). Китайскіе источники относятъ смерть Іездегерда къ

---

1) См. Browne, Literary History of Persia, I, 308 сл. О Бихъ-Āферӣдѣ спец. ср. статью M. Th. Houtsma, WZKM, III, 30 сл.

2) Табарӣ, III, 120.

3) J. Darmesteter, Le Mahdi, 1885, 107, n. 27.

4) Nizām-oul-Moulk, Siasset-name, éd. et tr. par Ch. Schefer, Publ. de l'Ecole des langues orient. viv., III série, VII—VIII, текстъ 182—3, пер. 267; Ch. Schefer, Chrestomathie persane, I, 172 и 174.

654 г.[1]), что имѣетъ отношеніе къ событіямъ, происходившимъ въ это время на крайнемъ Востокѣ Ирана[2]). Нѣсколько позже мы знаемъ о новомъ возстаніи въ Бадгисѣ, въ Хорасанѣ, которое по Я'кӯбӣ[3]) было связано съ присягой сыну халифа Мансӯра, будущему халифу Махдӣ въ 147 г. Х. (764 г. по Р. Х.)—событіе это несомнѣнно имѣло большое значеніе въ мусульманскомъ мірѣ. Уже Фанъ-Флотенъ[4]), обратилъ вниманіе, что Мансӯръ присягалъ алиду Мухаммеду-ибн-'Абдуллаху, а многознаменательное въ этомъ отношеніи прозвище «Махдӣ» носилъ не только третій халифъ Аббасидской династіи, но и первый, и косвенно четвертый, тогда какъ преданія о названіи «Махдӣ» омайядскаго халифа Омара II возникли, повидимому, въ противовѣсъ къ тѣмъ преданіямъ, которыя ожидали «Махдӣ» изъ дома Мухаммеда. Хотя уже правленіе первыхъ двухъ халифовъ ознаменовывается въ преданіи астрологическими предвѣщаніями, шіитская традиція, сообщаемая Я'кӯбӣ, вслѣдъ за извѣстіемъ объ этихъ двухъ событіяхъ (возстаніе въ Хорасанѣ и присяга Махдӣ), прибавляетъ, что «въ этомъ году было много падающихъ звѣздъ»[5]), указаніе, подобнаго которому мы почти не находимъ въ изложеніи этого автора относительно другихъ, не современныхъ ему событій: передача права наслѣдованья въ потомство при жизни халифа Мансӯра весьма вѣроятно вызвала опредѣленное движеніе въ алидскихъ кругахъ[6]). Въ послѣдующихъ возстаніяхъ—Муканны и Бāбека мы можемъ также опредѣлить присутствіе несомнѣнныхъ иранскихъ элементовъ.

Хотя интересы шіитства и Зороастровой вѣры, сторонниковъ Алидовъ и національныхъ персидскихъ элементовъ, долгое время шли рука объ руку и даже отожествлялись ихъ противниками, мы видимъ, что Аббасиды[7]) сравнительно поспѣшно, хотя, какъ видно изъ предыдущаго, съ большими и по существу никогда не искорененными затрудненіями, постарались уничтожить тотъ лозунгъ, который былъ выдвинутъ во все время пропаганды. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что, когда въ IX в., по случаю провозглаше-

---

1) Chavannes, o. c. 172, n. 1.

2) О Фӣрӯзѣ см. еще W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, I, SBWA, phil.-hist. Cl., 1877, 141—2, отд. отт. 77—8.

3) O. c. II, 457—8.

4) G. Van Vloten, Zur Abbasidengeschichte, ZDMG, LII, 213—227, спец. 218—223.

5) Ср. Van Vloten, o. c. 220.

6) Характерное для всей эпохи первыхъ Аббасидовъ указаніе мы, можетъ быть, можемъ усматривать въ томъ обстоятельствѣ, что еврейско-персидскій апокалипсисъ съ именемъ Даніила (J. Darmesteter, L'apocalypse persane de Daniel, Bibl. de l'Éc. des hautes études, 73, 405—421) не упоминаетъ халифовъ отъ Мансӯра до Хāдӣ включительно.

7) Ср. общую характеристику въ противопоставленіи предшествовавшей эпохѣ у. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, 347 сл.

нія халифомъ Мāмӯномъ наслѣдникомъ престола алида ʿАлӣ-Ридā, въ столицѣ халифата произошелъ бунтъ, понятіе о новой эрѣ, или что тоже о государствѣ Аббасидовъ, уже отпало отъ понятія о религіи Зороастра и персидской національности. Сторонники Аббасидовъ, враждебные къ Алидамъ, говорили: «мы боимся, что погибнетъ *новая эра* съ нововведеніями *зороастрійскаго порядка*»[1]). Въ томъ-же столѣтіи возникновеніе Аббасидскаго халифата ставилось въ связь съ опредѣленнымъ астрологическимъ моментомъ[2]), но именовалось «полнымъ переворотомъ въ вѣрѣ и власти»; тогда-то «отошла вѣра маговъ отъ дихкановъ и они приняли исламъ во время Абӯ-Муслима, и была эта перемѣна (вѣры), похожей на начало (новой) религіи». Надежды, которыя возбудилъ Абӯ-Муслимъ у иранскаго населенія, объясняются изъ вышеизложеннаго: это были надежды на возстановленіе національнаго персидскаго государства.

V.

По Киссе-и-Санджāнъ Парсы, пробывъ въ Ормузѣ пятнадцать лѣтъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны мусульманъ отплыли въ Индію. Намъ остается еще разсмотрѣть тѣ причины, которыя могли побудить ихъ покинуть родину. Прибавляя это число къ году ихъ прибытія въ Ормузъ, мы получаемъ 766 г. Нельзя-ли найти въ исторіи ислама какихъ-нибудь указаній на возможные мотивы ихъ рѣшенія, выраженные въ Киссе-и-Санджāнъ, какъ притѣсненіе со стороны иновѣрцевъ?

Къ этому году относится окончаніе постройки города, которому суждено было въ теченіе долгаго времени пользоваться славой міровогo и который, сооруженный по выбору и плану второго и наиболѣе выдающагося аббасидскаго халифа Мансӯра, былъ предназначенъ сдѣлаться новой столицей халифата — Багдада[3]). Не останавливаясь на различныхъ датахъ его

---

1) Я'кӯбӣ, o. c. II, 547—خشينا ان تذهب هذة الدولة بما حدث فيها من تدبير المجوس.

2) ЗВО, III, 155—6, цитата вѣроятно изъ Ахмеда-ибн-Абӯ-Тāхира, писателя IX в.

3) Guy Le Strange, Baghdad during the Abbasid Caliphate, 1900, 16; сообщеніе Ибн-Кутейбы, на котораго ссылается Le Strange, подтверждается Якӯтомъ и Макдисӣ, 121; въ извѣстіяхъ Дӣнаверӣ и Балāзурӣ также, повидимому, дано это число—у перваго (379) въ датѣ 139 г. Х. вслѣдствіе явнаго несоотвѣтствія нужно исправить вторую цифру, вм. ثلثين — اربعين; у второго (295) число единицъ въ датѣ 147 г. Х. также можетъ объясняться опиской и потому надо читать не سبعة, а تسعة. Ср. еще Табарӣ, III, 319 и 353. См. также Enzyklopaedie des Islām, X, 587.

постройки, отмѣчаемъ лишь интересный для нашего вопроса годъ его основанія: 766. Съ городомъ этимъ связывалось предвѣщаніе — по Я'кўбӣ[1]), Мансўръ говорилъ, что отецъ его, вышеупомянутый Мухаммедъ-ибн-'Алӣ, предсказалъ, что этотъ городъ будетъ построенъ Мансўромъ и станетъ столицей Аббасидскаго рода. Основавшись окончательно въ своей новой резиденціи въ 766 г., Мансўръ поспѣшилъ замѣнить непріятное для его слуха персидское имя громкимъ арабскимъ названіемъ «Городъ мира» и порвать со всѣми городами Месопотаміи, связанными съ прежними традиціями — Куфой, Амбаромъ и др. Одновременно Багдадъ сдѣлался крупнымъ, обращеннымъ къ морю, торговымъ центромъ, получившимъ первенствующее значеніе вслѣдствіе своего положенія, какъ столица государства[2]). Это событіе, въ связи со всѣмъ происшедшимъ ранѣе, должно было отразиться на парсійской общинѣ въ Ормузѣ, торговой гавани при выходѣ изъ Персидскаго залива въ Индійскій океанъ. Отзвукомъ этихъ условій можетъ служить, по нашему мнѣнію, средне-персидскій трактатъ о городахъ Ирана и ихъ основателяхъ, который, перечисляя различные, славные своимъ прошлымъ иранскіе города, останавливаясь со вниманіемъ на украшающихъ ихъ сооруженіяхъ, упоминая ихъ основателей — сасанидскихъ шаховъ, въ заключеніе прибавляетъ и «городъ Багдадъ, построенный Абў-Джа'фаромъ, по прозванію Абў-д-дава̄никъ». Послѣднее прозвище, означающее «грошевникъ», было дано халифу Мансўру вслѣдствіе крайней его мелочности въ финансовыхъ вопросахъ и придирчивости въ податныхъ поступленіяхъ[4]). Парсійскій трактатъ не упоминаетъ того почетнаго прозванія, подъ которымъ онъ, главнымъ образомъ, извѣстенъ исторіи, а называетъ лишь его двусмысленное прозвище. Высокое развитіе торговли Багдада и вообще торговый подъемъ халифата, связанные съ именемъ Мансўра, являются извѣстнымъ историческимъ фактомъ. Упоминаніе въ Киссе-и-Санджа̄нъ притѣсненій со стороны мусульманъ, какъ мотива для выселенія изъ Ормуза, можетъ быть объяснено также и стѣсненіями условій торговой дѣятельности. Къ религіозному и національному мотиву присоединялся и мотивъ практическій. Кромѣ того, мы имѣемъ и другое указаніе, связанное съ этой датой.

Насколько можно заключать изъ весьма запутанныхъ историческихъ

---

1) BGA, VII, 237.

2) Макдисӣ, 120.

3) Изданный и переведенный E. Blochet въ Recueil de travaux relatifs à la philologie et archéologie égyptienne et assyrienne, XVII, 165—176.

4) Barbier de Meynard, Surnoms et sobriquets, 20—21. Кромѣ Суйӯтӣ, указаннаго этимъ авторомъ, объясненіе прозвища имѣется и у Са'а̄либӣ, о. с. 31; см. также Табарӣ, III, 277—8.

данныхъ, непосредственно передъ 766 г., а въ своихъ конечныхъ результатахъ, можетъ быть, именно въ этомъ году, войска халифа Мансӯра присоединили къ мусульманскому государству владѣнія испехбедовъ, послѣднихъ представителей непрерывнаго существованія сасанидской государственной традиціи и зороастрійской вѣры[1]). Ибн-ал-Факӣхъ[2]) говоритъ, что арабами было конфисковано при этомъ громадное количество драгоцѣнностей (драгоцѣнные камни, вѣнцы, пояса, мечи, усыпанные жемчугомъ, яхонтами и изумрудами), а женское потомство властителей было роздано въ жены ближайшимъ родичамъ халифа въ аббасидской семьѣ. Такимъ образомъ, прекращалась надежда на возвращеніе сѣверныхъ областей Персіи подъ иранское владычество и нельзя было ожидать возникновенія новыхъ персидскихъ владѣльческихъ родовъ въ этихъ мѣстностяхъ; появленіе Бāвендидовъ и Кāренидовъ относится уже ко времени правленія преемниковъ Мансӯра. Сравненіе этого разсказа со словами средне-персидскаго списка городовъ Ирана имѣетъ, думается намъ, значеніе для критики извѣстія Киссе-и-Санджāнъ о выселеніи Парсовъ изъ Ормуза. Самое слово «дāникъ» ($^1/_6$ часть дирхема) есть перс. «дāнэ», «зерно». Возможно, что это прозвище возникло во враждебной Мансӯру парсійской средѣ.

Наконецъ, мы отмѣтили уже, что за два года до того халифъ Мансӯръ приказалъ принести присягу своему сыну Махдӣ, какъ его преемнику; это событіе случилось впервые въ Аббасидскомъ халифатѣ и вызвало возстаніе въ Хорасанѣ. Разгаръ этого возстанія относится, повидимому, именно къ 766 г. По этимъ обстоятельствамъ мы можемъ заключать о большихъ волненіяхъ въ этомъ году въ парсійской средѣ.

Дальнѣйшій приливъ переселенцевъ могъ продолжаться безпрепятственно; этимъ переселеніямъ, при существованіи религіозной и торговой общины на сѣверо-западномъ побережьи Индіи, должно было содѣйствовать оживленное культурное общеніе, установившееся послѣ основанія Багдада между мусульманскимъ міромъ и странами южной Азіи.

Въ заключеніе формулируемъ вышеприведенныя соображенія.

1) Киссе-и-Санджāнъ есть сочиненіе весьма позднее по времени, не имѣющее характера себственно историческаго памятника и основанное, главнымъ образомъ, на устной традиціи; оно не является прямымъ историческимъ источникомъ. Однако, по точности своихъ датъ и по характеру со-

1) Marquart, Ērānšahr, 127—8 и 132—3.

2) O. c. 314.

общаемаго имъ устнаго преданія и той среды, въ которой это преданіе сохранялось, оно заслуживаетъ вниманія. Переселенія Парсовъ въ Индію происходили какъ раньше, такъ и позже той даты, которую даетъ преданіе, но оно занято исторіей опредѣленной, руководившейся религіозными, національными и торговыми интересами колоніи, покинувшей родину и обосновавшейся въ новой странѣ навсегда; колонія эта имѣетъ тотъ-же характеръ, что современная парсійская община въ Индіи.

2) Подъ Кухистаномъ въ Киссе-и-Санджāнъ надо скорѣе всего понимать Кухистанъ Хорасанскій. Область эта, малодоступная по своему гористому характеру, но лежавшая на путяхъ индійской торговли и входившая въ составъ древней Парѳіи, одного изъ древнѣйшихъ центровъ государственной традиціи Ирана, граничила съ одной стороны съ густо населеннымъ иранцами Хорасаномъ, а съ другой стороны, до самаго Персидскаго залива, съ горными мѣстностями Кермана, населенными дикимъ, воинственнымъ, кочевымъ и полукочевымъ населеніемъ, въ религіозномъ отношеніи либо придерживавшимся зороастризма, либо подъ формой ислама пропитаннымъ парсійскими идеями, а въ политическомъ—враждебнымъ халифату. Черезъ нихъ была открыта дорога къ торговому порту Ормузу; условія жизни въ немъ купцовъ X в. соотвѣтствуютъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилась парсійская община по переселеніи своемъ въ этотъ городъ.

3) Существуютъ несомнѣнныя указанія, что съ истеченіемъ столѣтія мусульманской эры связывались эсхатологическія ожиданія; указанія на эти ожиданія исходили изъ аббасидской среды ко времени начала пропаганды ихъ партіи съ цѣлью низверженія Омайядскаго халифата. Толкованія, даваемыя мусульманскими писателями для объясненія прозвища Омайядскаго халифа Марвāна, не удовлетворительны; кромѣ хронологическаго несоотвѣтствія со столѣтіемъ Омайядской династіи, оно не имѣетъ лестнаго значенія. Столѣтіе Хиджры, завершившееся до наступленія управленія Марвāна, не представляетъ собою яснаго объясненія его прозвища. Упоминаніе легендарно знаменующаго апоѳеозъ персидскаго государства и по шіитскимъ вѣрованіямъ появляющагося изъ скрытаго существованія по истеченіи столѣтія пророка Эздры въ связи съ убійствомъ въ Мервѣ шаха Іездегерда и начавшимся тамъ-же черезъ сто лѣтъ возстаніемъ Аббасидовъ даетъ указаніе на опредѣленную эпоху—время паденія сасанидскаго государства; это обстоятельство хронологически имѣетъ значеніе для вопроса о возникновеніи шіитства.

4) Въ древнемъ иранскомъ преданіи мы встрѣчаемъ миѳическій образъ осла, относимый къ Каспійскому морю. Предположеніе объ олицетвореніи

въ этомъ образѣ смерча и бури подтверждается возводимой къ персидскимъ источникамъ легендой о построеніи Дербендской стѣны и объясненіями къ этой легендѣ въ арабской литературѣ. Въ переносномъ значеніи буря и смерчъ означали переворотъ. Отраженіе связанныхъ съ этимъ образомъ событій исторіи ислама въ половинѣ VIII в. по Р. Х. мы можемъ усматривать въ разсказѣ позднѣйшей парсійской космологіи.

5) Легенда и представленія объ этомъ миѳическомъ образѣ возводятся въ арабской литературѣ къ аббасидской средѣ, изъ которой выходили и ожиданія эсхатологическаго содержанія, связанныя съ окончаніемъ столѣтія; и эти представленія, и эти ожиданія стоятъ въ свою очередь въ связи съ носящей предвѣщательный характеръ книгой о судьбахъ Аббасидскаго рода. Этотъ образъ сталъ въ аббасидской пропагандѣ лозунгомъ переворота, ведшаго къ новой эрѣ, каковыми словами обозначали Аббасиды свой халифатъ. Этотъ лозунгъ въ такой формѣ воздѣйствовалъ на иранскіе этническіе и религіозные элементы.

6) Существованіе миѳическаго образа и связанныхъ съ нимъ представленій можетъ быть подтверждаемо изображеніемъ этого фантастическаго животнаго на серебряной чашѣ сасанидскаго стиля, близкомъ по времени къ упомянутой эпохѣ археологическомъ памятникѣ.

7) Передъ окончаніемъ столѣтія со времени смерти послѣдняго сасанидскаго шаха Іездегерда по лунному календарю, аббасидскіе эмиссары открыто выступили въ Хорасанѣ противъ Омайядскаго халифата, а въ годовщину его овладѣли Хорасаномъ; по истеченіи столѣтія со времени этого событія по солнечному календарю родъ Омайядовъ былъ истребленъ и Аббасиды явились властителями халифата. Въ зависимости какъ отъ этой датировки, такъ и отъ переноснаго значенія слова получается объясненіе для прозвища халифа Марва̄на. Такое толкованіе прозвища и датировка, т. е. связанное съ нимъ истеченіе столѣтія, подтверждается позднѣйшей исторіей ислама. Среди не-мусульманскаго, огнепоклонническаго населенія Персіи окончаніе столѣтія вызвало безъ отношенія къ мусульманскому преданію противумусульманское и противуарабское движеніе.

8) Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Іездегерда парсійская община, по Киссе-и-Санджа̄нъ, переселилась въ Ормузъ; событіе это должно быть поставлено въ соотношеніе съ глубочайшими потрясеніями, происшедшими въ это время въ мусульманскомъ мірѣ при переходѣ халифата къ Аббасидамъ и съ эсхатологическими ожиданіями. Сказаніе о снѣ Іездегерда можно сопоставить, согласно сообщенію Киссе-и-Санджа̄нъ, съ выселеніемъ парсійской общины въ Индію, а въ мусульманской средѣ съ убіеніемъ Абӯ-

Муслима. По утвержденіи аббасидскаго халифата надежды иранскихъ этническихъ и религіозныхъ элементовъ были поколеблены и самое понятіе «новая эра» отдѣлилось отъ подготовлявшаго ее девиза и вѣры Зороастра. По хронологическимъ даннымъ мотивами окончательнаго рѣшенія парсійской общины переселиться въ Индію могли быть: принесеніе при жизни халифа Мансӯра присяги сыну его Махдӣ, вызвавшее сильное иранское движеніе съ характеромъ мессіанизма въ Хорасанѣ; завоеваніе тѣмъ-же халифомъ послѣднихъ самостоятельныхъ владѣній въ сѣверной Персіи; основаніе имъ-же Багдада.

К. Иностранцевъ.

Матеріалы по японской діалектологіи.

Говоръ деревни Міе, префектуры Нагасаки, уѣзда Ниси-Соноки.

ТЕКСТЫ и ПЕРЕВОДЪ.

Тексты записаны алфавитомъ международной фонетической ассоціаціи съ дополненіями, предложенными Л. В. Щербой[1]). Въ задачи транскрипціи входило лишь указаніе фонемъ, но не ихъ комбинаторныхъ и факультативныхъ оттѣнковъ, каковые относятся къ фонетическому описанію даннаго говора. Особыхъ замѣчаній требуютъ:

u — образуется безъ выдвиженія губъ и округленія, и лишь съ небольшимъ поднятіемъ нижней губы; факультативно теряетъ звонкость и исчезаетъ (какъ и звукъ i), особенно послѣ спиранта и аффрикаты.

r — переднеязычное безъ дрожанія.

c = аффриката t͜s.

ʒ = » d͜z.

ś (знакъ надъ буквой) = мягкое дорсальное ʃ (ш).

ć = аффриката t͜ś.

ʒ́ = соотвѣтствующая предыдущей звонкая d͜ź.

k′, g′, n′ . . . . = палатализованные k, g, n . . . .

k^w, g^w = k, g съ лабіализаціей.

$k^ч$, $g^ч$ = k, g съ лабіализаціей и палатализаціей.

^{ɛ}a = восходящій по силѣ дифтонгъ ɛ͜a, отмѣчаю его только при его независимомъ положеніи въ $t^ɛ$a (:), хотя онъ имѣется и въ сочетаніяхъ съ «мягкими» согласными, напр. k′a (:), g′a (:), n′a (:). . . .

Знаки ˹ и ˪ передъ послѣднимъ слогомъ слова (или вторымъ элементомъ дифтонга) означаютъ его принадлежность къ тому или другому изъ 2 существующихъ въ данномъ говорѣ типовъ музыкальной ударяемости: съ

1) Къ вопросу о транскрипціи, Изв. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н., т. XVI, кн. 4.

повышеніемъ голосового тона на послѣднемъ слогѣ (ha⌜na цвѣтокъ) или съ пониженіемъ его на этомъ слогѣ (ha⌞na носъ). [При наличіи двухъ значковъ (въ томъ числѣ и ′ или ‵) въ одномъ словѣ имѣется въ виду особая эмфатическая интонація или же присоединенія энклитики]. Повышеніе же внутри гласной (или носового дифтонга) односложнаго слова обозначаю знакомъ остраго ударенія ′ (kʷá тутовое дерево), пониженіе — тупого ударенія ‵ (kʷà мотыка).

çitakirisuʒumenohana⌜śi.

1. muka⌞śi a⌜ru toko⌞re: ʒ́i:⌞to m̥ba⌞to o⌞tte ippuki⌜no suʒume⌜ba ko:ćottaganata⌜i.

2. aruçi⌜no ko⌜to ʒ́i:⌞wa ja⌜m′a: śibaki:⌜g′a: ita⌞te m̥⌞ba: jenći:⌜re śentaku⌜ba śijo⌞ttatću̇.

3. soçitai⌞ba m̥ba⌞ga kimo⌞ne: cu⌜k′u: ttè omo:⌜te tᵋa:ćo⌞tta no:i⌜ba so⌞no suʒume⌜no ićiku⌜te śimo:taganata⌞i.

4. soi⌞ba m̥ba⌞ga mi⌜te go:⌜gi: haik′a:⌜te so⌞no suʒume⌜ba cukamai⌜te { suʒumenoçita⌜ba / suʒume⌜no çita⌜ba } ićiki⌜tte { η̊(:)⌞ga / uη⌞ga } śi:tatoko⌜re: i⌞ke ttè ju:⌞te wi:r′a:⌞ta.

5. ʒ́i:⌞wa jamaka⌜ra kaitteki⌜te menogo⌜to çićo⌞i suʒu⌜m′a: ro⌞gaη çićoi:⌞ro: ttè kago⌞ba mitai⌜ba suʒu⌜m′a: ro⌞ke: itai:⌞ro: oram⌞moη ʒ́ai⌜keη go:⌜gi: bikkuiçi⌞te m̥⌞b′a: ki:tai⌞ba a⌞r′a: no:i⌜ba kutakeη⌜ka çita⌜ba ki⌜tte wi:r′a:⌞ta ttè ju:⌞ta.

Разсказъ о воробьѣ съ отрѣзаннымъ языкомъ.

1. Давно въ нѣкоторомъ мѣстѣ жили были дѣдъ и баба и держали одного воробья.

2. Однажды пошелъ дѣдъ въ лѣсъ рѣзать топливо, а баба дома производила стирку.

3. Въ это время этотъ воробей съѣлъ крахмалъ [no:⌜i], который баба развела, чтобы накрахмалить кимоно.

4. Увидѣвъ это, баба очень [go:⌜gi:] разсердилась, схватила этого воробья, вырѣзала воробьиный языкъ и выгнала со словами: «Ступай, куда тебѣ [η̊(:)-⌞ga] угодно!»

5. Когда дѣдъ вернулся изъ лѣсу и посмотрѣлъ въ клѣтку, что подѣлываетъ воробей, которымъ онъ, какъ глазомъ, дорожилъ, а воробей исчезъ, дѣдъ очень испугался и спросилъ у бабы; «Онъ съѣлъ крахмалъ и я выгнала его, отрѣзавъ ему языкъ», сказала та.

6. koi⌞ba ki:⌞te ʒ́i:⌞wa go:⌜gi: kanaśu:⌞re rotćinoho:śi⌞n′a: to:rai:⌞ro:ttè nakuna⌞ku cuje⌜ba ći:⌞te re⌜te śitakirisuʒume⌜no oja⌜ra: roko⌞je ttè ju:⌞te ho:bo:⌞ba sag′a:⌞ta.

7. jama⌜ba koita⌞i kawa⌞ba watatta⌞i çi⌞te ikijottai⌞ba { gu⌜:⌞tto / ku⌜:⌞tto } muko:noho:⌞ni takajabo⌞no aito⌜ba meçike⌜te t͡s a:⌜g′a: asu⌞ke: oi⌞to ʒ́a⌜ro:ttè omo:⌜te so⌜ke: itatemitai⌞ba go:⌜gi: ucukuçi⌜ka je⌜no atta⌜keŋ so⌞re: ça:⌜tte mitai⌜ba suʒumetaći⌜no ucukuçi⌜ka kimom⌞ba ki⌞te hata⌞ba oijo⌞tta.

8. soko⌜re ʒ́i:saŋ⌜ga ça:⌜tte itai⌞ba { ʒ́i:sauno⌜je: / ʒ́i:san⌜no jé: } ko:ćo⌜tta suʒume⌜mo o⌞tte jú: kokoma⌜re tasune⌜te oire⌜ta ttè ju:⌞te okku⌜no zaśi⌜ki: age⌞te gotco:⌜ba r′a:⌜te min′n′a:⌞re uto:ta⌞i orotta⌞i çi⌞te ʒ́i:sam⌜ba toimo⌜tta.

9. soçi⌞te so⌞no suʒume⌜ga ju:jo:⌞n′a: wataku⌞śa: { nagana⌞ga / nagara⌜ku } omaisamono⌜je: ośe⌜w′a: na⌜tte ore:⌜no mo:śijo:⌜mo aima⌜śśeŋ ko⌜ke: { o⌞i koro⌞ma: / oikoro⌞ma: } mi:n⌞na watakuśi⌞no koromo⌞no m̥mago⌜notte⌞re gasu⌜keŋ i⌜kko jenr′o:⌞wa śe⌞ʒ́i: ro:⌜ʒo to:kana⌞tto to:r′u:çi⌜te o⌞tte kurena⌞śśe ttè ju:⌞te min′n′a:⌞re go:⌜gi: toimotta⌜moŋ ʒ́ai⌜keŋ ʒ́i:⌞mo joroku:⌜re to:kabakka⌞i so⌜ke: to:r′u:⌜ba çi⌞ta.

---

6. Услышавъ это, дѣдъ очень опечалился, (и не зная), въ какую сторону тотъ улетѣлъ, съ плачемъ пошелъ искать повсюду, стукая палкой и приговаривая: «Гдѣ жилище воробья съ отрѣзаннымъ языкомъ?»

7. Шелъ онъ, переходя черезъ горы, переправляясь черезъ рѣки, и вотъ совсѣмъ [ku:tto или gu:tto] въ противоположной сторонѣ замѣтилъ тростниковую заросль; «должно быть это тамъ», подумалъ онъ, пошелъ туда и видитъ — очень красивый домъ; войдя въ него, увидѣлъ онъ: воробьи, одѣтые въ прекрасныя кимоно, ткали на ткацкихъ станкахъ.

8. Когда дѣдъ вошелъ туда, то бывшій тамъ воробей, что жилъ въ домѣ дѣда, сказалъ: «Добро, что ты досюда добрался»[1]) провелъ во внутреннюю залу, поставилъ угощенье и всѣ приняли дѣда съ пѣніемъ и танцами.

9. Затѣмъ этотъ воробей сказалъ: «Я долго пользовался въ твоемъ домѣ твоими заботами и даже нѣтъ способа высказать благодарность. Находящіеся здѣсь дѣти—все мои дѣти да внуки; потому погости пожалуйста, совсѣмъ безъ стѣсненія, дней десять»; дѣдъ былъ всѣми очень хорошо принятъ и потому съ радостью прогостилъ тамъ дней десять.

---

1) Oire⌜ta отъ очень вѣжливаго oiʒu⌜i; въ tasune⌜te намекъ на вопросъ çitakirisuʒumeno ojara: rokoje; въ смыслѣ же «посѣщать» tasunu⌜i въ Міе не употребляется.

10. soçi⌞te kai:to⌜ki: natteka⌜ra susume⌜no ju:jo:⌞n'a: jú: { oire⌜te kuremaçitakeŋ⌞ka / oiretekuremaçitakeŋ⌜ka } ko⌜ke: obutakato⌞to kaikato⌞to cuzura⌜no ta:⌞cu aimasu⌜keŋ rotćina⌜tto oźi:sama⌞no śi:tato⌜ba mija:⌜ge: mo⌜tte ikina⌞śśe.

11. o:ki⌞ni nagana⌞ga ośe⌜w'a: na⌜tte sonou⌞je: mija:gema⌜re kuru⌞ikà.

12. o⌞r'a: tośi⌜ba to⌜tte obutaka⌞ta: mo⌜tća: i⌞k'a: jeŋ⌜keŋ kaikato⌞ba moro:⌞te i⌞ku.

13. sajo:na⌜ra ttè ju:⌞te soko⌜ba retai⌜ba susumerom⌜mo nakuna⌞ku oku⌞tte ki⌜te { r'a:neu⌜no ha⌜ri: / r'a:nennoha⌜ri: } ma⌞ta oirena⌜śśe ttè ju:⌞te wakai⌜ta.

14. źi:san⌜na: hokubo⌞ku joroku:⌜re jen⌜ći: kaittatokoi⌜ga m⌞ba: go:⌜gi: haik'a:⌜te imama⌜re ro⌜ke: uśećotta⌞ka ttè bucubu⌞cu ju:⌞keŋ ko:⌞ko: çi⌞te susumentoko⌜re: ita⌞te mija:gema⌜re moro:teki⌞ta mitemi⌜ro nan⌞no itćoi:⌞ro: ttè φutᵋai:⌞re { aketemitai⌞ba / ake⌞te mitai⌜ba } takaramombakka⌜i itćotta⌞moŋ źai⌜keŋ φutᵋa:ito⌞mo go:⌜gi: bikkuiçi⌞te itto⌜k'a: koi⌜mo ra⌜śa: jeźa⌜tta tćù.

15. soçi⌞te m̥ba⌞ga ju:jo:⌞n'a: naçi⌞te sonto⌞ki obutakato⌞ba mo⌜tća: koźa⌜tta⌞ka ttè ju:⌞te go:⌜gi: haik'a:⌜te soi⌞źa: oi⌞ga ita⌞te so⌞no obutakato⌞ba moro:⌞te ku⌜i ttè ju:⌞te jokku:mba⌜ga susumentoko⌜re: rekake⌜te i⌞ta.

---

10. Затѣмъ, когда пришла пора возвращаться, воробей сказалъ: «За то, что ты пожаловалъ, вотъ два ларца: тяжелый и легкій; какой тебѣ нравится, возьми съ собой въ подарокъ».

11. «Премного (благодаренъ); я долго пользовался твоими заботами, а ты сверхъ того даешь еще и подарокъ.

12. Я старъ, мнѣ нельзя нести тяжелое и я пойду, взявъ легкій».

13. Сказавъ: «До свиданія», онъ ушелъ оттуда, при чемъ воробьи его съ плачемъ провожали и разстались говоря: «Весной будущаго года опять приходи».

14. Дѣдъ, чрезвычайно обрадованный, вернулся домой; между тѣмъ баба очень разсердилась и ворчала: «Гдѣ ты до сихъ поръ пропадалъ?» — «Такъ и такъ, я пошелъ къ воробью и даже подарокъ получилъ; посмотри-ка, что тамъ внутри?» Они оба открыли (ларчикъ) и внутри были только драгоцѣнности; оба очень удивились и нѣкоторое время не могли издать ни звука.

15. Затѣмъ баба сказала: «Почему ты тогда не принесъ тяжелаго?» Она очень разсердилась, и сказала: «Въ такомъ случаѣ я пойду и достану тотъ тяжелый». И жадная баба отправилась къ воробью.

16. m̥⌊ba: ʒ́i:ka⌊ra ośijeraitago⌊to mići⌊ba itai⌊ba { susume⌈no ja⌈re: / susumenoja⌈re: } ći:⌈ta.

17. tokoro⌈ga mai⌈to onaśiko⌈te: min'n'a:⌊re m̥ba⌊ba go:⌈gi: toimo⌈tte gotco:⌈ba çi⌊te soçi⌊te kai:to⌈ki: nattai⌈ba ma⌊ta cusura⌈ba ta:⌊cu r'a:⌈te ko⌈ke: obutakato⌊to kaikato⌊to φuta:⌊cu cusura⌈no aikeŋ⌈ka ombasama⌊no śi:tato⌈ba mo⌈tte ikina⌊śse ttè susume⌈no ju:tai⌊ba o⌊r'a: taśsa:kakeŋ⌊ka obutakato⌊ba moro:tei⌊ku ttè ju:⌊te m̥⌊ba: obutakato⌊ba karu:⌈te rekake⌈ta.

18. m̥⌊ba: amma⌈i obu⌊to: çi⌊te a⌈śe śiraka⌊w'a: na⌈tte kai:jo⌈tta ba⌈tte rogammon⌊no itći:⌊ro: ttè cusura⌈ba ore:⌈te φuta⌊ba aketemitai⌊ba takaramo⌈na: i⌊tća: ora⌊ʒ́i: kućinawa⌈no roŋku:⌊no tokage⌊nottè ujou⌊jo çićo⌊tte bikku⌈i φuttamaga⌊tte burubu⌊ru φuru:⌊te nuge⌈te jen⌈ći: kai⌈tta tću.

hanasaka⌈ʒ́i:

1. muka⌊śi a⌈ru toko⌊re: go:⌈gi: śo:ʒi⌈kka ʒ́i:⌊to m̥ba⌊ga ippuki⌈no im⌈ba ko:ćo⌈tta.

2. ko⌊ba motam⌈mon ʒ́ai⌈keŋ so⌊no im⌈ba wagakonogo⌈to r'a:⌈ʒ́i: çićo⌊tta.

---

16. Баба пошла по тому пути, какъ она была научена дѣдомъ, и пришла къ жилищу воробья.

17. И вотъ, какъ и прежде, всѣ отлично приняли бабу, угостили и затѣмъ, когда настало время возвращаться, опять вынули два ларца и воробей сказалъ: «Вотъ два ларца: тяжелый и легкій; возьми съ собой, какой тебѣ нравится». «Такъ какъ я сильна, то я возьму тяжелый», сказала баба и отправилась, таща на спинѣ тяжелый.

18. Такъ какъ бабѣ было слишкомъ тяжело, то потъ лилъ ручьями [бѣлой рѣкой], когда она возвращалась; но (желая узнать), какія вещи находятся внутри, она опустила ларецъ, открыла крышку, но тамъ совсѣмъ не было драгоцѣнностей, а кишмя кишѣли змѣи, лягушки, ящерицы; она перепугалась и, дрожа, бѣгомъ вернулась домой.

Дѣдъ, заставляющій цвѣсти цвѣты.

1. Давно въ нѣкоторомъ мѣстѣ очень добрый дѣдъ и баба держали одну собаку.

2. Такъ какъ они не имѣли дѣтей, то они дорожили этой собакой, какъ своимъ ребенкомъ.

3. aru⌈çi: so⌊no iŋ⌈ga ura⌈no hatake:⌈re hatta⌈i waŋ⌊waŋ hojui'moŋ ʒai⌈keŋ ʒi:⌊ga { itatemitai⌊ba | ita⌊te mitai⌈ba } i⌈na: śiki⌊ri: śiri^w o⌈ba bu⌊tte hau'a:⌊re ʒina-wara⌈ba kuŋ⌊kuŋ kazuminaga⌊ra nakijoi⌊moŋ ʒai⌈keŋ ʒi:⌊wa φuśi⌊gi: omo:⌈te k^w a⌊ba { mo⌈tte ki⌈te | motteki⌈te } soko⌈ba { ho⌈tte mitai⌈ba | hottemitai⌈ba } { k^w a⌊no sa⌊ki: | k^w anosa⌊ki: } kaći-ka⌊ći guzagu⌊za ataimou⌊no ai⌈keŋ { hoir'a:temitai⌈ba | hoir'a:⌈te mitai⌈ba } o:ban⌈no koban⌈no ttè zakuza⌊ku retcki⌈ta.

4. ʒi:⌊wa φuttamaga⌊tte soi⌊ba kakiacume⌈te jen⌈ći: mo⌈tte kai⌈tte hatake⌈no ta⌈nottè jon'⌊n'u: ko:⌊te im⌈ba { śe⌊p'p'a: | śe⌊p'p a } kawaiga⌈tte o⌊tta.

5. soçitai⌊ba tonaino⌊je: konʒo:nowai⌊ka ʒi:⌊to m̥ba⌊to otte:⌊te koi⌊ba ki:⌊te so⌈ke: ita⌊te im⌈ba katteki⌊te soçi⌊te { ʒibunnohata⌈ke: | ʒibun⌈no hata⌈ke: } { cureteita⌊te | cure⌊te ita⌊te } ju:jo:⌊n'a: in⌊roŋ in⌊roŋ ro:⌈ʒo i⌈tćo: oigai⌈no hatake:re⌈mo takaramom⌈ba meçike⌈te kuren⌊no ttè ju:te⌊mo { in⌈na: | i⌈na: } { monʒato⌈mo | atćato⌈mo } śem⌊moŋ ʒai⌈keŋ haik'a:⌈te k^ɥ a:⌊re uttat^ɛ a:ta⌈iba śikatana⌈śi: hau'a:⌊re kuŋ⌊kuŋ ju:⌊te nakir'a:⌊ta.

6. jokku:ʒi:⌈wa { taśi⌈k'a: | taśi⌈k'a } ko⌈ke: ai⌈to ʒa⌈ro: ttè omo:⌈te soko⌈ba k^ɥ a:⌊re { ho⌈tte mitai⌈ba | hottemitai⌈ba } garaga⌊ra k^w anosa⌊ki: atai⌊moŋ ʒai⌈keŋ

---

3. Однажды эта собака вдругъ залаяла на пашнѣ за домомъ; дѣдъ пошелъ и видитъ: собака изо всей силы бьетъ хвостомъ и, нюхая землю носомъ, лаетъ; дѣдъ удивился, принесъ мотыку и сталъ тамъ рыть и подъ мотыкой встрѣтилось что-то звонкое; онъ вырылъ и со звономъ посыпались монеты o:⌈baŋ и ko⌈baŋ.

4. Дѣдъ изумился, сгребъ это, принесъ домой, купилъ много пашень и рисовыхъ полей и сталъ жить крайне любя собаку.

5. Въ сосѣднемъ же домѣ жилъ злой дѣдъ съ бабой; онъ, услышавъ про это, пришелъ туда, взялъ въ долгъ собаку, затѣмъ привелъ на свою пашню и сказалъ: «Собака, а собака! пожалуйста и на моей пашнѣ поищи драгоцѣнностей», но собака ни съ мѣста; разгнѣванный, онъ сталъ бить ее мотыкой, и она, ничего не подѣлаешь, стала нюхать носомъ и залаяла.

6. Злой дѣдъ подумалъ: «Здѣсь навѣрняка есть что-нибудь» и сталъ тамъ рыть мотыкой; подъ мотыкой встрѣтилось что-то дребезжащее, онъ

{hoir'a:temitai⌈ba | hoir'a:⌈te mitai⌈ba} kawa⌈rato⌊ka {ćawannokagetokabakka⌈i | ćawan⌈no kagetokabakka⌊i} {rete- | re⌈te
kita⌈moŋ | kita⌈moŋ} ʒ́ai⌈keŋ go:⌈gi: haik'a:⌈te {to⌈:⌊to | to:⌊to:} so⌊no im⌈ba kᵘa:⌊re ućiko-
re:⌈te śimo:⌊ta.

7. {k'a:nuśinoʒi:⌈wa | k'a:nuśi⌈no ʒi:⌊wa} {tonainoʒ́i:⌊ga | tonai⌊no ʒ́i:⌊ga} i⌈kko im⌈ba kajasam⌈moŋ ʒ́ai⌈keŋ {rogaŋçićoi⌊to | ro⌊gaŋ çićoi⌊to} ʒ́ai⌈ro: ttè omo:⌈te tonaino⌊je: {itatemitai⌊ba | ita⌊te mitai⌈ba} in⌈na: oram⌊moŋ ʒ́ai⌈keŋ rogaŋçi⌊taka⌊no ttè ki:tai⌊ba ko:⌊ko: çi⌊te ućikore:⌈te śimo:⌊te macunokin⌈ne: m̥me⌊ta ttè ju:⌊moŋ ʒ́ai⌊keŋ {śo:ʒ́ik⌈ka ʒ́i:⌊wa | śo:ʒ́ikkaʒ́i:⌈wa} nakuna⌊ku jen⌈ći: kai⌈tte wagako⌈no sinrago⌊to boŋsa-ma⌈ba jacu:⌈te kujo:⌊ba çi⌊te in⌈no {śi:ćottamom⌈ba | śi:ćo⌈tta mom⌈ba} sonai⌈te {sono⌊baŋ | so⌊no bàŋ} nećottai⌊ba jonakago⌈re: {nattatokoi⌈ga | na⌈tta tokoi⌊ga} ime:⌈ni in⌈no reteki⌈te ju:-jo:⌊n'a: ʒ́i:⌊jaŋ ʒ́i:⌊jaŋ {oi⌊ga | waśi⌊ga} {m̥meraićoiniki⌊no | m̥meraićo⌊i niki⌊no} macunoki⌈ba ki⌈tte u⌈śi: cukuinaha⌈re⌊: ttè ju:ta⌊keŋ açi⌈tᵉa: na⌈tte in⌈no ju:tago⌊to so⌊no macunoki⌈ba ki⌈tte u⌈śi: çi⌊te sore:⌊re moći⌊ba ći:tai⌈ba ma⌊ta o:ban⌈no koban⌈nottè sakuza⌊ku retekita⌈moŋ ʒ́ai⌈keŋ go:⌈gi: joroku:⌈re ottai⌊ba tonainoʒ́i:⌊ga ma⌊ta jatteki⌊te kaśito:⌊wa nakattaba⌈tte śiki⌊ri: k'a:tekui⌊ro ttè ju:⌊moŋ ʒ́ai⌈keŋ usu⌈ba {k'a:teja⌊tta. | k'a:⌊t eja⌊tta.}

вырылъ и оказалась только черепица да битая посуда (осколки чайныхъ чашекъ); онъ очень разгнѣвался и наконецъ убилъ собаку мотыкой.

7. Такъ какъ сосѣдній дѣдъ вовсе не возвращалъ собаку, то дѣдъ— владѣлецъ собаки подумалъ: «чтобы это могло быть», и пошелъ въ сосѣдній домъ; собаки не было; и вотъ на вопросъ: «что случилось?», (злой дѣдъ) сказалъ: «Такъ и такъ, убилъ и похоронилъ у корней сосны»; добрый дѣдъ заплакалъ и вернувшись домой, какъ будто умерло его собственное дитя, пригласилъ бонзу, устроилъ поминки, поставилъ кушанья, которыя любила собака, и, когда (онъ) въ этотъ вечеръ легъ, какъ настала полночь, во снѣ пришла собака и сказала: «Дѣдъ, а дѣдъ! Сруби сосну, около которой я похоронена и сдѣлай ступку»; когда настало утро, онъ, какъ сказала собака, срубилъ эту сосну, сдѣлалъ ступку и, когда въ ней стали мѣсить, снова зазвенѣли монеты o:⌈baŋ и ko⌈baŋ, и онъ очень обрадовался; тогда опять пришелъ сосѣдній дѣдъ, и, хотя онъ не хотѣлъ одалживать, но такъ какъ (тотъ) настойчиво говорилъ: «Одолжи мнѣ!», то одолжилъ ему ступку.

8. tonainoźi:⌞wa usu⌜ba {katteita⌞te / ka⌞tte ita⌞te} m̥ba⌞to φutᵋai:⌞re moći⌞ba ći:temitai⌜ba ʒe⌜n′a: re⌜ʒi: ma⌞ta ćawannokage⌜no kawara⌜nottè gʷaragʷa⌞ra reta⌜moη ʒai⌜keη go:⌜gi: haik′a:⌜te so⌞no usu⌜ba ki:wa⌜tte ʒi⌞re: kube⌞te moja:⌞te śimo:⌞ta.

9. śo:ʒi⌜kka ʒi:⌞wa tonai⌞no jokku:ʒi:⌜ga ma⌞ta usu⌜ba kaisam⌜moη ʒai⌜keη ro⌞gaη çita⌞to ʒai⌜ro:ttè omo:⌜te ita⌞te mitai⌜ba cummoja:⌞te śimo:ćoi⌞moη ʒai⌜keη bikku⌜i çi⌞te nakuna⌞ku jen⌜ći: kai⌜tta.

10. soçitai⌞ba a⌜ru bàη ma⌞ta iη⌜ga ime:⌜ni reteki⌜te ju:jo:⌞n′a: oʒi:⌞jaη mojasai⌞ta {usu⌜no ça:⌞ba / usunoça:⌜ba} tonainojeka⌞ra tottekinaha⌜re⌞: soçi⌞te soi⌞ba kare⌞ki: m′a:⌜te minaha⌜re⌞: sośere:⌞ba b′a:⌜r′a: hana⌜no sakukeη⌜ka ttè ju:ta⌞moη ʒai⌜keη akui⌞çi: tona⌞i: ita⌞te ça:⌞ba moro:teki⌞te ma⌞ʒu kare⌞ta saku⌞r′a: {φuikaketemitai⌞ba / φuikake⌞te mitai⌜ba} ʒugome⌜no re⌜te hana⌜no śa:⌜ta.

11. soikeη⌞ka ʒi:⌞wa ko⌞no φuśigi⌞ba mi⌜te ça:⌞ba koga⌞i: ire⌞te kare⌞ta kí: hana⌜ba saka⌜śe ju⌜i ttè ju:⌞te ho:bo:⌞ba mawa⌞tte sari:⌞ta.

12. soçitai⌞ba toηsama⌜ga koi⌞ba ki:⌞te φuśi⌞gi: omo:⌜te ʒi:ntoko⌞re: cuk′a:⌞ba ja⌞tte ʒi:⌞ba jo:⌞ra.

---

8. Когда сосѣднiй дѣдъ взялъ въ долгъ ступку и когда они вдвоемъ съ бабой стали мѣсить, деньги не появились, а опять задребезжала битая посуда и черепица; (дѣдъ) очень разсердился, расколоъ эту ступку, бросилъ въ очагъ и сжегъ.

9. Такъ какъ сосѣднiй злой дѣдъ не возвращалъ и ступки, то добрый дѣдъ подумавъ: «что бы это могло быть?», пошелъ и, такъ какъ тотъ сжегъ, (добрый дѣдъ) изумился и съ плачемъ вернулся домой.

10. Затѣмъ, однажды ночью, собака снова пришла къ нему во снѣ и сказала: «Дѣдъ! принеси пепелъ сожженной ступки изъ сосѣдняго дома; затѣмъ посыпь его на засохшее дерево; ты увидишь, что тогда на сухихъ вѣтвяхъ зацвѣтутъ цвѣты»; на слѣдующiй день онъ пошелъ къ сосѣду, досталъ пепелъ и сначала посыпалъ на засохшую вишню, (на которой) вышли почки и зацвѣли цвѣты.

11. Потому дѣдъ, увидѣвъ это чудо, положилъ пепелъ въ ведерко и пошелъ кругомъ свѣта, говоря: «Могу заставить цвѣсти цвѣты на засохшихъ деревьяхъ».

12. Тогда даймё, услышавъ про это, удивился и, пославъ къ дѣду пословъ, позвалъ дѣда.

13. ʒ́i:⌞wa toŋsamantoko⌜re: ita⌞te oniwa⌜no kare⌞ta m̥me⌞to saku⌞r'a: mi:⌞na hana⌜ba sakaçi⌜ta.

14. toŋsa⌜ma: go:⌜gi: joroku:⌜re ʒ́en⌜no oimon⌞nottè jon'⌞n'u: kui⌞te kaja:⌜ta.

15. tonai⌞no jokku:ʒ́i:⌜wa ma⌞ta koi⌞ba ki:⌞te nokotćo⌜tta ça:⌞ba kakiacume⌜te koga⌞i: ire⌞te {tonai⌞no ʒ́i:nogo⌞to / tonainoʒ́i:nogo⌞to} ju:⌞te ʒ́o:⌞k'a: i⌞ta.

16. toŋsamaka⌜ra jobirasai⌞te i⌜tćo: omai⌜mo jattemi⌞ro ttè iwaita⌞moŋ ʒ́ai⌜keŋ kí: nobo⌞tte ça:⌞ba m'a:tai⌜ba ha⌜na: {sakaʒ́i:otte:⌜te / saka⌜ʒ́i: otte:⌞te} toŋsama⌜no meku⌜ći: ça:tta⌜moŋ ʒ́ai⌜keŋ ker'a:⌞ga koi⌞ba mi⌜te {φutcukamai⌞te / çitcukamai⌞te} haŋgoro⌜śi: uttatᵋa:⌜te {to:⌞to / to⌜:⌞to:} ro:⌜ja: irerai⌞ta tćù.

kobutoiʒ́i:nohana⌜śi.

1. muka⌞śi a⌜ru toko⌞re: φutoi⌜no śo:ʒ́i⌜kka ʒ́i:⌞no ottaga⌞na.

2. so⌞no ʒ́i:⌞wa m̥marecu⌞ki miminoçi⌜tᵋa: itćo:⌜no kobu⌜ga attaga⌜na.

3. aruto⌜ki so⌞no ʒ́i:⌞ga ja⌜m'a: śibaki:⌜ja: itatćottai⌞ba u:ʷa⌜me: u:⌜te rogaŋśijo:⌜mo no:çi⌜te φuto⌜kka ki⌜no hogetannona⌞k'a: ça:⌜tte ame⌜ba joketćottai⌜ba sonoma(m)⌜ma hogetanna⌞k'a: neku:⌞re śimo:⌞ta.

---

13. Дѣдъ, придя къ даймё, на всѣхъ засохшихъ сливахъ и вишняхъ сада заставилъ цвѣсти цвѣты.

14. Даймё очень обрадовался и отпустилъ его назадъ, давъ много денегъ и тканей.

15. Сосѣднiй злой дѣдъ опять услышалъ про это, сгребъ оставшiйся пепелъ, положилъ въ ведерко и говоря, какъ сосѣднiй дѣдъ (т. е. «я могу заставить цвѣсти» и т. д.), пошелъ въ замокъ даймё.

16. Когда даймё позвалъ его и сказалъ ему: «Ну, попробуй и ты!», (онъ) влѣзъ на дерево и сталъ сыпать пепелъ, (но) цвѣты не зацвѣли, (а пепелъ) попалъ въ глаза и ротъ даймё; слуги, увидя это, схватили (его), избили до полусмерти, и наконецъ онъ былъ заключенъ въ тюрьму.

Разсказъ про дѣда со снятой шишкой.

1. Давно въ нѣкоторомъ мѣстѣ жилъ-былъ одинъ добрый дѣдъ.

2. У этого дѣда отъ рожденiя подъ ухомъ была одна шишка.

3. Когда этотъ дѣдъ однажды пошелъ въ лѣсъ рѣзать топливо, онъ попалъ подъ сильный дождь и — ничего нельзя было (другого) сдѣлать — залѣзъ въ дупло большого дерева; въ то время какъ онъ тамъ спасался отъ дождя, онъ въ такомъ положенiи и заснулъ внутри дупла.

*

4. soçi⌊te jonakago⌈re: natteka⌈ra amma⌈i atai⌊no gajaga⌊ja ju:⌊mon ʒai⌈keŋ hogetaŋka⌊ra cura⌈ba r'a:temitai⌈ba niŋgennogoto⌈mo are:⌈ba oninogoto⌈mo a⌈i.

5. mitakoto⌈mo nakamon⌈no śigo⌈niŋ jo⌊tte uta⌊ba uto:⌊te oroi⌊ba oroijo⌊tta.

6. ʒi:⌊mo haʒime:⌊n'a: jaguraśu:çi⌈te rama⌈:⌊tte mićottaba⌈tte amma⌈i uta⌊to oroi⌊no omośiro:çi⌊te ton⌊to ʒi:⌊mo aśib'o:⌈śi teb'o:śi⌈ba to⌈tte hogetaŋka⌊ra ukarer'a:⌊ta.

7. soçi⌊te so⌊no {jetᵋa:nośi⌈reŋ monromo⌈to / jetᵋa:⌈no śiremmonromo⌊to} iśśo:⌈ni na⌈tte orottai⌊ba soiro⌈ma: omośirokamon⌈no ki⌈ta ttè go:⌈gi joroku:⌈re wajawa⌊ja saw'a:⌈re ukare⌊te oro⌊tta.

8. soçi⌊te jowakego⌈re: nattato⌈ki soiroŋ⌈ga ʒi:⌊ni ju:jo:⌊n'a: naŋ⌈ka hośikamon⌈no aro:⌈ba i⌊je ttè ju:tai⌊ba ʒi:⌊wa hośika⌈mon ćà gaśśemba⌈tte ko⌊no kobu⌈ga i⌈tcu ʒa⌊m'a: naimasu⌈keŋ ro:⌈ʒo koi⌊ba {to⌈tte kurena- / tottekurena-} {ha⌊re: ttè / ha⌈re⌊: ttè} ju:tai⌊ba soiko⌊so jasaśi⌊ka ttè ju:⌊te ʒi⌊ki: tottekui⌈ta.

9. soçi⌊te {cuginobam⌊mo / cugi⌊no bam⌊mo} ma⌊ta jatteko⌊jo ttè ju:⌊te soiro⌈ma: kebuinogo⌊to no:na⌈tta.

---

4. Затѣмъ, когда настала полночь, кругомъ сдѣлалось слишкомъ шумно; потому (дѣдъ) выставилъ изъ дупла голову и видитъ: похоже и на людей, и на чертей.

5. Невиданныя существа по 4-5 вмѣстѣ пѣли пѣсни, плясали танцы.

6. Дѣдъ сначала испугался и молча глядѣлъ, но затѣмъ слишкомъ увлекшись пѣніемъ и танцами, онъ тоже сталъ отбивать тактъ ногами и руками и, наконецъ, въ увлеченіи вышелъ изъ дупла.

7. Затѣмъ, такъ какъ онъ танцевалъ вмѣстѣ съ этими существами, которымъ настоящія манеры были неизвѣстны, они очень обрадовались, что пришелъ къ нимъ занятный человѣкъ, и танцевали съ шумными криками и воодушевленіемъ.

8. Затѣмъ, когда стало свѣтать, они сказали дѣду: «Если у тебя есть, что пожелать, то скажи»; дѣдъ сказалъ: «Желаній нѣтъ, но вотъ эта шишка страшно мѣшаетъ, снимите мнѣ ее, пожалуйста». «Ну, это легко», сказали они и тотчасъ сняли ему (шишку).

9. Затѣмъ сказавъ: «Завтра вечеромъ опять приходи», они исчезли, какъ дымъ.

10. ʒi:⌞wa go:⌜gi: joroku:⌜re jen⌜ći: kaittai⌜ba tona⌞i: ma⌞ta {kobunoa⌜i / kobu⌜no a⌜i} jokkuʒi:⌜ga o⌞tte ko⌞no jokkuʒi:⌜ga koi⌞ba ki:⌞te soinai⌞ba kon′n′a:⌜wa oi⌞ba jattekui⌞ro ttè ju:⌞te sono⌞baŋ so⌞no ʒi:⌞ga so⌞no ja⌜m′a: ita⌞te hogetannona⌞k′a: itćo⌞tta.

11. soçitai⌞ba jonakago⌜re: nattai⌜ba anno⌜ʒu: so⌞no jet^ε^a:nośirem-mon⌜ga jatteki⌞te uta⌞to oroi⌞to jaihaśime⌞ta.

12. ko⌜ko ʒa⌜ro: ttè omo:⌜te so⌞no ʒi:⌞ga oroir′a:⌞ta ba⌜tte so⌞no ʒi:⌞wa uta⌞mo oroi⌞mo go:⌜gi: het^ε^a:⌜re itćo⌜mo {soiroŋ⌜ga ki:⌞n′a: / soiroŋgaki:⌜n′a:} ira⌞ʒi: kai⌜tte haikakaruibakka⌜i ʒa⌜tta.

13. soçi⌜te jowakego⌜re: nattaka⌜ra u⌞na: go:⌜gi: hetakeŋ⌜ka koiro⌞mo to⌜re ttè ju:⌞te mainoban⌜ni totćo⌜tta kobu⌜ba nage⌜te jattai⌞ba soi⌞ga ʒi:⌞no {φu:be⌜t^ε^a: / φu:tampu⌜r′a:} φutći:⌞te ʒi:⌞wa migi⌞to çira⌜i: kobu⌜no reke⌜te nakuna⌞ku jen⌜ći: kai⌜tta tću.

sarukanika⌜śśeŋ.

1. aruto⌜ki ippuki⌜no gane⌞ga nigi:meśi⌞ba φuru:taba⌞tte {attara-śu:çi⌞te / attara-⌞śu: çi⌞te} k^w^i:⌜ja: je⌜ʒi: tabu:⌞te motćottai⌜ba ippuki⌜no saru⌜ga jatteki⌞te gane⌞ba ram′a:⌜te {kaki⌞no sane⌜to / kakinosane⌞to} kaitei⌞ta.

---

10. Дѣдъ, чрезвычайно обрадованный, вернулся домой; въ сосѣдствѣ же былъ злой дѣдъ, также имѣвшій шишку; этотъ злой дѣдъ, услышавъ про это, сказалъ: «Въ такомъ случаѣ сегодня вечеромъ пойду я»; и въ этотъ вечеръ этотъ дѣдъ пошелъ въ этотъ лѣсъ и влѣзъ внутрь дупла.

11. Затѣмъ, когда настала полночь, какъ и ожидалось, пришли эти не знающія настоящихъ манеръ существа и начали пѣсни и танцы.

12. «Теперь [тутъ] пора», подумалъ этотъ дѣдъ и вышелъ, танцуя; но, такъ какъ этотъ дѣдъ былъ крайне неискусенъ и въ пѣніи и въ танцахъ, то онъ вовсе имъ не угодилъ, а наоборотъ — только разсердилъ ихъ.

13. Затѣмъ, когда стало свѣтать, они сказали: «Такъ какъ ты очень неискусенъ, то получи и это», и бросили ему снятую вечеромъ накапунѣ шишку; она пристала къ щекѣ дѣда, и дѣдъ, ставъ съ шишками и справа и слѣва, съ плачемъ вернулся домой.

Ссора обезьяны съ крабомъ.

1. Однажды одинъ крабъ нашелъ nigiri-meśi («rice made into balls»), но очень дорожа (имъ), хранилъ (его) несъѣденнымъ; но пришла обязьяна и, обманувъ краба, обмѣнялась (съ нимъ) на косточку kaki (названіе плода).

2. gaʟn'a: kakinosaneʟba ʒ́inawaᴦr'a: m'a:ᴦte oitekoʟjo oitekoʟjo ojemʟba hasami:ᴦre butcuᴦi ićiᴦki:ʟʒ́ai ttè ju:taiʟba kakinokiʟno owattekiʟta.

3. φuᴦto: naʟre φuᴦto: naʟre φuᴦto: naramᴦba hasami:ᴦre butcuᴦi ići:ᴦki:-ʟʒai ttè ju:taiʟba kakinoʟk'a: { φuto:naᴦtta. / φuᴦto: naᴦtta. }

4. miʟno naʟre miʟno naʟre miʟno naramᴦba hasami:ᴦre butcuᴦi ićiᴦki:-ʟʒai ttè ju:taiʟba kakiʟno jeraʟmo ośiʷorembakkaʟi naᴦtta.

5. baᴦtte gaʟn'a: noboʟr'a: jeᴦʒ́i: soiʟba nagamuibakkaᴦi çićoʟtta.

6. soᴦke: maʟta saruᴦga jattekiʟte ganeʟroŋ ganeʟroŋ oiʟga { totte- / toᴦtte } { kuruiᴦte: ttè / kuruiʟte: ttè } kakinoʟki: noboʟtta.

7. soibaʟtte saᴦra: gane:ʟn'a: itćoᴦmo toᴦtća: kureʒ́i:otte:ʟte wagabakkaᴦi toᴦtte ku:ᴦmoŋ ʒ́aiᴦkeŋ ganeʟga ore:niʟmo tottekuiᴦre: ttè ju:taiʟba koiroʟmo kʷi:kuᴦtaʟje ttè ju:ʟte śibugakiᴦba ganeʟno go:cu:ᴦni nageᴦte kurawaçiʟta.

8. gaʟn'a: go:cu:ᴦba kuśagaiᴦte nakunaʟku jenᴦći: kaiᴦtte nećottaiʟba haćiʟto tamagoᴦto usuᴦto mim'a:ᴦni kiᴦte ju:jo:ʟn'a: ganeʟroŋ śimpaᴦja: śinahare:ʟna kataᴦk'a: waśiroŋᴦga uttejaiᴦte: ttè ganeʟto { jottᵉa:ʟi / jottᵉaʟi } saruᴦno ruᴦśi: sarunoᴦje: ça:iku:ᴦra.

---

2. Крабъ посѣялъ косточку kaki въ землю и сталъ говорить: «Выростай, выростай, не вырастешь, однимъ махомъ ножницами срѣжу!» и выросло дерево kaki.

3. «Становись больше, становись больше, не станешь больше, однимъ махомъ ножницами срѣжу!» говорилъ онъ и дерево kaki стало большимъ.

4. «Пусть зрѣютъ плоды, пусть зрѣютъ плоды, не будутъ зрѣть плоды, однимъ махомъ ножницами срѣжу!» говорилъ онъ и вѣтви kaki чуть только не ломились даже.

5. Но крабъ не могъ влѣзть и только (то дѣлалъ, что) любовался имъ.

6. Снова пришла туда обезьяна и сказавъ: «Крабъ, а крабъ, я тебѣ наберу», влѣзла на дерево kaki.

7. Однако обезьяна изъ собираемаго ничего не давала крабу, а только себѣ собирала и ѣла, поэтому крабъ сказалъ: «Набери и мнѣ»! «Вотъ что жри», сказала (та) и съ силой бросила горькій (т. е. незрѣлый) kaki въ панцырь краба.

8. Крабъ съ разбитымъ панцыремъ съ плачемъ вернулся домой и легъ; тогда пришли навѣстить (его) пчела (*или* оса), яйцо и ступка и сказали: «Крабъ, не безпокойся, мы отомстимъ обидчику» и вчетверомъ съ крабомъ (они) проникли въ домъ обезьяны въ ея отсутствіе.

9. sa⌈ra: soga𝜂koto⌈no a⌈ro:tćà ime:ni⌈mo śira⌊ʒ́i: josoka⌊ra kai⌈tte ćaro⌈mo no⌈mo: ttè çi⌈ba takicuketai⌊ba { juruinonakaka⌈ra / jurui⌈no nakaka⌈ra } tamago⌈no pa⌈ći⌊tte haśi⌈tte { sarunocura⌈ba / saru⌈no cura⌈ba } go:⌈gi: jakeзo:⌊ba çita⌊mo𝜂 ʒ́ai⌈ke𝜂 ko⌊r'a: tama⌊ran ttè { kogainomi⌊ʒ́i: / kogai⌊no mi⌊ʒ́i: } cura⌈ba cukku:⌊re çija⌈so: ttè çitai⌊ba hana⌊ba ganeka⌊ra hasamai⌈ta.

10. ai⌊ta ko⌊r'a: ma⌊ta tama⌊ran ttè cura⌈ba { aguiço:⌊śi: / agu⌊i ço:⌈śi: } haćika⌊ra mimi⌈ba sasai⌈ta.

11. sa⌈ra: ito:çi⌈te mote⌈ʒ́i: çi:⌊çi: ome:⌊te uragućika⌈ra nugu⌈ittè çitai⌊ba { togući⌊no u⌊je: / togućinou⌊je: } kamaićo⌈tta usu⌈ga otteteki⌈te saru⌈ba biśśa:⌊ra.

12. ga⌊n'a: to:⌊to kataki⌈ba u⌈tte jen⌈ći: kai⌈tte haći⌊to tamago⌈to usu⌈to jott^{e}a:⌊i nakaju:çi⌊te kur'a:⌊ta tćù.

momotaro:nohana⌊śi.

1. muka⌊śi a⌈ru toko⌊re: ʒ́i:⌊to m̥ba⌊to ottaganata⌊i.

2. aruto⌈ki ʒ́i:⌊wa ja⌈m'a: sibaki:⌈ja: m̥⌊ba: ka⌊w'a: śenta⌈k^{w}i: itaganata⌊i.

---

9. Когда же обезьяна, которой и во снѣ подобныхъ вещей не снилось, вернулась со двора и развела огонь, чтобы выпить чаю, то въ очагѣ взорвалось яйцо и сильно обожгло лицо обезьяны; (съ крикомъ): «Это нестерпимо»! (она) окунула морду въ воду въ ведеркѣ, чтобы охладить (ее), какъ крабъ ущипнулъ (ее) за носъ.

10. Въ тотъ моментъ, когда (съ крикомъ), «Ай, это опять нестерпимо!» (она) поднимала голову, (она) была ужалена пчелой въ ухо.

11. Когда же обезьяна, не выдерживая боли съ крикомъ: «çi:çi:» хотѣла убѣжать черезъ черный ходъ, то только того и ждавшая (наготовившаяся) надъ дверью ступка упала и раздавила обезьяну.

12. Наконецъ-таки крабъ отомстилъ врагу, послѣ чего вернулся домой и жилъ въ ладахъ вчетверомъ съ пчелой, яйцомъ и ступкой.

Разсказъ про Момо-таро.

1. Давно въ нѣкоторомъ мѣстѣ жили-были дѣдъ и баба.

2. Однажды дѣдъ пошелъ въ лѣсъ рѣзать топливо, а баба на рѣку стирать.

3. soçi⌞te m̥ba⌞ga śentaku⌜ba śijottai⌞ba kawakamika⌞ra φuto⌜kka momo⌞no nagai⌜te kita⌜moη ʒai⌜keη sawe:⌜re soi⌞ba çikijośe⌞te to⌜tte jen⌜ći: mo⌜tte kai⌜tte ʒi:⌞ga jamaka⌜ra kaittekitaro:⌜ba ʒi:⌞to φut^{ε}ai:⌞ro k^{w}ó:ttè omo:⌜te o⌞tta.

4. soko⌜re ʒi:⌞ga kai⌜tte kita⌜moη ʒai⌜keη so⌞no momo⌞ba ki:bannou⌜je: nośe⌞te ho:ćo:⌜ba a⌜ću: ttè çitatokoi⌞ga mo⌞ma: ʒibun⌜re mapputa⌞ći: ware⌞te nakaka⌜ra go:⌜gi: ucukuçi⌜ka koroη⌞ga reteki⌜ta.

5. φut^{ε}a⌞ja: { koromonono:çi⌞te / koromo⌞no no:çi⌜te } ro:kaçi⌞te korom⌞ba jeta⌜ka ttè omo:ćottato⌜ki ʒai⌜keη go:⌜gi: joroku:⌜re ko⌞r'a: ro:çite⌜mo kamisama⌜no φut^{ε}a⌞i: saʒuke⌞te kuita⌞moη ʒa⌜ro: ttè ju:⌞te { so⌞no ko⌞no / sonoko⌞no } na⌞ba momota⌞ro: ttè cuke⌜te mejo⌜i r'a:⌜ʒi: çi⌞te sorate⌜ta.

6. momotaro:⌞ga raη⌜raη φu⌜to: nai⌜te: cure⌞te gekkenre⌜mo gakumonre⌜mo { naruwa⌜ʒi: otte:⌞te / uaruwaʒi:otte:⌜te } ʒibun⌜re cu⌜jo: na⌜tta.

7. soçi⌞te kokono⌜ći: nattato⌜ki: φuta^{w}o⌞ja: ju:jo:⌞n'a: wataku⌞śi: ro:⌜ʒo kibirago⌜ba cuku⌜tte kuinaha⌞re: wataku⌞śa: imaka⌜ra onigaśi⌜m'a: onitaiʒi⌜g'a: ikima⌞su soçi⌞te takaramom⌜ba jon'⌞n'u: { totteki⌜te / to⌜tte ki⌜te } mija⌜ge: agema⌞su ttè ju:⌞ta.

---

3. Когда баба стирала, [съ верху] (по) рѣкѣ приплылъ большой персикъ, (баба) пригнала его шестомъ, взяла, принесла домой и думала, что они вдвоемъ съ дѣдомъ съѣдятъ (его), когда дѣдъ вернется изъ лѣсу.

4. Тутъ вернулся дѣдъ, положилъ этотъ персикъ на доску для разрѣзыванія и уже занесъ ножъ, какъ персикъ самъ раскололся пополамъ и изнутри вышелъ чрезвычайно красивый ребенокъ.

5. Оба, не имѣя дѣтей, во что бы то ни стало желали имѣть ребенка и потому очень обрадовались; «Это конечно богъ (намъ) двоимъ ниспослалъ» сказали они и дали этому ребенку имя Момотаро и воспитывали (его), охраняя пуще глаза.

6. Момотаро становился все больше и вмѣстѣ съ тѣмъ становился сильнѣе самъ по себѣ, не учась ни фехтованію, ни наукамъ.

7. Наконецъ, когда ему стало 9 (лѣтъ), онъ сказалъ родителямъ: «Пожалуйста, приготовьте мнѣ пшеничныя «данго»; я отнынѣ иду на чертовъ островъ покорить чертей; послѣ чего привезу много драгоцѣнностей и поднесу (вамъ) въ подарокъ».

8. ʒi:⌞mo m̥ba⌞mo go:⌜gi: bikku⌜i çitaba⌞tte momotaro:⌞no ju:to:⌞i: kibirago⌜ba cukutteja⌜tta.

9. momotaro:⌞wa katana⌜ba ś a:⌜te {k'a:haŋwaraʒ́i:⌜re / k'a:⌜haŋ waraʒ́i:⌜re} mi⌞ba katame⌞te śenak'a:⌜n'a: nippoŋi⌜ći ttè jù: hata⌞ba śa:⌜te kibirago⌜ba ko⌞śi: cuke⌜te rekake⌜ta.

10. soçi⌞te onigaśi⌜m'a: ikijottai⌞ba a⌜ru tokore:⌞re ippuki⌜no iŋ⌜ga reteki⌜te momotaro:⌞ni ju:jo:⌞n'a: momotaro:sa⌞ma momotaro:sa⌞ma omaisama⌜no ko⌞śi: cukećoimo⌜na: nan⌞re goʒ́aima⌜śśo:⌞ka.

11. koi⌞ka: ko⌞r'a: nippoŋići⌜no kibira⌜go ttè ju:⌞moŋ.

12. so:⌞re gozaimasunama⌜i ro:⌜ʒo wataśi:⌞mo {ći:ttobakka⌞i / suko:śibakka⌞i} kuremaśśeŋ⌞ka so:śəre:⌞ba watakuśi⌞mo omaisama⌜no otomo⌜ba çi⌞te onigaśi⌜m'a: ći:⌜te ikima⌞śśo:

13. so:⌞ka: {soinai⌞ba / soi⌞ʒ́a:} ham⌜buŋ kuruikeŋ⌞ka ći:⌜te ko⌜jo ttè ju:⌞te im⌜ba cure⌞te ikijo⌞tta.

14. ma⌞ta i:tto⌞ki çitai⌞ba ippuki⌜no saru⌜no reteki⌜te momotaro:sa⌞ma momotaro:sa⌞ma omaisa⌜ma: ro⌜ke: ikijo⌞inama⌞i soçi⌞te omaisama⌜no ko⌞śi: cukećoimo⌜na: nannama⌞i.

15. oi⌞ja: o⌞r'a: onigaśi⌜m'a: oni⌜baući⌜g'a: ikijo⌞i ko⌞no ko⌞śi: cukećoimo⌜na: nippoŋići⌜no kibira⌜go ttè ju:⌞moŋ.

---

8. И дѣдъ и баба очень удивились, но, какъ сказалъ Момотаро, приготовили ему пшеничныхъ «данго» («a dumpling»).

9. Момотаро прицѣпилъ саблю, обулся въ гетры и waraʒ́i («a strow sandal»), нацѣпилъ на спину знамя nippoŋ-i⌜ći, прикрѣпилъ къ поясницѣ пшеничныя «данго» и отправился.

10. Въ то время, какъ онъ шелъ на чертовъ островъ, въ нѣкоторомъ мѣстѣ подошла собака и сказала Момотаро: «Момотаро, а Момотаро! что это у тебя прикрѣплено къ поясницѣ?»

11. «Это? это пшеничныя «данго» подъ названіемъ nippoŋići».

12. «Вотъ какъ? Не дашь ли и мнѣ немножко? Тогда и я послѣдую за тобою на чертовъ островъ».

13. «Вотъ какъ? Въ такомъ случаѣ я дамъ (тебѣ) половину. Ступай же за мной» сказалъ (Момотаро) и пошелъ вмѣстѣ съ собакой.

14. Еще немного времени спустя пришла обезьяна (и сказала): «Момотаро, а Момотаро! Куда ты идешь и что это у тебя прикрѣплено къ поясницѣ?».

15. «Я? Я иду на чертовъ островъ бить чертей. А то, что прикрѣплено къ поясницѣ, это называется nippoŋićino kibi-rago («данго»)».

16. watakuśi:⌞mo ci:ttobakka⌞i kuremaśśennama⌞i sośere:⌞ba omaisama⌜no otomo⌜ba śimasu⌞te:.

17. ŋ̀: kurui⌞keŋ ko⌞jo ttè ju:⌞te to⌜me: { curetei⌞ta. / cure⌞te i⌞ta. }

18. ma⌞ta itto⌜ki çićottai⌞ba kiǯintoi⌞ga { to:rekita⌞moŋ / to:⌞re kita⌜moŋ } ǯai⌜keŋ kiǯintoi:⌞mo kibirago⌜ba kui⌞te ker'a:⌞ni çi⌞te curetei⌞ta.

19. soçi⌞te { ran⌞raŋ ran⌞raŋ / ranranran⌞raŋ } ita⌞te onigaśi⌜m'a: { ćikajo⌜tte mitai⌜ba / ćikajottemitai⌜ba } onironta⌜ća: mom⌜ba śime⌜te momotaro:samataći⌞no kuito⌜ba ki:⌞te ça:⌜r'a: jeŋgo⌜to cićotta⌞moŋ ǯai⌜keŋ kiǯinto⌞ja: mom⌜ba noike:⌞te ućinoho:ka⌞ra mom⌜ba ake⌞ta.

20. soçi⌞te jott$^{\epsilon}$ai:⌞re katana⌜ba ni:⌜re śemeku:⌜ra.

21. aka^{w}o⌞ni kuro:⌜ni śiro:nirome:⌜n'a: in⌜to saru⌜to kiǯi⌞ga kaka⌜tte ita⌞te momotaro:⌞wa massa⌞ki: { oni⌜no kaśira⌜no / oninokaśira⌜no } śutenro:⌜ǯi: kakattei⌞ta.

22. śutenro:⌜ǯa: { tecu⌞no bo:⌞ba / tecunobo:⌞ba } mo⌜tte { φuimaja:⌞te / buisam'a:⌞te } { jatteki⌞ta ba⌜tte / jattekitaba⌞tte / ja⌞tte kitaba⌜tte } momotaro:⌞no katan'a:⌜re makiotosaita⌞moŋ ǯai⌜keŋ momotaro:⌞ni kumiući:⌜re śikaka⌞tte jatteki⌞ta.

---

16. «Не дашь ли ты мнѣ немножко, я тогда послѣдую за тобой».

17. «Ну хорошо! На! Иди!» сказалъ онъ, и они пошли вмѣстѣ.

18. Еще немного спустя прилетѣлъ фазанъ, (Момотаро) и фазану далъ «данго», и тотъ пошелъ съ нимъ въ составѣ его дружины.

19. Шли они, шли, и когда уже были близки къ чертову острову, черти заперли ворота, заслышавъ о приходѣ Момотаро со свитой, и сдѣлали входъ невозможнымъ; тогда фазанъ перелетѣлъ черезъ ворота и открылъ ихъ съ внутренней стороны.

20. Затѣмъ всѣ четверо, обнаживъ сабли, пошли въ атаку.

21. Въ то время, какъ собака, обезьяна и фазанъ бросились на краснаго, чернаго и бѣлаго чертей, Момотаро напалъ прямо на главу чертей Сютендодзи [śutendo:ǯi].

22. Сютендодзи пошелъ на него, размахивая желѣзнымъ шестомъ, но онъ былъ выбитъ у него саблей Момотаро; тогда онъ напалъ на Момотаро въ рукопашную.

23. momotaro:˪wa ma˪ta koi˪ba kon'a:˪te çizaŋçi˪tᵉa: śi:˪te kubi˪ba ići˹ki:ttè çitatokoi˪ga çitaka˪ra oni˹ga ju:jo:˪n'a:

24. momotaro:sa˪ma momotaro:sa˪ma itto˹ki ma˹tte kurena˪śse.

25. omaisamanogo˹to cujokamone:˹n'a: haʒime˪te o:˹ta.

26. ro:˹zo jenoćibakka˹ja: tacuke˹te kurena˪śśe omaisa˹m'a: ko˹ke: a˹i takaramom˹ba jaimasu˪keŋ.

27. ko˪no uttenojokozu˹cu ttè ju:mo˪na: ʒibuŋ˹ga hośikamo˹na: nanre˹mo ju:˪te {ʒibeta˹ba / ʒinawara˹ba}ući˹śa: śere:˪ba ʒi˪ki: retekima˹su.

28. soçi˪te ko˹ke: a˹i kakuremino˹to kakurega˹sa: koi˪ba kabutta˹i kita˪i çićoke:˪ba rogantaśśa:kamounoki˹tatćà itćo˹mo ma˪keŋ.

29. watakuśi˪mo koi˪ba kićoke:˪ba jo:gaçitaba˹tte {ki:φumano-ki:φuma˪no gaśśe˪ʒi: / gaśśe˹ʒi:} omaisa˹m'a: makemaçi˪ta.

30. ro:˹zo jenoćibakka˹ja: tacuke˹te kurena˪śśe.

31. kogammo˹na: mi:n˪na omaisa˹m'a: saśiagema˹su.

32. soçi˹te ko˹ke: a˹i kinre˹mo ginre˹mo saŋgoʒire˹mo śiŋʒinotamare˪mo omaisa˹m'a: mija˹ge: jaima˪su ttè ju:takeŋ˪ka momotaro:˪wa jenoćira˹k'a:

---

23. Момотаро опять-таки подмялъ его подъ себя и, прижавъ колѣномъ, хотѣлъ отрубить голову, какъ чортъ снизу сказалъ:

24. «Момотаро, Момотаро! подожди немного.

25. Я впервые встрѣтился съ такимъ какъ ты силачемъ.

26. Будь милостивъ, пощади мнѣ только жизнь и я дамъ тебѣ имѣющіяся здѣсь сокровища.

27. Вотъ волшебный молотокъ[1]); если назвать какую бы то ни было вещь, которую желаешь, и ударить (имъ) только по землѣ, она тотчасъ появляется.

28. Затѣмъ вотъ плащъ-невидимка и шапка-невидимка, если ихъ одѣнешь, то какой силачъ не пришелъ бы, ни за что не будешь побѣжденъ.

29. Если бъ и я ихъ одѣлъ, было бы хорошо, но не было времени одѣть, потому я тобою и побѣжденъ.

30. Смилуйся, подари мнѣ только жизнь.

31. Я подарю тебѣ всѣ эти вещи.

32. Затѣмъ имѣющіеся здѣсь и золото, и серебро, и кораллы, и перлы приношу тебѣ въ подарокъ», сказалъ онъ, и Момотаро пощадилъ ему жизнь,

---

1) Uttenojokozu˹cu соотвѣтствуетъ Токіоск. ućideno˹kozući.

{ tacuke┌te ja└tte / tacuketeja┌tte } so┌gan takaramom┌ba kuru└m'a: nośe└te in┌to saru┌to ki└ʒi: φukaçi└te jenćisa┌n'a: kai┌tte ki┌te oʒi:sama└to ombasa└m'a: takaramom┌ba saśiage┌ta.

33. soçi└te kiʒi└to in┌to sa┌ra: ker'a:└ni çi└te oja:┌n'a: ko:ko:┌ba çi└te je:└ju: jetak'a:└re kur'a:└ta tćü.

uraśimata┌ro:

1. muka└śi muka└śi so└no ma└ta muka└śi arutoko┌re: uraśimata┌ro: ttè ju:└te { hataćibakka└i: / hataći:bakka└i } na┌i go:┌gi: ucukuçi┌ka otoko┌no ottaga└na.

2. aru┌çi iʷocui└g'a: ita└te kai:jottai┌ba koroŋ└ga ippuki┌no gamme┌ba φutcukamaićo└tte nabuijottato┌ba mi┌te gu:ra┌śu: omo:┌te koro└me: ʒem┌ba kui└te so└no gamme┌ba moro:└te u┌mi: nug'a:┌te ja└tta.

3. soçitai└ba nisan┌ći çiteka└ra uraśima┌ga { iʷocui└g'a: / iʷocui└ja: } itaćottai└ba φuto┌kka gamme┌ga jatteki└te mo:└śi mo:└śi taro:└saŋ konai┌ra: { waśigai┌no korom└ba / waśigainokorom┌ba } { tacuke┌te kui└te / tacuketekui┌te } { ariga┌to: gozaima┌su / arigato:gozaima┌su } wataku└śa: { waśiroŋ┌ga toŋsama┌no / waśiroŋ┌ga toŋsama┌no } r'u:gu:samaka└ra omaisama┌ba { muk'a:└ni / muk'a:└g'a: } jarai└te cure└g'a: kimaçita┌keŋ ro:┌ʒo waśi└ga go:cu:┌ni

---

положилъ эти драгоцѣнности на телѣгу, приказалъ везти собакѣ, обезьянѣ и фазану и, вернувшись домой, преподнесъ дѣду и бабѣ драгоцѣнности.

33. И зажилъ съ дружиной изъ фазана, собаки и обезьяны, оказывая сыновнее почтеніе родителямъ, въ полномъ довольствѣ и великолѣпіи.

Ура-сима-таро.

1. Давнымъ давно и еще того давнѣе въ нѣкоторомъ мѣстѣ жилъ былъ красивый мужчина лѣтъ 20 по имени Урасиматаро.

2. Однажды онъ пошелъ удить рыбу и на возвратномъ пути увидѣлъ, что дѣти, поймавъ черепаху, мучатъ (ее); онъ сжалился и, давъ дѣтямъ денегъ, получилъ черепаху и отпустилъ въ море.

3. Спустя 2—3 дня Урасима пошелъ удить рыбу; пришла большая черепаха и сказала: «Эй, послушай, Таро, за то, что ты спасъ на дняхъ наше дитя, спасибо! Я пришла, посланная изъ подводнаго дворца нашей повелительницы навстрѣчу тебѣ, чтобы привести (тебя); сядь на мой

{ nottekurena⌊śśe ttè / no⌊tte kurena⌊śśe ttè } ju:ta⌊moŋ ʒai⌈keŋ taro:⌊wa gam⌈me: no⌊tte { naminoujeto⌈ka / nami⌈no ujeto⌊ka } { uminosoko⌈ba / umi⌈no soko⌊ba } to:⌈tte tᵉa:to⌈ka jembi:to⌊ka sanʒa:to⌈ka aʷobito⌊ka kotći:to⌈ka çiratameto⌊ka buito⌊ka susukito⌊ka issakito⌊ka takatćoitokoi⌊ba ośiwake⌊te i⌊ta.

4. soçi⌊te nan⌊ri ʒai⌈ro: itai⌊ba muko:noho:⌊ni φuto⌈kka { karaŋkuninotatemonnogo⌈to / karaŋkuni⌈no tatemonnogo⌈to } a⌈i mon⌈no mije⌈ta.

5. asuko⌊ga r'u:⌊gu: ttè { ju:tokoi⌊re / jù: tokoi⌊re } gasu⌈keŋ koika⌊ra omaisama⌈no φuto:⌈i ikina⌊śśe ttè ju:⌊te gam⌈m'a: soke:⌈re taro:⌊ba ore:⌈ta.

6. soçi⌊te taro:⌊wa so⌈ke: { itatemitai⌊ba / ita⌊te mitai⌈ba } a⌊kka ucukuçi⌈ka goten⌊no a⌈tte haśi⌈ra: umimacuto⌈ka saŋge:⌈re cuku⌈tte niw'a:⌊n'a: śinʒinotama⌊ba śikicume⌊te kawar'a:⌈n'a: śakonok'a:⌊ba { φi:⌊te / çi:⌊te } ma⌈ra: ruri:⌊re hamećo⌊tta.

7. taro:⌊wa ime:⌈ni ime:⌈ba { mí: kokoći:⌈re / mi:kokoći:⌈re } an'n'a:⌈ba nego:tai⌈ba go:⌈gi: ucukuçi⌈ka anne:⌈no reteki⌈te ju:jo:⌊n'a: taro:sa⌊ma taro:sa⌊ma omaisama⌈no oizuito⌈ba otoçimesama⌊no icukka⌊ra matćoimasu⌈keŋ ha⌈jo: o⌈kkʷi: { to:⌈tte kurena⌊śśe ttè / to:ttekurena⌈śśe ttè } ju:⌊te okkusa⌈n'a: { curetei⌊ta / cure⌊te i⌊ta }

панцырь»; Таро сѣлъ на черепаху и двигаясь то по вершинамъ волнъ, то по дну моря, протискивался между кишѣвшими лещами, раками, садзаэ, аваби, коти, камбалой, бури, судзуки, исаги.

4. И вотъ, когда они проплыли богъ знаетъ сколько верстъ, передъ нимъ показались большія ворота, какъ у зданія китайской страны.

5. «Это дворецъ морской царицы; теперь иди одинъ», сказала черепаха и спустила на этомъ мѣстѣ Таро.

6. Таро прошелъ туда и видитъ: красный прелестный дворецъ, столбы сдѣланы изъ коралловъ miru[1]) и (другихъ) коралловъ, полъ устланъ жемчугомъ, крыша крыта раковинами śako (двусторчатыми *Tridacna*), въ окнахъ вставлены изумруды.

7. Таро точно во снѣ сонъ видитъ; когда онъ попросилъ провести (его), пришла [вышла] очень хорошенькая служанка и со словами: «Таро, Таро, Отохимэ уже давно ждетъ твоего прихода, такъ пройди скорѣй въ покой», провела (его) въ покой.

---

1) umi-ma⌈cu морская сосна соотвѣтствуетъ Токіоск. ⌈miru *Codium tomentosum.*

8. o⌜kk^{w}i: { itatemitai⌞ba / ita⌞te mitai⌜ba } зu⌜:⌞tto toŋwo:⌞no { tokonoma⌜no wa⌜ki: / tokonomanowaˈki: } otoçimesa⌞ma: ucukuçi⌜ka kammuri⌜ba kabuˈtte u:зe:⌞no kośimo⌜te: kaiho:-sai⌜te kurubi:⌞te suwatćo⌞tta.

9. soˈke: taro:⌞ga itai⌞ba jú: oire⌜te kuremaçi⌜ta ttè ju:⌞te mitakoto⌜mo naˈka kire:⌞ka m̥ma⌞ka gotco:⌜to ama⌞ka sake⌞ba r′a:⌜te toimo⌜tte soçi⌞te kośimotoro⌜me: oroi⌞ba ororaçita⌞i uta⌞ba utawaçita⌞i sabuśem⌞ba φukaçita⌞i çi⌞ta.

10. śim′a:⌞n′a: takoma⌜re re⌜te oro⌞tta.

11. soçi⌞te taro:⌞wa otoçimesama⌞no kì: i⌞tte soke:⌜re sannembakka⌜i kur′a:⌞ta.

12. soçitai⌞ba amma⌜i jenći⌜no koi⌜śu: na⌜tte φutoma⌜зu jen⌜ći: kai⌜tte ma⌞ta renawá:⌜te kima⌜śśo: ttè ju:tai⌞ba otoçimesa⌞ma:soinai⌞ba itatekina⌞śśe soçi⌞te ko⌜ke: mija⌜ge: tamateba⌜ko ttè jù: hako⌞ba omaisa⌜m′a: jai⌞keŋ koi⌞ba moˈtte kai:⌜na⌞śśe soiba⌞tte ko⌞no ha⌞ka: kamm′a⌜te akenaśśe:⌞na ttè ju:⌞ta.

13. soçi⌞te taro:⌞wa { otoçi⌜me: / otoçi⌞me: } wakai⌜te ma⌞ta gam⌜me: no⌞tte { wagainoniki⌜no ha⌜m′a: / wagai⌜no niki⌜no ha⌜m′a: / wagainonikinoha⌜m′a: } ći:⌜ta.

---

8. Когда онъ пришелъ въ покой, Отохимэ сидѣла, опустивъ взоръ, около самой отдаленной tokono⌜ma («the part of a room, raised a few above the floov; alcove»), одѣвъ на голову прекрасный головной уборъ, окруженная массой приближенныхъ.

9. Когда Таро пришелъ, (она) сказала: «Добро пожаловать!» и приняла (гостя), предложивъ невиданно красивое и вкусное угощенье и сладкое вино; затѣмъ заставила свою свиту танцовать танцы, пѣть пѣсни, играть на сямисенѣ.

10. Наконецъ, даже осьминогъ вышелъ плясать.

11. Таро понравился Отохимэ и жилъ тамъ года съ три.

12. А потомъ, когда онъ слишкомъ стосковался по дому, онъ сказалъ: «Я на время вернусь домой и оправившись опять приду»; Отохимэ сказала: «Если такъ, то иди; а вотъ здѣсь я дамъ тебѣ въ подарокъ ящикъ подъ названіемъ tama-te-bako; ступай съ нимъ, но ни за что не открывай этого ящика».

13. Таро разстался съ Отохимэ, снова сѣлъ на черепаху и присталъ къ берегу возлѣ своего дома.

14. { ći:temitai⌜ba / ći:⌜te mitai⌜ba } san⌜neŋ ma⌜je: a⌜tta je⌜mo φuto⌞mo itćo⌜mo naka⌜moŋ ʒai⌜keŋ ko⌞r'a: φuśigi⌞na ko⌜to ttè omo:⌜te { toho:⌜ni kure⌞te / toho:nikure⌜te } o⌞tta.

15. soçitai⌞ba so⌜ke: φutoi⌜no { śiraganoʒi:⌜ga / śiraga⌜no ʒi:⌞ga } { jattekita⌞moŋ / ja⌞tte kita⌜moŋ } ʒai⌜keŋ wa⌞śa: san⌜neŋ ma⌜je: koko⌜ba retamon⌜re ta⌞ro: ttè ju:mon⌞re gasu⌜ga wasiga⌜ja: ro⌞ke: nawaimaçita⌜ro:ka⌞tte ki:tai⌞ba so⌞no ʒi:⌞mo kegen⌜na cura⌜ba çi⌞te śi:ma⌞śśen ttè ju:⌞te kubi⌞ba katabuke⌜te kaŋgai-ćottato⌜no ma⌞ta ju:jo:⌞n'a: so⌞no ta⌞ro: tte jù: oto⌜ka: imaka⌜ra haćiʒu:-nembakka⌜i muka⌞śi waśiroŋ⌜ga koromonoto⌞ki uminna⌜k'a: ça:⌜tte oraŋgo⌞to { śina⌞tta ttè / na⌜tte śimo:⌞ta ttè } ju:ta⌞moŋ ʒai⌜keŋ taro:⌞wa φuśi⌞gi: omo:⌜te tamatebako⌜ba { aketemitai⌞ba / ake⌞te mitai⌜ba } hakonnakaka⌞ra maśśiro⌞ka kebui⌞no ta⌜tte taro:⌞no cu⌜ra: hatta⌜i ʒi:san⌞ni na⌜tte śimo:⌞ta tću.

{ mije⌞no koro⌞mo / mijenokoro⌞mo }

1. mije:⌞n'a: ʒu:gojoiçi⌞ta ttè jù: koroŋ⌞ga kumi⌜no a⌜i.

2. kokono⌜ći: nare:⌜ba ko⌞no ku⌜mi: ça:⌜i ʒu:gonomoŋ⌞ga kaśira⌜ba su⌞i kaśi⌜ra: korome:⌞n'a: ojajoi⌜k'a: cujo⌜ka ćikara⌜ba motćo⌜i.

---

14. Присталъ (къ берегу) и видитъ: совсѣмъ нѣтъ ни домовъ, ни людей, бывшихъ 3 года передъ тѣмъ; «это удивительно», подумалъ онъ и недоумѣвалъ.

15. Тогда пришелъ туда одинъ сѣдой дѣдъ, и (Таро) спросилъ: «Я 3 года тому назадъ ушелъ отсюда, меня зовутъ Таро, куда мой домъ передвинулся?» Этотъ дѣдъ сдѣлалъ удивленное лицо, сказалъ: «не знаю» и, согнувъ шею, задумался, потомъ опять заговорилъ: «Этотъ мужчина по имени Таро лѣтъ 80 тому назадъ, въ то время, когда мы (т. е. мое поколѣніе) были дѣтьми, ушелъ въ море и исчезъ»; Таро удивился, открылъ шкатулку съ драгоцѣнностями, и изъ шкатулки поднялся бѣлый-бѣлый дымъ, и лицо Таро вмигъ стало (лицомъ) старика.

Міескія дѣти.

1. Въ Міе есть дѣтская организація подъ названіемъ: До пятнадцати (лѣтъ).

2. Въ эту организацію вступаютъ, когда исполняется 9 (лѣтъ), пятнадцатилѣтніе же бываютъ начальниками (атаманами); атаманы пользуются болѣе сильной властью, чѣмъ родители.

3. { kaśira⌜no ju:ko⌞ta: / kaśiranoju:ko⌜ta: } oja⌜no ju:kotojoi⌞k'a: jú: ki⌞ku.

4. kaśira⌜no ju:koto⌞ba kikaŋkoro⌞ma: kumihazuśi⌜ba saru⌞i.

5. he:⌞ʒe: śibaki:⌜g'a: ita⌞i kusaki:⌜g'a: ita⌞i suito⌞k'a: mi:n⌞na iśśo:⌜ni i⌞ku.

6. soganto⌜k'a: { taite:nomoŋ⌜ga / taite:⌜no moŋ⌜ga } hararoi⌜ba mo⌜tte i⌞ku.

7. soçi⌞te kaśi⌜r'a: ham⌜buŋ jaram⌞ba ju:⌜wa na⌜ka.

8. ma⌞ta kaśi⌜ra: asu:ʒotte⌞mo kusarə⌜mo śibare⌜mo { ki⌜tte ju⌜i. / kitteju⌜i. }

9. na⌞ći: nare:⌜ba ʒu:gojoiçit^e a:⌞re ćiŋje:go:ja⌜ba cuku⌜i.

10. ćiŋje:go:⌜ja: çi⌞ra: musumekoroŋ⌞ga asubiʒa⌞ki: na⌜i josa⌞ja: ʒu:gojoiçita⌞no koroŋ⌞ga tomaiʒa⌞ki: na⌜i.

11. koro⌞ma: { so⌞no çi⌞no / sonoçi⌞no } śigoto⌞ba çi⌞te śimo:⌞te meśi⌜ba k^we:⌜ba nero:gu⌞ba mo⌜tte tomai⌞g'a: su⌜i.

12. ha⌜jo: retamoŋ⌜ga i⌜tcu jokatoko⌜re: nu⌞i.

13. ju:ka⌞t^e a: na⌜tte koroŋ⌞ga resoroje:⌜ba min⌞na roçu:⌜re sumo⌞ba to⌜i.

14. sumo⌞ba śimaje:⌞ba ko:zo⌜tte hanaśija:⌜ba su⌞i.

---

3. Приказаній атамана слушаются лучше, чѣмъ приказаній родителей.

4. Ребенокъ, не повинующійся приказаніямъ атамана, подвергается исключенію изъ организаціи.

5. Всегда, когда идутъ рѣзать топливо или косить траву, всѣ идутъ вмѣстѣ.

6. Въ это время большинство несетъ закуску.

7. И атаманамъ надо дать половину.

8. Кромѣ того, атаманъ не трудясь получаетъ нарѣзанными и траву, и топливо.

9. Когда настаетъ лѣто, «До 15» строитъ бивуачный домикъ.

10. Бивуачный домикъ днемъ бываетъ мѣстомъ, гдѣ играютъ дѣвочки, а ночью мѣстомъ ночлега дѣтей изъ «До 15».

11. Дѣти, покончивъ занятія этого дня и поѣвъ, уходятъ на ночлегъ, неся съ собой постельныя принадлежности.

12. Кто пошелъ раньше, тотъ ложится на самыхъ лучшихъ мѣстахъ.

13. Вечеромъ дѣти въ сборѣ выходятъ и всѣ борятся на аренѣ.

14. Окончивъ борьбу, всѣ занимаются разговорами.

15. hanaśija:noto⌜k'a: kaśi⌜ra: manna⌞k'a: suwa⌞tte nan⌜nokan⌞notte i:cuke⌞ba su⌞i.

16. sonto⌞k'a: { hokanokoro⌜ma: / hoka⌜no koro⌞ma: } iśśo:⌜ni he:ʒi⌜ba su⌞i.

17. so⌞no { heʒi⌜no śika⌞ta: / heʒinośika⌜ta: } { hokanotokijo⌜i / hoka⌜no tokijo⌜i } ćigo:ćo⌞i.

18. itcu⌜mo hè:ttè ju:tokore:⌞ʒa: ò:ttè jù:

19. i:⌜je ttè ju:tokore:⌞ʒa: on⌞ʒe:ttè jù:

20. kaśi⌜ra: koga𝑛koto⌜ba jù: kusaki:⌜g'a: itato⌞k'a: joso⌞no mugibata⌜k'a: joke:⌞n'a: haśi:⌜m'a:⌞bai ò:ttè jù:

21. śibaki:⌜g'a: itato⌞k'a: joso⌞no jaina⌜ba ki⌜ro:⌞bai on⌞ʒe: ttè jù:

22. m̥makamon⌞no aito⌜k'a: φutoi:⌜re kʷ:ó⌞bai on⌞ʒe:

23. { reja·nomo⌜na: / reja:⌜no mo⌜na: } jú: i⌞ʷo:⌞bai ò:

24. soçi⌞te sono⌞çi { waikakoto⌜ba / wai⌜ka koto⌜ba } çi⌞ta koro⌞ma: kitawaru⌞i.

25. soi⌞ga sume:⌜ba ći𝑛je:go:⌜ja: ça:⌜tte nu⌞i.

ʒu:jokk̥a⌞no moguraući⌜no hana⌜śi.

1. śo:gʷacu⌜no ʒu:jokka⌞no a⌜sa { icu⌜cu mu:cu⌜no / icucumu:cu⌜no } koro⌞ma: { jo⌜ka / joka-

---

15. Во время разговоровъ атаманъ сидитъ въ самой серединѣ и отдаетъ разныя приказанія.

16. Въ это время остальныя дѣти даютъ отвѣтъ разомъ.

17. Форма этого отвѣта отличается отъ прочаго времени.

18. Въ случаяхъ, когда обыкновенно говорятъ «да», говорятъ ò:.

19. Вмѣсто «нѣтъ» говорятъ on⌞ʒe:.

20. Атаманъ говоритъ слѣдующее: «Когда пойдете рѣзать траву, вы вѣдь не побѣжите черезъ чужія пшеничныя поля»? «Да» (т. е. не побѣжимъ), говорятъ ему.

21. «Когда пойдете рѣзать топливо, вы вѣдь будете рѣзать чужой лѣсъ [ja⌜ma]?» «Нѣтъ», говорятъ ему.

22. «Если попадется вкусная вещь, съѣдите въ одиночку?» — Нѣтъ.

23. «Будете хорошенько говорить привѣтствія?» — Да.

24. Затѣмъ бьютъ дѣтей, совершившихъ дурные поступки въ этотъ день.

25. По окончаніи этого входятъ въ бивуачный домикъ и ложатся.

Разсказъ про битье крота 14-ого числа.

1. Утромъ 14-ого января 5—6 лѣтнія дѣти, одѣвъ хорошія платья,

{kimom⌞ba / kimom⌜ba} ki⌞te moguraući⌜ba mo⌜ttc śinruito⌞ka kinʒotoka⌜no niwa⌞ba u⌜tte mawa⌞i.

2. soçi⌞te sonto⌞ki kogaŋkoto⌜ba ju:⌞te niwa⌞ba u⌜cu mo:gu:ra:⌜mo moguraŋgo:⌞to: mu:śi:⌞mo ha:waŋgo:⌞to bo⌞ttoŋ bo⌞ttoŋ bo:⌞ttoŋ mo:ći⌞to ka:mi⌞to ku:ren⌞no bo⌞ttoŋ bo⌞ttoŋ bo:⌞ttoŋ ttè ju:⌞te tatake:⌜ba {jokamusu⌜ko ttè / jo⌜ka musu⌞ko ttè} ju:⌞te moći⌞to kami⌞to ju⌜i.

{ombi:nohana⌜śi / ombi:⌜no hana⌜śi}

1. ʒu:gojoiçita⌞no koro⌞ma: tośinokureʒibuŋka⌜ra {hatake⌜no ki⌜śi: / hatakenoki⌜śi:} a⌜i ige⌞ba kitte:⌜te ha⌜m'a: acume⌜te kozu⌜mu.

2. soi⌞ga śo:gʷacu⌜no icukagoromare:⌜n'a: jenogo⌜to jon'⌞n'u: na⌜i.

3. soi⌞ba śo:gʷacu⌜no muika⌞no d⌜sa ma:⌜ra hośi⌞no çikatćo⌜i ʒibun⌜ni oki⌜te moja⌞su.

4. soçi⌞te sonto⌞k'a: φuto⌜kka {iśśakumawa⌜i gur'a:⌜na / iśśakumawaigur'a:⌜na} take⌞ba çinna⌜k'a: nageko⌜mu.

обходятъ съ moguraući (палкой для битья крота) и колотятъ (по землѣ) въ садахъ родныхъ и знакомыхъ.

2. И бьютъ по землѣ приговаривая въ это время слѣдующее: «Пусть и кротъ не роется и насѣкомое не ползаетъ bo⌞ttoŋ. . . дайте moći и бумаги, bottoŋ». . .¹) говоря это, бьютъ (по землѣ) и тогда (имъ) говорятъ: «хорошіе мальчики!» и они получаютъ moći и бумагу.

Разсказъ о чертовыхъ огняхъ.

1. Дѣти изъ «До 15» съ послѣднихъ дней стараго года нарѣзаютъ терновникъ [i⌞ge] съ прибрежныхъ полей и собравъ складываютъ на берегу.

2. Къ пятому января его становится много [jon'⌞n'u:] — груда величиной съ домъ.

3. Его жгутъ 6 января, вставъ утромъ въ то время, когда еще свѣтятъ звѣзды.

4. И въ это время бросаютъ въ середину огня большой [φuto⌜kka] бамбукъ, размѣромъ съ футъ въ окружности.

---

1) Всѣ долготы въ этомъ заговорѣ эмфатическія и не существуютъ въ обыкновенномъ произношеніи.

5. soçi⌞te koro⌞ma: çinomawai⌜ba gurugu⌞ru mawainaga⌞ra take⌞no hasire:⌜ba jo:i⌞ja:ttè tokinokoi⌜ba agu⌞i.

6. sonto⌞k'a: ma:⌜ra jo⌜wa ake⌞ća: oraη⌞keη so⌞no { çinoiro⌜ga / çi⌜no iro⌜ga } temma⌞re jakejoigo⌞to miju⌜i.

7. ma⌞ta umi⌜mo ma⌞k'k'a: a⌞ko: miju⌜i.

8. soçi⌞te ma⌞ta śo:gʷacu⌜no { φucukanoa⌞sa / φucuka⌞no a⌜sa } ha⌜jo: oki⌜te k'a:⌜ta kakiзome⌜ba so⌞no ombi:⌜no { kebui⌞no na⌜k'a: / kebuinona⌞k'a: } naη⌜ka takeηsa⌞ki: cuke⌜te iru⌞i.

9. so⌞no kami⌞no teηsa⌞n'a: m'a:agare:⌞ba koro⌞ma: ma⌞ta jo:i⌞ja:ttè tokinokoi⌜ba agu⌞i.

10. soçi⌞te φugaśi⌞no jamaηuje⌜no { śiro:śi⌞ro / śiro:зi⌞ro } nattato⌜ki çi⌜wa moija⌞mu.

11. soçi⌞te so⌞no çi:⌜re otoko⌜mo onago⌞mo moći⌞ba ja:⌞te kú:

gogʷacugonći⌜no śekku⌜no hana⌜śi.

1. gogʷacugon⌜ća: { otokonokoroη⌜ga / otoko⌜no koroη⌞ga } śe⌜kku зaikeη⌜ka otokonoko-

---

5. И дѣти кружатся вокругъ огня и при взрывахъ бамбука издаютъ воинскій крикъ jo:i⌞ja:

6. Такъ какъ въ это время еще не разсвѣло [ночь не открылась], то кажется, будто огонь пылаетъ до неба.

7. И море тоже кажется краснымъ-краснымъ.

8. Затѣмъ еще, укрѣпивъ на концѣ длиннаго [naη⌜ka] бамбука kakiзome («the first writing of the year»), написанныя [вставъ] рано утромъ 2-ого января, суютъ ихъ въ дымъ этихъ чертовыхъ огней.

9. Когда эти бумажки кружась поднимаются къ небу, дѣти снова поднимаютъ воинскій крикъ jo:i⌞ja:

10. Затѣмъ, когда забѣлѣютъ верхи горъ на востокѣ, огонь перестаетъ горѣть.

11. Затѣмъ на этомъ огнѣ и мужчины, и женщины жарятъ moći и ѣдятъ (ихъ).

Разсказъ о праздникѣ (śe⌜kku) 5 числа 5 мѣсяца.

1. Такъ какъ 5 мая праздникъ мальчиковъ, то въ каждомъ домѣ, гдѣ

roŋ⌜ga oiu⌞ća: jego⌜te: kami:⌞re cuku⌜tta koi⌜to muśaniŋg'o:⌞ba k'a:⌜ta {hata⌞ba / noboi⌞ba} tacu⌜i.

2. ko⌜ja: iki^{w}oinojo⌜ka sakan'a:⌞re roganta⌜kka taki⌞tća nobo⌞i jui-keŋ⌜ka koroŋ⌞ga ko⌞re: ni:⌞te śušše:suigo⌜to tacu⌜i.

3. nobo⌞ja: mukaśi⌞no banri:⌞no sugata⌜ba k'a:ćoi⌜keŋ koroŋ⌞ga ma⌞ta ko⌞re: ni:⌞te banri:⌞ni naigo⌜to tacu⌜i.

4. {jokamon⌜no je:⌜n'a: / jokamonnoje:⌜n'a:} be⌜ći: zaśiki⌜no tokono⌜m'a: jarito⌞ka kata-nato⌜ka joroito⌞ka kabutoto⌜ka naginatato⌜ka joroibucutoka⌞no omoća⌞ba kaзa⌞i.

5. gog^{w}acugonći:⌜n'a: {je⌜no nukigo⌞te: / jenonukigo⌜te} kaja⌜to фucu⌜ba sa⌜su.

6. naçi⌞te sasu⌜ka ttè ije:⌞ba so⌜r'a: kobu⌜no o⌞tte soi⌞ga gog^{w}a⌞cu jokka⌞no bàŋ jona⌜k'a: soraka⌜ra saga⌜tte ki⌜te фuto⌞ba to⌜tte kú: ttè sui-to⌞ba be⌜ći: kamisama⌜no o⌞tte ko⌜bi: ju:jo:⌞n'a: uŋ⌞ga çi⌞t^{ε}a: kuratta⌞tća niŋgen⌜na: itćo⌜mo o⌞raŋ ta⌜tta фucu⌜to kajabakka⌜i зai⌜keŋ kurai⌞na ttè ju:⌞te niŋgen⌜ni фucu⌜to kaja⌜ba {jenonu⌜ki: / je⌜no nu⌞ki:} sa⌜śe ttè siraçi⌞te je:⌞ta.

въ семьѣ есть мальчики, выставляютъ сдѣланнаго изъ бумаги карпа и флагъ съ нарисованной куклой воина.

2. Карпъ—рыба съ большой энергіей и можетъ подниматься на какіе-угодно высокіе водопады, поэтому его ставятъ, чтобы дѣти, походя на него, преуспѣвали.

3. Флагъ, такъ какъ на немъ нарисована фигура древняго героя, выставляютъ, чтобы дѣти, опять-таки походя на него, стали героями.

4. Въ домахъ богатыхъ [jo⌜ka хорошій] людей кромѣ того раскладываютъ на tokonoma въ гостиной игрушечныя [omo⌞ća игрушка] копья, сабли, латы, шлемы, аллебарды, ларцы для латъ.

5. 5 мая выставляютъ по краямъ крышъ домовъ тростникъ [ka⌜ja «a species of Arundo, Miscanthus sinensis»] и чернобыльникъ [1]).

6. Почему выставляютъ? [если сказать, почему выставляютъ, то] есть на небѣ паукъ; онъ ночью 4-ого числа 5-ого мѣсяца въ полночь спускается съ неба, чтобы поймавъ людей ѣсть (ихъ); но кромѣ него есть богъ; онъ сказалъ пауку: «если ты и спустишься внизъ, людей вовсе нѣтъ, а только чернобыльникъ да тростникъ, поэтому, не спускайся», а людей извѣстилъ: выставляйте по краямъ крышъ домовъ чернобыльникъ и тростникъ».

---

1) фu⌜cu соотвѣтствуетъ Токіоск. jomoŋi или moŋusa, «Artemisia vulgaris or mugwort, of which the moxa is made».

7. soi˪re niŋgen⌈na: gogʷa˪cu jokka˪no bàŋ jenonu⌈ki: kaja⌈to φucu⌈ba sa⌈su.

8. soçi˪te gogʷacugonći:⌈n′a: ćimaki˪ba cuku⌈tte min˪na ku⌈te sono˪ça: śigoto˪ba jasu:⌈re asu˪bu.

śu:śi⌈no hana⌈śi.

1. mije:˪ʒ́a: śiŋśu:˪ga i⌈tcu sakaićo˪i soçi˪te go:⌈gi: kurośu:˪ba kira˪u.

2. tonaimura˪no kurosa⌈ki ttè ju:tokore:˪n′a: kurośu:˪no mukaśika˪ra a⌈i.

3. sokonomo⌈na: mijenomoŋka˪ra mire:⌈ba banta⌈to onaśiko⌈te: mićo⌈i.

4. mije:˪ʒ́a: ikimom⌈ba korosuto˪ba go:⌈gi: kira˪u.

5. kućinaware⌈mo amma⌈i koro˪saŋ.

6. kurosakinomo⌈na: mu˪go: ikimom⌈ba koro˪su.

7. mije:˪ʒ́a: ikkeŋgo⌈te: kire:˪ka bucuram⌈ba sonaićo⌈i.

8. soçi˪te asa˪baŋ oto:m′o:⌈ba agu˪i.

9. ma˪ta mi˪kk′a: ićiro⌈ka icu⌈k′a: ićiro⌈ka ohana⌈ba kaju˪i.

10. soçi˪te asameśi⌈ba ku:toki⌈to ju:meśi˪ba ku:to⌈k′a: sonoma˪je: ʒ́eçito˪mo hotokisa⌈m′a: m′a:⌈i.

---

7. Поэтому люди вечеромъ 4 мая выставляютъ по краямъ крышъ тростникъ и чернобыльникъ.

8. Затѣмъ 5 мая приготовляютъ ćimaki[1]) и всѣ ѣдятъ (ихъ) и этотъ день проводятъ праздно, отдыхая отъ работъ.

Разсказъ о религіи.

1. Въ Міе śiŋ˪śu:[2]) въ высшей степени процвѣтаетъ, и (жители) чрезвычайно презираютъ христіанство.

2. А въ сосѣдней деревнѣ — въ мѣстѣ по имени Куросаки христіанство существуетъ издавна.

3. На тамошнихъ жителей жители Міе смотрятъ какъ на паріевъ.

4. Въ Міе чрезвычайно презираютъ убіеніе живыхъ существъ.

5. Даже змѣй не слишкомъ убиваютъ.

6. Жители Куросаки жестоко убиваютъ животныхъ.

7. Въ Міе въ каждомъ домѣ устроенъ красивый буддійскій кіотъ.

8. И утромъ, и вечеромъ ставятъ лампады.

9. Затѣмъ разъ въ 3 дня или разъ въ 5 дней мѣняютъ цвѣты.

10. Затѣмъ во время завтрака и ужина передъ ѣдой обязательно поклоняются буддамъ.

---

1) Названіе moći, Токіоск. ⌈ćimaki, гдѣ ⌈ći тростникъ.

2) Названіе буддійской секты, буквально «православіе».

11. soçiʟte o:ko:saᴦma ttè jù: kumija:ᴦga aᴦtte kinźonomoŋᴦga gorokkeŋʟre φutocuᴦki: ićiᴦro gokaisaŋśo:ninʟno me:nićinoçiʟno { ni:źu:- / ni:ʟźu: / niźu:- } çićinćinoʟbaŋ / çićinćinoᴦbaŋ / çićinćiʟno bàŋ } źuŋguiᴦba kimećoʟtte ikkennoᴦje: acumaᴦtte obucuranno-majeːᴦre minnaʟga ok'o:ᴦba aʟge onembucuᴦba tonajuᴦi.

12. soçiʟte soiʟga sunrekaᴦra mugimeśiᴦto { śo:źimmonᴦno śa:ʟto / śo:źimmonnośa:ᴦto } ćaᴦba raᴦsu.

13. sonohok'a:reʟmo śenzoʟno me:nićiʟn'a: kinźonomomᴦba jo:ʟre śo:źimmonᴦto { ćaᴦba gotco:suᴦi. / ćaᴦno gotco:ᴦba suʟi. }

14. soçiʟte hotokisamaᴦno { menćiᴦto / me:nićiʟto } śenzoᴦno { me:nići:ʟn'a: / menći:ᴦn'a: } asameśiᴦto çi:meʟśa: źeçitoʟmo śo:źimᴦba suʟi.

15. soçiʟte maʟta go:ʟźa: musumeroŋʟga φuźiŋk'o:kʷaᴦi ttè jù: kumija:ᴦba cukutćoᴦtte cukiᴦno nanćiᴦk'a: oterakaᴦra boŋsamaᴦba jo:ʟre ok'o:ᴦba iśśo:ᴦni aguʟi.

16. soibaʟtte rotćiʟka ttè { ije:ʟba / juwe:ʟba } musumeroʟma: śinźiŋjoiᴦk'a: iśśo:ᴦni acumaᴦtte koiᴦba haiageʟte ok'o:ᴦba aguitoʟba omośiro:gaᴦtte φuźiŋ-k'o:kʷaiᴦba suitoʟga u:ᴦka.

---

11. Затѣмъ есть организація подъ названіемъ o:ko:sama, гдѣ сосѣди изъ пяти-шести домовъ разъ въ мѣсяцъ въ день памяти основателя секты 27 числа вечеромъ собираются поочередно въ одномъ домѣ и передъ буддійскимъ кіотомъ всѣ читаютъ сутры и поютъ молитвы.

12. Затѣмъ по окончаніи этого выставляютъ мучное, постную закуску, овощи и чай.

13. Кромѣ этого въ дни поминовенія предковъ, созвавъ сосѣдей, устраиваютъ угощенье изъ постнаго и чая.

14. Затѣмъ въ поминальные дни святыхъ и предковъ завтракъ и обѣдъ обязательно дѣлаютъ постный.

15. Затѣмъ еще дѣвушки въ околодкѣ образуютъ организацію, подъ названіемъ «Религіозное собраніе женщинъ» и въ извѣстное число мѣсяца, пригласивъ бонзу изъ кумирни, вмѣстѣ читаютъ сутры.

16. Но, если говорить, какъ есть, то среди дѣвушекъ много такихъ, что участвуютъ въ «Религіозномъ собраніи женщинъ», болѣе интересуясь тѣмъ, что собравшись вмѣстѣ читаютъ сутры громкимъ голосомъ, чѣмъ изъ благочестія.

17. mośi⌜mo śinin⌜no attato⌜k'a: ma⌞ʒu haʒ́i⌞me: so⌞no śinim⌜ba hara⌜k'a: n'a:⌜te śinimi⌞ʒu ttè ju:⌞te tatami⌞ba ça:⌜re { juka⌞no uje:⌞re / jukanouje:⌞re } mi⌞ʒ́i: ju:⌜ba m̥betate:⌞re a⌞ru:

18. soçi⌞te atama⌜ba kamisoi:⌜re so⌜tte bo:⌜ʒ́i: n'a:⌜te maśśiro⌞ka kimom⌞ba kiśe⌞te obucurannoma⌜je: nesu⌞i.

19. soçi⌞te boŋsama⌜ba jo:⌞re ok'o:⌜ba agu⌞i.

20. soika⌞ra śiniŋ⌜go:ttè jù: kumija:⌜ga a⌜tte so⌞no kumija:⌜no moŋ⌜ga acuma⌜tte { so:śiki⌜no ʒ́umbi⌞ba / so:śikinoʒ́umbi⌜ba } çita⌞i ma⌞ta retaći⌜no kome⌜to mugi⌜ba ći:ta⌜i su⌞i.

21. soçi⌞te ʒ́umbi⌞ga nare:⌜ba ote⌜r'a: ʒ́u:ʒ́isama⌞to baŋso:⌜ba mu-k'a:⌞g'a: i⌞ku.

22. ʒ́u:ʒ́isa⌞ma: sonto⌞k'a: koromonou⌞je: kesa⌞ba ki⌞te kasa⌜ba saśika-kerai⌜te jatteku⌞i.

23. soika⌞ra bucurannoma⌜je: ikkeśiŋru⌞i acuma⌜tte ma⌞ta boŋsama⌜ga ok'o:⌜ba agu⌞i.

24. soçi⌞te śinim⌜ba g^{w}annona⌞k'a: cumu⌜i.

25. cumuito⌜k'a: wara⌜ba kami:⌞re m'a:⌞te so⌞re: namuamidabu⌞cu ttè k'a:⌜te soçi⌞te śininnowa⌜ki: cumu⌜i.

---

17. Если случится покойникъ, то тогда прежде всего этого покойника раздѣваютъ и моютъ на полу, снявъ (съ полу) tatami (цыновки), смѣсью холодной воды и кипятку, что называется sini-mizu.

18. Затѣмъ бреютъ бритвой голову, какъ у бонзы, одѣваютъ совершенно бѣлое платье и кладутъ передъ буддійскимъ кіотомъ.

19. Затѣмъ, пригласивъ бонзу, читаютъ сутры.

20. Затѣмъ есть организація подъ названіемъ śiniŋgo: и члены этой организаціи, собравшись, дѣлаютъ приготовленія къ похоронамъ, а также молотятъ рисъ и пшеницу для поминокъ.

21. Затѣмъ по окончаніи приготовленій идутъ въ кумирню навстрѣчу настоятелю и младшему бонзѣ.

22. Настоятель въ это время приходитъ, поверхъ платья одѣвъ ризу и на голову одѣвъ колпакъ.

23. Затѣмъ передъ буддійскимъ кіотомъ собирается семья (умершаго) и бонзы снова читаютъ сутры.

24. Затѣмъ покойника кладутъ въ гробъ.

25. Во время опусканья, обертываютъ солому бумагой, пишутъ на ней «namuamidabucu» [1]) и кладутъ рядомъ съ покойникомъ.

---

1) Санскр. namo 'mitabhābuddhāya.

26. gʷan'⌞n'a: namuamidabu⌞cu ttè k'a:⌜ta a⌞kka kami⌞ba i⌜p'p'a: haicuku⌞i.

27. soika⌞ra boŋsama⌜ga sa⌞ki: ta⌜tte śiniŋgo:⌜no kumiʒu:nomoŋ⌜ga nembucu⌜ba tonainaga⌜ra so⌞no a⌜te: cuʒu⌞ku.

28. gʷannosob'a:⌞n'a: miućinomoŋ⌞ga hara⌜śi: nakinaga⌞ra ći:⌜te i⌞ku.

29. soçi⌞te ona⌞ga: śiro⌜ka kimom⌞ba ki⌞te watambo⌜śi ttè ju:⌞te watᵉa:⌜re cuku⌜tta bośi⌞ba atamaka⌜ra cura⌜no kakuruima⌜re kabutćo⌜i.

30. soçi⌞te ha⌜k'a: ita⌞te hakanna⌜k'a: ire⌞te ma⌞ta boŋsama⌜ga ok'o:⌜ba agu⌞i.

31. soika⌞ra wa⌜r'a: çi⌜ba cuke⌜te gʷannou⌞je: nageko⌜mu.

32. sonto⌞ki: so:śi⌜ki: cuko:⌞ta to:ro:to⌞ka kami:⌞re cuku⌜tta r'u:toka⌞ba so⌞no ananna⌜k'a: nageku:⌜re moja:⌞te śima⌞u.

33. soika⌞ra iśito⌞ka cucu⌜ba gʷannou⌞je: kabusu⌜i.

34. sonto⌞k'a: miućinomo⌞na: go:⌜gi: na⌞ku.

35. so:śiki⌜ga sun⌜re u⌞ći: kaire:⌜ba so:śi⌜ki: ći:⌜ta mom⌜ba min⌞na jo⌞bu.

36. koi⌞ba reta⌜ćittè jù:

---

26. На гробъ кладутъ листъ красной бумаги съ надписью: «namuamidabucu».

27. Затѣмъ бонзы становятся впереди, вслѣдъ за ними съ пѣніемъ молитвъ слѣдуютъ члены организаціи śiniŋgo:

28. Около гроба съ плачемъ слѣдуютъ босикомъ члены семьи (покойнаго).

29. Женщины, одѣвъ бѣлую одежду, надѣваютъ на голову шапки, сдѣланныя изъ ваты, подъ названіемъ watambo⌜śi, такъ что спрятано лицо.

30. Затѣмъ, придя на могилу, кладутъ въ нее (тѣло) и бонзы снова читаютъ сутры.

31. Затѣмъ зажигаютъ солому и бросаютъ (ее) на гробъ.

32. Въ это время бывшіе въ употребленіи на похоронахъ фонари и сдѣланныхъ изъ бумаги драконовъ бросаютъ въ эту яму и сжигаютъ.

33. Затѣмъ накладываютъ на гробъ камни и землю.

34. Въ это время члены семьи сильно плачутъ.

35. Когда похороны окончены, то при возвращеніи домой приглашаютъ всѣхъ, слѣдовавшихъ при похоронахъ.

36. Это называютъ поминками.

{ wakkamoŋgumi⌈no hana⌈śi.
  wakkamoŋguminohana⌈śi. }

1. ǯu:gojoiçita⌊ba aga⌊tte wakkamo⌈ne: nattamo⌈na: wakkamoŋgumi⌈no sara⌈me: çitagawam⌈ba ju:⌈wa na⌈ka.

2. φutogo:⌈no wakkamo⌈na:·so⌊no go:⌊no wakkamoŋgumi⌈no sara⌈me: çitagawam⌈ba cukki:saru⌊i.

3. wakkamonnou⌈ći: reke⌈ta rekigo⌈ta: min⌊na wakkamoŋgumi:⌈re kimai⌊ba cuke⌈te me⌈tt^{ɛ}a: okami⌈no te:⌈n'a: kaka⌈raŋ.

4. wakkamon⌈na: nen⌊ni nan⌈rottè ju:⌊te wakkamoŋjoi⌈ba su⌊i.

5. so⌊no wakkamoŋjoi:⌈re wakkamonnou⌈ći: reke⌈ta rekegoto⌈ba saba⌈ku.

6. toki:jore:⌈ba oto⌈ko onago⌊no wakkamoŋ⌈ga iśśo:⌈ni joi⌊ba çi⌊te irogo⌈te: kakawa⌈tta koto⌈ba kimai⌊ba cuku⌈i.

7. { sonto⌊ki / sonto⌊ki: } ǯirara⌈kka ona⌊ga: śikotameraru⌈i koto⌈ga a⌈i.

8. wakkamoŋgumi⌈n'a: kumiǯu:⌈re sabake⌈ta moŋ⌈ga ću:⌈ro: ttè jù: ja⌈k^{w}i: jèrabaru⌈i.

Разсказъ объ организаціи молодыхъ людей.

1. По выходѣ изъ «До 15» лица, ставшія молодыми людьми, должны повиноваться постановленіямъ организаціи молодыхъ людей.

2. Если молодые люди даннаго околодка не подчиняются постановленіямъ организаціи молодыхъ людей этого околодка, то они подвергаются исключенію.

3. Всѣ происшествія, происшедшія среди молодежи, подлежатъ разбору въ организаціи молодежи и почти никогда не передаются въ руки властей.

4. Молодежь извѣстное число разъ въ году устраиваетъ собранія молодежи.

5. На этихъ собраніяхъ молодежи обсуждаютъ инциденты, происшедшіе между молодыми людьми.

6. Иногда и мужская и женская молодежь вмѣстѣ устраиваютъ собраніе и постановляютъ рѣшенія относительно дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ любви.

7. Въ это время бываютъ случаи исправленія женщинъ съ дурнымъ характеромъ.

8. Въ организаціи молодежи лица, пользующіяся вліяніемъ среди организаціи, выбираются на должность, называемую ću:⌈ro:

9. soi⌞ga wakkamom⌜ba osaju⌞i.

10. ću:ro:nou⌜je: wakkamoŋgaśi⌜ra ttè jù: jaku⌜no a⌜tte go:ćo:⌞ba tacuke⌜te go:⌞no kotogara⌜ba kimu⌞i.

11. wakkamoŋgu⌜m'a: { uʒ́igaminośeŋgu⌞no / uʒ́igami⌞no śeŋgu⌜no } aito⌜k'a: { omoratta- / omora⌞tta } { mo⌞ne: / mo⌜ne: } na⌜tte omacui⌜ba su⌞i.

12. ma⌞ta śo:bo:gumi⌜ba wakkamone:⌜re cuku⌜i.

13. ma⌞ta araśinaronto⌜ki nampaśen⌜no nan⌜nottè aito⌜k'a: tacukebune⌜ba r'a:⌜te tacuku⌜i.

{ kekkon⌞no hana⌜śi / kekkonnohana⌞śi }

1. ʒ́u:gojoiçita⌞ba { agattakoro⌞ma: / aga⌞tta koro⌞ma: } çakuśo:⌜ni natta⌜i am'u:⌜re: natta⌜i r'a:⌜k^{w}i: natta⌜i śak^{w}an⌜ni natta⌜i ću:gakko:⌞ni reta⌜i su⌞i.

2. soiba⌞tte { t^{ε}a:g'a:⌜no moŋ⌜ga / t^{ε}a:g'a:nomoŋg⌜a } çakuśo:⌜to r'u:⌜śi: na⌜i.

3. soçi⌞te çakuśo:⌜to r'u:⌜śi: { nattakoro⌜ma: / na⌜tta koro⌞ma: } ʒu:çi⌜ći: nare:⌜ba ja⌜re: ʒu⌜i.

4. ja⌜ra: go:⌞ni mitcu⌞ka jotcu⌞ka a⌜i.

---

9. Они управляютъ молодежью.

10. Надъ ću:⌜ro: есть должность подъ названіемъ «глава молодежи»; онъ, помогая начальнику околодка, рѣшаетъ дѣла околодка.

11. Организація молодежи, когда бываетъ перенесеніе божества—покровителя деревни, играетъ видную роль въ праздникѣ.

12. Кромѣ того пожарную команду составляютъ изъ молодыхъ людей.

13. Кромѣ того во время бури и тому подобнаго или, напр., кораблекрушенія оказываютъ помощь, отправляя спасательную лодку.

Разсказъ о бракѣ.

1. Дѣти, вышедшія изъ «До 15», становятся земледѣльцами, рыбаками, плотниками, каменьщиками или поступаютъ въ среднюю школу.

2. Но большинство становится земледѣльцами и рыбаками.

3. И дѣти, ставшія земледѣльцами и рыбаками, когда имъ исполняется 17 лѣтъ идутъ въ jaro (*jado, домъ свиданій, посидѣлокъ).

4. Домовъ свиданій 3 или 4 въ околодкѣ.

5. jaro:ᴦja: go:reʟno { habaʟno ki:tamoŋʟga / habanoki:tamoŋʟga } naᴦi.

6. jare:ᴦn'a: otokojaroᴦto onagojaroᴦto aᴦi.

7. otoᴦka: ʒ́u:çiᴦći: { naᴦtta tośiᴦno / nattatośiᴦno } { kamaćiᴦno çì: / kammaćinoᴦçi: } jaᴦre: ì:

8. kammaᴦćiʟtća uʒ́igamisamaʟno iʒumoʟno o:jaśiʟre: kamisamaᴦno hanaśija:ᴦno aᴦtte soʟre: reᴦte { kaittekuiçiʟba / kaiᴦtte kuᴦi çiʟba / kaittekuᴦi omacuibiᴦba } jù:

9. jaᴦre: i:toʟk'a: sakeʟba iśśu:ʒuᴦcu raᴦsu.

10. jaᴦre: ire:ʟba haʒ́imeʟte koromokaʟra otoᴦn'a: naᴦi.

11. soikeŋʟka irogotoᴦmo reᴦke maʟta wakkamonnokuᴦmi: { i:kotoʟmo / i:kotoʟga } rekuᴦi.

12. { wakkamoᴦna: / wakkamonᴦna: } { sonoçiʟno śigotoʟba / sonoçinośigotoʟba } çiʟte śimo:ʟte ju:meśiʟba kʷe:ᴦba jaᴦre: ʒuᴦi.

13. jaᴦre: rere:ᴦba haʒ́iʟme: massaʟki: hotokisaᴦm'a: ore:ᴦba togeᴦte soikaʟra jaro:ᴦja: { banʟno aisacuʟba / bannoaisacuʟba } suʟi.

---

5. Хозяевами jaro бываютъ люди, пользующіеся уваженіемъ въ околодкѣ.

6. Среди jaro есть мужскія и женскія jaro.

7. Мужчины вступаютъ въ jaro въ день kammaći того года, когда имъ исполняется 17 лѣтъ.

8. Kammaći называютъ праздникъ, когда мѣстное божество деревни возвращается съ собранія боговъ, бывающаго въ o:jasiro (мѣстопребываніе бога любви), что въ Идзумо.

9. При вступленіи въ jaro выставляютъ по 1 śo:[1]) рисоваго вина.

10. Вступивъ въ jaro, впервые изъ дѣтей становятся взрослыми.

11. Поэтому можно вступать въ любовныя отношенія и войти въ организацію молодыхъ людей.

12. Молодые люди идутъ въ jaro, окончивъ занятія этого дня и поѣвъ ужинъ.

13. Войдя въ jaro перво-наперво совершаютъ поклоненіе Буддѣ, затѣмъ говорятъ вечернія привѣтствія хозяевамъ.

---

1) Міеск. śu:, приблизительно 1/7 ведра.

14. soika⌞ra min⌞na acuma⌜tte iron⌜na hanaśi⌜ba çi⌞te nuito⌞ki: nare:⌜ba ja⌜re: nuimom⌞mo ore:⌞ba onagoja⌜re: job'a:⌜ni ikumom⌞mo o⌞i.

15. onagoja⌜ra: tᵉa:⌜g'a: otokojaro⌜to onaśikotoba⌜tte ikuraka⌜ra ì: ttè jù: to⌜śi: kima⌞ja: na⌜ka.

16. oto⌜ka: akaśi⌞ba kija:taʒi⌞buŋ onagoja⌜re: ita⌞te ʒibuŋ⌜ga śi:⌜ta ona⌞ge: job'a:⌜ba su⌞i.

17. { mi⌞baŋ iʒo:⌞mo / mibaŋiʒo:⌞mo } φutoi⌜no onago⌞to nere:⌞ba soi⌞ba śaŋ⌜su çiċo⌞i ttè jù:

18. { śaŋsuśere:⌜ba / śaŋsu⌜ba śere:⌞ba } so⌞no ona⌞ga: { ʒibunnomo⌜ne: / ʒibun⌜no mo⌜ne: } na⌜tte { hoka⌜no oto⌜ka: / hokanooto⌜ka: } so⌞no onago⌞to nuiko⌞ta: re⌜keŋ.

19. soçi⌞te so⌞no onago⌞to cukijo:⌜te reke⌜ta issai⌞no kotoga⌜ra: min⌞na so⌞no { śaŋsu⌜ba çiċo⌞i / śaŋsuçiċo⌞i } otoko⌜ga ukeja⌜u.

20. soçi⌞te mośi⌜mo jome⌜ge: çi⌞te wai⌜ka ttè omoje:⌜ba śaŋsu⌜ba jamu⌞i soi⌞ba kiru⌜i ttè jù:

21. soçi⌞te jome⌜ge: mo⌜tte jo⌜ka ttè omoje:⌜ba jaro:⌜ja: han'a:⌜te

---

14. Затѣмъ всѣ вмѣстѣ ведутъ различные разсказы, когда настаетъ время ложиться, есть и такіе, что ложатся въ jаго, есть и такіе, что идутъ въ женское jаго на любовную встрѣчу [jo⌜b'a:].

15. Женскія jаго большей частью сходны съ мужскими, но нѣтъ установленія лѣтъ допущенія туда.

16. Мужчины идутъ въ женскій jаго, когда свѣтъ погасили и имѣютъ любовную встрѣчу съ женщиной, которая имъ нравится.

17. Если кто-либо спитъ больше трехъ ночей съ одной женщиной, то это называютъ śaŋ⌜su.

18. При śaŋsu данная женщина становится его вещью, и другіе мужчины не могутъ спать съ этой женщиной.

19. Затѣмъ за все, что произойдетъ въ общественныхъ отношеніяхъ съ этой женщиной, отвѣтственenъ этотъ мужчина, состоящій ея любовникомъ.

20. Затѣмъ, если онъ думаетъ, что сдѣлать (ее) женой плохо, то прекращаетъ śaŋsu. Это называютъ разрывомъ.

21. Если же онъ считаетъ хорошимъ взять (её) въ жены, то, пого-

nakaraćinin⌜ni { nattemoro:⌜te / na⌜tte moro:⌞te } { onago⌞no o⌜ja: / onagonoo⌞ja: } so:raŋçi⌜te jome⌜ge: mo⌜cu.

22. soçi⌞te śu:gi⌞ba çi⌞te { ʒ́ibunno⌜je: / ʒ́ibun⌜no jè: } onago⌞ba iru⌞i.

23. śu:ginoto⌞k′a: { jaro:janoho⌜ka / jaro:janoho⌜k′a: } wakkamoŋso:⌜tᵋa: so⌞no onago⌞no o⌜ja śiŋru⌜i ho:b′a:⌜ba jo⌞bu.

24. śu:ginoto⌞k′a: otoko⌜ba hanamu⌜ko ttè onago⌞ba hanajo⌜me ttè jù:

25. soçi⌞te kembucuniŋka⌜ra mirai⌜te toki:jore:⌜ba miʒu⌞ba kakeraru⌜i.

26. jomego⌜ba mote:⌜ba ja⌜re: ʒuito⌜ba jame⌞te wakkamoŋka⌜ra jemo⌜ći: na⌜i.

воривъ съ хозяевами jaro и сдѣлавъ ихъ посредниками, послѣ переговоровъ съ родителями женщины, беретъ ее въ жены.

22. Затѣмъ, по совершеніи брачной церемоніи, помѣщаетъ женщину въ своемъ домѣ.

23. Во время брачной церемоніи кромѣ хозяевъ jaro приглашаютъ всѣхъ молодыхъ людей, родителей этой женщины, родныхъ, друзей.

24. Во время брачной церемоніи мужчину называютъ цвѣтокъ-зять [hana-muko], а женщину цвѣтокъ-невѣст(к)а [hana-jome].

25. Затѣмъ присутствующіе смотрятъ на нихъ и время отъ времени обрызгиваютъ водой.

26. Кто имѣетъ жену, тотъ прекращаетъ посѣшеніе jaro и изъ молодого человѣка становится хозяиномъ дома.

Е. Д. Поливановъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

---

392. І. Кипшидзе, Грамматика мингрельскаго (иверскаго) языка съ хрестоматіею и словаремъ (Матеріалы по яфетическому языкознанію, VII), стр. XL+0150+424.

Это — новый выпускъ одной изъ серій, издаваемыхъ Императорской Академіей Наукъ. Чтобы освѣтить общее его значеніе, какъ труда, реально свидѣтельствующаго о наступленіи новой эпохи въ изученіи языковъ Кавказа, автору настоящихъ строкъ пришлось бы подойти вплотную къ общимъ проблемамъ и спеціальнымъ работамъ, слишкомъ близко къ нему стоящимъ, — къ проблемамъ, установившимъ за собою печальную славу частнаго его дѣла. Скользя по поверхности глубинъ этихъ многолѣтнихъ личныхъ научныхъ переживаній, отказываясь отъ мотивированной оцѣнки общаго значенія предлежащаго изслѣдованія въ яфетической теоріи, я могу лишь засвидѣтельствовать фактъ, что самимъ появленіемъ обсуждаемаго труда яфетическая теорія изъ частнаго становится общимъ дѣломъ научной школы и научнаго направленія, изъ-подъ легенды о личномъ ея значеніи начинаетъ уходить почва.

Давно назрѣвшая и своевременная по потребностямъ отвлеченной лингвистической науки тема своевременна и по общимъ условіямъ современности нашей отечественной жизни. Вопросъ о Кавказѣ нуждается въ интересахъ правильнаго направленія его жизни на пользу и себѣ и общему нашему отечеству во всестороннемъ реально-научномъ освѣщеніи, не затемненномъ никакими традиціонно-національными, хотя бы мѣстно-національными, соображеніями.

Потребность безпристрастнаго освѣщенія лингвистическо-этнографической стороны этого вопроса въ настоящее время даетъ себя знать особенно сильно. Пожалуй, никогда эта потребность не чувствовалась такъ

остро, какъ въ послѣдніе годы, какъ сейчасъ. Въ частности мингрельскій (эгрскій) или иверскій языкъ объединяетъ лингвистически не только эгрцевъ (мингреловъ), обитателей Мингреліи, западной части Кутаисской губерніи отъ Ріона до р. Г̒алидзги у м. Очемчиръ — по восточному побережью Чернаго моря, но и ч̒ановъ или лазовъ, обитателей Лазистана, восточнаго отрѣзка Трапезундскаго вилайета въ Турціи — по южному побережью отъ пункта у Батума, при писаніи этихъ строкъ служившаго еще границей, почти до К̒емера, почти до Ризэ. Лазскій и мингрельскій собственно одинъ языкъ съ точки зрѣнія лингвистическихъ нормъ; это — два нарѣчія одного языка, но вслѣдствіе культурннаго разобщенія они разошлись до степени соотношеній двухъ языковъ. Моя *Грамматика ч̒анскаго языка* лишь слабый опытъ сравнительно съ тѣмъ трудомъ, который посвященъ І. А-чемъ Кипшидзе мингрельскому языку. Я не сомнѣвался ни минуты въ томъ, что какъ бы насъ ни огорчало приближеніе вражескихъ силъ съ суши къ Батуму, совпавшее съ защитой авторомъ настоящей работы въ качествѣ магистерской диссертаціи, мы бодро могли себя чувствовать, увѣренные въ конечномъ нашемъ успѣхѣ; наша увѣренность нынѣ обращается въ дѣйствительность, и мы уже можемъ предвкушать будущее наше культурное вступленіе въ Лазистанъ. И въ этомъ именно культурномъ движеніи трудъ І. А. Кипшидзе безусловно долженъ сыграть свою замѣтную роль.

Вполнѣ основательно г. К. выдвигаетъ выдающееся для своего времени значеніе работы, сейчасъ полезной, а въ свое время не понятой. Рѣчь о *Мингрельскихъ этюдахъ* проф. А. А. Цагарели. Есть всетаки утѣшеніе въ томъ, что нашъ, увы, единственный до сего момента университетскій разсадникъ научнаго востоковѣдѣнія, факультетъ Восточныхъ языковъ, работу ту оцѣнилъ, удостоивъ автора, на основаніи ея, степени доктора грузинской словесности. Не менѣе утѣшительно, что руководящая роль въ этомъ дѣлѣ, хотя и черезъ тридцать лѣтъ и три года переходитъ непосредственно въ руки питомца русскаго, именно петроградскаго университета, того же факультета.

Есть какъ будто научныя работы по вопросу и на западно-европейскихъ языкахъ, на нѣмецкомъ и французскомъ. Г-нъ К. поступилъ правильно, обойдя молчаніемъ работу на французскомъ языкѣ, принадлежащую перу г. Ач̒аріана, хотя она помѣщена въ столь серьозномъ органѣ какъ Mémoires de la Société de linguistique. Но напрасно называетъ г. К. нѣмецкія работы г. Kluge и генерала Erckert'a. Въ серьозномъ научномъ дѣлѣ имъ нѣтъ мѣста. Я счелъ бы обидою для труда І. А. Кипшидзе самое сравненіе съ произведеніями такихъ, будемъ справедливы, научно совершенно неподготовленныхъ для даннаго предмета авторовъ.

Во всѣхъ трехъ частяхъ труда г. К. считается съ мингрельскимъ языкомъ, какъ со сложнымъ живымъ организмомъ въ совокупности его діалектическихъ разновидностей. Рѣзче бросается такая трактовка предмета въ *Хрестоматіи*. Здѣсь у него сами тексты классифицированы по говорамъ, сенакскому и самурзакано-зугдидскому.

Въ *Грамматикѣ* и особенно въ *Словарѣ* діалектическія изысканія внутри мингрельскаго не выражены въ формально наглядномъ распредѣленіи матеріала, но авторъ велъ эти діалектическія изысканія вплоть до подговоровъ, именно бандзійско-мартвильскаго подговора въ сенакскомъ говорѣ и джварскаго подговора въ самурзакано-зугдидскомъ говорѣ. Результатъ веденія этихъ, пока, естественно, зачаточныхъ діалектологическихъ разысканій на лицо въ отдѣльныхъ параграфахъ *Грамматики*, особенно въ части о фонетикѣ, и подъ отдѣльными словами въ *Словарѣ*.

Какъ всегда, г. К. констатируетъ наблюденный фактъ, ограничиваясь научнымъ опредѣленіемъ и установленіемъ предѣловъ его распространенія, но иногда значеніе такого діалектическаго факта выходитъ за предѣлы интересовъ не только мингрельскаго, но и вообще всѣхъ болѣе или менѣе чистыхъ представителей яфетической вѣтви языковъ. Такъ, напр. въ § 18 (стр. 024) указывается самурзакано-зугдидская діалектическая разновидность Дат. к̔арт̔скаго.

Дат. к̔арт̔скій или коренной грузинскій имѣетъ поразительно поучительную скитальческую исторію.

Отъ грузинскаго онъ воспринятъ всѣми яфетическими и нѣкоторыми неяфетическими языками. Онъ получилъ распространеніе на всей площади нынѣшняго разселенія яфетическихъ языковъ, отъ Трапезундскаго вилайета, нынѣ въ предѣлахъ Турціи, до Дагестанской области на востокѣ. Онъ получилъ права гражданства въ языкѣ Лазистана, ч̔анскомъ или лазскомъ, и въ тылу Сухума и Гагры[1] — въ абхазскомъ языкѣ, а на востокѣ — въ языкахъ Дагестана и даже въ ингушскомъ и чеченскомъ, уже по эту сторону Кавказскаго хребта: въ Терской области. Вездѣ онъ звучитъ s, перерождаясь кое гдѣ, напр., въ чеченскомъ, въ звонкій сибилянтъ z. Въ этомъ видѣ звукъ z, признакъ Д. к̔арт̔скаго появляется и въ Д. падежѣ армянскихъ мѣстоименій — մեզ me-z *намъ*, ձե-զ d̆e-z *вамъ*, քեզ qe-z *тебѣ*, но тотъ же z, простой переднеязычно-зубной, почему-то въ армянскомъ же появляется въ видѣ его закономѣрнаго сложнаго переднеязычно-зубного

1) Въ Род. падежѣ правильнѣе: «Гагры», ибо подлинная форма Им. падежа—«Гагра», а не «Гагры».

подъема ǆ̆ въ Д. падежѣ личнаго мѣстоименія 1-го лица ինձ in-ǆ̆ *мнѣ*. Не только этотъ подъемъ — безъ параллели, но можетъ смутить и перерожденіе губного m въ переднеязычный n. И вотъ у г. К. отмѣчено такое же явленіе, именно, подъемъ сибилянта или простого переднеязычнаго зубного s, признака Дат. картскаго, въ ассибилованный ǯ или сложный переднеязычный зубной; г. К. это приводитъ на указанной 024-й страницѣ изъ самурзаканскаго говора. Болѣе того. Въ паузѣ при стеченіи звука s съ предшествующимъ губнымъ m такой подъемъ съ регрессивной ассимиляціею губного съ язычнымъ зубнымъ ǯ оказывается вообще обычнымъ въ мингрельскомъ, напр. въ Дат. ჟანც jan-ǯ, მუჟანც mu-jan-ǯ отъ основы ჟამ jam *время*, т. е. въ тѣхъ же условіяхъ и съ тѣми послѣдствіями, что̀ мы наблюдаемъ въ арм. ինձ in-ǆ̆ вм. ожидавшагося *in-z, собственно *im-z [1]).

Въ словарь г. К. удалось внести вразбросъ не менѣе цѣнные діалектологическіе матеріалы, какъ, напр., затемненіе звука ო o въ უ u при послѣдующемъ губномъ, собственно опять таки случай регрессивной ассимиляціи, но гласнаго съ согласнымъ. Послѣднее явленіе, по всей видимости, характерно для того же самурзакано-зугдидскаго говора, какъ это видно изъ такихъ словъ, какъ, напр., თუმა ǯuma *волосъ* при сенакскомъ თომა ǯoma, თხუმუ ǯqumu *ольха* при сенакскомъ თხომუ ǯqomu и др.

Первая часть, *Грамматика*, несмотря на краткость, всего 150 страницъ въ 166-ти параграфахъ, по полнотѣ не оставляетъ ничего желать въ данный моментъ: въ ней г. К. исчерпалъ по существу всю своеобразную морфологію мингрельской рѣчи, а также главнѣйшія явленія ея синтаксиса и просодіи. Конечно, фактически *Грамматика* г. К. — первый опытъ, но трудно согласиться признать ее качественно первымъ опытомъ. Она на меня производитъ впечатлѣніе труда, какъ вѣнецъ завершающаго цѣлый рядъ опытовъ и спеціальныхъ монографическихъ разысканій. Объясняю это тѣмъ, что г. К. удалось богатый грамматическій матеріалъ, плодъ личныхъ его повторныхъ наблюденій или провѣрокъ, умѣстить въ небольшое количество глубоко продуманныхъ и сжато выраженныхъ формулъ. Когда г. К. предлагаетъ матеріалъ, у него нѣтъ ничего лишняго ни въ отношеніи изложенія, ни по существу: онъ воздерживается отъ разсужденій, но не отъ сужденій; однако, къ нимъ г. К. пріобщаетъ насъ путемъ искуснаго распредѣленія матеріаловъ, путемъ изложенія самихъ фактовъ, за себя говорящихъ, такъ, напр., въ § 21 (стр. 026—027) дается богатый фактическій матеріалъ, свыше 20-ти примѣровъ, и всего двѣ строки скромнаго на видъ положенія; оно гласитъ: «усѣченный плавный исходъ ლ [l] основъ при

1) Замѣчу попутно, что это — законъ, не чуждый и аварскому, гдѣ ms неизбѣжно перерождается въ ns (Schiefner, *Versuch über das Awarische*, § 34).

образованіи мн. числа возстанавливается». Это не спеціалисту можетъ показаться простымъ констатированіемъ наблюденнаго явленія, на самомъ же дѣлѣ на лицо тутъ не столько фактически, сколько теоретически новое въ отношеніи мингрельскаго утвержденіе, такъ какъ плавный -l въ такихъ случаяхъ до сихъ поръ относили къ суффиксу мн. числа: совершенно неправильно создавалось мн. чило на -leф вм. -eф.

Самый трудный отдѣлъ морфологіи мингрельскаго языка, какъ и всякаго яфетическаго, глаголъ, у г. К. занимаетъ почти половину той основной части *Грамматики*, которая посвящена морфологіи (стр. 051—0114). И эту часть г. К. съумѣлъ разработать такъ же мастерски и по полнотѣ наблюденныхъ явленій, и по ясности ихъ категоризаціи, какъ другіе, менѣе сложные отдѣлы.

Конечно, многія положенія теперь представляютъ общія мѣста грамматики каждаго яфетическаго языка, существуетъ готовый подборъ категорій и формулировокъ, но г. К. ихъ заполняетъ богатымъ содержаніемъ изъ живой рѣчи, дополняетъ и развиваетъ, ихъ измѣняетъ, а иногда или исправляетъ или вовсе отвергаетъ.

Когда по пути изслѣдованія г. К. попадается чей либо промахъ, онъ не щадитъ ни своего учителя, автора сихъ строкъ, ни своего товарища, такъ, напр. въ § 129, A,b (стр. 0130), въ вопросѣ о связи თუთაშხა ϑu-ϑašq̇a *день луны*, собственно 2-й части -შხა -šq̇a и основы абх. a-mə-šə *день* (въ чемъ, быть можетъ, буду упорствовать) или напр., въ вопросѣ о формѣ географическаго названія ლე-ჭყომა Le-ϑ̣q̇oma на стр. 368-й.

Не всегда матеріалъ поддается отлитію въ мотивированныя морфологическія формулы. Тогда г. К. ограничивается простымъ его описаніемъ, и описаніе это является исчерпывающимъ.

Для иллюстраціи я могъ бы остановиться на рядѣ случаевъ, какъ, напр., Дат. мѣст. -q (стр. 021—022).

Въ третьей части, *Мингрельско-русскомъ словарѣ* прежде всего исчерпывается лексическій матеріалъ текстовъ *Хрестоматіи*, исчерпывается какъ семасически, такъ въ основныхъ формахъ и многихъ деталяхъ морфологически. Въ тотъ же *Словарь* г. К. внесъ и результаты своихъ непосредственныхъ лексикологическихъ разысканій и записей у первоисточника, самого народа, въ лицѣ многочисленныхъ его представителей, изъ различныхъ слоевъ мингрельскаго населенія.

Г-нъ К. не забылъ использовать въ *Словарѣ* и тотъ лексическій матеріалъ по мингрельскому, который оказался у извѣстнаго грузинскаго лексикографа Сулхапа Орбеліани и у турецкаго писателя Эвлія-Челеби, а равно у европейскихъ путешественниковъ. Это не все. Въ *Словарь* г. К. внесъ

также этнографическіе матеріалы, собранные или по литературнымъ источникамъ или непосредственно изъ устъ народа, всегда съ точнымъ указаніемъ источниковъ. Наконецъ, въ *Словарѣ* г. К. всегда указываетъ на болѣе близкія родственныя параллели и особенно прототипы заимствованныхъ въ мингрельскомъ словъ.

Въ сопоставленіяхъ у г. К. принимается во вниманіе сродство не только созвучныхъ словъ и корней, но и лишь семасически сближающихся выраженій, такъ, напр., на стр. 207 весьма кстати сопоставляются съ армянскими *արեւելք* [arewelq] *востокъ* и *արեւմուտք* [arewmutq] *западъ* мингрельскія эквивалентныя слова изъ бандзійско-мартвильскаго подговора сенакскаго говора — ბჯაიოლე [bjaiolə, б. м., bjayolə?] и ბჯადაალე [bjadaălə], сопоставляются, такъ какъ и въ армянскомъ и въ мингрельскомъ въ значеніи *востока* и *запада* появляются сложныя слова, буквально означающія «восходъ солнца», «закатъ солнца».

Все лингвистическое по мингрельскому, что̀ можетъ представить цѣнность для исторіи языка, а также исторіи культуры, г. К. не только заноситъ въ свой трудъ съ чутьемъ и наблюдательностью опытнаго изслѣдователя, но и освѣщаетъ.

Такъ, напр., въ § 18 (стр. 024) примѣчаніе представляетъ желанный вкладъ въ исторію грузинскаго языка: это архаическая форма Дат. картскаго (-as), самимъ грузинскимъ слабо сохраненная.

Или, напр., толкованіе (стр. 249) слова კათა kaθa: его отожествляли съ грузинскимъ კაცთა kaϑ-θa *людей*, отъ კაცი kaϑ-i *человѣкъ*, на самомъ же дѣлѣ, какъ устанавливаетъ г. К., оно коренного мингрельскаго происхожденія и значитъ: *собраніе, сходъ, люди*; г. К. въ данномъ случаѣ найдетъ семасіологическую поддержку и въ армянскомъ, гдѣ *ժողովուրդ* [joḷov-urd] значитъ *народъ, люди*, но собственно оно означаетъ «собраніе». И эта поддержка тѣмъ болѣе существенна, что арм. *ժողովուրդ* [joḷov-urd] по корню и основѣ мингрело-лазскаго, т. е. иверочанскаго или тубал-кайнскаго, происхожденія.

Или, напр., опять въ *Словарѣ* подъ ჭანი ṭan-i (стр. 386) г. К. не только приводитъ слово ჭანური ṭan-ur-i букв. *чанскій* или «*чанская* посуда», съ указаніемъ его реальнаго значенія — «котелъ изъ мѣди», но попутно бросаетъ замѣчаніе о значеніи этого лингвистическаго факта для исторіи общечеловѣческой культуры, для вопроса о происхожденіи металлургическихъ терминовъ изъ яфетическаго міра, въ частности изъ Лазистана въ широкомъ значеніи этого географическаго названія, т. е. изъ страны халибовъ, откуда и основа χαλκ- самого греческаго слова χάλξ *мѣдь*, изъ страны кайнитовъ, что̀ то же чановъ, откуда идутъ названія металловъ и преданія

объ ихъ происхожденіи не только въ древней Греціи и на самомъ Кавказѣ, но и у семитическихъ народовъ [1]).

Однако, такія сближенія авторъ позволяетъ себѣ дѣлать въ безспорныхъ случаяхъ. Въ этомъ отношеніи осторожность и выдержка г. К. выше всякихъ похвалъ. Въ книгѣ г. К. едва-ли самому придирчивому критику удалось бы найти и тѣнь основанія для упрековъ въ petitio principii, а если что и оказалось бы, то развѣ въ утвержденіяхъ, восходящихъ къ его учителю по яфетической теоріи, пишущему настоящія строки. Въ г. К. нѣтъ той торопливости и нервности, которыя проявляются въ яфетидологическихъ работахъ піонера. Спокойствіе и увѣренность К. г. въ правотѣ дѣла вызываетъ въ немногочисленной семьѣ сторонниковъ яфетической теоріи упованіе на болѣе свѣтлое ея будущее, а въ ея авторѣ и добрую зависть.

Благодаря всему отмѣченному мы получили такой трудъ по грамматикѣ и лексикографіи мингрельскаго языка, какого по сей день не имѣемъ въ печати, въ отношеніи научной обработки, и для грузинскаго языка, изученіе котораго длится сотни лѣтъ.

Въ *Хрестоматіи* г. К. даетъ тексты, частью имъ собранные или чаще провѣренные, частью собранные его сотрудниками по данной имъ же инструкціи. Мы всегда узнаемъ, гдѣ собранъ текстъ, кѣмъ и отъ кого, притомъ съ указаніемъ возраста послѣдняго.

Распредѣленіе текстовъ по діалектическимъ особенностямъ принадлежитъ г. К. Иногда онъ перераспредѣляетъ матеріалъ, въ опроверженіе прежнихъ болѣе довѣрчивыхъ къ сказителямъ собирателей.

Въ дѣлѣ собиранія мингрельскихъ текстовъ г. К. сумѣлъ заинтересовать длинный рядъ лицъ, сотрудничавшихъ ему. Эти лица — представители мингрельской интеллигенціи, близко стоящіе къ народу: такими сотрудниками мы видимъ студентовъ, воспитанниковъ духовныхъ училищъ и духовной семинаріи, сельскихъ учителей, священника, писателей, въ числѣ ихъ народнаго поэта, наконецъ, простыхъ обывателей мѣстечекъ въ Мингреліи.

Книгѣ предпослано введеніе въ изученіе мингрельскаго языка съ исторіею его изученія и литературою предмета. За книгою не слѣдуютъ указатель къ *Грамматикѣ* и обратный русско-мингрельскій указатель къ *Словарю*, но мнѣ извѣстно, что нарочно допущенъ этотъ пробѣлъ, чтобы составить указатель общій и къ мингрельской *Грамматикѣ* и къ моей чанской *Грам-*

---

1) См. **Н. Марръ**, *О религіозныхъ вѣрованіяхъ абхазовъ* (ХВ, IV, стр. 117 сл.).

матикѣ и издать его самостоятельно въ той же академической серіи «Матеріалы для яфетическаго языкознанія».

Конечно, было бы хорошо приложить къ труду діалектологическую карту мингрельскаго языка. Это — нашъ общій дефектъ.

Не рѣшился бы я сдѣлать упрекъ г. К. въ томъ, что въ *Словарѣ* нѣтъ при каждомъ словѣ ссылки на мѣстонахожденіе его въ *Хрестоматіи*, а только въ сомнительныхъ и исключительныхъ случаяхъ. У насъ такъ много работы по существу, что пока, быть можетъ, цѣлесообразнѣе проходить мимо подобныхъ мелко формальныхъ требованій.

Недосмотры и спорныя вещи, конечно, имѣются и въ книгѣ г. К., но они или настолько незначительны и несущественны, что нѣтъ основанія долго на нихъ останавливаться, или характеризуютъ не трудъ и не автора, а общее состояніе нашей науки.

На стр. 01 (§ 1) читаемъ: «Грузинскій же алфавитъ, съ добавленіемъ двухъ послѣднихъ буквъ для обозначенія спеціально мингрельскихъ звуковъ..., въ совершенствѣ передаетъ въ письмѣ всѣ свойственныя мингрельскому языковому мышленію звуковыя представленія (фонемы), являясь въ этомъ дѣлѣ незамѣнимымъ никакимъ другимъ алфавитомъ».

Но вѣдь яфетидологическій алфавитъ на основѣ европейскихъ начертаній не хуже передаетъ тѣ же мингрельскія фонемы? Если же говорить о готовомъ, находящемся въ употребленіи, напр., грузинскомъ алфавитѣ, то нѣкоторыя затрудненія встрѣчаются и здѣсь. Въ ново-грузинскомъ алфавитѣ нѣтъ даже начертанія ჲ.

А, главное, транскрипція грузинскимъ алфавитомъ нѣсколько затруднила улавливаніе нѣкоторыхъ тонкостей мингрельскаго произношенія, напр., при зафиксированіи въ письмѣ мингрельскихъ полугласныхъ и мягкаго, я бы сказалъ, іотированнаго плавнаго ļ ლ̦. Это естественно: грузинскія буквы привносятъ собою неразрывно съ ними связанную грузинскую литературную орѳографію (въ примѣрно взятомъ случаѣ — ლ l вм. ლ̦ ļ), такъ какъ примѣненія грузинскихъ письменъ въ фонетическомъ записываніи діалектическихъ текстовъ, хотя бы грузинскихъ, пока у насъ нѣтъ.

На стр. 04 въ табл. II-й въ числѣ простыхъ звонкихъ придувныхъ показанъ согласный ვ, а ниже, въ числѣ сонорныхъ, полугласный ჳ. Затѣмъ въ томъ же параграфѣ 2-мъ подъ рубрикою b) дается свѣдѣніе объ употребленіи полугласнаго въ ცვილუა [ცჳილუა?] *убивать*, ჭარუა *писать*, но затѣмъ мы нигдѣ не находимъ записи этого звука въ матеріалахъ г. К., даже тѣ же слова, напр. въ *Словарѣ*, написаны съ согласнымъ ვ.

Звукъ ვ г. К. называетъ въ *Грамматикѣ* (§ 6) полугласнымъ. Такъ думали и другіе, въ числѣ прочихъ и я, до послѣдней минуты. На самомъ дѣлѣ

это слогообразующій краткій гласный; въ сванскомъ этотъ звукъ бываетъ и долгимъ и краткимъ. Этотъ краткій ჷ отъ другихъ краткихъ гласныхъ отличается не количественно, а качественно: онъ недиференцированный звукъ, возникающій изъ затемненія ı и е.

Въ *Словарѣ* на стр. 197 при мингр. словѣ აფთექა [aφθeqa] указанъ греческій прототипъ ἀποθήκη, но нѣтъ основанія думать, что мингрелы заимствовали это слово отъ грековъ, а не изъ русскаго — «аптека».

Въ м. для выраженія «волосъ лошадинаго хвоста» двѣ разновидности слова, одна коренная м. — ჯუა [ḓua], другая — заимствованная изъ г. ძუა [d̆ua]; въ *Словарѣ* на первое мѣсто поставлено заимствованное слово ძუა [d̆ua] (стр. 376), а при коренномъ м. ჯუა [ḓua] (стр. 416) лишь ссылка.

Нѣкоторая недоработанность мнѣ бросается въ глаза въ словообразованіи.

Такъ § 125 (на 0124 стр.): въ основныхъ формахъ примѣры черезчуръ малочисленны, напр., на шаблонъ qmun приводится одно слово თხუმ-უ [θqum-u] *ольха*, при этомъ окончаніе -u, наличное въ этомъ названіи дерева, — вовсе не показано въ числѣ суффиксовъ. Между тѣмъ этотъ суффиксъ усѣченный, съ потерею плавнаго r въ паузѣ, вм. -ur, что̀ на лицо въ словѣ съ основою на тотъ же шаблонъ უმური [um-ur-ı] || ომური [om-ur-ı] *дикая слива, лыча*. Интересъ этого суффикса въ томъ, что названія деревьевъ имѣютъ нормально форму мн. числа, и мн. число на -ur || -or теперь установлено[1]), притомъ съ большимъ распространеніемъ, такъ, между прочимъ, онъ сохранился на противоположной, восточной окраинѣ Закавказья, — въ удинскомъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что у мингрельскаго языка вскрывается поразительное сходство въ фонетикѣ и морфологіи съ языками восточнаго Кавказа, напр., съ тушинскимъ языкомъ, равно, какъ указываетъ самъ г. К. на стр. XV—XVI Предисловія, съ ингилойскимъ нарѣчіемъ грузинскаго языка.

Остановлюсь подробнѣе на одномъ принципіальномъ вопросѣ. Рѣчь о вліяніи родственныхъ языковъ на мингрельскій. Грузинскому г. К. отдаетъ преимущественную роль по вліянію на мингрельскій языкъ. Эта мысль имъ владѣетъ и на страницахъ XIX-й—XX-й.

Я бы затруднился это утверждать, пока въ одной мѣрѣ съ грузинскимъ не выяснены отношенія къ мингрельскому другихъ яфетическихъ языковъ, напр., сванскаго.

---

1) Въ работѣ моей, появившейся въ печати послѣ труда г. К.: *Яфетическія названія деревьевъ и растеній* (*Pluralia tantum*), § 12, c, 2a[1] (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1915, стр. 839).

На сванскіе элементы въ мингрельскомъ языкѣ, и лексическіе, и морфологическіе, г. К. обращаетъ вниманіе[1]), но матеріалъ по вопросу далеко не полонъ: наличный у г. К. сванскій матеріалъ не весь освѣщенъ.

ჭა-ქვინჯარეფი чаквинджцы (стр. 343) представляетъ случай съ двумя суффиксами мн. числа, изъ нихъ -არ [-ar] — сванскій.

Префиксъ ni-, напр. въ ნიქითი [nı-qıə-ı] *рыло* (стр. 343), также сванскаго происхожденія.

Не менѣе показателенъ лексическій матеріалъ.

а) ბეჩა [beə̣-a] *пещера* (стр. 203).

Слово сванское; по свански это *камень*: ბäჩ bäə̣ въ однихъ нарѣчіяхъ, ბეჩ beə̣ въ другихъ.

б) ძუღე [ďuǧe] *очень, сильно* (стр. 376), несомнѣнно, стоитъ въ связи съ св. ძღჷდ ďǧəd *большой, очень*.

в) ჭვიმთარი [t̥vimθar-ı] *эллипсоидальный кукурузный хлѣбъ съ сыромъ* (стр. 388).

Въ цѣломъ рядѣ сванскихъ говоровъ слово ჭიმდარ t̥ımdar значитъ *сырникъ*.

г) На стр. 374 при «ძელი [ďel-ı] мясо безъ жиру и безъ костей» у г. К. ссылка на «ძორი [ďor-ı] трупъ, падаль», что̀ въ свою очередь на стр. 376 сопоставляется съ г. მ-ძორი [m-ďor-ı], მ-ძოვრი [m-ďovr-ı].

Въ г. мы имѣемъ болѣе созвучныя съ м. ძელი ďel-ı слова:

1) ძერი ďer-ı *коршунъ* [< *стервятникъ*], какъ указываетъ Чубиновъ.

2) ძერა ďer-a *стервятникъ* > *коршунъ*.

И всетаки м. объяснять грузинскимъ не приходится, м. и г. разновидности этого слова воспроизводятъ двѣ изъ трехъ сванскихъ діалектическихъ формъ его, притомъ въ сванскомъ оно значитъ въ однихъ нарѣчіяхъ *мясо*, въ другихъ *падаль*, что̀ отразилось и на мингрельской семасіологіи:

Эти три нарѣчія — 1) шх, чл, гдѣ ძორ ďor, 2) у, хл, ий, м, тх, гдѣ ძჳერ ďwer, 3) нижне-инг. (э. п, х), гдѣ ძერ ďer.

д) «ნაკა [nak-a] ровное мѣсто, поле» (стр. 285, столб. 2-й).

Это, несомнѣнно, сванское слово: ნაკ nak по-свански значитъ «ровный», «плоскій»; *равнина*. Отсюда глаголъ ჩულინკე ə̣u-lı-nk-e *выровнять, исправить, справить*, напр., дѣло и т. п.

е) 363, столб. 1-й, у г. К. приводятся три діалектическія разновидности мингрельскаго слова «лапти», именно ჩაფულა ə̣aφu-la, ჩაფჷლა ə̣aφə-la и ჩაფია ə̣aφı-a. Матеріалы, собранные г. К. подъ этимъ словомъ, — интересны во многихъ отношеніяхъ.

---

1) ლუ- въ *Словарѣ*, s. v.

1) Г-нъ К. указываетъ, что слово წაფულა [ǰaφu-la] *лапти* означаетъ и *взятку*, я бы сказалъ «на чай», «награда» и т. п. Во-первыхъ, г. К. могъ бы сослаться на грузинскій языкъ, гдѣ ქალამანი qalaman-ı *лапти* также употребляется въ значеніи «взятки»; г. К. могъ бы также сослаться на древне-литературный языкъ армянъ, гдѣ կօշիկք kōšık-q *сапоги*, *обувь*, напр. у историка Фауста (кн. VI, 8, Пт., стр. 226,9), также употребляется въ значеніи «на чай», «взятка»[1]). Это — ἅπαξ λεγόμενον во всей древне-армянской литературѣ.

Популярность этого выраженія среди яфетическаго міра чрезвычайно важно установить и для толкованія одного эпиграфическаго памятника изъ Арменіи, именно Апаранской греческой надписи царя Тиридата, въ толкованіи которой М. И. Ростовцевымъ (Анійская серія, № 6, стр. 19—24) слова «далъ... городъ Нигъ на сапоги», какъ то предлагалъ перевести Я. И. Смирновъ, могутъ получить оправданіе не столько въ обычаяхъ и установленіяхъ старо-персидскаго царства, сколько въ исконной традиціонной мѣстной фразеологіи.

2) Подъ этимъ-то словомъ у г. К. есть указаніе на его наличіе въ грузинскомъ (Орб.: წაფულა [ǰaφula]); но это же слово წაფəლა ǰaφəla имѣется въ сванскомъ и въ значеніи *лаптей* и въ значеніи *взятки*, и это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что отъ него и произведена морфологически сванская форма ლეწაფულე [Le-ǰaφu-le], приводимая г. К. какъ мингрельское названіе плоскогорья въ селѣ Джваръ. Все это — сванскія переживанія въ мингрельскомъ языкѣ.

ж) ერცქემი erǰqem-ı *туръ* (стр. 232).

Несомнѣнно, это слово, у мингреловъ означающее, судя по словарю г. К., *туръ*, собств. *кавказскій туръ* (capra caucasica), имѣемъ въ сванскомъ ერსკყან erskyan, что̀, однако, означаетъ *серну*. Сванское же ერსკყან erskyan представляетъ вполнѣ закономѣрный эквивалентъ грузинскаго არჩვი arǰv-ı, что̀ также значитъ *серна*.

При коренномъ грузинскомъ არჩვი arǰv-ı мингрельскій эквивалентъ долженъ бы звучать, это хорошо извѣстно г. К., *ორჩქვი *orǰqv-ı, какъ, напр., *барсукъ* въ грузинскомъ მაჩვი marǰv-ı, а въ мингр. მუჩქვი muǰqv-ı или მუნჩქვი munǰqv-ı, съ перерожденіемъ o въ u при губномъ m

з) ქონი *жиръ* (стр. 345) объясняется какъ грузинское слово, на самомъ дѣлѣ коренное грузинское, т. е. картское, слово въ значеніи *жира*, *сала* — ცმელი ǰmel-ı < *ǰmen-ı, а qon (< *qwen) представляетъ закономѣрный сван-

---

1) Եւ յետ կօշիկք լինին.

скій эквивалентъ; мингрелы, какъ и грузины, очевидно, заимствовали его изъ сванскаго.

і) Основа ქუნ qun || ქვენ qven *прикрывать, одѣвать* (стр. 346) опять таки сванскаго происхожденія: это сванское qwm, такъ же заимствованное и грузинскимъ, древне-грузинскимъ, ибо коренной грузинскій эквивалентъ ϑ̇wm: ცუმა ϑ̇uma *одѣвать*.

Какъ видно, сванскія слова начинаютъ принимать угрожающіе размѣры.

То же самое можемъ ожидать и со стороны абхазскаго.

Достаточно сказать, какое сильное этническое вліяніе абхазовъ на мингреловъ сказывается уже въ томъ, что масса, казалось бы, чисто мингрельскихъ фамилій (хотя бы въ спискѣ І. А. Кипшидзе на стр. 423—424) проявляетъ въ составѣ слово -ვა -va *сынъ*, представляющее и по своему виду, и по кореннымъ чисто абхазское достояніе.

Остановлюсь еще на вліяніи абхазскаго въ морфологіи, такъ, напр., въ § 127, x (стр. 0127).

а) У г. К. приводится суффиксъ -ხუ [-q̇u] «для образованія уменьшительныхъ или ласкательныхъ именъ». Этотъ суффиксъ — абхазское слово q̇ṭə *маленькій*, съ потерею послѣдняго согласнаго.

б) Въ § 120, b (стр. 118) г. К. приводитъ предлогъ ალა- [ala-] *съ боку, рядомъ* въ глаголахъ.

Это чистѣйшее абхазское слово, однозначущій предлогъ, отъ коего и происходитъ глаголъ абх. aladara.

в) Въ § 120 (стр. 0120) г. К. отмѣчаетъ предлогъ კილა kıla > კვლა kəla въ глаголахъ со значеніемъ *сквозь, черезъ*.

Это безспорно абхазскій предлогъ kəl съ тѣмъ же значеніемъ.

г) Въ § 120 (стр. 0118) у г. К. подъ рубрикой b) рядъ предлоговъ въ глаголахъ აკო- [ako-], იკო- [ıko-], ოკო- [oko-] въ значеніи *вмѣстѣ, взаимно, съ, совершенно*.

Вѣрно, что эти предлоги имѣютъ общую часть, это — კვ [kə] *одинъ*, абх. съ префиксомъ a-: akə *одинъ*, въ языкѣ 2-й катег. Ахеменидскихъ клин. надписей: kir *одинъ* и т. п. Есть (г. К. хорошо извѣстные) и въ грузинскомъ эквиваленты.

Г-нъ К. самъ пишетъ въ § 35 (стр. 036), что въ мингрельскомъ въ значеніи «одинъ» «на ряду съ ართი [arϑ-ı]... употребляется აკა [aka] (абх. აკვ [akə])». Это-то числительное akə, собственно его абхазскую основу kə и имѣемъ въ перечисленныхъ предлогахъ, причемъ აკო- сложное мингрельско-абхазское слово вм. არ კო, и оно означаетъ буквально «*одинъ одного*» въ

смыслѣ *другъ друга, взаимно,* какъ г. ერთმანერთი, арм. новое իրեար или древне-лит. (hайское) միմեանց и т. п. Въ свою очередь другое абхазское слово для того же понятія аӁә *одинъ*, при исторіи плавнаго r (> -) въ абхазскомъ естественно возводимое къ прототипу *ard̆-w, представляетъ явное заимствованіе изъ мингрельскаго, пересадку на абхазскую фонетическую почву мингрельскаго *ard̆-, откуда съ одной стороны м.ართი arϑ-ı (> *arϑ̇-ı < *ard̆-ı, съ первичнымъ видомъ именного окончанія *ard̆-u), съ другой — м. არძო ard̆-o || არძა ard̆-a *весь, все*, собственно *вмѣстѣ, во-едино* (ср. г. ერთად).

д) Въ *Словарѣ* (стр. 197) при мингрельскомъ словѣ აფრა aφra указано грузинское его происхожденіе. Очевидно, г. К. имѣетъ въ виду г. აფრა aφra въ значеніи *паруса*, но это слово, какъ теперь выяснилось, абхазскаго происхожденія [1]).

Можно бы долго еще продолжать выявленіе сванскихъ и абхазскихъ словъ и выраженій въ мингрельскомъ. Между тѣмъ, г. К. пишетъ въ предисловіи на стр. XX-й, будто въ мингрельскомъ—«весьма мало заимствованій изъ абхазскаго и сванскаго языковъ».

Вѣрно, что это все стало извѣстно по напечатаніи 197-й страницы труда г. К., но таково состояніе нашей науки: намъ приходится считаться не только съ тѣмъ, что сдѣлано, но и съ тѣмъ, что можетъ быть сдѣлано или уже намѣчается къ разработкѣ, и не слѣдуетъ предупреждать обобщеніями невыясненное еще фактическое положеніе дѣла.

Приведенныя замѣчанія, однако, имѣли въ виду не указаніе, какъ на дефектъ, на отсутствіе въ книгѣ разрѣшенія всѣхъ очередныхъ вопросовъ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ, а, наоборотъ, указаніе на присутствіе въ ней искусно подготовленнаго богатаго матеріала для ихъ разрѣшенія. Г-нъ К. и не отказывался отъ попутныхъ экскурсовъ въ область сравнительной и исторической грамматики, но настоящая работа, какъ предупреждаетъ и самъ авторъ, «въ основѣ своей описательная».

Впрочемъ эта характеристика вызываетъ возраженіе. Если даже не будемъ препираться изъ-за слова «описательная», то подъ нимъ приходится понимать не фотографическое внѣшнее описаніе, а творческое научное описаніе съ идейнымъ отношеніемъ къ явленіямъ и научными ихъ опредѣленіями на основѣ яфетическаго языкознанія.

Г-номъ К. глубоко усвоены не только внѣшніе пріемы, техника, но и су-

---

1) Н. Марръ, *Абхазское происхожденіе грузинскаго термина родства* bida *дядя* (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1914), стр. 143.

щество яфетической теоріи. Въ немъ мы имѣемъ совершенно зрѣлаго яфетидолога-лингвиста, какъ то доказывали его же работы по грузинскому языку— опытъ грамматики ново-грузинскаго языка (литографированный, 1911) и особенно критика текста къ образцовому изданію съ прекраснымъ русскимъ переводомъ *Житія св. Антонія Раваха* на страницахъ Христіанскаго Востока (II, стр. 54), въ каковомъ изданіи компетентный агіологъ о. Peeters нашелъ одинъ недостатокъ, да и тотъ поставленный на видъ не г. К., а нашей школѣ, надо думать, не безъ основанія: недостатокъ этотъ, по словамъ благожелательнаго критика, чрезмѣрное увлеченіе точностью, заботящейся исчерпать матеріалъ, между тѣмъ, по его мнѣнію, отказавшись отъ намѣренія все сказать, можно бы сохранить за каждой подробностью степень ея относительнаго значенія [1]). Въ яфетической лингвистикѣ, къ сожалѣнію, мы находимся еще въ слишкомъ начальной стадіи разработки, чтобы предрѣшать «рангъ относительной важности каждой изъ деталей» (son rang d'importance relative).

Настоящимъ же трудомъ, недостаточно сказать, что г. К. вноситъ въ изученіе одного изъ яфетическихъ языковъ не имѣющій пока себѣ равнаго по цѣнности вкладъ. Сама яфетическая грамматика съ появленіемъ этой книги становится не тѣмъ, чѣмъ она была раньше. И приращеніе яфетической теоріи въ первую голову должно пойти по линіи использованія фактовъ и освѣщеній, накопленныхъ въ предложенномъ трудѣ.

Конечно, трудъ г. К. еще далекъ отъ возможныхъ и назрѣвающихъ для яфетидологіи достиженій. Молодому ученому предстоитъ еще большая работа надъ поднятіемъ своихъ матеріальныхъ знаній въ уровень съ широкимъ горизонтомъ такъ прекрасно усвоенной имъ теоріи яфетическаго языкознанія и ея запросовъ. И всетаки я не откажусь печатно повторить мое мнѣніе о научныхъ достоинствахъ книги. Факультетъ Восточныхъ языковъ автора ея удостоилъ степени магистра грузинской словесности. Однако, «если бы она была представлена въ качествѣ диссертаціи на степень доктора грузинской филологіи, авторъ ея также со спокойной совѣстью могъ бы быть удостоенъ высшей ученой степени, какъ сейчасъ я нахожу его вполнѣ заслужившимъ степень магистра грузинской филологіи».

Н. Марръ.

---

1) L'autobiographie de S. Antoine le néo-martyr (Analecta Bollandiana, t. XXXIII — fasc. I), стр. 53.

393. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи. Годъ семнадцатый (читай: восемнадцатый). 11 декабря 1912 г.—11 декабря 1913 г. 125 стр. Годъ девятнадцатый [1]). 11 декабря 1913 г. — 11 декабря 1914 г. 138 стр. Годъ двадцатый. 11 декабря 1914 г. — 11 декабря 1915 г. 68, XXIII стр. 8°.

Въ восемнадцатый годъ своего существованія «Туркестанскій Кружокъ любителей археологіи» возобновилъ изданіе своихъ «Протоколовъ», прерванное послѣ четырнадцатаго года [2]). Пять выпусковъ [3]) «Протоколовъ», за 1913—15 годы заключаютъ въ себѣ, по обыкновенію, много интереснаго матеріала. Наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ кружка было изслѣдованіе развалинъ города Пейкенда въ Бухарскомъ ханствѣ, произведенное Л. А. Зимннымъ на средства, назначенныя Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи. Развалинамъ посвящены нѣсколько статей (XVIII, 59—89; XIX, 63—131), съ приложеніемъ ряда снимковъ [4]), плана развалинъ (XVIII) и плана раскопокъ (XIX). На основаніи извѣстій письменныхъ источниковъ, главнымъ образомъ арабскихъ географовъ, и осмотра развалинъ съ несомнѣнностью установлено мѣстоположеніе и общій видъ Стараго Пейкенда, существовавшаго въ до-мусульманскій періодъ и при исламѣ до XII в. нашей эры. Оказывается, что городъ, считавшійся въ періодъ мусульманскаго завоеванія большимъ торговымъ центромъ, занималъ пространство около 678 саженъ въ окружности (XVIII, 84). Такимъ образомъ, лишній разъ подтверждается установленный уже по другимъ даннымъ фактъ крайне слабаго развитія городской жизни въ Туркестанѣ до ислама [5]). Раскопки были ведены тщательно, но не дали тѣхъ результатовъ, къ которымъ при современномъ уровнѣ нашихъ знаній о прошломъ края можетъ привести только счастливый случай; предметовъ или остатковъ зданій, которые представляли бы выдающійся интересъ для историка и археолога, найдено не было. Остается невыясненнымъ также вопросъ о направленіи канала Харамкамъ, по свидѣтельству письменныхъ источниковъ иногда дохо-

1) Въ первомъ выпускѣ на заглавномъ листѣ «восемнадцатый»; ср. поправку къ тремъ выпускамъ въ концѣ «Протоколовъ» за 19-ый годъ. Поправка, вѣроятно, вызоветъ нѣкоторыя библіографическія недоразумѣнія, такъ какъ на статьи «Протоколовъ» за «семнадцатый» годъ, теперь оказавшійся восемнадцатымъ, уже неоднократно дѣлались ссылки въ печати.

2) Ср. ЗВО XX, 067 сл. Протоколы за годы XV—XVII будутъ изданы послѣ «изданія особаго сборника въ память И. Т. Пославскаго» (см. «Протоколы», XX, стр. XVI).

3) Протоколы за 1913 г. раздѣлены на два выпуска, съ общей пагинаціей, и также «Протоколы» за 1914 годъ.

4) Въ первой статьѣ при снимкахъ по недосмотру не отмѣчены №№, подъ которыми они цитуются въ текстѣ статьи.

5) Ср. мой трудъ «Къ исторіи орошенія Туркестана», стр. 8 и 13.

дившаго до города. Конечно, это нисколько не умаляетъ заслугъ изслѣдователя, подробно описавшаго развалины, о которыхъ до него не было почти никакихъ свѣдѣній [1]).

Вниманіе членовъ Кружка было обращено также на рядъ другихъ памятниковъ прошлаго на пространствѣ отъ береговъ Аму-дарьи до Ташкента и отъ береговъ Каспійскаго моря до предгорій Тянь-шаня.

Въ статьѣ А. А. Семенова «Происхожденіе Термезскихъ сейидовъ и ихъ древняя усыпальница Султанъ-Садатъ» (XIX, 3—20) описана, съ приложеніемъ снимковъ, постройка, осмотрѣнная авторомъ въ 1898 г. и вторично въ 1913 г. Уже на планѣ развалинъ Термеза, составленномъ покойнымъ И. Т. Пославскимъ [2]), были отмѣчены «развалины Султанъ-амиръ-Хусайнъ-Сагдадъ (сынъ имама Зайнульабдина)». Въ статьѣ другого изслѣдователя (Р. Ю. Рожевица), бывшаго въ Термезѣ въ 1906 г. [3]), говорится о «минаретахъ (sic) [4]) Салтанъ-Саадатъ», причемъ приложены два снимка. Изъ статьи А. А. Семенова видно, что въ названіи постройки мы имѣемъ арабское слово *сâдâт* — множественное число отъ *сейид* [5]); здѣсь, по словамъ автора, погребены термезскіе сейиды во главѣ съ ихъ родоначальникомъ — Султанъ-Хусейномъ. Термезскіе сейиды нѣсколько разъ упоминаются въ исторіи Туркестана; въ 1217 г. одинъ изъ нихъ, вслѣдствіе разрыва между хорезмшахомъ Мухаммедомъ и аббасидами, былъ провозглашенъ халифомъ [6]); въ 40-хъ годахъ XIV в. другой сейидъ изъ Термеза былъ, по разсказу Ибн-Батуты, министромъ и полководцемъ джагатайскаго хана Халиля [7]); въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. упоминаются, какъ сподвижники Тимура, братья Абу-л-Маʿали и Али Акбаръ [8]); въ концѣ XV в., какъ видно изъ «За-

---

1) Явно невѣрное замѣчаніе проф. Пемпелли (Explorations in Turkestan, p. 10), по мнѣнію Л. А. Зимина (XVIII, 75), «заставляетъ предполагать, что профессоръ не былъ на самыхъ развалинахъ, а только проѣхалъ мимо».

2) Ср. его статью въ «Среднеаз. Вѣстникѣ» 1896 г., декабрь, стр. 84—100.

3) Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XLIV (1908), стр. 593—656. Описаніе «Салтанъ Саадата» на стр. 645 сл. Фотографія заимствована кн. Масальскимъ, Турк. край, стр. 733. Ср. также фотографіи, доставленныя кружку покойнымъ И. И. Гейеромъ и напечатанныя въ 1897 г. (Протоколъ 29 авг. 1897 г., къ стр. 17).

4) Судя по описанію и снимкамъ, слово «минаретъ» употреблено авторомъ неправильно. Въ статьѣ А. А. Семенова (стр. 5) говорится только «о порталѣ съ небольшими башенками или, вѣрнѣе, довольно высокими и крупными зубцами на парапетѣ». Неизвѣстно, существуетъ ли теперь «полуразрушенный минаретъ», изображенный на фотографіи И. И. Гейера.

5) Соединеніе слова «султан» въ единств. числѣ со словомъ «сейид» во множественномъ числѣ, однако, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія, если не соединять этихъ словъ посредствомъ изафета и не переводить «султанъ сейидовъ». Въ генеалогіи, о которой рѣчь будетъ дальше, имя «Султанъ-Садатъ» встрѣчается дважды, какъ имя дочерей сейидовъ (стр. 16 и 17).

6) В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монг. наш., II, 402, по Джувейни.

7) Ibn-Batoutah, III, 48 sq.

8) ظفرنامه, кальк. изд., I, 210 и друг.

писокъ Бабура», термезскіе сейиды породнились съ потомками Тимура[1]). О дальнѣйшей судьбѣ сейидовъ свѣдѣній нѣтъ; столь же неяснымъ остается вопросъ о ихъ происхожденіи и о причинахъ ихъ возвышенія. По словамъ А. А. Семенова (стр. 7) прямыми потомками термезскихъ сейидовъ считаются «салаватскіе ходжи», получившіе свое названіе отъ селенія Салаватъ «или, правильнѣе, Са̄лихъ А̄ба̄дъ подлѣ Термеза»[2]); одинъ изъ нихъ въ настоящее время завѣдуетъ мавзолеемъ, гдѣ имъ произведенъ нѣкоторый ремонтъ («устройство купола надъ мечетью, закладка кое-гдѣ дверей обмазка глиною портала и проч.»). Отъ тѣхъ же ходжей А. А. Семеновъ получилъ рукопись XVI в., заключающую въ себѣ жизнеописаніе одного изъ бухарскихъ шейховъ, гдѣ на поляхъ другимъ почеркомъ и, вѣроятно, въ другое время написана родословная термезскихъ сейидовъ, которая и приводится авторомъ въ переводѣ. По степени достовѣрности эта родословная, къ сожалѣнію, ничѣмъ не отличается отъ другихъ многочисленныхъ نسب‌نامه, распространенныхъ въ Туркестанѣ. Историческимъ лицомъ является сейидъ Убайдулла, современникъ халифа Мансура, сынъ «Хусейна Меньшого» (Хусейнъ ал-Асгаръ), носящій у Табари прозваніе «хромой»[3]). Въ Среднюю Азію будто бы переселился правнукъ этого Убайдуллы, Хасанъ, сынъ Хусейна, жившій при халифахъ Мутеваккилѣ (847—861) и Мунтасирѣ (861—862); его современникомъ былъ будто бы предокъ саманидовъ, отецъ Асада, тогда какъ въ дѣйствительности сыновья Асада были назначены правителями нѣсколькихъ городовъ уже при халифѣ Мамунѣ (813—833), во время намѣстничества Гассана ибн-ʿАббада (819—821)[4]). Изъ перечисленныхъ въ родословной потомковъ «эмира Хасана» автору статьи (стр. 17) удалось хронологически пріурочить только одного — сейида Бурхан-ад-дина[5]), современника Беха-ад-дина Веледа и его сына Джелаль-ад-дина Руми; Бурхан-ад-динъ у Джами названъ однимъ изъ термезскихъ сейидовъ, потомковъ Хусейна. Изъ данныхъ родословной можно заключить, что упоминаемые въ исторіи Тимура братья Абу-л-Маʿали и Али-Акбаръ были сы-

---

1) بابرنامه, изд. Beveridge, л. 20б, 27а и сл.

2) По всей вѣроятности, къ предку этихъ ходжей имѣетъ отношеніе также селеніе Ходжа-Салихъ на Аму-дарьѣ, упоминаемое, подъ названіемъ Khoju Salu, у Бэрнса (A. Burnes, Travels, II, 214; III, 131 и 165; русск. перев. II, 358; III, 218 и 274), принятое какъ исходный пунктъ при теоретическомъ англо-русскомъ разграниченіи 1873 г. и вызвавшее споры при фактическомъ разграниченіи 1885 г. (C. E. Jate, Northern Afghanistan, p. 226, 378 sq.).

3) Tabari, Annales, III, 61,3; 200,19.

4) Ср. Туркестанъ въ эпоху монг. наш., II, 215. Еще болѣе замѣчательно, что отдаленный потомокъ «эмира Хасана», внукъ его внука, былъ женатъ на дочери саманида Исмаила (стр. 15).

5) Ср. о немъ ЗВО XXII, 248 сл.

новьями «мученика», т. е. убитаго при Халилѣ Ала-ал-мулька; упоминаемый у Бабура Мир-и-Бузургъ былъ «Ала-ал-мулькомъ Третьимъ», внукомъ Ала-ал-Мулька Второго, сына Абу-л-Маʻали. Упоминается еще шесть поколѣній, происходившихъ отъ Мир-и-Бузурга, и семь поколѣній, происходившихъ отъ его брата Шемс-ад-дина, изъ чего можно заключить, что генеалогія составлена приблизительно въ концѣ XVII вѣка.

Осмотръ развалинъ не далъ никакого матеріала для пополненія данныхъ этого сомнительнаго источника. Въ помѣщеніяхъ, расположенныхъ вокругъ обширнаго двора, находятся «многочисленныя низкія надгробія, безъ всякихъ надписей» (стр. 4). На порталѣ большой мечети «противъ бывшаго когда-то главнаго входа въ усыпальницу» прежде были видны надписи, списанныя въ 1898 г. А. А. Семеновымъ; судя по приведеннымъ отрывкамъ, надписи заключали въ себѣ ту же генеалогію сейидовъ, какъ рукопись; въ настоящее время облицовка портала «почти вся уничтожена, а что осталось—то все довольно тщательно замазано глиною; благодаря этому обстоятельству отъ надписей сохранились слѣды лишь въ лѣвомъ верхнемъ углу портала» (стр. 5 слѣд.). Рядомъ съ порталомъ находится отдѣльное полуразрушившееся кирпичное надгробіе, гдѣ А. А. Семеновъ въ 1898 г. видѣлъ скелеты, Р. Ю. Рожевицъ въ 1906 г. — черепа[1]). Въ самой мечети, направо отъ входной арки, дверь ведетъ въ полутемное помѣщеніе съ нѣсколькими нагробіями и высокой гробницей, причемъ въ 1898 г. «хорошо были видны облицовывавшіе ее кирпичи съ глубоко вырѣзанными по нимъ надписями». Надписи, повидимому, не были списаны и разобраны, и А. А. Семеновъ только со словъ сопровождавшаго его шейха передаетъ, что тамъ былъ похороненъ родоначальникъ сейидовъ, Султанъ-Хусейнъ (стр. 6); авторъ высказываетъ предположеніе, что это — отецъ переселившагося въ Среднюю Азію эмира Хасана (стр. 20). Изъ примѣчаній Пославскаго къ плану развалинъ можно заключить, что туземцы помѣщаютъ здѣсь гробницу Хусейна ал-Асгара, сына Али Зейн-ал-абидина, въ чемъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ въ Мазар-и-Шерифѣ до сихъ поръ показываютъ могилу самого Алія. Въ дѣйствительности здѣсь, можетъ быть, похороненъ Хусейнъ ал-Асгаръ, сынъ жившаго въ XV в. Мир-и-Бузурга (стр. 18).

Докладъ А. А. Семенова, прочитанный въ засѣданіи кружка 11 декабря 1913 г., и проведенное въ немъ сравненіе состоянія развалинъ въ 1898 и 1913 гг. не могли не вызвать въ слушателяхъ сожалѣніе о гибели памятниковъ прошлаго. Непосредственнымъ слѣдствіемъ доклада (XIX, 56)

1) По словамъ А. А. Семенова (стр. 6) «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были черепа, высовывалось изъ подъ савана по луку».

было постановленіе кружка подробно изучить развалины Термеза. Задача была возложена на капитана Н. И. Нехорошева (XIX, 58 сл. и 62); необходимыя средства были назначены Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи; но вслѣдствіе начавшейся войны это научное предпріятіе, какъ и многія другія, не могло осуществиться.

А. А. Семенову мы обязаны также интересными свѣдѣніями о нѣкоторыхъ другихъ древностяхъ. Въ засѣданіи 11 декабря 1912 г. (XVIII, 1—2 и 29) имъ были предъявлены предметы, найденные въ развалинахъ города Джорджана на Гюргенѣ и присланные пограничнымъ коммисаромъ полковникомъ К. В. Лавровымъ (къ статьѣ приложены два снимка); въ засѣданіи 4 марта 1913 г. (XVIII, 39—41) — крайне любопытный кусокъ изразца съ человѣческими изображеніями, найденный въ развалинахъ Куня-Ургенча и присланный Н. С. Лыкошинымъ (занимавшимъ въ то время должность начальника Аму-дарьинскаго отдѣла); приложенъ снимокъ, не передающій окраски, подробно описанной въ статьѣ. Наконецъ, имъ описаны «куляхи» или дервишскія шапки, принадлежавшія, по преданію, ташкентскому святому XIV в. Хāвендъ-Тахӯру и его отцу Омару Багистāнӣ (приложенъ снимокъ), и по этому случаю приведены свѣдѣнія о жизни святого изъ رشحات عين الحيات (XX, 25—31).

По поводу открытія (В. Л. Вяткинымъ, въ 1908 г.) остатковъ обсерваторіи Улугбека В. Н. Миловановымъ 4 марта 1913 г. было сдѣлано сообщеніе: «Астрономическія познанія самаркандскихъ астрономовъ» (XVIII, 39, 42—53). Какъ не-оріенталистъ, авторъ могъ пользоваться только европейской литературой предмета и результатами раскопокъ, которыми не былъ удовлетворенъ (стр. 50); его надежда, что при дальнѣйшихъ раскопкахъ будутъ достигнуты болѣе существенные результаты (стр. 53), насколько мнѣ извѣстно, не оправдалась. Отношеніе работъ Улугбека къ работамъ его предшественниковъ для автора не вполнѣ ясно. Всѣ данныя указываютъ на полную зависимость Улугбека и его учителей отъ персидскихъ астрономовъ XIII—XIV в.; предположеніе (стр. 43, пр. 3) о производствѣ въ Самаркандѣ астрономическихъ наблюденій еще въ первые вѣка по Р. Хр., основанное только на случайномъ фактѣ (неожиданно точное опредѣленіе астрономическаго положенія Мараканды у Птоломея)[1], пока ничѣмъ не подтверждается. Въ области точныхъ наукъ, въ противоположность богословію, въ Туркестанѣ эпохи Улугбека не было никакихъ мѣстныхъ научныхъ традицій.

---

1) Это мнѣніе было высказано еще Маннертомъ и принято Форбигеромъ (Handbuch der Alten Geographie, 2-te Ausg., II, 562, N. 72).

Мѣстностямъ бассейна Сыръ-дарьи посвященъ рядъ статей. Л. А. Зиминъ перевелъ туземную брошюру объ Ошѣ, напечатанную еще въ 1885 г. Н. П. Остроумовымъ въ «Туркестанской Туземной Газетѣ», привелъ въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ состояніи мнимыхъ мазаровъ Соломона, Асафа и нѣкоторыхъ другихъ (XVIII, 1, 3—16; приложены два снимка горы Тахти-Сулейманъ и четыре другихъ снимка). Брошюра лишній разъ показываетъ, съ какой свободой мѣстными грамотеями пріурочиваются къ Туркестану мѣста, упоминаемыя въ религіозномъ преданіи; такъ, по словамъ автора, Ниневія находилась на Сыръ-дарьѣ (стр. 6).

А. Д. Петровъ описалъ открытыя имъ развалины Мугъ-тепе около селенія Сары-Курганъ въ Ферганѣ; по мнѣнію автора и Л. А. Зимина (XIX, 21—25) мы имѣемъ здѣсь остатки города Соха, упоминаемаго арабскими географами (эти свѣдѣнія приводятся, въ переводѣ, Л. А. Зиминымъ); къ статьѣ приложены три снимка. Ясныхъ признаковъ, что здѣсь былъ именно городъ, нѣтъ; покойнымъ И. Т. Пославскимъ (стр. 23, прим. и 56) было высказано предположеніе (по моему мнѣнію, мало вѣроятное), что здѣсь былъ «какой нибудь огромный храмъ, весьма возможно Атешкеде поклонниковъ Зороастра».

І. А. Кастанье принадлежитъ статья «Древности Ура-Тюбе и Шахристана» (XX, 32—52). Какъ признаетъ и авторъ (стр. 32), въ статьѣ не сообщается «что либо особенно новое объ этихъ мѣстахъ»; авторъ ограничивается сопоставленіемъ данныхъ, приведенныхъ въ извѣстность до сихъ поръ, присоединяетъ къ этому свои «личныя впечатлѣнія» и кромѣ того старается «возможно полнѣе ознакомить» читателей «съ исторіей этой мѣстности». Послѣдняя задача, однако, едва-ли по силамъ изслѣдователю, которому источники доступны только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ и который наравнѣ съ первоисточниками ссылается на «Исторію древняго Востока» кн. В. Максудова (стр. 45 сл.). Извѣстія арабскихъ географовъ иногда приводятся въ такомъ видѣ, который не можетъ не вызвать недоумѣнія читателей; такъ Ибн-Хаукалю приписывается извѣстіе о «многихъ городахъ, названія которыхъ чужеземны» (стр. 49)[1]. Среди извѣстій о мѣстоположеніи столицы Уштрусаны не приводится какъ разъ наиболѣе отчетливое описаніе пути въ этотъ городъ, по которому отъ Сабата шли два фарсаха по

1) Авторъ ссылается на французскій переводъ географіи Абульфеды, II, 223, но пропускаетъ конецъ фразы, въ которомъ заключается ея смыслъ: «не имѣя возможности установить точное произношеніе, мы ихъ опустили». Эти слова (ср. текстъ, стр. 497) принадлежатъ, конечно, Абульфедѣ, а не Ибн-Хаукалю. Ср. соотвѣтствующее мѣсто Ибн-Хаукаля въ Bibl. Geogr. Arab., II, 371 сл.

равнинѣ и оттуда пять фарсаховъ вверхъ по долинѣ рѣчки, текущей отъ города, причемъ по склонамъ горъ справа и слѣва были деревни[1]). Едва ли это извѣстіе можетъ быть истолковано въ пользу мнѣнія автора, что столица Ушрусаны была не на мѣстѣ селенія Шахристанъ, какъ полагаетъ пишущій эти строки, а на мѣстѣ города Уратюбе, какъ полагали Григорьевъ, Шварцъ и другіе[2]).

На I. А. Кастанье было также возложено порученіе осмотрѣть развалины Шахрухіи, причемъ средства были даны Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи. Отчетъ объ этой поѣздкѣ (XVIII, 112—123, съ приложеніемъ двухъ снимковъ и плана) также заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя историческія неточности (такъ Тимуръ далъ Шахрухіи названіе по имени своего сына Шахруха, но не отдавалъ города этому сыну, стр. 115) и произвольныя предположенія (напр. о «тѣсной связи» судьбы мѣстности Канка съ судьбой «древней Шахрухіи», стр. 122), но всетаки представляетъ несомнѣнный интересъ. Особенно поучительно сопоставленіе современнаго состоянія развалинъ съ тѣмъ, что могъ видѣть въ 1876 г. описавшій тѣ же городища полковникъ Д. К. Зацѣпинъ (стр. 115 сл.); по справедливому замѣчанію автора, это сравненіе «служитъ яснымъ показателемъ разрушенія (остатковъ города) за эти 37 лѣтъ» (стр. 121).

Общимъ вопросамъ археологіи въ разбираемыхъ пяти выпускахъ посвящена только одна статья I. А. Кастанье «Культъ змѣй у различныхъ народовъ и слѣды его въ Туркестанѣ» (XVIII, 17—28, съ рисункомъ въ текстѣ и тремя снимками). Статья вызвана находкой, сдѣланной еще въ 1899 г. въ Ферганѣ — изображеніемъ двухъ змѣй изъ чернаго камня; снимокъ тогда же былъ помѣщенъ въ «Протоколахъ» кружка (IV, 140) и повторенъ въ настоящей статьѣ. При чтеніи реферата И. Т. Пославскій сообщилъ, что у него хранится изображеніе двухголовой змѣи изъ глины, найденное въ землѣ въ окрестностяхъ Ташкента (стр. 2 и 27). Статья заключаетъ въ себѣ главнымъ образомъ книжныя извѣстія о культѣ змѣй у различныхъ народовъ, причемъ о турецкихъ народностяхъ говорится только по поводу змѣи въ животномъ циклѣ. Не совсѣмъ ясны слова автора, что «киргизы, которымъ Abel-Rémusat приписываетъ открытіе

---

1) Слова Ибн-Хордадбеха, Bibl. Geogr. Arab. VI, texte p. 29,10, trad. p. 21 и полнѣе тамъ-же у Кудамы, texte p. 207,16, trad. p. 159.

2) Менѣе существеннымъ недостаткомъ статьи являются довѣріе къ народнымъ этимологіямъ (слова объ وشن, استر, стр. 48) и вообще филологическія недоразумѣнія, какъ утвержденіе, что имя Гистаспъ или Гуштаспъ (sic) въ арабскомъ произношеніи звучитъ Каштасибъ (стр. 35).

этого способа лѣтосчисленія[1]), до нашихъ дней почти еще (sic) пользовались цикломъ 12 животныхъ» (стр. 21). Извѣстно, что этотъ циклъ употребляется и теперь.

Исторіи Туркестана посвящены работы Л. А. Зимина: «Подробности смерти Тимура» (XIX, 37—55), гдѣ, между прочимъ, доказано, что, вопреки прежнему мнѣнію пишущаго эти строки[2]), оксфордская рукопись Elliot 2 (по каталогу Этэ № 32) и рукопись Британскаго музея Or. 1566 (Rieu, Pers. Man., p. 1062) заключаютъ въ себѣ два различныхъ сочиненія; «Зерцало побѣдъ (مرآت الفتوح) и его значеніе для исторіи Кокандскаго ханства» (XVIII, 31—38)—разборъ свѣдѣній мало извѣстнаго источника[3]), причемъ встрѣчаются нѣкоторыя недоразумѣнія въ переводѣ[4]); «Первые шаги Алимъ-хана на государственномъ поприщѣ» (XVIII, 101—108)—главнымъ образомъ по منتخب التواريخ Хакимъ-Хана-тюри[5]). Кромѣ того должна была быть помѣщена статья А.-З. Валидова «Нѣкоторыя данныя по исторіи Ферганы XVIII столѣтія», но напечатана только первая страница, причемъ статья прерывается на серединѣ фразы (XX, 68)[6]).

По случаю пятидесятилѣтія завоеванія Ташкента въ статьѣ Н. П. Остроумова приведены, съ приложеніемъ факсимиле, нѣкоторые документы, относящіеся къ послѣднимъ временамъ ханскаго владычества и къ занятію города русскими (XX, 5—24); къ статьѣ приложенъ также портретъ М. Г. Черняева и текстъ Высочайшей резолюціи при полученіи извѣстія о взятіи Ташкента. Можно пожалѣть о томъ, что прошеніе жителей Ташкента на имя генералъ-губернатора Крыжановскаго (стр. 5—8) приведено только въ русскомъ переводѣ Бекчурина (изъ сборника «Туркестанскій край», ч. II, Ташкентъ 1914), причемъ не сказано, сохранился ли подлинникъ; кромѣ того при переведеніи даты документа на европейскую эру авторъ статьи не отмѣтилъ, что въ таблицахъ Вюстенфельда приводятся даты по новому стилю, и не принялъ во вниманіе дня недѣли; дата документа по старому стилю — пятница 18 іюня 1865 г., слѣдующій день послѣ вы-

---

1) У автора здѣсь нѣтъ ссылки; имѣются въ виду слова въ Recherches sur les langues tartares (1820), p. 300. Разумѣется, это мнѣніе, высказанное почти сто лѣтъ тому назадъ, совершенно не соотвѣтствуетъ современному уровню знанія.

2) Ср. теперь ИАН 1915, стр. 1365 сл.

3) Ср. ЗВО XV, 273 сл.

4) На стр. 34 сказано, что Алимъ-Кулъ и другіе ушли, «забравъ все имущество»; по тексту, наоборотъ, все имущество осталось на мѣстѣ. На стр. 36, съ ссылкой на мой «Отчетъ» (ЗВО XV, 273), сказано, что авторъ сочиненія носилъ прозвище دیوانی; въ цитованномъ мѣстѣ сказано только, что авторъ «былъ извѣстенъ тѣмъ, что занималъ должность въ диванѣ».

5) Ср. ЗВО XV, 218.

6) Нѣтъ также упомянутыхъ въ концѣ оглавленія протоколовъ четырехъ засѣданій.

раженія аксакалами и почетными жителями покорности генералу Черняеву[1]). Въ переводѣ ханскихъ ярлыковъ встрѣчаются небольшія неточности; такъ въ ярлыкѣ Худояръ-хана нѣтъ выраженія: «въ присутствіи Хана-Султана» (стр. 19); смыслъ тотъ же, но выраженіе переводчика можетъ привести къ невѣрному выводу объ оффиціальной терминологіи въ Кокандскомъ ханствѣ. Одинъ изъ двухъ ярлыковъ приведенъ также въ транскрипціи, что при ясности шрифта въ подлинникѣ и факсимиле едва ли было необходимо, тѣмъ болѣе, что въ транскрипціи текстъ искаженъ многочисленными опечатками.

Текущей научной литературѣ посвящены рефератъ В. Н. Милованова (XX, 53—67) о трудѣ пишущаго эти строки «Къ исторіи орошенія Туркестана» и сообщеніе А. В. Панкова «Археологическія экспедиціи въ Восточномъ Туркестанѣ» (XIX, 26—36 и 60 сл.). Послѣднее основано на статьѣ Д. Н. Анучина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1913 г., № 95 и 100) и повторяетъ тѣ же, едва ли справедливыя, обвиненія противъ русскихъ научныхъ учрежденій. Изъ почившихъ дѣятелей кружокъ помянулъ А. Вамбери (въ некрологѣ, составленномъ Н. П. Остроумовымъ, XVIII, 93—98, дана, можетъ быть, слишкомъ благопріятная оцѣнка[2]) дѣятельности венгерскаго оріенталиста) и своего члена-учредителя Е. Т. Смирнова (некрологъ составленъ А. Е. Скворцовымъ, XVIII, 91 и 99—100), не разъ упоминавшагося и на страницахъ настоящихъ «Записокъ»[3]).

11 декабря 1915 г. кружокъ вступаетъ въ третье десятилѣтіе своего существованія; секретаремъ кружка составлены оглавленіе и краткій предметный указатель[4]) къ «Протоколамъ» кружка за двадцать лѣтъ и краткій обзоръ его дѣятельности. Въ концѣ этого обзора выражена надежда, къ которой, вѣроятно, присоединятся всѣ, дорожащіе успѣхами русской культуры въ Туркестанѣ — надежда «на дальнѣйшее развитіе дѣятельности кружка при единеніи мѣстныхъ культурныхъ силъ». Въ истекшіе годы дѣятельность кружка большею частью происходила при иныхъ условіяхъ, безъ всякой

---

1) О событіи 17 іюня М. А. Терентьевъ, Исторія завоев. Средней Азіи, I, 319.

2) Если дѣйствительно «оріенталисты, а тѣмъ болѣе неоріенталисты продолжаютъ пользоваться еще и до сихъ поръ» трудомъ Вамбери по «исторіи Бохары», то объ этомъ можно только пожалѣть, такъ какъ эта книга почти всегда вводила пользовавшихся ею въ заблужденіе (ср. ЗВО VIII, 161).

3) Ср. указатели къ тт. X и XX.

4) Пользованіе указателемъ нѣсколько затрудняется тѣмъ, что во второмъ году дѣятельности кружка не было сплошной пагинаціи для «Протоколовъ» за весь годъ; между тѣмъ въ указателѣ и въ этомъ случаѣ отмѣчаются только годъ (римской цифрой) и страница. Такъ при словѣ «Термезъ» находятся цифры II, 5, 17, безъ указанія, что имѣются въ виду страницы Протокола 29 августа 1897 г., а не одного изъ другихъ протоколовъ за тотъ же второй годъ дѣятельности кружка.

надежды объединить мѣстныя культурныя силы во имя общей цѣли и установить связь между изученіемъ прошлаго края и работой для его будущаго. Даже при такихъ условіяхъ кружкомъ были достигнуты успѣхи, признанные спеціалистами и дающіе ему полное право оглядываться на пройденный путь съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія. Къ этому чувству, можетъ быть, будетъ позволено присоединиться и пишущему эти строки, какъ одному изъ учредителей кружка. **В. Б.**

394. The Fākhir of al-Mufaḍḍal ibn Salama, edited from Manuscripts at Constantinople and Cambridge by C. A. Storey, M. A. Leiden— E. J. Brill. 1915. 8⁰, стр. XVIII + 80 + ٢٩٠.

Фондъ въ память M. J. de Goeje даритъ арабистамъ уже второе прекрасное изданіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имъ выпущено роскошное фототипическое воспроизведеніе лейденскаго уника знаменитой *Хамāсы* ал-Бухтурӣ[1]), а теперь ученые получаютъ въ свое пользованіе *ал-Фāхиръ* извѣстнаго филолога ал-Муфаддаля. Подарокъ цѣненъ тѣмъ болѣе, что еще десятокъ лѣтъ тому назадъ это сочиненіе было извѣстно только по рѣдкимъ цитатамъ, а рукописи считаются единицами и до послѣдняго времени. Изданіе исполнено по двумъ спискамъ молодымъ арабистомъ C. A. Storey, ученикомъ извѣстнаго A. A. Bevan'a; издатель состоитъ теперь профессоромъ арабскаго языка въ мухаммеданскомъ Колледжѣ индійской Алигары.

Само изданіе и по внѣшности, и по исполненію не оставляетъ желать ничего лучшаго; оно является прекраснымъ образцомъ строго-филологическаго направленія современныхъ англійскихъ арабистовъ, памятникомъ котораго навсегда останутся три тома *Накā'идъ* Джерӣра и Фераздака, выпущенныхъ недавно A. A. Bevan'омъ. Для изданія была привлечена не только масса параллельныхъ текстовъ, но изслѣдованы и отождествлены всѣ поэтическія цитаты, въ чемъ издатель не мало обязанъ содѣйствію F. Krenkow'a, безъ участія котораго не обходится за послѣднее время почти ни одно англійское научное предпріятіе, имѣющее отношеніе къ арабской поэзіи. Книга, которая будетъ носить преимущественно справочный характеръ, снабжена рядомъ указателей; разнообразіе ихъ приближается къ идеальной полнотѣ: издатель даетъ указатель объясненныхъ въ комментаріи словъ (стр. 1—17), географическихъ названій (18—21), собственныхъ именъ (22—40), пословицъ въ алфавитномъ порядкѣ

1) См. ЗВО XXI, стр. 022 слѣд.

(41—52), именъ поэтовъ (53—60) и риѳмъ въ поэтическихъ цитатахъ (61—73). Благодаря богатству привлеченнаго матеріала и содѣйствію цѣлаго ряда ученыхъ, о которомъ говоритъ самъ C. A. Storey, въ текстѣ осталось минимальное количество сколько-нибудь сомнительныхъ мѣстъ. Всѣ опечатки, бросающіяся въ глаза при чтеніи, исправлены въ Additions and Corrections (стр. 74—80). Исключенія крайне рѣдки и легко обнаруживаются[1]). Въ сочиненіи ал-Муфаддаля довольно часто по поводу однородныхъ выраженій даются одинаковыя объясненія, которыя издатель обыкновенно сопоставляетъ; сравнительно немного случаевъ ускользнуло отъ его вниманія (напр. § 515=520).

При безукоризненной тщательности изданія и богатствѣ привлеченнаго матеріала нѣсколько разочаровываетъ слишкомъ короткое Introduction (стр. IX—XI), гдѣ C. A. Storey на одной страницѣ перечисляетъ извѣстныя ему рукописи (IX—X) и посвящаетъ восемь (!) строкъ автору, не сказавъ ни слова о самомъ сочиненіи. Конечно, было бы слишкомъ неблагодарно требовать отъ каждаго издателя еще изслѣдованія издаваемаго имъ произведенія или самого автора; однако несомнѣнно, что при такомъ тщательномъ изданіи, какое мы имѣемъ въ данномъ случаѣ, у работающаго надъ нимъ накопляется значительное количество матеріала по вопросу объ авторѣ и его сочиненіи, которымъ едва ли располагаютъ другіе ученые. Простое объединеніе этихъ данныхъ могло бы избавить послѣдующихъ арабистовъ отъ повторенія той же работы.

Говоря объ авторѣ, C. A. Storey ограничивается ссылкой на Brockelmann'а и перечисленіемъ упомянутыхъ у него арабскихъ источниковъ. Изъ европейской литературы при такой ссылкѣ слѣдовало бы назвать отдѣлъ у Flügel'я[2]), который гораздо содержательнѣе лаконичной замѣтки Brockelmann'а. Арабскіе источники C. A. Storey называетъ, вѣроятно, только на основаніи Brockelmann'а; въ противномъ случаѣ у него едва ли было бы сказано «appears to have been» (стр. X) объ ошибкѣ, допущенной послѣднимъ въ датѣ смерти ал-Муфаддаля. Изъ текста Ибн-Халликāна совершенно ясно, что къ 308 году относится смерть *сына* ал-Муфаддаля небезызвѣстнаго юриста, умершаго въ молодыхъ годахъ[3]). При полной опредѣленности этого сообщенія, едва ли представляется нужда

1) Стр. 258,10 вмѣсто ميشار чит. منشار. (Чтеніе ат-Табарӣ I, 801,10 فوشروه, подѣйствовавшее, вѣроятно, на издателя, не можетъ считаться особенно удачнымъ варіантомъ. При формѣ ميشار идетъ въ разрѣзъ стоящее дальше فنشر). Стр. 295,7 вм. القرية الظالمى آهلها надо читать الظالم (= Коранъ IV, 77).

2) Die grammatischen Schulen der Araber, Leipzig 1862, стр. 162—164.

3) Изд. Wüstenfeld'а № 590, стр. 108,9 сн. (توقّى و هو غضّ الشباب).

въ соображеніи относительно Ибн-ал-Aʿраби, приводимомъ C. A. Storey; фантастическая дата Brockelmann'а и безъ этого должна отпасть[1]). Время смерти самого ал-Муфаддаля извѣстные намъ источники не указываютъ; вѣроятно, оно падаетъ на послѣдній десятокъ третьяго вѣка хиджры, такъ какъ еще въ 290/903 году его слушалъ извѣстный литераторъ аç-Çӯлӣ[2]). Интересное подтвержденіе послѣднему указанію имѣется и въ изданной книгѣ, такъ какъ она передается, именно, со словъ аç-Çӯлӣ (1,2-3 и 260,15); такимъ образомъ, извѣстный литераторъ, собственныя работы котораго посвящены почти исключительно ʿаббāсидскому періоду, не былъ чуждъ и занятій старо-филологической школы. Вообще *ал-Фāхиръ* пользовался въ первое время довольно значительной популярностью: основательно онъ былъ изученъ Хамзой Иçфаханскимъ (ум. послѣ 350/961), для его собранія пословицъ[3]), а еще ранѣе изъ него была составлена компиляція подъ названіемъ *аз-Зāхиръ* филологомъ аз-Заджжāджӣ (ум. ок. 337/949), о которой говорится и въ самой книгѣ съ достаточно рѣзкой характеристикой[4]). Обработка аз-Заджжāджӣ сохранилась въ единственно извѣстной до сихъ поръ рукописи хедивской библіотекѣ въ Каирѣ[5]). Возможно, что эта компиляція была бы не безполезной для изданія, равно какъ двѣ каирскія рукописи *ал-Фāхира*, оставшіяся неизвѣстными C. A. Storey; одна изъ нихъ принадлежала къ коллекціи знаменитаго шейха аш-Шинкӣтӣ[6]). Среди арабскихъ источниковъ, не упомянутыхъ ни Brockelmann'омъ, ни C. A. Storey, слѣдовало бы отмѣтить Хāджжи-Халӣфу, особенно по совершенно не затронутому издателемъ вопросу о сочиненіяхъ ал-Муфаддаля[7]): именно, у Хāджжи-Халӣфы (V, 124—125) приводятся нѣкоторыя подробности о критикѣ ал-Муфаддаля на извѣстный словарь ал-Халӣля. Можно, наконецъ, отмѣтить, что въ послѣднее время въ Каирѣ стала извѣстной рукопись еще одного сочиненія ал-Муфаддаля[8]).

Ал-Фāхиръ относится къ произведеніямъ старо-филологической школы,

---

1) Печально, что въ научной литературѣ она грозитъ утвердиться слишкомъ прочно: см., напр., Cl. Huart, Littérature arabe, Paris 1912, стр. 152 и E. Mittwoch, Die literarische Tätigkeit Ḥamza al-Iṣbahānis, Berlin 1909, стр. 108.

2) Ибн-Халликāнъ, op. cit. 109,5.

3) Mittwoch, op. cit. стр. 18 и 36.

4) 1,5–6: هذا منقول من كتاب الفاخر.

5) Brockelmann, Geschichte der arabischen Literatur — I, 514 (къ 110 № 3) и Зейдāнъ تاريخ آداب اللغة العربيّة т. II, Каиръ 1912, стр. 183, № 7.

6) Зейдāнъ, ibid. II, 187, № 4.

7) Изд. Flügel'я II, 3, IV, 124, 344, V, 124, 128, 155, 392, 475.

8) Зейдāнъ, ibid. II, 187 № 4 (كتاب العود والملاهى — трактатъ о допустимости занятій музыкой съ точки зрѣнія благочестія, на что авторъ даетъ утвердительный отвѣтъ). Сочиненіе упоминается въ *Фихристѣ* (изд. Flügel'я) 73,29 и у Ибн-Халликāна, op. cit. № 590, стр. 109,2; у Хāджжи-Халӣфы его не названо.

не затронутымъ еще стремленіемъ къ литературности изложенія и стоящимъ въ сторонѣ отъ теорій, вызванныхъ къ жизни работами Ибн-ал-Мукаффа', Сахля-ибн-Хāрӯна и особенно знаменитаго ал-Джāхиза. Это— полу-учебный, полу-ученый справочный сводъ, предназначенный не для связнаго или занимательнаго чтенія, а для разъясненія спорныхъ или непонятныхъ выраженій. Авторъ ставилъ своей задачей толкованіе тѣхъ оборотовъ, которые постоянно употребляются людьми, не сознающими ихъ первоначальнаго значенія и происхожденія (стр. 1,9-10). Такимъ образомъ, онъ даетъ не только обычный сборникъ пословицъ, извѣстныхъ намъ и изъ другихъ источниковъ, но и цѣлый рядъ мѣткихъ выраженій, привѣтствій, ходкихъ стиховъ и пр. Иногда приведены даже обороты въ родѣ загадокъ (напр., стр. 159 № 314). Въ этомъ главное преимущество *ал-Фāхира* по сравненію, напримѣръ, съ распространенными сборниками ал-'Аскерӣ и ал-Мейдāнӣ, популяризированнаго въ Европѣ извѣстной работой Freytag'а Въ самомъ подборѣ трудно уловить какой-либо порядокъ и нерѣдко повторяются даже однородныя выраженія; объясненія тоже даются безъ всякой системы, начиная отъ нѣсколькихъ строкъ и кончая длинными разсказами по поводу историческихъ намековъ (напр. 137 № 280, 151 № 305, 155 № 310, 178 № 360, 217 № 442 и др.). Въ одномъ мѣстѣ авторъ даже увлекся филологической модой времени и позволилъ себѣ обширное отступленіе (217—231 № 442), посвятивъ его уже не толкованію оборотовъ рѣчи, а разсказу о нѣкоторыхъ знаменитыхъ «дняхъ» — битвахъ арабскихъ племенъ до ислама. Значеніе книги, какъ историческаго или лингвистическаго источника, конечно, очень не равномѣрно. Нѣкоторыя данныя намъ извѣстны уже давно, хотя бы изъ объясненій того же ал-Мейдāнӣ, какъ легко можно видѣть по сноскамъ издателя; свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ дополняются изъ другихъ источниковъ и, напримѣръ, до-исламскіе бои едва ли могутъ быть обрисованы теперь полнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ классическомъ комментаріи къ «*Накā'идамъ*». Рядъ параллельныхъ мѣстъ и къ другимъ разсказамъ можно подобрать безъ особаго труда[1]); ихъ полное сопоставленіе не могло входить, конечно, въ задачу издателя. Цѣнность труда ал-Муфаддаля, какъ новаго источника, лежитъ на нашъ взглядъ не столько въ объясненіи пословицъ и разсказахъ объ историческихъ событіяхъ, ихъ вызвавшихъ, сколько въ толкованіи тѣхъ отдѣльныхъ выраженій и оборотовъ, которые до него не систематизировались.

Общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ толкованій достаточно безотрадно:

---

1) Напр., № 279 (стр. 136) представляетъ варіантъ къ разсказу Ибн-Исхāка (изд. Wüstenfeld'а, стр. 100—101), гдѣ однако нѣтъ пословицы—лишнее доказательство болѣе поздняго приноровленія къ ней даннаго случая.

повидимому уже ко времени ал-Муфаддаля было совершенно утрачено живое пониманіе большинства толкуемыхъ имъ фразъ даже у филологовъ. Ал-Муфаддаль, правда, исправляетъ рядъ привычныхъ ошибокъ у простого народа въ извѣстныхъ выраженіяхъ (напр. 187 № 375 и 376, 259 № 519 и др.); однако, изъ приводимыхъ имъ объясненій видно, что мнѣнія ученыхъ иногда расходились совершенно или въ лучшихъ случаяхъ допускалось нѣсколько толкованій. Что же касается до историческихъ событій, вызвавшихъ извѣстное выраженіе, то и здѣсь видно, что непосредственной традиціи не существовало и часто чувствуется лишь пріурочиваніе разсказа ad hoc къ выраженію. Событія болѣе близкаго времени не всегда представляютъ исключеніе; слѣдующій случай можетъ служить однимъ изъ характерныхъ примѣровъ. Объясняя выраженіе زينب سترة (Зейнабъ—только занавѣска), ал-Муфаддаль возводитъ его (134,6) къ стихамъ, приписываемымъ поэту Ибн-Рухеймѣ и относимымъ къ циклу извѣстныхъ пьесъ о «Зейнабахъ — красавицахъ». Между тѣмъ, въ собственной работѣ того же самого аç-Çӯлӣ, который является передатчикомъ этого труда ал-Муфаддаля, совершенно опредѣленно авторомъ стиховъ называется ʿУлеййа, дочь халифа ал-Махдія и, надо сказать, что по внутреннимъ соображеніямъ это имѣетъ бо̀льшую долю вѣроятія[1]). Авторъ *Китāб-ал-Агāнӣ* склоненъ избрать средній путь и считать принадлежащей ʿУлеййѣ только мелодію[2]).

Самый комментарій носитъ, конечно, чисто лингвистическій характеръ, какъ и всѣ произведенія того же времени и направленія. Въ этой области онъ даетъ иногда и не совсѣмъ шаблонный матеріалъ, какъ передразниваніе арабскаго жаргона негровъ (стр. 81—82 № 163) или греческое присловіе, утвердившееся у арабовъ Сиріи, прототипъ котораго не совсѣмъ ясенъ (стр. 64 № 137). Интересно еще отмѣтить толкованіе (стр. 203—204 № 398) астрономическаго термина въ Ķорāнѣ *ан-насӣʾ*, изслѣдованнаго въ послѣднее время Nallino[3]).

Гораздо рѣже въ комментаріи проскальзываютъ характерныя для жизни черточки и то преимущественно изъ древняго періода. Въ современ-

1) Монографія аç-Çӯлӣ объ Ибрāхӣмѣ сынѣ ал-Махдія и сестрѣ его ʿУлеййѣ (рукопись, о которой см. ЗВО XXI, стр. 102—103 и 112—113), л. 97б: حدّثنا أحمد بن يزيد المهلّبىّ قال حدّثنا أبى وحكاه ميمون بن هارون عن محمّد بن علىّ بن عثمان أنّ عليّة كانت تقول الشعر فى خادم كان يقال له رشا وتكنى عنه بزينب (рук. زينب) فمن شعرها فيه وجد الفؤاد الخ.

2) IV, 117,5.

3) См. его علم الفلك تاريخه عند العرب فى القرون الوسطى, Римъ 1911, стр. 84 слѣд.

ную автору эпоху насъ не удивитъ сильное распространеніе трик-трака (*нерда*), отразившееся въ ходячихъ выраженіяхъ (стр. 232 № 446); не удивитъ и то, что наблюденіе за постройками издревле считалось хлѣбнымъ занятіемъ (№ 287, стр. 144—145).

Съ историко-литературной точки зрѣнія стоило бы отмѣтить въ комментаріи довольно большое количество басенъ изъ животнаго міра (62 № 133, 147 № 292, 184,1 сл. = 236 № 458 и др.); среди нихъ есть варіантъ и похоронъ кота мышами. Достаточно неожиданно появляется легенда о Георгіи Побѣдоносцѣ въ обычной версіи, но съ сокращеніемъ послѣдней части (256,14—259,8). Заслуживаетъ, наконецъ, вниманія замѣтка въ предисловіи книги (1,7) о плагіатѣ Ибн-Ḳутейбы, который въ его извѣстной работѣ *Китāб-ал-ма'āрифъ* воспользовался сочиненіемъ Мухаммеда-ибн-Ḥабӣба *ал-Муḥаббаръ*. За послѣдніе годы добросовѣстность Ибн-Ḳутейбы подвергается сомнѣнію уже не въ первый разъ [1]) и данный вопросъ было бы интересно подвергнуть ближайшему изслѣдованію. Рукопись *ал-Муḥаббара* [2]) находится въ Британскомъ музеѣ; этимъ сочиненіемъ пользовался цѣлый рядъ ученыхъ и, между прочимъ, Ḥамза Исфаханскій [3]).

Несомнѣнно, что работа ал-Муфаддаля станетъ настольной справочной книгой у всякаго арабиста-филолога; для изслѣдователя арабскихъ пословицъ и ходячихъ выраженій по богатству матеріала она должна быть поставлена на ряду съ извѣстнымъ сборникомъ ал-Мейдāнӣ. За прекрасное изданіе труда заслуживаетъ полной благодарности не только много поработавшій надъ нимъ англійскій ученый, но и фондъ de Goeje, сдѣлавшій его работу доступной для всѣхъ, интересующихся этой отраслью арабской литературы.

И. Кр.

П. Сентябрь 1915.

---

1) На его плагіатъ въ астрономическихъ сочиненіяхъ было указано мною въ Abū-Ḥanīfa ad-Dīnawerī, Leide 1912, стр. 48—50 (Въ дополненіе къ высказаннымъ тамъ соображеніямъ интересно отмѣтить, что къ тому же выводу пришелъ самостоятельно Nallino, op. cit. 131, прим. 1).

2) Это чтеніе должно остаться, повидимому, окончательнымъ (— въ противоположность المخبّر у Ḥāджжи-Ḥалӣфы V, 435 № 11574); за него говоритъ заглавіе книги المحبّر والموشّى у Йāкӯта, *Иршāд ал-арӣбъ* (изд. Margoliouth'a) VI, 6, стр. 473 (Не понятна для меня цитата I, 228 у C. A. Storey въ Additions 74, къ ۱, ۷).

3) Mittwoch, op. cit. 15, пр. 2.

ПОПРАВКА

къ статьѣ А. Семенова «Шейхъ Джелâл-уд-Дӣн-Рӯмӣ по представленіямъ шугнанскихъ исмаилитовъ», въ XXII томѣ «Зап. Вост. Отдѣл. И. Р. Арх. О-ва» (стр. 247—256).

На стр. 253, въ третьей строкѣ снизу, послѣ слова روشن пропущена фраза

بیان کردیم که حالا بظاهر حجّت معلوم نیست وامام روشن

Къ Фиһристу I, ۱۹, 22.

[Наводя справки въ словарѣ аṣ-Ṣаrāнī по рукописи университетской библіотеки—Ms. O. 98, я обнаружилъ въ ней случайно нѣсколько листковъ съ замѣтками покойнаго бар. В. Р. Розена. Нахожденіе ихъ здѣсь меня не удивило: мнѣ было извѣстно, что В. Р. очень высоко цѣнилъ эту рукопись, неоднократно пользовался ею въ своихъ работахъ[1], а въ бесѣдахъ даже называлъ иногда рукопись наиболѣе интереснымъ экземпляромъ университетскаго собранія. Бóльшей неожиданностью было то, что эти листки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случайныхъ замѣтокъ и выписокъ, оказались началомъ статьи, повидимому, подготовленной самимъ барономъ В. Р. Розеномъ къ печати; и вставки, и дополненія, и самое заглавіе говорятъ о томъ, что именно эти страницы предназначались для сдачи въ наборъ. Къ сожалѣнію, статья обрывается какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ изложеніе переходитъ къ рукописи аṣ-Ṣаrāнī; по ходу мысли, однако, не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что именно, цитата изъ этой рукописи являлась центромъ всей статьи.

Я считаю своимъ долгомъ ученика подѣлиться съ читателями Записокъ Восточнаго Отдѣленія интересной находкой — неизвѣстной работой моего учителя, основателя и долголѣтняго редактора органа русскаго научнаго востоковѣдѣнія; отмѣченное имъ мѣсто *Фихриста* не привлекало до сихъ поръ вниманія арабистовъ и статья продолжаетъ сохранять весь интересъ новизны. Въ дополненіе къ рукописи В. Р. я счелъ необходимымъ привести не только ту цитату изъ аṣ-Ṣаrāнī, которую несомнѣнно имѣлъ въ виду авторъ, но и отмѣтить нѣкоторыя данныя изъ опубликованныхъ позже источниковъ, хотя они относятся не столько къ имени, вѣрная форма котораго устанавливается статьей бар. В. Р. Розена, сколько къ личности, носившей это имя.

Никакихъ слѣдовъ продолженія этой статьи, — быть можетъ существовавшаго, быть можетъ только намѣченнаго, — мнѣ не удалось обнаружить; нѣтъ у меня ни-

[1] См., напр., ЗВО. VII, 382, XVII, 036 прим. 1.

какихъ данныхъ, чтобы установить, къ какому времени она относится. Судя по тому, что въ рукописи находился листокъ съ цитатами изъ стиховъ ал-Ахталя, можно предполагать, что В. Р. обращался къ ней при чтеніи корректуръ изданія A. Salhani, которое вышло въ 1891—1892 году; къ 1892 году относится и рецензія на работу R. Geyer'a, въ которой приводятся извлеченія изъ этой же рукописи[1]. Конечно, какъ я уже отмѣтилъ, бар. В. Р. Розенъ обращался къ словарю аç-Саг̄ани и впослѣдствіи, но отсутствіе въ статьѣ цитатъ изъ источниковъ, опубликованныхъ въ концѣ 90-хъ годовъ, говоритъ скорѣе за то, что статья написана въ началѣ десятилѣтія; не исключается, однако, возможность того, что авторъ имѣлъ въ виду привлечь ихъ въ недошедшей до насъ части работы. Мнѣ лично представляется вѣроятнымъ предположеніе, что В. Р. познакомился ближе съ рукописью аç-Саг̄ани въ концѣ 80-хъ годовъ, когда подготовлялъ index арабскихъ рукописей университетской библіотеки, такъ какъ каталогъ I. Готвальдта даетъ очень неполное представленіе о важности словаря.

Почему статья не увидѣла свѣтъ и была ли она закончена,—объ этомъ можно только гадать. Вѣроятнѣе всего, что новыя темы и новыя работы, которыми такъ богата научная дѣятельность бар. В. Р. Розена въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, вызвали въ немъ охлажденіе къ начатой статьѣ; она была отложена, а потомъ и забыта въ той самой рукописи, которая дала поводъ къ темѣ.

Рукопись печатается мною безъ всякихъ измѣненій съ сохраненіемъ того же порядка примѣчаній, системы транскрипціи и знаковъ препинанія. Нѣкоторыя дополненія, добавленныя для точности цитатъ, и примѣчанія отмѣчаются прямыми скобками. И. Крачковскій].

Въ указанномъ мѣстѣ читаемъ мы слѣдующую коротенькую замѣтку объ одномъ древне-арабскомъ генеалогѣ:

لِسَانُ الحُمَّرَة

واسمه وِقاء بن الاشعر وكنيته ابو كلاب وكان ناسبًا واشدّ الناس تيها وكبرا

т. е.

Лисâн-ал-хуммара[2]: Его имя — Викâ-ибн-ал-Аш'аръ, его кунья — Абӯ Килâбъ. Онъ былъ генеалогъ и самый гордый и надменный изъ людей.

Въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту (См. Fihrist II, 42—43) издатель указываетъ, что вмѣсто لسان у Ибн-Кутейбы (ed. Wüstenfeld, p. 206)

---

[1] ЗВО. VII, 328.

[2] Это — прозвище: въ переводѣ оно значитъ «языкъ воробья (или соловья)». См. Lane [II, 641] и туземные словари [*Лисâн-ал-'арабъ* V, 293: ضرب من الطير كالعصافير и *Тâдж-ал-'арӯсъ* III, 156: طائر من العصافير].

стоитъ ابن لسان, но что Ибн-Дурейдъ (ed. Wüstenfeld, p. 213) пишетъ لسان (подтверждая такимъ образомъ чтеніе рукописей Фиһриста)[1].

Отмѣтимъ прежде всего, что тутъ есть маленькое недоразумѣніе: Фиһристъ говоритъ объ извѣстныхъ знатокахъ генеалогіи (уже послѣ ислама), и среди нихъ упоминаетъ о Лисâн-ал-хуммарѣ. Ибн-Дурейдъ же называетъ Лисâн-ал-хуммару «однимъ изъ краснорѣчивыхъ ораторовъ временъ невѣжества»[2]. Затѣмъ онъ же прибавляетъ со словъ Абу Убейды, что Вика̂ (وقاء) этотъ (т. е. Вика̂ сынъ ал-Ашʿара) и есть Лисâн-ал-хуммара, что онъ родился во время какой то междуусобицы между племенами, что тогда именно явился исламъ, «они» (т. е. враждовавшіе другъ съ другомъ роды) были отвлечены (отъ своихъ междуусобицъ) исламомъ и тогда отецъ сказалъ: аллахъ спасъ الله وقانا به насъ имъ (исламомъ отъ междуусобицы) и своего сына назвалъ *Вика̂* وقاء (= спасеніе).

Очевидно, что слова Абу Убейды противорѣчатъ Ибн-Дурейду, такъ какъ Вика̂ этотъ (или Лисâн-ал-хуммара) не могъ быть однимъ изъ «краснорѣчивыхъ ораторовъ временъ невѣжества», если онъ родился уже послѣ ислама. Но это уже другой вопросъ. Для насъ пока важно то, что чтеніе Ибн-Дурейда не можетъ служить подтвержденіемъ чтенія Фиһриста, такъ какъ, несмотря на тожество именъ (Вика̂ и его отца ал-Ашʿара), не исключена возможность, что рѣчь идетъ о другомъ лицѣ. Другое дѣло — Ибн-Кутейба, который говоритъ: *Ибн*-Лисâн-ал-хуммара, генеалогъ, Вика̂-ибн-ал-Ашʿаръ, по куньѣ Абу Килâбъ. Онъ былъ лучшій знатокъ генеалогіи изъ арабовъ и проницательнѣйшій изъ нихъ». Тутъ сомнѣній быть не можетъ: *Лисâн*-ал-хуммара — Фихриста и *Ибн-Лисâн* ал-хуммара — Ибн-Кутейбы одно лицо. Спрашивается только, какъ было его имя въ дѣйствительности *Лисâн*-ал-хуммара или *Ибн-Лисâн*-ал-хуммара?

Благодаря довольно рѣдкому слову حمرة, лицо носившее прозвище Лисâн-ал-хуммара, упоминается также въ большихъ арабскихъ словаряхъ какъ то въ *Сихâхъ*, *Камусъ*, *Лисâн-ал-Арабъ*[3], *Тâдж-ал-Арŷсъ*[4]. Вездѣ оно называется *Ибн*-Лисâн-ал-хуммара, какъ у Ибн-Кутейбы, а не просто Лисâн-ал-хуммара, какъ въ Фиһристѣ и у Ибн-Дурейда. *Ибн*-Лисâн-ал-хуммара стоитъ также у Мейдâнія въ сборникѣ пословицъ (изд. Булакское 1284 г., т. II, 253) и у Демûрія (изд. Булакское I, 330). Издатель Фиһриста, конечно, долженъ былъ руководствоваться рукописями Фиһриста,

[1] [Весь дальнѣйшій отрывокъ объ Ибн-Дурейдѣ до словъ «такъ какъ, несмотря на тожество».... вычеркнутъ въ рукописи синимъ карандашемъ].

[2] Т. е. до исламскаго времени.

[3] V, 294.

[4] 2-е изданіе III, 156.

чтеніе которыхъ въ добавокъ подтверждалось такимъ хорошимъ авторитетомъ, какъ Ибн-Дурейдъ. Указавъ на чтеніе Ибн-Кутейбы, онъ сдѣлалъ все что отъ него требовалось.

При сбивчивости свѣдѣній указанныхъ выше авторовъ объ интересующемъ насъ лицѣ чрезвычайно трудно, если не невозможно, рѣшить, кто правъ. Мы на этотъ разъ и не намѣрены вдаваться въ изслѣдованіе этого вопроса по существу. Но благодаря счастливой случайности мы можемъ, по крайней мѣрѣ рѣшить, *какъ* писалъ это имя авторъ Фиһриста:

Библіотекѣ Имп. СПбургскаго Университета принадлежитъ драгоцѣнная рукопись перваго тома (до корня عشش) большого словаря مجمع البحرين ал-Саганія الصغاني † 650 гг. Она описана І. Ѳ. Готвальдтомъ въ ставшемъ нынѣ чуть не библіографической рѣдкостью «Описаніи арабскихъ рукописей, принадлежавшихъ библіотекѣ Имп. Казанскаго Университета». Казань 1854—1855, стр. 199—202.

[На этомъ кончается рукопись бар. В. Р. Розена и все дальнѣйшее принадлежитъ мнѣ. И. Кр.].

[Конечко въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія было трудно оцѣнить значеніе труда аç-Çаганӣ по существу; тогда было еще слишкомъ мало матеріаловъ не только по исторіи арабской лексикографіи, но и литературы вообще. Нужно сказать, что истекшіе 60 лѣтъ нисколько не умалили значенія этой рукописи; скорѣе именно теперь дѣлается возможной оцѣнка этого произведенія должнымъ образомъ. За послѣдніе годы выяснено, что аç-Çаганӣ принадлежитъ до 32 работъ преимущественно лексикографическаго характера[1]; изъ нихъ издана, насколько намъ извѣстно, только одна небольшая монографія о «словахъ съ противоположнымъ значеніемъ»[2]. Прочіе труды рѣдко извѣстны даже въ рукописяхъ, чаще только по заглавію; однимъ изъ послѣднихъ по времени является и интересующее насъ *Маджма' ал-бахрейнъ*[3]. До сихъ поръ петроградская рукопись можетъ

---

[1] См. его біографію и списокъ трудовъ, составленный A. Salhani въ книгѣ A. Haffner'a, Drei arabische Quellenwerke über die Aḍdād, Beirut 1913, стр. 251—253. Эта статья во многомъ дополняетъ соотвѣтствующій отдѣлъ у Brockelmann'a, Geschichte der arabischen Literatur, I, Berlin 1898, стр. 361—362.

[2] A. Haffner, op. cit. 221—248.

[3] Къ раннему періоду его дѣятельности работа относиться не можетъ, такъ какъ въ ней уже использованъ другой трудъ автора كتاب التكملة والذيل والصلة (очень хорошая рукопись послѣдняго, писанная при жизни автора въ 642 году, имѣется въ хедивской библіотекѣ въ Каирѣ, см. Зейдāнъ تاريخ آداب اللغة العربية т. III, 49—50. Въ Европѣ отрывки встрѣчаются рѣдко, см. Brockelmann I, 129). Послѣдней же работой, не доведенной до конца вслѣдствіе смерти, является العباب الزاخر, отрывки изъ котораго имѣются въ Каирѣ и Константинополѣ (Brockelmann, op. cit. I, 361. Ср. Зейдāнъ, op. cit. III, 49 № 8).

считаться уникомъ въ Европѣ, такъ какъ существованіе другихъ списковъ отмѣчено только въ библіотекахъ Кöпрюлю въ Константинополѣ[1] и въ хедивской въ Каирѣ[2]. Для европейскихъ арабистовъ петроградская рукопись продолжаетъ оставаться неизвѣстной благодаря недоступности труда Готвальдта и отсутствію каталога рукописей университетской библіотеки. Между тѣмъ она заслуживаетъ полнаго вниманія уже по самому исполненію, которое почти приближается къ идеальной удовлетворительности: рукопись скопирована съ автографа и снабжена на поляхъ многочисленными глоссами изъ того же автографа[3]. По содержанію сочиненіе нисколько не устарѣло даже и теперь, когда мы располагаемъ капитальными, но болѣе поздними по времени сводами *Лисāн-ал-арабъ* (составленъ до 711/1311 г.) и *Тāдж-ал-ʿарӯсъ* (1181/1767 г.). Конечно, и произведеніе ас̣-С̣агāнӣ нельзя считать «первоисточникомъ» въ арабской лексикографіи; такимъ мы могли бы признать только словарь ал-Х̣алӣля (ум. 791 г.), считавшійся до послѣднихъ лѣтъ утраченнымъ, но въ недавнее время обнаруженный въ Месопотаміи въ нѣсколькихъ спискахъ[4], и рядъ монографій раннихъ арабскихъ ученыхъ. При всемъ томъ, въ работѣ ас̣-С̣агāнӣ, цѣнной вообще, для насъ особенно важно обиліе цитатъ изъ раннихъ произведеній арабской литературы, въ большинствѣ не сохранившихся до нашихъ дней. Эти цитаты находятся частью въ самомъ текстѣ словаря, частью внесены въ видѣ упомянутыхъ дополненій на поляхъ рукописи той же рукой, какъ и весь текстъ. Одно изъ такихъ примѣчаній и даетъ поводъ говорить о написаніи имени извѣстнаго генеалога въ *Фихристѣ*. Подъ корнемъ *х̮мр* въ примѣчаніи на поляхъ мы читаемъ[5]: «Ибн-Лисāн-ал-х̮уммара-куфіецъ, генеалогъ; имя его ʿАбдаллāх-ибн-Х̣ус̣айн-ибн-Рабӣʿа-ибн-С̣уʿайр-ибн-Килāб Абӯ-Килāбъ. Х̣ус̣айнъ — это и есть Лисāн-ал-х̮уммара. И читалъ я въ книгѣ *Фихристъ* Мух̣аммеда-ибн-Исх̣āк̣а-ибн-ан-Недӣма [писанной] его рукой, что имя его Варк̣ā-ибн-ал-Ашʿаръ, а *кунйа* Абу-Килāбъ; первое же [передается] со словъ Ибн-ал-Келбӣ». Это указаніе съ несомнѣнностью рѣшаетъ вопросъ о томъ, что и въ изданіи *Фихриста* должно стоять *Ибн*-Лисāн-ал-х̮уммара; если бы этого начертанія

[1] Brockelmann I, 361.

[2] Зейданъ III, 50 № 4.

[3] Ср. отзывъ бар. В. Р. Розена въ ЗВО. VII, 382.

[4] См. Христіанскій Востокъ, т. III, 309.

[5] Л. 185б: ابن لسان الحمرة كوفىّ نسّابة واسمه عبد الله بن حصين بن ربيعة بن صعير بن كلاب أبو كلاب وحصين هو لسان الحمّرة وقرأت فى كتاب الفهرست لمحمّد بن إسحق بن النديم بخطّه ان اسمه ورقاء بن الاشعر وكنيته أبو كلاب والاوّل عن ابن الكلبىّ

не было въ автографѣ, ас̣-С̣агāнӣ конечно оговорилъ бы его, какъ онъ счелъ нужнымъ оговорить разногласіе между авторомъ *Фихриста* и Ибн-ал-Келбӣ относительно собственнаго имени. Возникновеніе «упрощеннаго» начертанія у Ибн-Дурейда, равно какъ и у нѣкоторыхъ другихъ авторовъ до нашихъ дней[1], объясняется быть можетъ, причинами до нѣкоторой степени, психологическаго порядка: знаменитому «оратору» болѣе логично было дать прозвище «птичьяго языка», чѣмъ величать его по забытымъ давно основаніямъ «сыномъ птичьяго языка». Насколько непонятнымъ казалось это прозвище свидѣтельствуетъ дальнѣйшая путаница, сказавшаяся въ XII вѣкѣ у Ибн-ал-Асӣра (ум. 606/1209) въ его «Словарѣ прозвищъ по родству»: тамъ нашъ генеалогъ по однимъ даннымъ оказался уже Лисāн-ибн-ал-х̣уммара. Ибн-ал-Асӣръ говоритъ о немъ дважды; одинъ разъ онъ пишетъ[2]: «Ибн-ал-Х̣уммара съ удвоеніемъ *мӣма*; имя его Лисāнъ, но говорятъ, что онъ Ибн-Лисāн-ал-х̣уммара. Такъ говоритъ ал-Джаухарӣ. Но говорятъ также, что его имя Вик̣ā[3]-ибн-ал-Аш'аръ, а *кунйа* Абӯ-Килāбъ». Былъ онъ однимъ изъ краснорѣчивыхъ генеалоговъ и ораторовъ арабовъ изъ племени Теим-Аллāх-ибн-Са'лаба. Онъ вошелъ въ поговорку, какъ знатокъ генеалогій — говорится: «лучшій генеалогъ, чѣмъ Ибн-ал-Х̣уммара». Приблизительно то же самое повторяетъ Ибн-ал-Асӣръ и подъ словами Ибн-Лисāн-ал-х̣уммара[4].

Приходится отмѣтить, что приписка въ *Маджма' ал-бах̣рейн* ас̣-С̣агāнӣ, устанавливая — какъ намъ кажется окончательно — имя генеалога въ видѣ *Ибн*-Лисāн-ал-х̣уммара, въ то же время выдвигаетъ на очередь другое затрудненіе. Если имя Варк̣ā, приводимое въ цитатѣ изъ *Фихриста*, можно возводить не къ первоисточнику, а лишь къ переписчику, то все же извѣстно, что оно встрѣчается въ другихъ источникахъ[5], а слѣдовательно съ нимъ приходится считаться. Съ одной стороны, въ появленіи его можно видѣть тоже слѣдствіе «психологическихъ» причинъ: замѣну общеупотребительнымъ именемъ Варк̣ā болѣе рѣдкаго Вик̣ā, существованіе котораго въ данномъ случаѣ устанавливается приводимой со словъ Абӯ-'Убейды легендой. Съ другой стороны, нельзя однако отрицать возможности созданія легенды ad hoc подъ вліяніемъ искаженнаго имени. Если объясненія ходя-

---

[1] На основаніи *Фихриста* и Зейдāнъ, напримѣръ, говоритъ о генеалогѣ لسان الحمرة (См. op. cit. I, 232).

[2] Ibn-al-Atīr's Kunja-Wörterbuch, hrsg. von C. F. Seybold, Weimar 1896, стр. 79, 1203—80, 1207.

[3] Sic рукопись Ибн-ал-Асӣра; въ изданіи же имя переправлено въ Варк̣ā на основаніи *Тāдж-ал-'арӯса*.

[4] Ibid. 193, 2947—2950.

[5] Напр., ад-Дамӣрӣ или *Тāдж-ал-'арӯсъ*.

чихъ выраженій въ арабской литературѣ возникали иногда значительно позже того, какъ настоящая причина была совершенно забыта, то конечно, нѣтъ основаній ожидать лучшей судьбы для объясненія рѣдкихъ именъ.

Во всякомъ случаѣ, если относительно именъ Варḳā и Виḳā еще можно разсуждать, то конечно, ничего нельзя сказать относительно того, какъ же на самомъ дѣлѣ звали знаменитаго генеалога: ʿАбдаллāх-ибн-Ḫуṣайнъ или Виḳā-ибн-ал-Ашʿаръ? Оба этихъ имени засвидѣтельствованы достаточно ранними и весьма авторитетными источниками: первое знаменитымъ Ибн-ал-Келбӣ (Хишāмом-ибн-Муḫаммедомъ, ум. ок. 819—821), второе не менѣе знаменитымъ Абӯ-ʿУбейдой (Маʿмаромъ-ибн-ал-Муса̱нной, ум. 825). Оба они были современниками, оба считались знатоками генеалогій и у насъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній для предпочтенія того или другого свидѣтельства. Выводъ изъ ихъ разнорѣчивыхъ показаній можетъ быть только одинъ: уже въ VIII вѣкѣ имя, которое носилъ «знаменитый» генеалогъ VII вѣка было совершенно забыто и вытѣснено колоритнымъ прозвищемъ его или его отца, съ которымъ онъ и остался въ памяти потомства.

Въ концѣ концовъ это для насъ и не важно; гораздо важнѣе, что благодаря тому же Ибн-ал-Келбӣ мы располагаемъ по счастливой случайности однимъ разсказомъ, который даетъ вполнѣ ясное представленіе не только о времени жизни интересующаго насъ арабскаго генеалога, но даже и о самомъ характерѣ его «генеалогической науки». Возможно, что этотъ разсказъ заимствованъ изъ того же произведенія, какъ и справка у аṣ-Ṣаганӣ, хотя не менѣе вѣроятна устная передача съ его словъ[1]. Сохраненъ этотъ разсказъ Абӯ-л-Фараджемъ Иṣфахāнскимъ (ум. 967 г.) въ его «Книгѣ пѣсенъ»[2].

«Разсказывалъ мнѣ ʿАлӣ-ибн-Сулейманъ ал-Ахфашъ[3], передававшій, что ему разсказывалъ Абӯ-Саʿӣдъ ас-Суккарӣ[4], который слышалъ

---

[1] По очень соблазнительному предположенію цитата у аṣ-Ṣаганӣ можетъ идти изъ знаменитой جمهرة النسب Ибн-ал-Келбӣ (ср. *Фихристъ* 97,23), которую онъ цитуетъ чаще всѣхъ другихъ его произведеній (напр., л. $155^{а}$ s. v. صرد, $207^{а}$ — شقر, $234^{а}$ قرر, $231^{б}$ — فغر, $271^{б}$ — حبس и др.). Для характеристики обилія интересныхъ цитатъ у аṣ-Ṣаганӣ привожу названія другихъ работъ Ибн-ал-Келбӣ, которыя упоминаются на просмотрѣнныхъ мною (случайно) страницахъ: كتاب ألقاب الشعراء — л. $48^{б}$ s. v. كذب, $221^{б}$ عصر; كتاب أسماء سيوف العرب $44^{а}$ غيب (ср. *Фихристъ* 96,25 и 29); كتاب افتراق العرب $117^{б}$ شلخ (ср. *Фихристъ* 96,18); من معدّ كتاب الاصنام $238^{а}$ كثر (ср. *Фихристъ* 96,24). Иногда цитаты болѣе неопредѣленны: كتاب ابن الكلبى $206^{б}$ شهر или إنشاد ابن الكلبى $147^{б}$ غمد. О цитатахъ у аṣ-Ṣаганӣ ср. еще у бар. В. Р. Розена въ ЗВО. VII, 382.

[2] XIV, 143.

[3] Ум. 315/920. (Brockelmann, op. cit. I, 125 № 7).

[4] Ум. 275/888—889 (Мѣдниковъ, Палестина — переводъ — стр. 1615).

отъ Мух̣аммеда-ибн-абӯ-с-Сарӣ (а имя Абӯ-с-Сарӣ было Сахл-ибн-Села̄мъ ал-Аздӣ)[1], которому передавалъ Хиша̄м-ибн-Мух̣аммедъ[2], слышавшій отъ ʿАва̄ны-ибн-ал-Х̣акама[3] слѣдующее. Вышелъ разъ ал-Мугӣра-ибн-Шуʿба, бывшій въ то время правителемъ К̣ӯфы, съ Хай-с̱амомъ-ибн-ал-Асвадомъ нехаʿитомъ прогуляться за городъ послѣ небольшого дождя, и встрѣтился съ Ибн-Лиса̄н-ал-х̣уммара изъ племени Тейм-Алла̄х-ибн-С̱аʿлаба, который не зналъ въ лицо ал-Мугӣру. Правитель у него спросилъ: «Откуда ты направляешься, бедуинъ?» — Изъ ас-Сема̄вы, отвѣчалъ тотъ[4]. «Какой ты оставилъ землю позади себя?» — Широкой, обильной[5]. «А изъ какихъ ты?» — Изъ (племени) Бекр-ибн-Ваʾилъ. «А что ты знаешь о нихъ?» — Если ты ихъ не знаешь, то я не знаю никого, кромѣ нихъ! «А что ты скажешь о бенӯ-Шейба̄нъ?» — Они князья — и наши и не наши. «А что ты скажешь о бенӯ-З̱ухль»? — Князья глупцы. «А что К̣айс-ибн-С̱аʿлаба?» — Если ты будешь ихъ сосѣдомъ, они обкрадутъ тебя (*саракӯк*); если довѣришься имъ, измѣнятъ тебѣ (*х̣а̄нӯк*). «А бенӯ-Тейм-Алла̄х-ибн-С̱аʿлаба?» — Пастухи коровъ и поджилки собакъ[6]. «А что ты скажешь о бенӯ-Йашкуръ?» — Чистый происхожденіемъ, котораго держитъ въ заключеніи кліентъ[7]. «А ʿИджль?» — Подсѣдельники у лошадей[8]. — «А Х̣анӣфа?» — Они кормятъ ѣдой (*ат-таʿа̄м*) и разсѣкаютъ черепа (*ал-ха̄м*) «А ʿАназа?» — Двѣ губы не встрѣтятся порицая ихъ. «А Д̣убейʿа Адджамъ?»[9] — Безносые (*джадʿа̄*) и беззубые (*акрō*). «Скажи мнѣ теперь что-нибудь о женщинахъ»[10]. — Женщинъ че-

---

[1] Этотъ источникъ мнѣ неизвѣстенъ; имя филолога ас-Сарра̄джа было Мух̣аммедъ ас-Сарӣ, но онъ умеръ въ 316/928 году (См. Brockelmann, I, 112 № 26).

[2] = Ибн-ал-Келбӣ.

[3] Въ текстѣ стоитъ عوانة عن الحكم (= ʿАва̄на отъ ал-Х̣акама), но я читаю عوانة بن الحكم = имя извѣстнаго историка, умершаго въ 147/764—765 году. (См. Мѣдниковъ, op. cit. 1507).

[4] Въ дальнѣйшемъ я опускаю безчисленно повторяющееся въ текстѣ قال «сказалъ», сохраняя діалогическую форму.

[5] Въ текстѣ عريضة أريضة второе слово можетъ быть просто *итба̄ʿ* реторическимъ спутникомъ безъ опредѣленнаго значенія. Ср. TʿA V, 4 внизу и M. Grünert, Die Begriffsverstärkung durch das Etymon im altarabischen, Wien 1892 (= отт. изъ SBWA т. CXXV), стр. 27. Въ дальнѣйшемъ я отмѣчаю въ скобкахъ риомованныя выраженія въ отвѣтахъ Лиса̄н-ал-х̣уммара.

[6] Вѣроятно, намекъ на постоянную бѣготню за стадами.

[7] Въ текстъ внесена глосса Хиша̄ма-ибн-ал-Келбӣ: «потому что въ цвѣтѣ ихъ кожи краснота» (т. е. они не чистаго происхожденія).

[8] Намекъ на постоянную ѣзду верхомъ.

[9] Въ текстѣ احجم, но надо читать اضجم. (См. TʿA VIII, 373 и Wüstenfeld, Register zu den genealogischen Tabellen, Göttingen 1853, стр. 156 s. v.). *Адджам* собственно значитъ криворотый или кривоносый.

[10] Дальнѣйшая характеристика женщинъ приводится почти буквально (и очевидно изъ того же источника) въ TʿA V, 388. Варіанты я отмѣчаю ниже, а переводъ даю по

тыре — весна[1] въ полномъ расцвѣтѣ (*мурабба̄*), совокупность собирающая (*йаджма*ʿ)[2], шайтанъ хитрый (*сама*ʿ*ма̄*) и кандалы, которыхъ не сбросить (*йухла̄*ʿ)[3]. «Разъясни», сказалъ[4] ал-Мугӣра. — Весна — такова[5], что если ты на нее посмотришь, она тебя обрадуетъ (*сарратка*); если о чемъ либо настойчиво попросишь, исполнитъ честно (*барратка*)[6]. Совокупность собирающая[7] — женщина съ состояніемъ[8]; если ты на ней женишься, она твое состояніе присоединитъ къ своему[9]. Шайтанъ хитрый — хмурящаяся[10] тебѣ въ лицо, когда ты приходишь (*дахалт*), и вопящая вслѣдъ, когда ты уходишь (*хараджт*). Кандалы, которыхъ не сбросишь[11], дочь твоего дяди, черная, малая, глупая и противная[12]. Она предоставила[13] тебѣ свое лоно и, если[14] ты разведешься съ ней, пропадетъ твой ребенокъ, а удержишь ее — на погибель[15] своего носа». Потомъ ал-Мугӣра у него спросилъ: «А что ты скажешь о твоемъ эмирѣ ал-Мугӣрѣ-ибн-Шуʿбѣ?» «Кривой развратникъ», отвѣчалъ тотъ. Его перебилъ ал-Хайсамъ: «Да сокрушитъ Аллāхъ твой ротъ! Вѣдь предъ тобой самъ эмӣръ ал-Мугӣра!» Но тотъ его остановилъ: «Такое слово обо мнѣ, клянусь Аллахомъ, говорится»[16]. Потомъ онъ повелъ его въ свой домъ, гдѣ было тогда четыре жены и шестьдесятъ или семьдесятъ невольницъ, и сказалъ ему: «Горе тебѣ! Станетъ ли благородный человѣкъ развратничать, если у него столько этихъ?» Затѣмъ онъ обратился къ женамъ со словами: «Бросьте ему ваши украшенія!» Бедуинъ уразумѣлъ все и вышелъ съ плащемъ, полнымъ золота и серебра».

тексту كتاب الاغانى, но въ нѣкоторыхъ деталяхъ далеко не увѣренъ, такъ какъ крайне лаконичныя изреченія допускаютъ разнообразную огласовку и различное толкованіе.

[1] Ar. ربيع T'A فربيع.

[2] Ar. يجمع T'A تجمع.

[3] Ar. يخلع T'A تخلع.

[4] Ar. قال T'A فقال.

[5] Ar. اما الربيع فالتى T'A الربيع المربع الشابة الجميلة التى.

[6] Ar. برتك T'A ابرتك.

[7] Ar. واما التى هى جميع يجمع T'A واما الجميع التى تجمع.

[8] T'A вст. ولك نشب.

[9] Ar. نشبك الى نشبها T'A ذلك.

[10] Ar. فالكالحة T'A فهى المرءة الكالحة.

[11] Ar. الذى لا يخلع T'A التى لا تخلع.

[12] Ar. السوداء القصيرة الورهاء الذميمة T'A القصيرة الفوهاء الذميمة السوداء.

[13] Ar. قد نثرت T'A نثرت.

[14] Ar. ان T'A فان.

[15] Ar. فعلى T'A على مثل.

[16] Ал-Мугӣра былъ правъ: такая его характеристика повторялась неоднократно: и халифъ ʿОмаръ назвалъ его رجل فاسق при назначеніи правителемъ. (См. ал-Йаʿкӯбӣ. изд. Houtsma, II, 178,3).

Для литературной исторіи этотъ разсказъ представляетъ интересъ первостепенной важности. Рѣдко въ какомъ либо свидѣтельствѣ выдѣляются съ такой ясностью всѣ источники; только относительно одного у насъ могутъ оставаться сомнѣнія, всѣ же прочіе представляютъ совершенно опредѣленныя въ исторіи арабской литературы фигуры. Предпослѣднимъ звеномъ служитъ извѣстный уже намъ Ибн-ал-Келбӣ, и на основаніи этого не совсѣмъ опрометчивымъ будетъ заключеніе о его спеціальномъ интересѣ къ раннему предшественнику по генеалогическимъ занятіямъ. Изреченія главнаго героя представляютъ интересный образчикъ старо-арабской прозы; какъ извѣстно, нѣкоторыя части «Книги пѣсенъ» (напр., разсказы о до-исламскихъ бояхъ) восходятъ къ очень раннему періоду и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ подлинности этихъ изреченій. По своему характеру они очень близко напоминаютъ общій колоритъ творчества генеалоговъ ранняго періода, который такъ хорошо обрисованъ Goldziher'омъ, особенно въ лицѣ главнаго представителя этого направленія Дагфаля[1]. Несомнѣнно, что въ арабскихъ источникахъ кроется еще не мало данныхъ для характеристики Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара; я ограничусь только упоминавшимся уже отрывкомъ изъ ад-Дамӣрӣ[2], который хотя и не имѣетъ отношенія къ генеалогическимъ познаніямъ нашего бедуина, но характеризуетъ его способъ выражаться и мыслить.

«Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара былъ однимъ изъ бедуинскихъ ораторовъ въ племени Тейм-Аллāт-ибн-С̱аʻлаба. Былъ онъ изъ ученыхъ своего времени, вошедшихъ въ пословицу по краснорѣчію и долголѣтію. Имя его Варḳā-ибн-ал-Ашʻаръ, *кунйа* Абӯ-Килāбъ[3]. Спросилъ его разъ о чемъ то Муʻāвія, онъ отвѣтилъ и тогда Муʻāвія его спросилъ: «Чѣмъ ты пріобрѣлъ знаніе?» Тотъ сказалъ: «Языкомъ разспрашивающимъ (*саʼӯл*) и сердцемъ размышляющимъ (*ʻаḳӯл*)»[4], а потомъ добавилъ: «О эмиръ правовѣрныхъ! Знаніе сопряжено съ несчастіемъ, гибелью (*идāʻа*), бѣдой и голодомъ (*истиджāʻа*). Несчастіе для него — забывчивость, гибель — передача недостойнымъ, бѣда — лживость, а голодъ выражается тѣмъ, что обладатель знанія боленъ аппетитомъ и никогда не насытится».

Упоминаемое здѣсь долголѣтіе Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара послужило причиной того, что онъ появляется иногда въ литературной традиціи среди

---

[1] Muhammedanische Studien I, Halle 1889, 182 слѣд.

[2] I, 330.

[3] На поляхъ глосса издателя: «А говорятъ — ʻАбдаллах-ибн-Ḫусайнъ, какъ въ *Ḳāмӯсѣ*».

[4] Въ анонимной формѣ это изреченіе проводитъ ал-Джāḥиẓъ (*Китāб-ал-ḥайавāнъ*, т. III, Каиръ 1324, стр. 153: قيل لرجل أنّى لك هذا العلم قال لسان سؤول وقلب عقول).

такъ называемыхъ *ал-муʿаммарӯн* долголѣтнихъ [1]. Его остроумію обязанъ своимъ происхожденіемъ рядъ ходячихъ выраженій [2], въ объясненіи которыхъ апокрифичное творчество могло играть бо́льшую роль, чѣмъ въ такъ называемыхъ «генеалогическихъ» произведеніяхъ.

Появленіе двухъ историческихъ личностей—ал-Мугӣры-ибн-Шуʿбы и Муʿāвіи — послѣдняго съ титуломъ эмӣра правовѣрныхъ, то-есть послѣ признанія халифомъ — даетъ достаточно твердыя хронологическія рамки для времени жизни Ибн-Лисāн-ал-ẖуммара. Ал-Мугӣра, «одинъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей ранняго ислама» [3], дважды былъ правителемъ Кӯфы: первый разъ онъ былъ назначенъ ʿОмаромъ въ 21 г. хиджры [4] и пробылъ около двухъ лѣтъ [5], второй разъ при Муʿāвіи, оставаясь уже до своей смерти въ 50/670—671 году [6]. Разсказъ относится очевидно ко второму періоду, между прочимъ потому, что ал-Мугӣра величается «кривымъ»; потерялъ же онъ глазъ при завоеваніи Сиріи у Ярмӯка [7] послѣ управленія Кӯфой въ первый разъ. Къ этому же времени приблизительно надо относить и свиданіе Ибн-Лисāн-ал-ẖуммара съ Муʿāвіей. Такъ какъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ установлено, что рожденіе Муʿāвіи относится къ 601—605 году [8], а ал-Мугӣры къ 614-му [9], смерть же перваго падаетъ на 681-й, а второго на 670 годъ, то время жизни ихъ современника мы можемъ съ достаточной долей вѣроятности опредѣлить первыми тремя четвертями VII вѣка нашей эры. Если принять во вниманіе вошедшее въ пословицу долголѣтіе его, то эти рамки можно раздвинуть на нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ту или другую сторону. Легенда, приводимая Абӯ-ʿУбейдой позволяетъ закрѣпить дату его рожденія началомъ VII вѣка; слова Ибн-Дурейда о «временахъ невѣжества» быть можетъ, относятся скорѣе къ старо-арабскому характеру дѣятельности генеалога, чѣмъ къ его времени.

Въ заключеніе можно еще отмѣтить, что едва ли Ибн-Лисāн-ал-ẖуммара оставилъ послѣ себя письменные памятники. Помимо молчанія литературныхъ источниковъ, объ этомъ говорятъ и отрывки, приведенные

---

[1] Goldziher, Abhandlungen zur arabischen Philologie, II, 1899, стр. XLI. (Въ цитатѣ ал-Мейдāнӣ, прим. 1, маленькая неточность: выраженіе وأعظمهم كبرا оттѣняетъ не долголѣтіе, а надменность).

[2] См., напр. Freytag, Arabum proverbia, II, 171 № 5. Ср. еще 775 № 97 и 163 № 268.

[3] Caetani, Annali dell' Islām — IV, 681.

[4] Ibid. IV, 451—453.

[5] Ibid. IV, 681 № 14, nota 1.

[6] Wüstenfeld, Register 305.

[7] Мѣдниковъ, Палестина, переводъ — 579.

[8] Caetani, op. cit. I, 174, § 164.

[9] Ibid. I, 262, § 264 № 3.

выше. Если риѳмованная проза была одной изъ старѣйшихъ формъ арабской устной «литературы» — въ до-исламскую эпоху у всякихъ кāхиновъ, въ послѣ-исламскую преимущественно у бедуиновъ, — то въ письменныхъ произведеніяхъ она появляется гораздо позднѣе, не раньше эпохи ʿаббāсидовъ. Goldziher еще не зналъ[1], пользовался ли садӂʿемъ ʿАбд-ал-Ḫамӣдъ (ум. 132/750), считавшійся главнымъ представителемъ арабскаго эпистолярнаго слога въ эпоху омейядовъ; недавно изданныя на востокѣ произведенія его даютъ на это отрицательный отвѣтъ[2]. Характерно, что и про Дагѳаля, современника Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара, основателя генеалогической науки, источники вполнѣ опредѣленно говорятъ, что онъ не оставилъ послѣ себя сочиненій[3].

Такимъ образомъ, результатомъ настоящей замѣтки, навѣянной цитатой ас-Саганӣ, можно считать слѣдующіе выводы:

1. Прозвище извѣстнаго генеалога было Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара; чтеніе, принятое въ изданіи *Ѳихриста*, опровергается цитатой по автографу составителя въ словарѣ ас-Саганӣ.

2. Для рѣшенія вопроса о томъ, каково было его настоящее имя, источники даютъ слишкомъ мало матеріала.

3. Время его жизни можетъ быть отнесено съ извѣстной долей вѣроятія къ первымъ тремъ четвертямъ VII вѣка.

4. Отдѣльныхъ сочиненій онъ, повидимому, не оставилъ, какъ и другіе ранніе генеалоги].

† Бар. В. Розенъ.

---

[1] Abhandlungen I, 66 прим. 4.

[2] رسائل البلغاء عنى بجمعها محمد كرد على, Каиръ 1913, стр. 139—175.

[3] *Ѳихристъ* 89,19: لا مصنف له. Едва ли можно видѣть противорѣчіе этому въ словахъ ал-Джāḫиза, когда онъ упоминаетъ (*Китāб-ал-ḫайавāнъ* III, 69) про книги генеалогіи, *приписываемыя* (التى تضاف) Ибн-ал-Кельбӣ, Дагѳалю, Ибн-Лисāн-ал-ḫуммара и другимъ знаменитымъ генеалогамъ.

О собраніяхъ рукописей въ Бухарскомъ ханствѣ[1].

(Отчетъ о командировкѣ).

Лѣтомъ 1914-го года я былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи и Императорской Академіею Наукъ[2] въ Бухару для собиранія свѣдѣній о мѣстныхъ собраніяхъ рукописей. Разсчитывая пробыть въ Бухарскомъ ханствѣ нѣсколько мѣсяцевъ, я рѣшилъ посѣтить всѣ болѣе важные города. Изъ разсказовъ бухарскихъ книжниковъ, которые мнѣ приходилось слышать въ прошлую зиму въ бытность мою въ Бухарѣ и въ Самаркандѣ, я могъ заключить, что вездѣ найду большое количество рукописей. Мнѣ говорили, что въ Шаршаузѣ (Шахрисябзѣ) мулла Раджабъ, мударрисъ при медресе Малики Аждаръ, и Абраръ Хатыбъ имѣютъ богатыя библіотеки, а первый изъ нихъ владѣетъ какой то цѣнной рукописью по исторіи Тимура, подъ заглавіемъ كنوز الاعظم; что гузарскій бекъ, дядя эмира, для библіотеки построеннаго имъ новаго медресе купилъ въ Бухарѣ дорогихъ рукописей на сумму 75000 тенегъ, что и хисарскій бекъ имѣетъ такую же цѣнную библіотеку и что жена самаркандскаго муллы халифа Абдурраззака, переселившаяся въ Хисаръ, привезла изъ Самарканда большое собраніе дорогихъ рукописей по исторіи; что на каршинскомъ базарѣ встрѣчаются цѣнныя рукописи и что, наконецъ, потомки гуждуанскаго казія Абдуль-Ваххаба унаслѣдовали отъ отца богатое собраніе рукописей и т. д.

Прибывъ въ Бухару 12 іюня[3] и получивъ необходимые документы, я поторопился выѣхать въ эти города; 23 іюня по почтовому тракту

---

[1] Статья проредактирована для печати В. В. Бартольдомъ.

[2] См. Отчетъ ИАН за 1914 г., стр. 114. Пріобрѣтенныя 22 рукописи внесены въ инвентарь Азіатскаго Музея за № 2465 сл. 1914 г. (№ 1—20) и № 339 1916 г. (№ 22).

[3] Изъ Петербурга я выѣхалъ 31-го мая и пріѣхалъ въ Ташкентъ 6-го іюня; дни отъ 7-го по 12-ое я употребилъ на поѣздку въ Наманганъ и Скобелевъ для осмотра нѣкоторыхъ рукописей и ярлыковъ, которыми я пользовался въ прошлую зиму.

изъ Самарканда пріѣхалъ въ Шаршаузъ, гдѣ видѣлся со слѣдующими лицами: мулла Мухаммедъ-Раджабъ, мулла Абдуназаръ, Кемалъ-бай Беззазъ, Назарулла Ханъ-Тюря, Абраръ Ходжа Хатыбъ, мирза Абдуль-Кайюмъ, мирза Юнусъ, Абдуль-Кадиръ Ходжа, Гулямъ-Кадиръ-Ханъ. Въ четыре дня я просмотрѣлъ ихъ рукописи; дѣйствительно Кемалъ-бай Беззазъ и Абраръ Ходжа Хатыбъ имѣютъ много рукописей, но рукописи оказались общеизвѣстными روضة الصفا, ظفرنامهٔ يزدى, تذكرهٔ دولتشاه, زهرة الرياض لسليمان بن داود السقسينى, روضات الجنان فى حوادث الانسان или сборниками стихотвореній персидскихъ поэтовъ, извѣстными уже по рукописямъ европейскихъ библіотекъ. Сочиненіе كنوز الاعظم, изъ собранія у муллы Мухаммедъ-Раджаба, оказалось экземпляромъ تيمور نامه легендарной исторіи Тимура (см. каталогъ Каля, стр. 17, 18). Экземпляръ этотъ замѣчателенъ довольно обширнымъ предисловіемъ, котораго въ другихъ рукописяхъ и въ турецкомъ переводѣ, изданномъ въ Ташкентѣ, не имѣется[1]. Судя по этому предисловію, авторъ задался цѣлью изложить исторію Мавераннахра со времени Тимура до своего времени, 1125=1713.

......از ابتداى تولّد صاحب قران تا بهنكام وفات وقصّهٔ فرزندان او تا وقت خروج اوزبك ابو الفتح شيبانى خان تا خروج رافضيّه شيعهٔ مخذول شاه شاه اسماعيل آخر دولت سلطان حسين ميرزا رفتن بابر ميرزا بهند اكثر از خانان اوزبك وشاهان روافيض (sic!) تا زمان خان عاليشان عبد الله بهادر خان در يك مجلّد جمع كردم اين مجلّدرا كنوزو الاعظم (sic!) نام نهادم از لفظى كنوزو الاعظم تاريخ اتمام كتاب ميبرآيد در مجلّد دوّم از ابتداى خروج عبد الله خان ذكر ديكر خانان اوزبك تا زمان پادشاه جهان شير بيشهٔ [جنك] نهنك درياى ناموس وننك خسرو كامكار بلنداقتدار....

Первый томъ этого сочиненія я пріобрѣлъ для Азіатскаго Музея (№ 9: Ms. or. 566ab), второго тома не нашли.

Въ томъ же Шаршаузѣ Гулямъ Кадиръ Ханъ подарилъ мнѣ персидскій переводъ تاريخ طبرى и біографію Мухаммеда въ стихахъ размѣромъ متقارب, неизвѣстнаго автора; обѣ рукописи я потомъ передалъ Азіатскому Музею (№ 10: Ms. or. 572acd и № 4: Ms. or. 271f).

Въ Гузарѣ при медресе бека дѣйствительно имѣется довольно большое количество рукописей, но всѣ, кромѣ экземпляровъ حبيب السير и ديوان نوايى, богословскаго характера. Въ томъ же городѣ у муллы Хызыръ-токсаба есть рукописи عبد الله نامه и біографій шейховъ ордена Накшбенди, подъ

---

[1] А. А. Семеновъ въ своей статьѣ: «Происхожденіе Термезскихъ сейидовъ» (Протоколы Турк. кружка любителей Археологіи, XIX, 7) упоминаетъ объ одной рукописи تيمورنامه съ обширнымъ введеніемъ; но тождественно ли это введеніе съ введеніемъ нашей рукописи, неизвѣстно.

заглавіемъ حضرات القدس. Послѣднее сочиненіе очень интересно; я его зналъ только по цитатамъ на поляхъ арабскаго перевода مكتوبات امام ربّانى, изданнаго въ Каирѣ, но пріобрѣсти не могъ.

Въ Байсунѣ и городахъ долины Сурхана, именно въ Денау, Саръ-Асія, Каратагѣ я ничего замѣчательнаго не нашелъ; въ Хисарѣ и въ Дюшембе о какой либо женѣ халифа Абдурраззака ничего не знали. Хисарскій бекъ Алла-кули и его сынъ Исхакъ (бекъ Саръ-Асія) имѣютъ кое-какія книги; у перваго есть, напр. ديوان حسينى ,سياسة الملوك ,ديوان حكيم سنايى, تاريخ رحيم خانى ,تاريخ مقيم خانى, послѣднія части حبيب السير, у второго — очень старая родословная турецкихъ святыхъ Ахмеда Іесеви, Исмаилъ Ата, Исхакъ Ата, но остальныя книги всѣ религіознаго содержанія. Въ Дюшембе при содѣйствіи бека я осмотрѣлъ книги нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и мѣстнаго казія и мударрисовъ, но ничего замѣчательнаго не нашлось.

На обратномъ пути я остановился на недѣлю въ Карши. Тамъ мулла Наджмуддинъ имѣетъ богатое собраніе рукописей; у него имѣются почти всѣ сочиненія Мауляна Хусейн-уль-Ва'из-уль-Кашифи, современника султана Хусейна Байкары, также очень старыя арабскія рукописи, изъ которыхъ болѣе замѣчательны слѣдующія:

1) شرح الجامع الكبير, 2—11 части толкованія на الجامع الكبير соч. Шейбанія (Brockelmann, I, 172), составленное со словъ хатыба Абубекра Мухаммеда. Автографъ, написанный самимъ авторомъ въ 416—417 годахъ. Каждая часть озаглавлена такъ:

شرح الجامع الكبير المنتقل من الشيخ الامام الخطيب ابى بكر محمد بن عبد الله عمّر الله الدين بطول بقائه[1]. Въ концѣ каждой части анонимный авторъ говоритъ о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ имъ окончена эта часть, напр., въ концѣ второй части وتحرير هذه العبارة فرغت منه يوم الخميس........من جمادى الاولى سنة ست عشر واربعمائة

Въ концѣ десятой части: الجزء العاشر فرغت منه يوم الاحد الرابع والعشرين من صفر وهو اليوم الثانى من يوم بعدى بكر (?) مع مشايخ سمرقند على ما سمعت من شهور سنة سبع عشر واربعمائة بعون الله وتوفيقه

2) كفاية, толкованіе на هداية. Начала до كتاب البيوع не имѣется. Списано въ 847 году въ Самаркандѣ.

3) Десятый томъ изъ толкованія на Коранъ Разія (см. Brock. I, 506) الجزء العاشر من التفسير الكبير المسمّى بمفاتيح الغيب; списано въ 690 году въ

---

[1] Хаджи-Хальфа (II, 565 сл.; № 3936) перечисляетъ всѣ комментаріи на книгу имама Шейбани, но нашъ комментарій, кажется, среди нихъ не упоминается; его нѣтъ также у Brock. l. c.

تمّ المجلّد العاشر من كتاب مفاتيح الغيب وقد وقع الفراغ من كتابته بمدينة Дамаскѣ
دمشق عمّرها الله تعالى فى شهور سنة تسعين وستمائة على يد العبد ايدمر الخطائى.

4) كتاب المصادر, соч. Заузанія, извѣстнаго толкователя семи муаллакатъ
كتاب المصادر تصنيف القاضى السعيد الشهيد الحسن بن احمد الزوزنى[1] رحمة
الله عليه وفرغ من كتابته محمد بن الرضى فى اواخر شهر سبعين وستمائة هجريّة

Всѣ эти книги написаны на хорошей бумагѣ, хорошимъ почеркомъ.

Очень много книгъ по персидской литературѣ, по астрономіи, по юриспруденціи, по богословію.

У того же муллы Наджмуддина я для Азіатскаго Музея купилъ слѣдующія рукописи:

1) تحفهٔ سامى (см. Silv. de Sacy въ Notices et Extraits, IV, 273—308, также Grundr. der Iran. Phil. II, 213) безъ начала и безъ конца; начинается разсказами о Хусейнѣ Байкара и оканчивается на разсказѣ о Хилали. Всего 77 листовъ (№ 3: Ms. or. 174abea).

2) ديوان نوايى (№ 7: Ms. or. 291g). Всего 148 листовъ, написано прекраснымъ насхомъ, оканчивается газалями на букву س. Экземпляръ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ газали расположены не только по обыкновенному алфавитному порядку, но и по содержанію; такъ въ немъ отдѣлъ каждой буквы раздѣленъ на نعت رسول, موعظة ونصيحة и حُسْنيَاتْ.

3) تاريخ ملوك عجم и ديوان لطفى. Сборникъ стихотвореній джагатайскаго поэта Лутфи и «Исторія персидскихъ царей» соч. Навои; дата списка — вторн. 9-го зу-ль-хидджа 1234 г. (28/16 сент. 1819). (№ 2: Ms. or. 297d).

4) Сборникъ, состоявшій по восточной пагинаціи изъ 299 листовъ (изъ нихъ сохранилось 272); первая часть списана въ 1233 году хиджры, послѣдняя въ 1248 г. (№ 5: Ms. or. 295c); л. 1—100 راحت دل ферганскаго поэта ملا غائب بن نظر; л. 104ᵃ—164ᵇ содержатъ разныя сказки, называемыя у туземцевъ جهود نامه; л. 165ᵃ—240ᵇ — разныя стихотворенія на турецкомъ языкѣ; л. 240 —288ᵇ — ديوان صيّادى сборникъ стихотвореній неизвѣстнаго поэта Сайиади; л. 288ᵇ—299ᵇ изъ исторіи Александра (по-персидски, въ прозѣ).

5) نسائم المحبّة من شمائم الفتوّة, переводъ Нафахат-уль-унсъ Джами съ дополненіями о турецкихъ святыхъ, сдѣланный Навои въ 901 году хиджры. Старая, прекрасная рукопись, состоитъ изъ 115 листовъ (№ 1: Ms or. 580f); см. Rieu, Turk. Man. p. 274ᵇ, ЗВО XX, 094, прим. 2.

---

[1] У Brock. I, 288 Хусейнъ б. Али; вообще имя автора въ рукописяхъ указывается различно, ср. Flügel, Wien, № 93.

Въ Карши у муллы Керимъ-бая я для Азіатскаго Музея пріобрѣлъ три рукописи:

1) تفسير تركى, толкованіе на Коранъ или скорѣе подстрочный переводъ его на старо-джагатайскій языкъ. Состоитъ изъ 147 листовъ (№ 11: Ms. or. 332ca), содержитъ слѣдующія суры: 18 (отъ стиха 4-го: كبرت كلمة تخرج من افواههم), 19, 20, 21 и 22 до стиха 11-го (وان اصابته فتنة انقلب على وجهه); потомъ (л. 41^{a}) идутъ суры седьмой части Корана, т. е. отъ суры 48 до конца, изъ нихъ конецъ суры 75 и суры 76 и 77 оставлены безъ толкованія. Турецкій языкъ этого толкованія показался мнѣ старѣе, чѣмъ языкъ старой редакціи Рубгузи, по отрывку, напечатанному П. М. Меліоранскимъ въ его статьѣ «Сказаніе о пророкѣ Салихѣ» (المظفّريّة. СПб. 1897, стр. 283—297)[1].

2) Жизнь пророковъ въ стихахъ на турецкомъ языкѣ, безъ начала и безъ конца; начинается (по пагинаціи переписчика) съ л. 64 и оканчивается на л. 159; притомъ листы 64—99^{a} содержатъ жизнь Юсуфа и Зулейхи (№ 6: Ms. or. 320f)

3) عبيد الله نامه, исторію Убейдуллы-хана аштарханида (см. ZDMG XXXVIII, 239—376). Въ концѣ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ (№ 8: Ms. or. 574agff).

Въ восточныхъ бекствахъ Бухары я пробылъ недолго, всего мѣсяцъ (Карши я покинулъ 23-го іюля); но этого срока оказалось достаточно, чтобы убѣдиться, что цѣнныхъ рукописей тамъ не имѣется; въ этомъ отношеніи восточныя бекства гораздо беднѣе, чѣмъ Фергана, Самаркандъ и Бухара. Въ самомъ краѣ знатоки книжнаго дѣла такую бѣдность объясняютъ вездѣ одинаково. Говорятъ, что въ провинціяхъ Бухары наука уже давно запущена, интересующихся книгами, вообще наукою, нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ бековъ и казіевъ, которые собираютъ имѣющіяся въ рукахъ жителей управляемыхъ ими городовъ и селеній историческія рукописи, а послѣ отставки и отъѣзда изъ края эти рукописи увозятъ съ собою въ столицу, ибо «отставнымъ чиновникамъ нечего дѣлать, кромѣ чтенія интересныхъ сказокъ и историческихъ книгъ». Такимъ образомъ безъ того пустые города лишаются имѣющихся въ нихъ рукописей и такимъ образомъ всѣ книги сосредоточиваются въ Бухарѣ. Эти же знатоки книжнаго дѣла единогласно называли нѣкоторыхъ изъ такихъ бековъ, напр., изъ шаршаузскихъ бековъ покойнаго Джура-бека и Селимъ-бека, нынѣ проживающаго въ Бухарѣ въ отставкѣ, изъ каршинскихъ — бывшаго бека Тюре-

[1] Объ этой рукописи, крайне интересной въ лингвистическомъ отношеніи, въ ЗВО будетъ помѣщена статья К. Г. Залемана.

Ходжаи-Садуръ и токсабу Алла-Назаръ-бека, кромѣ того бывшаго хисарскаго Астана-кулъ-кушбеги и гуждуанскаго казія Абдуль-Ваххаба. Абраръ-Хатыбъ и Кемалъ-бай въ Шаршаузѣ подробно перечисляли, какія рукописи попали въ руки Джура-бека и Селимъ-бека [1].

Оставалось только порыться въ самой Бухарѣ и провѣрить выше приведенные разсказы. Въ этомъ городѣ въ теченіе трехъ недѣль (отъ 12-го по 21-ое іюня, отъ 24-го іюля по 4-ое августа) я успѣлъ просмотрѣть рукописи, имѣющіяся у слѣдующихъ лицъ: казы-калянъ, мулла Мухаммедъ, Алла-Назаръ-токсаба, Газій-бекъ-токсаба, Миръ-Мухаммедъ-Эминъ Махзумъ, Сеидъ-Махмудъ-терикечій, Тюре-Ходжаи-Садуръ, Яхья-Ходжаи-Садуръ Джуйбари, Ходжа-кулъ-дадха.

Въ библіотекѣ казы-каляна, очень богатой, я просмотрѣлъ между прочимъ слѣдующія рукописи:

1) مجالس العشّاق — 2) ذخيرهٔ خوارزمشاهى — 3) سلوك الملوك (новая рукопись) — 4) بدايع الوقايع واصفى — 5) توزوك تيمورى — 6) لغت آبوشقه — 7) تاريخ رحيمخانى — 8) تاريخ يافعى — 9) جامع الحكايات ولامع الروايات عوفى; полный, старый экземпляръ — 10) ترجمهٔ تاريخ طبرى (старая рукопись) — 11) تاريخ راقمى (два экземпляра) — 12) جهانكشاى نادرى — 13) تاريخ فرشته — 14) تاريخ نرشخى (довольно старая рукопись) — 15) اخبار حسنه فى تاريخ مدينه — 16) تاريخ مقيمخانى — 17) تذكرة التواريخ — 18) تاج التواريخ — 19) تاريخ دولتشاهى — 20) روزنامهٔ ناصر الدين شاه

Изъ нихъ болѣе замѣчательны تذكرة التواريخ и تاج التواريخ.

Первое сочиненіе составлено при Акберъ-Шахѣ кабульскимъ ученымъ Абдуллахомъ аль-Кабули (л. 2ª فقير الحقير اضعف عباد الله الملك الولى عبد الله الكابلى) въ 990 = 1582 году (собственно начато در رمضان مبارك سنهٔ نهصد ونود, окончено въ томъ же году). Экземпляръ казы-каляна, можетъ быть единственный, написанъ самимъ авторомъ въ 1010 году, о чемъ онъ говоритъ въ слѣдующемъ стихѣ:

---

[1] Старикъ Кемалъ-бай точно указалъ на рукопись تاريخ غازانى, пріобрѣтенную Джурабекомъ у одного изъ жителей Шаршауза, уже въ Ташкентѣ. Мулла Мухаммедъ Суфій указалъ на рукопись تاج التواريخ, которую отецъ нынѣшняго казы-каляна пріобрѣлъ тоже въ Шаршаузѣ; Абраръ-Хатыбъ указалъ на рядъ книгъ изъ собранія Селимъ-бека, тоже собранныхъ имъ въ этомъ городѣ. Въ Шаршаузѣ же я узналъ кое-что и о библіотекѣ Худаяръ-хана: шаршаузскій мулла Мухаммедъ-Рахимъ, умершій 25 лѣтъ тому назадъ, путешествовалъ по Индіи и Афганистану и въ теченіе 27 лѣтъ собралъ тамъ много цѣнныхъ рукописей по исторіи. По возвращеніи своемъ въ Шаршаузъ онъ увидѣлъ, что такими книгами и такой наукою въ его городѣ никто не интересуется; поэтому онъ свою библіотеку повезъ въ Кокандъ и продалъ тамъ Худаяръ-хану. Сынъ этого Мухаммедъ-Рахима, Мухаммедъ Махзумъ, нынѣ живетъ въ Шаршаузѣ.

صد شکر که این نسخه بانجام رسید * در الف وعشر بحلّ اتمام رسید

и еще въ концѣ сочиненія:

بتوفیق حضرت خالق بی بدل وبعنایت بلا نهایت معبود لم یزل این تذکرة التواریخ بتاریخ روز یکشنبه یازدهم شهر ربیع الأوّل سنة الف وعشر از قلم شکسته‌رقم مسکین فقیر احقر عبد الله کناهی کابلی در قصبهٔ برکته مانیله (?) صورت تحریر وسمت تصویر یافت والحمد لله اوّلاً وآخراً

Книга раздѣлена на шесть главъ طبقه:

طبقهٔ اوّل (л. 1—46^{б}) در ذکر تواریخ انبیا علیهم السلام

طبقهٔ دوم (л. 47^{а}—94^{б}) در ذکر تواریخ اولیا ومشایخ کرام وعلماء عظام

طبقهٔ سیوم (л. 94^{б}—178^{а}) در ذکر تواریخ فضلا وشعراء ذوی الاحترام

طبقهٔ چهارم (л. 178^{б}—238^{б}) در ذکر تواریخ سلاطین وامرای عظام

طبقهٔ پنجم (л. 239^{а}—248) در ذکر تاریخ ولادت باکرامت همایون وتاریخ جلوس نامدار باعظمت روزافزون خسرو کردون اقتدار جلال الدین محمد اکبر شاه وشاهزادهای نامدار.. وفتح قلاع وغیره

طبقهٔ ششم (л. 248^{б}—258^{б}) در ذکر تاریخ اتمام مساجد ومدارس وکتب وقلاع وباغ وچاه ورباط وغیره

Наиболѣе важны для насъ вторая и третья главы, гдѣ даются нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ изъ шейховъ и поэтовъ, о которыхъ въ другихъ намъ извѣстныхъ біографическихъ сочиненіяхъ свѣдѣнія не имѣются[1].

Вторая книга, تاج التواریخ, о которой я узналъ уже въ Шаршаузѣ, составлена Мухаммедъ-Шерифомъ, сыномъ Мухаммедъ-Наки, при бухарскомъ эмирѣ Хайдарѣ и по порученію послѣдняго въ 1215=1801 году; содержитъ исторію бухарскихъ аштарханидовъ и мангытовъ до самого Хайдара и состоитъ изъ 440 листовъ безъ пагинаціи.

Л. 1—30 введеніе.

Л. 30^{б}—62^{б} исторія Чингиза и его потомковъ.

Л. 62^{б}—72^{а} исторія шейбанидовъ. Здѣсь (л. 69^{а}—69^{б}) даются нѣкоторыя свѣдѣнія о борьбѣ Бабура съ Убейдуллой-ханомъ.

Л. 72^{б}—240^{а} исторія аштарханидовъ.

Л. 240^{б}—440 исторія мангытовъ.

---

[1] Свѣдѣнія изъ этого сочиненія о мало извѣстномъ джагатайскомъ поэтѣ Лутфи я изложилъ въ татарской газетѣ يولدز за 1914 годъ, № 1320. [Статья вышла отдѣльной брошюрой съ русскимъ заглавіемъ: А.-З. Валидовъ. Джагатайскій поэтъ Лутфій и его диванъ (сборникъ стихотвореній). Казань 1914. Отрывокъ изъ تذکرة التواریخ приводится на стр. 8. В. Б.].

Болѣе цѣнная и оригинальная часть книги — послѣдняя, гдѣ говорится о мангытахъ; другія главы зависятъ отъ извѣстныхъ намъ источниковъ. Другой экземпляръ этого сочиненія имѣется у мирзы Мухаммедъ-Эминъ-Махзума, зятя нынѣшняго казы-каляна.

Въ спискѣ историческихъ книгъ библіотеки казы-каляна упомянуты еще двѣ книги تاریخ بخارا и جامع البلدان, но ихъ мы не нашли.

Изъ собранія рукописей Тюре-Ходжаи-Садура мною отмѣчены только двѣ рукописи تاریخ رحیم‌خانی и полный экземпляръ جامع الحکایات ولامع الروایات عوفی въ одномъ огромномъ томѣ.

Среди рукописей богатой библіотеки главы джуйбарскихъ шейховъ, Яхья-Ходжаи-Садура, имѣется, между прочимъ, слѣдующія рукописи:

1) جام جهان‌نمای عبّاسی

2) تاریخ یافعی, старый экземпляръ

3) مناقب حضرت غوث الاعظم

4) прекрасный экземпляръ بستان Саʻди, списанъ въ 907 году.

5) تاریخ عالم‌آرای عبّاسی

6) нѣсколько экземпляровъ تاریخ راقمی, حبیب السیر, روضة الصفا, اسکندرنامه и تاریخ مقیم‌خانی

7) مقامات خواجه جویباری исторія джуйбарскихъ шейховъ до времени Абдуллы-хана шейбанида и біографія современника послѣдняго, Исламъ-Ходжаи-Джуйбари. Сочиненіе озаглавлено такъ: هذه الرسالة الميمونة الهمايونيّة روضة الرضوان وحديقة الغلمان وهى موضوعة على اوصاف الحميدة لقطب الزمان وغوث الدوران عليه الرحمة من الله الملك المنّان تحريرا فى عهد السلطان العالى الشان ابو الغازى عبد الله بهادر خان ادام الله ظلال احسانه على رؤس اهل الاسلام.

Послѣ славословія авторъ (на л. 7ª) приводитъ свое имя العبد الذليل.... بدر الدين الكشميرى بن عبد السلام الحسينى بن سيّد ابراهيم غفّر الله له ولآبائه وامّهاته. Книга состоитъ изъ 552 листовъ, каллиграфически написана почеркомъ сульсъ сначала до конца одной и той же рукою на одной и той же толстой лощеной бумагѣ съ великолѣпными украшеніями. На л. 552ª переписчикъ сообщаетъ свое имя и дату списка: قد تمّت الرسالة الميمونة الهمايونيّة ..... فى سنة ثمان وتسعين وتسعمائة .. كاتبه العبد المذنب ولى محمد ابن مولانا شاهم.

Авторъ на л. 18ª говоритъ, что получилъ отъ сына покойнаго ходжи Мухаммедъ-Ислама, которому посвящена книга, ходжи Саʻда (خواجه سعد),

2500 тенге и другіе подарки: دو هزار وپانصد تنكه نقرهٔ پاکیزه سکّهٔ عبد الله خانی.... انعام فرموده وفقیررا بچند خلعت خاصّه والطاف خلاصه سرفراز ومخصوص گردانیده ومضمون الانسان عبید الاحسان بظهور آورده

Родословная Мухаммедъ-Ислама приводится (л. 5[б]) въ слѣдующемъ видѣ: خواجه محمد اسلام البخاری ابن خواجه احمد بن خواجه یحیی بن خواجه محمد اسلام ابن خواجه طاهر بن خواجه مظفّر بن خواجه علاء الدین بن خواجه مجد الدین بن خواجه ظهیر الدین بن امام ابو بکر احمد بن خواجه سعد ابن خواجه ظهیر الدین ابن امام علی.

На л. 307[б]—368[а] приводится переписка Мухаммедъ-Исламъ-ходжи съ Абдуллою-ханомъ, его родственниками и нѣкоторыми изъ первыхъ представителей династіи аштарханидовъ; переписка, безъ сомнѣнія, будетъ цѣннымъ источникомъ для выясненія вопроса, какое вліяніе имѣли джуйбарскіе шейхи на этихъ хановъ и какую могли они играть роль при переходѣ власти къ аштарханидамъ.

8) مناقب خواجه نقشبند بهاء الدین соч. ученика ходжи Беха-ад-дина خواجه صلاح بن المبارك, персидскій оригиналъ книги того же названія, изданной въ Казани въ 1901 году въ арабскомъ переводѣ.

9) بدایع الوقایع واصفی.

Алла-Назаръ-токсаба, племянникъ Ибрагима Парваначи, намѣстника эмира Насруллы въ Кокандѣ[1], имѣетъ тоже довольно хорошую библіотеку; изъ его рукописей я отмѣтилъ زبدة الآثار, نزهة القلوب قزوینی, تاریخ رحیمخانی, نصر اللهی (см. В. Бартольдъ въ ЗВО XV, 187—205), ظفرنامهٔ یزدی, شرفنامه (извѣстно по Дорну)[2], کشف المحجوب, مرات العالم, حبیب السیر (два экземпляра), شجاعنامهٔ حیدری.

Послѣдняя рукопись содержитъ описаніе путешествія жителя Индіи, современника императора Джехангира (1605—1628), Мухаммедъ-Хайдара, по Кашмиру, Тибету и восточной Бухарѣ.

Изъ этого же собранія я пріобрѣлъ для Азіатскаго Музея экземпляръ بدایع الوقایع, соч. хорасанскаго ученаго واصفی (№ 20: Ms. or. 568ca; ср. Mél. Asiat., VII, 400; также ЗВО XV, 216 и XXII, 303).

---

[1] Отецъ Алла-Назара, Баба-Назаръ, сынъ Бай-Мухаммеда, былъ роднымъ братомъ Ибрагима-Парваначи. Объ Ибрагимѣ-Парваначи см. «Исторію Кокандскаго ханства» Наливкина, стр. 145—147.

[2] Авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду شرفنامهٔ اسکندری, часть خمسهٔ نظامی, нѣсколько разъ упоминаемую Дорномъ въ каталогѣ рукописей Публичной Библіотеки (Catalogue etc., №№ CCCXXXVII, CCCXLI—CCCXLIII; см. также Rieu, Catalogue, p. 569), или شرفنامهٔ شاهی=عبد الله نامه, о которомъ есть статья Дорна въ Mél. Asiat. III, 256 сл. В. Б.

У Ходжа-кулъ-дадхи есть экземпляръ стихотворной книги на турецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ تواریخ خانان خانلار تاریخی или تواریخ خانان, составленной нѣкимъ امامی въ 1073 = 1662/3 году въ подражаніе Шахнамэ Фирдауси.

У Гази-бекъ-токсабы есть довольно большое количество рукописей по исторіи и суфизму. Изъ его собранія болѣе всѣхъ другихъ интересовало меня сочиненіе مطلب الطالبين, біографія упомянутаго джуйбарскаго ходжи Мухаммедъ-Ислама и нѣкоторыхъ его предшественниковъ. Авторъ ابو العبّاس محمد طالب ابن حضرت تاج الدين حسن خواجه الحسينى الصدّيقى раздѣлилъ свою книгу на восемъ отдѣловъ:

باب اوّل در بيان نسبت حضرت خواجهكان قدّس الله تعالى ارواحهم

باب دويم در بيان انساب حضرت خوجهكان

باب سيم در بيان تولّد وحسب ايشان كلان رحمه الله

باب چهارم در بيان تولّد وعظمت وجلالت حضرت ايشان

باب پنجم در بيان تولّد خواجه وحسب خوارق عادات وفات حضرت ايشان رحمه الله

باب ششم در بيان تولّد خواجكى ووفات حضرت عبد الرحيم خواجه

باب هفتم در بيان تولّد ووفات عبدى خواجه رحمه الله

باب هشتم در بيان تولّد وفضيلت ووفات محمد يوسف خواجه رحمه الله

Всего 212 листовъ[1].

Потомки Шейхъ-Мухаммедъ-Хусейн-уль-Бухарія, умершаго въ 1250 = 1834 году, владѣютъ очень интересной рукописью о жизни и ученіи этого шейха, подъ заглавіемъ مناقب حسينى, соч. ученика того же ишана محمد جلال الدين. Среди учениковъ ишана были и русскіе татары, изъ которыхъ داملا حكيم بك قزلجارى ,داملا عبد الله نوغاى ,داملا يوسف قزانى, سيوندوك آخوند ,خليفه عبد المومن قزاق ,داملا محمد رحيم قزلجارى впослѣдствіи пользовались извѣстностью и на своей родинѣ. У нихъ же имѣется еще:

1) تاريخ كزيده, переписанное въ 946 году однимъ тегеранцемъ (وكتبه محمود بن فخر الدين طهرانى سنة ست واربعين وتسعمائة).

2) معارج النبوّة; ср. Rieu, p. 149a; списано будто бы самимъ авторомъ معين الدين محمد الفراهى المعروف بمنلا مسكين въ 895 году: وقد وقع الفراغ من

---

[1] А. А. Семеновъ въ вышеупомянутой своей статьѣ (Протоколы Турк. Кружка за 19-ый годъ, стр. 7) упоминаетъ о біографіи Мухаммедъ-Ислама, рукопись которой, автографъ автора (дата—984 г., 21-ое раби' II=18 іюля 1576), была пріобрѣтена имъ въ Термезѣ. Въ этой рукописи, какъ въ описанной выше (стр. 252), говорится о посвященіи труда сыну Мухаммедъ-Ислама, ходжѣ Са'ду, но имя автора указывается иначе: «сынъ Миръ-Хусейн-ус-Серахси».

تمیقه وقت الظهر من یوم الخمیس السادس والعشرین من شعبان المعظّم سنة خمس وتسعین وثمانمائة علی ید الضعیف جامع هذا الکتاب

3) کتاب مطوّل, списокъ 834-го года سنة اربع وثلثین وثمانمائة

4) کتاب منهج الرشاد соч. ابی‌بکر بن محمد بن محمد بن علی المدعو بزین الخوافی, списокъ 838 года حرّره فی ربیع الثانی ثمان وثلثین وثمانمائة.

У Сеидъ-Махмуда-терикечи есть слѣдующія рукописи:

1) لبّ التواریخ эмира Яхьи Казвини и часть نظام التواریخ Бейдави въ одномъ переплетѣ.

2) سبحانقلی خان نامه исторія Субханъ-кули-хана аштарханида, соч. محمد بقای صوان (?) بن خواجه عبد الرؤف اسمعیل ایاسی; напоминаетъ محیط التواریخ соч. محمد امین کیراك یاراقچی (рукопись Азіатскаго Музея № 574 add).

Первый томъ, оканчивающійся разсказомъ о первыхъ годахъ правленія Шахруха, состоитъ изъ 210 листовъ. Второго тома владѣлецъ собранія не имѣлъ въ рукахъ.

Изъ большого собранія муллы Мухаммедъ-Ходжи мною отмѣчены слѣдующія рукописи:

1) تذکرهٔ فوائد соч. ملا حسین واعظ سمرقندی.

2) مخازن العلوم соч. امام ابو الحسن نیسابوری.

3) نفائس الفنون; ср. Rieu, p. 435a и ЗВО XV, 232.

4) عجائب المخلوقات قزوینی.

5) مرات العالم соч. بختیار خان; ср. Rieu, p. 125 и ЗВО XV, 216.

6) ملتقط التواریخ, полная исторія эмира Хайдара; составлена двумя лицами: محمد شریف и عباد الله; послѣдній, можетъ быть, тождественъ съ авторомъ تاج التواریخ (см. выше стр. 251). Обстоятельно описываются всѣ походы и дѣйствія Хайдара.

7) تاریخ نرشخی

8) مجلّد اول از کتاب بحر الاسرار فی معرفة الاخیار, соч. محمود بن امیر ولی المشهور بامیر حالت کاسانی. Изъ содержанія этой рукописи выясняется, что авторомъ былъ задуманъ обширный трудъ, планъ котораго излагается въ главѣ تبیین این نامهٔ نامی وتفصیل فاتحه وخاتمه ومجلّدات این صحیفهٔ کرامی (л. 4б—5б); извѣстныя намъ до сихъ поръ части بحر الاسرار (ср. ЗВО XV, 232 сл. и XXII, 306) оказываются только однимъ (шестымъ) томомъ этого труда.

بر ضمیر انوار فضلای سخن‌ور وخاطر ازهر بلغای هنرپرور در نقاب مستور نماند که چون این تالیف عاقبت‌محمود در حقیقت حاویٔ اسرار علویّات وجامع اخبار سفلیّات بود اسم همایون اینست به بحر الاسرار فی معرفة الاخیار قرار گرفت ونوادر حکایات

وبدایع روایاتش در ضمن فاتحه وهفت مجلّد وخاتمه سمت اتمام خواهد یافت ودر هر مجلّد پرتو اتمام بر ترتیب چهار رکن خواهد تافت برین موجب که مرقوم میکردد وکیفیّت این اجمال بتفصیل می پیوندد وفاتحه در اثبات صفات صانع مبتنی بر مسلکین وتعداد اسامئ او تعالی شانه وشمّهٔ از احوال نشأتین

مجلّد اوّل در ذکر اوّل مخلوقات وکیفیّت ابداع واجرام علویّه وسفلیّه وشمّهٔ از احوال نشأتین رکن اوّل در سبب اظهار نشأ خلقیّت وتنزّلات حضرت وجود در مجالئ اسما وصفات وبیان کیفیّت خلق وایجاد وتعیین اوّل مخلوقات وما یناسب ذلك رکن دویم در اختراع افلاك ونجوم واملاك وسائر علویّات بر مذهبین یعنی مذهب ارباب اخبار واصحاب نجوم رکن سیوم در شرح سفلیّات از عناصر وغرایب آن وذکر ربع مسکون وبیان طول وعرض اقالیم وبیان بلاد وجبال وغیر آن رکن چهارم در کیفیّت تکوّن موالید وچکونکئ پیدا شدن انسان وتحقیق روح ومسایل متعلّقه بدان

مجلّد دویم در احوال انبیاء عظام وحکماء کرام وسلاطین عجم وقیاصره واکاسره وخواقین سائر ممالك که قبل از ظهور اسلام بر انام فرمان‌روا بوده اند رکن اوّل در ذکر کیفیّت خلقت آدم صفیّ وسائر انبیا ومرسلین وسالك مسالك یقین از بدؤ ایجاد ابو البشر تا نهایت ایّام فترت رکن دویم در احوال حکماء اشراقین ومشّائین ورواقیّین وغیرهم وشرح مقالات ومعاملات خدمتشان رکن سیّیوم در تعداد سلاطین عجم واظهار مآثر ومفاخر همکنان رکن چهارم در عدد قیاصره واکاسره وفرمان‌روایان اعراب وغیرهم

مجلّد سیوم در خاتمیّت (?) از افق بیت الله الحرام ونشر مآثر ومفاخر سیّد الانبیاء علیه السلام من البدایة الی النهایة رکن اوّل در کیفیّت وصول سلسلهٔ انتساب آن عالیجناب بحضرت خلیل الرحمن علی نبیّنا وعلیه السلام وتفاصیل احوال اباء واجداد آنحضرت وانشعاب قبائل وشعب از همکنان رکن دویم در ولود مسعود آنحضرت وکیفیّات احوال آن تا بدؤ ایّام بعثت رکن سیوم در تبیان هجرت وغزوات وفتوحات آن بانئ مبانئ سعادت رکن چهارم در مآل حال وکیفیّت انتقال وعدد ازواج واولاد وعبید ومتروکات وما اشبه ذلك

مجلّد چهارم در احوال خلفاء راشدین وامامان دین وفرمان‌روایان باتمکین رکن اوّل در تقریر امر خلافت وچکونکئ سلوك خلفاء اربعه با یکدیکر وبیان مناقب ومفاخر خدمتشان وتحقیق احوال سائر اصحاب رکن دویم در مآثر امامین وکیفیّت شهادت آن دو نوبادهٔ نهال شرف وعزّت وعدد اولاد وامجاد امامان عالی‌نژاد وبیان احوال سائر منتسبان شجرهٔ سیادت ونبوّت رکن سیوم در کذارش حالات ومعاملات خلفاء

بنی امیّة رکن چهارم در نمایش آثار وکردار خلفاء بنی العبّاس وبیان عدد وکیفیّت استیصال همکنان،
مجلّد پنجم در تبیین ایّام حکومت طوایف سلاطین وحکّام اسلام در تمامت اقطار وامصار رکن اوّل در احوال طاهریان وصفّاریان رکن دویم در سلطنت سامانیان وغزنویان رکن سیوم در حکومت دیالمه وغوریان وسلجوقیان رکن چهارم در فرمان‌روایئ خوارزمشاهان وآل مظفّر وحکّام کرت وغیرهم
مجلّد ششم در توضیح احوال خواقین مغول از بدؤ ظهور صبح وجود مسعود یافث بن نوح علیهما السلام تا ایّام بافرجام حضرت خلافت‌رتبت ندر محمد خان مدّ ظلّه العالی
مجلّد هفتم در احوال خوانین چغتائیّه من المبدا الی المنتها رکن اوّل در احوال حضرت صاحب‌قرانی از بدؤ ظهور آثارشعور الی یوم الفتور رکن دوم در ایضاح معاملات جناب شاهرخی واولادش رکن سیوم در حالات بقیّهٔ منتسبان آن دودمان عالیشان از میرزا الغ بك وغیرهم رکن چهارم در آثار مفاخر بعض ازان والانژاد از شاه‌زاده میرانشاه تا خسرو عدالت‌نشان شاه جهان دام علیه السلطنة والشوکة
خاتمه در تحقیق رجال الغیب وارواح طیّبه وعدد اقطاب واوتاد وابدال وغیرهم

Рукопись, заключающая въ себѣ первый томъ, состоитъ изъ 693 большихъ листовъ, но эта рукопись еще не совсѣмъ полна. Переписчикъ говоритъ о числѣ листовъ списка, служившаго ему оригиналомъ: مجموعهٔ اوراق بحر الاسرار ۹۷۱, и приводитъ оглавленіе этого списка, при чемъ его послѣдняя глава начиналась на л. 962. Въ нашу рукопись вошли только главы л. 1—730 оригинала; послѣднихъ главъ не имѣется; рукопись оканчивается на разсказѣ о птицахъ, названія которыхъ начинаются съ буквы ی; это мѣсто соотвѣтствовало л. 731 оригинала. Махмудъ-ибнъ-Вали составилъ свой трудъ на основаніи сочиненій حافظ ابرو и رشید الدین الطبیب.

У того же муллы Мухаммедъ-Ходжи я пріобрѣлъ для Азіатскаго Музея слѣдующія рукописи:

9) تاریخ هرات или روضات الجنّات فی اوصاف مدینة هرات соч. معین الدین محمد الزمجی (Rieu, Catalogue, p. 206—207), состоитъ изъ 252 листовъ. Списано нѣкіимъ قطب الدین خواجه بن قاسم روزابادی въ 1115 году хиджры (№ 18: Ms. or. 574agk[bis]).

10) منتخب التواریخ соч. حسن بن محمدی الخاکی الشیرازی (sic). Всеобщая исторія, составлена при Джехангирѣ (1605—1628). Въ концѣ не хватаетъ нѣсколькихъ листовъ; всего листовъ 243 (№ 14: Ms. or. 572ad). Ср. Rieu, p. 886.

11) تاریخ ناصری; имя автора неизвѣстно; заглавіе تاریخ ناصری дано

этому сочиненію, должно быть, только владѣльцемъ[1], который было введенъ въ заблужденіе ссылками автора на трудъ, носившій такое заглавіе.

Въ этомъ сочиненіи даются очень краткія свѣдѣнія о мусульманскихъ династіяхъ вообще до 956 года. Исторія шейбанидовъ доводится до Абдуллатыфа, сына Кучумъ-хана (л. 232б) عبد الله خان بن کچم خان پادشاه وخان سمرقند کردید وچون او در سنهٔ سبع واربعين وتسعمائه بعالم دکر منزل گزيد برادرش عبد اللطيف خان بآن رتبه رسيد که درين تاريخ که شهور سنهٔ ۹۵۶ بر سرير سمرقند عبد اللطيف خان است ودر تمامئ آن ممالك خطبه وسکّه باسم وحکم او جاری وروان عبد العزيز سلطان بن جانی بيك سلطان در ولاية بلخ بر سرير ايالت متمکّن شده بعد ازين تا خود فلك از پرده چه آرد بيرون

Разсказъ о бабуридахъ прерывается на разсказѣ о Хумаюнѣ (1530—1556), современникѣ автора, которому, повидимому, и посвященъ настоящій трудъ (есть формула خلّد الله ملکه). Въ самомъ концѣ рѣчь идетъ о событіяхъ, послѣдовавшихъ въ 952 году. Всего 286 листовъ безъ восточной пагинаціи (№ 19: Ms. or. 566ca). Это сочиненіе называется تاريخ ابراهيمی и описано у Ethé, Bodl. no. 104.

12) Рукопись, содержащую въ себѣ تاريخ مقيم‌خانی (л. 1—128б); تاريخ بهان (л. 131б—152б); сборникъ хронограммъ, касающихся исторіи Бухары со времени Субханъ-кули-хана до эмира Хайдара, составленный въ стихахъ ميرزا محمد صادق منشی, мирзою того же Хайдара (л. 153б—209б); هفت محفل مولانا فضولی и нѣкоторые стихи Наваи, Хафиза, Бидиля (л. 212б—234а); потомъ еще помѣщено продолженіе хронограммъ, до смерти эмира Музаффара, составленное мирзою Азимомъ: تا اينجا از گفتهٔ ميرزا صادق بعد ازين از اشعار زادهٔ افکار ميرزا عظيم دل‌فکار المتخلّص بسامی ميباشد. Въ концѣ мирза Азимъ названъ миръ-ахуромъ.

Тарихи Беханъ (начало: تاريخ بهان که قصّهٔ خورد وکلان) заключаетъ въ себѣ сокращенную исторію шейбанидовъ отъ 912 по 1004 годъ; впрочемъ имѣются нѣкоторыя довольно интересныя данныя о раздорахъ между этими султанами (№ 15: Ms. or. 574agcf). На л. 152а названо имя переписчика: محمد فيضی بی ابن ملا فضيل مير آخور از غلامان دربار کردون‌مدار. Дата списка— 1274 г. То же имя и та же дата (названъ еще мѣсяцъ джумада I) упомянуты въ концѣ хронограммъ, л. 128б.

13) تاريخ قپچاق исторію мусульманскихъ династій, составленную въ 1132 году хиджры во время лагорскаго науаба Абдуссамадъ-хана قپچاق خان عرف خواجمقلی بيك باخی بن قپچاق خان عرف امامقلی قوش‌بيکئ سبحانقلی

---

[1] Надпись на бѣломъ листѣ: .اين تاريخ ناصری می‌باشد که بهترين تواريخست

خان. Исторія аштарханидовъ доводится до Субханкули-хана, см. Ethé, Catalogue, p. p. 56—65 (№ 17: Ms. or. 572ag).

14) سلوك الملوك, этику для царей въ родѣ ذخيرة الملوك. Авторъ فضل الله بن روزبهان المشتهر بخواجه مولانا الاصفهانى окончилъ свою книгу въ Бухарѣ въ 920 году. Послѣ предисловія идетъ повѣствованіе о войнѣ между Бабуромъ и Убейдуллой-ханомъ въ 919 году. О двухъ другихъ экземплярахъ этого сочиненія, видѣнныхъ мною въ Хисарѣ и въ библіотекѣ казы-каляна, я уже упоминалъ (см. выше стр. 250); но нашъ экземпляръ, судя по записи на первомъ листѣ (هذا كتاب سلوك الملوك ادب القاضى بخطّ مصنّف), должно быть — автографъ (№ 16: Ms. or. 732abb).

У муллы Махмудъ-миръ-ахура я для Азіатскаго Музея пріобрѣлъ آية الآيات, конкордансъ къ Корану, сочиненіе احمد المدوّن النيشابورى, современника и друга мауляна Джами, арабская статья котораго о важности подобной работы и о системѣ составленія ея помѣщена въ предисловіи. Всего 356 листовъ; написано очень хорошимъ насхомъ (№ 21: Ms. 330f). Въ концѣ говорится, что книга переписана для Абдуль-Азизъ-хана и въ его библіотекѣ: الحمد لله الذى وفّقنا بالفراغ من تسويد هذه النسخة المباركة الميمونة المسمّاة بآية الآيات فى يوم السبت من (sic!) اثنى عشر من شهر شعبان سنة ثلث وثمانين بعد الف من الهجرة النبويّة المصطفويّة فى دار الكتب العلية العالية الخاقانية الواقعة فى دار الفاخرة بخارا صانها الله تعالى بحصن واليها بامر خاقان المعظّم المكرّم ملجأً العرب والعجم مربّى الاسلام والمسلمين خاقان ابن خاقان بن الخاقان ابو المظفّر سيّد عبد العزيز بهادر خان اطال الله فى الدولة بقاءه . . . كاتب الحروف الفقير الى الله الغنى مير محمد بن علاوٴ الدين الدركزينى العراق

У книготорговца Рахметуллы я для Азіатскаго Музея пріобрѣлъ двѣ рукописи:

1) العقد الثمين فى تاريخ البلد الامين, четвертый томъ исторіи Мекки, составленной احمد بن على الحسينى الفاسى; ср. Brock., II, 172 и Wüstenfeld, Die Chroniken der Stadt Mekka, II, 55 f. Списано въ Меккѣ въ 889 году (№ 13: Ms. or. 551d). Оканчивается слѣдующими словами: تمّ الجزء الرابع وبتمامه تمّ جميع كتاب العقد الثمين فى تاريخ البلد الامين تاليف سيّدنا الشريف الامام العلّامة الحافظ المؤرّخ قاضى المسلمين ابى الطيّب محمد تقى الدين ابن الامام العلّامة اقضى القضاة شهاب الدين ابى العبّاس احمد بن على الحسينى الفاسى المكى المالكى تعمّدهم الله بالرحمة والرضوان واسكنهم فسيح الجنان فى يوم الثلاثاء تاسع عشرين شهر ربيع الاخر عام تسع وثمانين وثمانمائة بمكّة المشرّفة على يد العبد الفقير

الحقير المعترف بالتقصير المستجير من دينه بالسيّد البشير فتح الله بن عبد الله بن عبد القادر الايغانى نسبا والشافعى مذهبا تجاوز الله عنه خطأه...

2) تواريخ اوليا, соч. محمد شريف; названіе книги (تواريخ اوليا) является хронограммой даты составленія ея 1265=1840 г.: ايں ازين بدانكه جامع بعن كتاب محمد شريف اين مساوده‌را (sic) براى يادكارى جمع كرده... كويند دركدام سنه جمع شد كتاب كويم ورا بجو زتواريخ اوليا (л. 603ᵃ). Всего 606 листовъ (№ 12: Ms. ga 581).

Л. 1—119 содержатъ апокрифическій разсказъ о жизни Мухаммеда и объ его путешествіи по небесамъ;

л. 120—134 — географическія свѣдѣнія о поясахъ земного шара;

л. 134ᵃ—143ᵃ — о двѣнадцати мѣсяцахъ, семи планетахъ и т. п.;

л. 143ᵃ—157ᵇ — (л. 152—155 бѣлые) о сотвореніи міра и объ Адамѣ;

л. 157ᵇ—164ᵇ — о кончинѣ пророка;

л. 162ᵇ—174ᵇ — о четырехъ преемникахъ пророка;

л. 174ᵇ—203ᵃ در سخنان اوليا واوصاف حميدهٔ ايشان وبيان احوالات آنها

л. 203ᵇ—211ᵃ در بيان امامان اثنا عشر وفضيلت ايشانان

л. 211ᵃ—239ᵇ [بيان بعض اصحاب وعلما ومشايخ]

л. 239ᵇ—279ᵇ در بيان ذكر سرحلقهٔ طريقت ومعرفت

л. 279ᵇ—338ᵃ در تقرير وتذكير سرور مشايخان متبرّكهٔ نقشبنديه

л. 338ᵃ—381ᵇ در بيان مقامت وكيفيّت حالات حضرت خواجهٔ بزرك بهاء الحق نقشبند

л. 382ᵃ—400ᵃ در بيان ظهور امير تيمور صاحب قران

л. 400ᵃ—535ᵇ (л. 536 бѣлый) — разныя свѣдѣнія;

л. 553ᵃ—604 در بيان مشايخ متأخّرين كه دربن سلسلهٔ عاليه كذاشته ومعاصر ايشانان از پادشاهان ذو الاحترام

Въ послѣдней главѣ приводятся біографическія свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся представителяхъ суфизма въ Мавераннахрѣ за послѣдніе вѣка, напр. داملا نياز, خليفه ادريس, خليفه نياز قلى التركمنى, ايشان كته خواجهٔ اوبانى خواجه محمد باقى بالله, صوفى الله يار, مولانا املا, خليفه نعمت الله عشق, محمد چقماق حضرت موسى خان خواجه, شيخ حضرت احمد سرهندى, خواجه محمد امكنكى, (بالله или محمد رحيم بابا المشهور, حاجى حبيب الله, مولانا سيّد محمد فيض‌آباد, دهبيدى بمشرب. Нѣкоторыя подробности о тѣхъ же представителяхъ суфизма собралъ покойный казанскій мулла Марджани въ послѣднихъ томахъ своего обстоятельнаго, но еще неизданнаго труда وفيّة الاسلاف وتحيّة الاخلاف. Свѣдѣнія, сообщаемыя Мухаммедъ-Шерифомъ, очень сбивчивы, почеркъ

рукописи, повидимому, написанной самимъ авторомъ, очень неразборчивъ. Болѣе подробно говорится объ Аллахъ-Ярѣ и Мешребѣ; перечисляются сочиненія обоихъ суфіевъ. Дата списка 1282.

4-го августа я по независящимъ отъ меня причинамъ долженъ былъ прервать работу и выѣхать въ Уфу; я не успѣлъ даже просмотрѣть собранія рукописей бывшаго шаршаузскаго бека, Селимъ-бія, проживавшаго въ то время въ окрестностяхъ города. Не удалось мнѣ также просмотрѣть и другія извѣстныя мнѣ собранія рукописей, напр., собраніе Фейзуллы-реиса, Абдуль-Ганія-токсабы и нѣкоторыхъ родственниковъ эмира, слѣдовательно, не удалось въ достаточной степени провѣрить то, что мнѣ разсказали въ восточныхъ городахъ ханства. Но все-таки я могъ убѣдиться въ томъ, что рукописи въ ханствѣ, если имѣются, то только въ столицѣ — Бухарѣ и то не въ медресе и не въ рукахъ ученыхъ муллъ, а въ рукахъ отставныхъ или уволенныхъ чиновниковъ, что книги по новѣйшей исторіи края, какъ и по новѣйшей средне-азіатской-турецкой литературѣ[1], еще могутъ быть отысканы; но такими памятниками цвѣтущей эпохи мусульманской культуры, какъ рукопись Туманскаго, ханство, очевидно, не богато.

Въ Бухарѣ при медресе и отдѣльно имѣлось около 15 библіотекъ; кромѣ того одинъ изъ бухарскихъ ученыхъ ابو الشرف ملا حسين السباعاتى въ срединѣ прошлаго столѣтія составилъ опись рукописей, имѣвшихся въ Бухарѣ и видѣнныхъ имъ въ другихъ городахъ Мавераннахра, которой онъ далъ названіе مرصد التصانيف الى صنوف الوف التواليف[2]. Но библіотеки эти при эмирѣ Насруллахѣ подверглись полному разоренію[3]; теперь отъ нихъ осталось только одно названіе и ихъ вакуфные доходы, но ни одной книги въ нихъ не хранится[4]. Опись Абушерефа тоже не нашлась, и потому

[1] См. А. Н. Самойловичъ: «Матеріалы по средне-азіатско-турецкой литературѣ» въ ЗВО, XIX, 01—030.

[2] Объ этомъ трудѣ пишетъ Марджани во второй части своего соч. «مستفاد الاخبار», Казань, 1900 г., стр. 266—268. Абушерефъ умеръ въ Бухарѣ 13 ша'бана 1274=1858 г.

[3] См. первую часть того же труда مستفاد الاخبار, Казань, 1885 г., стр. 192.

[4] Приводимъ названія библіотекъ и цифру ихъ доходовъ (въ бухарскихъ тенгахъ):

Джафаръ-Ходжа 18000	Бедель-бекъ 800
Гау-Кушанъ 5000	Дару-ш-Шифа 3000
Ходжа-Нигаль 8000	Базаръ Гусфендъ 1500
Кукаль-ташъ 1000	Баля-и-Хаузъ 1600
Абдуль-Азизъ-ханъ 2000	Джуйбаръ 1400
Мирза-Улугъ-бекъ 800	

Объ этихъ библіотекахъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія воспитанникъ константинопольскаго духовнаго училища «Медресе-и-Ва'изинъ», первый просвѣщенный бухарскій таджикъ АбдурраУфъ въ своей книгѣ بيانات سيّاح هندى, изданной имъ въ 1331 (1912—3) году въ Константинополѣ, стр. 25; ср. русскій переводъ А. Н. Кондратьева («Разсказы индійскаго путешественника»), стр. 22.

намъ остается неизвѣстнымъ, были ли въ этихъ библіотекахъ и упоминались ли въ этой описи какія либо цѣнныя сочиненія. Библіотекарями были авторы такихъ обширныхъ компилятивныхъ трудовъ, составленныхъ въ Бухарѣ, какъ جامع الرموز (по мусульманскому праву) и بحر الاسرار по исторіи, именно شمس الدين محمد القهستانى и محمود بن ولى[1].

А. Валидовъ.

Сентябрь 1914[2].

[1] Кухистани окончилъ свою книгу въ 941=1534 году; онъ былъ близкимъ другомъ автора вышеупомянутаго сочиненія بدايع الوقايع и потому авторъ послѣдняго, Васыфи, даетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Махмудъ-ибнъ-Вали жилъ въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка.

[2] Авторомъ статьи въ 1916 г. была прислана въ Азіатскій Музей еще одна персидская рукопись (№ 22: Ms. or. 731c), содержащая, по опредѣленію К. Г. Залемана: 1) л. 1—122б соч. ذخيرة الملوك, соч. على بن شهاب الدين الهمدانى, ср. Ethé, Bodl. no. 1451; 2) л. 122б—125 трактатъ по суфизму, безъ заглавія и имени автора; въ концѣ еще на 11 листахъ, четыре мелкихъ трактата нравоучительнаго содержанія.

Индо-европейское *medhu — обще-китайское *mit.

Уже неоднократно указывалось на совпаденіе индо-европейскаго *medhu 'медъ, медовый напитокъ' съ угро-финскими словами, выражающими тѣ же понятія (фин. *mesi* < **meti* 'Honig', лапл. *mietta* 'Meth', морд. *m'ed'*, черем. *mü*, зыр. *ma*, вот. *mu*, венг. *méz* 'Honig')[1]. Широкое распространеніе этого слова позволяетъ предполагать, что можетъ быть и звуковая близость китайскаго слова для 'меда' (но безъ значенія 'медоваго напитка') съ *medhu оказывается не случайной. Именно, пекинскому *mi* соотвѣтствуетъ обще-китайская форма *mit, возстановляемая, какъ на основаніи показаній прочихъ діалектовъ, такъ и изъ древнихъ китайскихъ заимствованій въ аннамскій, корейскій и японскій языки. Такъ аннамская форма, транскрибированная у Giles'a[2] черезъ *mêt*, вмѣстѣ съ Кантонской (*mêt* у Giles'a) и Хаккаской (*mit* у Giles'a) указываетъ на существованіе обще-китайскаго конечнаго переднеязычнаго смычнаго неносового (можетъ быть *t*; но конечно неизвѣстно, былъ ли этотъ звукъ въ обще-китайскую эпоху эксплозивнымъ или только имплозивнымъ; неизвѣстно и то, былъ онъ глухимъ или звонкимъ), исчезнувшаго въ пекинскомъ, но давшаго рефлексъ въ видѣ «входящаго тона» въ южно-мандаринскомъ и другихъ. Корейское *mil* объясняется тѣмъ, что всякое обще-китайское конечное **t* отражается въ корейскихъ заимствованіяхъ въ видѣ *l*[3]. Въ японскомъ имѣются формы *mići*[4] (Го-онъ) и *bicu*[5] (Канъ-онъ). Обѣ являются правильными соотвѣтствіями обще-

[1] Wiklund, Finnisch-ugrisch und indogermanisch, Le Monde Oriental, 1906, 63; семасіологическія детали — Gauthiot, Mémoires d. l. Soc. d. Lingu., 1910, XVI, pp. 269—70.

[2] См. Giles, Chinese-English Dictionary, № 7834.

[3] Ср. переходъ конечнаго **t* въ *r* въ китайскихъ діалектахъ — Baron A. von Staël-Holstein, Bemerkungen zu den Brāhmīglossen des Tišastvustik-Manuscripts, S. 141 ff.; Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss., 1914, XXI, S. 643—650.

[4] Знакомъ *ć* отмѣчаю мягкую дорсальную аффрикату — польск. *ć*.

[5] Знакомъ *c* отмѣчаю аффрикату *ts* = рус. *ц*.

китайскому **mit. ći* въ первой формѣ восходитъ на японской почвѣ къ **ti*, это послѣднее замѣнило повсюду въ Го-онѣ китайское конечное *t* въ виду отсутствія представленія закрытаго слога въ японскомъ. Этимъ же объясняется въ Канъ-онной формѣ **tu*, откуда позднѣе *cu* (съ факультативнымъ гласнымъ) въ *bicu*; *b* изъ начальнаго *m* является обычнымъ въ Канъ-онѣ. Существующая кромѣ этихъ форма *micu* (также *haći-micu* «пчелиный медъ») объясняется контаминаціей Канъ-она и Го-она (впрочемъ дублетныя формы, причисляемыя къ Канъ-ону, съ *m* вмѣсто обычнаго *b* < *m*, довольно часты). Приведенное у Giles'a *hitsz* (въ моей транскрипціи *çicu*) объясняется графически, какъ замѣститель *bicu* (*çi* и *bi* отличаются въ письмѣ часто пропускаемымъ діакритическимъ знакомъ), или же просто подстановкой *çi* вмѣсто *bi*, потому что эти сочетанія чрезвычайно часто чередуются въ чтеніяхъ другихъ іероглифовъ. Можно было бы видѣть препятствіе къ возстановленію обще-китайскаго **t* въ существованіи формъ, оканчивающихся на *k*, въ нѣкоторыхъ китайскихъ діалектахъ (приведенныя у Giles'a: Foochow и Yangchow *mik*); но этотъ переходъ *t* > *k* имѣетъ мѣсто только при смѣшеніи и **t*, и **k* конечныхъ въ одномъ звукѣ[1].

Наконецъ праформа **mit* доказывается и на основаніи данныхъ древне-китайской лексикографіи, собранныхъ въ трудѣ Karlgren'a[2]: іероглифу, означающему «медъ», приписывается древнее чтеніе съ Initiale 32 (= **m*) — см. № 3081 на стр. 137, и съ Finale 259 (= **it*) — см. № 2814 на стр. 211.

Въ заключеніе я укажу: 1) что имѣются сопоставленія индо-европейскаго *medhu также съ семитическими словами[3]; 2) что въ Китаѣ пчела водилась искони: «In Asien ist die Honigbiene dagegen nur in einer schmalen Zone zu Hause, die von West nach Ost über Kleinasien, Syrien, Nordarabien, Persien, Afghanistan, das Himalayagebirge, Tibet und China läuft»[4]. Въ Японіи же привозъ пчелъ (изъ Кореи — изъ Кудара) относятъ къ 643 году по Р. Хр.

Е. Поливановъ.

---

[1] Ср. Parker въ Philological Essay къ словарю Giles'a, стр. XVII, о Foochow: «...all final consonants become *k*». П. П. Шмидтъ, Опытъ мандаринской грамматики I[2], стр. 54—5.

[3] H. Möller, Vergleichendes indogermanisch — semitisches Wörterbuch, S. 157.

[2] Etudes sur la phonologie chinoise, 1915, I.

[4] Schrader, Reallexikon der indogerm. Altertumskunde, Biene, Bienenzucht.

Турецкій народецъ хотоны.

Посвящается Г. Н. Потанину.

I.

Новыя данныя о хотонахъ[1].

Въ С.-З. Монголіи среди довольно многочисленныхъ дэрбэтскихъ поколѣній кочуетъ небольшое племя хотоновъ, отличающееся многими этнографическими признаками отъ своихъ сосѣдей. Хотоны — турки и теперь, несмотря на то, что они сильно омонголились, что около 200 лѣтъ живутъ оторванными отъ своихъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ, все-таки сохранили кое-что изъ своего былого достоянія и въ области матеріальной культуры, и въ области языка и религіи.

Намъ совершенно ничего не извѣстно, когда и при какихъ обстоятельствахъ хотоны попали въ Кобдоскій округъ С.-З. Монголіи; неизвѣстно, жили-ли они среди ойратовъ въ Джунгаріи или нѣтъ; невозможно рѣшить также, были они прежде осѣдлымъ племенемъ или были такими же, какъ и теперь, кочевниками. Трудно пріурочить хотоновъ къ тому или другому турецкому племени[2], самое имя хоту̥, хотн̥, какъ они теперь называютъ

[1] Весной и осенью 1911 г. я, будучи командированъ «Русскимъ Комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи» въ С.-З. Монголію, дважды побывалъ среди хотоновъ въ районѣ Токтоху̥ шil и около Улангома на р. Tēlǐ (см. Б. Владимірцовъ, Отчетъ о командировкѣ къ Баитамъ, Изв. Русск. Комит. сер. II, № 1, 1912 г.). Г. Н. Потанинъ въ своихъ «Очеркахъ С.-З. Монголіи» даетъ краткое описаніе хотоновъ и приводитъ текстъ нѣсколькихъ молитвъ (см. Очерки, вып. II, стр. 15—18, 121, 124—127, 129—145).

[2] По тѣмъ небольшимъ образцамъ «хотонскаго» языка, которые удалось собрать Г. Н. Потанину и мнѣ, можно высказать предположеніе, что хотоны составились изъ разныхъ турецкихъ племенъ съ преобладаніемъ Втрк.-сартовскаго и Ккир. элементовъ, ср. Г. Н. Потанинъ ор. cit. стр. 17 (см. слѣдующую статью А. Н. Самойловича).

себя и какъ называютъ ихъ монголы, тоже не даетъ ничего. Монголы и въ частности ойраты называли хотонами (ᠬᠣᠲᠣᠩ · [illegible]) вообще мусульманъ туркестанцевъ, называя, такимъ образомъ, одинаково разныя племена[1]; иногда же слово хотоң (ᠬᠣᠲᠣᠩ) служило для обозначенія мусульманъ вообще. Въ настоящее время хотоны Кобдоскаго округа являются личными подданными, рабами (дэрб. бōл, бōлчӯт) одного дэрбэтскаго князя, хошоі чін wаң'а, сдѣлавшагося послѣ переворота 1911 г. аймачнымъ ханомъ съ титуломъ зоріктӯ. Можно поэтому предполагать съ нѣкоторой долей вѣроятности, что хотоны были приведены въ С.-З. Монголію предкомъ зоріктӯ-хан'а, Цереӊ-Убашi, который вмѣстѣ съ другими дэрбэтскими предводителями подчинился манджурамъ въ 1754 г.; первое время прикочевавшіе съ Иртыша дэрбэты жили на р. Дзакъ и Байдарикъ, затѣмъ ихъ перевели въ районъ оз. Усва (Убса), гдѣ они кочуютъ и понынѣ[2]. На своей старой родинѣ дэрбэты на равнѣ съ другими ойратами въ теченіе долгаго времени находились въ сношеніяхъ съ Туркестаномъ, при чемъ Восточный Туркестанъ принадлежалъ иногда джунгарскому царству. Въ дэрбэтскихъ былинахъ сохранилась смутная память объ этомъ. Такъ, почти во всѣхъ былинахъ появляется табунщикъ героя, старикъ Ак-сахл̥ (тур. ак сакал), при чемъ онъ иногда называется хотономъ, хотн̥ Ак-сахл̥, обычно онъ вѣрно служитъ своему господину, и только въ одной былинѣ описывается его измѣна.

Сами хотоны теперь не сохранили никакихъ почти преданій о своемъ прошломъ. Передается ими только обычно, что они пришли изъ страны Кӱңкер-хан'а[3], что раньше жили по сосѣдству съ ойратами на ихъ старой родинѣ — Джунгаріи. Хотоны назвали мнѣ имена своихъ семи предводителей, отъ которыхъ ведутъ свое начало семь хотонскихъ родовъ, имена

---

[1] Ср. К. Ѳ. Голстунскій. Монголо-ойратскіе законы. СПБ. 1880, стр. 22,59—60.

[2] См. «Ілдкел шастір» (Хуl. F. 38 по рукописному каталогу библіотеки Императорскаго Петроградскаго Университета) б. 95—96. Объ этомъ сочиненіи см. А. М. Позднѣевъ, Монгольская лѣтопись «Эрдэнійнъ эрихэ». СПБ. 1883, стр. XXIX—XXXII. П. С. Поповъ, Мэнъ-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольскихъ кочевьяхъ. СПБ. 1895, стр. 134, 444. Ср. Г. Н. Потанинъ. op. cit. стр. 16—17.

[3] Подъ Кӱңкер-хан'омъ монголы теперь понимаютъ мусульманскаго государя, живущаго на западѣ, иногда это имя пріурочивается къ турецкому султану, напр. въ монг. исторіи «Болор-толі» (объ этомъ сочиненіи см. А. Д. Рудневъ, Замѣтки по монг. литературѣ, Зап. Вост. Отд. XV, стр. 032—034); самое слово Кӱңкер вѣроятно заимствовано монголами отъ своихъ западныхъ сосѣдей, ср. перс.-осм. خونكار, титулъ османскаго султана; хотя возможно, что монголы заимствовали это слово не непосредственно отъ мусульманскихъ народовъ Средней Азіи, а отъ тибетцевъ, ср. тиб. куң-кар, турокъ, турецкій народъ, турецкій государь.

эти слѣдующія: ᵘХудаı-Берді, Шаwă, Hilwă, Шаљбᵃк, Öзбöк, Хасц, Цöс; Г. Н. Потанинъ, тоже указывая на число семь, даетъ нѣсколько другія имена (op. cit. стр. 16—17).

Въ настоящее время хотоны образуютъ сумун, административную единицу хошуна-удѣла вышеупомянутаго зоріктў-хан'а. Численность ихъ доходитъ до 300—400 кибитокъ (Г. Н. Потанинъ указываетъ цифру 100). Главная масса ихъ зимуетъ и лѣтуетъ въ горахъ у р. Бурђўстӓ, на осень и весну они спускаются на равнину оз. Усва и стоятъ на системѣ р. Tēlï, гдѣ у нихъ имѣются довольно обширныя пашни.

Хотоны довольно сильно отличаются отъ окружающихъ ихъ дэрбэтовъ своимъ типомъ, часто можно встрѣтить лица съ прямымъ разрѣзомъ глазъ, съ прямымъ носомъ, много попадается бородачей. Взаимные браки между хотонами и ихъ сосѣдями существуютъ развѣ только какъ случайное явленіе, обычно хотонъ женится на хотонкѣ же, хотя у нихъ браки между дальними родственниками невозможны. Въ юртахъ хотоновъ грязно до невозможности, неряшливо, гораздо хуже, чѣмъ у дэрбэтовъ, хотя и тѣ не могутъ похвастаться опрятностью. Мужчины одѣваются по дэрбэтски, и только муллы носятъ особую шапку съ краснымъ верхомъ; мужчины всѣ бреютъ волоса на головѣ; женщины носятъ особую прическу: дѣвушки заплетаютъ одну косу, на которую насаживаются особыя украшенія (бōдᵒк), состоящія изъ пряжекъ съ нѣсколькими, по большей части 5-ю висюльками изъ бусъ (тобчï), спереди же отпускаютъ небольшія косички (шацхăк), какъ и дэрбэтскія дѣвушки; женщины заплетаютъ двѣ спускаемыя назадъ косы, которыя соединяются вмѣстѣ при помощи особаго украшенія изъ бусъ (чачïбᵃк)[1]. Иногда хотонки, какъ и дэрбэтскія женщины, спускаютъ на грудь особые чехлы для двухъ косъ (дуктӯ), только у нихъ они остаются пустыми. Верхняя безрукавка (цегедᵉк) у хотонокъ короткая, немного ниже пояса, но все-таки отличается отъ тоже короткаго цегедᵒк'а хотогойтскихъ женщинъ и мингатокъ.

Главное занятіе хотоновъ скотоводство и земледѣліе. Весною, послѣ перекочевки на систему р. Tēlï, происходитъ дѣлежъ земельныхъ участковъ; количество земли, получаемое тѣмъ или другимъ семействомъ, зависитъ отъ количества мѣшковъ зерна, готовыхъ для посѣва, находящихся въ его распоряженіи. Хотоны слывутъ за лучшихъ земледѣльцевъ С.-З. Монголіи; обрабатываютъ они, впрочемъ, свои поля самымъ примитивнымъ образомъ, очень мало отличаясь въ этомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей дэрбэтовъ и баитовъ.

[1] Тур. слово, см. ниже, словарикъ.

Повидимому, въ настоящее время хотоны позабыли почти всѣ свои обычаи и совершенно омонголились, заимствовали даже обычай обмѣниваться хадаками.

Но національное самосознаніе у хотоновъ существуетъ, они себя совершенно опредѣленно считаютъ особымъ народомъ—хотц̥—не монголами, а родственниками киргизовъ и народа Кӯцкер-хан'а; дэрбэтовъ и вообще всѣхъ западныхъ монголовъ они называютъ хаlім^{а}к = тур. kалмаk, своихъ же однохошунцевъ дэрбэтовъ называютъ также и отӧк, что значитъ родъ, поколѣніе народа. Съ грустью хотоны сознаютъ, что все болѣе и болѣе забываютъ старину, свой языкъ, вѣру, все болѣе и болѣе дѣлаются похожими на окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ дэрбэтовъ; — бідӧ хотц̥ хаlім^{а}к боллā, мӧн енӧ дӧрwӧт kelц̥д' орлā, мӯ, мӯ! — «мы хотоны сдѣлались ойратами, вошли въ языкъ вотъ этихъ дэрбэтовъ, плохо, плохо!» — съ грустью говорили мнѣ одинъ мулла и одинъ уважаемый старикъ.

Монголы-дэрбэты относятся къ хотонамъ нѣсколько свысока, презирая ихъ за то, что они рабы (бōл), за то, что они не поклоняются «бурхану», ходятъ съ бритыми головами (мухр̥ толђāтă); но, при простотѣ кочевой жизни и благодаря дѣтскому характеру дэрбэтовъ, при ихъ небрежномъ отношеніи ко всему, это презрѣніе хотоновъ мало въ чемъ выражается, развѣ только въ томъ, что дэрбэтъ ждетъ, чтобы хотонъ первый привѣтствовалъ его при встрѣчѣ. Какъ личные подданные князя ӡоріктў-хан'а хотоны несутъ особыя повинности, платятъ особыя подати, не участвуя съ другимъ населеніемъ хошуна-удѣла въ ихъ распредѣленіи. Главныя подати и повинности хотоновъ состоятъ въ представленіи князю опредѣленнаго количества мѣшковъ зерна, молотьбы на княжескихъ мельницахъ, пастьбѣ княжескаго скота, въ особенности табуновъ, и исполненіи разнаго рода черной работы при княжеской ставкѣ (ӧргӧ); иногда приходится хотонамъ по приказу князя представлять скотъ, шкуры, серебро. Опредѣленной податной единицы не существуетъ, все зависитъ отъ воли князя и чиновниковъ-дэрбэтовъ. Хотоны очень жалуются на тяжесть податей и повинностей (албă), говоря что никакъ не могутъ поправиться, разбогатѣть, потому что чиновники-дэрбэты «ѣдятъ» все (цук ідӧц̥ї wäïнä), — «бідӧ кедў саwă тарā ноінä ӧргӧдӧ бäрц̥äнä, басă хӧї бäрнä, сўрўк харӯlдм̥; албă ікї! — «мы представляемъ нѣсколько мѣшковъ зерна въ ставку пойона; барановъ представимъ, должны караулить княжескій скотъ; повинностей много!», говорилъ мнѣ одинъ хотонъ, Барзäl. Сами хотоны очень хорошо сознаютъ свою полную зависимость отъ воли своего господина-князя, свое безправное по сравненію съ дэрбэтами однохошунцами по-

ложеніе. Князь имѣетъ полное право распоряжаться не только имуществомъ, но и жизнью своихъ рабовъ, хотя на практикѣ, кажется, казни никогда не примѣнялись. Благодаря этому хотоны особенно преклоняются передъ своимъ хошунnымъ княземъ, особенно чтутъ его: ō ха̄ᶦрхц̥, мана̄ ноінāсакӯсц̥ öршāтн̥! — «о, святая милость, геній хранитель нашего князя смилосердуйтесь!», часто и часто повторяютъ они. Поэтому-то хотоны очень боятся что-либо разсказывать о себѣ, о своемъ состояніи, о своей старинѣ, особенно иностранцамъ; князья смотрятъ на нихъ какъ на своихъ домашнихъ людей, свою домашнюю собственность и считаютъ за вторженіе въ свои личныя дѣла разспросы о хотонахъ. Одинъ старикъ Духӯ, онъ же Аjӯр-Цац̥, сообщивъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о своихъ родичахъ въ заключеніе сказалъ мнѣ слѣдующее: та надāс jӯ сонöсwл̥, манā ноін̥дӧ біткā кеlітă; бідȇ хотц̥ мухр̥ толђāтă бăᶦхāс бішӣ jум орӧстӧ кеlц̥ĭ чатхӯгā. та манā ноін̥дӧ кеlwл̥, манāдă гем сӯлђнā, тандă гāᶦгӯ, манāдă гем сӯнā! — «Вы не говорите нашему князю о томъ, что слыхали отъ меня; мы хотоны можемъ говорить русскимъ только то, что (ходимъ) съ бритыми головами. Если вы разскажете нашему князю, зло намъ сдѣлаете, вамъ все равно, намъ будетъ плохо». Говорятъ, лѣтъ 40 тому назадъ хошунный князь положительно приказалъ хотонамъ ничего не сообщать русскимъ о себѣ. Очень можетъ быть, что вышеприведенныя слова — отголосокъ давняго повелѣнія.

Въ настоящее время болѣе всего отличаетъ хотоновъ отъ монголовъ религія. Теперешняя религія хотоновъ представляется странной смѣсью мусульманскихъ переживаній и ламайскихъ и шаманскихъ напластованій[1]. Бога хотоны называютъ персидскимъ словомъ Худаĭ (ᴦХудаĭ), но далеко не всѣ имѣютъ о немъ такое же представленіе, какое мусульмане объ Аллахѣ. Для большинства хотоновъ Худаĭ одинъ изъ многихъ добрыхъ духовъ. Послѣ Худаĭ хотоны чтутъ Хан-хоц̥ā и Мӧм-перlāр; трудно сказать, какой именно hоц̥а почитается теперь подъ именемъ Хан-хоц̥ā, что же касается имени Мӧм-перlāр, то объяснить его трудно.

Изъ божествъ, заимствованныхъ отъ ламаитовъ-шаманистовъ, хотоны особенно чтутъ владыку земли, хозяина земли, котораго называютъ монгольскимъ словомъ деlкāн ез̥н̥ или деlкāн хāн, въ ламайскомъ пантеонѣ ему будетъ соотвѣтствовать деlкāн ез̥н̥ Цађāн öwгн̥[2]. Чтутъ также хотоны геніевъ, владыкъ, хозяевъ разныхъ мѣстностей, такихъ геніевъ назы-

---

[1] Ср. Г. Н. Потанинъ op cit. стр. 17—18.

[2] См. A. Grünwedel. Mytholog. d. Buddhis. 173.

ваютъ тоже монгольскимъ (тибетскаго происхожденія) именемъ сабдᵃк или сабдᵃк-шібдᵃк (шабдᵃк-шібдᵃк). Часто геній-хозяинъ какой нибудь мѣстности отожествляется съ самой мѣстностью, такъ хотоны теперь чтутъ горы Алтā, Хаңгā, рѣки Харкрā, Тēlī.

Кромѣ того хотоны еще чтутъ божество — покровителя ихъ кочевій, владыку земельныхъ и водныхъ угодій ихъ родины — которое они называютъ турецкимъ словомъ Јер-суw (земля — вода). Слово это встрѣчается въ орхонскихъ надписяхъ; подъ Јер-суб турки 8-го вѣка понимали божество, очень похожее на божество современныхъ хотоновъ, у которыхъ, слѣдовательно, несмотря на то, что они почти совсѣмъ омонголились, сохранился такой древній пережитокъ [1], который наблюдается также еще и на Алтаѣ.

Муллъ (по хот. мол или молдŏ) довольно много, они пользуются уваженіемъ, но, повидимому ихъ не окружаютъ такимъ благоговѣніемъ, какимъ окружаютъ монголы своихъ ламъ. Арабскія книги, которыя у хотоновъ имѣются въ небольшомъ количествѣ, муллы теперь читать не могутъ, муллы знаютъ свой законъ наизусть и устнымъ путемъ передаютъ своимъ ученикамъ. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что сравнительно недавно среди хотоновъ находились лица, умѣвшія хотя бы читать по арабски; народная память сохранила имена такихъ муллъ, да и теперь попадаются лица, знающія названія нѣсколькихъ буквъ арабскаго алфавита. Во всѣхъ хотонскихъ юртахъ, на почетномъ мѣстѣ, стоитъ небольшой деревянный ящикъ (ᵏхачāн), внутри котораго находится лядунка (ᵏхумāр) съ маленькой арабской книжкой, содержащей обычно первую суру Корана; книжка часто завертывается въ шелковый шарфъ-хадакъ, — обычай, заимствованный отъ сосѣдей; дѣйствительно монголы ламаиты постоянно завертываютъ свои священныя книги въ хадаки. Этотъ ᵏхачāн и ᵏхумāр съ арабской книгой являются главными предметами поклоненія въ юртѣ. Передъ ᵏхачāн'омъ ставятся маленькія чашечки (чаще всего двѣ); передъ тѣмъ какъ начать разливать чай, хозяйка юрты наливаетъ чай въ эти чашечки съ молитвеннымъ поклономъ. Затѣмъ она брызгаетъ чаемъ въ дымовое отверстіе юрты — это въ честь владыки земли, деlкāн езн̥; въ огонь — въ честь хозяина огня, галīн езн̥ и опять въ сторону ᵏхачāн'а. Муллы не только читаютъ тексты изъ Корана, но и читаютъ по разному случаю молитвы и благопожеланія владыкамъ мѣстностей, Јер-суw'у и т. д. Въ честь Јер-суw приносятъ въ жертву барана, которому при этомъ отрѣзываютъ голову; шкура потомъ вѣшается и по окончаніи

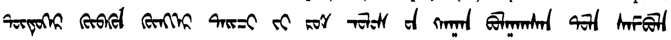
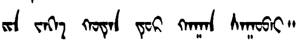
---

[1] См. проф. П. М. Меліоранскій, Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями. Ж. М. Н. П. 1898, іюнь, стр. 265—6.

обряда поступаетъ муллѣ. Въ честь геніевъ мѣстностей (сабдᵃк) хотоны устраиваютъ обō, но ставятъ ихъ изъ камней нѣсколько иначе, чѣмъ монголы; муллы также совершаютъ обрядъ жертвоприношенія этимъ обō, при чемъ жгутъ голову и кости барана, брызгаютъ его кровью. Когда хотонъ умираетъ, передъ его головой ставятъ свѣчу и приглашаютъ муллу. Мулла читаетъ надъ покойникомъ слова Корана и молитвы, которыя должны отправить душу (сӳнсц̥) покойнаго въ радостную область Шамбл̥, лежащую на дальнемъ западѣ. Но что будетъ съ душою человѣка грѣшнаго? Хотоны, обычно, на этотъ вопросъ отвѣчаютъ наивно: «Мулла не отправитъ душу грѣшника въ Шамбл̥». Понятіе о Шамбл̥'ѣ (санскр. Çambhala, тиб. Шам-бха-ла, бде-ḥбјуц), заимствовано отъ ламаитовъ, среди которыхъ легенды о буддійской радостной странѣ очень распространены [1].

Хоронятъ своихъ покойниковъ хотоны всегда на особыхъ кладбищахъ (кӯр, монг. слово), при чемъ тѣло, лицомъ обращеное на западъ, кладутъ на правый бокъ, надъ могилами устраиваютъ небольшія курганчики изъ земли или камней, или маленькія часовенки, обычно называемыя монгольскимъ словомъ цацă. На похоронахъ тоже приносятъ въ жертву барана и жгутъ на огнѣ печенье — бōрцᵒк'и. Хотонскія кладбища находятся на вершинѣ р. Тēlї и внизу, на пашняхъ, около хлѣбныхъ (и другихъ) складовъ (сӯрӯм). На кладбищахъ тоже устроены обō. Монголы же, какъ извѣстно, хоронять своихъ покойниковъ совершенно по другому.

На свадьбахъ муллы тоже читаютъ Коранъ и благопожеланія передъ началомъ обрядовъ свадебнаго дѣйства, которыя ничѣмъ не отличаются отъ дэрбэтскихъ; только родители жениха и невѣсты произносятъ благопожеланіе на хотонскомъ языкѣ. Знаніе первой суры Корана распространено и среди простого народа, ее называютъ обычно по начальному слову al-хам. Хотоны считаютъ, что всѣ ихъ священные тексты, al-хам, благопожеланія, молитвы, всѣ составлены на ихъ старомъ «хотонскомъ» языкѣ. Хотонамъ приходится иногда видѣть киргизовъ, являющихся въ качествѣ ямщиковъ въ Улангомъ, и хотоны считаютъ, что ихъ законъ и языкъ по-

[1] Въ монг. сочиненіи «Кӧке дебтер» (СПБ) на стр. ᠑᠗ (17) встрѣчается такая фраза:
 » такъ какъ онъ (сынъ Чингисъ хана Чаҕатаі) своего четвертаго сына Кӳнкер-тајіці сдѣлалъ царемъ народа Рум (Турція, Византія), то послѣдній сѣлъ царемъ въ великомъ городѣ Самбула (по всей вѣроятности Стамбулъ). Можетъ быть понятіе о раѣ Шамбл̥ сложилось у хотоновъ не только подъ вліяніемъ буддійскихъ сказаній о Шамбл̥'ѣ—Шам-бха-ла, но и подъ вліяніемъ разсказовъ о столицѣ Кӳнкер-хан'а—Стамбулѣ.

хожи на киргизскіе. Въ настоящее время, хотоны почти совершенно позабыли свой родной языкъ, одно изъ турецкихъ нарѣчій, и совсѣмъ усвоили, даже и для интимнаго домашняго употребленія, дэрбэтское нарѣчіе монгольскаго языка. Но въ народной памяти сохраняются еще слова и выраженія стараго родного языка; совсѣмъ недавно, говорятъ, умерли старики, хорошо знавшіе этотъ языкъ и умѣвшіе даже на немъ разговаривать.

Ниже я помѣщаю нѣсколько отдѣльныхъ выраженій и небольшой словарикъ—все что удалось мнѣ записать отъ разныхъ лицъ. Пробѣгая списки хотонскихъ словъ, легко замѣтить, что хотоны много турецкихъ фонемъ замѣнили монгольскими, напр.: слогообразующій н, м вмѣсто какого-нибудь V+н, м, долгій V вмѣсто V съ удареніемъ, ӑ вмѣсто ы. Любопытно отмѣтить, какъ образецъ параллельнаго развитія языковъ, что въ якутскомъ и чувашскомъ тоже въ извѣстныхъ случаяхъ турецкому ы соотвѣтствуетъ ӑ, а тур. і соотвѣтствуетъ ĕ, ср. также вост. турк. آلته шесть, напр. З. В. О. И. Р. А. О. XV, стр, 237, прим. 2, стр. 246, прим. 2, (В. В. Бартольдъ, Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанъ). Что же касается сложнаго звука ^{к}х соотвѣтствующему тур. k, то трудно опредѣлить, появился ли онъ у хотоновъ благодаря вліянію монгольскаго языка, не знающаго теперь k, или же процессъ измѣненія k въ ^{к}х, х произошелъ раньше близкаго языкового знакомства хотоновъ съ монгольскимъ міромъ; нѣкоторыя турецкія нарѣчія, дѣйствительно, знаютъ такое измѣненіе k въ ^{к}х и х, напр. нѣкоторые говоры алтайскаго нарѣчія, какъ чуйскіе теленгиты, онгудайскіе, хабаровскіе алтайцы говорятъ а^{к}ха, ц̍аш тур^{к}хара, ц̍аха[1]. Надо отмѣтить особую форму па лā, lā возникшую или благодаря консонантной ассимиляціи изъ формы ды, или благодаря вліянію монгольскаго языка, гдѣ форма прошедшаго на лā очень распространена и могла вызвать появленіе аналогичныхъ образованій и въ турецкихъ словахъ и выраженіяхъ хотоновъ. Повидимому слова атӑ, бешĭ, бĭрі, бутŭ etc. являются въ формѣ съ мѣстоименной притяжательной приставкой для третьяго лица, подвергшейся ассимиляціи съ предшествующими гласными основы. Въ словахъ аҕан- — старшій братъ, ц̍ірмāн — двадцать, появляется конечное н въ противоположность другимъ турецкимъ нарѣчіямъ; наоборотъ въ другихъ хотон. словахъ напр., въ словѣ улā—юноша, отсутствуетъ конечное н, тогда какъ въ другихъ діалектахъ это слово звучитъ улан, ӯлан.

---

[1] Ср. также чуваш. х соотвѣтствующее тур. k (см. Ашмаринъ, Матеріалы для изслѣдованія чуваш. яз. Каз. 1894, стр. 82—83). В. В. Бартольдъ указалъ мнѣ на арабскія транскрипціи: خاقان, خرخيز, خرلخ.

Отдѣльныя выраженія.

ата болђӧн Харкрā,
аиа болђӧн Тēlї Отецъ — рѣка Харкира, мать — рѣка Тэли[1]

атā усхӯ[2] турāт[3] напоилъ коня.

баллāрні[4] јасц ӯзц јаин толō Года жизни дѣтей (пусть будутъ) долги, жизнь полна. Благопожеланіе (мон.-дэрб. јӧрāl), произносимое на свадьбахъ родителями жениха и невѣсты.

бу кіші этотъ человѣкъ.

гаїдā јӯр приди.

гаїдā јӯрāт пришелъ, вернулся.

іштїм я выпилъ.

јердė јерlėгäн,
ер-суw перlär божество Йеръ-Сувъ, поселившееся на (нашей) землѣ — (Отрывокъ молитвеннаго обращенія).

јіт тäwшäк турāт собака спокойна.

јӯрlä шелъ.

кічіне балам бар боллā мое маленькое дитя стало большимъ (взрослымъ, собств. существующимъ = живущимъ).

мал тӯр есäн? скотъ здоровъ?

тоїдм я насытился, я сытъ.

тӯтӯн гарāс?[5] табакъ куришь?

Хан-ᵏХоцам, Мӧм перlär! мой Ханъ-Ходжа,...

Хан Хоцāм, ᵏХудаї! мой ханъ Ходжа, Господи!

Словарикъ.

аwшїхäн (ср. Уйг., Дж., Втрк., Тоб. абушка) старый, старикъ.

ађāн (Уйг., Ком., Осм., Втрк., Тел., Кир. Каз., Ккир., Ад., Тар., Саг., Койб., Бар., Тоб. ађа) старшій братъ.

алтā (Уйг., Ком., Осм., Крм., Каз., Тоб., Бар., Кир., Кар., Алт., Тел.,

---

[1] Монголы очень часто величаютъ рѣки и озера, подлѣ которыхъ живутъ, матушкой, напр. дäмбі ölöг'ы называютъ р. Кобдо — Хобдӧ хатн бӯрл ēцї, царица сѣдая матушка; урянхайцы называютъ оз. Косоголъ ēцї далᵃē, матушка-море.

[2] Сл. усхӯ настолько искажено, что не поддается анализу; несомнѣнно, что оно произошло отъ корня су, усу — вода; С. Е. Маловъ предложилъ догадку: усхӯ=Втрк. усak, — жаждущій, н.-уйг. ӯс(v) жаждать; тогда фразу атā усхӯ турāт, надо будетъ перевести: лошадь захотѣла пить. Хотонъ, отъ котораго я записалъ эту фразу, перевелъ ее на монг. языкъ такъ: морї усӯlцї, т. е. напоилъ коня.

[3] Форма турāт есть форма настояще-будущаго времени; подобныя формы встрѣчаются въ алтайскомъ нарѣчіи (ср. Грам. алтайскаго яз. Каз. 1869 г., стр. 70—71 и 85) и въ кара-киргизскомъ (см. V т. «Образцовъ» В. В. Радлова). У киргизовъ кереевъ и хотонъ-карагаевъ мнѣ пришлось слышать эту форму совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ она встрѣчается у хотоновъ, алтайцевъ и кара-киргизовъ напр. бilет, при чемъ форма эта употреблялась и для перваго лица вм. бilе-мін въ краткихъ отвѣтахъ. Ср. также форму бilед'екен (Меліоранскій op. cit. 57).

[4] Genet. NB.

[5] Слово гарāс не поддается анализу.

Саг., Койб., Кч. алты; Якут. алта) шесть.

al-хам (араб. الحمد لله) назв. священнаго текста (первыя слова первой суры Корана).

амāli (?) назв. священнаго текста, или священнаго лица.

ана (Уйг., Дж., Втрк., Осм., Ком., Кар., Крм., Туб., Леб., Бор., Тоб., Тар., Каз. ана) мать.

ата (Дж., Втрк., Сарт., Крм., Осм., Ком., Тар., Тоб., Бар., Каз.. Кир. ата) отецъ.

атă (Тур. всѣ нар. ат) лошадь.

ахн̥ (перс. آخوند) ахунъ, старшій мулла.

аштах ср. Тоб., Каз., Крм., Ком., Уйг. ашлык[1], хлѣбъ) хлѣбъ (на корню), хлѣбъ въ зернѣ, пашня.

бала (Кир. Ккир., Втрк., Хив., Крм., Осм. бала) дитя, ребенокъ.

бар (Орх., Дж., Втрк., Хив., Тркм., Кир., Ком. etc. бар) онъ есть, существующій.

бē сѣдло.

бер (Орх., Дж., Втрк., Кам., Тор., Тркм., Хив. бер) давать.

бешї (Орх., Осм., Дж., Втрк., Тар., Сарт., Хив., Туркм., Крм., Ад., Кар., Ккир., Ком. беш) пять.

бірі (Орх., Дж., Осм., Крм., Сарт., Хив., Тркм., Втрк., Ккир., Кар. бір) одинъ.

біріи шестьдесятъ (?).

бол (Орх., Дж., Втурк., Хив., Туркм., Кир. бол) быть, сдѣлаться.

бу (Орх., Осм., Ад., Тркм., Хив., Сарт., Дж., Ком., Тар., Кир., Крм., Каз. бу) этотъ.

бутў (ср. Осм., Дж., Хив., Сарт., Тркм., Крм., Кар., Ком., Кир. бут, бедро; Дж. нога) нога.

бўркăк (ср. Осм. бўрк, Каз. бўрїк) шапка.

бічāк (Осм., Крм., Кр. бычаk) ножъ.

гамчаk (ср. Осм., Ад., Крм., Каз., Алт., Тел. kамчы; Тар., Турф., Дж. kамчі) плеть, нагайка.

гаїд(т?) (ср. Дж., Втрк., Крм., Ком., Тел., Кир., Каз., Бар., Тоб., Тюм. kaiт) возвращаться, вернуться.

гак узда.

гол (Уйг., Кам., Осм., Крм., Алт., Тел., Леб., Шор., Саг., Койб., Кир., Ккир. kол) рука.

гӧзă (ср. Осм. ґӧз) глазъ.

гӧш (Осм. ґӧш, Тар. гӧш) мясо.

ґурт (ср. Уйг., Осм., Алт., Тел., Леб. kурут) родъ сыра.

егер (ср. Дж. Сарт. екечі) старшая сестра.

емпр̥ (ср. Дж. кемпір, Кир. кемпір) старуха.

есăн (Осм., Дж., Втурк. есен) здоровый.

ечїге (ср. Алт., Тел. ечке; Ком., Дж., Кар. ечкі) коза.

џілхă (Уйг., Кюэрк., Кыш. jылђы; Орх., Ком., Алт., Тел., Туб. jылkы; Кир., Каз. џылkы) кони, лошади (табунами).

[1] А. Н. Самойловичъ предложилъ разсматривать окончаніе тах, какъ измѣненіе лыk, гдѣ л ассимилировалось съ согласн. основы.

цірмäп (Тар. jірма, Алт. jірме, Кир. цірма) двадцать.

Цöс собств. имя. Имя одного изъ былыхъ предводителей хотоновъ.

цӯр яма, куда ссыпаютъ обмолотый хлѣбъ.

заjіб (Каз., Кир. заjып, Сарт., Дж. заjіф < араб. ضعيفه) жена, супруга.

імрäк (ср. Тел. емірек) малый, маленькій, молодой.

іт, jіт (Ад., Дж., Тар., Втрк., Крм., Ком., Алт., Тел., Шор., Кир., Уйг., Кар., Осм. іт) собака.

іш (ср. Кир., Шор. іш; Осм., Ад., Дж., Втрк., Уйг., Кар., Крм., Тар., Ккир., Алт., Тел., Леб. іч) пить.

jakші (Алт., Тел., Туб., Леб., Каз., Ком., Уйг., Кар. jakшы) хорошій, добрый, прекрасный.

jaн (ср. Уйг., Ком., Алт., Бар. jaң душа, душевное состояніе, характеръ, образъ, кровь, обычай) жизнь, душевная жизнь.

jac (Койб. jac, Орх., Уйг., Осм., Ад., Дж., Крм., Ком., Тар., Каз., Алт., Тел., Леб., jaш) годъ жизни.

jeцге (Уйг., Орх., Ком., Дж., Кир., Каз., Втрк. jaцak, щека) щека.

jep (ср. Орх., Уйг., Ком., Осм., Дж., Тар., Алт., Тел., Леб., jep) земля.

eplė (Орх., Дж., Алт., Тел. jeple) жить, обитать.

Jep-cyw (Орх. jep суб)[1] земля и вода, родныя кочевья, назв. Божества-покровителя и хозяина родины.

jетĕ (Орх., Дж., Ком. jеті) семь.

jіт см. іт.

jok (Орх., Уйг., Осм., Дж., Ком., Крм., Алт., Тел., Леб., Тоб. Кюэрк. jok) нѣтъ, небытіе, отсутствіе.

jӯр (Орх., Алт., Тел., Леб., Ккир., Тоб., Тар.) jӯр идти, ѣхать.

кезäl названіе матеріи, далямба.

кĕрек (Бар., Тел., Шор., Саг., Койб., Каз. kырыk; Орх., Уйг., Осм, Ад., Крм., Каз., Кир., Бар., Тоб., Саг., Койб. kырk) сорокъ.

кіш`і (Орх., Ком., Втрк., Тар., Крм., Осм., кіші) человѣкъ.

кічіне (ср. Осм. кічі, Дж., Тел., Тар. кічік, Дж. кічіккіне, Алт., Тел. кічінек) маленькій.

матă (ср. Кир., Тркм. Хив., Сарт. мата, красный товаръ, даба<араб. متاع) даба (назв. матеріи).

мол (Осм., Тркм. молла, Кир. молда) мулла.

молдŏ (кир. молда) мулла.

мон`äн (ср. Алт., Тел., Шор., Койб., Кч., Кир. моін; Кир. моjун) шея.

Мöм nеplär?

мурда (ср. Кир., Кюэрк., Шор. мурун, носъ; Осм., Крм., Тркм., Хив., Сарт., Ком., Кир., Кар. бурун, id.) носъ.

Hilwa собств. имя, имя одного изъ былыхъ предводителей хотоновъ.

ōзă (ср. Ккир. ōз, ōс, ротъ; Кир., Каз., Крм. ауз, id.) губы, ротъ.

он (Уйг., Осм., Дж., Ком., Крм., Кир., Ккир., Алт., Леб., Тел., Шор. он) десять.

[1] Ср. также уйг. jep сув, см. Radloff, Kuan-ši-im Pusar (Biblioth. Buddh. XIV), стр. 33.

отă (Уйг., Дж., Втрк., Крм., Ком., Кар., Тар., Алт., Тел., Кир., Койб. от) огонь.

отус (Осм., Ад., Ком., Крм., Кир. отуз, Ккир. отус) тридцать.

очаҕ (ср. Тар., Дж. очаk, таганъ, очагъ; Ад., Дж. очаҕ, id.) очагъ.

Öзбöк (ср. Осм., Дж., Тркм., Хив. öзбек, назв. турецкаго племени) собств. имя, имя одного изъ бывшихъ предводителей хотоновъ.

öтӓк (ср. Дж., Втрк. Сарт., Тар., Ккир. öтӱк) сапогъ.

пашʼ (Алт., Тел., Леб., Шор., Кч., Уйг.? паш) голова.

пеrlӓр (plur. <перс. پری) божество, духъ, пророкъ.

Саlӓмᵃт (араб. سلامة) собств. имя.

сеrіс (Уйг., Шор. сеrіс; Койб., Кач. сӗrіс) восемь.

сеrісц̥ (Алт., Тел. сеʒізен) восемьдесятъ.

семез (Уйг., Алт., Тел., Кюэрк. семіс, Осм., Ком. семіз) жирный.

сусҕо (ср. Шор., Леб. сусkа, сачокъ; ковшъ Тел., Алт. сус, ковшъ) ковшъ.

талхă (Тел., Алт., Кир., Сойт., Каз. талkан, толокно, ячменная поджаренная мука; Втрк., Тар., Дж. таlkан, id.) мука, толокно, поджаренная мука, особое кушанье изъ муки.

тӓwшӓк спокойный, мирный.

тоҕус (Уйг., Алт., Леб., Тел., Шор., Саг., Койб., Кч., Кар., Ком. тоҕус) девять.

тöї (Дж., Втрк., Кар., Алт., Тел., Леб., Тар. тої) насытиться.

толлō (ср. Алт., Тел., Кмд. толо) полный.

тон (Орх., Уйг., Дж., Втрк., Ком., Кар., Алт., Тел., Койб., Кир. тон) одежда.

тōⁱ (ср. Алт., Тел., Леб. тō; Кир. тӱö) верблюдъ.

тöрт (Орх., Уйг., Дж., Ком., Тар., Алт., Тел., Леб., Шор., Саг., Койб., Кир., Ккир. тöрт) четыре.

тilї (Уйг., Дж., Втрк., Ком., Кар., Алт., Тел., Леб., Шор., Саг., Койб., Кч., Кир., Тар., Тоб., Бар. тil) языкъ.

тішʼ (Уйг., Дж., Ком., Втрк., Алт., Тел., Шор., Леб., Ккир. тіш) зубъ.

туз (Осм., Дж., Втрк., Тар., Кир., Ккир., Крм., Ком., Кар., Тоб. туз) соль.

тӯр. тур (ср. Уйг., Дж., Алт., Тел., Леб., Шор., Саг., Койб., Кач., Кюэрк., Ккир., Кир., Сой., Тоб., Тум., Бар., Орх. тур) стоять, жить.

тӱтӱн (Дж., Осм., Ком., Крм., Кр., Тар., Кир. тӱтӱн, дымъ, табакъ) табакъ.

узц̥ (Уйг., Дж., Втрк., Осм., Тар., Ком., Крм., Кир., Ккир., Алт., Леб., Шор., Саг., Койб. узун) долгій, длинный.

ују (Алт., Туб., Тар., Дж., Втрк., Уйг., Дж. уї, корова, быкъ) быкъ, корова.

улā (Кир., Каз., Кар. улан, Тел. ӯлан) юноша, молодой человѣкъ.

улӓк, улӓҕ (Бар. ӯлаk, мальчикъ), младшій братъ, младшая сестра, дѣвушка.

ӯї (Алт., Тел., Леб., Кир., Дж., Втрк. ӱі) юрта, домъ.

ӯз (Орх., Дж., Осм., Втрк., Крм., Ад., Ком., Тар., Кар., Тоб. јӱз) сто.

ӯчӯ (Уйг., Дж., Осм., Алт., Тел., Леб., Ккир., Тар., Крм., Ад. ӱч) три.

^{к}хазан (Алт., Тел., Шор., Леб., Саг., Койб., Ккир., Тар., Ком., Каз., Бар., Тоб., Дж., Осм., Ад., Втрк. kазан) котелъ.

Хан-^{к}хоџā (Осм. hоџа, Осм., Дж., Втрк., Ад., Крм., Тар., Кар. хоџа) Ханъ Ходжа, имя божества.

^{к}Хасн̥ (ср. араб. حسن) собств. имя.

^{к}хачāн ящикъ, гдѣ хранится лядунка «^{к}хумāр».

^{к}хатан (Кир., Ккир., Каз., Ком., Кар. kатун женщина; Орх. kатун ханьша) женщина, замужняя женщина.

^{к}хоб (Уйг., Ком., Дж., Втрк., Крм., Кар. kоп; Орх., Уйг., Дж. kобар поднять) подняться, встать.

^{к}хоју (ср. Осм., Крм. kојун) овца, баранъ.

худаї, ^{к}худаї (Алт., Тел., Шор., Леб., Саг., Койб., Кир., Ккир. < перс. خدای) Богъ, божество.

^{к}Худаї-Берді (Тур. kудаі берді, Богъ подалъ) собств. имя.

^{к}хумāр (ср. Осм. хумбара, бомба, копилка; kумбара, id. < перс. خنبره — خمبره маленькій сосудъ) лядунка, гдѣ хранятся арабскія книги.

^{к}хӯлак (Уйг., Осм., Ком., Крм., Алт., Тел., Леб., Шор., Койб., Кир., Ккир. kулаk) ухо.

Шаwӑ (ср. Дж., Кир. шапа, оплеуха) собств. имя, имя одного изъ предводителей хотоновъ.

Шалб^{а}к (ср. Кюэрк. шалбаk, открытый) собств. имя, имя одного изъ предводителей хотоновъ.

шітіб (ср. перс. چاتمه < Ад. Туркм. чатма, ружейные козлы) ружье.

чаї (Осм., Тел., Алт., Леб., Тар., Саг., Ккир., Каз., Крм. чаі; Уйг. ча) чай.

чачіб^{а}к (Ккир. чачпаk; Кир. шашпау, косоплетки съ привѣсками; Дж. сачбаӡ, головная повязка) украшенія на косѣ женщины.

чірак (Осм., Крм., Втрк. чыраk, чыраӡ) лампада, свѣтильникъ.

чітāн кобыла.

чӧрчāн платокъ.

В. В. Бартольдъ, С. Е. Маловъ, Ф. А. Розенбергъ и А. Н. Самойловичъ прочли корректуру настоящей замѣтки и подѣлились со мной важными указаніями и замѣчаніями, за что приношу имъ глубокую благодарность.

Б. Владимірцовъ.

II.

Хотонскія записи Потанина.

Въ сводныхъ работахъ о турецкихъ племенахъ Радлова, Вамбери, Аристова упоминается маленькій народецъ «хотоны», заброшенный судьбой въ западную Монголію. Единственнымъ до сихъ поръ источникомъ объ этомъ народцѣ былъ трудъ Г. Н. Потанина[1], который наблюдалъ хотоновъ во время своего путешествія 1876—1877 годовъ, т. е. 40 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время наши свѣдѣнія о хотонахъ пополнились данными Б. Я. Владимірцова[2]. Къ сожалѣнію, ни Потанинъ, ни Владимірцовъ не иллюстрировали своихъ сообщеній рисунками типовъ этого народца. По Потанину (стр. 15), численность хотоновъ простиралась «до 100 дымовъ»; Радловъ[3] и вслѣдъ за нимъ Аристовъ[4] приводятъ цифру въ 400 кибитокъ; Владимірцову не удалось собрать по этому вопросу точныхъ данныхъ (онъ указываетъ приблизительную цифру отъ 300 до 400 кибитокъ). Радловъ и Вамбери[5] повторяютъ сообщеніе Потанина о томъ, что хотоны сами себя зовутъ «Мусурманъ» (Радловъ, 222: Bussurman), и что хотонами ихъ зовутъ монголы; Владимірцовъ перваго названія не слышалъ; при немъ

---

[1] Очерки сѣверо-западной Монголіи, вып. II.

[2] См. выше, стр. 265 сл.

[3] Aus Sibirien. Erster Band (Leipzig, 1884), стр. 222.

[4] Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ [=турецкихъ] племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. Живая Старина, годъ шестой, вып. III и IV (СПБ. 1896), стр. 349. На стр. 413 дается цифра въ 2000 душъ.

[5] Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen (Leipzig, 1885), стр. 102.

хотоны и сами себя называли хотонами[1]. Потанинъ считаетъ вѣроятнымъ, что народецъ «хотоны» образовался изъ «разныхъ военноплѣнныхъ, набранныхъ во время войнъ, которыя Джунгары вели въ Туркестанѣ; память объ Ошѣ и Бухарѣ показываетъ, что предки Котоновъ были и изъ этихъ городовъ; судя по присутствію у Котоновъ бурутской кости, были тутъ и плѣнные изъ Бурутовъ или Дикокаменныхъ Киргизъ» (стр. 17). Радловъ выразился про хотоновъ такъ (по-нѣмецки): «Это—крѣпостные дербетскаго князя, военноплѣнные изъ Средней Азіи, приведенные конечно только въ прошломъ [XVIII] столѣтіи» (стр. 221—222). Аристовъ, какъ и Радловъ, говоритъ о происхожденіи хотоновъ кратче, чѣмъ Потанинъ: «Это потомки плѣненныхъ калмыками осѣдлыхъ тюрковъ [=турковъ] Восточнаго, а можетъ быть частію и Западнаго Туркестана» (стр. 349). Вамбери находилъ, что «судя по отдѣльнымъ языковымъ формамъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло во всякомъ случаѣ съ бывшими узбеками или сартами».

Данныя по языку хотоновъ, приведенныя Потанинымъ, записаны столь несовершенно, что пользоваться ими для сужденія о происхожденіи хотоновъ приходится съ крайней осторожностью. Ко времени путешествія Владимірцова хотоны такъ основательно забыли свой родной языкъ, что въ новыхъ записяхъ не оказалось почти вовсе связныхъ текстовъ и грамматическихъ формъ, а преимущественно отдѣльныя слова, да и то сильно омонголенныя фонетически.

Данныя Потанина и Владимірцова о вѣрованіяхъ хотоновъ свидѣтельствуютъ о томъ, что народецъ этотъ составился изъ членовъ такихъ турецкихъ племенъ, у которыхъ мусульманство являлось только болѣе или менѣе легкимъ налетомъ на прежнихъ шаманскихъ вѣрованіяхъ.

Потанинъ пишетъ: «мой знакомый Ходжагулъ зналъ только нѣсколько мусульманскихъ молитвъ, и то вѣроятно, въ испорченномъ видѣ; Коранъ онъ зналъ только по имени; имя пророка Магомета ему было мало извѣстно». Почти такой же отзывъ даетъ Радловъ о кара-киргизахъ (по-нѣмецки): «Кара-киргизы всѣ—мусульмане (бусурман), какъ и казакъ-киргизы, однако они, вѣроятно, приняли исламъ значительно позднѣе, чѣмъ послѣдніе. Татары утверждаютъ, что кара-киргизы совершенные язычники, которые не знаютъ ни постовъ, ни молитвъ, ни религіозныхъ предписаній, и даже имя пророка имъ неизвѣстно» (Aus Sibirien, I, 532). Казакъ-киргизы и теперь въ сущности плохіе мусульмане, а въ XVIII вѣкѣ, какъ извѣстно, они принадлежали къ исповѣдующимъ исламъ почти только по имени.

[1] Форма «бусурман» вм. «мусульман» употребляется кара-киргизами. Aus Sibirien I, стр. 528: Bussurman. Въ словарѣ Радлова этой формы нѣтъ, а есть пусурман (IV, 1386) для каз.-кирг. нарѣчія; формы мусурман тоже нѣтъ.

У осѣдлыхъ турокъ Восточнаго Туркестана, по сообщенію Н. Ѳ. Катанова[1], и въ XIX вѣкѣ на ряду съ мусульманскими вѣрованіями уживались шаманскія молитвы, подобныя молитвамъ шаманствующихъ турокъ Сибири[2]. Прочіе болѣе или менѣе близкіе сосѣди хотоновъ турецкаго корня, какъ алтайскіе турки и сойоты Урянхайскаго края, являются уже не мусульманами. Такимъ образомъ, судя только по вѣрованіямъ хотоновъ, допустимо, что въ ихъ составъ вошли кара-киргизы, восточно-туркестанскіе сарты, и, можетъ быть, казакъ-киргизы.

Языковыя данныя (лексическія, морфологическія и фонетическія), несмотря на свое несовершенство, все же даютъ, въ связи съ данными о вѣрованіяхъ, нѣкоторое право признать за *восточно-туркестанскими* турками (сартами), этими потомками древнихъ уйгуровъ, нынѣ именующими себя по мѣстамъ жительства или по занятію (таранчинцы), и за *кара-киргизами*[3] преобладающее значеніе въ образованіи народца хотоновъ. Въ записяхъ Потанина нѣтъ фонетическихъ особенностей, характерныхъ спеціально для нарѣчій *сибирскихъ турокъ;* возможно, что слова, отожествленныя мною только со словами этихъ турокъ, имѣются и у кара-киргизовъ или у восточно-туркестанскихъ турокъ, но просто не вошли въ словарь Радлова.

Съ наличностью сильнаго кара-киргизскаго элемента въ языкѣ хотоновъ очень хорошо вяжется существованіе въ хотонской словесности несомнѣнно кара-киргизской легенды о происхожденіи поколѣнія Сарыбашъ[4] отъ сорока дѣвицъ (Очерки, II, 162). Остается пожалѣть, что Потанинъ не записалъ хотонскаго текста этой легенды (см. примѣчанія къ гл. V, № 66 на стр. 46).

Хотонскія языковыя записи Потанина были, насколько мнѣ извѣстно, использованы лишь Вамбери, который привелъ въ цитованномъ нами мѣстѣ своей книги: «Das Türkenvolk» отрывокъ изъ первой молитвы безъ

---

[1] Письма Н. Ѳ. Катанова изъ Сибири и восточнаго Туркестана. Приложеніе къ LXXIII тому Записокъ И. Академіи Наукъ, № 8 (СПБ. 1893), стр. 81.

[2] См. Пантусовъ, Матеріалы къ изученію нарѣчія таранчей Илійскаго округа. Выпускъ пятый (Казань, 1901). Молитвы и заговоры таранчинскихъ бакшей.

[3] Необходимо имѣть въ виду, что, вопреки существующимъ мнѣніямъ (Радловъ, Меліоранскій, Коршъ), *кара-киргизское* нарѣчіе существенно отличается и въ фонетическомъ, и въ морфологическомъ, и въ лексическомъ отношеніяхъ отъ *казакъ-киргизскаго*, такъ что, какъ я это собираюсь доказать въ особой статьѣ, ихъ отнюдь нельзя объединять въ одну группу «киргизскихъ нарѣчій».

[4] Вѣроятно, сары-багышъ. Ср. Очерки, II, примѣчанія къ гл. V, № 58 на стр. 46. Интересно отмѣтить, что, по сообщенію Георги, приведенному Вамбери (Türkenvolk, 563 сноска 1), среди кундровскихъ татаръ въ Астраханской губерніи имѣлись кара-киргизы, «бѣжавшіе въ 1758 году изъ Джунгаріи къ калмыкамъ».

перевода. Потаниным было записано: 1) три небольшихъ молитвы (стр. 17); 2) дѣтскія названія пальцевъ (стр. 121); 3) «заговоръ пальцевъ» (стр. 123); 4) названія созвѣздій и небесныхъ явленій (стр. 124, 127); 5) списокъ мѣстныхъ названій растеній (стр. 130, 131, 132, 133, 134, 135); 6) списокъ мѣстныхъ названій животныхъ и птицъ (стр. 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145).

Я сдѣлалъ попытку разобраться въ хотонскихъ записяхъ Потанина, причемъ разобранные мною тексты и слова передаю въ арабской транскрипціи (по среднеазіатскому правописанію), дабы обойти неразрѣшимый вопросъ о томъ, какъ хотоны въ дѣйствительности произносили 40 лѣтъ тому назадъ то, что отъ нихъ записалъ Потанинъ, не обладающій, какъ извѣстно, лингвистической подготовкой. Переводъ на русскій языкъ двухъ изъ трехъ молитвъ (№№ 2—3) и «заговора пальцевъ», отсутствующій въ «Очеркахъ», сдѣланъ мною. Первая молитва переводу не поддается. Въ молитвахъ мѣстами замѣчаются метръ и риѳма.

Въ главѣ о хотонахъ (стр. 15—18) Потанинъ, кромѣ молитвъ, упоминаетъ нѣсколько хотонскихъ словъ и личныхъ именъ. Монголовъ (по Владимірцову — только ойратовъ) хотоны называютъ «хальмикъ». Изъ личныхъ именъ весьма любопытно имя легендарнаго предка хотоновъ, извѣстное, какъ доказываетъ Владимірцовъ, и монголамъ: «Кункяръ», которое трудно, дѣйствительно, не сопоставить съ титуломъ османскаго султана خونكار. «Кункяр»омъ слѣдовало бы заняться особо[1]. Въ именахъ семи хотонскихъ родовъ (стр. 16) попадается Аджу-хурмянъ, которое, можетъ быть, надо выводить изъ حاجى قربان въ кара-киргизскомъ произношеніи ацы-курман. Понятны имена: Эрке-бекъ ایرکا بیك, Пирмятъ پیر محمد, Ходжагулъ خواجه قول, Тога توغا, Мендыбай میندی بای, Тюмюръ تیمور. Въ хотонскомъ сказаніи (стр. 162) встрѣчается слово џеміс (джемысъ) «плодъ», которое можно принять и за казакъ-киргизское, и за монгольское (џіміс).

Записи Потанина сохранили намъ изъ родного языка хотоновъ около 100 словъ, поддающихся отожествленію. До 100 новыхъ словъ находимъ въ матеріалахъ Владимірцова. Итакъ, памятникомъ почти уже забытаго самими хотонами хотонскаго говора является около 200 словъ, частью въ видѣ связнаго текста, преимущественно же въ разрозненномъ видѣ. Вовсе неразобранныхъ словъ въ записи Потанина осталось 11. Монгольскихъ словъ, не общихъ съ турецкими нарѣчіями, я не касался.

---

[1] Отмѣчу на всякій случай, что въ кара-кирг. и казакъ-кирг. эпосѣ встрѣчаются Урум (Турція) и Кырым (Крымъ). См. «Образцы нар. литер. тюркс. племенъ» Радлова V, 42, 44 (текстъ) и III, 68 (текстъ).

I. Молитвы. Текстъ.

2. Лойменъ алдà суугà пирямэгимъ тоуба! Яратканынъ тоуба! Ялганымга тоуба! Убалымга тоуба! Ушялымга тоуба! Кылганымга тоуба! Таксырэгянь тоуба!

3. Озы билянъ шайтканъ ирджимъ сымырханы иряхимъ. Алтай Хангай яръ элекъ болгойсынгысъ, эрдя эрлягянъ сууны суулаганъ эрь суунынъ пирляры ярь элекъ булгай сынгысъ.

.... الله (?)............
توبه ياراتقانيم (?) توبه يالغانيمغه توبه
اوباليمغه توبه اوشاليمغه (?) توبه قيلغانيمغه
توبه تقصير ايكام (?) توبه.
اعوذ بالله من الشيطان الرجيم بسم الله
الرحمن الرحيم آلتاى خانكاى يار يولاك
بولغاى سينكيز (!) يير دى (?) ييرلاكان سونى
سولاغان يير سونينك پيرلارى يار يولاك
بولغاى سينكيز (!).

Переводъ.

2. ..... каюсь! Творецъ мой (?), каюсь! Во лжи моей каюсь! Въ грѣхахъ моихъ каюсь! Въ злодѣяніяхъ моихъ каюсь! Въ содѣланномъ мною каюсь! Господь Владыка мой (?), каюсь!

3. Прошу у Бога избавленія отъ діавола, побиваемаго каменьями! Во имя Бога милостиваго и милосерднаго! Алтай - Хангай, будьте помощью и опорою! На землѣ обитающіе, въ водѣ обитающіе покровители земли и воды, будьте помощью и опорою!

II. Заговоръ пальцевъ. Текстъ и переводъ.

Большой: уру алалы — (?) اورلايلى «своруемъ-ка!»

Указательный: малъ алыбъ кэлэръ — (?) مال آليب كيلالى «приведемъ-ка скотъ»!

Средній: кайданъ алыбъ-кэлэлы — قايدين آليب كيلالى «откуда намъ привести»?

Безымянный: эсы чикса, кантатъ! — ايهسى چيقسه قانتات «если выйдетъ его хозяинъ, что дѣлать»?

Мизинецъ: ангъ тышибъ кутлалы — آند ايچيب (?) قوتلالى «поклявшись (?), давайте спасаться»!

III. Словарь разобранныхъ словъ.

Слова расположены въ порядкѣ русскаго алфавита по транскрипціи Потанина. Для сравненія привлечены лишь нарѣчія турецкихъ племенъ, близкихъ географически хотонамъ. Отмѣтка «(см.)» указываетъ, что подробности даны въ другомъ мѣстѣ словаря. Слова, слышанныя, кромѣ Потанина, и Владимірцовымъ, помѣчены звѣздочкой (*).

А.

агачъ آغاج *дерево* въ составныхъ словахъ—названіяхъ растеній и птицъ: эрга-агачъ (см.), кызылъ-агачъ (см.), толо тамырдай агачъ (см.), ягачь цокчу кушь (см.). Въ послѣднемъ названіи употреблена форма ياغاج. Изъ близкихъ къ хотонамъ турецкихъ нарѣчій форма аҕач имѣется у *кара-киргизовъ* и на Алтаѣ, а јаҕач — у *таранчинцевъ*.

Аджу-хурмянъ حاجى قرمان? *Имя собств.* Форма Курманъ изъ араб. قربان извѣстна *казакъ-киргизамъ* и *кара-киргизамъ*.

акъ آق *бѣлый* въ составныхъ словахъ-названіяхъ животныхъ: акъ-чичканъ (см.), акъ-коянъ (см.), акъ-кушь (см.).

алалы, алыбъ آلالى آليب *возьмемте*, *взявъ*, глагольныя формы отъ основы «ал». Дѣепр. форма на «ыб» — общетурецкая, а форма 1 лица мн. ч. желательнаго наклоненія перваго на «а+лы» встрѣчается (по Катанову, Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка, Казань, 1903, стр. 649—652) у *таранчинцевъ, кашгарцевъ, яркендцевъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ*. Ср. кутлалы.

алдà الله (?) *Богъ* (?). Произношеніе алда свойственно *кара-кирг.* и *каз.-кирг.*

Алтай آلتاى *Алтай* въ обращеніи: Алтай-Хангай! Это двойное имя встрѣчается въ *алтайскихъ* сказкахъ (Н. Я. Никифоровъ, Аносскій сборникъ. Зап. Зап.-Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. XXXVII, указатель соб. именъ).

ангъ тышибъ آنك ايچيب (?) *поклявшись* (?). Если эта моя догадка вѣрна, то въ этомъ выраженіи мы имѣемъ *казакъ-кирг.* форму глагола ايچماك: іш. Можно предположить и другое чтеніе: آنكتيشيب (?) *поспоривши (?)* Глагольная основа аңдыш отмѣчена Радловымъ для *телеутск.* нарѣчія, а основа аңды — для *телеутск.*, *тобольск.*, *каз.-кирг.* и *кара-кирг.*

арчанъ آرچان *juniperus* (назв. растенія); ср. у *алтайскихъ* турокъ арчын *можжевельникъ*.

аркаръ آرقار *аргали* (назв. звѣря) Радловъ отмѣтилъ это слово въ *казакъ-кирг.* и *чагатайскомъ* (Бабуръ) нарѣчіяхъ; есть оно и у *кара-кирг.* («Образцы» Радлова, V, 13; арkал: 64).

Б.

балякаттанъ فلاكتدين *отъ несчастія*, исходн. падеж. отъ заимствованнаго изъ арабскаго языка слова, которое у *казакъ-киргизовъ*, по Радлову, звучитъ бäläкäт и значитъ: 1) *проклятый*, 2) *нечистая сила*. Встрѣчается въ I молитвѣ: балякаттанъ кичиргянда.

баръ بارس *тигръ* въ монгольскомъ произношеніи.

бармакъ بارماق *палецъ* въ выраженіи башъ-бармакъ *большой палецъ*.

*башъ باش *голова* въ выраженіи башъ-бармакъ. Въ формѣ баш это слово

извѣстно изъ сосѣдей хотоновъ восточно-туркестанскимъ *сартамъ*, въ томъ числѣ *таранчинцамъ*, а также *кара-киргизамъ*. Владим. наш.

баштаганъ باشتاغان *предводительствовавшій*, причастная форма отъ основы башта (баш+ла), которая не отмѣчена въ словарѣ Радлова, но которая имѣется у *кара-кирг.* («Образцы» V, 44: баштанды, 62: баштаҕан).

бобичекъ بوباچيك (?) *язычекъ* (?) въ дѣтскомъ выраженіи: кичкиня бобичекъ *мизинецъ*; ср. *кара-кирг.* бӧбӧчӱк.

бӧрь بورى *волкъ*.

босъ بوز *сѣрый* въ названіи животнаго босъ-коянъ *lepus tolai* (заяцъ-сѣрякъ). У *кара-кирг.* («Образцы» Радлова V, 2) бос.

*булгайсынгысъ, болгайсынгысъ بولغاىسينكيز *да будете вы*, форма 2 лица мн. ч. желательнаго наклоненія второго отъ основы бол, бул. Форма бол отмѣчена Радловымъ изъ нарѣчій, близкихъ къ хотонамъ, у восточно-турк. *сартовъ*, *таранчинцевъ*, *казакъ-киргизовъ*; слѣдуетъ еще прибавить *кара-киргизовъ*. Форма бул казанско-татарская, но также и *сартовская* (напримѣръ, въ Ташкентѣ: буl) Владим.: бол. Полнѣйшей загадкой является предикативная приставка «сынгысъ», совершенно необычная для всѣхъ турецкихъ языковъ и нарѣчій, за исключеніемъ столь далекихъ отъ хотоновъ *османцевъ* (сыныз) и *башкировъ* (سنكز — по Катанову, Оп. изсл. урянх. яз., 413). Приставка сыңыз отнесена къ восточно-турецкимъ діалектамъ въ статьѣ ак. Радлова: «Die jakutische Sprache» (Зап. И. Ак. Наукъ по ист.-фил. отд., 1908, стр. 36) по недоразумѣнію. Новообразованіе?

*бутъ بوت *ляшка* въ названіи животнаго узунъ-бутъ *тушканчикъ*.

Бухара بخارا *Бухара*.

Г.

газъ غاز *гусь, голубь*. Форма ҕаз вмѣсто каз отмѣчена Радловымъ для *таранчинскаго* нарѣчія.

гаргай غارغاى *pinus Ledebouri* (раст.); ср. въ словарѣ Радлова караҕаі.

гульджа غولجه *самецъ аргали*; ср. *кара-кирг.* кулџа *серна*, *дикая коза*.

гушь غوش *птица*; см. дальше—кушь.

Д.

джемысъ جيميس *плодъ*. Одно изъ двухъ словъ записи Потанина, которыя звучатъ по-*казакъ*-киргизски: «џеміс» и «іш» (см. ангъ).

Е.

екъ يوق *нѣтъ* въ названіи животнаго козьекъ чичканъ كوزى يوق چيچقان *siphneus aspalax*. Владим. јок.

елёкъ, элекъ يولاك *опора*, *помощь* въ выраженіи: يار يولاك بولغاىسنكيز *да будете вы помощью и опорою!*, которое встрѣчается въ записяхъ Потанина три раза. Слово јӧlӓк отмѣчена Радловымъ для *уйгурскаго* языка (цитаты изъ Кутадгу-

билигъ); ср. *тобольское* jÿläÿ, *телеутское* jölök и глаголъ jölä у *таранг.* и *уйг.*, jölö у *алт.* и *кара-кирг.* Слово jölök есть и у *кара-кирг.* («Образцы» V, 117, стихъ 1894).

И.

ильдысъ ییلدیس *звѣзда* въ названіи созвѣздія Большой Медвѣдицы иты ильдысъ *семь звѣздъ*. Форма jылдыс отмѣчена Радловымъ для нарѣчій *алтайскаго*, *тубинскаго*, *барабинскаго* и *кюэрицкаго*, т. е. все— сибирскихъ, а не среднеазіатскихъ, но она извѣстна и *кара-кирг.* («Образцы», V, 38).

*иты یتی *семь* въ названіи созвѣздія یتی ییلدیس; по-*кара-кирг.* jетті. Владим. jетё.

*итъ ایت *собака* въ названіи созвѣздія Оріона: اوچ ایت *три собаки*. Владим. іт, jіт.

*ички ایچکی *коза* въ названіи животнаго ایچکی کییك *aegocerus sibiricus*. Владим. ечіге.

К.

кайданъ قایدین *откуда*.

кантатъ قانتات *что дѣлать?* Форма 3 лица ед. ч. настоящаго времени (полная форма قانتادی > قانتادور) отъ вопросительной глагольной основы kант, пропущенной въ словарѣ Радлова (см. при словѣ ²kaiт, II, 30). По устному сообщенію В. В. Радлова, этотъ глаголъ употребляется *кара-киргизами*, и, дѣйствительно, мы находимъ его въ «образцахъ» V, 53 pass.; въ томъ же нарѣчіи употребительна и форма на а+т.

кичиргянда کیچیرکاندا: это слово, встрѣчающееся въ I молитвѣ, имѣетъ видъ мѣстнаго падежа причастія отъ глагольной основы кічір *проведи*, *избавь* (съ исходн. пад.).

*кичкиня کیچکینه *малюсенькій* въ выраженіи کیچکینه بوباچیك *мизинецъ* (дѣтское слово). Владим. кічіне.

кіикъ کییك *олень* въ названіяхъ животныхъ: ایچکی کییك (см.), قیزیل کییك *cervus capreolus* (*телеутск.*: олень). مووزلی کییك *самецъ cervus elaphus*, یالپاق مووزلی کییك *лось*.

*козъ کوز *глазъ* въ названіи животнаго козьекъ чичканъ (см.). Владим. гӧз-ä.

кокъ کوك *сѣрый* въ названіи животнаго: кокъ чичканъ *lagomys alpinus*.

коледъ کولای اوتی (?) *betula alba*; ср. köläi оду *artemisia vulgaris* у *сагайцевъ* и *койбаловъ*.

коянъ قویان *заяцъ*; آق قویان *заяцъ бѣлякъ*, بوز قویان *заяцъ сѣрякъ*.

Купкяръ خونکار *имя собств.*

куперъ کفر (?) *невѣріе* (?).

курнёре کورونار *видимый* въ выраженіи: курнёре курёнбасъ балякаттанъ کورونار کورونباس قلاکتدین *отъ видимыхъ и невидимыхъ бѣдъ* (I молитва). Обѣ формы (положительная и отрицательная) причастія настояще-будущаго звучатъ приблизительно по-*кара-киргизски*, по-*казакъ-киргизски* или по-*алтайски* (кӧрÿнӧр-кӧрÿнбӧс).

кутлалы قوتلالى *давайте спасаться!*— форма 1 лица мн. ч. желательнаго наклоненія перваго отъ глагольной основы kутул. Ср. алалы. Глаголъ kутул имѣется у *таранч., каз-кирг., кара-кирг.* («Образцы» V, 35).

кушь قوش *птица* въ названіяхъ ягачь цокчу кушь *дятелъ*, акъкушь *лебедь*, учь гушь *Оріонъ*.

кызылъ قيزيل *красный* въ названіяхъ растеній и животныхъ: قيزيل آغاج *hippophal ramnoides* (*османск.*: ольха, ясень), قيزيل كييك *олень*.

кылганымга قيلغانيمغه *въ томъ что я сдѣлалъ* (каюсь), дат. пад. причастія отъ основы kыл. Дат на ҕа при притяж. мѣстоим. приставкахъ употребляется, по Катанову (Опытъ, 404) только въ чагатайскомъ языкѣ и въ нарѣчіяхъ сартовъ и «тюрковъ Притяньшанья».

кэлэлы, кэлэръ كيلار ,كيلالى *придемте, придетъ*; формы отъ глагольной основы kel.

М.

малъ مال *скотъ*.

маралъ مرال *cervus elaphus*.

Менды бай مينلى باى *имя собств.* У *кара-киргизовъ* есть родъ Менди; это монгольское слово извѣстно также *сагайцамъ* и *койбаламъ* (словарь Радлова, IV, 2087).

моузлю موززلى *съ рогами* въ названіяхъ животныхъ: موززلى كييك (см.) и ياليپاق موززلى كييك (см.). Радловымъ отмѣчены формы: мӯз для *куманскаго* и мӯс для ряда говоровъ *сибирскихъ* турковъ.

мусурман مسلمان *мусульманинъ*.

Мятъ محمد *Мухаммедъ* (Мäт) въ имени پير محمد.

О.

о او (?) *о!* (междометіе). Примѣръ: о ходжамъ пиши (значеніе выраженія непонятно).

озы اعوذ *я обращаюсь за помощью* (по арабски) въ арабской молитвѣ: озы билянъ шайтканъ ирджимъ اعوذ بالله من الشيطان الرجيم. Два первыхъ слова разгаданы И. Ю. Крачковскимъ.

П.

пейгамбаръ پيغمبر *пророкъ* (по-перс.) въ I молитвѣ. У *кара-кирг.* («Образцы» V, 2) паіҕамбар.

*пирляры, пирляра پيرلارى *его покровители* въ выраженіи: эрь суны пирляра, эрь суунынъ пирляры *покровители земли и воды*. Это же персидское слово встрѣчается въ собственномъ имени Пирмятъ پير محمد. Притяж. мѣстоим. прист. 3 лица а вм. ы отмѣчена въ хотонскомъ говорѣ Владимірцовымъ. Влад. perlär.

С.

Саръ سارى *желтый* въ названіи животнаго сар-чичканъ (см.).

Сарланъ ساريق (?) *bos gruniens*; ср. *алт., сагайск.* сарлыk *тибетскій быкъ*.

*суу سو *вода*; вин. падежъ суны, родит. падежъ суунынъ سونينك и сууны (какъ у *сартовъ*).

суулаганъ سولاغان *обитающій въ водѣ* въ выраженіи: эрди ярлаганъ (эрдя эрлягянъ) сууны суулаганъ, встрѣчающемся въ I и III молитвахъ. Въ словарѣ Радлова въ данномъ значеніи слово не отмѣчено.

сымырханы иряхимъ بسم الله الرحمن الرحيم *во имя Бога милостиваго, милосерднаго* (по-арабски).

Т.

таксырь تقصير *недостатокъ* (по-араб.); у *казакъ-киргизовъ* и *кара-киргизовъ* это арабское слово употребляется, какъ обращеніе къ вліятельному лицу. Встрѣчающееся во II молитвѣ выраженіе таксырэгянь надо читать, по устному предложенію казакъ-киргиза Большой орды Сабатаева таксыр-егäм *Господь Владыка мой!* Слово егä имѣется у *кара-кирг.* («Образцы» V, 123: Егäм тāла).

тала تال *тальникъ* (salix). О добавочныхъ а, е въ концѣ хотонскихъ словъ сообщаетъ Владимірцовъ.

тамырдай تاميرداى *какъ корень* въ названіи растенія: толо тамырдаї агачъ *Lonicera tatarica*. Слово тамыр отмѣчено Радловымъ изъ нарѣчій, близкихъ къ хотонамъ, въ *сибирскихъ* и *казакъ-кирг.*; есть оно и въ *кара-кирг.* («Образцы» V, 106, стихъ 1544). Приставка (послѣлогъ) داى *какъ* встрѣчается у *кара-кирг.*, *каз.-кирг.* и *зап. сиб.* турокъ (изъ нарѣчій, сосѣднихъ хотонамъ; Катановъ, «Опытъ», стр. 206—209).

текянду تيكانلى *съ колючками* въ названіи дикобраза: текянду тонгусъ. Приставка лӯ, дӯ вмѣсто лыӻ, лы свойственна нарѣчіямъ *алт.*, *телеут.*, *барабинск.*, *кара-кирг.* (Катановъ, «Опытъ», 181 сл.). У хотоновъ Потанинымъ отмѣчено и «лю» вм. «дӯ» — см. моузлю.

тергенъ تيراك (?) *populus nigra.*

*толо تولا *полный* въ названіи растенія: толо тамырдай агачъ. Форма толо вмѣсто тола указываетъ или на *алтайское* нарѣчіе, или на *кара-киргизское*. Владим. толлō.

тонгусъ تونكوس *свинья* въ названіи дикобраза: текянду тонгусъ. Это слово звучитъ тоӊус — у *таранчей*, тоӊуз — у *восточно-туркестанскихъ сартовъ*.

тоуба توبه *покаяніе* (по-арабски); *каз.-кирг.*, *таранч.*, *кара-кирг.* («Образцы», V, 1, 95) произношеніе тōба.

тульку تولكو *лисица*. Произношеніе тӱлкӱ вмѣсто тілкі отмѣчено Радловымъ для ряда *сибирскихъ* нарѣчій и для *казакъ-кирг.*, но оно свойственно и *кара-кирг.* («Образцы» V, 40).

Тюмюръ تيمور *имя собств. (желѣзо).* Произношеніе тäмӱр вмѣсто тäмір отмѣчено Радловымъ для Восточнаго Туркестана.

У.

убалымга اوباليمغه *въ моемъ грѣхѣ* (каюсь) (изъ арабск. وبال). Это слово извѣстно *кара-киргизамъ*.

*узунъ اوزون *длинный* въ названіи

тушканчика: اوزون بوت. Такъ называется и одно родовое дѣленіе у *кара-киргизовъ*, по Аристову. Владим. ӯзц.

улыбъ (?) اوليب *терпя* (??). Слово улы отмѣчено Радловымъ для *уйгурскаго* языка (Кутадгу-билигъ).

уркоръ اورکار *Плеяды*. Произношеніе ӱркӧр отмѣчено Радловымъ для *казакъ-кирг*.

урту اورتا (?) *средній* въ дѣтскомъ названіи средняго пальца урту омянъ. По *кара-кирг.* и *алт.* это слово звучитъ орто. Ср. толо.

уру алалы اورلابلى (?) *своруемъ-ка!* Глаголъ ӯрла отмѣченъ Радловымъ для нарѣчій *бараб.* и *телеут.*, а глаголъ урла — для *алт.*, *лебед.*, *куманд.*, *каз.-кирг.*

уру اورو *плетенье* (ӧрӯ — *кара-кирг.*) въ дѣтскомъ названіи безымяннаго пальца (см. чимя).

*учь اوچ *три* въ названіи созвѣздія Оріона: учь гушь *три птицы* (или учь ить *три собаки*). Владим. ӱч-ӱ.

Ушь اوش Ошъ (городъ). Произношеніе Ушь — *сартовское* или *казанско-татарское*.

ушялымга اوشاليمغه *въ моемъ злодѣяніи* (каюсь); обычно это слово въ основномъ видѣ звучитъ усал; произношеніе ушал въ словаряхъ не отмѣчено; оно встрѣтилось мнѣ (описка?) въ Хайдарабадскомъ спискѣ بابر نامه (изданіе Бевериджъ) f. 52b, строка 1 сн.: ایش اوشال بولغوسيدور, чему въ изданіи Ильминскаго соотвѣтствуетъ: ایش وبال بولغوسيدور (стр. 66, строка 4 сн.). Буква «я» послѣ «ш» въ записи Потанина указываетъ на то, что это слово было произнесено дѣйствительно со звукомъ «ш», который въ турецкихъ нарѣчіяхъ мягче русскаго, почему Потанинъ и написалъ «шя», а не «ша». Ср. *каз.-кирг.* шӯјӯн изъ сӯјӯн (Радл. IV, 1109).

Х.

хальмикъ خالميق *калмыкъ*.

Хангай خانكاى *Хангай* (хребетъ). См. Алтай.

харганакъ خارغانان *caragana frutescens* (раст.); ср. карҕана *ракитникъ (койб., качинск.)*.

*Ходжамъ خواجم *мой Господь!* Персидское слово خواجه; имѣется и въ соб. имени Ходжагулъ خواجه‌قول. Владим. Хан-ᵘхоџа.

*худай خداى *Богъ* (персидск.), встрѣчается въ I молитвѣ.

Ч.

*чачибыкъ چاچباق *украшеніе, подвѣшиваемое къ косамъ*; ср. *кара-кирг.* чачпаk. Чач *волосъ* вмѣсто сач имѣется въ *алтайскихъ* нарѣчіяхъ, у *таранчинцевъ* и *кара-киргизовъ*. Владим. чачібᵃк.

чикса چيقسه *если выйдетъ*, форма 3 лица ед. ч. условнаго наклоненія отъ основы чыk.

чимя چيما *украшеніе, рѣзьба (телеут.)* въ дѣтскомъ названіи безымяннаго пальца: уру (ӧрӯ?) чимя (чімӓ) *плетенье-украшенье* (?).

чичканъ چيچقان *мышь* въ рядѣ названій животныхъ: туваръ (?) чичканъ

колонокъ, акъ чичканъ *горностай* (по *казакъ-киргизск.* ак-тышкан), сарчичканъ *сусликъ*, чичканъ *сурокъ*, козњекъ-чичканъ *siphereus aspalax*, кокъ-чичканъ *lagomys alpinus*. Форма чычкан вмѣсто сычкан, тычкан, тышкан отмѣчена Радловымъ только для *алт.* и *телеут.* нарѣчій, но ее возможно предположить, судя по формѣ чач, также для *кара-кирг.* (см. «Образцы» V, 13 стихъ 248) и *таранч.*

чолпанъ چولپان *утренняя зарница.*

Ш.

шуйлянганъ (?) شويلاغان *согрѣшившій*(?). Слово это, встрѣчающееся въ I молитвѣ вслѣдъ за словами يانكيلغان بازينغان, которыя извѣстны *уйгурскому* языку (см.), я осмѣливаюсь предположительно толковать, какъ образованіе отъ *уйгурскаго*, заимствованнаго изъ китайскаго (пуй), слова суј—*грѣхъ* (османск., крымск., азерб. суч) съ переходомъ «с» въ «ш» (ср. ушялымга!).

Э.

эгянь ايكام (?) *мой Владыка* (?); см. при словѣ таксыр и при словѣ эсы.

элекъ см. елёкъ.

*эрь يير *земля* въ выраженіи: эрь-суунынъ пирляры *покровители (духи) земли и воды*; эрди (эрдя) ярлаганъ (эрлягянъ) *обитающій на землѣ* (I и III молитвы). Приставка вин. падежа ді вмѣсто ні указываетъ на нарѣчія *алт., телеут., каз.-кирг., кара-кирг.* (Катановъ, «Опытъ», 252 сл.). Владим. јер.

эрга ايرغا въ названіи растенія: ايرغا آغاج *cotoneaster uniflora*; ср. *телеутское* ырҕа *жимолость.*

Эрке-бекъ ايركا بيك *Эрке бекъ* (имя собств.): ср. *кара-киргизск.* еркä *прекрасный.*

*эрлягянъ, ярлаганъ ييرلاكان *обитающій на землѣ.* Глаголъ јäрlä отмѣченъ Радловымъ въ *алт., телеут., орх., чагат.;* у *кара-кирг.* јердä («Образцы» Радлова, V, стр. 1). Владим. јерlе.

эсы ايەسى *его хозяинъ*; основа ä отмѣчена Радловымъ для ряда *сибирскихъ* нарѣчій, въ томъ числѣ для *алт., телеутск., сойонскаго.* У *кара-кирг.* іä. Если слово эгянь есть ايكام, то для *хозяина* хотоны употребляли двѣ формы одной и той же основы, какъ и *кара-кирг.*

Я.

ягачь ياغاج см. агачъ.

яклага см. яшка яшь.

ялганымга يالغانيمغه *въ моей лжи* (каюсь).

ялпакъ يالپاق *плоскій* въ названіи лося: يالپاق مووزلى كييك. Слово отмѣчено Радловымъ только для *чагат.* нарѣчія, но оно есть и у *кара-кирг.* («Образцы», V, 82, стихъ 708).

янгылганъ يانكيلغان *провинившійся*, причастная форма отъ основы јаңыл.

янзанганъ بازينغان (?) *согрѣшившій*, причастная форма отъ основы

јазын. Въ I молитвѣ встрѣчаются рядомъ: یانکیلغان یازینغان, какъ еще въ *орхонскихъ* надписяхъ (словарь Радлова III, 233) или въ буддійскихъ сутрахъ на *уйгурскомъ* языкѣ (рукописный словарь Радлова, нынѣ издаваемый). Слово прочтено Радловымъ.

яратканынъ یاراتقانیم (?) *мой Создатель.*

яръ یار *помощь* (по-персидск.) всегда въ соединеніи съ یولاك (см.). Слово это извѣстно *кара-кирг.:* Е kудаі тāла јар болсо! (Образцы» Радлова, V, 2).

*яшка яшь یاشقه یاش *къ году годъ* (возраста) въ I молитвѣ; въ слѣдующемъ словѣ яклага Радловъ предложилъ выдѣлить якла и понимать послѣднее, какъ јалђа *(уйг. чагат., бараб.) прибавь въ длину.* Владим. јас.

IV. Перечень непонятыхъ словъ и выраженій.

баданъ-нирянъ *(указательный палецъ)*, баръ ягымъ, иля, лойменъ, омянъ (въ выраж.: урту омянъ *средній палецъ)*, нирямегимъ, пиши, сууга, туваръ.

Относительно дѣтскихъ названій пальцевъ можно замѣтить, что они, повидимому, должны риѳмовать съ названіемъ большого пальца — баш бармаk, т. е. должны оканчиваться на «аk» или «äк», какъ это наблюдается у «киргизовъ» (Очерки, II, стр. 121); въ такомъ случаѣ безымянный палецъ будетъ называться уру чимякъ (по словарю Будагова I, 508: чимя = *монг.* чімекъ), средній — урту (орто?) омякъ и указательный — баданъ нирякъ, причемъ послѣднее названіе, можетъ быть, должно звучать баданъ ирякъ (ср. «киргизское» урякъ); отъ перевода этихъ названій, за исключеніемъ «уру чимя» (см.), пока воздерживаюсь.

А. Самойловичъ.

Памятники древности въ Урянхайскомъ краѣ.

Лѣтомъ 1914 года мнѣ довелось изъѣздить Урянхайскій край по разнымъ направленіямъ и, пользуясь этимъ случаемъ, я произвелъ попутно и археологическое обслѣдованіе края.

Разумѣется, говорить о подробномъ и даже приблизительно исчерпывающемъ обслѣдованіи не приходится: для этого я располагалъ и слишкомъ малымъ количествомъ времени (одно лѣто) и слишкомъ малыми, только личными, средствами. Тѣмъ не менѣе, мною составлена первая археологическая карта посѣщенныхъ мною частей Урянхая, на которую нанесены не только курганы и городища, но и мѣдныя копи древнихъ, плавильныя печи, каменныя фигуры, и отмѣчены мѣстности, гдѣ случались находки предметовъ и гдѣ сохранились остатки древнихъ оросительныхъ работъ.

Для будущихъ изслѣдователей края карта моя должна имѣть значеніе, т. к. археологически-цѣнные памятники встрѣчаются въ немъ зачастую среди пустынь, гдѣ на 70-верстномъ и болѣе разстояніи нѣтъ жилищъ, и мѣстныхъ рабочихъ найти немыслимо. Не имѣя возможности возить съ собою постоянныхъ рабочихъ и не зная, гдѣ удастся мнѣ встрѣтить что либо достойное вниманія, я нерѣдко долженъ былъ въ такихъ пустыняхъ оставлять нетронутыми весьма интересныя насыпи.

Географическая карта, на которую я нанесъ археологическія данныя, составлена разными лицами, Кемчикскій же районъ горнымъ инженеромъ Б. М. Порватовымъ, проведшимъ болѣе 6 лѣтъ въ изслѣдованіяхъ горъ Урянхая; несмотря на глазомѣрную съемку, карта эта — самая подробная и наиболѣе вѣрная изъ всѣхъ существующихъ картъ.

Успѣшнымъ ходомъ моихъ работъ я весьма обязанъ любезному вни-

манію и широкой помощи Завѣдывающаго Устройствомъ Русскаго Населенія въ краѣ В. К. Габаева и Б. М. Порватова, которымъ приношу за все самую искреннюю благодарность.

I.

Урянхайскій край, занимающій самый центръ Азіи, посѣщали изъ русскихъ гг. Адріановъ, Поповъ, Родевичъ, Грумъ-Гржимайло, Катановъ[1] и др., но посѣщенія ихъ ограничивались только извѣстными частями его, причемъ археологія ихъ интересовала мало, и невѣдомымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, край является прежде всего въ археологическомъ отношеніи.

Будто чудовищное наводненіе покрывало когда то все, что можетъ въ немъ окинуть глазъ съ вершинъ хребтовъ, затѣмъ схлынуло и на мѣстѣ моря застыли унылые, желто-бурые острова — остатки размытаго громаднаго плоскогорья.

Къ юго-востоку отъ Таскыла, на 25 верстъ раскидывается Туранская безводная солончаковая степь, длинной котловиной врѣзавшаяся между каменистыми обнаженными кучами горъ. Только съ сѣверной стороны ихъ, въ ложбинкахъ, тамъ, гдѣ больше задерживается влага, узкими полосками взбираются къ вершинамъ рѣдкіе пихтовые лѣса. Два совершенно иныхъ міра отдѣляетъ другъ отъ друга Таскылъ: одинъ, сѣверный — полный нѣжащихся подъ солнцемъ веселыхъ березовыхъ и черемуховыхъ лѣсовъ, залитый ковромъ высокой травы и душистыхъ цвѣтовъ, звенящій перекличкою птицъ. Другой, южный — опаленная зноемъ безмолвная пустыня, залегшая среди раскаленныхъ горъ. Таковъ и весь Урянхай, за малыми исключеніями: растительность въ немъ ютится лишь вблизи воды. Лѣса однообразны: у рѣкъ всегда тополь, по горамъ почти исключительно лиственница. Тайги — роскошной, полной могучихъ кедровъ, пихтъ, елей и десятковъ другихъ породъ, покрывающихъ живописныя ущелья и склоны Саянскихъ хребтовъ — нѣтъ и помина.

Осадковъ въ краѣ выпадаетъ мало: тучи задерживаются сверкающими серебромъ вершинами горныхъ цѣпей, со всѣхъ сторонъ окаймляющихъ Урянхай, и достигающими до 8.000 футовъ высоты. Любопытно соотношеніе количества дождливыхъ дней въ Саянахъ и въ сосѣднемъ Урянхаѣ: по записямъ подрядчика строющейся колесной дороги изъ Григорьевки на

---

[1] У Н. Ѳ. Катанова въ «Опытѣ изслѣдованія урянхайскаго языка» (Казань, 1903) на стр. 1369—1524 приведенъ библіографическій указатель съ 1768 г. по 1902 г.

Усъ — число ведреныхъ дней за весну, лѣто и осень 1913 года было въ Саянахъ 29, тогда какъ за тотъ же промежутокъ времени въ Урянхаѣ дождь выпалъ всего 4 раза.

Туземное, сойотское населеніе края болѣе чѣмъ приблизительной оффиціальной статистикой исчисляется въ 50.000 чел., что при площади края въ 14.000.000 дес. составить по одному человѣку на 280 дес. Такого количества населенія въ наличности нѣтъ несомнѣнно даже при глазомѣрномъ опредѣленіи, существующее же вымираетъ подъ вліяніемъ водки, луэса (80% всѣхъ заболѣваній) и др. болѣзней.

Русскіе люди стали селиться въ краѣ не больше, какъ лѣтъ 40—50 тому назадъ: въ настоящее время значительное число русскихъ поселковъ вытянулось по Малому Енисею и кое-гдѣ на среднемъ теченіи рѣки отъ «виланъ» до Чакуля. Общее количество русскихъ теперь достигаетъ 7.000.

Сойоты сплошь средняго и ниже средняго роста: объѣхавъ весь край и побывавъ на разныхъ туземныхъ празднествахъ, во время которыхъ бываетъ значительное скопленіе народа, я ни разу не встрѣтилъ человѣка, приблизительно равнаго по росту двумъ съ половиной аршинамъ. Внѣшній видъ у сойотовъ китайскій: сапоги, кафтаны, косы — все заимствовано ими у послѣднихъ. По типу различіе между тѣми и другими значительное: китаецъ выше, плотнѣе, скуластѣе и косоглазѣе; сойотъ лицомъ сходенъ съ нашими татарами.

Преданіе, сохранившееся до сихъ поръ между сойотами, говоритъ, что племя ихъ жило когда то на р. Туба (въ предѣлахъ нынѣшняго Минусинскаго уѣзда) и затѣмъ часть его перебралась за Саянскій хребетъ. Любопытно, что сами себя сойоты именуютъ «Туба» и языкъ ихъ близокъ къ тому, которымъ говорятъ оставшіеся до сихъ поръ на прежнихъ мѣстахъ Абаканскіе татары. Полное тожество череповъ тѣхъ и другихъ (круглоголовые) и затѣмъ лингвистическія и бытовыя данныя позволяютъ опредѣленно признать въ сойотахъ вышеназванныхъ татаръ.

Описаніе обычаевъ сойотовъ — до сихъ поръ еще полудикихъ кочевниковъ — не входитъ въ мои задачи: важнымъ для настоящаго изслѣдованія является лишь похоронный обрядъ и потому нѣсколько остановлюсь на немъ.

Погребенія сойоты не знаютъ. Трупъ, одѣтый какъ при жизни, вывозится у нихъ въ уединенное мѣсто на горы или въ степь и оставляется на поверхности земли. Около него втыкается въ землю шестъ съ прикрѣпленною къ нему коробкой изъ бересты: въ нее помѣщаютъ грубо слѣпленныя изъ глины священныя фигурки, имѣющія видъ маленькихъ конусовъ; при трупѣ кладутъ трубку и немного мяса или творогу.

Нѣсколько отличны похороны шамановъ. Гдѣ либо подальше отъ дорогъ, на бугрѣ складываются какъ шпалы у дорогъ плахи и на нихъ устраиваютъ изъ вѣтокъ настилъ, на который кладутъ умершаго: мертвый шаманъ по понятіямъ сойотовъ не долженъ касаться земли. Около одра смерти располагаютъ всѣ предметы, принадлежавшіе шаману и служившіе ему въ цѣляхъ колдовства: бубенъ, ножъ, всевозможныя подвѣски съ одежды и т. д. Мелочи складываются въ берестяной туесокъ и никто не осмѣливается прикоснуться къ нимъ и вообще подходить къ страшному мѣсту. Коршуны, вѣчно голодныя собаки и др. звѣри быстро дѣлаютъ свое дѣло: рѣдко, если на третій день остается отъ покойника что либо кромѣ оглоданныхъ костей да рваныхъ клочьевъ одежды, разносимыхъ потомъ по степи вѣтромъ.

II.

Въ настоящее время въ долинахъ названныхъ рѣкъ рѣзко обозначаются три уступа террасъ: первая — сравнительно недавніе береговые намывы, покрываемые въ разливы водою, вторая встаетъ надъ уровнемъ воды сажени на двѣ и вся масса ея — рѣчная галька; третья, первобытная, возвышается надъ нею сажень до трехъ и массивъ ея — песокъ со слоемъ суглинка сверху. Такимъ образомъ, періодъ древнѣйшей жизни въ краѣ отмежеванъ отъ срединнаго геологическимъ путемъ и есть возможность вычислить со значительной точностью время, отдѣляющее насъ отъ мѣстнаго мѣднаго вѣка.

На первичной и вторичной террасахъ въ безпорядкѣ разбросаны курганы и погребенія разныхъ типовъ, но при внимательномъ изученіи напластованій земли, классификація ихъ дѣлается совершенно ясной. Древнѣйшіе курганы мѣднаго вѣка — не высокіе, рѣдко имѣющіе до сажени въ вышину, находятся только на самой верхней, ближайшей къ горамъ, террасѣ; земляныя насыпи ихъ почти всегда круглыя, при среднихъ поперечникѣ около 30 аршинъ и окружности по подошвѣ около 90 аршинъ. Подошва ихъ обведена иногда цѣпью изъ круглыхъ камней, пудовъ до двухъ вѣсомъ каждый. Иногда кругъ имѣетъ выступы изъ камней же, въ видѣ половинокъ яйца, размѣрами по кругу въ два аршина и отъ него въ поле — три четверти аршина. Еще рѣже попадаются могилы, обставленныя стоячими высокими глыбами: такихъ, послѣднихъ могилъ, вскрыть мнѣ возможности не представилось.

Глубина могилъ отъ 6 до 9 аршинъ. На днѣ во всѣхъ находились закрытые плахами съ неснятой корой квадратные (отъ 2 на 2 аршина) срубы,

изъ совершенно размякшей и сгнившей лиственницы, а въ нихъ, головами на югъ, лежали на боку и въ согнутомъ положеніи скелеты; въ нѣкоторыхъ могилахъ, лицомъ другъ къ другу, лежало по два скелета; мѣдныя вещи, наконечники стрѣлъ, кинжалы и пр., находились у череповъ и притомъ настолько близко отъ нихъ, что челюсти зачастую оказывались окрашенными зеленой окисью.

Неподалеку отъ такихъ земляныхъ кургановъ почти всегда имѣются вытянутые въ одну прямую линію, перпендикулярную притомъ къ линіи насыпей, слѣды круглыхъ ямъ, расположенныхъ на приблизительно равномъ разстояніи другъ отъ друга. Ямы эти, имѣющія теперь отъ 1 арш. до двухъ въ глубину, мною за недостаткомъ времени и рабочихъ изслѣдованы не были. Раса, захороненная въ описанныхъ курганахъ, рѣзко длинноголовая и рослая. Въ числѣ находокъ, сдѣланныхъ мною во время раскопокъ одной изъ такихъ могилъ (близъ д. Знаменки), отмѣчу распиленный пополамъ клыкъ кабарги съ круглымъ ушкомъ въ широкомъ концѣ. Предметы, извлеченные мною изъ описанныхъ могилъ, совершенно однородны съ Минусинскими.

На галечной террасѣ, вторичнаго, позднѣйшаго образованія, занесенной сверху пескомъ, земляныхъ насыпей не попадается совершенно, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нахожденіи ея подъ водою во времена насыпки земляныхъ кургановъ. Эта терраса стала доступной для жизни только во время появленія въ краѣ новыхъ пришельцевъ и послѣ полнаго ухода изъ него первонасельниковъ. Иначе поступить, какъ выселиться, послѣдніе не могли: слишкомъ было мало земли для всѣхъ.

III.

Вопреки свидѣтельству г. Каррутерса, утверждающаго, что «погребальныя могилы» сосредоточены главнымъ образомъ по хребтамъ и возвышенностямъ, весь край, всѣ ущелья и котловины горъ, всѣ долины рѣкъ по вторую террасу включительно покрыты безчисленнымъ количествомъ кургановъ другого типа, вѣрнѣе грудами набросанныхъ другъ на друга камней. Они такъ повсемѣстны въ краѣ, что нанести ихъ на карту значило бы покрыть всю ее ими.

За рѣдкими исключеніями размѣры каменныхъ кургановъ не превышаютъ земляныхъ, въ значительномъ же большинствѣ они меньше ихъ. Всѣ они круглой формы и съ плоскимъ верхомъ; на этомъ верху обозначаются провалы — мѣста захороненій. На бывшихъ берегахъ рѣкъ онѣ

тянутся въ одну, а иногда и въ нѣсколько линій: другія линіями же тянутся у подошвы горъ и среди степей.

По сбросѣ съ нихъ верхнихъ, покровныхъ камней, обнаруживается какъ бы маленькая, почти квадратная ограда, сложенная изъ крупныхъ глыбъ и плитъ, устраивавшаяся на нерушеной землѣ; вышина ея, несмотря на множество разрытыхъ мною могилъ, нигдѣ не превышала аршина и рѣдко имѣла болѣе сажени въ поперечникѣ. На получавшійся такимъ образомъ дворикъ съ сѣверной стороны вела узенькая, въ проходъ одному человѣку, дорожка, обставленная по сторонамъ сходящими на нѣтъ плитами и камнями. Мертвыхъ клали прямо на поверхность земли съ наружной стороны двориковъ, вдоль стѣнъ, какъ въ ячейки изъ камней и заваливали ихъ сверху камнями; клали ихъ на спину, руки вытягивали вдоль тѣла; головы покойниковъ видимо старались защитить выступами камней, но тѣмъ не менѣе огромное большинство череповъ оказывается раздавленными въ куски.

Находки въ этого рода курганахъ, исключительно желѣзныя, свидѣтельствуютъ о кочевомъ образѣ жизни ихъ владѣльцевъ. Ни серповъ, ни заступовъ, ни какихъ другихъ хозяйственныхъ орудій въ такихъ могилахъ мною обнаружено не было. При мужскихъ костякахъ находимы были наконечники разнообразныхъ стрѣлъ, пряжки, ножи, стремена, острія копій и т. п. Въ одномъ погребеніи у бока скелета оказался полуистлѣвшій кожаный колчанъ съ восемью стрѣлами, отдѣланный желѣзными полосками съ мелкой насѣчкой изъ точекъ. Стремена всегда находились у висковъ покойника и клались, видимо, только съ однимъ перекиднымъ ремнемъ (черезсѣдельникъ).

Черепа всѣ круглоголовые, съ выдавшимися скулами, зачастую съ почти полнымъ отсутствіемъ лба, сильно скошеннаго назадъ и съ рѣзко выпуклыми надбровными дугами; размѣрами костяки, въ общемъ, меньше чѣмъ костяки длинноголовыхъ.

Въ курганахъ встрѣчалось отъ одного до четырехъ погребеній, и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, при костякахъ находилось или по парѣ наконечниковъ стрѣлъ, или маленькій односторонній ножъ, не превышавшій въ длину по лезвію двухъ вершковъ, или же удила.

Предметы, найденные мною въ каменныхъ курганахъ, указываютъ на крайнюю бѣдность и дикость кочевавшаго здѣсь племени; громадное же количество оставшихся каменныхъ насыпей — указываетъ не на войны, а на многочисленность племени и на долгій періодъ владѣнія имъ краемъ. Послѣднее подтверждаютъ могилы, принадлежащія по внѣшнимъ признакамъ, по способу захороненія и наконецъ по черепамъ, тому же народу, но содержащія въ себѣ предметы, значительно болѣе древняго производ-

ства, чѣмъ другія. Особенно замѣтно это на ножахъ и стрѣлахъ: типы наконечниковъ послѣднихъ чрезвычайно разнообразны, иногда даже въ одной и той же группѣ кургановъ, но въ одной могилѣ смѣшенія ихъ не наблюдалось мною ни разу; рѣже всѣхъ встрѣчаются узкіе наконечники стрѣлъ, весьма близкіе по типу къ мѣднымъ, и ихъ я считаю старѣйшими изъ желѣзныхъ.

Довольно значительный процентъ каменныхъ насыпей не содержалъ рѣшительно никакихъ погребеній. Въ такихъ могилахъ на внутреннемъ дворикѣ, сложенномъ съ меньшею тщательностью, оказывался подъ камнями какой-либо одинъ желѣзный предметъ — чаще всего удила — чрезвычайно тонкія и, несомнѣнно, не могшія служить для ѣзды; только однажды найдена была кованная изъ желѣза плоская круглая чашка въ два вершка въ діаметрѣ съ двумя дужками-ручками по бокамъ.

Цѣль, для которой набрасывался такой курганъ безъ мертвеца, вѣроятно, религіозная; въ виду нахожденія ихъ среди погребальныхъ кургановъ и точнаго соблюденія типа ихъ, полагаю, что они являются курганами поминальными, т. е. устроенными въ память и честь сородича, погибшаго гдѣ-либо вдали отъ своихъ.

Долженъ отмѣтить, что на землѣ, среди камней во всѣхъ курганахъ въ довольно большомъ количествѣ встрѣчались черепа мелкихъ грызуновъ; забирались-ли въ каменныя кучи звѣрьки сами и тамъ умирали, клали ли ихъ головки въ могилы нарочно, утверждать не могу, хотя скелеты грызуновъ находимы мною не были.

По разсказамъ проводниковъ два громадныхъ кургана такого же типа, но имѣющіе видъ цѣлыхъ холмовъ, имѣются на правомъ берегу р. Малаго Енисея, ниже впаденія въ него р. Малой Брени. Горы въ этомъ мѣстѣ круто обрываются почти надъ самымъ Енисеемъ и тропка идетъ мимо самыхъ кургановъ.

Около горъ и притомъ исключительно по р. Малому Енисею я изрѣдка находилъ въ томъ же типѣ могилъ сидячія погребенія. Вырывалась яма, рѣдко превышавшая три четверти аршина въ глубину; земля изъ нея выкидывалася на четыре стороны и оставлялась затѣмъ буграми. Мертваго опускали въ яму съ подогнутыми ногами, затѣмъ закрывали могилу расколотыми плахами изъ лиственницы и заваливали все каменьями. При костякахъ находимы были наконечники желѣзныхъ стрѣлъ, ножи и удила. Вышина такихъ кургановъ съ сидячими погребеніями не свыше одного аршина; поперечникъ не болѣе семи аршинъ; форма ихъ совершенно та же, что и у описанныхъ выше.

Цѣлые черепа, къ сожалѣнію, въ этихъ могилахъ большая рѣдкость,

т. к. плахи, сгнивъ, обрушивались и камни раздробляли черепа на куски. Форма ихъ — круглая; можетъ быть слишкомъ мало было у меня ихъ остатковъ въ рукахъ, но они произвели на меня впечатлѣніе крайней первобытности.

Древнѣйшіе курганы этого типа находятся опять-таки на первичной террасѣ: чѣмъ ближе къ берегамъ нынѣшнихъ рѣкъ, тѣмъ линіи кургановъ обнаруживаютъ все болѣе и болѣе позднія погребенія.

IV.

Четвертый типъ погребеній въ Уряпхаѣ мною встрѣченъ былъ лишь въ западной части его, именно на вторичной террасѣ въ долинѣ рѣки Кемчика.

Близъ факторіи Иваницкаго, на урочищѣ Саденъ-Терекъ, не доѣзжая верстъ четырехъ до р. Барлыка, верстахъ въ двухъ отъ горы, одинокимъ островомъ возвышающейся среди степи на правомъ берегу Кемчика, у самой дороги, открывается обширная площадь, сплошь занятая кладбищемъ съ торчащими изъ земли зеленоватыми и красноватыми сланцевыми плитами. Въ противоположность нашимъ кладбищамъ, плиты не покрываютъ могилу, а служатъ ей какъ бы стѣнами со всѣхъ четырехъ сторонъ, причемъ края ихъ выдаются въ среднемъ до полуаршина надъ землею. Холмовъ надъ могилами нѣтъ и слѣда; первое впечатлѣніе таково — будто на полѣ устроено множество открытыхъ гробницъ, готовыхъ къ принятію мертвыхъ.

Ни столбовъ, ни намогильныхъ камней, ни слѣда надписей на кладбищѣ не имѣется. Длина и ширина могилъ по внѣшнему виду одинаковы съ современными; зачастую попадаются парныя могилы и мѣста огороженныя тѣми же плитами для цѣлыхъ семействъ.

Могилъ огороженныхъ красными плитами гораздо менѣе, чѣмъ огороженныхъ зелеными; плиты для послѣднихъ брались изъ близлежащей горы, красныя же добывались изъ горъ по ту сторону бурнаго Кемчика, что, конечно, связано было съ большими затрудненіями и возможно было лишь въ зимнее время. По изслѣдованіи могилъ съ разною окраскою плитъ никакой разницы въ погребеніи въ нихъ не оказалось.

Глубина могилъ отъ полутора до двухъ аршинъ; вырывъ на эту глубину яму, въ западной сторонѣ ея дѣлали въ видѣ низкаго грота подкопъ и въ него, на доскѣ, помѣщали умершаго, ногами на востокъ; мертваго клали на правомъ боку. Затѣмъ подкопъ прикрывали прислоненною доской или

плитою и могила затѣмъ засыпалась; когда оставалось до поверхности земли около полуаршина, могилу обставляли плитами, доканчивали затѣмъ засыпку землей и утрамбовывали могилу; что послѣднее имѣло мѣсто, указываетъ полное отсутствіе осадки земли.

На семейныхъ мѣстахъ, въ ногахъ у погребеній взрослыхъ людей, мною бывали находимы погребенія маленькихъ дѣтей, при чемъ ямы для послѣднихъ рылись совсѣмъ мелкія.

Рѣшительно никакихъ находокъ въ могилахъ этого типа не оказывается. Лишь въ одной изъ семейныхъ, подкопъ въ которой не осыпался и сохранился совершенно, около скелета я нашелъ небольшой кусочекъ бамбука. Черепа, найденные мной, всѣ круглые, но совершенно другого типа, чѣмъ въ каменныхъ курганахъ съ весьма развитою широкою затылочной частью.

Нѣсколько такихъ же могилъ были найдены мною въ той же степи дальше вглубь ея, къ западу отъ второй одиноко стоящей горы.

Всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, ближе къ востоку, стоятъ два каменныхъ изваянія, оба безъ головъ и одно безъ рукъ. Послѣднее изображаетъ грубо сдѣланнаго человѣка, сидящаго со скрещенными ногами; фигура второго наклонена влѣво и начинается отъ бедръ; лѣвая рука помѣщена на поясѣ. Около фигуръ имѣются осѣды въ землѣ, характерные для могилъ. Имѣютъ ли отношеніе эти фигуры къ обставленнымъ плитами могиламъ, случайно ли ихъ сосѣдство, что за круглые провалы около статуй — мною обслѣдовано не было. Обращу вниманіе на одинъ курганъ (табл. IV, рис. 1).

Онъ обширенъ, но настолько низокъ, что совершенно почти не замѣтенъ издали; на немъ возвышается могучая, великолѣпно исполненная фигура мужчины, врытая въ землю до пояса; лицо у него тюркскаго типа съ прямымъ носомъ и нѣсколько близко другъ къ другу поставленными небольшими глазами; гладкая спереди прическа сзади переходитъ въ короткую и толстую косу до плечъ; коса идетъ не отъ пучка волосъ на маковкѣ головы какъ у китайцевъ, а сплетена какъ у женщинъ изо всѣхъ волосъ. Обнаженный до пояса, онъ держитъ передъ собой сосудъ, похожій на наши деревенскіе кубаны для молока (табл. V, рис. 1). Г. Каррутерсъ считаетъ почему то эти ясно видные широкогорлые кувшины за табакерки и такъ ихъ и именуетъ въ трудѣ своемъ. Нельзя согласиться и съ В. В. Радловымъ, считающимъ ихъ за «надгробныя урны»—такихъ урнъ въ краѣ совершенно не употребляли. Ниже рукъ статуи и сзади виденъ узорный поясъ и часть одѣянія. Никакихъ слѣдовъ обставленныхъ плитами могилъ около статуи не имѣется; не имѣется ихъ нигдѣ и въ другихъ такихъ же мѣстахъ, что

вмѣстѣ съ полнымъ отсутствіемъ статуй на такомъ огромномъ кладбищѣ, какъ описанное выше, даетъ возможность раздѣлить ихъ на двѣ самостоятельныя группы погребеній.

Г. Адріановъ, посѣтившій эту часть Урянхая въ описаніи своей поѣздки (Записки Имп. Русск. Геогр. Общ-ва 1888 г., т. II), именно эту статую называетъ Чингизъ-ханомъ и говоритъ, что она, да и вообще всѣ каменныя бабы пользуются у сойотовъ большимъ почетомъ и что послѣдніе украшаютъ ихъ и приносятъ имъ въ жертву обычныя длинныя и узкія тряпочки. Мнѣ, посѣтившему Урянхай черезъ четверть вѣка послѣ него, никакихъ признаковъ уваженія и вниманія къ статуямъ наблюдать не приходилось; не слышалъ я на мѣстѣ и наименованія какой бы то ни было изъ нихъ Чингизомъ. Нѣтъ теперь около нихъ ни тряпочекъ, ни кучъ камней — складываемыхъ обычно сойотами на трудныхъ перевалахъ и знаменующихъ ихъ признательность Инезе — мѣстному духу за благополучный путь. Наоборотъ — двѣ статуи я нашелъ разбитыми и обезглавленными; одну изъ нихъ разбитую на два куска лично составилъ снова и сфотографировалъ. Головы обѣихъ исчезли безслѣдно.

Указаніе г. Адріанова на обиліе каменныхъ бабъ въ Урянхаѣ — неточно. Обиліе ихъ весьма невелико и врядъ ли мой, приводимый ниже, перечень статуй будетъ впослѣдствіи значительно пополненъ: я подвергалъ разспросамъ всѣхъ старожиловъ и безусловныхъ знатоковъ края во всѣхъ посѣщенныхъ мною частяхъ его и нигдѣ не доводилось мнѣ слышать еще о какихъ либо бабахъ. Между тѣмъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ я получилъ отъ лицъ, живущихъ верстахъ въ двухстахъ отъ нихъ и фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о безусловномъ знаніи ими края.

Къ сожалѣнію, всѣ статуи находятся въ пустынныхъ мѣстахъ и не только раскопокъ, но и полной очистки ихъ до основанія, мною произведено не было и типъ кургановъ съ каменными статуями на нихъ остался неизслѣдованнымъ.

V.

Каменныя статуи встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на лѣвомъ берегу р. Барлыка—фигура женщины. Лично ея не видѣлъ, но по словамъ сойотовъ она по массивности и выполненію совершенно подъ пару мужской фигурѣ; 2) описанныя выше фигуры близъ горъ въ степи; 3) къ югу — верстахъ въ двухъ-трехъ отъ факторіи Леонова; статуя типомъ и прическою походитъ на № 2, но гораздо выше ея и выполнена далеко не такъ художественно; глаза у нея поставлены еще ближе; въ рукахъ держитъ

такой же сосудъ; поясъ почти такой же, но видна статуя до колѣнъ и отъ пояса внизъ идетъ гладкая юбка (табл. V, рис. 2).

4) Приблизительно въ одной верстѣ отъ устья р. Чепагаша (Джепагашъ), на правомъ берегу среди сойотскаго поля имѣется круглая неглубокая яма-провалъ и рядомъ съ нею двѣ невысокія каменныя поясныя статуи. Въ рукахъ онѣ держатъ передъ собой сосуды подобные нумерамъ второму и третьему, но все сходство ихъ этимъ и ограничивается (табл. V, рис. 3 и 4). Типъ ихъ лицъ обычно сибирскій; обслѣдованіе этой могилы и вывозъ этихъ двухъ заслуживающихъ вниманія статуй въ музей считаю задачею первостепенной важности.

Всѣ перечисленныя статуи лицомъ обращены на востокъ.

5) Къ югу отъ поселка Шаганаръ стоятъ другъ противъ друга двѣ статуи превосходной работы; обѣ загадочнаго для меня, хотя и похожаго на китайскій, типа, около нихъ маленькія фигуры львовъ (табл IV, рис. 2).

Ни на Маломъ, ни на Большомъ Енисеяхъ ни видѣть, ни слышать о существованіи статуй мнѣ не доводилось; всѣ онѣ, кромѣ № 5, сосредоточены вдоль р. Кемчика; долина послѣдняго вездѣ удобна къ проѣзду па колесахъ и, издревле, должна была служить большою дорогой для тѣхъ, кто приходилъ въ край со стороны нынѣшняго Туркестана.

Каменныя могилы заполняютъ и всю Кемчикскую область края; курганы же со статуями и обставленныя плитами могилы вкраплены между ними какъ большая рѣдкость. Камень — сѣрый гранитъ, не мѣстный: горы на далекое разстояніе кругомъ исключительно сланцевыя, и откуда былъ добытъ гранитъ для меня осталось невыясненнымъ.

Какъ я уже писалъ выше, курганы со статуями мною вскрыты не были; тѣмъ не менѣе полагаю, что длинноголоваго племени въ нихъ оказаться не можетъ, такъ какъ всѣ курганы этого типа расположены на вторичной террасѣ (кромѣ № 3, случайно находящагося на скатѣ горы), точнѣе на степи, являющейся обсохшимъ русломъ р. Кемчика.

Мѣстами вся она покрыта какъ бы потоками гальки, еще не затянутой сверху наносами и ясно рисуетъ картину сравнительно не особенно древняго постепеннаго обмелѣнія рѣки и превращеніе ея передъ полнымъ исчезновеніемъ въ протоки и ручьи между мелями.

Степь эта не поемная. Уровень воды въ нынѣшнемъ Кемчикѣ приблизительно сажени на двѣ ниже ея; сила теченія мѣстныхъ рѣкъ приблизительно одинакова, поэтому и время намыва террасъ должно быть тоже, что и при-Енисейскихъ. Стало быть въ періодъ длинноголоваго населенія края — при-Кемчикскія степи находились подъ водой и курганы на нихъ могли быть насыпаны лишь въ значительно позднѣйшее время.

VI.

Послѣднимъ, пятымъ по внѣшнему виду, типомъ могилъ Урянхая являются могилы съ поставленными на нихъ на разстояніи около сажени, а иногда и большемъ другъ отъ друга, двумя узкими и высокими, иногда выше роста человѣка, необдѣланными плитами. Если провести между ними прямую линію, она укажетъ на востокъ и западъ.

Иногда могила отмѣчена лишь одной стоячей плитой; каменная насыпь на нихъ обыкновенно отсутствуетъ; верстахъ въ пяти отъ деревни Сосновки (Тюргень тожъ) у мѣдныхъ копей древняго длинноголоваго племени мною обнаружена была длинная могила, отмѣченная тремя стояками, вытянутыми съ юга на сѣверъ; отъ стояковъ съ востока на западъ шла невысокая, до полуаршина въ вышину, три аршина въ ширину и 9 въ длину насыпь изъ небольшихъ булыжниковъ (табл. VI, рис. 1). По сбросѣ ихъ на степь, все это мѣсто перерѣзано было по длинѣ канавой въ полъ-аршина шириною; земля оказа лась нерушенной и кромѣ немногихъ осколковъ костей быка и барана, находившихся въ самомъ верхнемъ слоѣ ея, ничего подъ насыпью не оказалось.

Долженъ оговориться, что обслѣдованіе этой могилы производилось наспѣхъ, такъ какъ наступала ночь и надо было спѣшить отъѣздомъ; при томъ работали люди чуть не впервые взявшіе лопаты въ руки; думаю, что могилы въ томъ мѣстѣ имѣлись и только не были нами обнаружены.

Могилы со стояками на берегахъ рѣкъ мнѣ не встрѣчались ни разу; онѣ немногочисленны и расположены большею частію гдѣ либо высоко на скатахъ горъ и на плоскогорьяхъ. Иногда между стояками навалено нѣсколько плитяныхъ глыбъ, но въ большинствѣ случаевъ ни насыпей, ни углубленій между ними не замѣчается. Могилы этого типа встрѣчались мнѣ только на горахъ, въ особо пустынныхъ и дикихъ мѣстахъ и потому мною обслѣдованы не были.

VII.

Помимо могилъ въ степяхъ края часто встрѣчаются геометрическія фигуры, выложенныя по землѣ изъ крупныхъ булыжниковъ фунтовъ отъ десяти и до 2-хъ пудовъ вѣсомъ каждый. Фигуры эти имѣютъ чаще всего видъ небольшихъ круговъ; чѣмъ больше кругъ, тѣмъ крупнѣй отмѣчающіе его камни; послѣдніе расположены по окружности съ промежутками другъ отъ друга отъ четверти до одного аршина. Маленькіе круги въ аршинъ и въ полтора въ діаметрѣ часто встрѣчаются рядомъ съ монгольскими моги-

лами; они не содержатъ рѣшительно ничего — ни находокъ, ни слѣдовъ копки земли и имѣютъ, по моему мнѣнію, значеніе мѣстъ для моленій и религіозныхъ обрядовъ для лицъ близкихъ къ умершему.

Такое же значеніе, но для значительнаго числа людей должны имѣть и большіе круги, встрѣчающіеся въ степяхъ всегда на довольно значительномъ разстояніи отъ могилъ. Квадраты изъ камней попадаются значительно рѣже круговъ и ясно знаменуютъ какъ бы дворъ, иногда обширный, со входомъ въ него и съ каменнымъ курганомъ посрединѣ. Круги примыкаютъ тогда къ сторонамъ его.

Самая интересная могила этого типа находится въ ущельѣ, выходящемъ къ рѣкѣ Кемчику отъ азбестовыхъ залежей Иваницкаго.

На берегу ручья Ачика (бассейнъ Малаго Енисея) въ устьѣ широкой долины, ведущей къ Рыбному озеру, имѣются курганы трехъ типовъ: каменные, со стояками и земляные. Ближе къ Ачику бросается въ глаза длинная прямая аллея изъ двухъ параллельно другъ другу расположенныхъ линій изъ врытыхъ въ землю невысокихъ камней.

Почти повсемѣстно въ краю имѣются слѣды древнихъ «мочаговъ» — оросительныхъ канавъ, выкопанныхъ руками первобытнаго, длинноголоваго племени. Мочаги идутъ по первичнымъ, старѣйшимъ террасамъ, ближе къ горамъ.

На правомъ берегу Енисея, верстахъ въ трехъ внизъ отъ строящагося г. Бѣлоцарска, имѣются высѣченные на скалахъ рисунки; другіе рисунки находятся въ долинѣ р. Кемчика, верстахъ въ двухъ отъ заимки Максима Ивановича Бякова. Послѣдніе изображаютъ оленя и джима и обведены красною краской.

На лѣвомъ берегу р. Чакуль, близъ сойотскаго хурэ (ламаитскій монастырь) на скалѣ, на высотѣ приблизительно двухъ саженъ вырублена небольшая ниша, упоминаемая г. Родевичемъ подъ именемъ «полутемной пещеры» Джурмалъ. На задней стѣнѣ ея превосходно высѣчено изображеніе сидящаго Будды; на наружной стѣнѣ скалы стоятъ охраняющіе Будду два свирѣпаго вида человѣка съ угрожающе поднятыми руками. Горельефы ихъ величиною около аршина. (Табл. VI, рис. 2).

Къ сожалѣнію, всѣ эти изображенія такъ размалеваны китайцами яркими красками и притомъ въ недавніе дни, что судить о степени древности ихъ и типѣ лицъ совершенно нельзя. Возможно, что фигуры тѣлохранителей относились совсѣмъ не къ Буддѣ, а къ чему либо другому, исчезнувшему изъ этой ниши.

Любопытный памятникъ глубокой древности находится въ с. Туранѣ: это громадный, болѣе роста человѣческаго фаллусъ, покрытый слабыми

слѣдами рисунковъ или надписей. Ранѣе онъ возвышался на одномъ изъ крестьянскихъ огородовъ въ сѣверной части села, теперь же стоитъ въ палисадникѣ мѣстной школы.

VIII.

Самымъ любопытнымъ памятникомъ прошлаго въ краѣ являются сохранившіеся мѣстами донынѣ остатки, превосходной когда то, дороги, слывущей среди мѣстнаго населенія и у лицъ, писавшихъ объ Урянхаѣ, подъ названіемъ дороги Чингизхана.

Верстахъ въ четырехъ-пяти отъ Чакуля (Джакуля) путникъ, направляющійся на Кемчикъ долженъ подняться на возвышенность и ѣхать пустынною степью, имѣющей мѣстами до двадцати верстъ ширины и зажатой среди совершенно обнаженныхъ горъ. Длина пустыни около семидесяти верстъ. Приблизительно посрединѣ ея идетъ, шириною въ обыкновенное шоссе, насыпанная изъ мелкой гальки и словно зацементированная сверху, ровная какъ полотно, дорога Чингиза. Мѣстами она испорчена и современная дорога проходитъ тогда ниже, вдоль ея насыпи, имѣющей видъ вала. При полномъ отсутствіи сколько нибудь устроенныхъ путей въ краѣ, не имѣющемъ ничего, кромѣ тропъ, пробитыхъ всадниками, дорога эта особенно рѣзко бросается въ глаза путешественнику. У перевала къ р. Кемчику она исчезаетъ; мнѣ удалось прослѣдить и другіе еще неизвѣстные до сихъ поръ остатки ея: сохранились они къ югу отъ г. Бѣлоцарска, близко отъ него; затѣмъ видны они у устья р. Элегеста: тамъ остатки дороги тянутся по крайней мѣрѣ верстъ на пятнадцать и надо думать, что она связывала Кемчикъ съ долиною Малаго Енисея.

Возвращаясь изъ Урянхайскаго края на плоту, въ тѣснинѣ Саянскихъ хребтовъ, сжимающихъ своими отвѣсами воды Енисея, я, на далекомъ протяженіи отъ Чакуля, видѣлъ высоко надъ водою, на кручахъ скалъ, изорванные осыпями остатки той же дороги, выводившей, очевидно, въ Минусинскій край. По всему протяженію своему дорога эта, имѣющая нѣсколько сотъ верстъ въ длину и, заслуживающая особеннаго вниманія, мною изслѣдована не была; однако значительныя части ея, видѣнныя мною, заставляютъ думать, что имя Чингиза приплетено къ ней совершенно напрасно.

Основанія къ такому предположенію слѣдующія:

1) Дорога эта проложена по высокимъ мѣстамъ ии и гдѣ не спускается на площади, названныя мной террасами вторичнаго образованія. Дуги, мѣстами описываемыя ею нынѣ, указываютъ, что удобная для проѣзда, ровная нынѣшняя степь съ ея могилами, по которой дорога могла бы быть

проведена въ прямомъ направленіи, во времена постройки ея находилась еще подъ водою или была во всякомъ случаѣ еще непроѣздною.

2) Прокладка дороги черезъ всю гладкую какъ ладонь, весьма высокую и совершенно сухую теперь Чакуль-Кемчикскую степь, по которой въ любомъ направленіи и въ любое время года можно проѣхать, какъ по лучшей торцовой мостовой — указываетъ, что прихоть какого либо владыки здѣсь не могла имѣть мѣста. Несомнѣнно, устройство дороги, притомъ возвышенной, вызвано было сыростью почвы, что по географическимъ условіямъ степи могло быть никакъ не во времена Чингиза, а въ значительно болѣе ранній періодъ.

3) Въ двухъ мѣстахъ на самомъ полотнѣ Чингизовой дороги въ той же степи устроены каменныя древнія могилы. Фактъ этотъ указываетъ, что во времена Чингиза кочевниками уже было утрачено представленіе о томъ, что находящаяся въ ихъ владѣніи насыпь есть дорога и они, давно, не нуждаясь въ ней, устроили въ ней, по своему обычаю, могилы.

IX.

Горныя богатства Урянхая были извѣстны уже въ глубокой древности. Въ весьма многихъ мѣстахъ его имѣются древніе рудники, полузасыпавшіеся обвалами и остатки плавильныхъ печей, окруженные грудами шлаковъ. Все это свидѣтельствуетъ о большой промышленной дѣятельности края въ древнія времена.

Изслѣдованіе шлаковъ показало, что руда добывалась мѣдная и находимые въ краѣ мѣдные предметы должны быть мѣстнаго производства; судя по количеству рудниковъ, издѣлія края были, вѣроятно, вывозимы и за его предѣлы.

У подножія хребта Танну-Ола, верстахъ въ пяти на востокъ отъ д. Сосновки, цѣпью около полуверсты въ длину тянутся съ юга на сѣверовостокъ почти рядомъ другъ съ другомъ стоящіе большіе курганы. Самый южный — самый значительный — до двухъ саженъ въ высоту и саженей до десяти въ діаметрѣ по подошвѣ; курганы идутъ къ сѣверу все уменьшаясь и сходятъ почти на нѣтъ. Вытянуты они въ прямую линію; между ними и на бокахъ отвалы изъ крупныхъ камней.

Взойдя на вершину перваго кургана, оказываешься какъ бы на вершинѣ кратера; воронка его идетъ почти до самой земли и пологія стѣнки ея усѣяны громадныхъ размѣрами шлаками; тѣ же шлаки грудами лежатъ и внѣ этого кургана, содержащаго въ себѣ, по моему предположенію, пла-

вильную печь. Точно такую же картину, но все уменьшаясь въ размѣрахъ по вышинѣ, представляютъ и остальные курганы; внутренность нѣкоторыхъ кажется вымощенной плотно вросшими въ землю крупными камнями, но шлаковые остатки вокругъ нихъ и на нихъ отсутствуютъ.

Эти курганы — остатки шахтъ, вытянувшихся по направленію жилы руды, вѣроятно, все истощавшейся по направленію на сѣверо-востокъ, и послѣдній курганъ — послѣдняя шахта, далъ, судя по отваламъ, совсѣмъ мало руды, и работы въ этомъ мѣстѣ были брошены окончательно.

Приблизительно въ полуверстѣ съ западной стороны шахтъ ясно замѣтна на степи цѣпь воронкообразныхъ углубленій; каждое изъ нихъ около сажени въ поперечникѣ. Прямая линія ихъ параллельна шахтамъ; ни камней, ни слѣда какихъ либо отваловъ, ни даже выбросовъ земли по краямъ ихъ незамѣтно.

Вокругъ шахтъ во множествѣ пріютились каменные курганы. Мною вскрыто было четыре, но слѣдовъ погребенія ни въ одномъ не оказалось: въ серединѣ одного лежала желѣзная чашка съ двумя ушками, въ двухъ — тонкія удила и въ одномъ стремя съ полукруглымъ упоромъ для ноги.

Какъ шахты, такъ и ямы передъ ними, однѣ изъ замѣчательнѣйшихъ въ краѣ и требуютъ обстоятельнаго обслѣдованія и изученія. Необходимо вскрыть и всѣ остальные каменные курганы при нихъ, могущіе пролить свѣтъ на отношеніе кочевниковъ къ этому мѣсту и на смыслъ погребенія ими отдѣльныхъ неодушевленныхъ предметовъ.

Древніе мѣдные рудники извѣстны мнѣ еще въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. Между ключемъ Барбары и Истигемомъ; въ полуверстѣ отъ мѣстъ древнихъ работъ на лѣвомъ берегу имѣются ямы.

2. Въ трехъ мѣстахъ по р. Черкакъ (въ переводѣ значитъ — Лопнувшая земля)[1].

3. По р. Малой Шуѣ у горы Ачагъ-тышь (Зубъ старика).

По словамъ охотниковъ-крестьянъ имъ не разъ приходилось натыкаться на древніе рудники и въ другихъ мѣстахъ, но точнаго опредѣленія мѣстонахожденій ихъ я не имѣю. По словамъ г. **Порватова** только въ одномъ Кемчикскомъ районѣ имъ найдено 16 мѣстностей съ богатыми мѣдными залежами.

Остатковъ какихъ либо древнихъ строеній въ краѣ я не встрѣчалъ и, несмотря на постоянные и повсемѣстные опросы старожиловъ, ничего объ нихъ не слышалъ.

---

[1] Транкрипція урянхайскихъ словъ и выраженій, а также переводъ ихъ въ большинствѣ случаевъ вызываютъ сомнѣнія и не поддаются исправленію. *Ред.*

Глинобитныхъ крѣпостей въ краѣ мнѣ извѣстно три. Одна на островѣ, въ верховьяхъ Малаго Енисея на озерѣ Тери-Норъ, другая вверхъ по р. Джедану, выше ставки Та-хошунскаго района верстъ на пятнадцать въ урочищѣ Буянъ-Тухай и третья на р. Акъ-Сукѣ.

Крѣпостей этихъ я не видалъ и свѣдѣній о первыхъ двухъ не имѣю; третья описана въ донесенія горнаго десятника, изслѣдовавшаго Акъ-Сукъ слѣдующимъ образомъ: «Крѣпость расположена въ угрюмой мѣстности, въ каменистомъ и тѣсномъ ущельѣ; крѣпость не велика; рѣка протекаетъ мимо нея по ущелью среди отвѣсныхъ скалъ и даетъ очень крутые повороты. Вышина стѣнъ крѣпости теперь (въ 1912 г.) три аршина; толщина тоже три аршина. Сложена она изъ сланцевъ, на толстомъ слоѣ глины; прежде въ ней были цѣлы небольшія окна, но теперь эта часть верха обрушилась. О происхожденіи крѣпости сойоты ничего не знаютъ». Добавлю, что неподалеку отъ этой крѣпости былъ найденъ золотой жезлъ (о немъ см. ниже).

Посѣтить мнѣ удалось лишь четвертую крѣпость и, думается мнѣ, наистарѣйшую изъ нихъ. Находится она верстахъ въ десяти отъ р. Кемчика, на лѣвомъ берегу его въ пустынной Итыгейской степи къ сѣверу отъ азбестовыхъ рудниковъ Иваницкаго. У сойотовъ крѣпость эта слыветъ подъ именемъ «Болгачъ», что значитъ глиняный домъ. О какомъ нибудь глиняномъ домѣ въ дѣйствительности нѣтъ и помина.

Крѣпость эта — квадратъ въ сто двадцать пять саженъ по каждой сторонѣ, обнесенный валомъ изъ смѣси мелкой рѣчной гальки и глины, составляющихъ здѣсь грунтъ. Вышина валовъ около четырехъ аршинъ; впереди нихъ имѣется заплывшій ровъ. Посрединѣ каждой изъ сторонъ видны прорѣзы, свидѣтельствующія о находившихся въ тѣхъ мѣстахъ воротахъ. На обширномъ и совершенно ровномъ полѣ внутри крѣпости не замѣтно ни ямъ, ни слѣдовъ какихъ либо построекъ.

Большой древности, дальше временъ Чингизхана, крѣпость эта, мнѣ кажется, имѣть не можетъ. Мнѣніе свое основываю на слѣдующихъ фактахъ. Осмотръ мѣстности, произведенный мною, обнаружилъ, что крѣпость стоитъ на рѣчномъ намывѣ, имѣющемъ въ настоящее время видъ острова, слегка возвышающемся надъ общимъ уровнемъ степи. Поодаль крѣпости, по обѣ стороны ея съ юга и съ сѣвера пробираются вдоль степи едва замѣтные теперь ручейки-остатки, судя по влажности и топкости почвы еще недавнихъ, довольно значительныхъ рѣчекъ; въ половодье, въ особенно сильную воду, обѣ рѣчки должны были сливаться въ одну и разливъ, несомнѣнно, покрывалъ собою и островъ, и селиться въ такомъ мѣстѣ было бы неудачно. Наконецъ, скорость теченія рѣкъ Урянхая весьма значительна;

мели и острова переносятся ими съ мѣста на мѣсто быстро, а потому и время образованія данной возвышенности не можетъ быть отнесено къ очень отдаленнымъ.

Въ ущельяхъ вокругъ крѣпости (говорю про южную сторону) разбросано множество каменныхъ могилъ и каменныхъ круговъ; въ одномъ изъ нихъ, въ близкой къ крѣпости мѣстности Пертъ-Кочехаръ (Крутая покатость) кромѣ обычныхъ могилъ возвышается заслуживающій вниманія большой земляной курганъ, одѣтый камнями; на вершинѣ его — легкій провалъ; нѣсколько отступя отъ подошвы курганъ обведенъ кругомъ изъ камней.

У самаго устья р. Элегеста, на крайней горѣ лѣваго берега, на самой вершинѣ ея я видѣлъ снизу, отъ заимки Губанова, нѣсколько насыпанныхъ изъ камней кургановъ. По словамъ послѣдняго на той горѣ имѣются остатки какихъ то каменныхъ стѣнъ вышиною около аршина; стѣны образуютъ какъ бы квадратъ, имѣющій саженъ до десяти въ поперечникѣ. Посрединѣ его возвышаются замѣченные мною курганы.

X.

Пещерами край весьма не богатъ, хотя долженъ оговориться, что о пещерахъ сойоты говорятъ крайне неохотно и найти проводника къ нимъ изъ ихъ среды не только трудно, но зачастую и невозможно.

Мнѣ извѣстны лишь слѣдующія пещеры.

1. На Маломъ Енисеѣ въ горахъ праваго берега, верстахъ въ пятнадцати отъ поселка Щербаковскаго. Пещеръ въ указанныхъ горахъ нѣсколько. Одна изъ нихъ, въ которой я былъ, находится почти на вершинѣ высокой крутой горы; на ровной площадкѣ имѣется схожій съ колодцемъ провалъ саженъ до двухъ въ глубину и изъ него надо проползать подъ низко нависшій пластъ известняка (табл. VI, рис. 2). За сводомъ открывается просторный и высокій гротъ, весь заваленный осыпавшимися камнями, потемнѣвшими досками и мусоромъ; среди него я нашелъ человѣческую челюсть, бычачій рогъ и разрозненныя кости животныхъ. И челюсть и кости происхожденія недавняго; на доскахъ имѣлись слѣды китайской отдѣлки и попали онѣ подъ землю, вѣроятно, во времена китайскаго погрома въ краѣ, имѣвшаго мѣсто въ 1908 г.

2. Другая пещера въ той же окрестности интереснѣе, но отыскать ее мнѣ не удалось. По разсказамъ крестьянъ-охотниковъ и одного межевого чиновника, побывавшихъ въ ней, входъ въ нее выше подошвы скалъ

саженъ на семь. Стѣна совершенно отвѣсная и въ разсѣлинѣ ея устроена изъ лиственницы первобытная лѣстница. Пещера имѣетъ видъ ряда то низкихъ, то высокихъ комнатъ и развѣтвляется на корридоры, до конца которыхъ посѣтившіе ее не добирались. Пещера эта почитается у сойотовъ священною. Комнаты ея наполнены ихъ божками, ящиками съ рукописями и увѣшаны узкими и длинными обрывками разноцвѣтнаго тряпья, что всегда дѣлаютъ сойоты у «авы», т. е. священнаго мѣста.

Передъ возведеніемъ въ санъ первосвященника (хамбо-ламы), избранный обязанъ выдержать годовой искусъ въ этой пещерѣ; находиться онъ долженъ въ ней безотлучно; пищу и питье приносятъ ему сойоты и, если онъ преодолѣетъ мистическій ужасъ, внушаемый ему подземною тьмой и легендами о грозныхъ духахъ горъ, то однимъ этимъ становится въ ряды особо почитаемыхъ лицъ. Такое испытаніе выдерживаютъ весьма немногіе: большинство убѣгаетъ въ весьма скоромъ времени.

3. Противъ поселка Чакуль, на правомъ берегу Енисея, изъ хребтовъ Саянскихъ горъ вытекаетъ р. Серлихъ, по сойотски Имикэмъ, т. е. Козлиная рѣчка. Горы, тѣсно обступившія ее, сплошь состоятъ изъ древнихъ, до-Кембрійскихъ сланцевъ, прорванныхъ мѣстами зеленокаменными породами. Вездѣ вдоль ущелья попадаются каменныя могилы; верстахъ же въ двѣнадцати-пятнадцати отъ Енисея, довольно высоко въ полугорѣ, съ западной стороны, имѣется пещера; входъ въ нее преграждаетъ деревянная стѣнка китайскаго стиля съ дверью и двумя окошечками по бокамъ. Надъ стѣной громадною глыбой нависаетъ утесъ.

Пещера маленькая; съ правой стороны ея имѣется естественный выступъ вродѣ наръ съ покатостью ко входу. На немъ сидитъ, вытянувъ ноги, прикрытый лишь кое гдѣ клочьями истлѣвшей одежды совершенно изсохшее тѣло человѣка; ротъ его сильно оскаленъ, голова запрокинута назадъ, на шеѣ зіяетъ огромный разрѣзъ до позвонковъ. По типу мертвецъ несомнѣнный китаецъ, хотя въ окрестностяхъ слыветъ подъ именемъ сойотскаго святого. Слава объ этомъ «невѣдомомъ» мертвецѣ сохнущемъ здѣсь многіе годы, распространена весьма далеко и разсказы о немъ слышалъ я еще въ Красноярскѣ.

Какой то наивный, а можетъ быть и плутоватый, странникъ нарочно пробрался по трудно проходимымъ горнымъ тропамъ въ эти края изъ Сибири и собрался поселиться въ этой пещерѣ съ мертвецомъ и поставилъ въ ней икону; его выселили и икону убрали. Разсказывалъ мнѣ объ этомъ случаѣ священникъ изъ с. Туранъ.

XI.

Помимо предметовъ, добытыхъ мною изъ могилъ, у мѣстныхъ жителей мною куплено довольно значительное количество древностей, найденныхъ ими случайно. Перечня ихъ приводить не буду, отмѣчу лишь наиболѣе любопытное.

Въ сѣверной части Урянхая, затѣмъ на Маломъ Енисеѣ и на Кемчикѣ мнѣ попались два каменные ручные жернова, выпахиваемые изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются древнія оросительныя канавы; работа одного превосходна: верхнюю сторону камня покрываютъ высѣченныя, выпуклыя украшенія.

Ножи, топоры, кирки, кинжалы и пр. изъ красной мѣди, совершенно одинаковы съ находимыми въ могилахъ Минусинскаго края; попадаются они рѣшительно во всѣхъ селеніяхъ, расположенныхъ ближе къ горамъ на первичныхъ террасахъ. Желѣзныя стрѣлы всевозможныхъ формъ, перержавѣвшіе ножи и т. п. встрѣчаются повсемѣстно и еще болѣе часто.

Между прочимъ на горѣ Бай-тайга (въ переводѣ Богачъ-гора, долина р. Кемчика), въ пескахъ найдена была превосходной работы желѣзная кольчуга, находящаяся въ настоящее время у меня. На той же Бай-тайгѣ найдено нѣсколько предметовъ мѣдной эпохи.

Какъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе случаются находки чугунныхъ предметовъ. На р. Уюкѣ, особенно изобилующей курганами, въ песчаной осыпи, на большой глубинѣ былъ найденъ кувшинъ (хранится у меня), имѣющій около шести вершковъ въ вышину и вѣсящій десять фунтовъ; форма его восточная. У д. Атамановки въ долинѣ р. Мечегея, протекающей вдоль хребта Танну-Ола, тоже на нѣкоторой глубинѣ, отысканы двѣ небольшихъ шестерни; близъ поселка Никольскаго выкопана небольшая, въ четверть вершка толщиною дощечка неправильной, близкой къ треугольнику формы; на верхней сторонѣ ея имѣются три небольшихъ ушка.—Вотъ всѣ находки изъ чугуна, побывавшія у меня въ рукахъ. Лично я въ раскопкахъ никакихъ чугунныхъ предметовъ не встрѣчалъ; какихъ либо поселеній въ мѣстахъ находокъ ихъ не было и, оказаться недавно потерянными да еще на извѣстной глубинѣ онѣ по своей непригодности для кочевого населенія, кромѣ кувшина, не могли.

На одномъ изъ многочисленныхъ бродовъ черезъ р. Кунъ-Бежикъ, на называемомъ теперь «Серебрянымъ бродомъ», въ водѣ найденъ былъ серебряный поясъ, жемчуга, кораллы и человѣческія кости.

Другая любопытная находка сдѣлана въ той же долинѣ р. Кемчика близъ р. Акъ-Сукъ: отысканъ былъ, какъ увѣряли всѣ видѣвшіе его «зо-

лотой шомпуръ», судя по описаніямъ это былъ покрытый узорами золотой жезлъ.

И кладъ съ брода, и жезлъ были изломаны и проданы на вѣсъ.

Находокъ каменнаго вѣка мнѣ не встрѣчалось совершенно, если не считать д. Уюка, гдѣ мнѣ показали найденный въ ея окрестностяхъ наконечникъ кремневой стрѣлы палеолитическаго періода.

Къ числу особенно любопытныхъ и рѣдкихъ предметовъ, добытыхъ мною въ смежномъ съ Урянхаемъ Усинскомъ Округѣ, я отношу желѣзный кинжалъ съ узорною рукояткой и бронзовою перемычкой. Кинжалъ типично Минусинско-Урянхайскихъ размѣровъ и формы и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ переходную къ желѣзу эпоху длинноголовая раса еще не была, или во всякомъ случаѣ не вся была вытѣснена изъ края нахлынувшими кочевниками.

Монетъ при раскопкахъ я не встрѣчалъ ни одной; всего при объѣздѣ края мною собрано семь штукъ, исключительно китайскихъ, изъ которыхъ четыре, найденныя при распашкѣ земли крестьянами с. Туранъ, танской династіи и относятся къ началу VII вѣка по Р. Х.; одна къ эпохѣ Си-Нинъ (1068—1078 г.) (найдена близъ Баянкола); одна къ эпохѣ Юань-Фынъ (1078—1086 г.) (найдена близъ Шаганара) и послѣдняя—къ эпохѣ Чунъ-Нина (1102—1107 г.) (найдена близъ Шаганара).

XII.

Въ заключеніе подвожу итогъ всему изложенному.

1) Вопреки указаніямъ о. Іакинфа и китайскихъ лѣтописей, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ считать сойотовъ за давносельниковъ края: не подтверждаютъ этого ни данныя быта, ни погребальные обычаи сойотовъ, ни форма череповъ ихъ, рѣзко отличающаяся отъ курганныхъ, ни находки въ этихъ курганахъ.

2) Колыбель длинноголоваго племени, оставившаго множество кургановъ по всему своему историческому пути съ востока на западъ не Минусинскій край, а Урянхайскій, или, можетъ быть, даже страна на юго-западъ, указываемая, какъ компасомъ, долиной Кемчика.

3) Пустынный и дикій нынѣ Урянхай въ древности не только имѣлъ высокостоявшее, культурное по своему времени населеніе, но и служилъ великимъ путемъ съ далекаго юга на сѣверъ въ Сибирь, о чемъ свидѣтельствуютъ остатки великолѣпной дороги, ведшей когда то съ Кемчика черезъ Саяны долиной Енисея. Нынѣ подобная дорога еще только намѣчена прокладкой отъ Григорьевки до р. Уса.

4) Урянхайскій край пережилъ нѣсколько смѣнъ народовъ; длинноголовые, культурные первонасельники его были вытѣснены потомъ круглоголовымъ племенемъ за Саяны въ Минусинскій край и, можетъ быть, въ сторону Туркестана. Пришлецы въ свою очередь были вытѣснены изъ него, и нынѣшніе обитатели его сойоты или Туба лишь недавніе гости въ краѣ, ушедшіе съ родной рѣки подъ давленіемъ Сибирскихъ казаковъ.

5) Китайскаго вліянія на край во времена господства въ немъ длинноголоваго племени не обнаружено. Главной караванной артеріей и центромъ жизни страны служила долина р. Кемчика, наиболѣе богатая находками и памятниками древности; фактъ этотъ указываетъ между прочимъ на то, что главное тяготѣніе страны направлено было не къ Китаю, а западнѣе его, въ сторону восточнаго Туркестана.

С. Р. Минцловъ.

Персидскія народныя четверостишія.[1]

I.

Наиболѣе распространенной и излюбленной формой народнаго поэтическаго творчества Персіи является четверостишіе, форма присущая, кажется, всякой народной поэзіи.

Происхожденіе этой поэтической формы, занимающей по своимъ характернымъ признакамъ особое мѣсто и въ поэзіи художественной, возводится, какъ извѣстно[2], къ далекому прошлому Ирана, къ Авестѣ, именно къ особой части ея — гатамъ, третья группа которыхъ, называемая Spentā Mainyū, состоитъ изъ ряда четырехстрочныхъ строфъ, при чемъ каждая строка (стихъ) содержитъ въ себѣ одиннадцать слоговъ.

Народное четверостишіе въ своей первичной стадіи зарожденія, будь то на діалектѣ[3] или мѣстномъ говорѣ, вполнѣ совпадаетъ по схемѣ своей съ указанной древней схемой одиннадцати слоговъ, но какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются четверостишія, въ которыхъ одинъ изъ стиховъ бываетъ двѣнадцати- или тринадцатисложнымъ.

При дальнѣйшемъ переживаніи такое четверостишіе, переходя изъ устъ въ уста и подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ на языкъ и смыслъ

---

[1] Пробное чтеніе въ засѣданіи Факультета Восточныхъ Языковъ 24 апрѣля 1915 года.

[2] C. Salemann u. V. Shukovski. Persische Grammatik. Berlin 1889, p. 101 (Porta Linguarum Orientalium, pars XII); въ русской обработкѣ: Краткая грамматика ново-персидскаго языка. С.-Пб. 1890, стр. 83.

[3] Народное творчество на діалектѣ — явленіе весьма рѣдкое въ Персіи. См. В. А. Жуковскій. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. С.-Пб. 1888, стр. XIV—XV; В. А. Ивановъ. Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи. Записки Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XXIII (1915), стр. 33—35. Среди матеріаловъ по народному творчеству, собранныхъ мной въ Персіи, находится собраніе четверостишій Мäḥцӯр'а, народнаго поэта изъ Лара въ Фарсѣ), на ларскомъ діалектѣ, до сихъ поръ мало извѣстномъ.

въ сознаніи передатчиковъ-пѣвцовъ, или-же являясь плодомъ творчества поэта-грамотѣя, болѣе или менѣе знакомаго съ популярными въ народѣ литературными образцами, обнаруживаетъ способность подчиниться правиламъ литературной метрики и умѣститься въ предѣлахъ схемы урѣзаннаго шестистопнаго häзäџ'а [1], какъ одного изъ размѣровъ, сохраняющихъ его старое основное число слоговъ — одиннадцать. Разумѣется, правило чередованія краткихъ и долгихъ слоговъ, установленное метрикой для даннаго размѣра, никогда не исполняется со всей строгостью; послѣднюю можно лишь замѣтить въ четверостишіяхъ современныхъ народныхъ поэтовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Такимъ образомъ получается какъ-бы компромиссъ двухъ метрикъ.

Древнѣйшимъ образчикомъ такихъ народныхъ четверостишій служатъ четверостишія Бāбā Тāhира [2], жившаго въ XI вѣкѣ нашей эры и во всѣ времена, какъ и нынѣ, бывшаго любимымъ народнымъ поэтомъ Персіи, но несомнѣнно, подобныя четверостишія существовали и раньше, въ болѣе отдаленное время, задолго до появленія первыхъ признаковъ ново-персидской поэзіи, въ эпоху повсемѣстнаго преобладанія арабскаго языка. Въ низахъ народныхъ, въ деревняхъ и глухихъ провинціальныхъ уголкахъ, среди такъ называемыхъ диhкāновъ и парсійскаго духовенства, сохранялись и древній культъ, и преданія о героическомъ прошломъ, поддерживалась научно-литературная дѣятельность; естественно должна была сохраняться и культивироваться поэзія; но о поэзіи сасанидскаго и послѣдующаго періодовъ преданіе сообщаетъ очень мало — лишь скудныя свѣдѣнія о существованіи пѣвцовъ и содержаніи ихъ пѣсенъ [3].

Во всякомъ случаѣ поэзія старо-персидская, постепенно переродившаяся въ поэзію мусульманской Персіи, воспользовалась народнымъ четверостишіемъ, какъ одной изъ готовыхъ поэтическихъ формъ, пренебречь которой она не могла уже въ силу живучести и популярности послѣдней.

[1] هزج مسدس محذوف, схема котораго (справа налѣво): ‖ ⏓ – ⏑ ¦ – – – ⏑ ¦ – – – ⏑.

[2] Личность Бāбā Тāhира, его жизнь и литературная дѣятельность, несмотря на интересъ, проявленный къ нимъ оріенталистами, остаются пока полнѣйшей загадкой. Достигнутый результатъ изслѣдованій о Бāбā Тāhирѣ сводится къ трудамъ: Cl. Huart. Les Quatrains de Bābā Ṭāhir 'Uryān en Pehlevi Musulman. Journal As., s. VIII, v. VI, p. 502—545; В. А. Жуковскій. Кое-что о Баба Тахирѣ Голышѣ. Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XIII, стр. 0104—0108; E. Heron Allen. The Lament of Bābā Ṭāhir being the Rubā'iyāt of Bābā Ṭāhir, Hamadānī ('Uryān). London 1902; Syed Ali Bilgrami. The Quatrains of Baba Tahir. Edited & transl. by... Journal of As. Soc. of Bengal. Vol. LXXIII (1904), p. 1—29; E. G. Browne. A Literary History of Persia. I. London 1909, p. 83—85; II. London 1906, p. 259—261; Cl. Huart. Nouveaux Quatrains de Bâbâ Ṭâhir ʿUryân. Spiegel Memorial Volume. Papers on iranian subjects. Ed. by J. J. Modi, B. A. Bombay 1908, p. 290—302.

[3] E. G. Browne. A. Literary History of Persia. I, p. 14—18; К. А. Иностранцевъ. Сасанидскіе этюды. С.-Пб. 1909, стр. 90, 108, 109.

Старый языкъ, средне-персидскій — pähläві̄, далеко не съ такой быстротой вымиралъ, какъ это кажется; онъ жилъ и господствовалъ не только въ деревняхъ, но былъ въ ходу и въ большихъ городскихъ центрахъ Персіи, по крайней мѣрѣ среди низшаго класса городского населенія, чему свидѣтельствомъ является существованіе даже въ позднюю мусульманскую эпоху множества нарѣчій этого языка, носившихъ названіе по городамъ: былъ языкъ рейскій, исфаганскій, хамаданскій[1], табризскій, ардебильскій[2], гератскій[3] и др.; на этихъ языкахъ, судя по дошедшимъ отрывкамъ, продолжалось поэтическое творчество.

Поэзія ново-персидская, слѣдовательно, не могла обойти старой, но еще живой поэзіи; но не порывая связи со старой традиціей исчисленія слоговъ съ одной стороны, съ другой-же стремясь подчинить старую форму требованіямъ своей новой метрической системы, тождественной съ арабской метрикой, поэтика персидская пыталась расположить четверостишіе въ предѣлахъ схемы размѣра, который она упорно называетъ häзäџ'емъ, несмотря на сложность этой схемы, на безконечное разнообразіе въ чередованіи долгихъ и краткихъ слоговъ[4].

Становится яснымъ созданіе размѣра спеціально для данной стихотворной формы, размѣра съ расплывчатой и неопредѣленной схемой.

Чѣмъ-же объяснить такое различіе въ схемахъ метра литературнаго четверостишія и четверостишія народнаго, схемахъ такой сложной въ одномъ и такой простой въ другомъ? Объяснить-ли это различіе разнообразіемъ содержанія, изысканностью и художественностью образовъ, для выраженія которыхъ при эпиграмматической краткости стихотворенія требовалось большое искусство въ выборѣ словеснаго матеріала, или-же разница объясняется желаніемъ подчеркнуть даже во внѣ различіе между произведеніемъ художественной поэзіи и стихоплетствомъ деревенщины, лишеннымъ вкуса, изящества и всякой поэтической цѣнности? Такой взглядъ на народное поэтическое творчество до сихъ поръ господствуетъ среди образованнаго класса населенія Персіи.

Въ нѣкоторыхъ персидскихъ трудахъ по поэтикѣ четверостишія въ описанной схемѣ урѣзаннаго шестистопнаго häзäџ'а носятъ терминъ

---

[1] См. В. А. Жуковскій. Матеріалы. I. стр. V, X, XI.

[2] См. Таваккулӣ ибнъ Баззāзъ. Сафват-ас-Сафā (Житіе шейха Сафӣ-ад-дӣна Исхāка Ардебильскаго). Бомбей 1329 Г., стр. ٢٥, ٩۴, ١٠٧

[3] См. W. Nassau Lees. The Nafahátal-Ons min Hadharát al-Qods. Edited etc. Calcutta 1859, p. ١

[4] Число размѣровъ четверостишія доходитъ до 24. См. H. Blochmann. A Treatise on the Rubá'i entitled Risálah i Taránah by Aghá Ahmad 'Alí. Calcutta 1867, p. 68 и ٨

«рубо̄ʻіје зеіl»[1]; въ историческихъ и историко-литературныхъ сочиненіяхъ[2] они входятъ въ составъ такъ называемыхъ «фähläвіјјо̄т», т. е. стихотвореній и ихъ отрывковъ на разныхъ діалектахъ и сами называются, поэтому, «фähläві́», «пähläві́»; точно такимъ-же терминомъ называютъ гилекй — гилянцы свои пѣсни, часть которыхъ состоитъ изъ описываемыхъ четверостишій[3]. Большинство простонародья называетъ ихъ различно: «чоhо̄рбеіті́» — четверостишіемъ, «дӯбеіті́» — двустишіемъ, — каждый стихъ при этомъ названіи служитъ полустишіемъ; «со̄рбӯні́» — т. е. пѣсни погонщиковъ верблюдовъ; наконецъ, въ Фарсѣ ихъ выдѣляютъ въ группу подъ именемъ «шäрве́», «шäрбе́», «шälбе́», «шälво́».

Четверостишія эти всегда поются, поются монотоннымъ тягучимъ напѣвомъ, который сами персы выдѣляютъ изъ числа существующихъ у нихъ напѣвовъ, квалифицируя его какъ «грустный, жалобный, печальный» — «о̄во́зе мӯје́», «о̄во́зе häзі̄н».

Судя по нѣкоторымъ указаніямъ слову «шäрве́» придается иное значеніе[4] — этимъ терминомъ опредѣляется одинъ изъ персидскихъ напѣвовъ. Возможно, что «шäрве́ — одинъ изъ старинныхъ напѣвовъ[5], неразлучно связанный съ опредѣленной пѣсенной формой — четверостишіемъ — переживаетъ въ названіи этого послѣдняго. Среди напѣвовъ, которыми поются персидскіе романсы, такъ называемые «таснӣфы», въ составъ которыхъ въ качествѣ отдѣльныхъ строфъ цѣликомъ или наполовину иногда входятъ и народныя четверостишія[6], этого напѣва мнѣ не приходилось встрѣчать.

При пѣніи «шäрве́» нерѣдко получаетъ refrain, припѣвъ, состоящій изъ одного или двухъ словъ, повторяющійся или послѣ каждаго стиха, или-же поющійся въ концѣ четверостишія и не имѣющій никакой связи съ общимъ смысломъ распѣваемаго «шäрве́»; ходячіе припѣвы — «rile», «еі häбі̄бäм».

Риѳма въ народныхъ четверостишіяхъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ и въ литературныхъ «рубо̄ʻі̄», появляется въ первыхъ двухъ стихахъ и въ послѣднемъ (aaba); «рубо̄ʻіје тäро̄нé» — «пѣвучее четверостишіе», въ

---

[1] Напр. F. Rückert — W. Pertsch. Grammatik, Poetik u. Rhetorik der Perser. Gotha. 1874, p. 194.

[2] Указаны у E. G. Browne'a. Some notes on the Poetry of the Persian Dialects. Journal of the Royal As. Soc. 1895, p. 773—825 и A Literary History of Persia. I. 85—86; къ этому списку надо добавить Al-Mu'jam fí Ma'áyiri ash'ári 'l-'ajam by Shamsu'd-dín Muḥammad ibn Qays ar-Rázi. Leyden. London 1909 (Gibb Memorial Series, vol. V) и вышеприведенное «Сафват-ас-Сафā» Таваккули ибнъ Баззāза.

[3] A. Chodzko. Specimens of the popular poetry of Persia. London 1842, p. 454.

[4] J. A. Vullers. Lexicon persico-latinum. II, 424b, гдѣ въ стихѣ изъ дивана Зуhӯрӣ замѣчается интересное сочетаніе двухъ терминовъ: «شروه» и «پهلوی».

[5] Ср. напѣвъ اورامن, которымъ пѣлись پهلوی: Al-Mu'jam etc., p. ۱۴۳.

[6] См. В. А. Жуковскій. Образцы персидскаго народнаго творчества. СПб. 1902, стр. 25, 27, 28, 33, 34.

которомъ одна и та-же риөма проходитъ во всѣхъ четырехъ стихахъ (aaaa) — явленіе сравнительно рѣдкое; зато часто, и это особенность народнаго четверостишія, появляются двѣ риөмы, отдѣльно для первой и второй половины стихотворенія (aabb); примѣромъ такого четверостишія можетъ служить слѣдующая гилянская пѣсенка, записанная мной въ Ездѣ (1913 г.):

1] Lа́бе дäрјо̄́ бе́шум о̄́бī бенў́шум Гі́le Седо̄́је нōхудо̄́ о̄је́д бе гў́шум Гі́le
Ilо̄́hī нōхудо̄́ тӯ хӯшхäба́р бīд Ке јо̄́рум азі́зе тōзе́ сäфа́р бīд[1] Гі́le.

لب دریا بشُم آبی بنوشُم گِله صدای ناخدا آید به گوشُم گِله
الاهی ناخدا تو خوش‌خبر بید گِله که یارُم عزیزه تازه سفر بید گِله

На берегъ моря я пойду, воды напьюсь —
Крикъ капитана доносится до моихъ ушей;
О Боже, капитанъ, былъ-бы ты съ хорошей вѣстью,
Вѣдь другъ мой дорогъ и впервые путешествуетъ.

Двойная риөма, указывающая уже на бо̀льшую или меньшую внѣшнюю изысканность стиха, мнѣ не попадалась. Редифъ — добавочная риөма — рѣдко достигаетъ средины стиха; примѣръ богатаго редіфа можно указать въ гилянской пѣснѣ[2]:

هوای لار کردی پاچه لاکو مرا بیمار کردی پاچه لاکو
مرا بیمار کردی من بمیرم تو فکر یار کردی پاچه لاکو

Ты задумала отправиться въ Ларъ[3], маленькая дѣвочка,
Ты меня сдѣлала больнымъ, маленькая дѣвочка;
Ты меня сдѣлала больнымъ — я умру,
Ты подумала о (новомъ) другѣ, маленькая дѣвочка[4].

При пѣніи пѣвецъ выбираетъ четверостишія, наиболѣе подходящія къ его настроенію, способныя выразить овладѣвшія имъ думы, и поетъ ихъ одно за другимъ, съ долгими паузами, иногда заполняя послѣднія refrain'омъ, поетъ пока не измѣнится данное настроеніе, и ходъ мыслей не приметъ

[1] Ср. D. C. Phillott. Somme Lullabies and Topical Songs collected in Persia. Journal & Proc. of the As. Soc. of Bengal. N. S. II, 3, p. 46.
[2] A. Chodzko. Specimens, p. 535.
[3] Долина р. Лара въ Мазандеранѣ.
[4] Переводъ этого четверостишія у A. Chodzko, ibid., p. 488, 535 и у E. Berésine. Recherches sur les dialectes musulmans. II, 2-e partie, p. 52—53 — не совсѣмъ удаченъ.

другой оборотъ. Спѣтыя имъ четверостишія, какъ сходныя по настроенію, а иногда по содержанію и въ выраженіяхъ, часто осѣдаютъ въ памяти его въ порядкѣ пѣнія и въ этомъ-же порядкѣ передаются другимъ, являя собой образчикъ строфической пѣсни. Такова, напримѣръ, ходячая въ Персіи пѣснь «На чужбинѣ», строфами которой служатъ четверостишія, изъ коихъ каждое начинается словомъ «Ӻäрīбī». Первоначально, вѣроятно, это было нѣсколько четверостишій, выражавшихъ разнообразныя мысли и чувства заброшеннаго на чужбину; затѣмъ, въ силу однородности содержанія, они были соединены вмѣстѣ, съ теченіемъ времени къ нимъ присоединялись новыя, схожія по настроенію, пока не составилась большая пѣснь, никогда не поющаяся, впрочемъ, полностью.

Иной разъ при пѣніи пѣвецъ присоединяетъ къ четверостишію одну или нѣсколько половинъ другихъ четверостишій или просто отдѣльныхъ двустишій съ тѣмъ-же размѣромъ; тогда его пѣсня получаетъ форму газели; если-же къ четверостишію, имѣющему двѣ риѳмы, присоединяются половины такихъ-же четверостишій, то пѣсня получаетъ видъ коротенькаго месневӣ. Такое свободное обращеніе съ половинами четверостишій и вообще съ двустишіями, ихъ разнообразное сочетаніе, указываетъ на преобладаніе двустишія, какъ зачаточной формы (формулы) всякой народной поэзіи, и въ народной поэзіи Персіи.

Какъ на характерную особенность конструкціи народныхъ четверостишій надо указать на такъ называемый двучленный параллелизмъ, свойственный, кажется, примитивной поэзіи всѣхъ народовъ; какъ излюбленный мотивъ, въ первой части параллелизма (запѣвѣ) приводится описаніе какого-нибудь событія или сценки на вершинѣ высокой горы, не имѣющее зачастую никакого отношенія къ содержанію четверостишія, но придающее извѣстную окраску настроенію; какъ не имѣющій непосредственной связи съ темой четверостишія одинъ и тотъ-же запѣвъ нерѣдко переносится на другія четверостишія, представляя опредѣленную странствующую формулу. Примѣры двучленнаго параллелизма:

2] Са́ре кӯhе була́н џа́нге пела́нґа́ Седо̄је нōле́је тīр у туфа́нґа́[1]
Рäфīкӯн ка́м бегӯīд ка́м беха́ндīд Ке бōлі́ште kыјӯма́т тäхте́ са́нґа́.

سرِ کوه بُلَن جنگِ پلنگه صدای نالهٔ تیر و تفنگه
رفیقون کم بگوئید کم بخندید که بالشتِ قیومت تخته سنگه

[1] Ср. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. 242.

На вершинѣ высокой горы бой съ леопардомъ,
Слышны выстрѣлы и жужжаніе пуль;
Товарищи, поменьше говорите, поменьше смѣйтесь,
Вѣдь подушка въ судный день — каменная плита.

Шеразъ 1914.

3] Са́ре ку́hе булáн мӣш бäрре́ думбо̄l — Хäбäр ӯмäд[1] ке jо̄рäм ѓäште́ бӣмо̄р
Ду́то̄[2] дäсмо̄l кувӣм сӣб у гуl у нор — Ке фäрдо̄ мӣрäвӣм[3] бäр дӣдáнс jо̄р[4].

سرِ کوه بُلَن میش برّه دُنبال — خبر اومد که یارم گشته بیمار
دوتا دسمال کنیم سیب و گُل و نار — که فردا میرویم بر دیدنِ یار

На вершинѣ высокой горы овцы, за ними ягнята.
Пришла вѣсть, что другъ мой заболѣлъ;
Два платка наполнимъ яблоками, цвѣтами и гранатами —
Завтра пойдемъ на свиданіе съ другомъ.

Керманъ 1913.

4] Са́ре ку́hе булáн дӣѓäм[5] бе бо̄рäст[6] — Бере́нџ ђуl[7] мӣзäнäд[8] дӣl бӣкаро̄рäст[9]
*Бере́нџ ђуl[7] мӣзäнäд[8] бо̄ шӣре[10] мӣшу́н — **Тäмá' äз мо̄ бурӣдäн kо́уме хы̄шу́н[11].

سرِکوه بُلَن دیگم به بارست — برنج غُل میزنند دل بیقرارست
برنج غُل میزنند با شیرِ میشون — طمع از ما بُریدن قومِ خویشون

---

[1] var. до̄дáн. [2] v. Ніjо̄ле́ пур кунӣм сӣб etc. [3] v. Хӯш хӯш мӣрäвӣм.
[4] Ср. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. 238.
* v. И. двухъ послѣднихъ стиховъ:

Бере́нџе но̄тäво̄н то̄ кеі зäнӣ џу́ш — Бе häрфе но̄кäсо̄н то̄ кеі дähӣ гу́ш.

Безсильный рисъ, доколѣ будешь ты кипѣть?
Къ рѣчамъ негодяевъ доколѣ будешь ты прислушиваться?

** v. К. послѣдняго стиха:

a) Дӣlä́м џу́ш мӣзäнäд бо̄ kо́уме хы̄шу́н — Сердце мое кипитъ съ родственниками;
b) Ко̄ко̄м неі мӣзäнäд бо̄ kо́уме хы̄шу́н — Братъ мой играетъ на флейтѣ съ родственниками.

[5] v. К. дӣгӣ. [6] v. К. бе бо̄ре. [7] v. К. џу́ш. [8] v. К. мӣху́ре́. [9] v. К. бӣкаро̄ре. [10] v. К. гу́ште.
[11] См. В. А. Жуковскій. Матеріалы. I, стр. 36; его-же Образцы, стр. 243.

На вершинѣ высокой горы мой котелокъ на огнѣ;
Рисъ бурлитъ — сердце не знаетъ покоя;
Рисъ бурлитъ съ молокомъ овецъ —
(Мои) родственники отвернулись отъ меня.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

5] Са́ре ку́һе булА́н jäќ хо̄у куна́м мӓн   Біjо̄́ Зӓһро̄́ ке ма́шќӓт о̄у куна́м мӓн
Ӓѓӓр дӯні́ ке ма́шќӓт о̄у нӓмі́шӓд   Бе ру́jе сі̄на́ ӓт jäќ хо̄у куна́м мӓн.

سرِ کوهِ بُلَن یک خواو کنم من   بیا زهرا که مَشْکَت آو کنم من
اگر دونی که مَشْکَت او نمیشَد   به روِی سینه ات یک خواو کنم من

На вершинѣ высокой горы я чуточку сосну,
Приди Заһра̄, бурдюкъ твой водою я наполню;
Если ты знаешь, что бурдюкъ твой водою не наполнится,
То на груди твоей я чуточку сосну.

Керманъ 1913.

Излюбленнымъ пріемомъ, кромѣ того, является повтореніе начальныхъ словъ второго стиха цѣликомъ въ томъ-же порядкѣ въ началѣ слѣдующаго — третьяго стиха, представляющее какъ-бы переходъ къ мысли, заключающейся во второй половинѣ четверостишія.

Простота и безыскусственность, свѣжесть и непосредственность чувства, наивность воззрѣній, реальность образовъ и картинъ, наконецъ, чисто народный языкъ — характерныя черты, отличающія народныя четверостишія Персіи, черты одинаково свойственныя примитивной поэзіи всякой народности; онѣ-то и служатъ исходной точкой для упомянутаго уже презрительно-снисходительнаго отношенія къ произведеніямъ народнымъ большинства образованныхъ персовъ, воспитанныхъ на прямо противоположныхъ по характеру литературныхъ образцахъ. Высоко цѣня и восторгаясь, подчасъ, произведеніями, подъ изысканной внѣшностью которыхъ отсутствуетъ какая-бы то ни была содержательность, къ народной поэзіи они относятся какъ къ чему-то курьезному, заслуживающему вниманія только лишь «потѣхи ради».

Такое широко распространенное отношеніе къ народному творчеству невольно передается и большинству простонародья, признающаго себя по развитію и вкусамъ стоящимъ гораздо ниже руководящихъ общественныхъ группъ. Этимъ объясняется отчасти стремленіе народа облечь свое твор-

чество на діалектѣ или мѣстномъ говорѣ въ болѣе изысканный нарядъ литературнаго языка; тѣмъ-же обстоятельствомъ объясняется и почти полное отсутствіе какихъ-бы то ни было сборниковъ народныхъ произведеній; изрѣдка, впрочемъ, кое-гдѣ, у записныхъ пѣвцовъ въ особенности, случайно встрѣчаются отрывочныя записи «для памяти», гдѣ среди случайныхъ-же выдержекъ изъ книжныхъ произведеній, попадаются и образцы чисто народные. Въ имѣющихся старыхъ рукописныхъ матеріалахъ интересующія насъ четверостишія встрѣчаются въ ограниченномъ количествѣ.

Исключеніе, которое представляютъ въ этомъ отношеніи четверостишія Бāбā Тāhира, объясняется мистико-созерцательнымъ направленіемъ его творчества, присущимъ бо́льшей части персидской художественной поэзіи; кромѣ того, Бāбā Тāhиру, помимо четверостишій, принадлежитъ рядъ изреченій на арабскомъ языкѣ[1], и, если вѣрить даннымъ, полученнымъ мною въ Персіи[2], онъ-же былъ авторомъ прозаическаго сочиненія на арабскомъ языкѣ. Все это въ совокупности ставитъ Бāбā Тāhира въ разрядъ представителей литературы; произведенія его, какъ таковаго, въ томъ числѣ и четверостишія, были записаны и переписывались, въ чемъ не малую роль играли дервиши.

Народныя четверостишія, собранныя мною, относятся къ центральной и южной Персіи, были записаны въ теченіе 1913—1914 гг. въ Исфаганѣ, Station Ездѣ, Керманѣ, Ширазѣ и промежуточныхъ пунктахъ и отражаютъ на себѣ поэтому особенности говора каждой данной мѣстности. Югъ Персіи — Керманъ и особенно провинція Фарсъ, оказался богатымъ такими четверостишіями. По главному своему содержанію ихъ нельзя не назвать однообразными и монотонными; это короткія лирическія изліянія, въ главной массѣ любовнаго характера.

Поется въ нихъ о любви, объ ожиданіи и радости свиданія, о невѣрности возлюбленной, о страданіяхъ отъ разлуки, высказываются жалобы на появляющіяся препятствія въ любви. Душевныя переживанія и изліянія переплетаются съ описаніями мѣстности и картинками бытового характера; отношенія рисуются несложными и вполнѣ реальными. Такое богатство и разнообразіе любовной лирики въ странѣ мусульманской, гдѣ женщина —

---

[1] Этимъ указаніемъ, какъ и многими другими, я обязанъ моему учителю профессору В. А. Жуковскому, за что считаю долгомъ выразить ему искреннюю признательность.

[2] Въ бытность мою въ Исфаганѣ въ 1914 г. мнѣ пришлось познакомиться съ Хāджӣ Шейхъ Аббāсъ Алӣ Казвӣнӣ, прибывшимъ изъ Гунāбāда (вблизи Джумейна въ Хорасанѣ). По его словамъ у него было сочиненіе (рисāлэ) Бāбā Тāhира, на арабскомъ языкѣ, озаглавленное كتاب الايضاح — «Книга разъясненія» и полученное имъ отъ Султāнъ Алӣ Шāhа, главы гунабадскихъ дервишей. Мои неоднократныя просьбы дать мнѣ возможность сдѣлать съ него списокъ не увѣнчались успѣхомъ.

предметъ любви — обыкновенно скрыта отъ постороннихъ, объясняется рѣзкой разницей въ условіяхъ осѣдлаго — городского быта, съ одной стороны, и деревенскаго и кочевого, тѣсно примыкающихъ другъ къ другу, съ другой. Въ то время какъ въ городѣ муллы и сейиды ревниво слѣдятъ за неуклоннымъ исполненіемъ требованія шаріата объ отдѣленіи женскаго пола, деревня и кочевники уже въ силу необходимости не дѣлаютъ различія половъ — женщина и въ полѣ и въ домѣ или шатрѣ участвуетъ въ работѣ наравнѣ съ мужчинами. Различіе въ положеніи женщины сказывается даже въ одеждѣ, цвѣтомъ и покроемъ рѣзко отличающейся отъ костюма горожанки; никакихъ повязокъ для лица не существуетъ. Влюбленный можетъ поэтому воочію лицезрѣть объектъ своей страсти, бесѣдовать и проводить съ нимъ бо̀льшую часть времени. Вотъ нѣсколько образчиковъ любовной лирики, которые съ успѣхомъ можно замѣнить десятками если не сотнями подобныхъ-же:

6] Нігōрі́нäм lа́бе ōб рäхт мīшу́ш́т [1]   Дӯ дäсс äнгуштáр у сōбу́н ка́фе муш́т
Дäмōдáм мīзäнäд чäшмáк äбáр мō   Дӯ чáшме нäргізі́ш ōхы́р мáрō куш́т.

نگارینم لبِ آب رخت میشُشْت   دو دَسّ انگشتر وصابون کفِ مُشْت
دمادم میزند چشمک اَبَر ما   دو چشمِ نرگزیش آخر مرا کُشْت

Красавица моя мыла платье на берегу ручья,
На обѣихъ (ея) рукахъ ко̀льца и мыло на ладони;
Непрерывно строитъ она глазки намъ —
Два нарциссовыхъ глаза ея, наконецъ, сразили меня.

Ездъ 1913.

7] Älō̆ духтáр нäмі̆шнōсі́ худо́рō   Пäрі̆шу́н кáрдéī зу́lфе дӯто́рō
Һäну́з дäнду́не häфсōlé нäкäндī́   Бе зенду́н кáрдéī му́рҕе häво́рō.

الا دختر نمیشناسی خدارا   پریشون کردهٔ زلفِ دوتارا
هنوز دندونِ هفساله نکندی   به زندون کردهٔ مُرغِ هوارا

О дѣвушка, не знаешь ты Бога —
Ты распустила вьющіеся (свои) локоны [2];

---

[1] О нѣкоторыхъ особенностяхъ персидскаго разговорнаго языка и народныхъ произведеній см. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. V—IX.

[2] Собств. два вьющихся колечками пейса, спускающіеся на щеки около ушей.

У тебя еще не выпали молочные зубы [1],
(А) ты (уже) заточила въ неволю птицу воздуха.

Керманъ 1913.

8] Гу́лс су́рхäм [2] черо̄ äз мäн [3] рä-мі́дī
Мäга́р hа́рфе ба́дī äз мäн [3] шäні́дī
Мäн [3] ке hа́рфе ба́дī бо̄ тӯ [4] нä-гу́фтäм [5]
* Черо̄ міhр у муhäббáтро̄ бурі́дī.

گُلِ سُرخم چرا از من رمیدی　　مگر حرفِ بدی از من شنیدی
من که حرفِ بدی با تو نگفتم　　چرا مِهر و مُحبّت را بریدی

Моя алая роза, зачѣмъ ты пугливо убѣжала отъ меня?
Развѣ ты услышала недобрыя рѣчи отъ меня?
Я вѣдь не говорилъ тебѣ недобрыхъ рѣчей,
Зачѣмъ любви и благосклонности лишила [6] ты (меня)?

Исфаганъ — Керманъ 1913.
Ширазъ 1914.

9] Бе ку́hе Lо̄р чӯпӯні́ куна́м мäн
Біjо̄ äз jо̄р меhмӯні́ куна́м мäн
Дäр о̄рäм kӯчéкī сäрдо̄ре kӯчо̄
Бе до̄уре jо̄р kурбӯні́ куна́м мäн.

به کوهِ لار چوپونی کنم من　　بیا از یار مهمونی کنم من
در آرم قوچکی سردارِ قوچا　　به دَوْرِ یار قُربونی کنم من

На горѣ Лара (стада) пасу я,
Приходи, друга въ гости приглашу я;
Выберу барашка лучшаго изъ барановъ —
(Обведя) вокругъ друга, въ жертву принесу я [7].

Кенāрэ [8] 1914.

---

[1] Собств.: Ты еще не вытащила зубы семи лѣтъ.

[2] v. III. Бі̄jо̄ цо̄но̄.　[3] v. III. мо̄,　[4] v. III. гуl.　[5] v. III. нäгу́фтім.

* v. III. Ке міhр у муhäббáт äз мäн бурі́дī — (А) ты любви и благосклонности меня лишила.

[6] Собств.: отрѣзала.

[7] Чтобы уберечь друга отъ несчастія. Объ этомъ обычаѣ см. А. Chodzko. Specimens, p. 77.

[8] Кенāрэ — деревня въ нѣсколькихъ верстахъ отъ развалинъ Персеполя съ населеніемъ около 400 душъ; имѣетъ имамзадэ Бібі́ Духтäро̄н.

10] Дáме сýбhī[1] берáфтум jýрде дiлвáр
Нäбiнäд jурде хōлī hīч кōфäр
Бе чäшм дíдум ке хеiмáш бōр мīкáрд
Зéдум зōпý поhóдум рӯ земíн сäр.

دم صبحی برفتم یوردِ دِلْوَر
نبیند یوردِ خالی هیچ کافَر
به چشم دیدُم که خَیْمِه‌ش بار میکرد
زدُم زانو نهادُم رو زمین سر

Раннимъ утромъ пошелъ я въ кочевье плѣнившей сердце —
Пусть ни одинъ невѣрный не видитъ пустое кочевье;
(Своими) глазами увидѣлъ я, (какъ) ея шатеръ вьючился—
Упалъ я на колѣни (и) приникъ головою къ землѣ.

Сивендъ 1914.

11] Béle кӯчiкéке ѓäрдáн чӯ шīшá
Ке мíhрäт бäр дíлäм кäндé нáмīшá
Ке мíhрäт бäр дíлäм џō кáрдé хéiлī
Дувӯндá бōl у кáрдé кáнг у рīшá.

ولِ کوچکک گردن چو شیشه
که مِهرت بر دلم کنده نمیشه
که مِهرت بر دلم جا کرده خیلی
دُوُونْده بال وکرده کنگ و ریشه

Маленькій цвѣтикъ съ шейкой какъ бутылочка!
Любовь къ тебѣ изъ сердца моего не исторгнется;
Любовь къ тебѣ въ моемъ сердцѣ все заполнила,
Распростерла вѣтви, побѣги и пустила корни.

Шираз 1914.

12] Аџáб мóhī мiјýне ōсемýнäст
Аџáб сi духтáрī häмсōјемýнäст
Дíлäм мīхóд гуl äз бóђäш бечíнäм
Аџáб сäѓбáччéī дäрвōзебýнäст.

عجب ماهی میونِ آسمونست
عجب ای دختری همسایه‌مونست
دلم میخواد گل از باغش بچینم
عجب سگ‌بچّهٔ دروازه‌بونست

Удивительный мѣсяцъ (свѣтитъ) среди неба!
Ой, удивительная дѣвушка по сосѣдству съ нами!
Сердце мое желаетъ, (чтобы) я сорвалъ цвѣтокъ въ ея саду —
Удивительный щенокъ сторожитъ у воротъ!

Керманъ 1913.

---

[1] v. сбубī.

13] Мусеlмо̄ну́н ді́лӓм lӯlí нӓса́ндӓ Lӓб у дӓнду́не lӯlí ha̋мчі ка́ндӓ
Вӓфо̄́ ву ђӓіра́т ӓз lӯlí мӓџӯ́ід Ке lӯlí о̄кыба́т ђӓlбі́l ба́ндӓ[1].

مسلمانون دلم لولی پسنده   لب و دندون لولی همچه قنده
وفا وغیرت از لولی مجوئید   که لولی عاقبت غلبیل بنده

Мусульмане, сердце мое облюбовало цыганку —
Губы и зубы цыганки (сладки и бѣлы) какъ сахаръ;
Вѣрности и благородства у цыганки не ищите —
Вѣдь цыганка въ концѣ концовъ — плетельщица ситъ[2].

Керманъ 1913.

14] Ша́бе мо̄h ӓз тӯн у мо̄ дӣда́н ӓз мӓн Lӓб у lӓʻl[3] ӓз тӯн у бӯсӣда́н ӓз мӓн
Ӓѓа́р хо̄hí ке хышу́нӓт нӓфа́hмӓд Ешо̄ре́ ӓз тӯн[4] у фӓhмӣда́н ӓз мӓн.

شب ماه از تون وما دیدن از من   لب ولعل از تون وبوسیدن از من
اگر خواهی که خویشونت نَفَهْمَد   اشاره از تون وفهمیدن از من

Лунная ночь — у тебя, а мѣсяцъ видѣть — для меня;
Рубиновыя уста — у тебя, а цѣловать (ихъ) — для меня;
Если хочешь, чтобы родные твои не догадались —
(Условный) знакъ — у тебя, а понимать (его) — для меня.

Сивендъ 1914.

15] Ді́ѓа́р шӓб шуд ке мӓн тӓнhо̄́ ніші́нум Че мурђо̄бі́ lа́бе дӓрјо̄́ ніші́нум
Пеlа́ӊѓ дӓр кӯh[5] у о̄hу́ дӓр бӣјо̄бу́н hӓме́ џу́фтӓн у мӓн тӓнhо̄́ ніші́нум.

دگر شب شد که من تنها نشینُم   چه مُرغابی لب دریا نشینُم
پلنگ در کوه وآهو در بیابون   همه جُفتن ومن تنها نشینُم

Опять наступила ночь, и я одиноко сижу,
Какъ утка на берегу моря (одиноко) сижу;
Леопарды въ горахъ и газели въ пустынѣ —
Всѣ они парочками, а я одиноко сижу.

Ездъ 1913. Шираз 1914.

[1] Ср. D. C. Phillott, ibid., p. 48.
[2] Цыгане въ Персіи извѣстны какъ искусные плетельщики ситъ.
[3] т. е. Lа́бе lӓʻl; v. Lӓб у канд.
[4] тӯн — на діалектѣ сивендцевъ = تو است
[5] v. Ш. бі̄ше́.

Другую категорію составляютъ четверостишія съ мотивомъ рефлексіи, пѣсни, въ которыхъ слышится жалоба на жестокость превратной судьбы, высказывается взглядъ на міръ, поется объ ушедшей молодости. Напр.:

16] Сäфі́д му́рђī бу́дäм дäр шо́хе фесте́[1] Фäла́к тīрäм[2] зäд[3] у бо́лäм шека́сте́
Фäла́к тīрäм[2] зäд[3] у бо́лī нäдо̄рäм Ке häр џо̄ мīрäвäм бī пäрр у бо́лäм.

سفید مُرغی بودم در شاخ فسته فلک تیرم زد و بالم شکسته
فلک تیرم زد و بالی ندارم که هرجا میروم بی پرّ و بالم

Бѣлой птицей я былъ на вѣткѣ фисташковаго дерева;
Небо стрѣлу въ меня метнуло и разбило мои крылья;
Небо стрѣлу въ меня метнуло — и нѣтъ у меня крыльевъ,
Куда-бы я ни пошелъ — (вездѣ) я безъ перьевъ и крыльевъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

17] *Сето̄ре́ о̄сему́н на́хче[4] зäмі́на́ст[5] Бердо̄да́р ђäм ма́хӯр дунјо́ häмі́на́ст[5]
Бердо̄да́р ђäм ма́хӯр шу́кре[6] худо́ кун Ке доула́т со̄је́је субh у пäсі́на́ст[5].

ستاره آسمون نقش زمینست برادر غم مخور دنیا همینست
برادر غم مخور شُکرِ خدا کن که دولت سایهٔ صُبح و پسینست

Звѣзды на небѣ — картина земли;
Братъ, не печалься, вѣдь міръ таковъ;
Братъ, не печалься, возблагодаря Бога,
Вѣдь счастье — какъ тѣнь утромъ и на закатѣ.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

18] Са́ре ку́hе була́н до́штäм діра́хтī Ке мäн со̄ја́ш нішӓ́стам[7] го̄hе ва́хтī
Хäзу́н[8] ӯма́д діра́хт äз рīшä́ бäр ка́нд[9] Ке мäн[10] то̄лі‘ нäдо́штäм hі́че ва́хтī.

---

[1] v. К. песте́. [2] v. К. са́нгī, са́нгäм. [3] v. К. зäде́, безä́д. * v. Ш. Пäсі́на́ст у пäсі́на́ст у пäсі́на́ст. [4] v. Ш. шähме = شمع. [5] v. Е. земі́не, häмі́не, песі́не. [6] v. Ш. äз ба́hре доула́т; v. Е. äз мо́le дунјо́. [7] v. Ке со̄ја́ш мīнішä́стäм. [8] v. Ђäзу́н. [9] v. діра́хтум рīшä́ äндо́хт. [10] v. Му кс.

سرِ کوهِ بُلَن داشتم درختی   که من سایه‌ش نشستم گاه وقتی
خزون اومد درخت از ریشه برکند   که من طالع نداشتم هیچ وقتی

На вершинѣ высокой горы имѣлъ я дерево,
Въ тѣни его я сиживалъ по временамъ;
Осенній вѣтеръ налетѣлъ, дерево съ корнемъ вырвалъ —
Я вѣдь (счастливой) звѣзды не имѣлъ никогда.

Кепа̄рэ 1914.

19] Ц̣äво̄ні́ häм боhо́рі̄ бӯд бу́ѓзäшт   Бе мо̄ jäќ i'тібо́рі̄ бӯд бу́ѓзäшт
Міjу́не мо̄ ву тӯ jäќ уlфáті̄ бӯд   Ке ӯн häм ноубоhо́рі̄ бӯд бу́ѓзäшт.

جوانی هم بهاری بود بگُذَشْت   به ما یک اعتباری بود بگُذَشْت
میونِ ما و تو یک اُلْفَتی بود   که اون هم نَوْبهاری بود بگُذَشْت

Молодость также какъ весенняя пора была — миновала,
Къ намъ нѣкоторое довѣріе было — миновало;
Между нами и тобой нѣкоторая пріязнь была,
И она также какъ ранняя весна была — миновала.

Шираз 1914.

20] Бе Дäштесту́н гузáр кі́рдäм ќäм у бі̄ш   Беді́дäм ќáбре доулäтмáнд у дäрві́ш
Нä дäрві́ш бі̄ ќäфáн дäр хо̄ќ рäфте́   Нä доулäтмáнд бурд äз ќäфáн бі̄ш.

به دشتستون گذر کِرْدَم کم و بیش   بدیدم قبرِ دولتمند و درویش
نه درویش بی کَفَن درخاك رفته   نه دولتمند بُرْد از کفن بیش

По Даштеста̄ну[1] прошелъ я много разъ,
Могилу богача и дервиша я видѣлъ;
Ни дервишъ безъ савана въ землю не ушелъ,
Ни богачъ кромѣ савана ничего не унесъ.

Кепа̄рэ 1914.

---

[1] Даштеста̄нъ — одинъ изъ ю.-з. булюковъ Фарса, омываемый съ з. водами Персидскаго залива, а съ ю.-з. граничащій съ булюкомъ Даштӣ; его главнымъ пунктомъ считается Буширъ. См. Фа̄рс-на̄мэ-и-На̄сирӣ. Тегеранъ 1313. II, стр. 203—210.

21] Шутýр дäр зíре бо̄́рäст еі беро̄дäр | Дӯ чäшмäм іштізо̄́рäст еі беро̄дäр
Дáмӣ дігáр біјо̄ бо̄ háм нішíнӣм | Äџál бӣ іʻтібо̄́рäст еі беро̄дäр.

شتر در زیرِ بارست ای برادر | دوچشم انتظارست ای برادر
دمی دیگر بیا باهم نشینیم | اجل بی اعتبارست ای برادر

Верблюдъ (уже) подъ вьюками, о братъ,
Два глаза мои (устремлены) въ ожиданіи, о братъ;
Одинъ — другой мигъ приди вмѣстѣ посидимъ,
(Вѣдь) смерть не внушаетъ довѣрія, о братъ[1].

Causes Ездъ 1913.

Особнякомъ стоитъ группа пѣсенъ, составляющихъ исключительное достояніе чарвадаровъ — лицъ занимающихся извознымъ промысломъ, этихъ вѣчныхъ странствователей въ пустыняхъ Персіи. Въ пѣсняхъ чарвадаровъ отражается вся ихъ скитальческая полная лишеній жизнь съ постоянными думами и тоской по покинутымъ роднымъ мѣстамъ и людямъ, по оставленной далеко возлюбленной. Обстановка, въ которой чарвадарамъ приходится проводить бóльшую часть своей жизни, въ сильной степени способствуетъ такимъ лирическимъ изліяніямъ: — могильная тишина и однообразіе пустыни, нарушаемыя лишь заунывнымъ звономъ колокольчиковъ каравана, уходящая въ безконечную даль дорога, усталость, чувство заброшенности и одиночества — все это дѣйствуетъ даже на чарвадара, создавая настроеніе, плодомъ котораго и является «шäрвé» съ его монотоннымъ протяжнымъ напѣвомъ; поэтому чарвадары и играютъ не малую роль въ составленіи, храненіи и распространеніи «шäрвé». Напр.:

22] Äгáр јо̄́ре мáнӣ тáрке сäфäр кун | Мáкун чо̄рво̄до̄рí ко̄́ре дігáр кун
Äгáр хо̄hí ке чо̄рво̄до̄́р бо̄шí[2] | * Бурóу фíкре діlо̄рýне[3] дігáр кун

اگر یارِ منی تَرْکِ سفر کن | مکُن چاروادارى کارِ دگر کن
اگر خواهی که چاروادار باشی | بِرَوْ فکرِ دلارونِ دگر کن

---

[1] Т. е. смерть внезапно наступаетъ, ея приходъ въ точности неизвѣстенъ.

[2] v. E. чо̄рво̄до̄рí кунí тӯ.

* v. Ш. Мáро̄ веl кун берóу ко̄́ре дігáр кун — Меня оставь, ступай займись другимъ дѣломъ.

[3] دلارام=

Если ты другъ мой — прекрати странствія,
Не занимайся чарвадарствомъ, займись другимъ дѣломъ;
Если (все-таки) желаешь чарвадаромъ быть,
Ступай, подумай о другой возлюбленной.

Ездъ 1913. Шпразъ 1914.

23] * Сетōре́ сäр зäд у мōһ[1] äм бе[2] думбōl — Бузу́рге[3] kōфilé[4] кеі мíкунäд[5] бōр
**Бузу́рге[3] kōфilé[4] läңгäр бер́ōнäд[6] — Ке јōрäм кӯдäкäст[7] у мōндé думбōl[8].

ستاره سر زد و ماهم به دُنبال — بزرگ قافله کی میکند بار
بزرگ قافله لنگر براند — که یارم کودکست و مانده دُنبال

(Вечерняя) звѣзда взошла и мѣсяцъ также вслѣдъ (за нею);
Вожатый каравана когда навьючитъ?
Вожатый каравана пусть тихо погоняетъ:
Вѣдь другъ мой — дитятко и остался позади.

Исфаганъ — Керманъ 1913.
Шиpазъ 1914.

---

* v. К. перваго стиха: Älō мōһе булäн естōре́ думбōl — О, высокій мѣсяцъ (и) звѣзды вслѣдъ (за нимъ)!

** v. И. второй половины четверостишія:

Бузу́рге kōфilé ōфтōб сäр зäд — Бäнäфше́ ву lōlé ву кӯһ у кäмäр зäд.

Вожатый каравана! солнце взошло;
Фіалки и тюльпаны покрыли горы и склоны (горъ).

V. всего четверостишія записанъ мною въ Ширазѣ:

Сетōре́ суб зäнäд мō һäм бе думбōl — Џоlоудōрōн шумō кеі мíкунíн бōр
Џоlоудōрōн шумō läңгäр буру́нīн — Кеџōве́ хōну́мäм уфтōде́ думбōl.

Утренняя звѣзда восходитъ, мѣсяцъ также вслѣдъ (за ней заходитъ);
Вожатые каравана, вы когда будете вьючить?
Вожатые каравана, (вы) тише погоняйте —
Кеджāвэ (съ) моей барыней осталось позади.

[1] v. Ш. мōһäш. [2] v. Ш. зе. [3] v. Ш. Рäíсе, Äмíре. [4] v. Ш. кōревōн. [5] v. К. мíкуні́. [6] v. Ш. дäсті ніго̄ дōр; һäмвōр һäмвōр. [7] v. К. хōб рäфте́. [8] v. Ш. бе думбōl, зе—. Ср. Записки Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XXIII (1915), стр. 36; D. C. Phillott, ibid., p. 35, 37.

24] Бiјо̄́ ке бо̄р ка́рдäм äi дil äi дil | Ке тäрќ äз јо̄р ка́рдäм äi дil äi дil
Ц̡ äфо̄ī ке бе по̄́је тӯ ка́шı́дäм | Һäме́ еӊго̄́р ка́рдäм äi дil äi дil.

بیا که بار کردم ای دل ای دل | که ترک از یار کردم ای دل ای دل
جفائی که به پای تو کشیدم | همه انگار کردم ای دل ای دل

Приди, вѣдь я (уже) навьючилъ, о сердце, сердце!
И съ другомъ разлучился я, о сердце, сердце!
Ту жестокость, которую я претерпѣлъ у ногъ твоихъ,
Всю (ее) я живо представилъ (себѣ)[1], о сердце, сердце!

Исфаганъ 1913.

25] Бе Бенде́р мі̇рäвä́м мо̄hı́ бегı̄́рäм | Äввä́l канд у дују́м чо̄ı̄́ бегı̄́рäм
Небо̄́те мiсрı̄́ ју чо̄ı̄је lämcé | Беро̄́јäт мі̇хäрä́м еi јо̄́ре бäче́.

به بندر میروم ماهی بگیرم | اوّل قند و دویُم چائی بگیرم
نبات مصری و چائی لمسه | برایت میخرم ای یار بچه

Въ Бендеръ[2] я отправляюсь рыбы (тамъ) возьму,
Во-первыхъ сахару, во-вторыхъ чаю (тамъ) возьму;
Леденца египетскаго и чаю австрійскаго
Для тебя я куплю, о, дѣтка — другъ.

Керманъ 1913.

26] Ху́дум īнџо̄́ дı́lум дäр пı́ше дil-вä́р | Худо̄ве́ндо̄ сäфä́р кеi мі̇рäвä́д сäр
Худо̄ве́ндо̄ сäфä́р о̄су́н бе́гäрдӯн | Дӯ сäд бо̄́ре дiгä́р бı̄нä́м рӯi дilвä́р.

خودُم اینجا دلُم در پیش دِلْوَر | خداوندا سفر کی میرود سر
خداوندا سفر آسون بگردون | دو صد بار دگر بینم روی دِلْوَر

Самъ я здѣсь, (а) сердце мое у милой,
О Господи, когда(-же) кончится (мой) путь?
О Господи, путь легкимъ Ты содѣлай —
Двѣ сотни разъ еще увижу (я) ликъ милой.

Ширазъ 1914.

---

[1] По другому толкованію: Я совсѣмъ ее забылъ.
[2] Бендеръ Аббасъ.

27] Бе Кірму́н міравам корі надо- рам — Бедіh панџ бусé соуѣотат біјорам
Ду џуфт кафш у дуто макнöје[1] lōрí — Сарандöзе гуl у норат біјорам.

به کرمون میروم کاری ندارم — بده پنج بوسه سوغاتت بیارم
دو جفت کفش و دوتا مقنای لاری — سرانداز گل و نارت بیارم

Въ Керманъ я отправляюсь, (никакого) дѣла не имѣю,
Дай пять поцѣлуевъ, гостинца привезу тебѣ:
Двѣ пары туфель, два ларскихъ покрывала,
Платокъ головной съ гранатовыми цвѣтами привезу тебѣ.

Исфаганъ 1913.

28] Шамöli[2] дам бе дам мiјöјад ем- руз[3] — Ке буi аз ватан[4] мiјöјад емруз[3]
*Хабар аз мöдаре пірам расуніd — Ке рудат[5] аз[6] сафар мiјöјад емруз[3].

شمالی دم به دم میاید امروز — که بوئی از وطن میاید امروز
خبر از مادر پیرم رسونید — که رودت از سفر میاید امروز

Сѣверный вѣтеръ непрестанно вѣетъ сегодня,
Запахъ родного края доносится сегодня;
Вѣсточку престарѣлой матушкѣ моей сообщите,
Что «сынокъ твой изъ странствія возвращается сегодня».

Ширазъ 1914.

29] Аз інџö тö belöјат хеіli рöhаст[7] — hамаш куh у кутаl[8] санге сiјöhаст[7]
Рафікун[9] џам шавід сангі[10] бе- чівід — **Ке јöрум џöhil у чашмаш бе рö- hаст[7].

از اینجا تا ولایت خیلی راهست — همش کوه و کتل سنگ سیاهست
رفیقون جمع شوید سنگی بچینید — که یارم جاهل وچشمش به راهست

---

[1] مقنا = مقنع = مقنعه, произносится обыкновенно маѣнö; бахтіяр. меінö.

[2] v. Шамöіl; вѣтеръ дующій въ ю.-з. части Фарса. [3] v. (сивенд.) умруз.

[4] v. Даме бује ватан. * v. (сивенд.) Берін дар діlбаре џöнöн хабар дін (Берін=بروید; дін=دهید)—Ступайте, плѣнительной душенькѣ вѣсть подайте. [5] v. Ке јöрат. [6] v. дар. [7] v. Е. рöhа, сiјöhа. [8] v. Ш. камар. [9] v. Ш. Џевö- нöн. [10] v. Ш. санџрö.

** v. Е. Ке јöрам дар belöјат чашм бе рöhа — Другъ мой въ (родномъ) краю глаза (устремилъ) на дорогу.

Отсюда до (родного) края много пути,
Весь онъ состоитъ изъ горъ, переваловъ и черныхъ камней;
Товарищи, соберитесь, сложите въ кучи камни[1],
Другъ мой молодъ, и глаза его (въ ожиданіи) устремлены на дорогу.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

Дервиши, эти персидскіе «калики перехожіе», въ своихъ постоянныхъ странствованіяхъ изъ края въ край, также не мало способствуютъ распространенію народныхъ четверостишій; они-же иногда являются авторами лирическихъ пѣсенъ-четверостишій, гдѣ предметомъ воспѣванія въ большинствѣ случаевъ бываетъ Али. Напр.:

30] Alí дíдäм Alí дäр хōб дíдäм　　Alí дäр мäсџíд·у мíhрōб дíдäм
Alí дíдäм сувōре Дуlдýläш бӯд　　Хýдäм пīшвōзе Дуlдýl мíдувíдäм[2].

علی دیدم علی در خواب دیدم　　علی در مسجد و محراب دیدم
علی دیدم سوارِ دُلدُلش بود　　خودم پیشوازِ دُلدُل میدویدم

Али я видѣлъ, Али во снѣ я видѣлъ,
Али въ мечети и миhрāбѣ я видѣлъ;
Али я видѣлъ — верхомъ на своемъ Дульдулѣ былъ онъ,
(А) самъ я навстрѣчу Дульдулю бѣжалъ.

Керманъ 1913.

31] Сáре кýhе булäн фäрjōд кáрдäм　　Äмíрälмӯмінíнрō jōд кáрдäм
Äмíрälмӯмінíн у шōhе мäрдýн　　Дíle нōшōде мōрō шōд кáрдäм.

سرِ کوهِ بلن فریاد کردم　　امیرالمومنین را یاد کردم
امیرالمومنین و شاهِ مردون　　دلِ ناشادِ مارا شاد کردم

На вершинѣ высокой горы я возопилъ,
Повелителя вѣрующихъ[3] я вспомнилъ;
Повелитель вѣрующихъ и царь (благородныхъ) людей[4]!
Нерадостное сердце мое я обрадовалъ.

Керманъ 1913.

---

[1] т. е. расчистите путь.

[2] Ср. Записки Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XXIII (1915), стр. 52 и прим. 3; подобныя четверостишія далеко не «очень рѣдкій образецъ произведенія народнаго творчества, гдѣ разрабатывается религіозная тема»; см. E. Berésine. Recherches sur les dialectes musulmans. II. 2-e partie, p. 61—63.

[3] Али. [4] Этотъ титулъ Али (شاهِ مردان) A. Chodzko сопоставляетъ съ греческимъ ἄναξ ἀνδρῶν и приписываетъ его древне-персидскимъ царямъ. Specimens, p. 172.

32] Äмīрälмӯмінін дäрдäм дäвō кун | Нäсīбе[1] кысмäтум Кäрбӯбälō кун
Бебӯсäм гумбéзе сäбзе Муhäммäд | Ке häр кäс мäтläбī дōрäд рäвō кун.

امیرالمومنین دردم دوا کن — نصیب قسمتم کربُ وبلا کن
ببوسم گنبذِ سبزِ محمد — که هر کس مطلبی دارد روا کن

Повелитель вѣрующихъ, исцѣли мое страданіе,
Удѣломъ и долей моей содѣлай Кербелу;
Облобызаю я зеленый куполъ Мухаммада;
У кого есть какое-либо стремленіе, ты (его) осуществи.

Кенāрэ — Ширазъ 1914.

33] *Шäбе чōршäмбé бӯдé äввälе мō | Ніјäт кäрдäм нішīнум дäр[2] сäре рō
Ніјäт мäкун у мäншін бäр[2] сäре рō | **Мурōдäт мīдähäд шō Ні‘мäтуllō.

شب چارشنبه بوده اوّلِ ما — نیت کردم نشینم در سرِ را
نیت مکن ومنشین بر سرِ را — مرادت میدهد شا نِعمَت الله

Ночь на среду была — начало мѣсяца,
Я задумалъ сѣсть у края дороги;
Не задумывай и не садись у края дороги —
Твое желаніе исполнитъ Шāхъ Ни‘матуллāхъ.

Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

Къ послѣднимъ двумъ категоріямъ народныхъ четверостишій тѣсно примыкаютъ пѣсни, начинающіяся большею частью стереотипнымъ выраженіемъ: «Въ ту ночь, когда стоянка моя была...» и по содержанію самыя разнообразныя[3]. Напр.:

---

[1] т. е. نصیب وقسمت; v. Ш. Мäкōне мäнзіläм дäр Кäрбälō кун—Мѣстопребываніе и стоянку мою ты въ Кербелѣ содѣлай.

* v. Ш. Шäбе чōршäмбéде чōр бähре дунјō — Ночь на среду — четыре страны свѣта.

[2] v. Ш. бō.

** v. Ш. (сивенд.) Мурōдäт hōсыläн умрӯз тō фäрдō — Желаніе твое достигнуто сегодня или завтра.

[3] См. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. 206—207.

34] Шáбī ке мäнзiľум пőјe кутál[1] бī Шäрőбе мäцlíсум хӳне цiгáр бī
Сухäнhőī ке äз душмáн шäнíдум Худő дōнáд ке äз мáргум бäтáр бī.

شبی که منزلم پای کتل بی شراب مجلسم خون جگر بی
سخنهائی که از دشمن شنیدم خدا داند که از مرگم بتر بی

Въ ту ночь, когда стоянка моя была у подошвы кутала[2],
Виномъ пира моего была кровь печени;
Тѣ рѣчи, которыя я услышалъ отъ врага,
Богъ вѣдаетъ — были для меня хуже смерти.

Шпразъ 1914.

35] Шáбī ке мäнзiláм пőјe гудőрä Нȁчīдáм hīмé у гӳфтäм боhőрä
Бесӳзäд бáхте тōlíʿe[3] јäтīмí Ке häр цō мīрäвí сäрмő бе кőрä.

شبی که منزلم پای گداره نچیدم هیمه و گفتم بهاره
بسوزد بخت طالع یتیمی که هر جا میروی سرما به کاره

Въ ту ночь когда стоянка моя у подошвы перевала,
Я не собралъ топлива и сказалъ: «весна»;
Пусть сгорятъ счастье и «звѣзда» сиротскія —
Куда ни пойдешь, всюду холодъ[4].

Солдатчина съ ея основнымъ настроеніемъ и переживаніями по доступнымъ мнѣ наблюденіямъ мало отражается въ данныхъ пѣсняхъ-четверостишіяхъ. Примѣромъ солдатской пѣсенки можетъ служить хотя-бы слѣдующее четверостишіе:

36] Туфáңге пōдешő бäр дӳшемӳнä Äмīрälмӯмiнíн суlтӳнемӳнä
Рäфīкӳн цäм шевíм мōцéб бегīрīм Һäмíн мōцéб тäмáнце хӳнемӳнä.

تفنگ پادشا بر دوشمونه امیر المومنین سلطونمونه
رفیقون جمع شویم مواجب بگیریم همین مواجب تمنج خونمونه

---

[1] v. дäр Кӳшке Зäр. Кушке Заръ или Кушке Зардъ (کوشک زرد—желтый кіоскъ) находится къ югу отъ Ездехāста, на лѣтней караванной дорогѣ изъ Исфагана въ Шираз. Здѣсь можно видѣть остатки старинной постройки, которые мѣстные жители связываютъ съ именемъ Баhрама Гура и его семью замками, выстроенными имъ для семи красавицъ. Фāрс-нāмэ. II, 220.

[2] Куталями называются трудно проходимые перевалы на пути изъ Шираза въ Буширъ.

[3] т. е. بخت و طالع

[4] Ср. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. 206—207.

Царское ружье на плечѣ у насъ,
Повелитель вѣрующихъ — владыка нашъ;
Товарищи, соберемся, получимъ жалованье,
Это самое жалованье — выкупъ за кровь нашу.

Керманъ 1913.

Варіантомъ предыдущей пѣсенки можно считать слѣдующую:

37] Ђуlōмó џäм шäвiд ке сýнемýнä   Туфäнџге ноукерí бō кýlемýнä
Ђуlōмó џäм шäвiд моџíб бiгiрíд   Һäмíн моџíб боhōје хýнемýнä.

غلاما جمع شوید که سوغونه   تفنگ نوکری با کولمونه
غلاما جمع شوید مواجب بگیرید   همین مواجب بهای خوغونه

Слуги, соберитесь, такъ какъ смотръ у насъ,
Ружье службы на плечѣ у насъ;
Слуги, соберитесь, жалованье получите,
Это самое жалованье — цѣна крови нашей.

Шираз 1914.

Среди пѣсенъ, составляющихъ исключительное достояніе персидской женщины,—пѣсенъ колыбельныхъ[1], замѣчается присутствіе и четверостишій[2], полностью или отрывками, обогащающихъ содержаніе пѣсни, а иногда лишь въ слабой степени соотвѣтствующихъ настроенію поющей, являющихся въ такомъ случаѣ простымъ матеріаломъ для пѣсни. Напр.

38] Äз інџó тō бе[3] Шiрōз[4] lōlé кóштäм[5]   Мijýне lōlehó сíбī гузóштäм[5]
Äз iн рō[6] мiрäвí[7] сíбäм нäчíні   Ке íсме рýде џýнíм рýш невíштäм[5].

از اینجا تا به شیراز لاله کاشتم   میون لالهها سیبی گذاشتم
از این را میروی سیبم نچینی   کهاسم رود جونیم روش نوشتم

Отсюда до Шираза тюльпаны я посѣяла,
Посреди тюльпановъ одно яблоко я положила;

---

[1] О персидскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ см. В. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи. Журналъ Мин. Нар. Пр. Январь 1889, стр. 93—126.

[2] См. В. А. Жуковскій. Образцы, стр. 157, 162, 164, 166, 169, 170; D. C. Phillott, ibid., p. 35, 37, 39.

[3] v. И. Сепōhý. [4] v. Ш. унџó. [5] v. Ш. кóштум; гузóштум; невíштум. [6] v. Ш. сäр. [7] v. Ш. рäд мiшí.

По этой дорогѣ ты пойдешь, яблока моего не срывай:
Имя моего дорогого сынка на немъ я написала[1].

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

39] Lōlṓ lōlṓ азі́зе термепу́шум   Куџṓ бу́рдī kilī́le akl у hу́шум
Lōlṓ lōlṓ ке lōlṓт бī бälṓ бӯд   Хӯдäт муllṓ kalämду́нäт telṓ бӯд.

لالا لالا عزیز ترمه‌پوشم   کجا بُردی کلیل عقل و هوشم
لالا لالا که لالات بی بلا بود   خودت مُلّا قَلَمْدونت طلا بود

Баю-баюшки, дорогой мой одѣтый въ тармаламу,
Куда унесъ ты ключъ моего ума и сознанія?
Баю-баюшки — баюканье твое безъ печали было (-бы),
Самъ ты мулла — пеналъ твой (изъ) золота былъ (-бы).

Ширазъ 1914.

Иногда четверостишіе распадается на двѣ половины, представляя собою діалогъ двухъ лицъ, обыкновенно влюбленнаго съ предметомъ его страсти. Это простѣйшій видъ; другой видъ — когда два антагониста выражаютъ свою мысль каждый въ отдѣльномъ четверостишіи; наконецъ, болѣе сложный видъ діалога — строфическій, когда четверостишія играютъ уже роль отдѣльныхъ строфъ, при чемъ иной разъ принимаютъ наращеніе изъ двустишій, представляя зачатокъ газели или короткое месневӣ, въ зависимости отъ риѳмы. Какъ характерная особенность этихъ діалоговъ — повтореніе антагонистомъ порядка отдѣльныхъ частей рѣчи вызывающаго, а иногда и риѳмы, но съ другимъ, конечно, смысломъ. Такимъ образомъ, описанная форма діалога, гдѣ основой служатъ тѣ-же народныя четверостишія, есть не что иное, какъ *тенцона*, форма распространенная во всякой народной лирикѣ и наиболѣе разработанная въ поэзіи провансальской — въ поэзіи трубадуровъ. Этотъ видъ поэзіи знакомъ и литературѣ персидской, обладающей цѣлымъ рядомъ такъ называемыхъ «мунāзерэ», являющихся большею частью разновидностью панегирика[2].

Образчикомъ тенцонъ-четверостишій возьмемъ слѣдующія, наиболѣе извѣстныя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ пришлось побывать:

40] Älṓ[3] духта́р ке бōбṓjäт ѓäдṓjä[4]   Дӯ ча́ши́ме нäргі́сäт[5] кṓре[6] куџṓjä[7]
Че кōр дōрі́ ке бōбṓjäм ѓäдṓjä[4]   Дӯ ча́ши́ме нäргі́сäм[8] кṓре[9] худṓjä[10].

---

[1] Ср. В. А. Жуковскій. Матеріалы, стр. 36.

[2] См. H. Ethé. Ueber persische Tenzonen. Verhandlungen d. V internat. Orientalisten-Congresses. II, 1 (Berlin 1882), p. 48—135.

[3] v. И. Бijṓ. [4] v. И. ѓäдṓ бӯд. [5] v. И. нäргісī́ тӯ. [6] v. И. äз. [7] v. И. куџṓ бӯд. [8] v. И. нäргісі́м. [9] v. И. дṓде. [10] v. И. худṓ бӯд. Ср. Мирза-Джафаръ. Грамматика персидскаго языка. Изд. 2. Москва 1901, стр. 308.

الا دختر که بابایت گدایه | دو چشم نرگست کارِ کجایه
چه کار داری که بابایم گدایه | دو چشم نرگسم کارِ خدایه

Эй дѣвушка, вѣдь отецъ твой — нищій,
Два твои нарциссовые глаза чье созданіе?
Какое тебѣ дѣло, что отецъ мой — нищій?
Два мои нарциссовые глаза — Божье созданіе.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

41] Дӯ чӓш́мо̄́нӓт бе[1] чӓш́ме бо̄з мо̄́нӓд | Кад у бо̄lо̄́т[2] бе[1] са́рве но̄з мо̄́нӓд
Lӓб у дӓндо̄́не[3] шӣрі́н ке тӯ до̄рі́[4] | Бе kанно̄дхо̄не́jе[5] Шӣро̄́з мо̄́нӓд.

دو چشمانت به چشمِ باز ماند | قد و بالات به سروِ ناز ماند
لب و دندانِ شیرین که تو داری | به قنّادخانهٔ شیراز ماند

Два твои глаза на глаза сокола похожи,
Станъ и ростъ твой на томный кипарисъ похожи;
Губы и зубы сладкіе, которые ты имѣешь,
На лавочку съ сладостями (въ) Ширазѣ похожи.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

Отвѣтъ:

42] Дӯ чӓш́мо̄́нӓт бе чӓш́ме тӯlе́ мо̄́нӓд | Кад у бо̄lо̄́г бе са́рве сӯхте́ мо̄́нӓд
Lӓб у дӓндо̄́не нӓ́hсī ке тӯ до̄рі́ | Бе шӓрбӓтхо̄не́jе тӯнсу́з мо̄́нӓд.

دو چشمانت به چشمِ توله ماند | قد و بالات به سروِ سوخته ماند
لب و دندانِ نحسی که تو داری | به شَرْبَت خانهٔ تونسوز ماند

Два твои глаза на глаза щенка похожи,
Станъ и ростъ твой на сгорѣвшій кипарисъ похожи;
Губы и зубы зловѣщіе, которые ты имѣешь,
На ...? истопника въ банѣ похожи.

Керманъ 1913.

---

[1] v. K. че. [2] v. K. Ка́де са́рвӓт. [3] v. K. Lӓ́бе хӓндо̄́не. [4] v. K. шӣрі́нī тӯ до̄рі́. [5] v. K. шӓрбӓтхо̄не́jе; шекка́рхо̄не́jе.

43] Тӯ ке bōlṓje бӯ́нī ма́рде рӓhнṓ — Дӯ да́стӓт бӓр кīсé хӓ́рџī бéнемō
Дӯ да́стум бӓр кīсé кīсé пу́ре зӓр — Ке бṓре уштӯ́рум мīра́д бе Бӓнда́р.

تو که بالای بونی مردِ رعنا — دو دستت بر کیسه خرجی بنما
دو دستم برکیسه کیسه پُرِ زر — که بارِ اُشْتُرُم میرد به بندر

Ты, который находишься на крышѣ, изящный мужчина,
Двѣ руки твои (лежатъ) на кошелькѣ — раскошелься!
Двѣ руки мои (лежатъ) на кошелькѣ — кошелекъ полонъ золота —
Вѣдь мои вьюки (на) верблюдѣ отправляются въ Бендеръ.

Шираз 1914.

На ряду съ описанными уже категоріями народныхъ четверостишій встрѣчается масса не менѣе популярныхъ четверостишій, заключающихъ въ себѣ бытовыя картинки, описанія и характеристики лицъ и мѣстностей, иногда съ сатирическимъ оттѣнкомъ. Напр.:

44] Бенṓзӓм кӯléje гṓбе сіjṓрō — Ке hӓр рӯз мі̀кеша́д ін ṓбе чṓрō
*Дӯ пӓнџ рӯ́зӓст ке чṓhӓм ōб нӓдṓрӓд — Дӯ чӓ́шме ма́сте гṓбӓм хōб нӓдṓрӓд.

بنازم کولهٔ گابِ سیارا — که هر روز میکشد این آبِ چارا
دو پنج روزست که چاهم آب ندارد — دو چشمِ مستِ گابم خواب ندارد

Я возгоржусь горбомъ чернаго быка,
Который каждодневно выкачиваетъ эту воду (изъ) колодца;
(Уже) десять[1] дней (какъ) колодецъ мой не имѣетъ воды,
Два пьяныхъ[2] глаза моего быка не имѣютъ сна.

Исфаганъ 1913.

45] Аџа́б Сеіду́н аџа́б Пōру́ ӓнṓреш — Аџа́б сӓрчӓшмéје пṓје ченṓреш
Һӓр у́нкӓс духта́р ӓз Сеіду́н нӓгі́ред — Дӯ мі́le Та́хте Џӓмші́р[3] jōдегṓреш.

عجب سَیْدون عجب پارو انارش — عجب سرچشمهٔ پاي چنارش
هر اونکس دختر از سَیْدون نگیرد — دو میلِ تختِ جمشیر یادگارش

[1] Собств. два (+) пять. [2] т. е. съ поволокой. [3] تخت جمشید — Персеполь
* v. И. двухъ послѣднихъ стиховъ:

Ӓга́р сōhа́б бедṓнӓд kа́дре гṓбрō — Telṓ у нуҕрé гі́рӓд су́мбе гṓбрō.

Если хозяинъ узнаетъ качества быка,
Золотомъ и серебромъ обдѣлаетъ копыта быка.

Удивителенъ Сейдӯнъ[1], удивителенъ Пāрӯ (и) его гранаты!
Удивительный источникъ у его чинара!
Всякій кто дѣвушки изъ Сейдӯна не возьметъ —
Двѣ колонны Персеполя да будутъ напоминаніемъ о немъ[2].

Сивендъ 1914.

46] А́џа́б еі духта́рī дōра́ нäмäдмōl — Нäма́д дäр дӯшеше мīра́д бе Кулвōр
Бе Кулвōрäш ме́бäр ка́ка́ст у пäхча́[3] — Бе Сеіду́нäш бе́бäр гул мīдīра́хчä[4].

عجب ای دختری داره نَمَدمال — نمد در دوششه میرد به کُلْوار
به کُلْوارش مبر کَیکَست و پخچه — به سَیْدونش ببر گل میدرَخْچَه

Что за удивительную дочку имѣетъ валяльщикъ войлока!
Войлочная бурка на плечахъ у нея — идетъ она въ Кульвāръ[5];
Въ Кульвāръ ее не веди — (тамъ) блохи и москиты,
Въ Сейдӯнъ ее веди — (тамъ) блещутъ розы.

Сивендъ 1914.

47] Худōве́ндō се дäрд дōдí бе јäк бōр — Ха́ре lä́џг у за́не нä́џг у тäläбгōр
Худōве́ндō за́не на́џга́м тӯ бе́сӯн[6] — Ху́дäм дӯна́м ха́ре lä́џг у тäläбго́р[7].

---

[1] Сейдӯнъ расположенъ въ верхнемъ Хафракѣ въ булюкѣ Марведашта къ ю. отъ Сивенда и славится, какъ и рядомъ съ нимъ лежащій Пāрӯ, своими сочными, тонкокожими гранатами. Населеніе Сейдӯна — сплошь сейиды.

[2] т. е. онъ не обладаетъ ни чувствомъ, ни страстью, такъ же какъ неподвижно и безстрастно стоящія колонны Персеполя.

[3] = پشه. [4] = میدرخشد.

[5] Кульвāръ — одинъ изъ сѣверныхъ булюковъ Фарса, въ правильномъ произношеніи Курбōl (کربال); расположенъ къ востоку отъ окрестностей (ḥӯме́) Шираза и на сѣверѣ граничитъ съ булюкомъ Марведашта. См. Фāрс-нāмэ. II, стр. 256—257—подробное описаніе Кульвāра.

[6] = بستان—imperat. отъ глагола ستادن.

[7] v. Ш. всего четверостишія:

Дӯ чäшмӯнум бе дäрд ōме́і бе јä́к бōр — За́не зішт у ха́ре lä́џг у тäläбгōр
Худōве́ндō за́не зішто тӯ вäр дōр — Ху́дäм дӯна́м ха́ре lä́џг у тäläбгōр.

Два глаза мои заболѣли сразу — (вѣдь у меня):
Противная жена, хромой оселъ и кредиторъ;
О Господи, противную жену Ты убери,
А) я самъ знаю, что сдѣлать съ хромымъ осломъ и кредиторомъ.

خداوندا سه درد دادی به یک بار   خرِ لنگ و زنِ ننگ و طلبکار
خداوندا زنِ ننگم تو بستون   خودم دونم خرِ لنگ و طلبکار

О Господи, Ты три страданія сразу даровалъ мнѣ:
Хромого осла, безстыдную жену и кредитора;
О Господи, безстыдную жену мою возьми Ты (отъ меня) —
(А) я самъ знаю (что сдѣлать) съ хромымъ осломъ и кредиторомъ.

Керманъ 1913.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ народныхъ поэтахъ, которые, быть можетъ, являются авторами многихъ изъ ходящихъ теперь по Персіи четверостишій, ставшихъ окончательно народными, анонимными, въ виду отсутствія въ нихъ такъ называемаго тахаллуса—nom de plume. Обязательность тахаллуса, впрочемъ, не во всѣхъ четверостишіяхъ одного и того-же поэта, — явленіе, повидимому, позднее, обусловленное вліяніемъ художественно-литературныхъ произведеній.

Поэты эти вышли изъ среды простого деревенскаго люда, жили среди него, занимаясь, какъ и всѣ, садоводствомъ, землепашествомъ, пасли стада, а въ часы досуга слагали свои четверостишія, которыя тутъ-же распѣвали въ кругу своихъ односельчанъ. Большинство извѣстныхъ мнѣ такихъ народныхъ піитъ происходятъ изъ Фарса. Извѣстность нѣкоторыхъ изъ нихъ не выходитъ за предѣлы сосѣднихъ деревень и булюковъ; имена-же другихъ и ихъ произведенія извѣстны и за предѣлами Фарса. Поэты эти: Ӓбӯlфатh, слѣпой поэтъ изъ Бäстáк'а[1]; Ӓкбäр изъ Саhрőjе Бōҕ[2]; Бōкыр изъ Саhрőjе Бōҕ; Бīчōре изъ Хунц'а[3]; Цä'фäрī изъ Пäтӯ[4]; Дӯссī изъ Гälläдőр'а[5]; Різōlī изъ Кäттōl'я; Ҕōфіl изъ Фīрӯзāбāда — подражатель Бāбā Тāhиру; Сейидъ Мähjő изъ Кäттől'я; Мähцӯр изъ Лара; Нäцмő изъ Хунц'а; среди нихъ популярностью пользуется Бāкыръ изъ Саhрőjе Бōҕ. Вначалѣ онъ, какъ и другіе, былъ обыкновеннымъ диhкāномъ, т. е. занимался воздѣлы-

[1] Бäстáк—въ булюкѣ Лāрестāна, въ 11 фарсахахъ къ югу отъ Лара. См. Фāрс-нāмэ II, стр. 288.

[2] Саhрőjе Бōҕ — тамъ же, въ 7 фарсахахъ къ ю.-з. отъ Лара. См. Фāрс-нāмэ. II стр. 291.

[3] Хунц — одинъ изъ южныхъ булюковъ Фарса, къ з. отъ Лара; описаніе его — въ Фāрс-нāмэ. II, стр. 197—198.

[4] Пäтӯ — въ булюкѣ Лāрестāна, въ 3 фарс. къ с.-з. отъ Бäстáк'а. См. Фāрс-нāмэ. II, стр. 289.

[5] Гälläдőр — одинъ изъ южныхъ булюковъ Фарса, къ ю.-з. отъ Лара и къ ю. отъ Хунц'а; описаніе его — въ Фāрс-нāмэ. II, стр. 258—260.

ваніемъ своего клочка земли, затѣмъ сталъ вести бродячую, полную приключеній жизнь: былъ чарвадаромъ, странствовалъ въ образѣ дервиша, будучи схваченъ и приведенъ въ Ширазъ для сдачи въ солдаты, благополучно отдѣлался отъ солдатчины удачно сказанными экспромтомъ передъ губернаторомъ Шираза четверостишіями, наконецъ, поступилъ стрѣлкомъ—туфäӊґчī́ — къ одному изъ хановъ въ Даштӣ[1], проводящихъ время, какъ древніе феодалы, или въ охотѣ, или въ ссорахъ и стычкахъ съ сосѣдними ханами. Въ одномъ изъ такихъ набѣговъ на сосѣдняго хана Бāкыръ, какъ мнѣ передавали, и сложилъ свою голову. Послѣднимъ его четверостишіемъ было, какъ указывали и какъ можно судить по содержанію, слѣдующее:

48] Хäбáр[2] ȳмáд ке Дáштестȳ́н боhṓрä
Зäмí́н äз[3] хý́пе Бōкыр[4] lōlезṓрä
*Хäбáр бäр[5] мōдáре пі́рäш[6] рäсȳнí́д[7]
**Ке Бōкыр[4] куштé[8] у нá'шäш бе бṓрä[9].

خبر اومد که دشتستون بهاره   زمین از خونِ باقر لاله‌زاره
خبر بر مادرِ پیرش رسونید   که باقر کشته و نعشش به باره

Пришла вѣсть, что въ Даштестāнѣ[10] весна,
Земля отъ крови Бāкыра стала цвѣтникомъ;
Вѣсть старой матери его сообщите,
Что Бāкыръ убитъ и трупъ его навьюченъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

49] Сіјṓ[11] чáшмī ке дäр Хуllṓр дí́дам
Нä дäр турк у нä дäр äфшṓр дí́дäм
Сіјṓ[11] чáшмī ке dіlхṓhе хý́дäм бȳд[12]
Бе кý́нце хȳнéје[13] нäццṓр[14] дí́дäм.

سیا چشمی که در خُلّار دیدم   نه در تُرک و نه در افشار دیدم
سیا چشمی که دلخواهِ خودم بود   به کُنجِ خونهٔ نجّار دیدم

---

[1] Даштӣ — одинъ изъ булюковъ Фарса; юго-западная часть Даштӣ омывается водами Персидскаго залива и граничитъ съ булюкомъ Даштестāна. См. Фāрс-нāмэ. II, стр. 210—214.

[2] v. Ш. Хäбál. [3] v. Ш. бäр. [4] v. И. Џä'фáр; v. Ш. Jähjṓ, Ähмáд, Фōјí́з—народные поэты Фарса. * v. Ш. Доhṓје мäн бе мōдáрäш рäсȳнī́—Молитву мою его матери ты сообщишь. [5] v. Ш. бō. [6] v. Ш. зṓрäш. [7] v. Ш. мäгī́тȳн. ** v. Ш. Куме́ітäш ȳмáд у нá'шäш бе бṓрä—Гнѣдой (конь) его пришелъ, а трупъ его навьюченъ. [8] v. Ш. мурдáт; ȳмáд. [9] v. Ш. кенṓрä. [10] См. выше стр. 327, прим. [11] v. Ш. Сіјáh. [12] v. Ш. бід. [13] v. Ш. доуlätхōнéје. [14] v. Ш. туццṓр.

Черноокую, которую въ Хуллāрѣ[1] я видѣлъ,
Ни среди турокъ ни среди афшаръ я не видѣлъ;
Черноокую, которая желанной моей была,
Въ уголкѣ дома плотника я видѣлъ.

Сивендъ — Шираз 1914.

50] Бе Дäштí еіш у бōзīhṓ нäмýндīм[2] Зіјōдé äсп у тōзīhṓ дäвýндīм
Зäдí гулгýне Бōкыр рō гулӯлé Ацäб меhмýн невōзīhṓ нäмýндīм[2].

به دشتی عَیْش و بازیها نَمُونْدیم زیاده اسپ و تازیها دَوُندیم
زدی گُلگونِ باقررا گلوله عجب مهون‌نوازیها نموندیم

Въ Даштӣ веселье и игры мы устроили,
Коней и борзыхъ много мы гоняли;
Ты ранила пулей гнѣдого (коня) Бāкыра —
Удивительное гостепріимство мы оказали!

Шираз 1914.

51] Шутýр ōрíд ке тō ђäмhṓ кунíм бōр Ђäме пōр у пīрṓр у мṓlе емсṓl
Сäд у пенцṓ шутýр бе зíре бṓре Ђäме jäк рӯзéје Бōкыр нäшуд бōр.

شتر آرید که تا غمها کنیم بار غم پار و پیرار و مالِ امسال
صد و پنجا شتر به زیرِ باره غم یک روزهٔ باقر نشد بار

Приведите верблюдовъ, дабы мы навьючили печали,
Печаль прошлаго и позапрошлаго и нынѣшняго года;
Сто пятьдесятъ верблюдовъ (уже) подъ вьюками —
Печаль одного дня Бāкыра (еще) не навьючена[3].

Шираз 1914.

Въ настоящее время наиболѣе популярнымъ и любимымъ народнымъ поэтомъ на югѣ Персіи безспорно считается Фāизъ, пріобрѣвшій широкія симпатіи и извѣстность среди народа своими прочувствованными пѣснями — четверостишіями и своей жизнью, въ разсказы о которой народная фантазія внесла много чудеснаго и изукрасила ихъ сказочными подробностями.

[1] Хуллāръ — деревня въ 9 фарс. къ с.-з. отъ Шираза; славится своими виноградниками; хулларское вино, отличающееся крѣпостью, извѣстно по всей Персіи. См. Фāрс-нāмэ. II, стр. 191.

[2] = نمودیم.

[3] т. е. такъ много у Бāкыра печали.

Полное имя поэта (Фāизъ—тахаллусъ): Зāиръ Мухаммадъ Алӣ или по ширазски Ка́л[1] Мähа́д (Мäд) Аlӣ; родомъ онъ изъ деревни Га́здіро́з[2] въ Даштӣ и вышелъ изъ среды мѣстнаго зажиточнаго и вліятельнаго класса, представителей котораго называютъ на югѣ Персіи «рāі́с'»ами. Уже въ ранніе свои годы онъ сталъ извѣстенъ какъ превосходный пѣвецъ «шäрвé», а затѣмъ и самъ сталъ слагать таковыя, вначалѣ безъ тахаллуса.

Несмотря на то, что Фāизъ умеръ сравнительно недавно—въ 1325 г. Г. (1907), народъ успѣлъ сложить легенду о его любви къ пери, прилетавшей къ нему въ видѣ бѣлаго голубя и обѣщавшей быть вѣрной ему, пока тайна ихъ любви будетъ свято соблюдена; но Фāизъ проговорился, и пери навсегда улетѣла отъ него; съ тѣхъ поръ Фāизъ ушелъ изъ родной деревни и до старости скитался въ поискахъ пери. Четверостишія Фāиза распѣваетъ теперь весь югъ Персіи, не только сами персы, но и турки-кочевники, поютъ ихъ луры-кӯhгӣлӯ́ и бахтіяры, легко приспособляя ихъ къ своему языку. Содержаніе ихъ — обычныя любовныя изліянія передъ возлюбленной, жалоба на разлуку съ послѣдней, тоска по ушедшей молодости. Изысканностью и художественностью образовъ, силою чувства и оригинальностью мысли четверостишія Фāиза замѣтно отличаются отъ большинства четверостишій анонимныхъ.

Въ одномъ изъ приписываемыхъ ему четверостишій Фāизъ самъ, повидимому, сознаетъ превосходство своей поэзіи надъ поэзіей другихъ, т. е. такихъ-же какъ и онъ деревенскихъ пѣвцовъ—черта издавна свойственная многимъ поэтамъ, не только персидскимъ:

52] Нä häр бōlṓ нішӣн чӯн мōhетṓбäст[3] Нä häр сäнг у гі́lӣ дӯ́рре хӯшṓбäст
Нä häр кäс[4] ші'р гӯjäд Фōjі́зäст ӯ[5] * На häр туркі́ зäбṓн Äфрōсіjṓбäст.

نه هر بالا نشین چون ماهتابست　　نه هر سنگ و گِلی دُرِّ خوشابست
نه هر کس شِعر گوید فایزست او　　نه هر ترکی زبان افراسیابست

---

[1] = کربلائی, т. е. побывавшій въ Кербелѣ и совершившій паломничество къ шіитскимъ святынямъ; по другимъ даннымъ имя Фāиза — Рäі́с (Мyllṓ) Худōдṓд; имя его сына, также слагавшаго «шäрвé», — Рäі́с-äн-Нäђы́.

[2] См. Фāрс-нāмэ. II, стр. 214.

[3] v. бōlṓ нішӣні мōhетṓбäст. [4] v. кe. [5] v. ӣ, ӣн.

* v. Нä häр пеіђäмбäрӣ сōhі́б кітṓбäст—Не всякій пророкъ—обладатель книги.

Не всякій высоко возсѣдающій подобенъ мѣсяцу,
Не всякій камушекъ и глина — жемчужина чистой воды,
Не всякій кто стихи говоритъ — Фāизъ онъ,
Не всякій говорящій по-турецки — Афрāсіябъ.

53] Сӓһа́р чӯн зоура́ке сı̄мı̄́не мӓһто̄́б	Дӓр ı̄н дӓрjо̄́jе ӓхзӓ́р ѓӓшт ђарко̄́б
Бу́те Фо̄jіз зе һо̄му́н сӓр бӓ́р о̄ву́рд	Дӯбо̄ре́ шуд шӓ́бе мӓһто̄́б ӓһбо̄́б.

سحر چون زَوْرقِ سیمینِ مهتاب	در این دریای اخضر گشت غرقاب
بُتِ فایز ز هامون سر بر آوُرد	دوباره شد شبِ مهتاب احباب

На зарѣ, когда серебряный челнъ мѣсяца
Въ этомъ голубомъ морѣ потонулъ,
Кумиръ Фāиза па равнинѣ показался —
Вторично лунная ночь настала, (о) други!

54] Ма́хо̄н[1] му́рђе сӓһа́р та́рсӓм ке дiлдо̄́р	Зе о̄во̄́зӓш куні́[2] ӓз хо̄б бı̄до̄́р
Зе бо̄́lе хӯд һецо̄́бı̄[3] кун бе[4] ру́jӓш	* Ке то̄ шӓбна́м нӓjуфта́д бӓр ру́хе jо̄р[5].

مخوان مرغِ سحر ترسم که دلدار	زِ آوازش کنی از خواب بیدار
ز بالِ خود حِجابی کن به رویش	که تا شبنم نَیُفْتد بر رُخِ یار

Не пой, птица разсвѣта, боюсь (за) милую —
Пѣніемъ пробудишь ты ее отъ сна;
Изъ крыльевъ своихъ сдѣлай покрывало на нее,
Чтобы ночная влага не пала па лицо подруги.

55] Зе һiцрӓт дӯр ѓа́шта̄м еі сӓна́м jо̄р	Фӓро̄му́шум ма́кун зенһо̄́р зенһо̄́р
Сӓна́м бӓр ѓӓрд бӓ Фо̄jіз меірӓбу́н шоу	Бӓфо̄до̄́рум ӓѓӓ́р һа́стı̄ бӓфо̄до̄́р.

---

[1] v. На́хӯн. [2] v. Шӓвӓ́д ӯн но̄зенı̄́н. [3] v. һецо̄іб. [4] v. зе. * v. Мӓбо̄́до̄ шӓбна́ме зу́lфӓт бірізӓ́д — Какъ-бы не пролилась роса твоихъ локоновъ. [5] v. ру́jе дiлдо̄́р.

زِ هِجْرَت دور گشتم ای صنم یار   فراموشم مکُن زنهار زنهار
صنم بر گرد به فایز مِهْربون شَوْ   بفادارُم اگر هستی بفادار

Изъ-за разлуки съ тобой далекимъ (отъ тебя) я сталъ, о кумиръ-другъ!
Меня не забывай, смотри-же, смотри-же!
Кумиръ, вернись, къ Фāизў ласковой (вновь) стань —
Я вѣрность соблюдаю, если ты вѣрна.

56] Нäмӣдōнáм[1] ғазо́лō äз че дáш́тӣ   Че äjjóме џäвōнí хӯш́ гузáш́тӣ
* Гузáш́тӣ зӯд пíше чáш́ме Фōjíз   Че у́мре рäфте́ рáфтӣ бäр нäѓáш́тӣ.

نمیدانم غزالا از چه دشتی   چه ایّام جوانی خوش گذشتی
گذشتی زود پیشِ چشمِ فایز   چه عمرِ رفته رفتی بر نگشتی

Не знаю я, газель, изъ какой ты степи,
Какъ дни юности ты весело промчалась;
Промчалась быстро ты передъ очами Фāиза,
Какъ жизнь ушедшая ушла ты, не вернулась.

57] Сäһáр неі гуфт бō нōí нäво́ӣ   Һекōjäthó зе дáсте бӣвäфо́ӣ
Ке еі Фōjíз бéбӣн џíсмäм ке ѓäшт́е   Че сōн сӯро́х сӯро́х äз џудо́í.

سحر نَیْ گفت با نائی نوائی   حکایت‌ها ز دستِ بیوفائی
که ای فایز ببین جسمم که کشته   چه سان سوراخ سوراخ از جدائی

На зарѣ флейта спѣла флейтисту напѣвы,
(Разсказала) повѣсти о (страданіяхъ отъ) невѣрности:
О Фāизъ, посмотри на мое тѣло —
Какъ оно стало (покрытымъ) дырочками отъ разлуки.

58] Џäвōні́ ко́шкӣ беі' у шеро́ бӯд   Ке тō ӣн џо́не шӣрíнäш боһо́ бӯд
Џäвōні́ хӯш́ беһíш́тӣ бӯд Фōjíз   Нäдо́нäм дӯзáхе пӣрí куџо́ бӯд.

جوانی کاشکی بَیْع و شرا بود   که تا این جانِ شیرینش بها بود
جوانی خوش بهشتی بود فایز   ندانم دوزخ پیری کجا بود

---

[1] v. Нäдо́нäм еі.

* v. a) Гузäр кáрдӣ зе пӣше чáш́ме Фōjíз; b) Гузáш́тӣ äз вäре чäш́му́не Фōjíз—Промчалась ты передъ очами Фāиза.

О если-бы молодость была (предметомъ) купли и продажи,
Чтобы эта дорогая душа (моя) была ея цѣной!
Молодость веселымъ раемъ была, Фӓизъ,
Не знаю адъ старости гдѣ былъ.

59] Дiѓáр мäн ќäз џäвōнī нōумі́дäм   Бѐгерjа́д бäр мäн ī н му́jе сäфі́дäм
Бéѓäз Фōjі́з тӯ пу́шіте дäст емру́з   Бáсō läбhőjе mälipӯjőн мäкі́дäм.

دگر من کز جوانی ناامیدم   بگرید بر من این موی سفیدم
بگز فایز تو پُشتِ دست امروز   بسا لبهای مهرویان مکیدم

Больше я (ужъ) на молодость не разсчитываю,
Пусть оплакиваютъ меня эти мои сѣдые волосы;
Кусай ты, Фӓизъ, нынѣ (свои) руки —
Какъ много разъ сосалъ я губы луноликихъ!

60] Шуда́м пīр у на̀дīда́м ру́jе дilдőр   Бе пīрі́ сäр нohőдäм су́jе куhсőр
На̀дīда́м jőре Фōjі́з дäр гуlестőн   Гуl у сälб у сäноуба́р џумlé шуд хōр.

شدم پیر و ندیدم روی دلدار   به پیری سر نهادم سوی کهسار
ندیدم یارِ فایز در گلستان   گل و سلب و صَنْوبر جمله شد خوار

Я состарился и не видѣлъ (больше) лица милой,
Въ старости направился я въ горы;
Не видѣлъ друга Фӓиза я въ цвѣтникѣ,
Роза, кипарисъ и (стройная) сосна—всѣ стали презрѣнными (въ моихъ глазахъ).

Шиpазъ 1914.

Будучи произведеніями народными, анонимными, проявленіемъ коллективнаго творчества, описанныя четверостишія подвергаются безконечному ряду передѣлокъ, перетасовкѣ стиховъ и двустишій, измѣняются и съ внѣшней стороны и по содержанію; отсюда масса варіантовъ, уживающихся рядомъ съ основными четверостишіями, не только въ разныхъ концахъ Персіи, но и въ одной и той-же мѣстности.

Эпическаго элемента въ народныхъ четверостишіяхъ вовсе не замѣчается; зачатки эпоса можно видѣть въ болѣе длинныхъ стихотвореніяхъ, носящихъ иногда характеръ небольшихъ поэмъ; такія пѣсни, большею

частью боевыя, — въ большомъ ходу у иранскихъ кочевниковъ, напр. бахтіяровъ.

Элемента злободневности также нельзя найти въ настоящихъ четверостишіяхъ; жизнь въ глухихъ деревенскихъ уголкахъ бѣдна разнообразіемъ содержанія, чуть-ли не цѣлые вѣка течетъ она въ одномъ и томъ-же руслѣ. Стихи на злобу дня, «таснӣфы» и политическіе стихотворные памфлеты есть достояніе большихъ городскихъ центровъ, откуда они иногда проникаютъ въ деревню.

Являясь простѣйшей и наиболѣе популярной и излюбленной формой персидскаго народнаго творчества, четверостишія, какъ показываетъ уже примѣръ Фāиза, все-таки постепенно начинаютъ терять свой первобытный характеръ простоты, вступаютъ въ стадію отживанія; съ постепеннымъ-же, хотя чрезвычайно медленнымъ развитіемъ книгопечатанія, распространеніемъ газетъ, расширеніемъ школьнаго дѣла и соотвѣтствующимъ проникновеніемъ въ народную среду литературныхъ образцовъ и вкусовъ теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою архаичность языка, служившую большимъ подспорьемъ для иранской филологіи; тѣмъ болѣе цѣннымъ и важнымъ при такихъ условіяхъ является собираніе и изученіе произведеній персидскаго народнаго творчества.

А. А. Ромаскевичъ.

Петроградъ.
16. I. 1916.

Происхожденіе др.-арм. ԱՄԵՀԻ ameḣi.

Этимологія др.-арм.[1] слова ameḣi (съ основой на -wo- || -ea-)[2] буйный представляетъ особый интересъ, такъ какъ она затрагиваетъ рядъ принципіально важныхъ вопросовъ др.-армянской фонетики и морфологіи и, отчасти, потому, что она выдвигаетъ, быть можетъ, новую лингвистическую проблему въ области взаимоотношеній ирано-армянскихъ языковыхъ міровъ. Интересъ этотъ усугубляется еще и тѣмъ, что точное установленіе происхожденія ameḣi въ значительной степени зависитъ отъ состоянія выясненности именно возбуждаемыхъ имъ вопросовъ.

Оставляя пока разборъ матеріальной части нашей темы по существу, укажемъ предварительно, въ чемъ мы видимъ сущность новаго фактора въ сложной области ирано-армянскихъ языковыхъ взаимоотношеній, какія могутъ быть историческія основы его возникновенія, и насколько этимологія ameḣi можетъ лишиться полноты и ясности пониманія безъ достаточной выясненности именно этого обстоятельства. Если взять природный остовъ классическаго др.-арм. языка, тщательно выдѣливъ всѣ заимствованія, то оказывается, что это ядро, представляющее удивительное скрещеніе и компромиссъ двухъ совершенно разнородныхъ лингвистическихъ системъ — яфетической[3] и аріо-европейской, еще и привсосало въ себя, видимо уже

---

[1] Въ дальнѣйшемъ терминъ «др.-арм.» при примѣрахъ будетъ опускаться. Транскрипція дается по Meillet, кромѣ փ=p‘, թ=t‘ и ք=k‘. [Въ передачѣ яфетическихъ формъ и словъ транскрипція, принятая авторомъ, замѣнена транскрипціей Н. Я. Марра; въ передачѣ армянскихъ словъ и формъ, гдѣ это оказывалось нужнымъ, транскрипція Н. Я. Марра введена дополнительно, въ квадратныхъ скобкахъ. *Ред.*].

[2] См. Н. Марръ, Грам. др.-арм. языка, стр. 70—71; A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne 1903, стр. 42—43.

[3] «Правовѣрнымъ» аріо-европеистамъ, не изучившимъ вширь и вглубь ни самихъ армянскихъ языковъ, ни же сосѣднихъ, можно указать на такія характерныя переживанія этой яфетической системы, какъ морфизація kutr || ktur или p‘uxr || *p‘xur (> p‘šur) [φuqr || *φqur > φшur] и др. Такъ чередующіяся разновидности kutr || ktur отъ трехсогласнаго корня

по завершеніи своей основной формаціи, и такіе новые языковые элементы, которые подверглись вліянію нормъ собственной армянской фонетики и морфологіи и обнаруживаютъ свойства наибольшей сцѣпляемости съ сосѣдними языковыми группами, будучи въ то же время весьма далеки отъ того, чтобы быть названными простыми заимствованіями. Исторически это, быть можетъ, нужно объяснить тѣмъ, что и послѣ переселенія аріо-европейцевъ, перемѣшавшихъ и перекроившихъ пеструю этнику исторической Арменіи, въ послѣднюю продолжали притекать отовсюду различныя этническія струи, которыя, просачиваясь и претворяясь въ основной мѣстной средѣ, не могли не имѣть извѣстнаго вліянія на конечную формацію haio-armen'ской народности, тѣмъ болѣе, что этотъ процессъ завершается только къ эпохѣ Артаксія и Заріадра (начало II в. до Р. Хр.)[1]. Послѣдствія этихъ этническихъ приливовъ, вызывавшихъ внутреннее броженіе и сопровождавшихъ главный процессъ національзаціи страны, несомнѣнно должны были сказаться въ формѣ переживаній и на живомъ духовномъ дѣтищѣ самой націи, — на ея языкѣ. Въ частности же, привносъ Атропатенской окраины (черезъ иранскія племена мадовъ, мардовъ, геловъ, саковъ и др.)[2]

---

ktr 'рѣзать' даютъ: соврем. арар. kudrag (изъ *kutrak) 'обрубки, большіе куски винограднаго куста' (въ противоположность слову ark'ad 'мелкіе обрѣзки лозъ'; неточно значеніе и звуковая передача у о. С. Аматуни, Հայոց բառ ու բան, стр. 363) и др.-арм. կտուր ktur: 1) прич. имя 'отрѣзанный, разломанный'; 2) сущ. во мн. ч. 'стрижка (овецъ), остриженная (шерсть); разсѣлина, прорѣха'; ср. также виды этого √ ktr въ կտրել ktr-el (изъ *kutr-el или *ktu-rel) 'рѣзать', կոտորել koto-rel 'рубить, дробить' կտոր ktor 'кусокъ', соврем. арар. kodr-el 'ломать'. Къ p'uxr || *pxur (> p'šur) [φuq̇r || *φq̇ur (> φшur)] ср. փուխր p'uxr [φuq̇r] 'рыхлый, хрупкій' (=соврем. p'ux [φuq̇]) и փշրել p'šr-el (изъ *p'ušr-el или *p'šur-el) [φшr-el (изъ *φuшr-el или *φшur-el] 'раскрошить', соврем. jart' u p'šur anel [ḍarϑ u φшur anel] 'разбить въ дребезги', мокс. p'šur mi [φшur mi] 'одну крошку; крохотка, немножко' (курдс. p'əšrīn есть заим. изъ арм.),—всѣ отъ первичнаго √ *p'k'r [φqr] 'превращать въ порошокъ, крошки' (груз. яз. вмѣсто этого *p'k'r [φqr] даетъ p'k' [φq]+чередующіеся сонанты w, r, l и n: ფქვა φqv-a 'молоть', ფქვიერი φq̇v-ieri 'рыхлый', ფშვიერი φшv-ieri 'сухая мелкая земля'; мингр. ფქურება φq̇ur-eba 'крошить', ფშურუკი φшur-uki 'кушанье изъ муки и меда', ფაშარი φашar-i 'рыхлый, валенецъ'; ფშქალული φшq̇al-uli 'рыхлый, разсыпчатый' съ шq̇ изъ q̇; ფქვნა φq̇wn-a и ფშქვნა φшq̇wn-a 'крошить' съ шq̇ < q̇. Наконецъ, любой индо-европеистъ, изучившій и.-е. элементы арм. языка, долженъ признать, что такія слова, какъ սովորել sovor-el 'учиться', խորովել xorov-el [q̇orovel] 'жарить', կեղեքել kełek'-el [keḷeq-el] 'раздирать; эксплуатировать', ծեծել cec-el [ṭeṭ-el] 'бить', ծածուկ cac-uk [ṭaṭ-uk] 'скрытый', պատել pat-el 'обвить, охватить', խիղճ xiłč [q̇iḷṭ] 'совѣсть' и пр. не могутъ имѣть ар.-евр. вида и отвѣчать морфологическимъ нормамъ этого языка.

[1] См. Н. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана, стр. 395 и сл.

[2] Для оцѣнки армено-семитическихъ взаимоотношеній считаемъ не лишнимъ указать на слѣдующіе характерные случаи: a) պակաս pakas (нескл. прил. и нар.) 'меньшій, недостающій; меньше' при арабс. وكس wakasa 'онъ уменьшился, онъ убавился'; b) պառակ pařak 'лядвея, бедро' (на которое ложится свинья) съ глаголами պառակիմ pařak-im и պառիկիմ pařik-im 'ложусь' (=соврем. pařkel) при арабск. ورك wark-un (wirk-un) или ورك warik-un 'бедро, верхняя часть ляжекъ' съ заимствованнымъ груз. ბარკალი bark-al-i 'голень, лядвея, бедро, задняя или передняя нога барана' (груз. ბარძაყი barʒaki 'ляжка, лядвея' есть заимствованіе изъ пе-

мы усматриваемъ въ слѣдующихъ элементахъ языковъ Арменіи, долженствующихъ занять особое положеніе въ кругу ихъ аріо-европеизмовъ. Пока удалось намъ выдѣлить:

√ aw- 'неистовствовать; имѣть побужденіе, влеченіе; вырываться, устремляться': въ a) աւիմ aw-im = b) աւանդիմ aw-and-im[1] 'сумасбродствую, бѣснуюсь'; c) աւիւն aw-iwn 'природное влеченіе, побужденіе, порывъ; d) աւելոց, աւալոց, աւոլոց ելանեմ aw-el-oç, aw-al-oç, aw-ol-oç elanem [aw-el-oǯ, aw-al-oǯ, aw-ol-oǯ elanem] 'вспрыгиваю; шарахтаюсь, вспугиваю'[2]; e) աւողական aw-oł-a-kan [aw-oḷ-a-kan] 'пугливый'; безъ толку прыгающій'. Этотъ √ aw-, имѣвшій въ древнѣйшемъ своемъ употребленіи общее среднее значеніе 'стремиться, устремляться', есть точный эквивалентъ авестійскаго √ hav- гнать, 'понукать, побуждать' («'antreiben'.; ai. suvâte, sūtaḥ» — см. Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, стр. 1782).

հաւ haw 'начало' и հաւակ haw-ak 'первопричина', означая собственно 'зарожденіе' и 'зарождающій', представляются намъ вѣроятными отложеніями (via iraniaca!) и.-е. корня *sew- 'рождать' въ скр. √ su- (sūtē) 'рождать', ав. √ hav- «'gebären' von daēvischen Wesen» (Altir. Wb., 1782), готс. sunus 'сынъ', литовс. sūnùs, слав. сынъ, гр. υἱός[3], — съ удержаніемъ начальнаго h въ haw и hawak какъ и въ հին hin 'старый' (= гр. ἕνος, лат. senex, скр. sána, ав. hanō и пр.). Но переживанія и.-е. √ *sew- 'рождать' можно усмотрѣть, пожалуй, и въ другомъ словѣ, отражающемъ уже вліяніе «фригійскихъ» аріо-европейцевъ, а именно въ աւաւտ aw-awt 'начало утра' и съ предлогомъ ai- въ առաւաւտ ai-aw-awt 'утро'; — семасіологически ср.

---

hлевійскаго *barzak, какъ производнаго отъ старо-иранск. основы *barz-, предлежащей и въ заимствованномъ բարձ barj [barǯ] 'голень, лядвея, бедро', нов.-перс. بال bāl 'плечо, крыло'?); c) պառակիմ paṛak-im 'расхожусь (на охотѣ за дичью)', откуда съ учащательнымъ суф. -at-, -t- պառակատիմ paṛakat-im и պառակտիմ paṛakt-im 'расхожусь, раздѣляюсь, отдѣляюсь' при арабс. فرق faraḳa 'онъ раздѣлилъ'; — ср. также փեռեկեմ p'eṛek-em [φeṛek-em] 'расторгаю'; d) փեղկ p'ełk [φeḷk] 'кусокъ, часть (дерева, сукна)', փեղկիմ p'ełkim [φeḷk-im] 'раздваиваюсь', при арабс. فلقه falaḳa-hu 'онъ раскололъ, расщепилъ то'.

[1] Къ суф. -and- ср. զահանդիմ z-ah-and-im 'страшусь' отъ ահ ah 'страхъ съ предл. z. Видимо этотъ суф. -and-, какъ первоначальный формативъ для прич. наст. вр., предлежитъ и въ կենդանի kendani 'животное' изъ полной формы *ke-and-an-i, ср. կեամ ke-am 'живу'.

[2] Здѣсь aweloç [aweloǯ] есть прич. буд. вр. отъ *awim внезапно устремляюсь въ сторону, а awaloç [awaloǯ] — отъ формы *aw-am, если, конечно, въ серединномъ a этого причастія awaloç [awaloǯ], не усмотрѣть уподобленія гласному a въ прич. aweloç [aweloǯ], какъ въ серединномъ o формы awoloç [awoloǯ] — гласному o послѣдняго слога. (Всѣ эти формы приводитъ Ручн. Сл.).

[3] Отнесеніе къ этимъ словамъ также и զաւակ zaw-ak 'чадо, дитя' съ предл. z (ср. напр. զարմ z-arm 'колѣно, родъ' и արմն arm-n 'пень, нижняя часть ствола, корень') и суф. -ak наталкивается на помѣху въ грузинскомъ глаголѣ ზვევა zvev-a 'рождать, телиться'.

соврем. арар. cēkʻ (<*cayg) [ṭēq (<*ṭayg)] ʻразсвѣтъʼ и классическое ծագիմ cag-im [ṭag-ɪm] ʻзарождаюсь, происхожу; начинаюсь; восхожу (солнце)ʼ.

√ am- ʻпараʼ въ ամորձիք am-orǰikʻ [am-orďɪq] pl. tant. ʻtesticuliʼ (при որձիք orǰi-kʻ [orďi-q] id. = гр. ὄρχις, см. Hübschmann, AG, 483) и ամոլ amol (осн. на o) обык. во мн. ч. ʻпара упряжныхъʼ изъ am- ʻпараʼ+-ol=?[1] Арм. am-=ав. (гатск.) yə̄ma- муж. р. ʻблизнецъʼ, скр. yamá- муж. р. id. (AirWb, 1291—1292). Потеря начальнаго y въ am- такого же фонетическаго происхожденія, какъ, вѣроятно, и въ

ամամ am-am ʻввергаю, всыпаю, вливаюʼ, ամայեմ amay-em id., откуда (отъ √ am-), быть можетъ, и աման aman ʻсосудъʼ[2], имѣя ввиду ав. yă̄ma- муж. р. ʻсосудъʼ, ново-перс. ǰāṃ ʻчашаʼ (см. AirWb, 1264 и 1286), какъ возможныя производныя отъ нѣкотораго старо-иранскаго √ *yam- ʻвливатьʼ.

√ yam- ʻсдерживать(ся)ʼ въ յամեմ yam-em или յամենամ yam-en-am ʻмѣшкаю, медлюʼ, յամր yam-r ʻкосный, медлительныйʼ, յամայր yam-ayr ʼдолгій, длительныйʼ и յամառ yam-aṙ (собств. ʻсдерживающійʼ) ʻупрямый, упорныйʼ=ав. √ yam- ʻдержать; схватыватьʼ (AirWb, 1262—1263), скр. √ yam- ʻдержатьʼ (yamáyate ʻсдерживаетъʼ). Что касается сохраненія арм. √ yam- начальнаго y, исчезнувшаго въ двухъ предшествующихъ случаяхъ, то это необычное для арм. фонетики явленіе предлежитъ также въ другомъ корнѣ, тоже несомнѣнномъ пережиткѣ указанныхъ историческихъ процессовъ, именно въ

√ yoyz- ʻискать; возбуждатьʼ, какъ յուզեմ yuz-em ʻищу, разыскиваю; взбудораживаю, возбуждаю, раздражаюʼ съ позднѣйшимъ ուզեմ uz-em ʻищу, разыскиваюʼ и соврем. діалект. (арар. и мушск.) uz-el ʻжелать, хотѣтьʼ, гдѣ √ yoyz- восходитъ къ старому *yeuz- или *youz-, соотвѣтствуя ав. √ yaoz- (yaozaiti) ʻдвигаться, волноватьсяʼ, ново-перс. razmyōz ʻищущій битвыʼ и пр. (AG, 199).

Фонетическія данныя am- ʻпараʼ, amam ʻввергаюʼ, √ yam- ʼсдерживать(ся)ʼ, √ yoyz- ʻискать; возбуждатьʼ и съ другой стороны чистыхъ пред-

---

[1] Быть можетъ это -ol съ потерей первоначальнаго w (v!) есть родственное съ «волъ» слово, при тождественномъ же значеніи? Въ соврем. діал. ambol ʻпервая пара быковъ при плугѣʼ (см. Амат., 27) фонема b есть скорѣе позднѣйшее развитіе.

[2] Слово aman ʻсосудъʼ сопоставляется также съ скр. ámatra—ʻкружка, чаша, сосудъʼ, греч. ἀμίς ʻночной горшокъʼ, ἄμη ʻведроʼ и пр. (AG, 416). Къ суф. -an, какъ формативу для вмѣщающихъ предметовъ, подобно иранскому суф. -ana-, ср. կայան kay-an стоянка (при կամ ka-m пребываю, стою), հնձան hnj-an [hnď-an] ʻдавильня; мѣсто выжиманія винограда' и пр.

[По сообщенію Н. Я. Марра, не надо забывать, что съ աման a-man находится въ связи сир. ܡܐܢܐ ʻодѣяніе, сосудъʼ, а также г. ქალამანი qal-a-mani (вульг. ქალაბანი qal-a-bani) ʻлаптиʼ, букв. «сосудъ для ногъ», причемъ ქალ- qal- нога самостоятельно не сохранилось, но, несомнѣнно, съ именемъ этимъ находится въ связи арм. քայլել qayl-el ʻходитьʼ, діал. քելել qel-el и քալել qal-el id. *Ред.*].

ставителей и.-е. періода какъ *լեարդ* leard 'печень' (=скр. yákrt, ав. yakar-, лат. iecur и пр.) и *լուծ* luc [luṫ] 'ярмо' (=скр. yugám, гр. ζυγόν, лат. iugum и пр.) лучше всего свидѣтельствуютъ о двухъ сосуществовавшихъ теченіяхъ въ выработкѣ и.-е. части арм. языковъ, — въ одной языковой средѣ начальный y (+гласный) съ теченіемъ времени исчезало, въ другой же перерождалось въ l[1].

արդիւն ard-iwn (осн. на -ean-)[2] обык. во мн. ч. 'плодъ произведенія, продуктъ, доходъ'[3], какъ производное abstractum отъ нѣкотораго √ * ard- 'развиваться, расти, преумножаться' (!)=ав. √ arəd- 'способствовать преуспѣнію, росту' («gedeihen lassen» AirWb, 193), скр. √ardh-(r̥dhnōti) 'успѣвать'. Если вѣрно сопоставленіе этихъ индо-иранскихъ корней съ гомеровскимъ ἄλθομαι 'исцѣляюсь, заживаю' (AirWb, ib.), то арм. r въ ardiwn вмѣсто ожидаемаго l еще лучше выдаетъ не «фригійскій» источникъ проникновенія этого слова, если, конечно, что̀ мало вѣроятно, исключить въ данномъ случаѣ возможность чередованія въ самомъ праязыкѣ и.-е. разновидностей «ardh- || *aldh-.

երկնչիմ erk-nč-im [erk-nϑ-ım] (аор. erk-eay) 'боюсь, трушу' съ производнымъ *երկիւղ* erk-iwł [erk-ıwḷ] (Род. -keł) 'опасность' при ав. ərəγant- прил. (въ женск. р. ərəγaitī-) 'страшный, ужасный; мерзкій, отвратительный (про адъ и мухъ)' («entsetzlich, abscheulich», AirWb, 349)[4].

արկանեմ ark-an-em (аор. ark-i) 'бросаю, кидаю'=ав. √harək- «'emittere': weg, bei Seite werfen, fallen lassen» (AirWb, 1788). При независимомъ другъ отъ друга восхожденіи къ и.-е. древности, чему отчасти мѣшаетъ ихъ нахожденіе только въ двухъ, и то смежныхъ языкахъ, корни арм. erk- и ав. ərəγ-, съ другой стороны арм. ark- и ав. harək- могутъ восходить къ прототипамъ «r̥g$^{(w)}$- и *serk- (не *serk^{w}-)[5].

---

[1] Это фонетическое явленіе (l<y) продолжается, видимо, и въ современныхъ діалектахъ, ср. заимств. аштаракск. lupka 'юбка'.

[2] Этотъ отвлеченный суф. -iwn предлежитъ и въ awiwn (см. выше), ariwn 'кровь' (AG, 424), ankiwn 'уголъ' (AG, 419) и продолжало употребляться впослѣдствіи, какъ *բոմբիւն* bombiwn 'звонъ, громъ', *գոչիւն* gočiwn [goϑıwn] 'зовъ' и др. Непонятно намъ значеніе суф. -iwn въ heriwn 'шило' (AG, 467). Вѣроятно, этотъ абстрактный суф. -iwn входитъ и въ составъ сложнаго -ut'iwn [uϑıwn] какъ *մեծութիւն* mecut'iwn [meṫuϑiwn] 'величіе' отъ *մեծ* mec [meṫ] 'большой' и пр.

[3] Синонимомъ ему является слово *արգասիք* argasik' [argasıq] 'плодъ, продуктъ', который вмѣстѣ съ *արգաւանդ* arg-a-wand 'плодородный', *արգանդ* arg-and 'утроба (матери)' и *զարգանամ* z-arg-an-am 'развиваюсь' предполагаетъ первичную существительную базу *arg 'плодъ',—тоже несомнѣнный пережитокъ арійскаго міра, какъ намъ думается.

[4] См. другое толкованіе: Н. Марръ, Яфетич. элементы въ языкахъ Арменіи, ч. III. [Мы остаемся при прежнемъ толкованіи на основѣ яфетической. *Н. М.*].

[5] Объ и.-е. *k (не *k^{w}), отложившемся въ арм. k (*կ*) и его аффрикатахъ c [ṫ] *ծ* и č [ṭ] *ճ*, будетъ особо. [И для ark- || ank- у насъ есть иная этимологія на яфетической почвѣ *Н. М.*].

ժտեմ žt-em (собств. žət-em < *žit-em) 'умоляю, неотступно прошу, домогаюсь просьбами', *ժիտ* žit прич. имя 'умоляющій', при ав. √ gad- 'просить' (основы для наст. вр. ǰadiya-, ǰaiδya- и для страд. зал. ǰaiδya-, °ǰiδya-) съ пеhлевійскимъ его переводомъ žāδītan и žastan; гр. θέσσασθαι, др.-ирл. guidiu 'прошу' (AirWb, 487). Послѣднія формы указываютъ на и.-е. √ g^w^hed-, а не *g^w^hid-, къ чему только и могло восходить арм. žit-[1]. Но несамостоятельность этого žit- усиливается еще и тѣмъ, что и.-е. начальныя *gh и *g^w^h передъ ĕ и i (y) всегда предлежатъ въ арм. аффрикатѣ ǰ [d̯] (*ջ*), а не ž [ȷ] (*ժ*), какъ въ ǰeṙnum [d̯eṙnum] 'грѣюсь' съ ǰer, ǰerm и ǰermn [d̯er, d̯erm, d̯ermn] отъ и.-е. √ *g^w^her- 'θέρομαι' (AG, 486), ǰił (jil) [d̯ıl (dıl)] 'нервъ' отъ праформы *g^w^hīsl- (въ слав. žila 'жила', прусск. gislo id., лит. gýsla 'жила, вена', и пр., AG, 486) и еще, какъ намъ думается, въ *ջին* ǰin [d̯ın] (осн. на a) 'дубина, палка для побоевъ', относящемся къ и.-е. √ *g^w^hen- 'бить, ударять' (ср. др.-арм. *գան* gan 'ударъ, побои', гр. θείνω 'ударяю', скр. hánti 'убиваетъ' = ав. ǰainti = ново-перс. zanad 'ударяетъ', скр. ghaná- 'дубина, палка' и пр., AG, 431)[2].

Совр. діал. (арар. и ширак.) *գոռսել* goṙs-el 'бить, колотить кого-либо' (Амат., 148) при заимствованныхъ изъ иранскаго — *վարսեմ* vars-em 'ударяю въ землю, вбиваю въ стѣну (гвоздь)' и совр. діал.[3] *վարսանգ* var-sang или *վարսանդ* vars-and 'цѣпъ для молотьбы смоченныхъ зеренъ пшеницы', предполагающихъ нѣкоторый старо-иранс. √ *vars- 'бить; колотить по чему-либо'.

Совр. діал. (арар. и лорійск.) *գաղտ* gaγt [gaǧt] 'темя, маковка головы' (Амат., 124) при ав. vaγδana- ср. р. 'голова благихъ существъ (человѣка, верблюда)'; 'темя, маковка (головы)' (AirWb, 1336).

Թոժիւն t'ož-iwn (осн. t'ožiwni-) [θoȷıwn, θoȷıwnı] 'птенецъ, щенокъ, медвѣженокъ' при курдс. tôeža, tôežang (уменьш.) 'дѣтенышъ звѣрей и птицъ' (Егіаз.)[4]. Независимое развитіе этихъ словъ отъ одного общаго и.-е. перво-

---

[1] Ср. *գտանեմ* gtanem 'нахожу' (egit 'онъ нашелъ') или *լքանեմ* lk'anem [lqanem] 'оставляю' (elik' [elıq] 'онъ оставилъ') отъ и.-е. √√ *wid- и *likʷ- (AG, 437 и 455).

[2] Повидимому, имѣются случаи, когда и.-е. *gh и *g^w^h передъ палатальнымъ *ĕ и *i (*y) сохраняютъ въ армянскомъ также и гортанное произношеніе, т. е. не перебойный видъ, сохранившись не въ аффрикатѣ ǰ [d̯] (*ջ*), какъ полагалось бы по нормѣ др.-арм. фонетики, а въ твердомъ g (*գ*). Таковы случаи: *գեղձք* gełǰ-k' [geld̯q] 'железы' = слав. žlěza 'железа' изъ *ghelgha — (AG, 433) и *գեղձամ* gełǰ-am [geld̯am] 'сильно желаю' = слав. želěti, želati 'желать' отъ и.-е. √ *g^w^hel- (AG, 433). Къ нимъ мы присоединяемъ и *գէր* gēr 'жирный', сравнивая съ «жиръ», — оба отъ и.-е. базы *gheyr-. Мы склонны въ g этихъ трехъ арм. словъ видѣть наслѣдіе и.-е. *gh, а не *g^w^h, о чемъ будетъ особо.

[3] Форма varsang встрѣчается по словарю о. Аматуни въ селахъ: Аштаракъ, Парпи, Ошаканъ, Вагаршапатъ и Памбакъ, а вторая форма varsand въ Мушѣ и Абаранѣ.

[4] С. А. Егіазаровъ, Кратк. этнограф. очеркъ курдовъ Эрив. губ. (Записки Кавк. отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., Тифлисъ 1891, кн. XIII).

источника должно быть отвергаемо, во-первыхъ, фактомъ близкаго раздѣленія ихъ только двумя сосѣдними языками, затѣмъ—сравнительной рѣдкостью фонемы ž [ȷ] въ и.-е. элементахъ арм. языка, кромѣ развѣ одного իժ iž (осн. iži-) [ıȷ, ıȷı] 'ехидна' изъ *éghi- (въ ав. aži-, скр. áhi-, гр. ἔχις и пр.), да и то считаемаго Bartholomae за заимствованіе изъ иранскаго (см. у Hübschm., AG, 450)[1], далѣе — необычнымъ для и.-е. праязыка предполагаемымъ нашими словами видомъ корня *taugʷh-[2] и, наконецъ, весьма вѣроятнымъ отнесеніемъ арм.-курдс. словъ, какъ производныхъ отъ обще-арійскаго корня *tauk- 'производить потомство' (!), который только на иранской діалектической почвѣ и можетъ дать форму съ ž; — ср. къ этому предполагаемому нами индо-иранс. √ *tauk- ав. taoxman- ср. р. 'сѣмя, зародышъ; мн. ч. родство', скр. tókman- ср. р. 'молодой ячменный стебелекъ', др.-перс. tauma- жен. р. 'родъ' («ob aus uriran. *tauxm°?», AirWb, 623—624). Болѣе чѣмъ знаменателенъ фактъ созвучія съ этимъ √ *tauk- тюркскихъ: طوغمق, توغمق tōγ-mak 'родиться; восходить', адербейджанс. دوغمق dōγ-mak id. Суффиксъ же -iwn въ t'ožiwn [ϑoȷıwn] по происхожденію такого же уменьшительнаго характера, какъ и въ կորիւն kor-iwn (осн. korean-) 'щенокъ, дѣтенышъ звѣрей; урожай (растеній)' при курдс. kur̥ 'сынъ, мальчикъ'; — ср. гр. μοσχίον, какъ уменьш. отъ μόσχος 'теленокъ, бычекъ' (=մոզի mozi, см. AG, 475)[3]. Къ арм. o=курдс. ûe ср. также ձող jol [ďol̥] 'жердь, шестъ' и курдс. zûela id. (Егіаз.)[4].

√ k'aw- 'отстранять, устранять(ся)' въ քաւ լիցի k'aw liçi [qaw lıϑı]

---

[1] Заимствованіе должно быть признано, по нашему, и арар. թեժ t'ēž [ϑēȷ] 'свѣже-горячій' (лучи, угли, очагъ)=ав. taēγa-, taēža- 'острый; остріе', скр. tējas-n 'острота; огонь, жаръ, зной; свѣтъ, блескъ, красота, сила, величіе; достоинство'.

[2] Ибо избѣгается стеченіе въ одномъ и томъ же и.-е. корнѣ двухъ конечныхъ согласныхъ, какъ глухой въ началѣ корня и звонкій придыхательный въ концѣ;—см. Мейе, Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ, переводъ проф. Д. Кудрявскаго, Юрьевъ 1911, стр. 243.

[3] Для точнаго установленія этимологіи арм. mozi нужно принять во вниманіе и курдс. moz 'годовалый теленокъ, бычекъ' (Егіаз.).

[4] Къ исторіи армено-курдскихъ языковыхъ взаимоотношеній, отражающихъ уже вліяніе мѣстнаго «яфетическаго» міра на курдскій, а также къ исторіи фонетическихъ соотношеній арм. и курдс. спирантовъ,—ср.: a) курдс. šuži 'сыворотка' (Егіаз.)=ново-армян. (діал.) sičuk [sıϑuk] d., гдѣ курдс. š есть вѣроятное развитіе изъ s подъ вліяніемъ ž; b) курдс. سلسل (въ сел. Зоръ, Эрив. губ., по нашему наблюденію «səlsəl») 'glaçon qui couvrent une ruvière' (по словарю Justi-Jaba) при соврем. арм. діал.—səłin 'льдина, кусокъ льда въ рѣкѣ' (въ сел. Аштаракъ, Эрив. губ., по нашему набл.) и սղին słin 'замороженные фрукты' (въ сел Зейба, по слов. о. Аматуни, стр. 705); c) курдс. شلن šalan, 'pétrir, macérer, masser' (по слов. Justi-Jaba) при др.-арм. շաղել šał-el id. (=ашт. šał-ał-el), на что указывается и въ словарѣ Justi-Jaba; d) курдс. شو šiw 'baguette, tuyau de pipe' (по Justi-Jaba) при арар. и муш. շիւ šiw [шıw] id. (по Амат.); e) курдс. šē 'русый' и др.-арм. շէկ šēk (=ашт. šēg) [шēk, шēg] id.; f) курд. خيز xēz (xīz) 'песчаный' при խիճ xič [qıt] 'щебень'; g) زل zil 'tige baguette'=совр. арм. cil [tıl] id.; и пр.

'да отстранится; (перен.) да не будетъ', քաւ ի k'aw i [qaw ı] предл. съ отл. п. 'прочь отъ-, кромѣ' и քաւեմ k'aw-em [qaw-em] (собств. «устраняю, удаляю» resp.) 'очищаю(сь) отъ грѣховъ, отпускаю грѣхи' при курдс. az de k'awəm 'нападаю, впадаю, попадаюсь, бросаюсь, вхожу, влѣзаю' (по Egiaz.) и осетинскомъ qav-i̯n, γaw-un 'склоняться, имѣть въ виду, намѣчать, стремиться' ('zielen, beabsichtigen, trachten'» — W. Miller, Die Sprache der Osseten, стр. 59). Въ семасіологическомъ отношеніи курдо-осетинскія формы предполагаютъ общее первоначальное значеніе «стремиться, устремляться», что по отношенію къ арм. «отстраняться» является однимъ изъ логическихъ концовъ одного и того же понятія (въ родѣ соврем. діал. ç̣aw [ϑaw] anel[1] 'разглашать, оглашать', собств.: 'дѣлать разглашеннымъ, оглашеннымъ', и слав. чоути 'чуять, чувствовать»', относящихся къ и.-е. √ *kʷyew-[2]. При чистомъ же своемъ индо-европеизмѣ др.-арм. √k'aw- [qaw] вмѣстѣ съ курдс. √ k'aw- совмѣстно могутъ свидѣтельствовать объ и.-е. рядѣ *kʷew-, *kʷow- и *kʷu-, имѣя въ виду, что курд. k' за немногими исключеніями[3] всегда восходитъ къ старо-иранскому k; осетинскія же q и γ всегда исходятъ изъ стараго g (Die Spr. d. Oss., § 23,8) и въ этомъ отношеніи не поддерживаютъ армяно-курдскихъ формъ.

պակչիմ pak-ç̣-im [pak-ϑ-ım] (аор. -keay) и պակնում [pakn-um] (аор. -keay) 'замираю отъ страха и удивленія, изумляюсь' при ново-перс. باکیدن bākīdan 'timere', باك bāk 'timor, sollicitudo' (по Vullers'y). Возможно развитіе начальныхъ арм. p и перс. b изъ стараго v въ родѣ պիծակ piç-ak [pit-ak] 'оса, ктиръ, оводъ, шмель' и перс. بز biz 'vespa' apis, (ib.) при курд. vəzek 'комаръ' (ср. семас. — ново-арм. mocak 'комаръ, мошка' и курдс. moz 'оса, шмель'), и тогда общее съ ними происхожденіе, быть можетъ, раздѣляетъ и վախեմ vax-em [vaq̇-em] 'боюсь' изъ *vak-, какъ тѣ

[1] См. Պ. Պռօշեան, Կուտածաղիկ. Тифлисъ 1878, стр. 27. Это слово и нынѣ употребительно въ селеніи Аштаракъ, Эрив. губ., хотя сравнительно рѣдко.

[2] Этотъ предполагаемый нами и.-е. *kʷyew-, какъ общій корень для армянскаго и славянскаго, представляется намъ чередующимся двойникомъ и.-е. *kʷew- въ ав. (гатск.) √ kav- 'предусматривать', скр. ā kuvate 'онъ имѣетъ въ виду', лат. caveo (AirWb, 442). Къ чередованію индо-европейскихъ разновидностей *kʷyew- || *kʷew- ср. аналогичныя *syew- || *sew- 'шить' въ скр. syūtáḥ 'сшитый', лит. siútas, др.-слав. шити (изъ *sjыти),—и съ другой стороны скр. sūtrám нить, лат. sutus (по Мейе, Введеніе, стр. 140).

[3] Эти исключенія суть: a) курд. k'āyīn 'отрыгать жвачку; жвачка' (Egiaz.)=ново-перс. xāyīdan 'разжевать' («mandere, manducare»), ав. √ xad- съ предл. vī- 'раздавить, расщеплять' («auseinander quetschen» AirWb, 531), скр. √ khād- (khādati) 'жевать, съѣдать'; b) курдs. k'ar 'оселъ'=ново-перс. xar, ав. xarā-, скр. khára- id. (AirWb, 532); c) курдс. k'annin (k'anin) 'смѣяться' (изъ *kand-?)=ново-перс. xandīdan 'ridere', խնդամ xndam (изъ *xind-am) [q̇ndam < *q̇ındam] 'сильно радуюсь',—ср. չարախինդ ç̣araxind [ϑaraq̇ind] 'злорадный'; d) курд. k'ur 'глубокій' при խոր xor [q̇or] id.; e) курдс. k'olan, k'olayin 'копать, рыть' при совр. арар. խոլել xol-el [q̇olel] 'ковырять'. О природѣ курдскихъ k' и k, соотвѣтствующихъ и.-е. *kʷ, *k будетъ особо.

же pakčim [pakϑım] и paknum даютъ разновидности paxčim и paxnum [paq̇ϑim, paq̇num], 'страшусь, трепещу, ужасаюсь' или պաճար pač-ar [paṭ-ar] 'домашній скотъ' изъ *pak-ar, откуда измѣненныя պաքար pak'-ar [paq-ar] и պախրէ paxrē [paq̇rē] 'скотъ (корова, быкъ)' [1].

մորմոքիմ mor-mok'-im [mor-moq-ım] 'сѣтую, скорблю', — есть усиленно-удвоенная форма отъ основы *mok'- [*moq-], къ чему ср. ново-перс. موژ (mōž) и موژه (mōža) 'maeror, molestia' (по Vull.).

Совр. діал. մարմանդ mar-mand (нескл. прил. и нар.) 'медленный (теченіе рѣчной воды); медленный, равномѣрный (горѣніе огня)' при скр.: manda- 'медленный, слабый', mandam (Вин. п.) 'медленно, тихо' и усил. mandam mandam или mandamandam 'совсѣмъ медленно, тихо'. Это сопоставленіе, независимо отъ линіи исхода арм. формы, обусловливается нами разсмотрѣніемъ морфологической структуры слова marmand какъ усиленно-удвоенной формаціи отъ простого *mand съ измѣненіемъ первой части удвоенія въ mar- (т. е. *mandmand > *madmand > marmand). Аналогичныя формы удвоенія и измѣненія d въ r съ потерей носового элемента мы видимъ также въ совр. діалектическихъ [2]: հարհանդ harhand (нескл. прил. и нар.) 'медленный, спокойный (про движенія людей, разговоръ)' изъ *hadhand (< *pand-pand-?) и զարզանդ zarzand (нескл. прил. и нар.) 'страшный (глубина ущелья, видъ лица, моря)' изъ *zadzand, а также въ др.-арм. կաշկանդեմ kaškand-em [kaшkand-em] 'туго связываю, завязываю' изъ стараго *kar-kand-em (къ rk > šk [шk] ср. կարկառ karkaṙ 'груда камней' и կաշկառ kaškaṙ [kaшkaṛ] id. [3]. լերկ lerk 'гладкій' и լեշկ lešk [leшk] id. [4]. Одинаковое съ этимъ marmand и др. положеніе должно занять, по нашему, и др.-арм. մարմին marmin 'тѣло, плоть' при единственномъ скр. marman- 'обнаженная и уязвимая часть тѣла' (AG, 473).

* * *

[1] Къ этому яфетическому √ *pak- 'скотъ' ср. и.-е. *pek-u- 'мелкій скотъ'.

[2] Значеніе и употребленіе этихъ marmand, harhand и zarzand даются нами по аштаракскому говору арар. нарѣчія (изъ личнаго нашего знанія), хотя эти слова довольно богато представлены и другими діалектами,—см. Амат., стр. 389 и 186.

[3] Грузинское კარკარი karkari 'высокій утесъ, скатъ, крутизна', несмотря на семасіологическую разницу, представляетъ вѣроятное заимствованіе изъ армянскаго, имѣя въ виду особенно отсутствіе диссимиляціи двухъ r, столь излюбленной въ грузинской фонетикѣ (т. е. ожидали бы *karkali).

[4] Вспомогательный характеръ r въ marmand, harhand, zarzand и *karkand- проявляется также въ такихъ Intensiv-Iterativa, какъ բորբոքիմ borbok'-im [borboq-ım] 'воспламеняюсь' изъ основы *bok'- [boq], сохранившейся въ перебойномъ видѣ въ словѣ բոց boc̣ [boϑ] 'пламя'; մորմոքիմ mor-mok'-im [mor-moq-ım] 'сѣтую, скорблю' изъ основы *mok'- [moq] (см. выше), բարբանջեմ bar-banǰ-em [bar-band̦-em] 'болтаю, говорю чушь, вздоръ' изъ простой основы *banǰ- [band̦], сохранившейся съ потерей носового n въ բաջաղիմ baǰ-al-im [bad̦-a-ḷım] 'пустомелю, говорю вздоръ, чепуху'.

Указанной иранской же сферы зарожденія[1] и др.-арм. слово amehi 'буйный, неистовый', точное генетическое состояніе котораго должно находиться въ неразрывной связи съ выясненностью истиннаго существа если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большинства вышеприведенныхъ примѣровъ. Что касается этимологіи amehi, то основой сравнительнаго его изученія мы беремъ устанавливаемое нами его родство, какъ однородной грамматической величины, съ др.-перс. hamiϑʳiya- прил. 'мятежный, вѣроломный, отпадающій (про города, страны, народы, личности)' («aufrührerisch, abtrünnig», AirWb, 1777—1778). Семасіологическое ихъ соотношеніе почти такое же, какъ и въ заимствованныхъ изъ пеhлевійскаго ստամբակ stambak 'необузданный, озорный' (=ново-перс. sitamba, см. AG, 240) и ապստամբ ap-stamb 'мятежникъ, повстанецъ', предполагающихъ нѣкоторый старо-иранс. √ *stamb-! 'упорствовать'.

Сравнительный же фонетико-морфологическій анализъ др.- арм. amehi, насколько это дается по извѣстнымъ даннымъ обще-армянской языковой системы, обнаруживаетъ для этого частнаго случая своеобразное скрещеніе разнородныхъ переживаній однихъ и тѣхъ же грамматическихъ элементовъ, а въ прямой зависимости отъ характера этихъ переживаній долженъ отчасти находиться вопросъ и о самомъ происхожденіи amehi, въ болѣе тѣсномъ пониманіи — о природности или заимствованности этого слова. Въ частности, если не принять въ учетъ значеніе такихъ факторовъ, какъ тождественность данныхъ образованій, и то въ смежныхъ языкахъ, а также вышеуказанную роль иранскихъ племенъ въ формаціи арм. языка вообще,— что будетъ, конечно, весьма произвольнымъ, — то въ такомъ случаѣ имѣются данныя, которыя могутъ говорить въ пользу и независимаго развитія amehi на армянской языковой почвѣ.

Въ этомъ отношеніи предполагаемый на основаніи др.-арм. amehi и др.-перс. hamiϑʳiya-[2] ихъ общій прототипъ *sommitriyo- вотъ насколько можетъ оказаться свойственнымъ др.-армянскому языку:

Конечный суф. *-iyo-, какъ формативъ для образованія и.-е. притяжательныхъ прилагательныхъ и отвлеченныхъ существительныхъ (см.

---

[1] Мы еще будемъ имѣть случай отдѣльно показать, какъ на производныхъ формахъ нѣсколькихъ корней и.-е. древности своеобразно сказались скрещенія вліяній двухъ различныхъ этническихъ міровъ.

[2] Bartholomae, разсматривая др.-перс. hamiϑʳiya-, какъ производное притяжательное отъ hamiϑʳa-, состоящаго изъ префикса ha- (<ham, AirWb, 1772) и miϑra-, считаетъ послѣднее «вѣроятно родственнымъ» съ готс. maidjan, лат. mūtāre (ib., 1778). Попытки же Justi найти соименныя къ hamiϑʳiya- величины въ самихъ иранскихъ языкахъ съ предполагаемымъ къ miϑra- и пр. исходнымъ корнемъ *mith- 'сочетать' — справедливо оспариваются Bartholomae (см. «Zum AirWb» стр. 202).

Мейе, Введеніе, стр. 219)[1], продолжалъ образовывать въ др.-армянскомъ такія притяжательныя прилагательныя, какъ աղի aŀi [aḷı] 'соленый' отъ աղ aŀ [aḷ] 'соль', երկաթի erkat'i [erkaϑı] 'желѣзный' отъ երկաթ erkat' [erkaϑ] 'желѣзо' — ազգի azgi — 'по націи, по роду', отъ ազգ azg 'нація, родъ' и пр., удерживая въ качествѣ пережитка различіе мужской (на -wo-) и женской (на -ea-) основъ, соотвѣтствующихъ и.-е. *-iyo- и *-iyā- (см. Meillet, Esquisse, стр. 50)[2].

Затѣмъ, что касается распространенія въ др.-армянскомъ и.-е. предглагольнаго *som- 'со-, вмѣстѣ', засвидѣтельствованнаго славянскимъ **сѫ-** и индо-иранскимъ sam- (типа слав. **сѫ-сѣдъ** и скр. sam-sad- 'собраніе' — Мейе, Введ., 130), то оно, видимо, представлено др.-арм. համ- ham- или ամ- am- въ глаголахъ: ամփոփեմ am-p'op'-em [am-фoф-em] 'собираю во что-либо'[3], համբառնամ ham-bar̄-n-am и ամբառնամ am-bar̄-n-am 'поднимаю, возношу' при բառնամ bar̄-n-am 'поднимаю', համբերեմ ham-ber-em 'терплю' при բերեմ berem 'приношу' и հանդիպիմ ham-dip-im (изъ ham-dip-im?) 'встрѣчаюсь' при դիպիմ dip-im 'сталкиваюсь, случаюсь', — если, конечно, это арм. ham- (am-) не есть такое же заимствованіе изъ иранскаго, какъ и словообразующее համ- ham- 'одно-; все-' (типа համահայր ham-a-hayr ὁμόπατριος, др.-перс. hamapitar- и համաշխարհական ham-ašxarhakan [ham-ašqarhakan] 'всемірный, всеобщій' см. AG, 174—176)[4]. Исчезнованіе же одного m въ amehi вм. ожидаемаго *ammehi можно объяснить особенностью др.-арм. фонетики, не терпящей стеченія двухъ

---

[1] Типа скр. gáv-ya-ḥ 'коровій', др.-арм. կովի kogi 'масло' или скр. áçv-iya-ḥ 'лошадиный', гр. ἵππιος и скр. svapn-(i)ya-m 'сновидѣніе', лат. somnium и пр. (ib.).

[2] Такія существительныя, какъ քրմուհի k'rm-uhi [qtm-uhı] 'жрица', թագուհի t'aguhi [ϑag-uhı] 'царица' и пр., весьма правильно сохраняютъ только одну женскую основу на -ea- въ противоположность другимъ существительнымъ на -i со смѣшаннымъ -wo- || -ea- склоненіемъ (см. о склоненіи — Н. Марръ, Грам. др.-арм. яз., стр. 65 и 71).

[3] Ср. սփոփեմ sp'op'em 'утѣшаю; собираю во что-либо?' изъ *z-p'op'-em, какъ и սքաւղեմ sk'awŀ-em 'закрываю вуалью' изъ *z-k'awŀ em (при քաւղ k'awŀ 'вуаль') или սթափիմ st'ap'-im 'очнуться, придти въ себя' изъ *z-t'ap'-im при թափեմ t'ap'-em 'лью, сыплю внизъ' (съ усил.-удв. թաւթափեմ t'aw-tap'-em 'от-стряхиваю'). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, т. е. въ s'pop'em. sk'awŀem и st'ap'im, мы имѣемъ ассимиляцію первоначальнаго звонкаго z слѣдующему глухому (p', k'. t').

[4] Отнесеніе у Мейе (Введ., 130) арм. ham-, видимо, предглагольнаго префикса, къ и.-е. *s°m- мы считаемъ неправильнымъ. Производнымъ отъ этого и.-е. *sᶜm-, частнаго вида и.-е. √ *sem- 'одинъ, самъ' (ib.), является только др.-арм. ամէն amēn 'всякій', omnis (см. AG, 416) и, быть можетъ, համայն ham-ayn 'весь, totus' съ суф. -ayn какъ въ երկայն erk-ayn 'длинный' (ср. երկար erk-ar id.) и ունայն un-ayn 'тщетный, суетный'. Точно такъ же случайнымъ недосмотромъ мы объясняемъ и отнесеніе у Мейе (ib.) др.-арм. ոմն omn 'кто-либо' къ и.-е. *som- 'тотъ же' (гдѣ -om- не дифтонгъ), въ греч. ὁμός 'тотъ же самый', готск. sama 'тотъ же, ирлан.' som 'онъ же', скр. samáḥ 'тотъ же' (ib.). Между тѣмъ какъ др.-арм. omn 'кто-либо', какъ и իմն imn 'что-либо' предполагаютъ отдѣльную энклитику -mn (одинъ) изъ полной формы -man = до-арм. *sm-ān 'одинъ', какъ производное отъ и.-е. разновидности *sm-, предлежащей и въ մի mi 'одинъ', греч. μία 'одна'.

одинаковыхъ согласныхъ, къ чему ср. также ամեթ amet' [ameϑ] (вм. *ամէթ *amēt' [amēϑ]) 'основательный, устойчивый' изъ am- вм. an- 'не-'+met' (вм. mēt') [meϑ (вм. mēϑ)] 'мѣняющійся, шатающійся'=ав. (гатс.) maēϑa- 'качающійся; перемѣнчивый, измѣнчивый', maēϑā- жен. р. 'колебаніе, сомнѣніе; смѣна', скр. methete 'они качаются туда и сюда', готс. in-maidjan 'inmutare' и пр. (AirWb, 1106, 1107) и ամուլ amul[1] 'безплодная (женщина) изъ am- вм. an- 'не-'+mul-=скр. mūla- ср. р. 'корень, начало'[2].

Наконецъ, до-арм. междугласная группа -rtr- или -tr-, resp. -rϑr- или -ϑr- претерпѣвала, видимо, двоякое развитіе, ибо съ одной стороны мы имѣемъ перерожденіе этой группы въ -rh- > -h-, что исключительно предлежитъ въ заимствованіяхъ изъ иранскаго[3], за рѣдкимъ, быть можетъ, исключеніемъ двухъ армянскихъ словъ, какъ մարհ marh или позднѣе մահ mah (Род. п. -hu, -huan) 'смерть' при готс. maurþr «Mord»» (хотя имѣются въ виду и скр. mr̥tyú- и ав. mərəϑyu- 'смерть', см. AG, 472) и «иранствующее» բահ bah 'заступъ' (откуда, т. е. изъ стараго *բարհ *barh, и заимствованное груз. ბარი bari id.) при ново-перс. bēl=курд. bēr 'лопата, лопатка, весло', — всѣ отъ и.-е. *bhr̥tr(om) (см. AG, 427)[4], съ подтвержденіемъ

---

[1] Это слово amul имѣетъ непонятную намъ основу на о, т. е. amlo- (собств. amǝlo- изъ *amulo-), тогда какъ нужно было бы ожидать основу на а.

[2] Ср., быть можетъ, и ամուրի amuri (-wo-||-ea-) 'безбрачный', -ная изъ -am- вм. an- 'не-'+mur-(iyo-)?; или ամայի amayi 'необработанный, неудобряемый, заброшенный, втунѣ лежащій (про землю)' изъ am-<an- 'не-'+mayi изъ *māt(h)iyo- 'обрабатываемый' (!), какъ производное отъ и.-е. (*māy- ||) *mēy- || *məy- 'мѣрить'. Такое же удвоенное m должно предполагать и въ др.-арм. заимствованіи համեստ hamest (осн. на i) 'скромный' изъ до-иран. *hammaistay- при ав. hamaēstar- муж. р., hamōistrī- жен. р. «der, die nieder-, zu Boden wirft, unter drückt» (AirWb, 1774), что считается производнымъ отъ ав. √ maēd- съ предл. ham- 'бросать внизъ къ землѣ, придавить' (ib., 1105) и ав. ha- изъ ham- (ib., стр. 1774 и GIrPh, I, § 304, II, 40), какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ. Не маловѣроятно, чтобы հաւաքեմ hawak'em [havaqem] 'собираю', представляло заимствованіе изъ иранскаго черезъ праформу *hav-vak'- изъ *ham-vyax- при ав. vyāxa- муж. р. 'собраніе', vyāxman- ср. р. id., хотя къ «переходу» -ya- въ арм. -a- ср. վագր vagr 'тигръ', какъ заимствованіе изъ иран. *vyagra- (*vyaγra-) = скр. vyāghrá- муж. р. 'тигръ', при невозможномъ арм. k' [q]=ав. (иранс.) x (см. AirWb, стр. 186 о др.-перс. araxa- собственномъ имени одного армянина, возставшаго противъ Дарія I, въ соотношеніи къ др.-арм. արքայ ark'ay [arqay] 'царь').

[3] Заимствованія типа աշխարհ ašxarh [ašqarh] (осн. на а) 'міръ, вселенная; страна'= старо-иранс. xšaϑra- ср. р. 'imperium, regnum' (AirWb, 542, AG, 101) или վահան vahan (осн. на а) 'щитъ' изъ ст.-иран. *varϑrānām (=Род. п. мн. ч. отъ *varϑra-, производнаго отъ √ var- 'окутывая прикрывать', AirWb, 1360) при ав. vərəϑra- ср. р. 'щитъ', вост.-осет. vart' id. и пр.; мы считаемъ такими же иранс. словами и ճանապարհ čanaparh [ṭanaparh] 'дорога', խոնարհ xonarh [qonarh] (<*xᵛan-aϑrā-?) 'внизъ', суф. -ուրհի -urhi>-ուհի -uhi для именъ женс. пола, какъ t'agurhi [ϑagurhi] 'царица', k'rmuhi [qrmuhi] 'жрица' и пр. при иранс. -ϑrī- въ сложеніяхъ типа ав. barəϑrī- 'беременная; мать'=скр. bhartrī- id. (AirWb, 946), гдѣ суф. -trī- представляетъ сложеніе изъ нулевой степени и.-е. суф. *-ter- для именъ дѣйствующихъ лицъ (Nomina agentis) и изъ женс. суф. -ī-.

[4] Ту же фонетическую эволюцію можно видѣть и въ словѣ գեհ geh 'яма, рытвина, пропасть; могила; груда камней; стадо овецъ' (Ручн. сл.) изъ праформы *vitr(o)- или *virtr(o)-

исконности этого фонетическаго явленія отчасти и числительнымъ երեք erek' [ereq] (Род. п. eriç [eri-ϑ])[1]=скр. trayaḥ 'три', гр. τρεῖς, лат. trēs и пр. Съ другой стороны ясно очерчивается другой фонетическій принципъ и притомъ только въ чисто армянскихъ словахъ, а именно — измѣненіе до-арм. *-ātr-, resp. *-ātl-, въ арм. -awr, resp. -awł, притомъ несомнѣнно, когда за ними слѣдовалъ гласный элементъ. Таковы: արաւր arawr (o) плугъ=гр. ἄροτρον, лат. arātrum 'орало' (AG, 423); աղաւրի aławri (-wo-||-ea-) 'мельница' при աղամ ał-am 'мелю' (гр. ἀλέω AG, 414); հաւր hawr 'отца'= и.-е. *pətrós (AG, 463); մաւր mawr 'матери'=и.-е. *mātrós (AG, 462); եղբաւր ełbawr [eḷbawr] 'брата'=(<*bławr||*brawr)=и.-е. *bhrātrós (AG, 411); суф. прич. наст. вр. -աւղ- -awł [awḷ] (позднѣе -ող -ol [oḷ])=до-арм. *-ātl-, гдѣ *-tl- представляетъ и.-е. суф. -tel- для именъ дѣйствующихъ лицъ, какъ и слав. -тель (Meillet, Esquisse, стр. 13). Наконецъ, къ отраженію арм. -awr стараго *-ātr- мы бы присоединили и суф. -աւր -awr въ сложномъ -անաւր anawr, какъ формативѣ слѣдующихъ adverbia loci: աստանաւր astanawr 'здѣсь; въ это время' при աստ ast id., անտանաւր antanawr (resp. andanawr) 'тамъ; тогда' при անդ and 'тамъ' (изъ *ant, ср. անտի anti 'тамъ же, illinc'), ուրանաւր uranawr 'гдѣ' при ուր ur id. Возможно, что этотъ сложный суф. -anawr былъ первоначально самостоятельнымъ адвербіальнымъ выраженіемъ въ значеніи «тамъ», имѣя въ виду характеристику третьяго лица n (ср. այն ayn 'тотъ', նա na 'онъ', перс. آن ān 'тотъ', слав. онъ и пр.); во всякомъ случаѣ онъ восходитъ къ до-арм. *-(ān)ātrā-, соотвѣтствуя индо-иранскому -trā (GIrPh, I, § 252, стр. 142) въ такихъ адвербіальныхъ образованіяхъ, какъ ав. av'aϑra 'тамъ', ав. a'ϑrā 'здѣсь; тогда'=скр. átrā, ав. ku'ϑrā 'гдѣ, куда'=скр. kútra и пр.; ср. латинскія in-tra, ex-tra, ci-tra, ul-tra и др.

Такимъ образомъ, возможность независимаго развитія на армянской языковой почвѣ слова amehi изъ *sommitriyo- подтверждается только отчасти,—именно: и.-е. суф. *-iyo- имѣетъ въ др.-армянскомъ какъ дѣйствительное отложеніе въ родѣ прилагательныхъ типа բարի bari (-wo-||-ea-) 'добрый', такъ и живое самостоятельное примѣненіе для производствъ отъ существительныхъ притяжательныхъ прилагательныхъ (типа ałi, erkat'i

---

имѣя въ виду заимствованныя формы изъ нѣкотораго иранс. *viϑra- или *virϑra- въ арм. վիրհ virh, վիհ vih 'пропасть, бездна'. Перерожденіе же гласнаго i въ e въ словѣ geh такого же характера, какъ и въ словѣ amehi.

[1] Обѣ формы ere-k' [ere-q] (Имен. п.) и eri-ç [eri-ϑ] (Род. п. съ основой eri-) предполагаютъ болѣе старую форму *erey-, какъ основу; а въ имен. п. болѣе правильно было бы писать երէք erēk', [erēq] а не երեք erek' [ereq].

[aḷı, erkaǝı] и пр.)[1]; свойственность же арм. языку и.-е. предглагольной морфемы *som- 'со-, вмѣстѣ', а также фонетической эволюціи группы -rtr- или -tr- въ -rh- (> -h-) пріобрѣтаетъ довольно условный характеръ, какъ было показано выше. Поэтому, принимая во вниманіе съ одной стороны данныя мѣстной армянской языковой среды, а съ другой—вышеуказанную роль иранскихъ племенъ при тождественности формъ amehi и hamiϑ'iya- въ двухъ сосѣднихъ языкахъ, мы все же не можемъ не воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи др.-арм. amehi, хотя и должны оговориться, что вліяніе Ирана, въ данномъ случаѣ въ формѣ непосредственнаго заимствованія, намъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Гр. Гапанцянъ.

---

[1] Несомнѣнно, что суф. -i въ нарѣчіяхъ типа կարի kari 'очень, весьма, сильно' при կար kar 'мощь, «могота»', ձրի jri [ďrı] 'даромъ' при ձիր jir [ďir] 'подарокъ, даръ', բռնի brni 'насильно' при բուռն buṙn 'горсть' и др.—имѣетъ подъ почвой тотъ же и.-е. *-i̯o-.

Отличительный знакъ для евреевъ въ Персіи.

Значекъ, изображенный здѣсь, привезенъ изъ Персіи и любезно переданъ мнѣ С. М. Шапшаломъ. Это — металлическая пряжка, которую персидскіе евреи носили прикрѣпленной къ верхнему платью на груди въ качествѣ знака, отличающаго еврея отъ мусульманина.

Ношеніе такой металлической пряжки съ вырѣзной надписью арабской вязью, повидимому: *бени-Исраилъ*, было введено при шахѣ Музаффар-ад-динѣ.

Предписаніе о томъ, что евреи должны носить на платьѣ отличительный знакъ содержится въ такъ называемыхъ Омаровыхъ законахъ, связанныхъ съ именемъ халифа Омара, но въ дѣйствительности это требованіе было введено въ мусульманскихъ странахъ значительно позже и, вообще, не всегда соблюдалось.

Наиболѣе раннія свидѣтельства о ношеніи евреями въ Персіи отличительнаго знака на одеждѣ, относятся къ сефевидской эпохѣ, а именно къ царствованію Аббаса I, о которомъ еврейско-персидскій поэтъ и лѣтописецъ Бабай-бенъ-Лутфъ, прозванный Кашани (באבאי בן לוטף כאשאני) въ своей хроникѣ «Kitâb-Anûsî»[1] (כתאב אנוסי) свидѣтельствуетъ, что «у подножія трона этого шахиншаха жили мирно и дружно парсъ и безбожникъ, христіанинъ и еврей, франкъ и армянинъ, грузинъ и прочіе чужеземцы».

Во вторую половину царствованія Аббаса I (1587—1627) нѣкій еврей вѣроотступникъ Абу-л-Хасанъ Лари[2], желая отомстить своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, донесъ шаху, что евреи не соблюдаютъ давно уже забытыхъ 18 ограниченій, установленныхъ мусульманской традиціей.

---

[1] Отрывки изъ этого сочиненія съ французскимъ переводомъ изданы М. Зелигсономъ въ Revue des Études Juives за 1902 г. подъ заглавіемъ: «Quatre Poésies judéo-persanes sur les persécutions des juifs d'Ispahan», а полное содержаніе этого большого сочиненія далъ В. Бахеръ въ REJ за 1906—7 гг. въ статьѣ: «Les Juifs de Perse au XVIIe et au XVIIIe siècles d'après les chroniques poétiques de Babai b. Louft et de Babai b. Farhad».

[2] Ср. В. Бахеръ въ REJ, за 1903 г.: «Un épisode de l'Histoire de Juifs de Perse».

По его побужденію шахъ установилъ для евреевъ ношеніе на головѣ особыхъ колпаковъ, при чемъ Абу-л-Хасанъ былъ назначенъ «наблюдателемъ за колпаками». Для этой цѣли онъ разъѣзжалъ по всѣмъ городамъ Персіи, гдѣ имѣлись еврейскія общины, и слѣдилъ за соблюденіемъ евреями этого предписанія, всюду вымогая деньги.

Постоянныя вымогательства Абу-л-Хасана до того озлобили евреевъ, что онъ былъ убитъ, и это привело къ тому, что шахъ отмѣнилъ свое распоряженіе, которое, однако, впослѣдствіи было снова возстановлено.

Въ царствованіе Аббаса II (1642—1666) евреи, которымъ было дано въ видѣ исключенія право жить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, обязаны были носить на шеѣ колокольчикъ, красный колпакъ на головѣ и желѣзныя кольца[1].

Впослѣдствіи повсюду въ Персіи было установлено требованіе ношенія евреями на платьѣ кружка красной матеріи[2], которое, однако, временами совершенно не соблюдалось, въ особенности въ царствованіе Насръ-аддина (1848—1896); въ концѣ царствованія послѣдняго подъ вліяніемъ шіитскаго духовенства, — усилившагося послѣ мятежа, вызваннаго предоставленіемъ англійской компаніи концессіи на табачную монополію, — оно было снова введено.

При вступленіи на престолъ шаха Музаффар-ад-дина евреи, ходатайствуя передъ шахомъ, обратили его вниманіе на то, что красная заплата на одеждѣ ставитъ ихъ въ крайне унизительное положеніе, и выхлопотали у него замѣну ношенія куска красной матеріи серебрянной пряжкой.

Въ 1898 году, благодаря настоянію директора училища Alliance Israélite Universelle въ Тегеранѣ Іосифа Казеса, сначала ученики школы Alliance, а затѣмъ и всѣ тегеранскіе евреи перестали носить отличительный знакъ. Въ настоящее время персидскіе евреи и въ другихъ городахъ уже не носятъ этого знака[3].

И. Марконъ.

---

[1] Ср. современное свидѣтельство 1666 года Chardin'a: «Voyages en Perse», ed. L. Langlès, Tome VI, chapitre XIX, p. 136: «Ces Juifs de Perse sont les plus ignorants de tout le monde.... On leur fait porter partout quelque marque pour les distinguer, comme des bonnets de couleur particulière ou une pièce carrée à leur veste à l'endroit de l'estomac, d'autre couleur que la veste: outre cela, il ne leur est pas permis de porter des bas de drap à Ispahan».

[2] Въ Бухарѣ евреи не имѣютъ права носить чалму или поясъ; они обязаны опоясываться веревкой и носить мѣховую шапку установленнаго образца. Ср. С. М. Ривлинъ, «Buchara», въ Hameliz, годъ XXXI (1891), № 113, p. 4, coll. III: יהודי בוכארא כמאז כן עתה לבושים במלבושיהם העתיקים: כובע בעל ארבע קצוות בראשם, אדרת על כתפם וחבל במתניהם לאות קלון. את החבל ישאו עד היום כעני כרש ...... ומורגלא בפיהם: טובה לנו החבל במתנינו מהחבל על הצואר במדינות אחרות; Ср. также «Turkestan, die Wiege der indo-germanischen Völker, (1900)» Франца Ф. Шварца.

[3] Ср. М. А. Абезгузъ, Тегеранскіе евреи, Кн. Восхода, 1904 г.

Два чано-мингрельскихъ суффикса въ грузинскомъ и армянскомъ языкахъ.

I.

Суффиксъ происхожденія -არ -ar въ грузинскомъ языкѣ.

Для образованія прилагательныхъ, обозначающихъ происхожденіе по мѣсту, грузинскій языкъ располагаетъ двумя суффиксами: 1) -ელი -el-i, указывающимъ на происхожденіе лицъ, людей и 2) -ური -uri, выражающимъ происхожденіе безличныхъ[1] существъ (т. е. животныхъ) и неодушевленныхъ предметовъ[2]. Послѣдній суффиксъ имѣетъ еще разновидность -ული -ul-i, которая появляется лишь тогда, когда слово, отъ котораго производится прилагательное, содержитъ въ себѣ плавный звукъ რ r: грузинскій языкъ, не терпящій двухъ რ r въ одномъ словѣ, обращаетъ, при коренномъ რ r, суффиксальный რ r въ ლ l. Поэтому имѣемъ: კახელი kaq̇-el-i *кахетинецъ* и კახური kaq̇-ur-i *кахетинскій* (напр., კახური ღვინო *кахетинское вино*), ქალაქელი qalaq-el-i *горожанинъ* (вообще, а въ частности *тифлисецъ*) и ქალაქური qalaq-ur-i *городской* (напр., образъ жизни), სოფლელი sof̣l-el-i *сельчанинъ* и სოფლური sof̣l-ur-i *сельскій* (напр., обычай, одежда и т. п.), ფშაველი f̣шav-el-i *пшавецъ* и ფშაური f̣шa-ur-i (< f̣шav-ur-i) *пшавскій* (напр., ფშაური სიმღერა *пшавская пѣсня*) или же (при коренномъ რ): იმერელი გოგია imer-el-i gogia *Гогія* (Георгій) *изъ Имеретіи* и იმერული კილო imer-ul-i kilo *имеретинскій говоръ*, მეგრელი ქალი megr-el-i qali *мингрелка* и მეგრული ფაცხა megr-ul-i f̣aðq̇a *мингрельская хижина*.

---

[1] Имена первой категоріи, т. е. имена разумныхъ или одаренныхъ словомъ существъ будутъ здѣсь называться, для краткости, «личными», а второй, т. е. имена неразумныхъ, безсловесныхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ — «безличными».

[2] Есть, впрочемъ, нѣкоторыя діалектическія отклоненія и въ ту и въ другую сторону, т. е. случаи, когда -ელი el-i относится и къ «безличнымъ» именамъ, а -ური ur-i къ «личнымъ».

Такого строгаго различія въ образованіи прилагательныхъ мѣстопроисхожденія для «личныхъ» и «безличныхъ» именъ не находимъ ни въ мингрельскомъ, ни, въ особенности, въ чанскомъ. Въ послѣднемъ нарѣчіи образуемое суффиксомъ -ური -ur-i resp. -ორი -or-i прилагательное можетъ согласоваться какъ съ «личными», такъ и съ «безличными» именами[1]. Въ мингрельскомъ также обычнымъ суффиксомъ, образующимъ прилагательныя мѣстопроисхожденія обѣихъ категорій именъ, служитъ тотъ же -ური -ur-i, переходящій, при коренномъ რ r, въ -ული -ul-i, напр., ზუგდიდური zugdid-ur-i *зугдидецъ*, *зугдидскій*, სენაკური senak-ur-i *сенакецъ*, *сенакскій*, ხორგული q̇org-ul-i *хоргіецъ*, *хоргійскій* и т. п.[2]. Однако, наряду съ этимъ суффиксомъ, однозвучнымъ съ грузинскимъ -ური -ur-i resp. -ული -ul-i, въ мингрельскомъ находимъ еще суффиксъ -არი -ar-i, который является точнымъ эквивалентомъ грузинскаго -ელი -el-i[3]. Этотъ суффиксъ, такъ же какъ и его грузинское соотвѣтствіе, образуетъ прилагательныя, согласуемыя лишь съ «личными» именами. Имѣя разновидность -ალი -al-i, появляющуюся въ тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ, какъ и -ული -ul-i, названный суффиксъ (-არი -ar-i) употребляется въ единственномъ числѣ образуемыхъ имъ именъ крайне рѣдко, напр., გუფუარი guφu-ar-i *гупуецъ*, ჭყონდარი[4] ṭkond-ar-i *епископъ*, [букв. *чкондидскій* (епископъ)= груз. ჭყონდიდელი ṭkondid-el-i; срв. ниже მტბევარი] и მარგალი marg-al-i *мингрелецъ*. Обычно же онъ появляется при образованіи множ. числа отъ прилагательныхъ мѣстопроисхожденія. Такъ, напр., ბანძარეფი band̆-ar-eφ-i *бандзійцы* (отъ ед. *ბანძარი *band̆-ar-i *бандзіецъ*), დოშაჸარეფი doшaꜫ-ar-eφ-i *дошайцы* (отъ ед. *დოშაჸარი *doшaꜫ-ar-i *дошаецъ*), ზუგდიდარეფი zugid-ar-eφi *зугдидцы* (отъ ед. *ზუგდიდარი *zugid-ar-i *зугдидецъ*), სენაკარეფი senak-ar-eφ-i *сенакцы* (отъ ед. *სენაკარი *senak-ar-i *сенакецъ*), ონტოფარეფი ontoφ-ar-eφ-i *онтопцы* (отъ ед. *ონტოფარი), ლეჩხუმარეფი leǯq̇um-ar-eφ-i *лечхумцы* (отъ ед. *ლეჩხუმარი), მარტვილარეფი martvil-ar-eφ-i *мартвильцы* (отъ ед. *მარტვილარი), ჭალადიდარეფი ṭaladid-ar-eφ-i *чаладидцы* (отъ ед. *ჭალადიდარი); ბარდალეფი bard-al-eφi *жители Барды* (отъ ед. *ბარდალი *bard-al-i *бардецъ*), წაჩხურალეფი ṫaǯq̇ur-al-eφ-i *цачхурцы* (отъ ед. *წაჩხურალი *ṫaǯq̇ur-al-i *цачхурецъ*), ჯვარალეფი ḍvar-al-eφ-i *джварцы* (отъ ед. *ჯვარალი *ḍvar-al-i *джварецъ*), ინჩხირალეფი in-

---

[1] Н. Марръ. Грамматика чанскаго (лазскаго) языка [=Матеріалы по яфетическому языкознанію, II], § 116, j.

[2] I. Кипшидзе. Грамматика мингрельскаго (иверскаго) языка [=Мат. по яфет. языкознанію, VII], § 127, в, 1.

[3] «Суффиксъ при картскомъ -el въ т.-кайнскихъ долженъ гласить -ar», Н. Марръ, Яфетическія названія деревьевъ и растеній (ИАН, 1915 г., стр. 778).

[4] I. Кипшидзе, ц. с., стр. 395b (s. v. ჭყონი); А. Старчевскій, Кавказскій толмачъ (СПб. 1891), стр. 79а, гдѣ, впрочемъ, стоитъ «чкhонидари».

ə̣q̇ir-al-eφ-ı *Инчхирицы* (отъ ед. *ინჩხირალი), ხორგალეფი q̇org-al-eφı *хоргійцы* (отъ ед. *ხორგალი) и т. п. Но въ единственномъ числѣ суффиксъ -არი -ar-ı, resp. -ალი -al-ı уже вытѣсненъ суффиксомъ -ური -ur-ı resp. -ul-ı, а потому вмѣсто ожидаемыхъ формъ ბანძარი, დოშაცარი, ზუგიდარი, სენაკარი, ონტოფარი, ლეჩხუმარი, მარტვილარი, ჭალადიდარი, ბარდალი, წაჩხურალი, ჯვარალი, ინჩხირალი, ხორგალი и т. п. имѣемъ: ბანძური band̆-ur-ı, დოშაცური doшaç-ur-ı, ზუგიდური zugıd-ur-ı, სენაკური senak-ur-ı, ონტოფური ontoφ-ur-ı, ლეჩხუმური leə̣q̇um-ur-ı, მარტვილური martvıl-ur-ı, ჭალადიდური ṭaladıd-ur-ı, ბარდული bard-ul-ı, წაჩხურული ṭaə̣q̇ur-ul-ı ჯვარული ǰvar-ul-ı, ინჩხირული ınə̣q̇ır-ulı, ხორგული q̇org-ul-ı и т. п.[1]. Болѣе того, сдѣлана даже попытка удержать суффиксъ -ური -ur-ı resp. -ული -ul-ı и при образованіи множ. числа: отъ ед. კიწუური kıtu-ur-ı *кицієцъ* мн. ч. კიწუურეფი kıtu-ur-eφ-ı *кицiйцы*, отъ ед. სარხინული sarq̇ın-ul-ı *сархинецъ* мн. სარხინოლეფი sarq̇ın-ol-eφ-ı (< sarq̇ın-ul-eφ-ı) *сархинцы*[2].

Разсмотрѣнный чано-мингрельскій суффиксъ -არი -ar-ı, который успѣлъ исчезнуть въ чанскомъ и находится на пути къ исчезновенію въ мингрельскомъ, встрѣчаемъ въ словахъ, находящихся въ грузинскомъ на правахъ заимствованныхъ. Прежде всего, этотъ суффиксъ встрѣчаемъ въ такихъ хорошо извѣстныхъ этническихъ терминахъ, какъ

1. ოდიშარი odıш-ar-i *одишецъ* (мингрелецъ)[3] и
2. სომხითარი somq̇ıϑ-ar-ı *житель Сомхит'а* (армянинъ).

Затѣмъ, онъ встрѣчается въ такихъ словахъ, какъ

3. ოპიზარი opız-ar-ı[4] *опизецъ* (А. Цагарели, Свѣдѣнія.... II, 41,15 [= Памятники груз. старины въ св. Землѣ и на Синаѣ, 183,15]; Опизская сигель [საქართველოს სიძველენი II, 2-5], гдѣ это слово встрѣчается 7 разъ; ბექა და ბეშქენ ოპიზარნი: ივ. ჯავახიშვილი, ქართველ ერის ისტორია, წ. მეორე, 648).
4. ოლთისარი olϑ-ıs-ar-ı *ольтисецъ* («მამასახლისობასა გიორგი ოლთისარისასა» *въ то время, когда настоятелемъ былъ Георгій ольти-*

[1] См. I. Кипшидзе, ц. с., §§ 20, 127, s, ı, равно какъ стихотвореніе ოშ·ოთხოში მარგალქ შილართე (стр. 122) и слова: ბანძა, დოშაცუ, ზუგდი, სენაკი, ონტოფო, ლეჩხუმი, მარტვილი, ჭალადიდი, ბარდა, წაჩხური, ჯვარი, ინჩხირი, ხორგა.

[2] I. Кипшидзе, ц. с., § 20.

[3] Въ самомъ мингрельскомъ это безспорно мингрельское слово (Н. Марръ, Исторія термина «абхазъ», ИАН, 1912, стр. 701) сохраняетъ свой префиксъ -არ -ar,—если не считать производной отъ него фамиліи ოდიშარია *Одишарiа*,—только во множественномъ числѣ: ოდიშარეფი odıш-ar-eφ-ı *одишцы* (при единств. ოდიშური odıш-ur-i *одишецъ!*); I. Кипшидзе, ц. с., s. v. ოდიში.

[4] Встрѣчается и чисто грузинская форма ოპიზელი opız-el-ı: Г. Мерчулъ, Житіе Григорія Хандзтійскаго (изд. Н. Марра = ТР, VII), гл. 11,5.

сеиъ: ათონის ივერიის მონასტრის 1074 წლის ხელთნაწერი, ალაპებით, стр. 175,13-14).

5. ვიხიკარი vıq̇ık-ar-ı *вихикецъ* (Н. Марръ, Объ армянской иллюстрированной рукописи изъ халкедонитской среды, ИАН 1911, стр. 1298).

Сюда же относится и

6. მტბევარი m-tb-ev-ar-ı, титулъ тбетскихъ епископовъ (напр., სტეფანე მტბევარი ეპისკოპოსი: Г. Мерчулъ, Житіе Григорія Хандзтійскаго (изд. Н. Марра = ТР VII), гл. 49,15; იოვანე მტბევარი ეპისკოპოსი: პ. ინგოროყვა, ძველ-ქართული სასულიერო პოეზია [Тифлисъ, 1913], стр. ⴋⴒ, ⴌⴃ, ⴍⴈ, ⴎⴒ, ⴏⴇ, ⴐⴂ, ⴐⴈⴃ, ⴐⴈⴃⴇ, ⴐⴈⴒⴒ; срв. выше ჭყონდარი).

Особаго обсужденія требуетъ появленіе въ послѣднемъ словѣ префикса მ m и суффикса ევ ev. Относительно перваго изъ нихъ нужно сказать, что онъ или усвоенъ грузинскимъ прямо изъ чано-мингрельскаго, или же развитъ впослѣдствіи на грузинской почвѣ. Если первое предположеніе вѣрно и названный префиксъ чано-мингрельскаго происхожденія, то можно указать на одинъ примѣръ появленія этого префикса въ аналогичномъ случаѣ: это м. მარგალი m-arg-al-ı *мингрелецъ*. Но если префиксъ развитъ впослѣдствіи, по заимствованіи слова, самимъ грузинскимъ, то параллелей изъ послѣдняго языка можно указать гораздо больше: მროველი m-rov-el-ı *руисецъ*, მაწყუერელი m-aṫkuer-el-ı *ацкуерецъ* (ацкурецъ), მარგუეთელი m-argueϑ-el-ı (или მარგუელი) *аргуетецъ*, მეგრელი m-egr-el-ı *мингрелецъ*, მეგჳპტელი m-egüpt-el-ı *египтянинъ* и т. п. Что же касается суффикса мн. числа -ევ ev, двойника -ეთ eϑ (въ ტბეთი tb-eϑ-ı), то онъ показываетъ, что ტბეთი tb-eϑ-ı является формою, смѣнившею болѣе древнюю, заключавшую въ себѣ губной показатель множественности. Нельзя, однако, сказать определенно, называлась ли мѣстность раньше ტბევი tb-ev-ı, какъ указываетъ на то производное მტბევარი m-tb-ev-ar-ı, или немного иначе (примѣрно ტბეფი tb-eφ-ı или ტბები tb-eb-ı), ибо мы должны считаться съ возможностью фонетическаго вліянія кореннаго губного (ბ b) на суффиксальный (ფ φ или ბ b). Но если этого вліянія нѣтъ налицо, и губной ვ v въ суффиксѣ -ევ -ev является первоначальнымъ (что всего вѣроятнѣе), то его надо поставить рядомъ съ суффиксами -ευ (= -եւ ew) и -իւ ıw, находимыми въ названіяхъ чано-мингрельскихъ племенъ, сохранившихся въ греческой и древне-армянской географической литературѣ: Ἐγρευική (откуда арм. եգրեւիկի egṛ-ew-ık-ı) *Егерія—Мингрелія*, Ճանիւ ṭan-ıw *чаны* и ղազիւ ḷaz-ıw *лазы*[1].

[1] Н. Марръ, Къ вопросу о положеніи абхазскаго языка среди яфетическихъ (МЯЯ V), стр. 17.

Географическіе пункты ოპიზა o-pız-a, ოლთისი o-lϑ-ıs-ı *Ольтисъ* (Ольты) и *ტბევი *tb-ev-ı *Тбевъ* (позднѣе ტბეთი tb-eϑ-ı *Тбетъ*), отъ которыхъ произведены прилагательныя ოპიზარი opızar-ı *опизецъ*, ოლთისარი olϑıs-ar-ı *ольтисецъ* и მტბევარი m-tb-ev-ar-ı (*тбевецъ) *тбетецъ*, находятся въ области Тао и Кларджіи. Къ тому же району тяготѣетъ и *ვიხიკი viqık-ı *Вихикъ*, откуда произведено ვიხიკარი viqık-ar-ı *вихикецъ*. Все это мѣста, гдѣ, какъ уже выяснено академикомъ Н. Я. Марромъ[1], коренное населеніе составляло раньше чано-мингрельское племя, подвергшееся одно время арменизаціи, затѣмъ грузинизаціи и, наконецъ, отуреченію. Одно изъ этихъ географическихъ названій, именно ოპიზა o-pız-a даже является, по своей формѣ, чистымъ чано-мингрельскимъ словомъ[2]; да и въ ოლთისი o-lϑıs-ı легко видѣть чано-мингрельскую форму, приноровленную къ грузинскому произношенію (конечный ს s вмѣсто ожидаемаго შ ш).

Въ заключеніе замѣтимъ, кстати, что чано-мингрельскій суффиксъ -არ -ar встрѣчается не въ одномъ грузинскомъ языкѣ: онъ всплываетъ еще въ одномъ этническо-географическомъ терминѣ, сохранившемся въ греческой и армянской географической литературѣ: это греч. Γωγ-αρ-ηνή = арм. Գուգարք gug-ar-q Гугары, букв. *гугцы* или, судя по греческой огласовкѣ, *гогцы*[3]. Историческія данныя о географическомъ положеніи области Гугаріи или Гогарены въ сферѣ распространенія и вліянія чано-мингрельскаго языка говорятъ лишь въ пользу предлагаемаго нами толкованія этого термина[4].

II.

Глагольный суффиксъ -ում -um въ сѣверо-армянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

Классифицируя нарѣчія и говоры армянскаго языка, Хр. Аджарянъ счелъ самымъ удобнымъ положить въ основу группировокъ одно морфологическое явленіе: способъ образованія изъявительнаго наклоненія настоящаго времени[5]. И вполнѣ основательно: въ области морфологіи это едва ли

[1] Мерчулъ, Житіе Григорія Хандзтійскаго, (= ТР VII), стр. III.

[2] Этимологію см. Н. Марръ, ц. с. (ТР VII), стр. XXII.

[3] А. Паткановъ, Армянская географія VII вѣка, стр. 20 (русск. перев., стр. 52); Н. Адонцъ, Арменія въ эпоху Юстиніана (=ТР XI), стр. 26, 222; ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, წ. პირველი, (ტფილისი 1913), გვ. 59.

[4] Ср., впрочемъ, Н. Марръ, Грамматика чанскаго (лазскаго) языка (МЯЯ, II), стр. XXI, гдѣ этотъ суффиксъ объясняется, какъ сванскій показатель множественности. Кстати, и въ ჭაყვინჯარეფი ṭaqvind-ar-eφ-ı *чаквинджцы* слогъ -არ -ar представляетъ собою не сванскій суффиксъ множ. числа (см. рецензію Н. Марра на Грамматику мингрельскаго языка I. Кипшидзе: ЗВО XXIII, стр. 212), а мингрельскій суффиксъ происхожденія.

[5] H. Adjarian, Classification des dialectes arméniens (Bibliothèque de l'École des Hautes Études. Sc. hist. et philol. 173-ième fasc.), Paris 1909.

не самый важный и характерный пунктъ, въ которомъ больше всего расходятся армянскіе діалекты, образующіе двѣ главныхъ группы, сѣверную и южную[1]. Расхожденіе вызвано съ одной стороны тѣмъ, что однѣ и тѣ же формы, съ тою или иною діалектическою окраскою, использованы различно; такъ, напр., формы, служащія въ южныхъ говорахъ изъявительнымъ наклоненіемъ настоящаго, въ сѣверныхъ говорахъ исполняютъ функціи будущаго времени. Съ другой стороны, въ обѣихъ группахъ имѣются особыя образованія. Къ числу этихъ-то особыхъ образованій, не имѣющихъ параллелей въ говорахъ другой группы, относится глагольный суффиксъ -ում -um, наличный въ однихъ только сѣверо-армянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

Суффиксъ, о которомъ идетъ рѣчь, служитъ для образованія темы настоящаго времени (изъявительнаго наклоненія), равно какъ и прошедшаго несовершеннаго. Спряженіе же происходитъ съ помощью вспомогательнаго глагола. Такъ, напр.[2], ասում եմ as-um em *говорю* (ասում ես as-um es *говоришь*, ասում է as-um e *говоритъ* и т. д.); սիրում եմ sir-um em *люблю*, գնում եմ gn-um em *ухожу*, ուզում եմ uz-um em *хочу*, или (прош. нес.) ասում էի as-um ēi *я говорилъ*, սիրում էի sir-um ēi *я любилъ*, գնում էի gn-um ēi *я уходилъ*, ուզում էի uz-um ēi *я хотѣлъ* и т. п. Въ другихъ временахъ и наклоненіяхъ этого суффикса нѣтъ.

Объяснить происхожденіе нашего суффикса пытались нѣкоторые изслѣдователи армянскаго языка, но попытки ихъ не привели къ положительнымъ результатамъ, такъ какъ подходили къ нему съ индо-европейской точки зрѣнія[3]; между тѣмъ, въ этомъ суффиксѣ нѣтъ ничего индо-европейскаго, — ключъ къ пониманію его даютъ языки: грузинскій, чано-мингрельскій и сванскій.

Въ этихъ языкахъ времена первой группы (наст., прош. нес., жела-

---

[1] Обозначеніе группъ терминами «сѣверная» и «южная» (вм. менѣе точныхъ «восточная» и «западная» или «русско-армянская» и «турецко-армянская») предложено академикомъ Н. Я. Марромъ: Кавказскій культурный міръ и Арменія (отд. отт. изъ ЖМНПр за 1915 г.), стр. 37.

[2] Привожу литературныя формы русскихъ армянъ.

[3] Патканов (Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка. 1869 г., стр. 16), вслѣдъ за Petermann'омъ (Ueber den Dialect der Armenier von Tiflis, Berlin 1867, стр. 76), предполагалъ, что глагольный суффиксъ -ում -um есть не что иное, какъ окончаніе мѣстнаго падежа. Томсонъ (Историческая грамматика современнаго армянскаго языка города Тифлиса, С.-Пбургъ 1890) по этому поводу основательно замѣчаетъ (§ 409): «Конечно, всѣ наши предположенія о происхожденіи этой формы останутся болѣе или менѣе гадательными», но самъ дѣлаетъ, нѣсколькими строками ниже, болѣе рискованную догадку: «впрочемъ, я не нахожу препятствій для объясненія тиф. *ум* [-um] изъ индо-европейскаго суффикса -mo-, образующаго причастія наст. времени въ слав. и лит. языкахъ: нес-о-мъ, вез-о-мъ, vèž-a-mas..... То обстоятельство, что индо-европейскій суффиксъ *mo* имѣетъ обыкновенно значеніе страдательнаго залога, не можетъ, конечно, служить препятствіемъ при нашемъ объясненіи» (стр. 231).

тельное) образуются посредствомъ разныхъ суффиксовъ, однимъ изъ которыхъ (и наиболѣе распространеннымъ въ первичныхъ, коренныхъ глаголахъ) являются: грузинскій -ამ -am, чано-мингрельскій -ომ -om и сванскій -ემ em. Въ грузинскомъ префиксъ -ამ -am чередуется съ -ავ -av, который получилъ литературное преобладаніе, въ то время какъ -ამ -am снизошелъ на степень діалектической разновидности, какъ, напр., ვ-კლ-ავ v-kl-av *убиваю* (діал. ვკლამ v-kl-am), ვხედავ v-q̇ed-av *вижу* (діал. ვხედამ v-q̇ed-am), и т. п. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ литературномъ языкѣ имѣемъ и -ამ: ვსუამ v-su-am *пью*, ვდგამ v-dg-am *ставлю*, ვაბამ v-a-b-am *привязываю* и др. Точное чано-мингрельское соотвѣтствіе этого груз. суффикса, при сванскомъ -ემ (напр., ხვაბემ q̇-v-a-b-em *привязываю*), было бы -ომ om, чего, однако, не находимъ ни въ чанскомъ, ни въ мингрельскомъ. Не находимъ потому, что чано-мингрельское ო o, находясь въ непосредственной близости съ губнымъ звукомъ, въ особенности съ მ m, имѣетъ тенденцію, какъ это указывалось въ лингвистическихъ изслѣдованіяхъ Н. Я. Марра[1], переходить въ უ u [классическимъ примѣромъ можетъ служить ч.-м. მუმული mumul-i (<*მომოლი momol-i) *пѣтухъ* при груз. მამალი mamal-i]. Поэтому тема настоящаго времени, напримѣръ, отъ основы ჭარ *писать* въ чанскомъ будетъ ჭარ-უმ ṭar-um[2]: ბჭარუმ b-ṭar-um *я пишу*, ჭარუმ ṭar-um *ты пишешь*, ჭარუმს ṭar-um-s *онъ пишетъ* и т. д. Прош. несов.: ბჭარუმტი b-ṭar-um-ti *я писалъ*, ჭარუმტი ṭar-um-ti *ты писалъ*, ჭარუმტუ ṭar-um-tu *онъ писалъ* и т. д.[3]. Мингрельскій въ своемъ развитіи пошелъ дальше и обратилъ губное მ m въ носовое ნ n, такъ что получилась форма -უნ -un (ჭარუნ ṭar-un), которая имѣетъ еще діалектическую разновидность -ჷნ -ən (ჭარჷნ ṭar-ən)[4]: პჭარუნქ p-ṭar-un-q или ვჭარუნქ v-ṭar-un-q (такъ въ сенакскомъ говорѣ, а въ самурзакано-зугдидскомъ говорѣ — ბჭარჷნქ b-ṭar-ən-q) *я пишу*, ჭარუნქ ṭar-un-q (MZ ჭარჷნქ ṭar-ən-q) *ты пишешь*, ჭარუნს ṭar-un-s (MZ ჭარჷნც ṭar-ən-ʒ) *онъ пишетъ* и т. д. Прош. несоверш.: პჭარუნდი p-ṭar-un-di или ვჭარუნდი v-ṭar-un-di (MZ ბჭარჷნდი b-ṭar-ən-di) *я писалъ*, ჭარუნდი ṭar-un-di (MZ ჭარჷნდი ṭar-ən-di) *ты писалъ*, ჭარუნდუ ṭar-un-du (MZ ჭარჷნდჷ ṭar-ən-də) *онъ писалъ* и т. д. Во вторыхъ же временахъ, т. е. въ аористѣ и производныхъ отъ него, чано-мингрельскій, равно какъ грузинскій и сванскій, обходятся безъ вышеупомянутыхъ суффиксовъ.

---

[1] См., напр.: Изъ поѣздокъ въ Сванію (ХВ II, 18), а также: Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства (ИАН 1912, 423).

[2] Діалектическая разновидность съ суфф. -უვ -uʔ (ჭარუვ) представляетъ собою параллель къ груз. -ავ -av.

[3] Н. Марръ, Грамм. чанскаго (лазскаго) языка, §§ 69, 81, 84.

[4] І. Кипшидзе, Грамм. мингрельскаго (иверскаго) языка, §§ 65, A, a, 71, 73, b и таблица VIII (стр. 062—063).

Одной этой голой справки достаточно, я думаю, для того, чтобы функцію глагольнаго суффикса -ում -um въ сѣверо-армянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ признать идентичною съ функціею груз. -ამ -am, чано-мингр. (*-ომ *-om >) -უმ -um (>-უნ -un>-ჷნ ən) и сван. -ემ -em. Болѣе того, армянскій суффиксъ -ում -um не только примыкаетъ къ чано-м. -უმ -um, но составляетъ вмѣстѣ съ нимъ одну и ту же величину. Это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію послѣ ряда новѣйшихъ лингвистическихъ изслѣдованій академика Н. Я. Марра объ армянскомъ языкѣ[1]. Остается открытымъ лишь вопросъ: является ли сѣверо-армянскій глагольный суффиксъ -ում -um простымъ заимствованіемъ изъ чано-мингрельскаго языка или дѣло имѣемъ съ болѣе сложнымъ явленіемъ?

Нашъ суффиксъ связывали[2] съ «окончаніемъ мѣстнаго падежа», звучащимъ также -ում -um и наличнымъ въ той же сѣверной группѣ армянскихъ нарѣчій и говоровъ. Но совпаденіе здѣсь случайное, ибо окончаніе -ում -um, образующее какъ бы особый мѣстный падежъ, разлагается на -u+m, изъ которыхъ первое (u) представляетъ собою одно изъ окончаній Род.-Дат. пад., а второе (m) есть остатокъ послѣ лога մէջ mēḍ *среди*[3]. Такъ, напр., քաղաքում qaḷaq-um (*въ городѣ*) < *քաղաքու մէջ *qaḷaqu mēḍ (*среди города, въ городѣ*; срв. ново-груз. ქალაქში qalaq-ši *въ городѣ* < ქალაქსა შინა qalaq-sa šina). Такимъ образомъ, особаго мѣстнаго падежа не существуетъ, въ сущности говоря, не только въ древнелитературномъ языкѣ Арменіи, равно какъ и въ южной группѣ говоровъ, но также и въ сѣверо-армянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ.

А. Шанидзе.

---

[1] См. его статьи: 1) Къ вопросу о ближ. сродствѣ арм. яз. съ иверскимъ (ЗВО XIX, 1910, стр. 069—072); 2) Яфетич. ḱ въ арм. яз. (ЗВО XIX, 1910, стр. 0154—0159); 3) Яфетич. происхожд. арм. слова margarey *пророкъ* (ИАН 1909, стр. 1153—1158); 4) Два яфетич. суффикса -te (|| -ti > -t) въ грамм. древне-арм. яз. (ИАН 1910, стр. 1245—1250); 5) Яфетич. происхожденіе hайскаго բերան beran *ротъ* (ИАН 1910, стр. 1491—1494); 6) Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи (ИАН: I, 1911, стр. 137—145; II, стр. 469—464; III, 1912, стр. 595—600; IV, стр. 831—834; V, 1913, стр. 175—181; VI, стр. 417—426; VII, 1914, стр. 357—364; VIII, стр. 1235—1249; XI, 1916, стр. 233—238); 7) Яфетич. названія деревьевъ и растеній (ИАН 1915, стр. 769—780, 821—852, 937—950).

[2] См. выше примѣч. 3 на стр. 370.

[3] Иное объясненіе этого окончанія (Томсонъ, ц. с. § 331) едва ли болѣе удовлетворительно, чѣмъ объясненіе созвучнаго съ нимъ глагольнаго суффикса.

ОТЗЫВЫ О ПРЕМИРОВАННЫХЪ СОЧИНЕНІЯХЪ.

Отзывъ В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о трудахъ Н. Я. Марра по изслѣдованію древностей Ани[1]:

1) XI-я Анійская археологическая кампанія. Н. Марръ. Приложеніе къ труду: Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища. Съ 2 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ. [Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи, кн. XIII]. С.-Петербургъ. 1913.

2) Памятники Армянскаго Искусства. — Ани. Дворцовая церковь. Подъ редакціей академика Н. Я. Марра по обмѣрамъ и чертежамъ архитектора-художника Н. Г. Буніатова. — Выпускъ первый. Изданіе Анійскаго Музея древностей. Петроградъ. 1915.

Около сорока лѣтъ тому назадъ, 31 іюля 1877 г., графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ († 29 декабря 1884 г.), памяти котораго посвящено настоящее собраніе нашего Общества, открывая IV Археологическій Съѣздъ въ Казани, характеризовалъ этотъ городъ, «какъ преддверіе Востока, коего судьбы издавна связаны съ нашею отечественною исторіей». «Прослѣдить эту связь, — говорилъ онъ, — можно не только во времена почти первобытныя, но и теперь еще эта связь не прервана. Одно только можно замѣтить, что взаимныя отношенія измѣнились: въ старину Востокъ вліялъ на древнюю Русь, а теперь Россія распространяетъ просвѣщенное вліяніе на дальнія страны Востока».

Рѣчь графа Уварова[2] кончалась тогда слѣдующими словами, которыя волею судебъ оказываются mutatis mutandis умѣстными и теперь: «Сегодня

---

[1] [На основаніи этого отзыва въ чрезвычайномъ Общемъ Собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 29 декабря 1915 г. Н. Я. Марру была присуждена большая золотая медаль имени гр. А. С. Уварова. *Ред.*].

[2] Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Томъ I. Казань. 1884, стр. XXV сл. = Гр. А. С. Уваровъ. Сборникъ. Москва. 1910. Томъ III. Матеріалы для біографіи и статьи по теоріи археологіи, стр. 155.

вечеромъ начнется разрѣшеніе разныхъ ученыхъ вопросовъ о Востокѣ и въ тѣ же дни, когда мы будемъ здѣсь обсуждать эти вопросы, иной вопросъ о Востокѣ будетъ разрѣшаться на Балканахъ, на низовьяхъ Дуная, въ верховьяхъ Евфрата. Мы здѣсь разрѣшеніемъ научныхъ вопросовъ внесемъ новый свѣтъ въ исторію Востока, — тамъ наши братья будутъ разрѣшать инымъ орудіемъ вѣковой Восточный вопросъ, чтобы внести въ среду единоплеменныхъ намъ народовъ свободу и образованность».

Закрывая Казанскій Съѣздъ, гр. Уваровъ сообщилъ о принятомъ тогда рѣшеніи устроить слѣдующій Съѣздъ въ Тифлисѣ, и на организацію тамъ V Археологическаго Съѣзда ушли четыре послѣдующіе и предпослѣдніе года жизни графа А. С. Уварова.

Всѣмъ вамъ извѣстно, сколь существенное значеніе для археологическаго изученія Кавказа имѣлъ этотъ Съѣздъ, подготовительныя къ нему работы и непосредственные его результаты: рядъ экспедицій и раскопокъ осуществленъ былъ самимъ графомъ Уваровымъ и привлеченными имъ сотрудниками, блестяще прошедшій Съѣздъ расширилъ и углубилъ вниманіе къ древностямъ мѣстнаго общества, наша археологическая литература обогатилась «Сборникомъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа», составленнымъ нашимъ покойнымъ сочленомъ И. В. Помяловскимъ, и двумя объемистыми томами трудовъ Подготовительнаго Комитета и самаго Съѣзда, во слѣдъ за которыми начали появляться томы, — теперь ихъ уже двѣнадцать, — «Матеріаловъ по археологіи Кавказа», содержащіе драгоцѣнныя данныя для познанія памятниковъ древности на Кавказѣ и въ сопредѣльныхъ странахъ.

Слова графа А. С. Уварова о просвѣтительномъ движеніи Россіи на Востокъ подтвердились, въ области отвлеченнаго научнаго изученія древностей Кавказа, дѣлами его самого, его сподвижниковъ и его преемниковъ какъ по Московскому Археологическому Обществу, такъ и по Кавказскому Отдѣленію послѣдняго.

Сбылись, хотя и со значительными урѣзками, и политическія мечты, о которыхъ говорилъ графъ А. С. Уваровъ: въ частности, въ Закавказьи, «Арпачайская струя» перестала быть порубежною и величественныя развалины столицы Арменіи эпохи Багратидовъ, на которыя цѣлые полвѣка смотрѣли черезъ рѣку казаки Анійскаго пограничнаго поста, вошли въ предѣлы Россійской Имперіи, а съ развалинами этими пришли къ намъ и задача ихъ изученія и обязанность ихъ сохраненія.

Раньше, когда «Тысяча Одна Церковь», — какъ называли турки развалины Ани, — находились на окраинѣ имперіи Османской, истинными хозяевами этой мѣстности были курдскіе беки, сидѣвшіе въ замкѣ Магаз-

берда и мало считавшіеся съ ближайшими представителями государственной власти, съ пашами Карса, а потому мѣсто это представлялось однимъ изъ опаснѣйшихъ для европейскихъ путешественниковъ[1], да и они сами односторонне увлекались сначала памятниками классической древности, а потомъ памятниками древняго Востока. Въ 1701 г. Жозефъ де-Турнефоръ узналъ о существованіи развалинъ Ани лишь тогда, когда проѣхалъ уже мимо, но утѣшился предположеніемъ, что тамъ нѣтъ ничего интереснаго для путешественника, такъ какъ смотрѣть, по его мнѣнію, стоило развалины лишь греческихъ городовъ: «il n'y a que les débris des villes grecques qui méritent d'être veûs», — писалъ онъ[2].

Первое въ европейской литературѣ подробное описаніе развалинъ далъ англійскій художникъ Робертъ Керъ-Портеръ, спѣшно объѣхавшій ихъ осенью 1817 г. съ полученнымъ отъ Ермолова конвоемъ изъ десяти туземныхъ всадниковъ, которые своимъ отчаяннымъ видомъ произвели на него впечатлѣніе наибольшихъ головорѣзовъ, какихъ онъ видѣлъ на Кавказѣ; къ сожалѣнію зимняя стужа и ранніе сумерки не позволили ему зарисовать ни одного зданія; развалины же были тогда, повидимому, въ лучшей сохранности, чѣмъ позднѣе, когда явились первые русскіе ихъ описатели: Керъ-Портеръ ясно видѣлъ еще направленіе улицъ и устройство домовъ[3]. Другой англичанинъ, тщетно искавшій въ Адербейджанѣ и Арменіи греческихъ и латинскихъ надписей, видѣлъ въ 1825 году на одной изъ Анійскихъ церквей несуществующую теперь надпись греческими буквами, но не на греческомъ, по его мнѣнію, языкѣ[4].

---

[1] Journal of the R. Geograph. Society. Vol. III, p. 45; Ker-Porter. Travels, Vol. I, p. 175; Texier. Arménie, Perse etc. I, p. 118, 119; William J. Hamilton. Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. Vol. I, p. 103.

[2] Pitton de Tournefort. Relation d'un voyage au Levant. Amsterdam. 1718. Vol. II, p. 153. Тотъ именно мотивъ, который онъ приводилъ, какъ преимущество городовъ греческихъ: «parcequ'on y trouve toujours quelques restes d'inscriptions lesquelles bien souvent sont d'un grand secours pour débrouiller l'ancienne géographie» — приложимъ былъ бы къ развалинамъ Ани, пожалуй, болѣе, чѣмъ къ какимъ либо инымъ, если бы исторія и географія средневѣковаго Востока считались столь же достойными вниманія европейца.

[3] Sir Robert Ker-Porter. Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. etc. during the years 1817, 1818, 1819 and 1820. Vol. I. London, 1821, pp. 160—176.

[4] Имѣемъ въ виду свидѣтельство полковника (позднѣе генерала) индійской арміи W. Monteith'a [Journal of the R. Geographical Society of London. Vol. III, part. 1. London. 1833, p. 44: on one [church] I remarked a inscription in the Greek character, but imagine it must have been in some other language, as I have never been able to get it decyphered (The Armenians at one time used the Greek character)] о какой то непонятной надписи греческими буквами, въ которой онъ склоненъ былъ видѣть надпись на армянскомъ языкѣ до изобрѣтенія армянскаго алфавита. Недопустимость такого предположенія относительно надписи на одной изъ Анійскихъ, относительно позднихъ, церквей не подлежитъ сомнѣнію. Утвержденіе же, — быть можетъ, конечно, также ошибочное, — что надпись греческими буквами была не греческая, напоминаетъ загадочную надпись, нынѣ исчезнувшую, срисованную въ

Первымъ европейцемъ, который скопировалъ въ 1838 г. нѣсколько армянскихъ надписей со стѣнъ Анійскихъ развалинъ, былъ французъ Борé, но копіи его пропали[1].

Французской же экспедиціи въ Персію архитектора Шарля Тексье, пробывшаго со своими двумя помощниками, живописцемъ и топографомъ, осенью 1839 г. на развалинахъ Ани цѣлыхъ три дня, — пока всадники Магазбердскаго бека, въѣхавъ на лошадяхъ въ церковь, гдѣ работалъ Тексье, не предложили ему немедленно покинуть развалины—Европа обязана первыми[2], прекрасными для своего времени, но неудовлетворяющими современнымъ требованіямъ, рисунками Анійскихъ памятниковъ[3]; не удивительно, конечно, если въ одиннадцати таблицахъ Тексье, посвященныхъ развалинамъ Ани и вырисованныхъ по спѣшнымъ наброскамъ и промѣрамъ, оказывается теперь при провѣркѣ ихъ по оригиналамъ столько ошибокъ и неточностей, но подлинные рисунки, завѣщанные Тексье Британскому Обществу Архитекторовъ въ Лондонѣ, должны быть использованы при

1850 г. Кестнеромъ съ церкви св. Григорія (1215 г.), т. е. съ т. н. «Греческой церкви», упоминаемую Броссе (Les ruines d'Ani, p. 14) и изданную И. В. Помяловскимъ (Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. 1881, стр. 75, № 144); въ греческой ея части передъ 8-мъ стихомъ XXV псалма, стоятъ, отдѣленныя отъ него крестомъ, около двадцати буквъ, оставшихся непонятными издателямъ; Н. П. Сычевъ въ докладѣ о росписи этой церкви, читанномъ въ засѣданіи нашего Общества 17 декабря 1911 года (см. Записки Классич. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VII, стр. 198, и Приб. къ 44 вып. Изв. Имп. Арх. Комм., стр. 2—3) указывалъ на возможность усмотрѣть тамъ славянскія слова: . . . «Ѳлорови си церкве пишуще». Столь неожиданная и маловѣроятная сама по себѣ, но крайне интересная для насъ, возможность дѣлаетъ желательными поиски копіи съ той надписи, о которой упоминалъ Monteith и которую можно, повидимому, отождествить съ выше указанной славяно(??)-греко-грузинской якобы «на западныхъ дверяхъ храма», гдѣ теперь не усматривается свободнаго мѣста, гдѣ она могла бы находиться; мѣстомъ ея могла бы быть одна изъ рухнувшихъ аркадъ притвора; но о. Нерсесъ Саргисянъ (стр. 128, по сообщенію намъ І. А. Орбели) отмѣчаетъ эту же греко-грузинскую надпись краскою, какъ идущую «дуговидно надъ дверью», т. е. вѣроятно, дверью въ самую церковь.

Годъ посѣщенія Monteith'омъ Ани опредѣляемъ по стр. 33 его статьи, а о поискахъ имъ греческихъ и латинскихъ надписей заключаемъ по стр. 4—6, 10, 14, 23, 32, 33, 37, 42, 47, 49.

[1] Brosset. Ruines d'Ani, p. 5, со ссылкой на Correspondance et mémoires d'Eugène Boré, t. II, p. 2.

[2] Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранится акварель Михаила Матвѣевича Иванова, исполненная около 1791 г. и носящая надпись: «Видъ церквей въ Великой Арменіи при рѣкѣ Арпачаѣ съ гробницами знатнѣйшихъ особъ, въ дали же развалины древняго города святыя Анны» (Отдѣленіе гравюръ и рисунковъ. Шк. 74. полка 3. № 5, рис. 15, старый инвентарный № 9945); на заднемъ планѣ рисунка изображены, однако, не развалины Ани, а монастырь Хошаванкъ, около котораго и находятся двѣ изображенныя на первомъ планѣ церкви, считаемыя усыпальницами Багратидовъ (Brosset. Les ruines d'Ani, p. 61 ss.). Въ спискѣ библіотеки Анійскаго Музея (Анійская серія, № 2, 1908, стр. 54, № 28) фотографія съ этой акварели, входящей въ составъ одного изъ альбомовъ рисунковъ М. М. Иванова, неточно названа фотографіей «картины Иванова».

[3] Charles Texier. Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie. I. Paris 1842, pp. 89—117, 147—150; planches XIV—XXIV.

изученіи Анійскихъ памятниковъ, какъ незамѣнимыя свидѣтельства о разрушившихся съ тѣхъ поръ частяхъ зданій.

Тексье, какъ и его предшественники, причину запустѣнія обширнаго города представлялъ себѣ во взятіи и разгромѣ его мусульманами; именемъ завоевателя внѣ всякихъ сомнѣній являлось для Тексье громкое имя Тимура; слѣды воображаемой осады и приступа усматривалъ онъ на самыхъ стѣнахъ города, а сопровождавшій его турецкій приставъ, «корсаръ въ отставкѣ» Магомедъ, — который изъ всего множества посѣщенныхъ развалинъ древнихъ городовъ заинтересовался лишь Анійскими, — развивалъ en homme du métier подробности воображаемой осады; одно смущало его: это добрососѣдское, такъ сказать, сосуществованіе въ Ани двухъ мечетей на ряду съ церквами, не обращенными въ мечети, какъ бывало обыкновенно; самого же Тексье этотъ фактъ приводилъ къ заключенію, что «исламъ вошелъ въ Ани по договору[1]».

Разъяснить возникавшіе такимъ образомъ изъ осмотра развалинъ неразрѣшимые для проѣзжихъ путешественниковъ историческіе вопросы могли помимо кабинетныхъ книжныхъ изслѣдованій лишь долговременныя и систематическія работы на мѣстѣ надъ самими памятниками и надъ множествомъ надписей, покрывавшихъ стѣны зданій.

Начало собиранію историческихъ и эпиграфическихъ данныхъ объ Ани положили тѣ европейскіе «армяне разсѣянія», въ глазахъ которыхъ Ани представлялось центромъ, откуда предки ихъ разошлись по ихъ западнымъ колоніямъ: въ началѣ XIX в. о. Минасъ Бжишкянъ составилъ пространную исторію Ани, включенную имъ въ его «Путешествіе въ Лехистанъ (т. е. Польшу) и другія страны, обитаемыя Армянами, выселившимися нѣкогда изъ Ани»[2], а въ 1847 г. о. Нерсесъ Саргисянъ («Топографія Великой и Малой Арменіи», на арм. яз., Венеція, 1864) списалъ 42 армянскихъ надписи на городищѣ Ани и около сотни въ сосѣднемъ монастырѣ Хошаванкѣ.

Первыя болѣе надежныя, механическія, копіи съ нѣкоторыхъ анійскихъ надписей привезъ профессоръ Дерптскаго Университета, геологъ Г. В. Абихъ, посѣтившій въ 1844 или 1845 г. городище Ани и давшій обстоятельное его описаніе съ планомъ и набросками нѣкоторыхъ зданій[3];

---

[1] Ch. Texier. Description de l'Arménie. I, p. 96.

[2] Венеція. 1830; исторія Ани переведена съ нѣкоторыми сокращеніями и многочисленными примѣчаніями Brosset, въ его Les ruines d'Ani, pp. 93—142.

[3] Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences, t. II. 1845, col. 369—372: извлеченіе изъ письма Абиха изъ Тифлиса отъ 30 янв. 1845 г.; ib. col. 373—376: замѣчанія Бросее; нѣмецкій оригиналъ описанія Ани доставленъ былъ изъ Тифлиса въ Московскій Подготовительный Комитетъ V Археологическаго Съѣзда и напечатанъ

хорошія описанія городища, хотя послѣ краткихъ лишь обозрѣній его, дали краснорѣчивый описатель Грузіи и Арменіи А. Н. Муравьевъ (1846 г.[1]) и ученый оріенталистъ и географъ Н. В. Ханыковъ (1848 г.[2]). Научное изученіе Ани особенно обязано послѣднему: помимо описанія развалинъ и изданія мусульманскихъ надписей самимъ Ханыковымъ[3], князь М. С. Воронцовъ по его представленію послалъ на Анійскій постъ лейтенанта Юлія Кестнера, который въ 1850 г. въ теченіе полутора мѣсяцевъ ежедневно ѣздилъ рисовать, хотя и по любительски, развалины Ани и копировать надписи.

Результаты трудовъ Кестнера и легли въ основаніе появившагося черезъ десять лѣтъ спеціальнаго изданія Броссе: Les ruines d'Ani (St. Pétersbourg. Ière partie: Description. 1860; IIème partie: Histoire. 1861; Atlas: 45 planches. 1860—61); если въ рисункахъ и заглазныхъ описаніяхъ памятниковъ, — самъ Броссе не воспользовался въ 1848 г. представлявшейся ему возможностью посѣтить Ани, — и оказывается не мало неточностей и ошибокъ, если попытки Броссе согласить разнорѣчивыя показанія очевидцевъ и не всегда удачны, то исторія и эпиграфика Ани получили въ этомъ изданіи обработку, соотвѣтствовавшую современному уровню европейской науки.

Въ Россіи же явились около того же времени на смѣну рисунковъ Тексье болѣе точныя воспроизведенія нѣкоторыхъ Анійскихъ зданій въ изданіи Д. И. Гримма, который работалъ въ Ани въ 1849 или 1850 году[4].

Такимъ образомъ близость развалинъ Ани къ нашей границѣ оказалась на пользу ихъ изученію; ко времени перехода ихъ въ наши предѣлы обра-

---

въ русскомъ переводѣ съ примѣчаніями Н. О. Эмина въ Протоколахъ Комитета, стр. 271—296 съ 11 рис. Письма Абиха съ Кавказа изданы были въ 1896 году особою книгою: H. Abich. Aus Kaukasischen Ländern. Reisebriefe, herausgegeben von dessen Witwe. Wien. 1896; 2 тома. О вывезенной Абихомъ надписи 1206 г., см. Н. Я. Марръ. Камень съ армянскою надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музеѣ (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. 1910, стр. 1149—51, съ 1 рис.).

[1] Грузія и Арменія. СПБ. 1848, часть II, стр. 257—288.

[2] Excursion à Ani, en 1848, par M. N. Khanykoff, напечатана у Brosset. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie. St. Pétersbourg. 1851. 3ème rapport pp. 121—150.=N. Khanikof. Voyage à Ani, capitale de l'Arménie, sous les Bagratides (Revue Archéologique. XV année. 1858—59, pp. 401—420).

[3] Bull. hist. phil. VI, 1849, col. 193—197=Mélanges Asiatiques. I, 1849, p. 70—73; Bull. hist. phil. X, 1853, col. 81—86=Mél. As. II, 1852, p. 61—68, и у Броссе. Les ruines d'Ani, p. 30—31. 32. Персидскую надпись Абу Саида см. теперь въ Анійской серіи № 5: В. Бартольдъ. Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче. СПБ. 1911, съ 2 табл.

[4] D. Grimm. Monuments d'architecture [byzantine] en Georgie et en Armenie. St. Pétersbourg. 1859—64. Анійскимъ памятникамъ (соборъ, двѣ церкви св. Григорія и детали другихъ зданій) посвящены таблицы B. 4.1-4, 5.1-4 (=37—44).

зовалась уже нѣкоторая научная литература объ Ани и архитектурные памятники города по рисункамъ Тексье, Кестнера и Гримма разбирались уже и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи искусства.

Можно было бы думать, что послѣ 1878 года изученіе развалинъ Ани пойдетъ еще болѣе успѣшно; но на дѣлѣ этого не произошло.

Правда, съ превращеніемъ Магазбердскаго замка въ безлюдную развалину Анійское городище стали усердно посѣщать любопытствующіе туристы, преимущественно армяне, и стѣны виднѣйшихъ развалинъ покрылись тысячами разноязычныхъ новѣйшихъ надписей, нерѣдко въ явный ущербъ надписямъ древнимъ, а тѣмъ болѣе остаткамъ росписей. Полезнѣе было появленіе въ продажѣ многочисленныхъ фотографическихъ снимковъ развалинъ, нерѣдко, конечно, съ самыми фантастическими подписями; появленіе же въ печати путевыхъ впечатлѣній и краткихъ описаній Ани туристами разныхъ національностей научнаго изученія анійскихъ памятниковъ впередъ, конечно, не двигало. Интересъ къ Ани армянскаго общества удовлетворялся, помимо журнальныхъ статей, обстоятельнымъ компилятивнымъ описаніемъ развалинъ въ книгѣ о. Л. Алишана: «Ширакъ» (Венеція. 1881 г.). Въ общеевропейской литературѣ наличность изданій Тексье, Гримма и Броссе давали видимость того, что памятники Ани уже достаточно изучены; да и вообще, какъ прежде искали на Востокѣ преимущественно памятниковъ и надписей греческихъ и римскихъ, такъ теперь, во второй половинѣ XIX в., послѣ открытія ключа къ чтенію клинообразныхъ надписей, на первую очередь былъ поставленъ вопросъ о происхожденіи и распространеніи культуры Вавилона и Ассиріи, и этой задачей опредѣлялось направленіе бо́льшей части археологическихъ работъ на Кавказѣ и въ Персіи. Одинъ изъ современныхъ оріенталистовъ, — и притомъ изъ тѣхъ немногихъ среди нихъ, которые занимаются и памятниками вещественными, — Максъ фанъ Бершемъ, справедливо доказываетъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія такими задачами и вообще раскопками остаются невыполненными болѣе неотложныя работы по изученію памятниковъ персидской архитектуры въ Персіи, въ настоящее время еще доступныхъ для изслѣдованія безъ раскопокъ, но быстро приходящихъ въ разрушеніе[1]. Такъ было и съ развалинами Ани. Защищенное величественными стѣнами городище было въ гла-

---

[1] Max van Berchem. L'architecture musulmane de la Perse [по поводу изданія Fr. Sarre: Denkmäler persischer Baukunst] (Journal des Savants. 1911, février, pp. 54—69), p. 69: «Mais les monuments qui meurent échappent aux fouilleurs et aux voyageurs pressés. Relevons-les avant que leur ruine complète les livre à la pioche; c'est une question d'opportunité. Nous ferons oeuvre aussi utile et il nous en coûtera moins cher qu'à nos petits enfants d'en exhumer un jour les débris».

захъ прежнихъ турецкихъ властей «крѣпостью» и въ качествѣ таковой перешло сперва въ собственность нашего военно-инженернаго вѣдомства, а потомъ сдавалось, какъ оброчная статья Министерства Государственныхъ Имуществъ, подъ выпасъ скота жителямъ сосѣднихъ деревень. Возрастаніе старыхъ и постройка новыхъ селеній естественно дѣлали изъ пустыннаго, никѣмъ не охраняемаго, городища родъ даровой каменоломни, гдѣ втуне лежало столько готоваго тесаннаго камня разныхъ сортовъ.

Правда, патріотическое паломничество армянъ на развалины ихъ былой столицы имѣло результатомъ и поселеніе тамъ эчміадзинскаго архимандрита, но онъ заботился преимущественно лишь о пріютѣ и пищѣ для посѣтителей, да изрѣдка совершалъ богослуженіе въ развалинахъ собора.

Таковы были ближайшія послѣдствія включенія городища Ани въ предѣлы нашего отечества.

Хотя при обсужденіи программы занятій V Археологическаго Съѣзда имя Ани упоминалось, конечно, неоднократно, хотя въ Протоколахъ Подготовительнаго Комитета помѣщенъ былъ русскій переводъ описанія Ани Абихомъ, хотя, наконецъ, въ одномъ изъ засѣданій этого Комитета (20 декабря 1879 г., въ Москвѣ, см. Протоколы, стр. 97) было даже намѣчено производство въ Ани «раскопокъ и изслѣдованій», но на дѣлѣ Съѣздъ ничего не сдѣлалъ для дальнѣйшаго изученія вновь пріобрѣтенной Россіею сокровищницы восточныхъ средневѣковыхъ древностей, такъ какъ предполагавшіяся тамъ раскопки были вскорѣ (въ засѣданіи 7 и 8 января 1880 г.; см. Протоколы, стр. 142), по предложенію самого графа А. С. Уварова, перенесены, какъ выражается протоколъ, «на другой болѣе древній пунктъ», каковымъ избранъ былъ холмъ Блура, предполагаемый древній Армавиръ; за это предпочтеніе Армавира Ани отомстила справедливая иронія судьбы: производившіе эти раскопки пришли къ невѣрному заключенію, якобы «поселеніе на холмѣ Блурѣ не древнѣе IV вѣка послѣ Р.Х.» и «что развалины Армавира надо искать совершенно въ другомъ мѣстѣ» (см. Протоколы Подготов. Комитета, стр. 447 = Гр. А. С. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ. II, 1910, стр. 147).

Цѣлыхъ десять лѣтъ прошло со времени Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда прежде, чѣмъ на городищѣ Ани начались научныя изслѣдованія: лѣтомъ 1891 года развалины Ани посѣтилъ глава того государственнаго учрежденія, на обязанности котораго лежитъ охрана и изученіе древностей всей необъятной Россійской Имперіи, предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи, графъ А. А. Бобринскій, и на слѣдующій же (1892) годъ Археологическая Комиссія командировала для изученія древностей Русской Арменіи молодого привать-доцента С.-Петер-

бургскаго Университета Н. Я. Марра, который знакомъ былъ съ развалинами Ани по осмотру ихъ еще въ 1890 году[1].

За ту четверть вѣка, которая отдѣляетъ насъ отъ перваго знакомства Николая Яковлевича Марра съ развалинами Ани, имя его связалось съ ними вѣчною и неразрывною цѣпью, скованной изъ пятнадцати-кратнаго пребыванія тамъ, изъ четырнадцати кампаній раскопокъ, изъ ряда научныхъ докладовъ и лекцій, посвященныхъ Ани, изъ цѣлой серіи печатныхъ трудовъ, изъ непрерывныхъ археологическихъ и историческихъ разысканій, изъ учрежденія на самомъ городищѣ двухъ музеевъ, изъ установленія дѣйствительной охраны развалинъ, изъ предохраненія многихъ памятниковъ отъ грозившаго имъ разрушенія и, наконецъ, изъ созданія, если еще и не de iure, то de facto, научнаго института спеціально для изученія древностей Ани и окрестной области древняго Ширака.

Нѣсколько звеньевъ этой длинной цѣпи падаютъ и на тотъ условный періодъ трехлѣтія 1913—1915 годовъ, о важнѣйшихъ археологическихъ трудахъ опубликованныхъ въ теченіе котораго должна имѣть сужденіе наша Комиссія по присужденію медалей имени графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

Въ 1913 году, какъ XIII-ый томъ «Текстовъ и разысканій по армяно-грузинской филологіи», вышла книга: XI-я Анійская археологическая кампанія. Н. Марръ. Приложеніе къ труду «Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища». (СПБ. 1913. 8°. 61 стр., съ 2 таблицами и 60 рисунками въ текстѣ).

Изъ предисловія (стр. 1—2) узнаемъ, что названный въ подзаголовкѣ общій трудъ Н. Я. Марра о результатахъ его десятилѣтнихъ раскопокъ на мѣстѣ древняго Ани, «сложившійся изъ публичныхъ лекцій (1907—1908 гг.) и изъ отчетовъ о послѣдующихъ раскопкахъ», не могъ быть законченъ печатаніемъ до лѣта того (1913) года, почему отчетъ объ XI-ой археологической кампаніи въ Ани и печатался «въ качествѣ какъ бы дополненія къ непоявившейся еще книгѣ» (стр. 1). Къ сожалѣнію таковымъ же остается «предварительный отчетъ» этотъ и донынѣ.

Отчетъ о раскопкахъ 1912 года далеко не ограничивается подробнымъ описаніемъ открытыхъ раскопками развалинъ и отдѣльныхъ въ нихъ находокъ и воспроизведеніемъ важнѣйшаго въ планахъ и многочисленныхъ рисункахъ; къ фактическому описанію найденнаго присоединяется рядъ пояснительныхъ экскурсовъ, аналогій и сопоставленій, иногда лишь во-

---

[1] Записки Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V, стр. VII и 211.

просовъ, которые въ общемъ дѣлаютъ содержаніе этой книги гораздо болѣе важнымъ и широкимъ, чѣмъ его опредѣляетъ заглавіе ея.

Раскопки велись въ 1912 году въ двухъ пунктахъ городища, въ южной части города, между вышгородомъ и древнею городскою стѣною, построенной въ 964 г. царемъ Ашотомъ III: разрыты были два бугра развалинъ, которые значились на составленномъ въ 1908—09 г. планѣ городища подъ №№ 100 и 101.

Въ первомъ, меньшемъ, находящемся близъ западнаго края террасы, на которой стоитъ городъ, оказались развалины небольшой церковки продолговатой формы, крытой первоначально коробовымъ сводомъ, но затѣмъ перестроенной въ купольную; перестроеннымъ же оказалось и алтарное возвышеніе. Среди обломковъ надписей нашлась дата 1042 г. по Р.Х. изъ надписи до перестройки церкви; передѣлку церковки изъ базиличной въ купольную изслѣдователь относитъ къ XIII вѣку (стр. 12): наличникъ новаго алтарнаго возвышенія датируется разноцвѣтными, поставленными на уголъ въ шашечномъ порядкѣ, камнями «въ стилѣ декоровки гражданской архитектуры XII—XIII вѣка», какъ выражается авторъ (стр. 6).

Краткое описаніе (стр. 6 и 12) этой раскопки щедро иллюстрировано планомъ церковки (рис. 4), видомъ холмика до раскопокъ (рис. 2), видами раскопанной церкви (рис. 3, 5, 6 и 9) и изображеніями ея орнаментальныхъ деталей (рис. 7 и 8), изображенъ (рис. 11) и найденный здѣсь же крестный камень XIII вѣка.

Второй бугоръ, поднимавшійся между большою улицей и обрывомъ ущелья Арпачая, оказался развалинами церкви продолговатой формы (см. планъ, рис. 16), съ одною лишь дверью въ южной стѣнѣ и съ оригинальнымъ, не имѣющимъ себѣ аналогій, широкимъ выступомъ западной стѣны, которому внутри соотвѣтствуютъ три небольшихъ полукруглыхъ ниши; покрыта церковь была куполомъ, опиравшимся на четыре устоя; лицевая сторона алтарнаго возвышенія (рис. 19) выложена квадратными камнями съ узорами въ видѣ свастики, креста, розетки, ланцетокъ и т. п., опредѣляемыми Н. Я. Марромъ, какъ «западные или древне-армянскіе церковные» (стр. 19); алтарное возвышеніе оказалось позднѣйшимъ, т. к. базы пилястръ и нижній профиль стѣнъ въ алтарѣ приходились ниже даже сохранившагося пола церкви, надъ которымъ на аршинъ еще возвышался полъ алтарной части; детали орнаментаціи наружныхъ стѣнъ и барабана купола сходны съ анійскими орнаментами X-аго вѣка; многогранная крыша купола украшена была рельефными изображеніями виноградныхъ гроздьевъ и гранатовыхъ яблокъ на стилизованныхъ стебляхъ, чему въ Ани имѣлся дотолѣ лишь одинъ примѣръ въ церкви Апостоловъ, X-аго вѣка, къ которому

относится и вновь открытая церковь. Однако, Н. Я. Марръ полагаетъ возможнымъ и здѣсь предполагать въ X-омъ вѣкѣ лишь перестройку болѣе древней базиличной церкви въ купольную съ замѣною обычной западной двери тремя нишами (стр. 17, 19, 20, 23—25, 29—31); къ сожалѣнію, въ настоящемъ отчетѣ предположеніе это остается не вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ реальныя основанія его излагаются не достаточно подробно. Несомнѣнны зато дальнѣйшія судьбы церкви: устройство кладбища къ югу отъ нея на дворѣ, когда уровень его значительно выросъ и закрылъ обычныя въ армянской архитектурѣ три ступени въ основаніи внѣшнихъ стѣнъ церкви, и пристройка къ юго-восточному углу церкви большого пьедестала, назначеніе котораго изслѣдователь опредѣлилъ, какъ основаніе колокольни, что̀ и доказывается, помимо обломковъ небольшого колокола, надписью о построеніи колокольни; одинъ изъ кусковъ ея найденъ былъ заложеннымъ въ очагъ, принадлежавшій позднѣйшимъ обитателямъ Ани, которые гнѣздились въ развалинахъ лучшихъ временъ жизни города. Имена строителей колокольни оказались извѣстными изслѣдователю изъ другихъ надписей 1270-хъ годовъ (стр. 37). Вокругъ этой церкви раскопана была часть прилегавшаго квартала, гдѣ оказалось нѣсколько комнатъ выдающейся величины и отдѣлки; такъ въ одномъ большомъ покоѣ сохранилась возвышенная терраса, съ нишами для снимаемой обуви въ лицевой стѣнкѣ ея, и остатки большой декоративной ниши въ противоположной стѣнѣ, съ богатымъ обрамленіемъ ея рѣзными узорами (см. рис. 58 и 59) и съ шахматною выкладкой черными и красными камнями задней стѣнки ея. Было бы слишкомъ долго излагать сообщаемыя отчетомъ подробности о прочихъ многочисленныхъ, до тридцати, комнатахъ, иногда съ подпольными помѣщеніями подъ ними, о крестныхъ камняхъ (рис. 38—38, 54, 55), о комнатахъ и нишахъ въ стѣнахъ жилыхъ покоевъ, о различныхъ мелкихъ обломкахъ утвари, найденныхъ въ этихъ домахъ, начиная отъ обломковъ стеклянныхъ росписныхъ сосудовъ и пестрыхъ фаянсовъ (образцы которыхъ воспроизведены въ краскахъ на таблицѣ II-ой), привозныхъ вѣроятно изъ Сиріи и Персіи, и кусковъ мѣстныхъ глиняныхъ сосудовъ: большихъ корчагъ, т. н. «карасовъ», украшенныхъ поясками рельефныхъ фигуръ, и глиняной поливной посуды съ прочерченными до обжига на бѣлой обмазкѣ узорами[1], и кончая кускомъ какого то деревяннаго рѣзного украшенія (рис. 60).

---

[1] Особенно интересна находка обломка чаши подобнаго рода съ частью армянской надписи, сохранившей лишь собственное имя Хоцадегъ, извѣстное изслѣдователю по нѣсколькимъ надписямъ XIII в. и справедливо относимое имъ скорѣе къ заказчику чаши, нежели къ ея изготовителю (стр. 59—60).

Въ поясненіе отчета приложенъ (таблица I) точный планъ всего раскопаннаго участка и многочисленные виды раскопанныхъ зданій (рис. 30, 40—44, 52, 56—57) и ихъ деталей (рис. 10, 45—53, 58—59, 60).

Такова описательная часть отчета, но ею Н. Я. Марръ не ограничился: онъ касается попутно и тѣхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые затрогивались ближайшимъ образомъ раскопками отчетнаго года. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о столь часто наблюдаемыхъ перестройкахъ церквей базиличнаго типа въ купольныя, относительно котораго Н. Я. Марру приходилось говорить въ нашемъ Обществѣ и ранѣе, напримѣръ, при докладѣ статьи Тораманяна о перестройкахъ Эчміадзинскаго собора[1]; тотъ же архитекторъ разсматривалъ аналогичный примѣръ въ своей армянской книгѣ о столь извѣстномъ въ исторіи архитектуры еще со временъ Тексье храмѣ въ Текорѣ[2], а кн. И. А. Джаваховъ разбиралъ недавно подобный же фактъ на территоріи Грузіи, въ т. н. «сіонѣ» Атенскомъ[3]. Въ разсматриваемомъ отчетѣ о раскопкахъ 1912 г. Н. Я. Марръ не только констатируетъ передѣлку въ XIII в. малой церкви, но предполагаетъ таковую же и для большой церкви въ X вѣкѣ; если второе предположеніе и не кажется намъ пока вполнѣ доказаннымъ, такъ какъ среди изданныхъ орнаментальныхъ деталей ея (см. рис. 23—27, 29) не видно такихъ, которыя требовали бы болѣе древней даты, то весьма важно отнесеніе наличнаго вида «Анійскаго собора, законченнаго постройкою въ 1001 году, по деталямъ его орнаментаціи къ памятникамъ анійскаго церковнаго строительства XII—XIII вѣка» (стр. 43): «каждое древнее зданіе времени царей, пишетъ Н. Я. Марръ, не успѣвшее раньше разрушиться, въ Ани въ той или иной мѣрѣ перестраивалось въ XII—XIII вѣкахъ» (стр. 43); и противъ этихъ положеній возражать конечно не приходится; вѣдь иначе и быть не могло въ богатомъ, торговомъ, вольномъ городѣ, каковымъ былъ Ани и въ эти вѣка чужеземнаго, номинальнаго болѣе или менѣе, владычества. Сколь противорѣчатъ эти положенія традиціоннымъ представленіямъ о золо-

---

[1] Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. XIX, 1909, стр. 031—052: Архитекторъ Т. Тораманянъ. О древнѣйшихъ формахъ Эчміадзинскаго храма; ibid. 052—063: Н. Марръ. По поводу работы архитектора Тораманяна.

[2] Ch. Texier. Description de l'Arménie et de la Perse, 1842. I, pl. XXV—XXIX; pp. 120; 150—151; Торосъ Тораманянъ. Исторія Армянской Архитектуры. Изслѣдованія. I. Текорскій храмъ. Тифлисъ. 1911. 8⁰, XX+106 стр., съ портр. и 65 рис. [по-армянски]. Перестройку Текорской церкви признаетъ и Н. Я. Марръ: см. З. В. О. И. Р. А. О., XIX, стр. 065, и его же статью «Къ датировкѣ ктиторской надписи Текорскаго храма» (Христіанскій Востокъ, т. III, 1914, вып. 1, стр. 56—71, табл. I и II), см. стр. 66, 68, 69.

[3] И. Джаваховъ. Къ вопросу о времени построенія грузинскаго храма въ Атенѣ по вновь обслѣдованнымъ эпиграфическимъ памятникамъ (Христіанскій Востокъ. I. 1912, вып. 3, стр. 277—297).

томъ вѣкѣ города лишь подъ властью самостоятельныхъ армянскихъ царей, столь же оригинальны и новы и заключенія Н. Я. Марра о сильномъ вліяніи на анійское церковное искусство армянъ-халкедонитовъ, которые соотвѣтственно религіозной близости ихъ къ православнымъ церквамъ Грузіи и Византіи являлись приверженцами и проводниками и западныхъ, т. е. византійскихъ, архитектурныхъ и орнаментальныхъ формъ (стр. 29, 37—40, 42, 60); особенно интересны указанія, какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ Н. Я. Марра, что едва-ли не всѣ извѣстные въ Арменіи остатки церковныхъ росписей обязаны исполненіемъ своимъ именно халкедонитамъ (стр. 29, 41, 42), къ вопросу о былой роли которыхъ въ исторіи Арменіи Н. Я. Марръ возвращался неоднократно[1].

Съ запада же, черезъ халкедонитовъ, явились въ Ани и колокольни съ колоколами, какъ доказываетъ Н. Я. Марръ въ экскурсѣ о нихъ, связанномъ съ вышеупомянутымъ открытіемъ остатковъ колокольни при раскопкахъ 1912 года (см. стр. 35—39) и являющемся цѣннымъ дополненіемъ статьи І. А. Орбели: «Колоколъ съ анійскими орнаментальными мотивами XII—XIII вѣка» (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О., т. XX, 1910, стр. 023—039); собранный въ этой статьѣ рядъ изображеній анійскихъ крестныхъ камней дополняется новой серіей ихъ въ разсматриваемомъ отчетѣ Н. Я. Марра (рис. 7, 11, 24, 26, 35, 37, 38, 54, 55) и замѣчаніями его объ ихъ орнаментаціи (стр. 39—40). Въ орнаментаціи ихъ, какъ и въ узорахъ лицевыхъ стѣнокъ алтарныхъ возвышеній, — которымъ также посвященъ особый этюдъ (стр. 17—19, 23—24, рис. 18, 19),—какъ и вообще въ армянской орнаментикѣ XI—XIV вѣковъ, Н. Я. Марръ различаетъ два элемента, называемыхъ имъ одинъ «традиціоннымъ» или «церковнымъ», а другой «гражданскимъ» или «свѣтскимъ»: первымъ терминомъ обозначаетъ онъ ту оригинальную, хотя и связывающуюся нѣкоторыми элементами съ чужеземными,—сирійскими, византійскими, даже классическими,—мотивами, орнаментацію, которую находимъ мы на древнѣйшихъ церквахъ Арменіи и которая господствуетъ въ церковномъ зодчествѣ до X—XI вѣка. Конечно, Н. Я. Марръ далекъ отъ того, чтобы рыть непроходимую пропасть между орнаментаціей «церковной» и «свѣтской» даже въ этотъ древній періодъ: такъ, признавая «веревчатую кайму», или плетушку (рис. 25) орнаментомъ «церковнымъ», онъ, не находя ее въ древнѣйшихъ церквахъ, допускаетъ «граждан-

---

[1] Н. Марръ. Аркаунъ, Монгольское названіе христіанъ, въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ (Византійскій Временникъ. XII. 1905, стр. 1—68); Іоаннъ Петрицкій, грузинскій неоплатоникъ XI—XII в. (З. В. О. И. Р. А. О., XIX, 1909, стр. 53—113); Объ армянской иллюстрированной рукописи изъ халкедонитской среды (Изв. И. Ак. Наукъ, 1911, стр. 1297—1301) и во многихъ другихъ работахъ его.

ское» ея происхожденіе, но ранняго, до XI-го вѣка (стр. 51), времени. Тѣмъ болѣе втеченіе позднѣйшаго періода XII—XIII вѣковъ орнаментація и гражданскихъ сооруженій, и крестныхъ камней и самихъ церквей насыщается новыми элементами, привходящими къ традиціонно-церковной орнаментикѣ извнѣ, изъ свѣтскаго искусства того времени (стр. 6, 19, 39, 52). Называя эти новые элементы (плетенія, арабески, растительныя и животныя изображенія) «гражданскими», а иногда, напримѣръ въ академической рѣчи, сказанной четыре года тому назадъ[1], и болѣе ясно «такъ называемой мусульманской орнаментаціей», Н. Я. Марръ не желаетъ, очевидно, слѣдовать общепринятому взгляду, что большинство мотивовъ этой орнаментаціи является дѣйствительно обще-исламскими мотивами и формами, которые господствовали на всемъ средневѣковомъ Востокѣ, оставляя болѣе или менѣе одинаковые памятники и въ каирскихъ дворцахъ Фатимидовъ[2], и въ мечетяхъ Сельджукидовъ Рума, и на дверяхъ мавзолея Махмуда Газневида[3], и что этою господствующей, модной такъ сказать, обще-исламской орнаментикой того времени покорено было въ значительной мѣрѣ и церковное искусство восточныхъ христіанъ: коптовъ, сирійцевъ, армянъ. Явленіе это въ полной мѣрѣ наблюдается и въ Ани даже въ спеціально церковной, халкедонитской, живописи: если въ халкедонитской, построенной Тиграномъ һОненцемъ, церкви св. Григорія воспроизведеніе восточной шелковой ткани, украшенной кругами съ характерными крылатыми чудовищами, извѣстными намъ еще по сасанидскимъ оригиналамъ[4], и возможно было бы какъ либо связывать непосредственно съ до-исламскимъ источникомъ, хотя мы знаемъ и исламскія воспроизведенія того же чудовища[5], то ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ характерной арабско-исламской полу-

---

[1] Н. Я. Марръ. Кавказъ и памятники духовной культуры. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ собраніи Импер. Акад. Наукъ 29 декабря 1911 года (= Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. 1912 г., стр. 69—82), стр. 76.

[2] См. Orientalisches Archiv, herausgegeben von Dr. H. Grothe. III. 1912—13, Taf. XXVII—XXIX, SS. 169—174: M. Herz-Pacha: Boiseries fatimides aux sculptures figurales.

[3] Archeologia. Vol. XXX. London. 1844, pp. 174—5, pl. XIV; Marco Polo, edit. H. Yule, 3-th ed., vol. II, 1903, p. 399—401.

[4] Эта часть росписи церкви св. Григорія, построенной халкедонитомъ Тиграномъ һОненцемъ въ 1215 году, издана въ краскахъ на таблицѣ XV-ой отчета Н. Я. Марра «О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.» (С.П.Б. 1907 = Тексты и разысканія по армянско-грузинской филологіи. Кн. X).

[5] Напримѣръ, на древне-арабской печати VII, якобы, вѣка (Papyrus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung. Wien. 1894, S. 136, 142), на формѣ для амулета начала X в. (Beiträge zur Assyriologie. VII. 1. 1909. S. 147—148, Abb. 23—24: чудовище названо птицей); на глиняной поливной чашѣ X в. (Матер. по Археол. Россіи, № 28, 1902, табл. VIII, рис. 1), на серебряныхъ сосудахъ съ арабской надписью X—XI вѣка (Восточное Серебро, С.П.Б., 1909, № 128; ср. № 126; M. van Berchem. Journal Asiatique. 1909, II, p. 403).

пальметки, нельзя объяснить непонятныя на первый взглядъ красныя пятна на фонѣ полувыцвѣтшей росписи пещерной усыпальницы того же самаго Тиграна Ѣонеица[1].

Такую же, чрезмѣрную быть можетъ, осторожность, какъ бы не умалить культурной роли христіанъ средневѣковаго Востока въ пользу мусульманъ, проявлялъ Н. Я. Марръ постоянно, говоря о находимыхъ въ Ани произведеніяхъ различныхъ отраслей художественной промышленности: такъ еще въ отчетѣ за 1906 годъ онъ издалъ (табл. XIV) два бронзовыхъ кувшина, одинъ даже съ арабскою надписью, призналъ, что оба принадлежали мусульманину, но рѣзко возражалъ противъ обычнаго признанія ихъ и имъ подобныхъ «мусульманскими на томъ основаніи, что съ извѣстной поры они готовились несомнѣнно для мусульманъ». «Это походитъ на то, — писалъ онъ (стр. 50), — какъ если бы антропологическіе вопросы рѣшали на основаніи церковно-конфессіональныхъ или національно-культурныхъ данныхъ». Такъ и въ разсматриваемомъ отчетѣ за 1912 г., — когда найденъ былъ, какъ мы говорили уже выше, обломокъ глинянаго поливного сосуда съ армянскою надписью, — Н. Я. Марръ выражаетъ надежду, что въ будущемъ изученіе анійской керамики приведетъ насъ (стр. 59) къ умѣнію различать привозныя издѣлія отъ мѣстныхъ, при чемъ къ послѣднимъ «надо относить не одни экземпляры съ армянскими надписями».

«Выясненіе этой стороны дѣла, — продолжаетъ онъ (стр. 58), — важно не для одной исторіи Ани, но и для весьма трудной проблемы громаднаго значенія о правильной расцѣнкѣ вкладовъ христіанскаго и мусульманскаго Востока въ обще-человѣческую культуру: до послѣдняго времени изслѣдователи не отдаютъ себѣ отчета объ опасности того пути, на который они вступаютъ, огульно признавая мусульманскимъ, арабскимъ или сельджукскимъ, по художественной работѣ или техническому производству все то, что снабжено арабскою надписью или чѣмъ пользовались тѣ или иные политически господствовавшіе въ послѣднія эпохи народы. Этотъ примитивный пріемъ изслѣдованія напоминаетъ то, какъ по однимъ именамъ лицъ опредѣляютъ ихъ религію или происхожденіе, а иногда и этническій составъ народа, главарями котораго извѣстны династы съ такими именами. Сколько христіанъ, армянъ или грузинъ, на этомъ основаніи можно было бы признать или персами или арабами или турками, что весьма часто и дѣлается» (стр. 59). Эти соображенія Н. Я. Марра получили въ раскопкахъ

[1] Въ воспроизведеніи части этихъ росписей у Brosset (Les ruines d'Ani, pl. XXXV,6, cf. p. 35—36) орнаментація фона опущена; ср. I. А. Орбели. Краткій путеводитель по городищу Ани. С.П.Б. 1910 (= Анійская Серія, № 4), стр. 37.

1912 года яркое подтвержденіе: имена строителей вышепомянутой колокольни были — Каримадинъ, Фахрадинъ и Даптахатуна! (стр. 36).

Эти попутные соображенія, экскурсы, сравненія, примѣры, иногда даже одни лишь вопросы, дѣлаютъ отчетъ объ Анійскихъ раскопкахъ 1912 года,—какъ и прочіе, появившіеся полностью или въ сокращенномъ изложеніи, отчеты Н. Я. Марра,—книгою весьма важною для изученія не только памятниковъ Ани, но и многаго, выходящаго далеко за предѣлы Арменіи и являющагося объектомъ изученія историковъ обще-исламской и восточно-христіанской культуры.

Помимо этихъ обще-научныхъ вопросовъ и помимо отчета о раскопкахъ мы находимъ въ этой же книгѣ и указанія на ту сторону дѣятельности Н. Я. Марра въ Ани, которая лежитъ, строго говоря, на обязанности не отдѣльнаго ученаго, а всего государства, а именно указанія на мѣры, принятыя къ поддержанію самихъ памятниковъ, грозящихъ разрушеніемъ.

Въ 1912 г. подведены были подпорныя каменныя кладки подъ западную стѣну древнѣйшей изъ церквей Ани — Дворцовой, подъ восточную стѣну т. н. Грузинской церкви, подъ стѣны круглой церкви Спасителя и подъ нѣкоторыя, наиболѣе опасныя, части церкви Апостоловъ, чѣмъ и обезпечена сохранность этихъ зданій, вѣроятно, еще на нѣсколько столѣтій. На меньшій срокъ огражденіемъ проволочными сѣтками обезпечены лицевая стѣнка алтарнаго возвышенія бо́льшей церкви и орнаментальная ниша въ сосѣднемъ съ церковью покоѣ, открытыя въ 1912 году, а равно и стоящія передъ новымъ музеемъ надписи персидская (нач. XIV в.) и грузинская 1218 г. (стр. 3 и 4)[1].

Но обширность Анійскаго городища, многочисленность и величина развалинъ таковы, что о полной и своевременной поддержкѣ всѣхъ стоящихъ еще остатковъ былого великолѣпія города нельзя и мечтать. Въ дѣйствительности сохранить можно и должно хотя бы важнѣйшее, что же касается прочаго, то хорошо, если оно будетъ сохранено для отдаленнаго потомства хотя бы на бумагѣ.

Н. Я. Марръ, который присутствовалъ однажды при паденіи отъ порыва вѣтра стѣны одной развалины около собора, носившей громкое, хотя, можетъ быть, и легендарное, имя гробницы царицы Катраниды, строительницы собора, лучше чѣмъ кто либо сознаетъ, вѣроятно, эту пе-

---

[1] См. о нихъ В. Бартольдъ. Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче. (Анійская серія, № 5, СПБ. 1911. 44 стр., съ 2 табл.) и Н. Я. Марръ. Надпись Епифанія, католикоса Грузіи. Изъ раскопокъ въ Ани 1910 г. (Извѣстія Имп. Акад. Наукъ. 1910, стр. 1433—1442, съ 1 табл.).

-чальную неизбѣжность медленнаго, но неотвратимаго исчезновенія развалинъ Ани и потому онъ систематически ведетъ увѣковѣченіе ихъ наличнаго вида въ фотографическихъ снимкахъ, акварельныхъ копіяхъ и калькахъ и въ точныхъ архитектурныхъ чертежахъ.

Отчетъ за 1912 годъ сообщаетъ о воспроизведеніи художникомъ А. Я. Андріяновымъ въ натуральную величину красками той фрески изъ церкви св. Григорія, которая была уже издана Н. Я. Марромъ въ его Анійскомъ отчетѣ за 1906 г. (табл. XVI) и которая представляетъ армянскаго царя Тиридата вмѣстѣ съ царями грузинскимъ, абхазскимъ и аланскимъ, причемъ на предпослѣднемъ изображена шапка, напоминающая древне-русскія, что̀ и находитъ себѣ объясненіе въ нѣкоторыхъ редакціяхъ житія св. Григорія, гдѣ вмѣсто абхазскаго царя является царь россовъ (см. Н. Я. Марръ. О раскопкахъ... 1906 г., стр. 54—55).

Архитекторъ П. Е. Княгницкій исполнилъ точный планъ башенъ у Карсскихъ воротъ (см. Отчетъ... 1912 г., рис. 1) и княжескаго дворца, задняя стѣна котораго наклонилась уже надъ краемъ ущелья, а также планъ и разрѣзъ Дворцовой церкви (стр. 4).

Съ этой именно церкви Н. Я. Марръ и началъ дѣло монументальнаго, такъ сказать, изданія Анійскихъ развалинъ; и это спеціальное изданіе Дворцовой церкви появилось въ текущемъ 1915 году, въ видѣ альбома большого формата изъ 8 цинкографическихъ (на желтоватомъ фонѣ) и 12 фототипическихъ таблицъ.

Предлагаемое нынѣ вашему вниманію «изданіе Анійскаго Музея Древностей» носитъ заглавіе: «Памятники Армянскаго Искусства. Выпускъ первый. Ани. Дворцовая церковь. Подъ редакціей академика Н. Я. Марра, по обмѣрамъ и чертежамъ архитектора-художника Н. Г. Буніатова. Петроградъ. 1915» (in fol.°, 11 страницъ съ 2 рисунками и XX таблицъ).

Мысль, которая руководила Н. Я. Марромъ, очевидна: изданіе явно стремится быть возможною замѣною оригинала на случай, если землетрясеніе или иная напасть обратитъ древнѣйшую въ Ани церковь въ груду развалинъ, какъ то произошло недавно, въ 1912 г., со знаменитымъ храмомъ Текора, немного не дожившимъ до подобнаго же воспроизведенія, такъ какъ упомянутая выше (стр. 384, пр. 2) спеціальная книга о немъ Тораманяна ни мало замѣнить памятника не можетъ.

Иное дѣло — изданіе, лежащее передъ вами, которое даетъ возможность изучать по нему Дворцовую церковь почти такъ же, какъ если бы вы стояли передъ оригиналомъ. Въ виду того, что это изданіе является первымъ въ новой, начатой энергіей Н. Я. Марра, серіи, будемъ надѣяться, многочисленныхъ подобныхъ же воспроизведеній памятниковъ армянской

архитектуры, мы позволяемъ себѣ отнестись къ нему со всевозможной строгостью, дабы тѣ изъ нашихъ замѣчаній, которыя будутъ признаны правильными, могли быть приняты во вниманіе при продолженіи новой, монументальной на сей разъ, Аніійской серіи.

Изданіе даетъ не только планъ (табл. VIII) и архитектурные, т. е. въ геометрической проэкціи на плоскость, чертежи зданія (табл. I—V) и его деталей (табл. VI—VII), но и фотографическіе съ него снимки (табл. XV—XX); мало того, оно воспроизводитъ еще фототипически же и факсимиле (табл. IX—XIV) тѣхъ черновыхъ промѣровъ, которые легли въ основаніе чертежей чистовыхъ. Такая, кажущаяся на первый взглядъ излишнею, щедрость въ репродукціяхъ дважды въ сущности одного и того же находитъ, однако, себѣ полное оправданіе, если смотрѣть на изданіе съ вышеизложенной точки зрѣнія, какъ на замѣну оригинала, насколько таковая замѣна, конечно, возможна: воспроизведеніе черновиковъ даетъ возможность не только провѣрять точность чистовыхъ чертежей, но даже вычертить ихъ вновь тѣмъ, кого не удовлетворитъ съ эстетической точки зрѣнія рисунокъ Н. Г. Буніатова.

Намъ же, съ археологической точки зрѣнія, должно требовать отъ изданія возможной полноты и безукоризненной точности.

Чистовые чертежи, кромѣ плана церкви и позднѣйшей пристройки къ сѣверной стѣнѣ ея (табл. VIII), даютъ три фасада (западный — табл. I, южный — табл. II и сѣверный — табл. III) и два разрѣза (продольный, видъ на сѣверъ, табл. IV, и поперечный, видъ на востокъ, табл. V), нишу южнаго фасада (табл. VI, 1), одну изъ двухъ пилястръ южной стѣны (табл. VII, 2), одну изъ двухъ пилястръ восточной стѣны (табл. VII, 1) и нѣкоторыя мелкія детали: карнизы, наличники, кресты (табл. VI, 2, 3). Не останавливаясь на послѣднихъ мы замѣчаемъ, что воспроизведенія черновыхъ промѣровъ не содержатъ въ себѣ матеріаловъ для продольнаго разрѣза церкви (табл. V) и для пилястры южной стѣны (табл. VII, 2), но зато мы находимъ недостающіе среди чистовыхъ чертежей другой продольный разрѣзъ церкви (видъ на югъ[1] — табл. X, 2) и одинъ (вмѣсто двухъ) продольный разрѣзъ пристройки (табл. XI, 1, видъ на сѣверъ), а также пилястру, вѣрнѣе просто уголъ, ниши сѣвернаго фасада (табл. XII, 2), вторую (южную) пилястру восточной стѣны (табл. XIII, 2), вторую пилястру южной стѣны (табл. XIV, 1) и обѣ пилястры у западной стѣны (табл. XIV, 2).

Такимъ образомъ вовсе не воспроизведенными въ чертежахъ, — ни

---

[1] Въ «содержаніи», стр. 3, эти обмѣры ошибочно отнесены къ разрѣзу по линіи CD, т. е. къ виду на сѣверъ, хотя на табл. X разрѣзъ правильно обозначенъ тѣми же буквами, но въ иномъ порядкѣ, т. е. «по линіи D—C».

въ черновыхъ, ни въ чистовыхъ, — остаются одинъ (восточный) фасадъ зданія, одинъ поперечный разрѣзъ церкви (видъ на западъ), одинъ продольный разрѣзъ пристройки (видъ на югъ) и двѣ пилястры сѣверной стѣны церкви, не говоря о почти неисполнимыхъ по трудности обмѣровъ чертежахъ всего зданія сверху и сводовъ его снизу. Изъ указанныхъ же, недостающихъ и легко могущихъ быть восполненными, чертежей — чертежъ восточнаго фасада не былъ сдѣланъ, вѣроятно, потому, что, судя по фотографіи (табл. XVII, 7), онъ представлялъ бы не столько остатки архитектурныхъ формъ, сколько внутреннюю бутовую кладку рухнувшихъ стѣнъ, но тѣмъ не менѣе чертежъ этотъ былъ бы весьма желателенъ, какъ для изображенія восточнаго вида пристройки, такъ и для передачи недостаточно понятной на изданныхъ таблицахъ (см. табл. IV и XIX, 13) внутренней ниши въ сѣверной стѣнѣ абсиды, такъ наконецъ и для возмѣщенія одного недостающаго поперечнаго разрѣза церкви (видъ на западъ).

Указанный недостатокъ въ числѣ чертежей восполняютъ, правда, въ значительной мѣрѣ фотографическіе снимки, но вполнѣ замѣнить его не могутъ, и три лишнихъ, въ добавокъ къ восьми изданнымъ, цинкографическихъ таблицы могли бы довести изданіе до желательной полноты.

При разсмотрѣніи чертежей мы замѣтили слѣдующіе пропуски: на планѣ церкви (табл. VIII) не обозначено, что средняя пилястра пристройки лишь приложена къ сѣверной стѣнѣ церкви, а не составляетъ общей съ нею кладки; на чертежѣ западнаго фасада (табл. I) почти не видна верхняя часть арки, идущей внутри церкви съ южной пилястры на сѣверную, и вовсе не показанъ передъ контуромъ сѣверной пилястры рисунокъ сѣверо-восточной пилястры абсиды, который долженъ былъ быть виденъ, какъ въ томъ легко убѣдиться, наложивъ таблицу V-ую на I-ую.

А при сравненіи черновыхъ промѣровъ съ чистовыми чертежами мы видимъ, что чертежи изображаютъ всѣ три фасада церкви (табл. I, II и III) въ томъ видѣ, какой церковь имѣла до реставраціонныхъ работъ 1912 года, тогда какъ на соотвѣтственныхъ черновикахъ (табл. IX, 1; X, 1 и IX, 2) обозначены уже вновь подведенныя части стѣнъ: это странное явленіе, при которомъ чистовики оказываются исполненными какъ бы ранѣе черновиковъ, нуждалось бы въ какомъ либо объясненіи.

Равнымъ образомъ и въ фотографическомъ воспроизведеніи церкви мы находимъ нѣкоторые снимки (табл. XVII, 6, 8 и 9), сдѣланные уже послѣ реставраціонныхъ работъ; не отрицая пользы вида церкви въ современномъ ея состояніи, мы полагали бы однако болѣе цѣлесообразнымъ воспроизвести ее полностью въ томъ состояніи руины, до котораго она дожила. Эти многочисленныя фотографіи передаютъ памятникъ, конечно, вполнѣ точно, хотя и

съ неизбѣжными перспективными искаженіями, понятными каждому; все же желательно было бы замѣнить одну изъ фотографій (табл. XVII, 9), гдѣ пилястры южной стѣны оказались слишкомъ расходящимися книзу, другою— съ меньшею деформаціей; равнымъ образомъ кривизна арки между пилястрами сѣверной стѣны вышла на фотографіи (табл. XIX, 13) эллиптической, тогда какъ на чертежѣ (табл. IV) она оказывается почти полуциркульной. Если въ этомъ случаѣ мы должны отдавать предпочтеніе чертежу, то въ другомъ — фотографія (табл. XVIII, 12) обнаруживаетъ нѣкоторую неточность чертежа (табл. X), который не передаетъ ясно видимой на фотографіи, и тѣмъ болѣе въ натурѣ, характерной конструктивной подробности въ перекрытіи южной двери церкви: надъ камнемъ, ее перекрывающимъ, лежатъ не два камня, какъ представлено на чертежѣ, а три, при чемъ узенькій средній клинообразенъ и является замкомъ горизонтальнаго свода, нижняя плоскость котораго благодаря узкой горизонтальной же выемкѣ въ ней вовсе не давитъ на дверную перекладину.

На этомъ примѣрѣ можно убѣдиться, сколь разумнымъ оказывается чрезмѣрно щедрое, казалось бы, воспроизведеніе памятника въ двоякаго рода чертежахъ и сверхъ того въ фотографіяхъ: по атласу этому оказывается возможнымъ самостоятельно изучать церковь. А потому мы сожалѣемъ объ отсутствіи въ атласѣ еще нѣкоторыхъ фотографій, а именно: снимковъ всѣхъ трехъ дѣленій коробоваго свода церкви, на которыхъ были бы видны слабые остатки росписи, существованіе которой для небывшихъ на мѣстѣ остается по неяснымъ выраженіямъ предисловія (стр. 10) сомнительнымъ, снимковъ съ остатковъ росписи на стѣнахъ пристройки и съ ниши на сѣверномъ фасадѣ церкви, равно какъ и нѣкоторыхъ деталей, напримѣръ, жалкаго остатка рельефа, находившагося надъ сѣверною дверью и извѣстнаго лишь по рисунку Кестнера, который видѣлъ рельефъ этотъ, представлявшій двухъ святыхъ всадниковъ, еще цѣлымъ (см. Brosset. Les ruines d'Ani, pl. XXXVII, pp. 33—34), а равно и валяющагося нынѣ внутри церкви обломка большого камня со сбитыми изображеніями розетки и двухъ крестовъ, который находился первоначально, надо думать, надъ южною дверью церкви снаружи, и еще нѣкоторыхъ декоративныхъ частей, обнаруженныхъ при раскопкахъ 1914 г. къ востоку отъ церкви; одинъ изъ нихъ, правда, изображенъ цинкографически на рис. 2 въ предисловіи.

Отсутствіе въ атласѣ указанныхъ воспроизведеній объясняется, надо думать, тѣмъ, что они войдутъ въ «имѣющее скоро появиться особое Описаніе Дворцовой церкви», о которомъ, какъ о прибавленіи, упоминаетъ предисловіе (стр. 11) къ разсматриваемому атласу; но намъ казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ сосредоточить въ атласѣ всю иллюстративную часть пол-

ностью, оставивъ для «Описанія» лишь рисунки вспомогательные, какъ реставраціи зданія, конструктивныя детали, привлекаемыя описаніемъ аналогіи изъ другихъ памятниковъ и т. п., тогда атласъ являлся бы полнымъ и окончательнымъ воспроизведеніемъ церкви, какъ бы замѣною ея.

Поэтому же мы желали бы видѣть въ этомъ атласѣ и «скрупулезно-точную въ размѣрахъ и въ краскахъ копію съ натуры сѣверной стѣны той же церкви внутри», объ исполненіи которой П. Е. Княгницкимъ говорилъ Отчетъ о кампаніи 1912 года (стр. 4): въ настоящемъ прекрасномъ изданіи памятника не хватаетъ для полнаго о немъ представленія только красокъ, и нѣкоторое удорожаніе изданія несомнѣнно окупилось бы этою полнотою.

Но и въ данномъ видѣ и составѣ полнота и обстоятельность воспроизведенія памятника таковы, что, какъ вы изволили видѣть, онѣ даютъ возможность по самому атласу дѣлать мелкія исправленія чертежей. Нечего и говорить о той пропасти, которая отдѣляетъ разсматриваемое изданіе Дворцовой церкви отъ стараго воспроизведенія ея въ изданіи Броссе, который не могъ даже опредѣлить церковнаго назначенія зданія (p. 32)[1], а на капителяхъ двухъ пилястръ южной стѣны находилъ, основываясь на рисункѣ Кестнера (pl. XIV), «de têtes des diables, à longues oreilles» (p. 32) тамъ, гдѣ не только въ оригиналѣ, но и въ изданіи Анійскаго музея ясно различаются (см. табл. VII, 2; XIV, 1; XVIII, 10, 12; XX, 15) головы быка, льва, человѣка и повторенная дважды фигура орла, т. е., быть можетъ, символы четырехъ евангелистовъ!

Изданіе же, нынѣ появившееся и являющееся первымъ въ предпринятой серіи публикацій Памятниковъ Армянскаго Искусства, можетъ считаться, несмотря на наши мелкія замѣчанія и пожеланія, по истинѣ образцовымъ для изданій подобнаго рода, стремящихся сохранить потомству хотя бы на бумагѣ памятникъ, сохранить который въ натурѣ мы не имѣемъ ни силъ ни надежды.

Краткое предисловіе Н. Я. Марра (стр. 9—11) къ разсмотрѣнному атласу, повторяемое, какъ и «содержаніе» (стр. 3, 5 и 7), въ переводахъ армянскомъ Н. Г. Адонца и французскомъ г. М. Ляронда[2], является до нѣко-

---

[1] I. A. Орбели (Новый Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона, т. III, ст. 665) считаетъ Дворцовую церковь «передѣланной изъ свѣтскаго зданія», но доказательствъ этого не приводитъ; не находимъ ихъ, какъ и самаго утвержденія этого, и въ его Краткомъ Путеводителѣ по городищу Ани (Анійская Серія, № 4, 1910, стр. 14—16); это же, едва ли правильное, предположеніе Н. Я. Марромъ упоминается, какъ его собственное (см. Христіанскій Востокъ, т. III, вып. 1, 1914, стр. 58).

[2] Заглавный листъ и надписи на таблицахъ набраны только по-русски; принятой такимъ образомъ системы господства русскаго языка не нарушила бы прибавка армянской

торой степени временною замѣною ожидаемаго особаго «Описанія Дворцовой церкви въ Ани». При всей краткости ($2\frac{1}{2}$ столбца) предисловіе весьма содержательно: изъ него узнаемъ мы не только исторію самаго изданія, но и мнѣніе издателя объ исторіи издаваемой церкви.

Изданіе осуществлено на средства армянскихъ церквей Петрограда, «совѣтъ которыхъ систематически поддерживалъ Анійское археологическое дѣло и поистинѣ является его меценатомъ» (стр. 11). Матеріалы для иллюстративной части изданія подготовлялись три года: въ 1912 г. П. Е. Княгиницкимъ, въ 1913 г. О. А. Кяндарянцемъ и въ 1914 г. Н. Г. Буніатовымъ, при помощи Б. В. Данчича (стр. 11). Для полученія же яснаго представленія о памятникѣ въ немъ и около него велись раскопки, начиная съ 1907 года, особенно же въ 1914 году, когда до скалы раскопанъ былъ скатъ холма къ востоку отъ церкви, куда обрушилась ея абсида (стр. 9).

Но до конца раскопки еще не доведены: «очень близко подходятъ къ памятнику съ юга и сѣвера участки, еще не тронутые киркой» (стр. 11), на которыхъ могутъ, слѣдовательно, найтись еще отдѣльныя части церкви и ея пристройки. Къ сожалѣнію, невозвратно, вѣроятно, утраченъ упоминавшійся уже нами рельефъ надъ сѣверною дверью церкви, который извѣстенъ, за исключеніемъ ничтожной части, оставшейся на мѣстѣ, лишь по весьма несовершенному рисунку Кестнера (Brosset. Les ruines d'Ani, pl. XXXVII). Утрата эта тѣмъ печальнѣе, что по рисунку нельзя съ достаточною увѣренностью разобрать ни орнаментальныхъ деталей дерева, растущаго между двумя святыми всадниками, ни фигуры, пронзаемой однимъ изъ нихъ (лѣвымъ: правый поражаетъ змѣю). Первое не позволяетъ увѣренно судить о времени рельефа, второе о значеніи всадниковъ.

Н. Я. Марръ считаетъ ихъ изображеніями тѣхъ двухъ святыхъ воиновъ, во имя которыхъ построена была Дворцовая церковь, и полагаетъ, что «по всей видимости, этими патронами церкви являлись св. Саргисъ (Сергій), пользующійся у армянъ особой славой, и св. Θеодоръ, или, быть можетъ, св. Георгій» (стр. 9).

Послѣдняя возможность кажется намъ однако непріемлемой, такъ такъ несомнѣнныхъ изображеній св. Георгія въ видѣ всадника, поражающаго змія, которыя восходили бы ко временамъ ранѣе XI—XII в., доселѣ

и французской подписей къ исключительно русскимъ подписямъ подъ двумя рисунками въ текстѣ. Во французскомъ переводѣ русское слово «алтарь» передается черезъ «autel», что, какъ извѣстно, обозначаетъ по-французски лишь престолъ, mensa, но не ту часть церкви, гдѣ престолъ находится и которую алтаремъ называемъ лишь мы; слѣдовало бы написать: sanctuaire, presbyterium или bema. О точности армянскаго перевода судить не можемъ.

не извѣстно[1]; на рельефѣ Ахтамарскаго храма (первой трети X в.) именемъ св. Георгія обозначенъ всадникъ, поражающій не змія, а скованнаго человѣка, который на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грузинскихъ изображеніяхъ опредѣляется подписями, какъ «царь мучившій Георгія»[2]. Броссе (Les ruines d'Ani, p. 34) на основаніи именно этого, сообщеннаго ему А. А. Куникомъ, факта поздняго относительно появленія изображеній св. Георгія въ типѣ змѣеборца относилъ рельефъ ко временамъ позднѣе XI вѣка; теперь же, когда Дворцовая церковь и даже ея, предполагаемая Н. Я. Марромъ (стр. 10), капитальная передѣлка относятся ко временамъ ранѣе XI в., приходится отказаться отъ имени св. Георгія для всадника, поражающаго змія.

Предпочтительнѣе поэтому первое предположеніе Н. Я. Марра о св. Ѳеодорѣ, сказанія о змѣеборствѣ котораго, — какъ Ѳеодора Тирона, такъ и Ѳеодора Стратилата, и Ѳеодора Ваѳиріакита[3] безразлично, — хронологически предваряютъ появленіе сказанія «о чудѣ св. Георгія о зміи». Но, если считать одного всадника св. Ѳеодоромъ, то, хотя болѣе или менѣе случайное сопоставленіе его со св. Сергіемъ и будетъ возможно, но все же болѣе естественнымъ представлялось бы видѣть здѣсь двухъ такихъ святыхъ, которые сопоставляются обычно. Имя одного св. Ѳеодора естественно вызываетъ предположеніе, что другой всадникъ представляетъ другого св. Ѳеодора, а имя св. Сергія естественнымъ товарищемъ ему дѣлаетъ св. Вакха.

Для сопоставленія двухъ первыхъ мы имѣемъ свидѣтельства и литературныя и вещественныя[4], но эти святые изображаются обыкновенно бо-

---

[1] См. указанія на обширную литературу о св. Георгіи въ «Древностяхъ» Импер. Московскаго Археологич. Общества, томъ XXV, стр. 144, пр. 1; 146, 147, пр. 1; 155, пр. 1; 168, пр. 1; 170, пр. 2 и 3; 188, пр. 3; 216; пр. 1; 235, пр. 1.

[2] А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и словяно-русской литературѣ. Одесса. 1909, стр. 464; Н. Я. Марръ — Христіанскій Востокъ т. II. 1913, вып. 1, стр. 151.

[3] См. статью W. Hengstenberg'a. Der Drachenkampf des heiligen Theodor (Oriens Christianus. N. S. II. 1912, SS. 78 ff., 241 ff.), и о св. Ѳеодорѣ Ваѳиріакитѣ замѣтку Б. А. Панченко (Byzantinische Zeitschrift, XX, 1900, SS. 200—201).

[4] Дигенисъ Акрита получилъ въ подарокъ отъ тестя δύο εἰκόνας χυμευτὰς [al. μάλαγμα] ἁγίων Θεοδώρων (Sathas et Legrand. Digénis Akritas. 1875, v. 1402; Рыстенко, стр. 414). Чтобы не указывать на позднюю итало-критскую икону въ Ватиканѣ съ изображеніемъ двухъ ѣдущихъ рядомъ и обнявшись святыхъ Ѳеодоровъ (см. табл. XCVIII, рис. 144, въ I томѣ Сборника мелкихъ трудовъ гр. А. С. Уварова. Москва, 1910), обратимся къ древней, византійской иконѣ изъ Синайскаго монастыря, гдѣ изображены стоящіе на молитвѣ въ симметричныхъ позахъ справа и слѣва отъ ихъ щитовъ и копій два пѣшихъ святыхъ Ѳеодора (Иконы Синайской и Аѳонской коллекцій преосв. Порфирія. С.П.Б. 1902, табл. VI; Н. П. Петровъ. Альбомъ достопримѣчательностей Музея Кіевской Духовной Академіи. I. 1912, табл. VIII) или къ Аѳонской иконѣ, гдѣ оба свв. Ѳеодора изображены рядомъ погрудно (Христіанскія Древности и Археологія, изд. Д. Прохоровымъ. II. 1864, кн. 5, табл. 2).

родатыми, тогда как на анійскомъ рельефѣ оба святыхъ были, судя по рисунку Кестнера, безъ бородъ. А таковыми именно и изображены свв. Сергій и Вакхъ на древнѣйшей энкавстической иконѣ съ Синая[1]; хотя на ней мы имѣемъ лишь погрудныя изображенія святыхъ, но вполнѣ возможно предполагать существованіе древнихъ изображеній Сергія и Вакха, по аналогіи съ изображеніями иныхъ святыхъ, и конными; изъ позднѣйшихъ временъ примѣромъ такого изображенія Сергія и Вакха являются росписи сирійской, яковитской, церкви св. Сергія въ Сададѣ, близъ Хомса (Эмесы), гдѣ святые эти изображены скачущими другъ другу на встрѣчу и пронзающими копьями сплетшихся дьявола и змія[2]. Итакъ, если признавать одного изъ всадниковъ на рельефѣ Дворцовой церкви, какъ то дѣлаетъ Н. Я. Марръ, святымъ Сергіемъ, то другого слѣдуетъ назвать скорѣе святымъ Вакхомъ, нежели Ѳеодоромъ или тѣмъ менѣе Георгіемъ; тѣхъ же двухъ святыхъ, Сергія и Вакха, можно предполагать и въ двухъ всадникахъ, попирающихъ человѣка и змія, сопоставленныхъ на извѣстномъ рельефѣ изъ имѣнія Воронова близъ р. Цебельды, въ Абхазіи[3]. Послѣдняя аналогія тѣмъ интереснѣе, что на другомъ рельефѣ того же происхожденія и времени, опредѣляемаго Д. В. Айналовымъ, какъ VII—VIII вѣкъ, въ сценѣ жертвоприношенія Авраама баранъ представленъ такъ же не стоящимъ, какъ обыкновенно, а висящимъ на деревѣ[4], какъ то видимъ и на изображеніи этой же сцены на капители наличника ниши на южномъ фасадѣ Дворцовой церкви (см. табл. VI, 1; XVI, 3; XVI, 4). Абхазскіе рельефы являются такимъ образомъ однимъ изъ критеріевъ въ вопросѣ о времени построенія Дворцовой церкви.

Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію, а исторія эта ясно свидѣтельствуетъ о научномъ безпристрастіи Н. Я. Марра и объ отсутствіи у него

---

[1] Д. В. Айналовъ. Византійскій Временникъ, IX, 1902, стр. 352 сл. табл. III; Н. П. Кондаковъ. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ, 1902. рис. 52; Н. П. Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. СПБ. 1906, табл. 2; Н. П. Петровъ. Альбомъ (и т. д.). табл. III.

[2] Извѣстія Русскаго Археол. Института въ К-полѣ, т. VII. вып. 2—3. Софія. 1902, стр. 134, № 11 и 12, 136, табл. № 19.

[3] Рельефъ этотъ, точнѣе обломки двухъ рельефовъ, изданы были гр. П. С. Уваровой (Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. IV. 1894, табл. VII и VIII) и Дм. Вл. Айналовымъ (Археологич. Извѣстія и Замѣтки. III. 1895, стр. 233—243, табл. III); какъ въ датировкѣ такъ и въ опредѣленіи сюжетовъ на этихъ рельефахъ слѣдуетъ руководиться вторымъ изданіемъ; но репродукціи полнѣе въ первомъ.

[4] Эта особенность объясняется еврейскимъ и сирійскимъ текстомъ библіи и находитъ себѣ аналогію на одномъ саркофагѣ въ Арлѣ (см. Edm. le Blant. Etudes sur les sarcophages chrétiens..... d'Arles. 1878, p. 35, pl. XXI; ср. его же въ Revue Archéologique, N. S., t. XL, 1880, II. p. 130—131, и H. Leclercq, въ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, publié par Cabrol. I, 1907, col. 111); цитируемое тамъ слово Василія Селевкійскаго приписывается теперь Несторію.

столь обычной, человѣческой и особенно академической, слабости упорствовать въ однажды высказанномъ мнѣніи: еще въ 1906 г. онъ издалъ (Изв. Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 18, 1906, стр. 91—92, рис. 11) надпись на южной сторонѣ Дворцовой церкви, говорящую о построеніи этой церкви, но съ недописанною датой; надпись сохранилась довольно плохо и имя вардапета (т. е. ученаго монаха или мастера) строителя Н. Я. Марръ читалъ тогда Авраамъ. Позднѣе, въ 1909 г.[1], то, что казалось началомъ недописаннаго слова и что «по роковой случайности» (стр. 10) можно читать, какъ число 71, было признано датою, соотвѣтствующей (551+71=) 622 г. по Р. Х. Дворцовая церковь, въ относительной древности которой помимо ея формъ убѣждало Н. Я. Марра и ея положеніе во дворцѣ Багратидовъ, пристроеннаго къ ней, какъ къ зданію, стоявшему на вышгородѣ еще ранѣе (ц. с. стр. 065), получила такимъ образомъ точную дату, не противорѣчившую ея архаическимъ, въ сравненіи съ прочими Анийскими зданіями, формамъ. Эта дата повторялась и въ Путеводителѣ по Ани І. А. Орбели (1910 г., стр. 16), и въ статьѣ его же объ армянскомъ искусствѣ въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. III, ст. 566), и въ статьяхъ Н. Я. Марра, напримѣръ, въ разсмотрѣнномъ выше отчетѣ за 1912 г. (стр. 4), но теперь въ предисловіи къ изданію этой церкви онъ возвращается къ прежнему своему мнѣнію объ отсутствіи въ надписи точной даты, при чемъ измѣняетъ прежнее чтеніе имени строителя, читаетъ его «Авессаломъ» и понимаетъ подъ постройкою церкви капитальную ея перестройку около IX—X вѣка (стр. 10). Основаніемъ для этого явилась найденная при раскопкахъ 1914 г. плита «съ текстомъ того же почти содержанія», какъ и эта надпись, и «сравнительное палеографическое изученіе[2] двухъ почти тождественныхъ списковъ одного документа» (стр. 10).

Такимъ образомъ теперь опредѣлять время начальнаго построенія церкви и ея перестроекъ приходится лишь по даннымъ археологическимъ, для чего разсматриваемое изданіе даетъ достаточно матеріала, — вѣрнѣе давало бы, если бы исторія армянской архитектуры и орнаментики была уже достаточнымъ образомъ разработана. — Подробное разсмотрѣніе этого вопроса мы найдемъ, вѣроятно, въ ожидаемомъ «Описаніи Дворцовой церкви»; теперь же въ предисловіи къ атласу Н. Я. Марръ устанавливаетъ

---

[1] Въ статьѣ: «Новыя археологическія данныя о постройкахъ типа Эреруйской базилики» (Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. XIX. 1909, стр. 064—068) стр. 065.

[2] Обѣ эти надписи съ подробнымъ разборомъ изданы въ 1914 году І. А. Орбели («Шесть армянскихъ надписей VII—X вѣка», Христ. Вост., III, 1, стр. 72—91; см. стр. 81—87 и табл. VI и VII), который еще ранѣе (Христ. Вост. II, 1, 1913, стр. 116, пр. 2), призналъ надпись на южной стѣнѣ Дворцовой церкви позднѣйшею копіей. Н. Я. Марръ о датировкѣ Дворцовой церкви говоритъ и въ Христ. Вост., III, 1, 1914, стр. 58.

связь ея съ древнѣйшими армянскими базиличными церквами, въ частности Эреруйской и Текорской, которыя можно, по его мнѣнію, «датировать V—VI вѣкомъ» (стр. 9), и относитъ ее «въ основѣ... къ эпохѣ... армянскихъ князей Камсараканов», удѣломъ которыхъ Ширакская область была до конца VIII-го вѣка (стр. 9). Этою древнею основою церкви онъ признаетъ всю нижнюю часть ея, съ орнаментаціей нишъ и пилястръ, тогда какъ вся верхняя часть, начиная съ капителей, признается имъ перестройкою «приблизительно въ IX—X вѣкѣ» (стр. 10), указываются и еще нѣкоторыя перестройки (стр. 10); пристройка маленькой двухъ этажной церковки къ сѣверной стѣнѣ церкви относится къ XIII в. (стр. 9). Пока это положеніе о капитальной перестройкѣ церкви, которое впрочемъ называется лишь «вѣроятіемъ», обосновывается (стр. 10) только указаніемъ на разницу матеріала: «верхняя часть... выстроена изъ одного матеріала — красноватаго камня, тогда какъ нижняя выведена цѣликомъ изъ чернаго» (стр. 10). Категоричность этого утвержденія не вполнѣ однако подтверждается просмотромъ фотографическихъ воспроизведеній церкви (табл. XV—XX); такъ, напримѣръ, капитель съ изображеніемъ Авраама и Исаака, несомнѣнно относящаяся къ древнѣйшимъ частямъ церкви, оказывается вырѣзанной не изъ чернаго камня, какъ внутреннія пилястры того же, повидимому, времени, а изъ желтоватаго.

Если вопросъ о капитальной перестройкѣ верхней части церкви въ IX—X вѣкѣ остается пока, до болѣе подробнаго разсмотрѣнія и разбора его въ ожидаемомъ «Описаніи Дворцовой церкви», для насъ нѣсколько сомнительнымъ, то возведеніе несомнѣнно древнихъ частей церкви ко времени не позднѣе VIII-го вѣка никакихъ возраженій возбуждать, повидимому, не можетъ. Если къ той же древнѣйшей основѣ церкви относить, какъ это вполнѣ естественно, и исчезнувшій рельефъ со святыми всадниками, то и формы дерева, представленныя на рисункѣ Кестнера, и аналогія указанныхъ абхазскихъ рельефовъ склоняли бы насъ къ заключенію, что Дворцовая церковь выстроена едва ли ранѣе VIII-го вѣка[1].

Впрочемъ рѣшать вопросы о датировкѣ армянскихъ древнѣйшихъ памятниковъ по однимъ орнаментальнымъ формамъ, пожалуй, еще преждевременно. Лишь тогда, когда значительное число ихъ предстанетъ передъ нами въ такихъ же подробныхъ и тщательныхъ воспроизведеніяхъ, какія для

[1] Минасъ Бжишкіанъ (Brosset. Les ruines d'Ani, p. 94) даетъ 763 годъ по Р. Х., какъ годъ возобновленія и заселенія Ани Ашотомъ Багратидомъ. Но эта дата, съ которой можно было бы связывать и построеніе Дворцовой церкви, — которая окажется тогда не Камсараканoвской, — ненадежна: теперь появленіе въ Ани Багратидовъ относятъ лишь къ концу VIII-го вѣка.

древнѣйшей церкви Ани даетъ предлагаемое нынѣ вниманію вашему изданіе, лишь тогда можно будетъ увѣренно и основательно судить о нихъ, сравнивая ихъ другъ съ другомъ и съ памятниками иныхъ странъ; словомъ, лишь тогда станутъ они, какъ говорится, достояніемъ науки, которая всегда остается болѣе или менѣе кабинетной, а потому и нуждающейся въ такихъ именно изданіяхъ, какъ это, которое въ значительной мѣрѣ можетъ замѣнить не всѣмъ доступное и всегда болѣе или менѣе мимолетное личное знакомство съ самимъ памятникомъ на мѣстѣ.

Разсмотрѣнное изданіе Анійской Дворцовой церкви является безспорно крупнымъ явленіемъ въ дѣлѣ изученія того «Кавказскаго культурнаго міра и [въ частности] Арменіи», блестящій общій очеркъ котораго появился изъ подъ пера Н. Я. Марра въ текущемъ же году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1915, нов. сер., ч. LVII, № 6, іюнь, отд. 2, стр. 280—330).

Эта обширная (54 страницы) статья, явившаяся въ тотъ же опредѣляемый задачами нашего сегодняшняго собранія трехлѣтній срокъ (1912—1915), трактуетъ о многомъ, далеко выходящемъ за узкіе предѣлы собравшей насъ сюда археологіи, а потому мы здѣсь подробно разбирать ее не будемъ; отмѣтимъ лишь, что и въ ней, какъ и въ прочихъ работахъ Н. Я. Марра, явившихся въ теченіе этого же трехлѣтія, много новыхъ и поучительныхъ для себя фактовъ и частностей найдетъ и археологъ и историкъ искусства или культуры.

Но если здѣсь намъ нѣтъ нужды исчислять всѣ эти многочисленныя работы Н. Я. Марра, то съ другой стороны нельзя и оторвать тѣ два труда его, которые мы разобрали, отъ всей его спеціально-археологической дѣятельности на городищѣ древняго Ани, непосредственными результатами которой и явились разсмотрѣнныя работы.

Если мы лишены возможности представить вамъ неявившуюся еще книгу Н. Я. Марра «Книжная исторія Ани и раскопки на мѣстѣ городища», то и теперь мы можемъ приблизительно, и даже довольно точно, судить объ ея содержаніи по тѣмъ многочисленнымъ печатнымъ работамъ и устнымъ докладамъ, которые дѣлалъ онъ о своихъ изслѣдованіяхъ Анійскихъ памятниковъ въ нашемъ Обществѣ и въ иныхъ собраніяхъ.

Считаемъ поэтому умѣстнымъ напомнить вамъ здѣсь вкратцѣ важнѣйшіе результаты, достигнутые Н. Я. Марромъ изученіемъ городища Ани и научною разработкою добытыхъ матеріаловъ.

Въ 1892 году отрыты были развалины маленькой церкви, расписанной фресками византійскаго характера внутри и роскошно украшенной снаружи скульптурною орнаментаціей, преисполненной мотивами современ-

наго искусства исламскаго, — что обычно и въ орнаментаціи другихъ церквей и зданій Ани той же эпохи XII—XIII в., — и лишь съ однимъ, не считая крестовъ, рельефомъ, т. н. Деисусомъ, надъ дверью, христіанскаго содержанія[1].

Въ 1893 г. важнѣйшимъ открытіемъ была находка городской стѣны, построенной въ 964 г. царемъ Ашотомъ Милостивымъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ того мыса, между двумя ущельями, на которомъ стоитъ древній городъ: открытіе этой, давно извѣстной изъ историческихъ свидѣтельствъ, но не замѣчавшейся дотолѣ описателями городища, стѣны сразу разъяснило многіе, казавшіеся неясными дотолѣ, вопросы по топографіи города[2].

Послѣ этихъ, столь удачныхъ, первыхъ научныхъ раскопокъ на городищѣ древняго Ани предъ Н. Я. Марромъ естественно всталъ вопросъ объ охранѣ развалинъ и сохраненіи добываемыхъ раскопками памятниковъ.

Въ 1892 г. удобоперевозимая часть находокъ отправлена была въ Археологическую Коммиссію. Въ 1893 Н. Я. Марромъ возбужденъ былъ вопросъ объ охранѣ развалинъ и о храненіи добываемыхъ раскопками древностей на мѣстѣ: проектировалось учредить въ Эчміадзинѣ музей для выкапываемыхъ въ предѣлахъ исторической Арменіи древностей. Но когда «мысль эта не встрѣтила должнаго сочувствія въ Эчміадзинѣ, быть можетъ, даже не была достаточно понята»[3], то Н. Я. Марръ временно прекратилъ раскопки, вполнѣ сознавая, что раскопки безъ возможности обезпечить сохранность раскопанныхъ памятниковъ только ускорятъ разрушеніе остатковъ города и принесутъ наукѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

Раскопки возобновились только въ 1904 году, когда Бакинское армянское общество пожертвовало сумму для устройства музея на мѣстѣ; для этой цѣли приспособлено было сравнительно хорошо сохранившееся среди развалинъ зданіе мечети Мануче XI вѣка.

Отчетъ Н. Я. Марра о раскопкахъ этого года[4] начинается мартирологомъ разрушеній происшедшихъ и произведенныхъ въ Ани за одиннадцать лѣтъ перерыва археологическихъ работъ на городищѣ.

Въ 1904 г. раскопанъ былъ, помимо отдѣльныхъ развѣдокъ, холмъ

---

[1] См. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1892, стр. 76—80, рис. 42—47; Н. П. Сычевъ: Анійская церковь, раскопанная въ 1892 г. (Христіанскій Востокъ. I. 1912, вып. 2, стр. 212—219, табл. I—V). Рельефъ этотъ изданъ Н. Я. Марромъ въ «Краткомъ каталогѣ Анійскаго Музея» (Анійская серія: № 1). 1906, табл. III, а кресты I. А. Орбели въ упомянутой выше (стр. 385) статьѣ о колоколѣ — рис. 2, 3, 8, 11

[2] См. Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1893, стр. 34—35.

[3] I. А. Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея Древностей. Выпускъ I. 1910 (= Анійская Серія, № 3), стр. V.

[4] Въ Извѣстіяхъ Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 18, 1906, стр. 73—94, съ 12 рис. и 1 (VI-ою) таблицею.

около сѣвернаго конца Ашотовой стѣны, и подъ нимъ открылся «уголокъ бѣднаго квартала», давшій наглядное представленіе о бытѣ «будничнаго повседневнаго Ани» и простыхъ смертныхъ, жившихъ тамъ наряду съ «родовитыми князьями и именитыми горожанами».

Раскопки 1905 и 1906 годовъ сосредоточились преимущественно на огромномъ холмѣ, образовавшемся изъ развалинъ и величественныхъ еще и теперь остатковъ большого круглаго храма, воздвигнутаго въ Ани въ 1001—15 гг. Багратидомъ царемъ Гагикомъ I точно по образцу извѣстнаго храма Бдящихъ Силъ (Звартноцъ), который построенъ былъ близъ Эчміадзина католикосомъ Нерсесомъ Строителемъ въ VII еще вѣкѣ. Оригинальные планы этихъ двухъ круглыхъ храмовъ, равно какъ и другой копіи Эчміадзинскаго храма, въ Банѣ, въ Грузіи, IX в., дали, какъ извѣстно, матеріалъ для весьма существенныхъ для исторіи средневѣковой архитектуры Азіи и Европы разсужденій проф. І. Стржиговскаго и другихъ; сознавая широкій интересъ, представляемый этимъ Анійскимъ храмомъ, около котораго нашлась и статуя его строителя, Н. Я. Марръ не замедлилъ опубликовать результаты раскопокъ 1906 года особою книгою[1].

1907 и 1908 годы посвящены были преимущественно еще болѣе крупнымъ и труднымъ раскопкамъ царскаго дворца Багратидовъ, развалины котораго вѣнчаютъ Анійскій вышгородъ; къ сожалѣнію объ этихъ раскопкахъ изданъ пока только краткій отчетъ въ протоколахъ нашего Общества[2], и общій планъ дворца появился лишь теперь, въ разсмотрѣнномъ выше изданіи Дворцовой церкви (рис. 1); за то многочисленные мелкіе бытовые предметы, найденные при этихъ раскопкахъ, вошли уже въ напечатанные каталоги Анійскаго Музея[3], а монументальная греческая надпись 1059, украшавшая одну изъ стѣнъ дворца, будетъ скоро издана въ «Анійской Серіи» В. Н. Бенешевичемъ (ср. З. В. О. И. Р. А. О., XXI, стр. III).

Здѣсь въ обиталищѣ царей съ особой яркостью и съ особымъ блескомъ выясняется тѣсная культурная связь, — мы бы сказали даже зависимость, — между христіанской Арменіей и мусульманскимъ Востокомъ:

---

[1] Н. Марръ. О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г. Предварительный отчетъ (= Тексты и разысканія по Армяно-Грузинской филологіи, книга X). СПБ. 1907. 8°. IV+64 стр., съ 18 рис. и XVII табл. См. рецензію проф. Д. В. Айналова. Византійскій Временникъ. XIV, 1907, стр. 613—614.

[2] Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общества. Томъ XIX, 1909, стр. XXXVI—XXXVIII.

[3] Н. Марръ. Реестръ предметовъ древности изъ VI-ой (1907 г.) археологической кампаніи въ Ани. СПБ. 1908 (= Анійская Серія № 2), предметы изъ раскопокъ вышгорода перечислены на стр. 1—25, 34—35, et passim; рис. 1—9. І. Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея Древностей. Вып. I (=Анійская Серія № 3). СПБ. 1915, стр. 6—17, 29—31, 39 et passim; рис. 2—11, 22.

остатки рѣзныхъ и росписныхъ деревянныхъ балокъ потолка находятъ себѣ аналогіи въ остаткахъ фатимидскихъ дворцовъ Каира, лѣпныя гипсовыя украшенія стѣнъ тождественны съ найденными въ Діарбекирѣ[1], ничтожные сами по себѣ остатки стѣнописи достаточны однако для того, чтобы источники ихъ искать въ росписяхъ домовъ, выстроенныхъ въ IX в. багдадскими халифами для своей турецкой гвардіи въ Самаррѣ[2], а не въ свѣтской византійской живописи, о которой намъ, по странной ироніи судьбы, единственное доселѣ наглядное представленіе даютъ росписи охотничьяго дворца Дамасскаго халифа, т. н. замокъ Кусейръ Амра (VIII в.).

Въ 1907—8 гг. Н. Я. Марромъ изучена древнѣйшая базилика Ереруя, близъ ж. д. станціи «Ани», но тогда же задуманная монографія о ней (см. ниже, стр. 407, пр. 2) еще не появилась.

Въ 1908 же году раскопаны были развалины каравансарая, одного изъ тѣхъ пристанищъ для разноплеменныхъ торговцевъ и иныхъ странниковъ, которыя облегчали торговыя и культурныя сношенія между отдаленными странами средневѣковаго Востока. Каравансарай этотъ при его небольшихъ размѣрахъ сходенъ однако по типу съ монументальными сооруженіями Сельджукидовъ Рума на большихъ торговыхъ путяхъ Малой Азіи; своимъ порталомъ, украшеннымъ орнаментальными и фигурными рельефами сельджукидскаго характера, онъ выходилъ на большую улицу города.

Эта улица, съ идущимъ подъ нею водопроводомъ, и явилась главнымъ мѣстомъ раскопокъ послѣдующихъ 1909 и 1910 годовъ[3], хотя производились отдѣльныя изслѣдованія и въ другихъ частяхъ городища, напр. у храма Апостоловъ расчищенъ былъ проходъ Карсскихъ воротъ; найдена выше упомянутая (см. стр. 388) грузинская надпись католикоса Епифанія, и хотя Н. Я. Марръ отвлекаемъ былъ отъ Ани большими раскопками, произведенными имъ по порученію Классическаго Отдѣленія нашего Общества въ Гарни, въ развалинахъ храма классическихъ формъ, извѣстнаго подъ именемъ дворца или престола Тиридатова.

Въ слѣдующемъ 1911 году Н. Я. Марръ снова ѣздилъ въ этотъ районъ ради памятниковъ гораздо болѣе древнихъ, каменныхъ «вишаповъ» и стелъ, открытыхъ на Гехамскихъ горахъ, но большая часть лѣта была посвящена X-ой Анійской кампаніи, давшей помимо продолженія большой улицы еще остатки весьма оригинальной, отличной отъ прочихъ, церкви, примыкающей

---

[1] Fr. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst. Teil II. Seldschukische Kleinkunst. 1909. SS. 21—23, Tafel. III—V.

[2] См. Ernst Herzfeld. Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra. Berlin. 1912. SS. 24, Taf. XIII.1, XIV.2.

[3] См. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XXI, стр. II—III и XXII—XXV, и Прибавл. къ 39 вып. Изв. Имп. Археол. Комм., стр. 94—97.

многими деталями къ церквамъ древнѣйшимъ; въ томъ же году фотографировались и изучались при помощи спеціалистовъ по церковнымъ росписямъ Новгорода Н. Л. Окунева и Н. Л. Сычева[1] росписи церкви св. Григорія 1215 г. (см. выше, стр. 386, пр. 2) и жалкіе остатки фресокъ въ нѣкоторыхъ другихъ церквахъ Ани, а равно изслѣдованы развалины одной изъ мечетей.

Отчетъ Н. Я. Марра о раскопкахъ 1912 года, напечатанный въ 1913 г. отдѣльною книгою, разсмотрѣнъ выше[2].

Въ 1913 году работы велись отчасти уже воспитанною за предыдущіе годы «анійскою школой» учениковъ Н. Я. Марра; главною задачею было отысканіе извѣстнаго изъ письменныхъ источниковъ дворца князя АбулҐариба, X вѣка, но среди открытыхъ на соотвѣтственномъ мѣстѣ остатковъ зданій слѣдовъ дворца, вѣроятно совершенно разобраннаго въ позднѣйшую пору жизни города, не оказалось[3]. Въ этомъ же году намѣчены были и работы для слѣдующаго: поиски дворца древне-армянскихъ феодаловъ близь церкви въ сел. Башъ-Шурагелъ.

Раскопки 1914 года тамъ по преимуществу и сосредоточились; велъ ихъ также ученикъ Н. Я. Марра; искомаго дворца не оказалось, но разрытъ былъ рядъ могилъ языческаго еще періода, близъ церкви, построенной царемъ Смбатомъ II, въ X в. Въ самомъ Ани произведены были значительныя раскопки къ востоку отъ Дворцовой церкви, о результатахъ которыхъ мы упоминали уже выше.

Наконецъ даже истекающій 1915 годъ, наименѣе удобный для какихъ либо научныхъ работъ, тяжелый годъ войны, навсегда отнявшій у «анійской школы» одного изъ наиболѣе ревностныхъ и полезныхъ членовъ ея, Николая Николаевича Тихонова[4], и сократившій число рабочихъ до одного эрзерумскаго бѣженца, и этотъ годъ не заставилъ Н. Я. Марра спустить русскій флагъ, который развѣвается надъ развалинами Ани въ теченіе каждой археологической кампаніи: въ музеяхъ попрежнему велись работы надъ разборомъ и упорядоченіемъ добычи прежнихъ лѣтъ; систематически обозрѣвались сотни пещеръ, высѣченныхъ въ стѣнахъ сосѣднихъ съ Ани ущелій; архитекторомъ Н. Г. Буніатовымъ съ помощникомъ обмѣрены были

---

[1] Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., XXI, стр. XLVI—XLVIII; Зап Классич. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VII, стр. 198; Прибавл. къ 44 вып. Извѣстій Импер. Археол. Коммиссіи, стр. 2—3.

[2] См. выше, стр. 381; ср. Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., XXI, стр. LXIX—LXXI.

[3] Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., XXII, стр. XVII—XIX.

[4] См. некрологъ его, напечатанный Н. Я. Марромъ въ Тифлисской газетѣ «Кавказское Слово», № 149, 3 іюля 1915 г.

круглая церковь Григорія Абуѓамренцъ и столь драгоцѣнная для исторіи древне-христіанской архитектуры Передней Азіи базилика Эреруя, чѣмъ и подготовлены матеріалы еще для двухъ выпусковъ «Памятниковъ Армянской Архитектуры».

Таковы вкратцѣ и въ главнѣйшемъ археологическія работы Н. Я. Марра и созданной имъ анійской археологической школы на городищѣ былой столицы Великой Арменіи, единственныя научныя работы, которыя велись тамъ со времени включенія городища въ предѣлы Россійской Имперіи.

Теперь городище это стараніями Н. Я. Марра, переставъ быть «оброчною статьей» государства перешло въ собственность Императорской Археологической Коммиссіи, которая дала средства для двухъ первыхъ археологическихъ кампаній въ Ани и поддерживала археологическія работы тамъ въ первые четыре года по возобновленіи раскопокъ въ 1904 году (Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1910, стр. 442); главную же часть матеріальныхъ расходовъ на изученіе и поддержаніе развалинъ Ани давали армянскія общества и частныя лица и добывалъ самъ Н. Я. Марръ публичными чтеніями, изданіями и т. п.

Помимо тѣхъ двухъ трудовъ его, которые мы разбирали сегодня подробно, памятники Ани и его области разрабатывались имъ и его сотрудниками въ рядѣ работъ, разбирать которыя не входитъ въ нашу сегодняшнюю задачу и которыя многимъ изъ васъ хорошо извѣстны; часть ихъ (шесть книжекъ) образуютъ даже особую «Анійскую Серію»; въ числѣ ихъ имѣется и «Краткій путеводитель по городищу Ани», составленный І. А. Орбели, и три каталога хранимыхъ въ музеяхъ Ани разнообразныхъ древностей, составленные отчасти Н. Я. Марромъ, отчасти І. А. Орбели.

Знакомство съ музеями этими необходимо въ настоящее время для всякаго, кто хочетъ научно изучать древности средневѣковаго Востока.

Музей, устроенный въ 1904 въ мечети Мануче, содержитъ въ себѣ разнородныя вещи, начиная съ находокъ въ могилахъ языческаго періода, разрытыхъ близъ деревни Ени-Ани, и кончая монументальнымъ изображеніемъ царя Гагика и модели церкви, которую держалъ въ рукихъ онъ и, надо думать, какая то другая подобная же фигура; прочія же скульптурныя издѣлія изъ камня, орнаментальныя части и надписи хранятся въ другомъ музеѣ, построенномъ въ 1908 году на средства, предоставленныя Совѣтомъ по управленію имуществами Петроградскихъ армянскихъ церквей и двумя частными лицами (П. О. Гукасовымъ и А. И. Манташевымъ)[1].

[1] І. А. Орбели. Каталогъ Анійскаго Музея, I (Анійская Серія. № 3), стр. V.

При музеѣ существуетъ спеціальная библіотека. Для работающаго въ Ани персонала выстроенъ особый домъ со спеціальною фотографическою комнатою. Имѣется обильный запасъ необходимыхъ для веденія раскопокъ инструментовъ и приспособленій. Словомъ, на городищѣ Ани de facto существуетъ уже тотъ Анійскій Археологическій Институтъ, получить юридическую организацію котораго помѣшало лишь начало войны. И дѣйствительно, богатыми и разнообразными результатами анійскихъ раскопокъ поставлены нынѣ на очередь научныя задачи, выходящія, по замѣчанію Н. Я. Марра, «за предѣлы подготовки каждаго отдѣльно взятаго ученаго» и требующія, кромѣ прочнаго обезпеченія продолженія раскопокъ, устройства «спеціальной лабораторіи съ обширнымъ музеемъ на мѣстѣ», т. е. археологическаго института[1]. Мысль Н. Я. Марра не осуществлена еще въ полномъ объемѣ, но и въ настоящее время Ани по средствамъ, назначаемымъ для его изученія, и по мѣрамъ, принимаемымъ для его охраны, занимаетъ совершенно исключительное мѣсто среди памятниковъ средневѣковой культуры Востока, находящихся въ предѣлахъ Россіи, да пожалуй и внѣ ея. Такіе результаты достигнуты были Н. Я. Марромъ только послѣ долгой борьбы съ научными, національными и политическими предразсудками. Недовѣріе къ его работамъ проявлялось нѣкоторое время даже и среди главныхъ жертвователей — представителей армянскаго образованнаго общества, смотрѣвшаго на развалины Ани, какъ на свое національное достояніе[2], и неохотно мирившагося съ болѣе широкой постановкой научныхъ изслѣдованій, при которой изученіе Ани и охрана его памятниковъ становятся правомъ и обязанностью русской и міровой науки. Нуженъ былъ научный энтузіазмъ Н. Я. Марра, его горячая вѣра, если не въ свои личныя силы, то въ свое дѣло, чтобы постепенно устранить всѣ подозрѣнія и сомнѣнія и поставить дѣло изученія Ани на ту высоту, на которой оно стоитъ теперь.

Такимъ образомъ только трудами Н. Я. Марра, его энергіей и организаторскими способностями Россія исполнила тѣ обязанности передъ ученымъ міромъ, которыя принесло съ собой включеніе Анійскаго городища въ наши предѣлы при окончаніи прошлой русско-турецкой войны.

Мало того, результаты трудовъ Н. Я. Марра позволяютъ думать, что, если и текущая война расширитъ предѣлы Россіи въ Передней Азіи,

---

[1] См. З. В. О. И. Р. А. О., XXI, стр. XXV, и, особенно, его же записку «Объ учрежденіи Анійскаго Археологическаго Института» въ Извѣстіяхъ Импер. Академіи Наукъ. 1910, стр. 438—446. Напомнимъ, что наше Общество присоединяло свой голосъ къ ходатайствамъ объ осуществленіи этого проекта.

[2] См. послѣсловіе Н. Я. Марра къ «Реестру предметовъ древности изъ VI (1907 г.) археологической Кампаніи въ Ани» (Анійская Серія, № 2). СПБ. 1908, стр. 56 сл.

то теперь, благодаря существованію анійской школы, мы явимся болѣе подготовленными для археологическаго изученія новыхъ областей, чѣмъ то было четверть вѣка тому назадъ, до начала работъ Н. Я. Марра на Анійскомъ городищѣ.

Результаты этихъ археологическихъ работъ въ Ани, которыя могутъ отнынѣ продолжаться и впредь въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ на мѣстѣ Н. Я. Марромъ, уже совершенно измѣнили и установившiеся въ исторической наукѣ взгляды на прошлое не только Ани, но и всей культурной жизни армянскаго народа.

До работъ Н. Я. Марра наиболѣе авторитетными историческо-археологическими трудами объ Ани являлось изданіе Броссе Les ruines d'Ani съ нѣкоторыми отдѣльными статьями его же, и трудъ мхитариста Алишана (см. выше, стр. 378—379). Не только армянскимъ ученымъ, но и европейцемъ-академикомъ усвоено было то пониманіе армянской исторіи, которое было выработано національными армянскими историками и для критики котораго тогда еще не было данныхъ.

Въ глазахъ армянъ городъ Ани имѣлъ значеніе только, какъ столица армянскихъ Багратидовъ, хотя городъ существовалъ и позднѣе до 1319 года, когда будто бы былъ разрушенъ землетрясеніемъ[1]. Броссе различалъ въ исторіи Ани четыре эпохи: армянскую, греческую, грузинскую и монгольскую, къ которой впослѣдствіи присоединилъ еще пятую, мусульманскую (между греческой и грузинской)[2], но и Броссе эпохой блеска Ани считалъ эпоху Багратидовъ и былъ склоненъ къ этой эпохѣ относить всѣ лучшія зданія Ани. Въ одномъ изъ этихъ зданій, носившемъ у мѣстныхъ турецкихъ крестьянъ сказочное имя чертоговъ Нуширвана, армяне видѣли «Дворецъ Багратидовъ»: противъ такого опредѣленія высказался еще А. Н. Муравьевъ[3], отчасти по тѣмъ же соображеніямъ, какъ впослѣдствіи Н. Я. Марръ и его сотрудники (мѣстоположеніе, особенно близость къ стѣнамъ города). Соглашаясь съ этимъ, Броссе полагалъ, что этотъ «нижній дворецъ», какъ его тогда называли въ наукѣ, есть «дворецъ Пахлавидовъ, могущественныхъ вассаловъ Багратидовъ»[4].

[1] Самый фактъ землетрясенія пока не подтверждается свидѣтельствами современниковъ: землетрясеніе въ Ани такой силы, что имъ былъ разрушенъ городъ, вѣроятно, было бы замѣчено въ нѣкоторыхъ областяхъ Персіи. 1319 годъ принадлежитъ къ эпохѣ, о которой персидскіе лѣтописцы сообщаютъ довольно подробныя свѣдѣнія, но въ разсказахъ о событіяхъ 1319 года нѣтъ ни слова о землетрясеніи.

[2] Объ этихъ двухъ дѣленіяхъ см. [Laurent Brosset.] Bibliographie analytique des ouvrages de M-r M. F. Brosset. St. Pétersbourg, 1887, col. 296 et 317.

[3] Грузія и Арменія, II, стр. 285.

[4] Les ruines d'Ani, p. 47, cf. ibidem, p. 138 о постепенномъ выселеніи жителей послѣ греческаго завоеванія.

Для Н. Я. Марра уже раскопки 1892—93 гг. выяснили, что «паденіе багратидскаго царства и потеря анійскими армянами самостоятельности отнюдь не знаменовали паденія армянскаго искусства въ Ани» (Зап. Вост. Отд. И. Р. А. Общ. XVII, 1906, стр. XXVI), что «въ эпоху политической зависимости, съ половины XI-аго по XIV-ый вѣкъ, Ани не перестаетъ цвѣсти и развиваться, какъ армянскій городъ»[1].

Выяснилась съ другой стороны и исторія возникновенія города въ X вѣкѣ: раскопками обнаружена была первоначальная стѣна города, построенная въ 964 г. царемъ Ашотомъ III и ограждавшая далеко менѣе половины пространства, отмежеваннаго для города при постройкѣ новыхъ стѣнъ слѣдующимъ царемъ Смбатомъ II (977—989 г.); но эти стѣны Багратидской постройки скрыты были позднѣе возведенными на нихъ и предъ ними въ эпоху уже мусульманскаго владычества тѣми величественными стѣнами, которыя представляютъ собою крупнѣйшую изъ анійскихъ развалинъ.

Изслѣдованіями этихъ развалинъ и раскопками городища окончательно было опровергнуто мнѣніе объ Ани, какъ о памятникѣ исключительно эпохи Багратидовъ и національно-армянской культуры. Съ одной стороны изученіе древнѣйшихъ церквей въ Ани (церковь Дворцовая и отрытая въ 1911 году) и въ его окрестностяхъ (Еруйская базилика)[2] обнаружило въ нихъ памятники болѣе ранней эпохи сирійскаго культурнаго вліянія на Арменію V—VI вѣковъ; а съ другой—даже самый блестящій памятникъ эпохи Багратидовъ, громадный круглый храмъ, построенный царемъ Гагикомъ I въ 1001 году, обнаружилъ слѣды мусульманскаго культурнаго вліянія: изваянный въ размѣрахъ болѣе натуральнаго роста царь-строитель носитъ на груди большой крестъ-складень, но на головѣ огромную мусульманскую чалму съ тиразомъ; въ такой же чалмѣ представленъ и братъ его Смбатъ II на барельефѣ въ Һаг̆батскомъ монастырѣ[3].

---

[1] Въ статьѣ Н. Я. Марра: Ани, столица древней Арменіи. Историко-археологическій набросокъ (въ сборникѣ: Братская помощь армянамъ. Изданіе 2-ое. Москва. 1898 г., стр. 196—222, съ 8 рис.), см. стр. 207.

[2] О базиликѣ этой писалъ еще Абихъ, давшій неточный планъ ея; лучше планъ Тораманіана (Ткорскій храмъ, [см. выше, стр. 384, прим. 2] рис. 18). Н. Я. Марръ опредѣлилъ ея значеніе въ докладѣ «Ерерýйская базилика, армянскій храмъ V—VI в.» (З. В. О., XVIII, 1907, стр. XII—XIV) и въ статьѣ: «Новыя археологическія данныя о постройкахъ типа Ерерурской базилики» (ib., XIX, стр. 064—068). См. Изв. Имп. Акад. Наукъ. 1909, стр. 1091.

[3] Подробное изслѣдованіе о чалмѣ далъ Н. Я. Марръ въ книгѣ «О раскопкахъ и работахъ въ Ани лѣтомъ 1906 г.». СПБ. 1907, стр. 21 слл. 19—30; на стр. 19 вмѣсто «съ красною полосою надо лбомъ» слѣдовало бы сказать «съ красными арабскими буквами», т. е. съ тиразомъ, о значеніи котораго не упоминается. Къ изданной (на рис. 16) плетеной, какъ корзина, чалмѣ на армянскомъ царѣ Смбатѣ мы можемъ указать интересную, хотя и позднѣйшую аналогію въ чалмѣ персидскаго шаха Исмаила I Сефевида на портретѣ его у Павла Іовія (Elogia virorum bellica virtute illustrium. 1575, fol., p. 254).

Это вліяніе иноземной культуры должно было проявляться еще сильнѣе послѣ разрушенія Багратидскаго царства, когда городъ Ани, послѣ кратковременнаго господства византійцевъ, вошелъ въ составъ сначала мусульманскаго владѣнія, а потомъ грузинскаго царства. Когда Грузія и Арменія стали частями государства персидскихъ монголовъ, то Ани причислялся къ Грузіи, а не къ Великой Арменіи, центромъ которой былъ городъ Ахлатъ на берегу Ванскаго озера [1]. Но теперь Ани, какъ городъ, переживалъ подъ иноземною властью болѣе блестящую эпоху своего развитія, чѣмъ при Багратидахъ. По замѣчанію Н. Я. Марра (З. В. О. И. А. О., т. XXI, стр. LXX) «въ Ани все росло, развивалось и перестраивалось вплоть до второй половины XIII вѣка», и мнимый дворецъ Багратидовъ, съ его великолѣпнымъ, раздѣланнымъ мусульманскими звѣздчатыми узорами, порталомъ, оказался домомъ какого либо «князя или парона» XII—XIII вѣка [2].

Не вполнѣ выясненымъ остается, насколько развитіе города прервано было разрушеніемъ его въ 1064 г., при взятіи его сельджукскимъ султаномъ Альп-Арсланомъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей Н. Я. Марръ пишетъ, что «послѣ разгрома сельджуками не осталось камня на камнѣ» [3]. Едва ли однако эти слова должны быть понимаемы буквально; установленные путемъ раскопокъ факты едва ли могутъ приводить къ заключенію, что въ Ани во второй половинѣ XI в. были разрушены до основанія всѣ зданія болѣе ранней эпохи, въ томъ числѣ огромный соборъ; изложенная выше исторія Дворцовой церкви явно тому противорѣчитъ. Во всякомъ случаѣ большой торговый и промышленный городъ быстро возродился къ новой жизни, что было связано съ общими условіями историческаго развитія того культурнаго міра, въ которомъ Ани и вся Арменія были только небольшимъ уголкомъ. Одинъ изъ учениковъ Н. Я. Марра, І. А. Орбели, справедливо связываетъ расцвѣтъ Ани съ «общимъ развитіемъ городской жизни въ мусульманскихъ странахъ Передняго Востока» [4].

Но если раскопками вскрыто было это процвѣтаніе Ани въ эпоху его предполагаемаго упадка, что съ другой стороны раскопки же освѣщаютъ и темную эпоху постепеннаго упадка и запустѣнія города; онѣ открываютъ убогія жилища, прилѣпленныя къ Ашотовымъ стѣнамъ или кое какъ сложенныя изъ растащенныхъ камней пышныхъ зданій внутри развалинъ бы-

[1] См. В. В. Бартольдъ. Персидская надпись... (Анійская Серія, № 5), 1911, стр. 23 сл.

[2] І. Орбели. Краткій путеводитель.... (Анійская серія, № 4), стр. 54.

[3] Н. Я. Марръ. Кавказскій культурный міръ и Арменія (Ж. М. Н. Пр. 1915, іюнь, стр. 318), отд. отт., стр. 41.

[4] Орбели. Развалины Ани. СПБ. 1911, стр. 19. (Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Нева» 1911 г., № 3). Армянскій переводъ, принадлежащій еп. Іусику, съ приложеніемъ перевода надписей Епифанія и Абу-Саида, напечатанъ въ эчміадзинскомъ журналѣ «Араратъ», 1911, №№ 4, 5, 6, 7, 8; отд. отт., Эчміадзинъ, 1911.

лыхъ дворцовъ и церквей, онѣ показываютъ, какъ церкви служили позднѣе конюшнями, какъ въ высокой насыпи мусора надъ прежними мощенными камнемъ полами эти послѣдніе обитатели Ани устраивали свои очаги и «тондиры»; но онѣ же не даютъ пока никакихъ основаній предполагать какой либо катастрофическій конецъ города, который утверждался армянской исторической традиціей и поверхностными впечатлѣніями путешественниковъ. Городъ умеръ естественной смертью въ силу какихъ либо сложныхъ обще-историческихъ причинъ и постепенно хирѣя превратился въ жалкое деревенское поселеніе среди величественныхъ развалинъ. Н. Я. Марру и его сотрудникамъ осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, что время существованія послѣдняго армянскаго поселенія на мѣстѣ Ани можетъ быть опредѣлено довольно точно. Въ 1647 г. турецкій путешественникъ Эвлія-Челеби нашелъ подъ цитаделью, т. е. именно близъ Ашотовыхъ стѣнъ, деревню, населенную армянскими крестьянами[1]; а въ 1694 году, когда здѣсь проѣзжалъ Gemelli-Carreri, деревни уже не было и путешественникъ видѣлъ только пастуховъ курдовъ[2].

Для Н. Я. Марра изученіе Ани является только одной изъ научныхъ задачъ, поставленныхъ имъ на очередь, и притомъ далеко не главной. Кругъ научныхъ интересовъ его, очерченный имъ самимъ въ рѣчахъ: «Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія» (ЖМНПр., 1909, іюль), «Кавказъ и памятники духовной культуры» (Изв. И. Ак. Н. 1912, стр. 69 сл.) и «Кавказскій культурный міръ и Арменія» (ЖМНПр., 1915, іюнь), обнимаетъ всю жизнь кавказскаго культурнаго міра и «яфетической», по терминологіи Н. Я. Марра, семьи народовъ, насколько жизнь эта отразилась въ языкѣ, вѣрованіяхъ, бытѣ, письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ, отъ эпохи болѣе ранней, чѣмъ клинообразныя надписи, до нашихъ дней.

Отъ древнѣйшихъ, не укладывающихся въ какія либо доступныя нашему пониманію хронологическія рамки, эпохъ лингвистическаго единства народовъ яфетическихъ съ семитическими, отъ нѣмыхъ, неподдающихся пока никакимъ археологическимъ сопоставленіямъ[3], монолитныхъ рыбъ Ге-

---

[1] Эвлія-Челеби. Константинопольское изданіе, т. II, стр. 330.

[2] Collection de tous les voyages faits autour du monde. II. 1788, p. 94. Теперешняя турецкая деревня Ени-Ани (Новое Ани), упоминаемая путешественниками и въ началѣ XIX вѣка, — причемъ Texier среди ея жителей называетъ и армянъ,—стоитъ внѣ стѣнъ древняго города.

[3] Кромѣ развѣ полуфантастическихъ и разнорѣчивыхъ показаній арабскихъ географовъ о какихъ то талисманахъ въ видѣ изваяній рыбы и быка, находившихся на горѣ у Нехавенда и обезпечивавшихъ неизсякаемость стекавшихъ оттуда въ городъ источниковъ: см. Barbier de Meynard. Dictionnaire géopraphique de la Perse, p. 575; арабскіе тексты: Ибн-ал-Факихъ см. Bibl. Geogr. Arab. V, 259 (рыба и быкъ изъ снѣга, не тающаго ни зимой, ни лѣтомъ); Абу Дулефъ — у Якута IV, 828 (изъ камня). О «вишапахъ» Гехамскихъ горъ самъ

хамскихъ горъ, отъ автохтонной, своеобразной культуры давно утратившихъ природный языкъ свой курдовъ, самое имя которыхъ и для азіатскихъ сожителей и для европейскихъ изслѣдователей представляется отрицаніемъ всякой культуры, научная нива, на которой болѣе четверти вѣка трудится Н. Я. Марръ, простирается до современныхъ намъ этнографическихъ и лингвистическихъ загадокъ, которыя представляютъ собою различныя мелкія народности, загнанныя исторіей въ тѣснины Кавказа, и до сохраняющихъ на мѣстѣ свой жизненный интересъ и подчасъ остроту историческихъ вопросовъ о взаимоотношеніи православныхъ церквей Иверской и Россійской.

Созданная Н. Я. Марромъ «яфетическая теорія» станетъ, вѣроятно, современемъ незыблемымъ «яфетидскимъ элементомъ» при будущихъ построеніяхъ исторіи и лингвистики Передней Азіи и Месопотаміи и заполнитъ собою ту пустоту, которая уже чувствовалась многими.

Приведемъ одинъ лишь мелкій примѣръ изъ области археологіи, какъ ближайшимъ образомъ насъ сегодня и здѣсь касающейся. Покойный В. В. Стасовъ одновременно съ Броссе и Лонперье писалъ въ изданіяхъ нашей Академіи[1], лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, объ одной бронзовой фигуркѣ птицы съ человѣческой головой и руками, найденной въ Ванѣ. Подобнаго рода фигурокъ, служившихъ ручками бронзовымъ котламъ архаическаго періода, извѣстно теперь много и изъ раскопокъ въ древнѣйшихъ греческихъ святилищахъ и изъ гробницъ Этруріи и изъ Арменіи; о нихъ создалась на Западѣ нѣкоторая литература съ довольно противорѣчивыми, конечно, мнѣніями: одни считали фигурки эти египетскими, другіе ассирійскими или вавилонскими, третьи финикійскими; покойный Ад. Фуртвенглеръ нѣсколько разъ мимоходомъ говорилъ о нихъ, отлагая спеціальное изслѣдованіе до будущаго, каковымъ оказалась, увы, его смерть; послѣднимъ его опредѣленіемъ этимъ фигуркамъ было «экспортъ изъ Синопа», за чѣмъ скрывалось, очевидно, признаніе Ванскаго ихъ происхожденія. Во всей этой литературѣ находимъ мы ссылки на краткую и довольно безсодержательную замѣтку о нихъ Броссе, и рѣдко кто упоминаетъ объ обстоятельной, напечатанной тамъ же и по французски же, статьѣ

Н. Я. Марръ печатно упоминаетъ пока лишь кратко: Изв. А. Наукъ, 1912, стр. 77, и Ж. М. Н. Пр. 1915, іюнь, стр. 283.

Это неожиданное открытіе произвело, однако, и въ армянскомъ обществѣ такое впечатлѣніе, что одинъ изъ современныхъ армянскихъ писателей, Атрпетъ, выпустилъ въ 1911 году въ Александрополѣ иллюстрированную (но по фантазіи, а не по памятникамъ) «легенду» Вишапамайръ (т. е. Мать вишаповъ).

[1] Bulletin de l'Académie, t. XVI, 1871, col. 526—548; Melanges Asiatiques, VI, 1873, pp. 493—523. Замѣтка Броссе ib., col. 461—464, pp. 488—490, съ 1 рис. и 2 табл.

В. В. Стасова. А въ этой прекрасной для своего времени работѣ В. В. Стасовъ пришелъ къ категорическому заключенію, что разсматриваемая имъ фигурка переднеазіатскаго происхожденія не принадлежитъ къ произведеніямъ ни семитическаго, ни арійскаго искусства; онъ замѣчалъ въ ней «третій элементъ, чуждый и семитическому и арійскому», но не могъ тогда «опредѣлить, какой національности элементъ этотъ принадлежитъ»; въ наукѣ того времени не существовало нужнаго ему слова, и слово это: *«яфетическій»* произнесено въ наши дни Н. Я. Марромъ.

Его работы, посвященныя языку, письменности и древнѣйшимъ вещественнымъ памятникамъ «яфетическихъ» народовъ открыли наукѣ несравненно болѣе широкіе горизонты, чѣмъ какіе могло дать изученіе одного небольшаго армянскаго города, носившаго древнѣйшее «яфетическое» имя Ани, но расцвѣтшаго лишь на краткое сравнительно время трехъ-четырехъ столѣтій: X—XIII вѣковъ. Если работы по изученію этого города и занимаютъ лишь второстепенное мѣсто въ широкой научной дѣятельности Н. Я. Марра, то сами по себѣ онѣ таковы, что имъ должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ среди работъ по изученію вещественныхъ памятниковъ прошлаго, находящихся въ Россіи, и въ особенности памятниковъ, относящихся къ средневѣковому Востоку.

Вотъ почему мы и полагаемъ справедливымъ представить Императорскому Русскому Археологическому Обществу, къ награжденію золотою медалью имени гр. А. С. Уварова, труды Николая Яковлевича Марра по научному изслѣдованію Ани, явившіеся въ періодъ 1912—1915 гг. и стоящіе въ столь тѣсной связи съ его предыдущими многолѣтними работами.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

395. В. Ф. Караваевъ. Голодная Степь въ ея прошломъ и настоящемъ. Статистико-экономическій очеркъ (по изслѣдованію 1914 г.). Петроградъ. 1914 [Г. У. З. и З. Отдѣлъ Земельныхъ Улучшеній. Матеріалы и изслѣдованія къ проекту орошенія Голодной и Дальверзинской степей]. IV, 253, 70, LVI, VI стр. 8⁰ maj.

Обслѣдованіе 12-ти русскихъ селеній въ степяхъ Голодной и Дальверзинской (въ послѣдней находится только одинъ посслокъ, Срѣтенскій), результаты котораго изложены въ настоящей книгѣ, было предпринято въ связи съ грандіознымъ оросительнымъ проектомъ, принадлежащимъ инженеру Г. К. Ризенкампфу; предполагается оросить до 500000 десятинъ въ Голодной степи и до 55000 въ Дальверзинской (стр. 86). Статистикъ-экономистъ В. Ф. Караваевъ, подъ руководствомъ котораго было произведено обслѣдованіе, включилъ въ свою книгу также подробныя свѣдѣнія о прежней жизни поселковъ, о прежнихъ оросительныхъ проектахъ и ихъ выполненіи, о физико-географическихъ и климатическихъ условіяхъ въ Голодной Степи; въ началѣ книги разсматривается вопросъ о сохранившихся въ степи слѣдахъ древнихъ каналовъ и селеній. Помимо своего спеціальнаго назначенія, книга, такимъ образомъ, заслуживаетъ вниманія всѣхъ, кто интересуется жизнью русскаго Туркестана въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ, особенно успѣхами русской культуры въ этомъ краѣ.

Голодная Степь издавна принадлежала къ числу районовъ, намѣченныхъ для оросительныхъ работъ и для русской колонизаціи. Долгое время на этихъ проектахъ, какъ и на многихъ другихъ, отражалось преувеличенное представленіе о процвѣтаніи Туркестана въ отдаленныя времена; отмѣчались слѣды большихъ каналовъ, будто бы орошавшихъ нѣкогда степь, и принимались на вѣру фантастическіе разсказы туземцевъ о протяженіи этихъ каналовъ и размѣрахъ орошавшейся ими площади[1]. Изданіями Отдѣла

[1] ЗВО XXII, 207. В. Бартольдъ, «Къ исторіи орошенія Туркестана», стр. 137 и ссылка на этотъ трудъ у В. Ф. Караваева, стр. 11.

Земельныхъ Улучшеній вопросъ постепенно былъ поставленъ на болѣе научную почву; въ книгѣ В. Ф. Караваева устанавливается фактъ, что обнаруженные въ степи «довольно значительные логи» не могутъ быть принимаемы «за остатки искусственныхъ арыковъ», что разсказы туземцевъ «являются въ высшей степени смутными и даже географически невѣрными» (стр. 15). Тѣмъ не менѣе мы и въ книгѣ В. Ф. Караваева еще не находимъ вполнѣ научнаго отношенія къ этому вопросу, одинаково важному для науки и для жизни. По мнѣнію В. Ф. Караваева, уже баронъ Аминовъ, производившій изысканія въ 1869 и 1870 гг., «окончательно установилъ» фактъ существованія не только въ сѣверо-восточной, но и въ средней части Голодной Степи остатковъ «заброшенныхъ ирригаціонныхъ системъ и древнихъ осѣдлостей» (стр. 11); въ средней части степи, по словамъ самого В. Ф. Караваева, теперь никакихъ слѣдовъ старыхъ поселеній нѣтъ (стр. 18); тѣмъ болѣе слѣдовало бы привести свѣдѣнія о такихъ слѣдахъ, существовавшихъ въ 1870 г., не ограничиваясь ссылкой на трудно доступную въ настоящее время газетную статью (Турк. Вѣд. 1873 г., № 27). Въ сѣверо-восточной части степи упоминается урочище Урумбай, на древнемъ каналѣ того же имени (каналъ называется также Урумбай-Мирза), носящемъ въ верхней части своего теченія названіе «Огузъ»; это урочище причисляется къ «пунктамъ по Сыръ-дарьѣ», гдѣ встрѣчаются «развалины прежнихъ поселеній»; но никакого описанія развалинъ мы въ книгѣ не находимъ. По довольно правдоподобному предположенію автора, тѣмъ же древнимъ арыкомъ орошалось упоминаемое въ X в. христіанское селеніе Винкердъ (стр. 10, прим.); географически возможно, что это селеніе находилось на мѣстѣ урочища Урумбай; тѣмъ болѣе было бы важно точно знать, какіе признаки стараго поселенія сохранились въ этомъ урочищѣ. Исходя изъ названія «Огузъ», авторъ относитъ происхожденіе арыка къ средневѣковымъ огузамъ (стр. 14 слѣд.); мы не знаемъ, однако, какъ объясняютъ это названіе сами туземцы, когда оно могло возникнуть и не было ли оно дано уже сухому руслу, по имени какого нибудь отдѣльнаго кочевого рода или на основаніи мѣстнаго преданія[1]. Голова арыка помѣщается въ урочищѣ Шалъ-Тугай, въ 50 в. выше Чиназа (стр. 13); изъ дальнѣйшаго, однако, видно, что это — голова предполагаемая, такъ какъ она безслѣдно уничтожена разливомъ рѣки, по мнѣнію инженера А. Курсиша (основан-

[1] Правдоподобнѣе всего, что мы имѣемъ здѣсь слово اوكوز «рѣка, протокъ» (въ словарѣ В. В. Радлова I, 1811 ӱгӱс), которое на русскихъ картахъ обыкновенно пишется «Огузъ». Ср. каналъ Огузъ въ дельтѣ Аму-Дарьи, В. В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 101, по 10-ти верстной картѣ низовьевъ Аму-дарьи; въ хивинской исторіи (рук. Аз. муз. 590 ob, л. 576a) здѣсь اوكوز.

ному, вѣроятно, на разсказахъ туземцевъ) «болѣе ста лѣтъ тому назадъ» (стр. 15); гдѣ начинаются сохранившіеся еще теперь слѣды арыка, не сказано. Столь же неясно, гдѣ кончаются эти слѣды; приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о теченіи арыка ниже урочища Урумбай, но къ этимъ свѣдѣніямъ самъ авторъ прибавляетъ въ скобкахъ: «что, впрочемъ, едва ли вѣроятно» (стр. 13); какими болѣе точно установленными данными это «невѣроятное» должно быть замѣнено, остается неизвѣстнымъ. Еще менѣе удовлетворяетъ читателя отношеніе автора къ литературнымъ источникамъ; изъ старыхъ газетныхъ статей приводятся ссылки на «хронику Тамерлана, экземпляры которой находятся въ Бухарѣ» (стр. 16), при чемъ не говорится ни слова о недопустимости такихъ ссылокъ[1].

Даже вопросы, касающіеся событій эпохи русскаго владычества, не всегда разрѣшаются на основаніи точныхъ извѣстій письменныхъ источниковъ, хотя, казалось бы, въ этихъ случаяхъ необходимость обратиться къ такимъ источникамъ не могла бы подлежать сомнѣнію. Изъ письма Кауфмана въ Берлинское Географическое Общество, напечатаннаго сначала въ «Nordische Presse», потомъ (въ переводѣ) въ Туркест. Вѣд. (1873 г., № 33), приводятся слова Кауфмана о водѣ, проведенной имъ въ степь для облегченія туркестанскому отряду перехода черезъ пустыню (на пути въ Хиву) въ мартѣ 1873 г. (стр. 6 сл.); высказывается предположеніе, что рѣчь идетъ о продолженіи такъ называемаго Мурзарабатскаго канала (стр. 12), при чемъ авторъ совершенно не обращается къ русскимъ историческимъ извѣстіямъ о походѣ 1873 года. По словамъ М. А. Терентьева[2], вода была проведена изъ рѣчки Джиланъ-Уты (т. е. изъ Санзара) до станціи Агачлы, т. е. только черезъ южную часть степи; если это извѣстіе вѣрно, то имъ безусловно опровергаются предположенія В. Ф. Каравaева.

По поводу мѣры Кауфмана авторъ могъ бы вспомнить, что въ Туркестанѣ и въ прежнее время были случаи проведенія каналовъ исключительно съ временными военными цѣлями[3]; съ этимъ было бы необходимо считаться при объясненіи слѣдовъ старыхъ каналовъ, когда вблизи нѣтъ

---

[1] Отмѣтимъ еще нѣкоторыя ошибки противъ исторіи на страницѣ 9. Самаркандъ и Бухара скоро оправились послѣ монгольскаго нашествія и періода, когда значеніе этихъ городовъ перешло бы къ Ташкенту, въ средніе вѣка не было. Тимуръ воцарился не въ 1369, а въ 1370 г., умеръ не 17 октября, а 18 февраля 1405 г. (ср. ЗВО XXIII, 20). «Самостоятельное государство» въ Кокандѣ возникло не въ XVI, а въ XVIII вѣкѣ. Наконецъ приходится сказать еще разъ (ср. ЗВО XXII, 339), что надписи въ Джизакскомъ ущеліи сдѣланы не на «тюрко-татарскомъ» языкѣ (фотографіи къ стр. 12), а на персидскомъ.

[2] Исторія завоеванія Средней Азіи, II, 169.

[3] Ср. разсказъ о дѣйствіяхъ Надиръ-шаха въ 1740 г. (В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 68).

слѣдовъ старыхъ поселеній. Наконецъ, рядомъ съ успѣшными оросительными работами всегда были и неудачныя, не имѣвшія никакого вліянія на расширеніе площади орошенія, но, несомнѣнно, надолго оставлявшія слѣдъ на поверхности степи.

При русскомъ владычествѣ удачнымъ попыткамъ оросить часть Голодной Степи предшествовалъ рядъ неудачъ, подробно и правдиво описанныхъ въ книгѣ В. Ф. Караваева (стр. 26 сл.), хотя имъ подсчитываются только непосредственные убытки казны; еще большій убытокъ терпѣло населеніе, которому неудачный проектъ Кауфмановскаго канала обошелся, по разсчету Е. Е. Скорнякова, въ милліонъ рабочихъ дней[1]. Населеніе испытывало отъ этихъ работъ тѣ же тяготы, какъ въ ханскія времена (трудъ надъ сооруженіемъ каналовъ оставался, какъ при ханахъ, принудительнымъ и безплатнымъ), и въ то же время не видѣло отъ нихъ той пользы, какъ населеніе Ферганы отъ грандіозныхъ каналовъ, проведенныхъ кокандскими ханами. Едва ли, поэтому, оросительныя работы 70-хъ и 80-хъ годовъ могли поднять престижъ русской власти. Автору впечатлѣніе, произведенное этими работами на туземцевъ, представляется въ иномъ свѣтѣ; по его мнѣнію, легенда о Хосроѣ, Ширинѣ и Фархадѣ, пріуроченная къ скаламъ на лѣвой сторонѣ Сыръ-дарьи, возникла только подъ вліяніемъ работъ великаго князя Николая Константиновича (стр. 31 сл.). Въ дѣйствительности не только происхожденіе популярнаго въ средневѣковой Персіи литературнаго сюжета[2], но и пріуроченіе его къ берегамъ Сыръ-дарьи (первоначально мѣстомъ работъ Фархада была гора Бисутунъ въ западной Персіи) относится къ временамъ до русскаго завоеванія; легенда приблизительно въ томъ же видѣ, какъ ее слышалъ В. Ф. Караваевъ, разсказана уже въ статьѣ А. А. Кушакевича, напечатанной въ 1871 г.[3], задолго до начала работъ великаго князя.

Постепенно измѣнялись условія труда и улучшалась техника; 1 сентября 1895 г. впервые подалъ воду вглубь Голодной Степи проведенный великимъ княземъ каналъ Императора Николая I (стр. 33), хотя только въ 1913 г., съ открытіемъ Романовскаго канала, было осуществлено «первое крупное дѣло русскаго государственнаго строительства въ области орошенія въ Средней Азіи» (стр. 66). Часть новаго канала прошла по руслу стараго арыка Огузъ (стр. 69).

Расширеніемъ площади орошенія воспользовалось и туземное населеніе, хотя только въ слабой степени, такъ какъ вновь орошаемая земля

[1] Азіатская Россія, II, 247.
[2] Ср., напр., E. G. Browne, A literary history of Persia, II, 404 сл.
[3] Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., IV, 188 сл.

предназначается исключительно для русскихъ переселенцевъ. Въ эпоху русскаго завоеванія было только небольшое число селеній (въ 1914 г. всего 1286 душъ) въ юго-восточной части степи, куда могла быть проведена вода изъ рѣчки Аксу; впослѣдствіи возникло еще нѣсколько поселковъ близъ Сыръ-дарьи, въ «тугайной» части берега, при чемъ на 216 хозяйствъ (2207 душъ) приходится 177 кочевыхъ [1]; послѣ проведенія Романовскаго канала въ пользу этого населенія было отведено воды на 879 десятинъ (стр. 91). Кромѣ того въ связи съ оросительными работами и съ проведеніемъ желѣзной дороги возникло нѣсколько поселковъ городского типа, необходимость которыхъ признается и въ будущемъ, такъ какъ сельское хозяйство въ Голодной Степи должно быть разсчитано «не на удовлетвореніе всѣхъ собственныхъ потребностей натуральнымъ путемъ, а въ значительной мѣрѣ на рынокъ» (стр. 252) [2]. Въ настоящее время такихъ поселковъ два, изъ которыхъ болѣе старый, Княжескій, близъ станціи Голодная Степь, населенъ главнымъ образомъ туземцами, въ рукахъ которыхъ находится и торговля (стр. 118 сл.); при устройствѣ съ 1913 г. новаго поселка Самсонова, близъ станціи Сыръ-дарьинской, земля отводилась только русскимъ и православнымъ, послѣ изданія закона 21 іюня 1914 г. также другимъ русскимъ подданнымъ христіанскихъ исповѣданій (стр. 113).

Подробно разсказывается поучительная исторія образованія русскихъ поселковъ, изъ которыхъ первый, Запорожскій, былъ основанъ еще въ 1885 г. великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, взявшимъ для этой цѣли у туземцевъ около 70 десятинъ; «владѣльцы земли были вознаграждены частью деньгами, частью обѣщаніемъ отпускать въ будущемъ воды по разсчету на 5 мельницъ» (стр. 92). Извѣстно, что вода по прорытому тогда каналу не пошла. «Періодъ прежняго, недостаточно организованнаго заселенія Голодной Степи» закончился только съ устройствомъ въ 1913 г. Велико-Алексѣевскаго поселка, которому, по мнѣнію автора, суждено положить начало новой эпохѣ въ дѣлѣ колонизаціи (стр. 117).

Въ настоящее время въ 12 земледѣльческихъ поселкахъ имѣется 1307

[1] Терминъ «кышлакъ» давно уже утратилъ свое этимологическое значеніе («зимовка») и значитъ въ Туркестанѣ просто «деревня, село»; но выраженіе «лѣтній кышлакъ» употреблено въ книгѣ В. Ф. Караваева (стр. 89) едва ли не впервые. Киргизское кочевое населеніе вообще предполагается поселить «вдоль р. Сыръ-дарьи въ тугайной, богатой для скотоводства полосѣ» (стр. 111).

[2] Главной цѣлью оросительныхъ работъ является развитіе хлопководства; подъ хлопокъ должно пойти не менѣе 150.000 дес. изъ 550.000, что увеличитъ площадь подъ хлопчатникомъ въ Туркестанѣ (въ 1913 г. 429.823 десятинъ) приблизительно на 35% (стр. 253). Въ послѣднемъ по времени поселкѣ, Велико-Алексѣевскомъ, хлопкомъ въ первый же годъ было засѣяно 80% общей площади посѣва (стр. 116).

наличныхъ хозяйствъ, составляющихъ около 7000 душъ (стр. 151); изъ 12 поселковъ четыре вовсе не имѣли орошенныхъ надѣловъ (стр. 180). Количество земли, фактически орошаемой изъ Романовскаго канала, составляетъ 5533 десятины для правой вѣтви канала и 9015,37 для лѣвой (стр. 73 сл.)[1]; остается запасъ свободной орошенной площади, въ размѣрѣ 42.000 десятинъ, который, по словамъ автора, при быстромъ притокѣ поселенцевъ будетъ исчерпанъ довольно скоро (стр. 85). О будущемъ Голодностепскомъ каналѣ говорится только, что голова его будетъ около Запорожскаго поселка, при чемъ будетъ устроена «большая плотина, которая, покрывъ пороги, между прочимъ, можетъ способствовать возникновенію судоходства выше по рѣкѣ» (стр. 94). Предполагается оросить 550.000 десятинъ, т. е. площадь, немногимъ уступающую площади всей орошаемой въ настоящее время земли въ Самаркандской области[2]. Отведеніе такого количества земли для русскихъ поселенцевъ, конечно, измѣнитъ процентное отношеніе русскаго населенія къ туземному, но не въ такой степени, какъ можно было ожидать, такъ какъ для русскаго хозяйства въ Туркестанѣ требуется гораздо больше земли, чѣмъ для туземнаго. На 550.000 десятинъ можно будетъ помѣстить не болѣе 250.000 человѣкъ, тогда какъ сельское населеніе Самаркандской области уже по разсчету 1910 г. превышало эту цифру болѣе чѣмъ втрое[3].

Объ отношеніяхъ между русскими и туземцами говорится немного. Замѣчательно, что авторъ всегда употребляетъ термины «чайрикеръ», «чайрикерство» (стр. 156 и 191) и «чирикъ» (стр. 157, 162 и въ таблицахъ, стр. XXXIII), даже когда идетъ рѣчь объ арендованіи земли русскими у русскихъ.

Въ заключеніе можно только сказать, что интересная и хорошо составленная книга В. Ф. Караваева, наглядно свидѣтельствуя объ успѣхахъ русскаго дѣла въ Туркестанѣ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, столь же наглядно показываетъ, какъ много еще нужно для того, чтобы русская культура заняла въ этомъ краѣ подобающее ей мѣсто. По замѣ-

---

[1] Полевые участки 8 орошаемыхъ поселковъ составляетъ, однако, всего 11.331,3 десятинъ (стр. 187), изъ которыхъ 2.915,5 приходится на Дальверзинскую степь (стр. 189), такъ что изъ Романовскаго канала получали воду всего 8415,8 дес.

[2] По Е. Е. Скорнякову (Азіатская Россія, II, 144) эта площадь равняется всего 480.000 десятинъ, что, однако, едва ли вѣрно. Оффиціальный «Обзоръ Самаркандской области» за 1910 г. (стр. 45) опредѣляетъ площадь орошенной земли въ области въ 700.000 десятинъ. Даже послѣ выполненія проекта часть Голодной Степи еще останется безводной; между прочимъ, вода не дойдетъ до станціи Черняево, важнѣйшаго узловаго пункта Средне-Азіатской желѣзной дороги (стр. 121).

[3] Обзоръ Самаркандской области за 1910 г., прилож. № 1, гдѣ приводится цифра 774.640.

чанію самого автора грандіознаго оросительнаго проекта (стр. III) вопросы, связанные съ его выполненіемъ, не могутъ быть разрѣшены одной техникой; необходимо «опираться на прочный фундаментъ общегосударственнаго строительства и искать корней въ эволюціи совершающейся жизни». Въ краѣ съ культурнымъ инородческимъ населеніемъ культурное «государственное строительство» немыслимо безъ внимательнаго и вдумчиваго отношенія къ мѣстной культурѣ, безъ стремленія изучать памятники этой культуры на основаніи научно установленныхъ данныхъ, не довольствуясь разсказами и произвольными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ. **В. Б.**

396. Н. Я. Никифоровъ. Аносскій сборникъ. Собраніе сказокъ алтайцевъ съ примѣчаніями Г. Н. Потанина [Записки Зап.-Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XXXVII]. Омскъ 1915. 293, XIV стр. 8°.

397. Труды Томскаго Общества Изученія Сибири. Томъ III. Выпускъ I. Подъ редакціей Г. Н. Потанина. Томскъ 1915. V, 143 стр. 8°.

Отмѣченныя сибирскія изданія свидѣтельствуютъ о продолжающейся бодрой и неутомимой дѣятельности Г. Н. Потанина, участіе котораго въ нихъ далеко не ограничивается редактированіемъ и составленіемъ примѣчаній, какъ можно было бы думать по заглавнымъ листамъ. Сказки, собранныя природнымъ алтайцемъ Н. Я. Никифоровымъ, жителемъ селенія Аносъ, могли появиться въ свѣтъ только благодаря Г. Н. Потанину, жившему нѣкоторое время въ томъ же селеніи. Н. Я. Никифоровъ приходилъ къ нему «рано утромъ и оставался до поздняго вечера», передавая на русскомъ языкѣ содержаніе сказокъ, записанныхъ имъ на «татарскомъ» языкѣ; Г. Н. Потанинъ «исправлялъ слогъ». Можно было бы опасаться, что отъ такого способа передачи пострадаетъ точность записей; но эта опасность была, повидимому, совершенно устранена той любовью и тѣмъ вниманіемъ, съ какими Г. Н. Потанинъ выполнялъ свою задачу. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ тщательно отмѣчаются всѣ случаи отступленія перевода отъ подлинника, даже случаи пропуска отдѣльныхъ непонятныхъ для переводчика словъ (напр., стр. 15); тщательно собраны и объяснены подлинныя выраженія текста[1], благодаря чему сборникъ, вѣроятно, дастъ интересный матеріалъ не только для этнографа, но и для лингвиста. Въ заключительныхъ примѣчаніяхъ (стр. 255—293) собрано большое число интересныхъ параллелей; при сопоставленіи этого матеріала Г. Н. Пота-

[1] Отмѣтимъ случайный промахъ на стр. 45, прим. 2, не отмѣченный въ спискѣ опечатокъ: «сол» значитъ «лѣвый», «он» — «правый», а не наоборотъ.

нинъ исходилъ, конечно, изъ своихъ взглядовъ на происхожденіе средне-азіатскихъ сказаній[1], но собранными имъ данными будутъ съ благодарностью пользоваться и тѣ, кто этихъ взглядовъ не раздѣляетъ. Приложены указатели, собственныхъ именъ и предметный (стр. I—XIV).

Въ томѣ «Трудовъ» Г. Н. Потанину принадлежатъ четыре статьи изъ десяти: 1) «Сборы Аполлинаріи Бурдуковой» (рѣчь идетъ о растеніяхъ, собранныхъ въ районѣ, гдѣ до сихъ поръ не были русскіе путешественники; приводятся монгольскія названія нѣкоторыхъ растеній); 2) «Монгольскій Алтай между Булугуномъ и Барлыкомъ» (по разсказамъ В. Д. Оболенскаго, прожившаго въ Монголіи 15 лѣтъ на службѣ у фирмы бійскаго купца Н. И. Асанова); 3) «Изъ альбомовъ художника Г. И. Гуркина» (рисунки, относящіеся къ шаманству); 4) «Этнографическіе сборы А. В. Анохина» (детали шаманскаго культа, собранныя въ Алтаѣ). Изъ другихъ статей двѣ (1) Очеркъ баитскаго хошуна князя Тюмы-Баиръ-Гуна; 2) Отъ Хангельцика до Кошъ-Агача; путевыя замѣтки)[2] принадлежатъ А. В. Бурдукову, прожившему въ сѣверо-западной Монголіи около 20 лѣтъ на службѣ у торговой фирмы Мокина, при чемъ первая статья написана по просьбѣ Г. Н. Потанина «съ цѣлью положить начало серіи подобныхъ писаній и вызвать подражаніе въ другихъ приказчикахъ и торговцахъ Монголіи». На долю Г. Н. Потанина выпало рѣдкое счастіе сохранить до преклонныхъ лѣтъ вѣру въ науку и человѣка, которой проникнуты его призывъ къ живущимъ въ Монголіи приказчикамъ бійскихъ торговыхъ фирмъ — собирать полезныя для науки свѣдѣнія — и призывъ къ ученому обществу — пойти на встрѣчу «стремленіямъ служить наукѣ, зарождающимся въ средѣ самихъ приказчиковъ». По иниціативѣ Г. Н. Потанина обществомъ выработаны программы собиранія свѣдѣній по геологіи, ботаникѣ, зоологіи, этнографіи и хозяйственной жизни.

Изъ другихъ статей тома къ этнографіи относятся статьи В. Хворова (сказки черневыхъ татаръ, записанныя со словъ инородца изъ улуса Артыбашъ на Телецкомъ озерѣ) и Г. К. Токмашева (Телеутскіе матеріалы). Кромѣ того переведена съ англійскаго языка статья гельсингфорскаго ученаго К. Доннера «Самоѣдскій эпосъ», впервые, по замѣчанію Г. Н. Потанина, знакомящая насъ «съ духовнымъ богатствомъ самоѣдскаго племени».

В. Б.

---

[1] Ср. ЗВО XXI, 0150.

[2] Свѣдѣнія относятся къ «району, который до сей поры не былъ пересѣченъ ни однимъ русскимъ путешественникомъ»; статья перепечатана изъ «Сибирской Жизни» за 1912 г., №№ 253, 255 и 260.

398. هادی اطلاسی سیبیر تاریخی برنچی جزء هر کم آکلارلق صاف تاتار تلنده بر اثر در یازلغان ملی تاریخمزدن Казань 1912. 178 стр. 8⁰.

399. هادی اطلاسی قزان خانلغی انچی جلد Казань 1914. 344 стр. 8⁰.

Труды популярнаго татарскаго публициста[1] Гади (Хади) Атласова, посвященные исторіи Сибири и Казани, свидѣтельствуютъ о пробужденіи среди татарскаго народа интереса къ своему прошлому. Авторъ пользовался, конечно, главнымъ образомъ русскими источниками (неоднократно встрѣчаются ссылки на «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона, но большею частью цитуются первоисточники), сопоставляя ихъ съ извѣстіями немногочисленныхъ мусульманскихъ историковъ, писавшихъ о Казани и Сибири, особенно Абулгази. Въ «исторіи Казани» (قزان ٢١-٢٢) приводится отрывокъ изъ какого анонимнаго персидскаго сочиненія جزا جنك, по принадлежащей автору рукописи, написанной около ста лѣтъ тому назадъ; самое сочиненіе, вѣроятно, также относится къ новѣйшему времени и написано по русскимъ источникамъ, какъ показываетъ правописаніе شغالی (русское Шигъ-Алей) вмѣсто شیخ علی. Встрѣчаются промахи, особенно въ «Исторіи Сибири», которыхъ можно было бы избѣгнуть при болѣе внимательномъ отношеніи къ источникамъ. Такъ говорится, что русскіе историки ошибочно относятъ посольство Кучума къ Ивану Грозному къ 1571 г., такъ какъ упоминаемый въ ярлыкѣ Кучума 979 г. х. соотвѣтствуетъ 1572 г. (سیبیر ٨١); изъ таблицъ Вюстенфельда или Терентьева[2] авторъ могъ бы узнать, что 979 г. х. начинался 26 мая 1571 г. По поводу распространенія ислама при Кучумѣ приводится текстъ رسالة о посольствахъ между Кучумомъ и Абдуллой бухарскимъ[3] и не отмѣчается апокрифическій характеръ этого документа, ясный уже изъ того, что въ 980 г. х. (1572—3) въ Ургенчѣ правилъ ханъ Хаджи-Мухаммедъ[4] и не могло быть бухарскаго хакима Ханъ-Сейидъ-Ходжи (سیبیر ٨٧). По вопросу о судьбѣ Кучума послѣ изгнанія изъ Сибири отвергается свидѣтельство русскихъ источниковъ о бѣгствѣ Кучума къ ногайцамъ и отдается предпочтеніе разсказу Абулгази, гдѣ вмѣсто ногайцевъ названы мангыты (سیبیر ١٧٥); въ

---

[1] Въ 1912 г. онъ считался однимъ изъ кандидатовъ на должность муфтія (Міръ Ислама, I, 622).

[2] О мусульманскомъ лѣтосчисленіи. Ташкентъ 1896.

[3] Той же رسالة пользовался и В. В. Радловъ (Aus Sibirien, 2-te Auflage, I, 146).

[4] Ургенчъ былъ завоеванъ бухарцами только въ 1002=1593 г. (Абулгази, изд. Демезона, стр. 263).

дѣйствительности ногайцы русскихъ лѣтописей и мангыты Абулгази — одинъ и тотъ же народъ[1], что давно уже извѣстно русскимъ ученымъ[2].

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ отводится довольно много мѣста этимологическому толкованію географическихъ названій и терминовъ, при чемъ дѣлаются лингвистическія сближенія въ духѣ отмѣченныхъ въ свое время въ журналѣ «Міръ Ислама» теорій османскихъ лингвистовъ[3]. Названіе рѣки «Зай» есть «безъ сомнѣнія» турецкое *сай* или *чай* (قزان ٧); «атаманъ» образовано изъ турецкихъ словъ *ата* (отецъ) и *манъ* или *мен*, что будто бы значитъ «человѣкъ» (سيبير ٩٤م) и т. п.

Несмотря на указанные недостатки, книги Гади Атласова заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ одинъ изъ признаковъ культурныхъ успѣховъ татарскаго народа. Судьба татарскихъ царствъ разсматривается, конечно, съ точки зрѣнія татарскаго патріота, но авторъ отдаетъ полную справедливость качествамъ русскихъ дѣятелей этой эпохи. Характерно замѣчаніе, что какъ среди татарскихъ хановъ не было никого, кто могъ бы сравниться съ царемъ Иваномъ, такъ и среди татарскихъ улемовъ не было «истиннаго главы вѣры» (چن دين باشلغى), подобнаго митрополиту Макарію (قزان ١٣١٤).

В. Б.

---

[1] Ср. у Абулгази въ изд. Демезона, стр. 290, о мангытахъ на Эмбѣ.

[2] Ср. напр. слова Демезона въ примѣчаніи къ переводу Абулгази, стр. 246.

[3] Міръ Ислама I, 488, 639 сл.

Рис. 1. Курганъ «Чингизъ-хана» въ Барлыцкой степи.

Рис. 2. Статуи въ Чакульской степи.

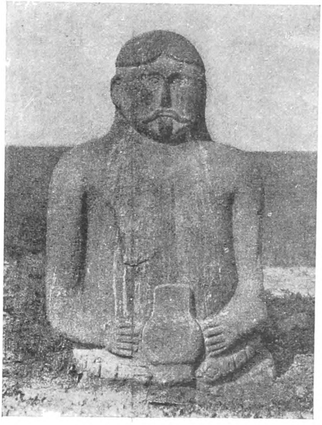

Рис. 1. Статуя «Чингизъ-хана».

Рис. 2. Статуя въ долинѣ Кемчика.

Рис. 3. Статуя на р. Джеданѣ.

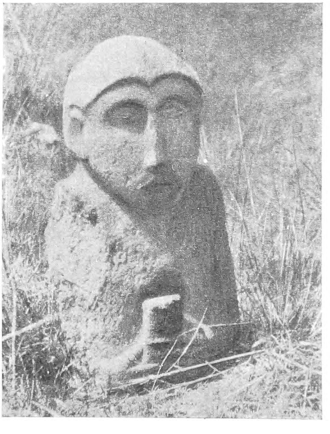

Рис. 4. Статуя у устья Джедана.

Рис. 1. Могила со стоякомъ.

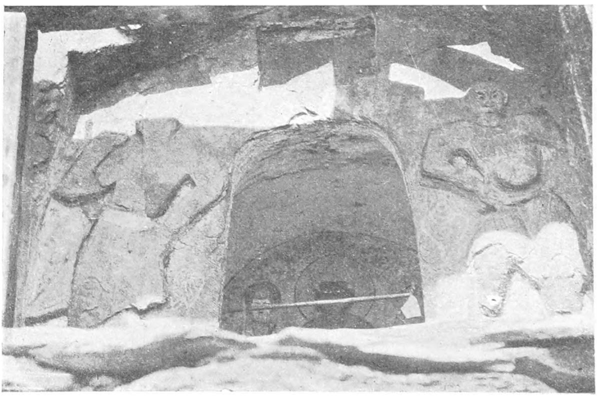

Рис. 2. Ниша Джурмалъ на р. Чакуль (къ стр. 303).

Дервишъ (къ стр. 332—333).

Тāхте равāн. Кеджāвэ (къ стр. 329).